

ДОСТОЕВСКИЙ
БРАТЯ
КАРАМАЗОВЫ

2

Из книги А. О. Островского

Библ. Пушк. Дома

89 $\frac{4}{11_2}$

Инв. № 18962

Paris

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

~~~~~
РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

Ф. М. Достоевскаго.

Томъ II.

Части III и IV. Эпилогъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33.

1881.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

А Л Е Ш А .

І.

Тлетворный духъ .

Тѣло усопшаго іеросхимонаха отца Зосимы приготовили къ погребенію по установленному чину. Умершихъ монаховъ и схимниковъ, какъ извѣстно, не омывають. «Егда кто отъ монаховъ ко Господу отыдетъ (сказано въ Большомъ Требникѣ), то учиненный монахъ (то есть для сего назначенный) отираетъ тѣло его теплою водою, творя прежде губкою (то есть греческою губкой) крестъ на челѣ скончавшагося, на персѣхъ, на рукахъ и на ногахъ и на колѣнахъ, вѣще же ничто-же». Все это и исполнилъ надъ усопшимъ самъ отецъ Паисій. Послѣ отиранія одѣлъ его въ монашеское одѣяніе и обвилъ мантию; для чего, по правилу, нѣсколько разрѣзалъ ее чтобъ обвить крестообразно. На голову надѣлъ ему куколь съ осьмиконечнымъ крестомъ. Куколь оставленъ былъ открытымъ, ликъ же усопшаго закрыли чернымъ воздѣхомъ. Въ руки ему положили икону Спасителя. Въ такомъ видѣ къ утру переложили его во гробъ (уже прежде давно заготовленный). Гробъ же вознамѣрились оставить въ кельи (въ первой большой комнатѣ, въ той са-

мой въ которой покойный старецъ принималъ братію и мірскихъ) на весь день. Такъ какъ усопшій по чину былъ іеросхимонахъ, то надъ нимъ слѣдовало іеромонахамъ же и іеродиаконамъ читать не Псалтирь, а Евангеліе. Началъ чтеніе, сейчасъ послѣ паннихиды, отецъ Іосифъ; отецъ же Паисій, самъ пожелавшій читать потомъ весь день и всю ночь, пока еще былъ очень занятъ и озабоченъ, вмѣстѣ съ отцомъ настоятелемъ скита, ибо вдругъ стало обнаруживаться, и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, и въ монастырской братіи и въ прибывавшихъ изъ монастырскихъ гостинницъ и изъ города толпами мірскихъ нѣчто необычайное, какое-то неслыханное и «неподобающее» даже волненіе и нетерпѣливое ожиданіе. И настоятель и отецъ Паисій прилагали всѣ старанія по возможности успокоить столь суетливо волнующихся. Когда уже достаточно ободняло, то изъ города начали прибывать нѣкоторые даже такіе кои захватили съ собою больныхъ своихъ, особенно дѣтей,—точно ждали для сего нарочно сей минуты, видимо уповая на немедленную силу исцѣленія, какая, по вѣрѣ ихъ, не могла замедлить обнаружиться. И вотъ тутъ только обнаружилось до какой степени всѣ у насъ пріобыкли считать усопшаго старца еще при жизни его за несомнѣннаго и великаго святаго. И между прибывающими были далеко не изъ одного лишь простонародья. Это великое ожиданіе вѣрующихъ, столь поспѣшно и обнаженно выказываемое и даже съ нетерпѣніемъ и чуть не съ требованіемъ, казалось отцу Паисію несомнѣннымъ соблазномъ, и хотя еще и задолго имъ предчувствованнымъ, но на самомъ дѣлѣ превывсившимъ его ожиданія. Встрѣчаясь со взволнованными изъ иноковъ отецъ Паисій сталъ даже выговаривать имъ: «Такое и столь немедленное ожиданіе чего-то великаго», говорилъ онъ, «есть легкомысліе, возможное лишь между свѣтскими, намъ же неподобающее». Но его мало слу-

шали, и отецъ Паисій съ безпокойствомъ замѣчалъ это, не смотря на то что даже и самъ (если ужъ все вспоминать правдиво), хотя и возмущался слишкомъ нетерпѣливыми ожиданіями и находилъ въ нихъ легкомысліе и суету, но потаенно про себя, въ глубинѣ души своей, ждалъ почти того же чего и сіи взволнованные, въ чемъ самъ себѣ не могъ не сознаться. Тѣмъ не менѣе ему особенно непріятны были иныя встрѣчи, возбуждавшія въ немъ, по нѣкоему предчувствію, большія сомнѣнія. Въ тѣснившейся въ кельи усопшаго толпѣ замѣтилъ онъ съ отвращеніемъ душевнымъ (за которое самъ себя тутъ же и попрекнулъ) присутствіе, напримѣръ, Ракитина, или далекаго гостя обдорскаго инока, все еще пребывавшаго въ монастырѣ, и обоихъ ихъ отецъ Паисій вдругъ почему-то счелъ подозрительными, — хотя и не ихъ однихъ можно было замѣтить въ этомъ же смыслѣ. Инокъ обдорскій изъ всѣхъ волновавшихся выдавался наиболѣе суетящимся; замѣтить его можно было всюду, во всѣхъ мѣстахъ: вездѣ онъ разспрашивалъ, вездѣ прислушивался, вездѣ шептался съ какимъ-то особеннымъ таинственнымъ видомъ. Выраженіе же лица имѣлъ самое нетерпѣливое и какъ бы уже раздраженное тѣмъ что ожидаемое столь долго не совершается. А что до Ракитина, то тотъ, какъ оказалось потомъ, очутился столь рано въ скитѣ по особливому порученію госпожи Хохлаковой. Сія добрая, но безхарактерная женщина, которая сама не могла быть допущена въ скитъ, чуть лишь проснулась и узнала о преставившемся, вдругъ прониклась столь стремительнымъ любопытствомъ, что немедленно отрядила вмѣсто себя въ скитъ Ракитина, съ тѣмъ чтобы тотъ все наблюдалъ и немедленно доносилъ ей письменно, примѣрно въ каждые полчаса, о *всемъ что произойдетъ*. Ракитина же считала она за самаго благочестиваго и вѣрующаго молодаго человѣка — до

того онъ умѣлъ со всѣми обойтись и каждому представиться сообразно съ желаніемъ того, если только усматривалъ въ семъ малѣйшую для себя выгоду. День былъ ясный и свѣтлый и изъ прибывшихъ богомольцевъ многіе толпились около скитскихъ могилъ, наиболѣе скученныхъ кругомъ храма, равно какъ и разсыпанныхъ по всему скиту. Обходя скитъ отецъ Паисій вдругъ вспомнулъ объ Алешѣ и о томъ что давно онъ его не видѣлъ, съ самой почти ночи. И только что вспомнилъ о немъ, какъ тотчасъ же и примѣтилъ его въ самомъ отдаленномъ углу скита, у ограды, сидящаго на могильномъ камнѣ одного древле почившаго и знаменитаго по подвигамъ своимъ инока. Онъ сидѣлъ спиной къ скиту, лицомъ къ оградѣ и какъ бы прятался за памятникъ. Подойдя вплотъ отецъ Паисій увидѣлъ что онъ закрывъ обѣими ладонями лицо, хотя и безгласно, но горько плачетъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ своимъ отъ рыданій. Отецъ Паисій постоялъ надъ нимъ нѣсколько.

— Полно, сыне милый, полно другъ, почувствованно произнесъ онъ наконецъ,—чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не знаешь что сей день есть величайшій изъ дней *его*? Гдѣ онъ теперь, въ минуту сію, вспомни-ка лишь о томъ!

Алеша взглянулъ было на него, открывъ свое распухшее отъ слезъ какъ у малаго ребенка лицо, но тотчасъ же, ни слова не вымолвивъ, отвернулся и снова закрылся обѣими ладонями.

— А пожалуй что и такъ, произнесъ отецъ Паисій вдумчиво,—пожалуй и плачь, Христось тебѣ эти слезы послалъ. «Умилительныя слезки твои лишь отдыхъ душевный и къ веселію сердца твоего милаго послужать», прибавилъ онъ уже про себя, отходя отъ Алеши и любовно о немъ думая. Отошелъ онъ, впрочемъ, поскорѣе, ибо почувствовалъ что и самъ пожалуй глядя на него заплачетъ. Время между

тѣмъ шло, монастырскія службы и паннихиды по усопшемъ продолжались въ порядкѣ. Отецъ Паисій снова замѣтилъ отца Іосифа у гроба и снова принялъ отъ него чтеніе Евангелія. Но еще не минуло и трехъ часовъ пополудни, какъ совершилось нѣчто, о чемъ упомянулъ я еще въ концѣ прошлой книги, нѣчто до того никѣмъ у насъ неожиданное и до того въ разрѣзъ всеобщему упованію что, повторяю, подробная и суетная повѣсть о семъ происшествіи даже до сихъ поръ съ чрезвычайною живостію вспоминается въ нашемъ городѣ и по всей нашей окрестности. Тутъ прибавлю еще разъ отъ себя лично: мнѣ почти противно вспоминать объ этомъ суетномъ и соблазнительномъ событіи, въ сущности же самомъ пустомъ и естественномъ, и я конечно выпустилъ бы его въ рассказѣ моемъ вовсе безъ упоминовенія, еслибы не повліяло оно сильнѣйшимъ и извѣстнымъ образомъ на душу и сердце главнаго, *хотя и будущего* героя рассказа моего, Алеши, составивъ въ душѣ его какъ бы переломъ и перевероть, потрясшій, но и укрѣпившій его разумъ уже окончательно, на всю жизнь и къ извѣстной цѣли.

Итакъ къ разсказу: Когда еще до свѣту положили уготованное къ погребенію тѣло старца во гробъ и вынесли его въ первую, бывшую пріемную комнату, то возникъ было между находившимися у гроба вопросъ: надо ли отворить въ комнатѣ окна? Но вопросъ сей, высказанный кѣмъ-то мимоходомъ и мелькомъ, остался безъ отвѣта и почти незамѣченнымъ,—развѣ лишь замѣтили его, да и то про себя, нѣкоторые изъ присутствующихъ лишь въ томъ смыслѣ, что ожиданіе тлѣнія и тлетворнаго духа отъ тѣла такого почившаго есть сущая нелѣпость, достойная даже сожалѣнія (если не усмѣшки), относительно малой вѣры и легкомыслія изрекшаго вопросъ сей. Ибо ждали совершенно противоположнаго. И вотъ, въ скорости послѣ полудня началось нѣчто,

сначала принимаемое входившими и выходившими лишь молча и про себя, и даже съ видимою боязнью каждаго сообщить кому-либо начинающуюся мысль свою, но къ тремъ часамъ пополудни обнаружившееся уже столь ясно и неопровержимо, что извѣстіе о семъ мигомъ облетѣло весь скитъ и всѣхъ богомольцевъ-посѣтителей скита, тотчасъ же проникло и въ монастырь и повергло въ удивленіе всѣхъ монастырскихъ, а наконецъ, чрезъ самый малый срокъ, достигло и города и взволновало въ немъ всѣхъ, и вѣрующихъ и невѣрующихъ. Невѣрующіе возрадовались, а что до вѣрующихъ, то нашлись иные изъ нихъ возрадовавшіеся даже болѣе самихъ невѣрующихъ, ибо «любятъ люди паденіе праведнаго и позоръ его», какъ изрекъ самъ покойный старецъ въ одномъ изъ поученій своихъ. Дѣло въ томъ, что отъ гроба сталъ исходить мало по малу, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе замѣчаемый тлетворный духъ, къ тремъ же часамъ пополудни уже слишкомъ явственно обнаружившійся и все постепенно усиливавшійся. И давно уже не бывало и даже припомнить невозможно было изъ всей прошлой жизни монастыря нашего такого соблазна, грубо разнузданнаго, а въ другомъ какомъ случаѣ такъ даже и невозможнаго, какой обнаружился тотчасъ же вслѣдъ за симъ событіемъ между самими даже иноками. Потомъ уже, и послѣ многихъ даже лѣтъ, иные разумные иноки наши, припоминая весь тотъ день въ подробности, удивлялись и ужасались тому какимъ это образомъ соблазнъ могъ достигнуть тогда такой степени. Ибо и прежде сего случалось, что умирали иноки весьма праведной жизни и праведность коихъ была у всѣхъ на виду, старцы богобоязненные, а между тѣмъ и отъ ихъ смиренныхъ гробовъ исходилъ духъ тлетворный, естественно какъ и у всѣхъ мертвецовъ появившійся, но сіе производило же соблазна и даже малѣйшаго какого либо волненія. Ко-

нечно, были нѣкіе и у насъ изъ древле преставившихся, воспоминаніе о коихъ сохранилось еще живо въ монастырѣ и останки коихъ, по преданію, не обнаружили тлѣнія, что умирительно и таинственно повліяло на братію и сохранилось въ памяти ея какъ нѣчто благолѣпное и чудесное и какъ обѣтованіе въ будущемъ еще бѣдшей славы отъ ихъ гробницъ, если только волею Божіей придетъ тому время. Изъ таковыхъ особенно сохранялась память о дожившемъ до ста пяти лѣтъ старцѣ Іовѣ, знаменитомъ подвижникѣ, великомъ постникѣ и молчальникѣ, преставившемся уже давно, еще въ десятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и могилу котораго съ особымъ и чрезвычайнымъ уваженіемъ показывали всѣмъ впервые прибывающимъ богомольцамъ, таинственно упоминая при семъ о нѣкихъ великихъ надеждахъ. (Это та самая могила на которой отецъ Паисій засталъ утромъ сидящимъ Алешу). Кромѣ сего древле-почившаго старца жива была таковая же память и о преставившемся сравнительно уже недавно великомъ отцѣ іеросхимонахѣ, старцѣ Варсонофій,—томъ самомъ отъ котораго отецъ Зосима и принялъ старчество и котораго, при жизни его, всѣ приходившіе въ монастырь богомольцы считали прямо за юродиваго. О сихъ обоихъ сохранилось въ преданіи что лежали они въ гробахъ своихъ какъ живые и погребены были совсѣмъ нетлѣнными и что даже лики ихъ какъ бы просвѣтлѣли въ гробу. А нѣкіе такъ даже вспоминали настоятельно что отъ тѣлесъ ихъ осязалось явственно благоуханіе. Но не смотря даже и на столь внушительныя воспоминанія сіи, все же трудно было бы объяснить ту прямую причину по которой у гроба старца Зосимы могло произойти столь легкомысленное, нелѣпное и злобное явленіе. Что до меня лично, то полагаю что тутъ одновременно сошлось и много другаго, много разныхъ причинъ заодно повліявшихъ. Изъ таковыхъ, напри-

мѣръ, была даже самая эта закоренѣлая вражда къ старчеству, какъ къ зловредному новшеству, глубоко таившаяся въ монастырѣ въ умахъ еще многихъ иноковъ. А потомъ, конечно, и главное, была зависть къ святости усопшаго, столь сильно установившейся при жизни его что и возражать какъ будто было воспрещено. Ибо хотя покойный старецъ и привлекалъ къ себѣ многихъ, и не столько чудесами сколько любовью, и воздвигъ кругомъ себя какъ бы цѣлый міръ его любящихъ, тѣмъ не менѣе, и даже тѣмъ болѣе, симъ же самымъ породилъ къ себѣ и завистниковъ, а вслѣдъ затѣмъ и ожесточенныхъ враговъ, и явныхъ, и тайныхъ, и не только между монастырскими, но даже и между свѣтскими. Никому-то, на примѣръ, онъ не сдѣлалъ вреда, но вотъ: «Зачѣмъ де его считаютъ столь святымъ?» И одинъ лишь сей вопросъ, повторяясь постепенно, породилъ наконецъ цѣлую бездну самой ненасытимой злобы. Вотъ почему и думаю я что многіе, слышавъ тлетворный духъ отъ тѣла его, да еще въ такой скорости,—ибо не прошло еще и дня со смерти его, — были безмѣрно обрадованы; равно какъ изъ преданныхъ старцу и доселѣ чтившихъ его нашлись тотчасъ же таковыя чтò были симъ событіемъ чуть не оскорблены и обижены лично. Постепенность же дѣла происходила слѣдующимъ образомъ:

Лишь только начало обнаруживаться тлѣніе, то уже по одному виду входившихъ въ келью усопшаго иноковъ можно было заключить зачѣмъ они приходятъ. Войдетъ, постоитъ недолго и выходитъ подтвердить скорѣе вѣсть другимъ, толпою ожидающимъ извнѣ. Иные изъ сихъ ожидавшихъ скорбно покивали главами, но другіе даже и скрывать уже не хотѣли своей радости, явно сіявшей въ озлобленныхъ взорахъ ихъ. И никто-то ихъ не укорялъ болѣе, никто-то добраго гласа не подымалъ, чтò было даже и чудно, ибо преданныхъ

усопшему старцу было въ монастырѣ все же большинство: но ужь видно самъ Господь допустилъ чтобы на сей разъ меньшинство временно одержало верхъ. Въ скорости стали являться въ келью такими же соглядатаями и свѣтскіе, болѣе изъ образованныхъ посѣтителей. Простаго же народу входило мало, хотя и столпилось много его у воротъ скитскихъ. Несомнѣнно то, что именно послѣ трехъ часовъ приливъ посѣтителей свѣтскихъ весьма усилился, и именно вслѣдствіе соблазнительнаго извѣстія. Тѣ кои бы можетъ и не прибыли въ сей день вовсе, и не располагали прибыть, теперь нарочно пріѣхали, между ними нѣкоторыя значительнаго чина особы. Впрочемъ благочиніе наружно еще не нарушалось, и отецъ Паисій твердо и раздѣльно, съ лицомъ строгимъ, продолжалъ читать Евангеліе въ голосъ, какъ бы не замѣчая совершавшагося, хотя давно уже замѣтилъ нѣчто необычайное. Но вотъ и до него стали достигать голоса, сперва весьма тихіе, но постепенно твердѣвшіе и ободрявшіеся. «Знать судъ-то Божій не то что человѣческій!» слышалъ вдругъ отецъ Паисій. Вымолвилъ сіе первѣе всѣхъ одинъ свѣтскій, городской чиновникъ, человѣкъ уже пожилой и сколь извѣстно было о немъ весьма набожный, но вымолвивъ вслухъ повторилъ лишь то что давно промежь себя повторяли иноки другъ другу на ухо. Тѣ давно уже вымолвили сіе безнадежное слово, и хуже всего было то, что съ каждою почти минутой обнаруживалось и возростало при этомъ словѣ нѣкое торжество. Вскорѣ однако и самое даже благочиніе начало нарушаться и вотъ точно всѣ почувствовали себя въ какомъ-то даже правѣ его нарушить. «И почему бы сіе могло случиться», говорили нѣкоторые изъ иноковъ сначала какъ бы и сожалея, — «тѣло имѣлъ не великое, сухое, къ костямъ приросшее, откуда бы тутъ духу быть?» «Значить нарочно хотѣлъ Богъ указать», поспѣшно

прибавляли другіе и мнѣніе ихъ принималось безспорно и тотчасъ же, ибо опять-таки указывали что еслибъ и быть духу естественно, какъ отъ всякаго усопшаго грѣшнаго, то все же изошелъ бы позднѣе, не съ такою столь явною поспѣшностью, по крайности чрезъ сутки бы, а «этотъ естество предупредилъ», стало быть тутъ никто какъ Богъ и нарочитый перстъ Его. Указать хотѣлъ. Сужденіе сіе пора жало неотразимо. Кроткій отецъ іеромонахъ Іосифъ, бібліотекарь, любимецъ покойнаго, сталъ было возражать нѣкоторымъ изъ злословниковъ что «не вездѣ вѣдь это и такъ» и что не догматъ же какой въ православіи сія необходимость нетлѣнія тѣлесъ праведниковъ, а лишь мнѣніе, и что въ самыхъ даже православныхъ странахъ, на Аѳонѣ на примѣръ, духомъ тлетворнымъ не столь смущаются, и не нетлѣніе тѣлесное считается тамъ главнымъ признакомъ прославленія спасенныхъ, а цвѣтъ костей ихъ, когда тѣлеса ихъ полежатъ уже многіе годы въ землѣ и даже истлѣютъ въ ней, «и если обрящутся кости желты какъ воскъ, то вотъ и главнѣйшій знакъ что прославилъ Господь усопшаго праведнаго; если же не желты, а черны обрящутся, то значитъ не удостоилъ такого Господь славы,—вотъ какъ на Аѳонѣ, мѣстѣ великомъ, гдѣ издревле нерушимо и въ свѣтлѣйшей чистотѣ сохраняется православіе», заключилъ отецъ Іосифъ. Но рѣчи смиреннаго отца пронеслись безъ внушенія и даже вызвали отпоръ насмѣшливый: «это все ученость и новшества, нечего и слушать»—порѣшили про себя иноки. «У насъ по старому; мало ли новшествъ теперь выходитъ, всѣмъ и подражать?» прибавляли другіе. «У насъ не менѣе ихняго святыхъ отцовъ было. Они тамъ подъ Туркой сидятъ и все перезабыли. У нихъ и православіе давно замутилось, да и колоколовъ у нихъ нѣтъ», присоединяли самые насмѣшливые. Отецъ Іосифъ отошелъ съ горестію, тѣмъ бо-

лѣе что и самъ-то высказалъ свое мнѣніе не весьма твердо, а какъ бы и самъ ему мало вѣруя. Но со смущеніемъ провидѣлъ что начинается нѣчто очень неблаговидное и что возвышаетъ главу даже самое непослушаніе. Мало по малу, вслѣдъ за отцомъ Іосифомъ, затихли и всѣ голоса разсудительные. И какъ-то такъ сошлось что всѣ любившіе покойнаго старца и съ умиленнымъ послушаніемъ принимавшіе установленіе старчества страшно чего-то вдругъ испугались и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, робко лишь заглядывали одинъ другому въ лицо. Враги же старчества, яко новшества, гордо подняли голову. «Отъ покойнаго старца Варсонофія не только духу не было, но точилось благоуханіе», злорадно напоминали они, «но не старчествомъ заслужилъ, а тѣмъ что и самъ праведенъ былъ». А вслѣдъ за симъ на новопреставившагося старца посыпались уже осужденія и самыя даже обвиненія: «несправедливо училъ; училъ что жизнь есть великая радость, а не смиреніе слезное», говорили одни, изъ наиболѣе безтолковыхъ. «По модному вѣровалъ, огня матеріальнаго во адѣ не признавалъ» — присоединяли другіе еще тѣхъ безтолковѣе. «Къ посту былъ не строгъ, сладости себѣ разрѣшалъ, вареніе вишневое ѣлъ съ чаемъ, очень любилъ, барыни ему присылали. Схимнику ли чай распивать?» слышалось отъ иныхъ завиствующихъ. «Возгордись сидѣлъ, съ жестокостью припоминали самые злорадные, за святаго себя почиталъ, на колѣнки предъ нимъ повергались, яко должное ему принималъ». «Таинствомъ исповѣди злоупотреблялъ», злобнымъ шепотомъ прибавляли самые ярые противники старчества, и это даже изъ самыхъ старѣйшихъ и суровыхъ въ богомольи своемъ иноковъ, истинныхъ постниковъ и молчальниковъ, замолчавшихъ при жизни усопшаго, но вдругъ теперь отверзшихъ уста свои, что было уже ужасно, ибо сильно вліяли словеса ихъ на молодыхъ и еще

не установившихся иноковъ. Весьма выслушивалъ сіе и обдорскій гость монашекъ отъ святаго Сильвестра, глубоко вздыхая и покивая главою: «Нѣтъ, видно отецъ-то Терапонть справедливо вчера судилъ», подумывалъ онъ про себя, а тутъ какъ разъ и показался отецъ Терапонть; какъ бы именно чтобъ усугубить потрясеніе вышелъ.

Упомянулъ уже я прежде что выходилъ онъ изъ своей деревянной келійки на пасѣгѣ рѣдко, даже въ церковь по долгу не являлся и что попускали ему это якобы юродивому, не связывая его правиломъ общимъ для всѣхъ. Но если сказать по всей правдѣ, то попускалось ему все сіе даже и по нѣкоторой необходимости. Ибо столь великаго постника и молчальника, дни и ночи молящагося (даже и засыпалъ на колѣнгахъ стоя), какъ-то даже и зазорно было настоятельно обременять общимъ уставомъ, если онъ самъ не хотѣлъ подчиниться. «Онъ и всѣхъ-то насъ святѣе и исполняетъ труднѣйшее чѣмъ по уставу» — сказали бы тогда иноки, «а что въ церковь не ходитъ, то значить самъ знаетъ, когда ему ходить, у него свой уставъ». Ради сего-то вѣроятнаго ропота и соблазна и оставляли отца Терапонта въ покоѣ. Старца Зосиму, какъ уже и всѣмъ извѣстно было сіе, не любилъ отецъ Терапонть чрезвычайно; и вотъ и къ нему въ его келійку донеслась вдругъ вѣсть о томъ что «судъ-то Божій значить не тотъ, что у человекъ и что естество даже предупредилъ». Надо полагать что изъ первыхъ сбѣгалъ ему передать извѣстіе обдорскій гость, вчера посѣщавшій его и въ ужасѣ отъ него вчера отшедшій. Упомянулъ я тоже что отецъ Паисій, твердо и незыблемо стоявшій и читавшій надъ гробомъ, хотя и не могъ слышать и видѣть что происходило внѣ кельи, но въ сердцѣ своемъ все главное безошибочно предугадалъ, ибо зналъ среду свою насквозь. Смущень же не былъ, а ожидалъ всего что еще

могло произойти безъ страха, пронзающимъ взглядомъ слѣдя за будущимъ исходомъ волненія, уже представлявшимся умственному взору его. Какъ вдругъ необычайный и уже явно нарушавшій благочиніе шумъ въ сѣняхъ поразилъ слухъ его. Дверь отворилась настежь и на порогѣ показался отецъ Терапонтъ. За нимъ, какъ примѣчалось, и даже ясно было видно изъ кельи, столпилось внизу у крылечка много монаховъ, сопровождавшихъ его, а между ними и свѣтскихъ. Сопровождавшіе однако не вошли и на крылечко не поднялись, но остановясь ждали что скажетъ и сдѣлаетъ отецъ Терапонтъ далѣе, ибо предчувствовали они, и даже съ нѣкоторымъ страхомъ, не смотря на все дерзновеніе свое, что пришелъ онъ не даромъ. Остановясь на порогѣ, отецъ Терапонтъ воздѣлъ руки и изъ подъ правой руки его выглянули острые и любопытные глазки обдорскаго гостя, единого не утерпѣвшаго и взбѣжавшаго во слѣдъ отцу Терапонту по лѣсенкѣ изъ за превеликаго своего любопытства. Прочіе же кромѣ него, только что съ шумомъ отворилась настежь дверь, напротивъ потѣснились еще болѣе назадъ отъ внезапнаго страха. Поднявъ руки горѣ отецъ Терапонтъ вдругъ завопилъ:

— Извергая извергну! и тотчасъ же началъ обращаясь во всѣ четыре стороны попеременно, крестить стѣны и всѣ четыре угла кельи рукой. Это дѣйствіе отца Терапонта тотчасъ же поняли сопровождавшіе его; ибо знали что и всегда такъ дѣлалъ куда ни входилъ, и что и не сядетъ и слова не скажетъ прежде чѣмъ не изгонитъ нечистую силу.

— Сатана изыди, сатана изыди! повторялъ онъ съ каждымъ крестомъ. — Извергая извергну! возопилъ онъ опять. Былъ онъ въ своей грубой рясѣ, подпоясанной вервиемъ. Изъ подъ погонной рубахи выглядывала обнаженная грудь его, обросшая сѣдыми волосами. Ноги же совсѣмъ были босы.

Какъ только сталъ онъ махать руками, стали сотрясаться и звенѣть жестокія вериги которыя носилъ онъ подъ рясой. Отецъ Паисій прервалъ чтеніе, выступилъ впередъ и сталъ предъ нимъ въ ожиданіи.

— Почто пришелъ, честный отче? Почто благочиніе нарушаешь? Почто стадо смиренное возмущаешь? проговорилъ онъ наконецъ, строго смотря на него.

— Чесо ради пришелъ еси? Чесо просиши? Како вѣруеши? прокричалъ отецъ Ѳерапонтъ юродствуя, — притегъ здѣшнихъ вашихъ гостей изгонять, чертей поганыхъ. Смотрю много-ль ихъ безъ меня накопили. Вѣникомъ ихъ березовымъ выметать хочу.

— Нечистаго изгоняешь, а можетъ самъ ему же и служишь, безбоязненно продолжалъ отецъ Паисій, — и кто про себя сказать можетъ: «святъ есть»? Не ты ли отче?

— Поганъ есмь, а не святъ. Въ кресла не сяду и не восхощу себѣ аки идолу поклоненія! загремѣлъ отецъ Ѳерапонтъ. — Нынѣ людіе вѣру святую губятъ. Покойникъ, святой-то вашъ, — обернулся онъ къ толпѣ, указывая перстомъ на гробъ, — чертей отвергалъ. Пурганцу отъ чертей давалъ. Вотъ они и развелись у васъ какъ пауки по угламъ. А днесъ и самъ провонялъ. Въ семъ указаніе Господне великое видимъ.

А это и дѣйствительно однажды такъ случилось при жизни отца Зосимы. Единому отъ иноковъ стала сниться, а подъ конецъ и на яву представляться нечистая сила. Когда же онъ, въ величайшемъ страхѣ, открылъ сіе старцу, тотъ посовѣтовалъ ему непрерывную молитву и усиленный постъ. Но когда и это не помогло, посовѣтовалъ, не оставляя поста и молитвы, принять одного лѣкарства. О семъ многіе тогда соблазнялись и говорили межъ собой покивая главами, — пуще же всѣхъ отецъ Ѳерапонтъ, которому тотчасъ же тог-

да поспѣшили передать нѣкоторые хулители о семь «необыкновенномъ» въ такомъ особливомъ случаѣ распоряженіи старца.

— Изыди отче! повелительно произнесъ отецъ Паисій, — не человѣки судятъ, а Богъ. Можетъ здѣсь «указаніе» видимъ такое, коего не въ силахъ понять ни ты, ни я и никто. Изыди отче и стадо не возмущай! повторилъ онъ настойчиво.

— Постовъ не содержалъ по чину схимы своей, потому и указаніе вышло. Сіе ясно есть, а скрывать грѣхъ! не унимался расходившійся во рвеніи своемъ не по разуму изувѣрь. — Канфетою прельщался, барыни ему въ карманахъ привозили, чаемъ сладобился, чреву жертвовалъ, сладостями его наполняя, а умъ помышленіемъ надменнымъ.... Посему и срамъ потерпѣлъ...

— Легкомысленны словеса твои отче! возвысилъ голосъ и отецъ Паисій, — посту и подвижничеству твоему удивляюсь, но легкомысленны словеса твои, якобы изрекъ юноша въ міру, непостоянный и младоумный. Изыди же отче, повелѣваю тебѣ, прогремѣлъ въ заключеніе отецъ Паисій.

— Я-то изыду! проговорилъ отецъ Ѳерапонтъ, какъ бы нѣсколько и смутившись, но не покидая озлобленія своего, — ученые вы! Отъ большаго разума вознеслись надъ моимъ ничтожествомъ. Притекъ я сюда малограмотенъ, а здѣсь чтѣ и зналъ забылъ, самъ Господь Богъ отъ премудрости вашей меня маленькаго защитилъ...

Отецъ Паисій стоялъ надъ нимъ и ждалъ съ твердостью. Отецъ Ѳерапонтъ помолчалъ и вдругъ, пригорюнившись и приложивъ правую ладонь къ щегѣ, произнесъ нараспѣвъ, взирая на гробъ усопшаго старца:

— Надъ нимъ заутра «Помощника и Покровителя» станутъ пѣть—канонъ преславный, а надо мною, когда подохну,

всего-то лишь «Кая житейская сладость» — стихирчикъ малый, *) проговорилъ онъ слезно и сожалительно. — Возгордились и вознеслись, пусто мѣсто сіе! завопилъ онъ вдругъ какъ безумный и, махнувъ рукой, быстро повернулся и быстро сошелъ по ступенькамъ съ крылечка внизъ. Ожидавшая внизу толпа заколебалась; иные пошли за нимъ тотчасъ же, но иные замедлили, ибо келья все еще была отперта, а отецъ Паисій, выйдя вслѣдъ за отцомъ Ѳерапономъ на крылечко, стоя наблюдалъ. Но расходившійся старикъ еще не окончилъ всего: отойдя шаговъ двадцать онъ вдругъ обратился въ сторону заходящаго солнца, воздѣвъ надъ собою обѣ руки и, — какъ бы кто подкосилъ его, — рухнулся на землю съ превеликимъ крикомъ:

— Мой Господь побѣдилъ! Христосъ побѣдилъ заходящу солнцу! неистово прокричалъ онъ воздѣвая къ солнцу руки и павъ лицомъ ницъ на землю, зарыдалъ въ голосъ какъ малое дитя, весь сотрясаясь отъ слезъ своихъ и распростирая по землѣ руки. Тутъ ужъ всѣ бросились къ нему, раздались восклицанія, отвѣтное рыданіе... Изступленіе какое-то всѣхъ обуяло.

— Вотъ кто святъ! Вотъ кто праведенъ! раздавались возгласы уже не боязненно, — вотъ кому въ старцахъ сидѣть, прибавляли другіе уже озлобленно.

— Не сядетъ онъ въ старцахъ.... Самъ отвергнетъ.... не послужитъ проклятому новшеству... не станетъ ихнимъ дурачествамъ подражать, тотчасъ же подхватили другіе голоса, и до чего бы это дошло трудно и представить себѣ,

---

*) При выносѣ тѣла (изъ келіи въ церковь и послѣ отпѣванія, изъ церкви на кладбище) монаха и схимонаха, поются стихиры: „Кая житейская сладость“.... Если же почившій былъ Іеросхимонахомъ, то поютъ канонъ: „Помощникъ и Покровитель“...

но какъ разъ ударилъ въ ту минуту колоколъ, призывая къ службѣ. Всѣ вдругъ стали креститься. Поднялся и отецъ Ѳерапонтъ и, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, пошелъ къ своей кельѣ не оглядываясь, все еще продолжая восклицать, но уже нѣчто совсѣмъ несвязное. За нимъ потекли было нѣкоторые, въ маломъ числѣ, но большинство стало расходиться, поспѣвая къ службѣ. Отецъ Паисій передалъ чтеніе отцу Іосифу и сошелъ внизъ. Изступленными кликами изувѣровъ онъ поколебаться не могъ, но сердце его вдругъ загрузило и затосковало о чемъ-то особливо, и онъ почувствовалъ это. Онъ остановился и вдругъ спросилъ себя: «Отъ чего сія грусть моя даже до упадка духа?» и съ удивленіемъ постигъ тотчасъ же, что сія внезапная грусть его происходитъ повидимому отъ самой малой и особой причины: дѣло въ томъ, что въ толпѣ, тѣснившейся сейчасъ у входа въ келью, запримѣтилъ онъ между прочими волнующимися и Алешу, и вспомнилъ онъ что, увидавъ его, тотчасъ же почувствовалъ тогда въ сердцѣ своемъ какъ бы нѣкую боль. «Да неужто же сей младый столь много значитъ нынѣ въ сердцѣ моемъ?» вдругъ съ удивленіемъ спросилъ онъ себя. Въ эту минуту Алеша какъ разъ проходилъ мимо него, какъ бы поспѣвая куда-то, но не въ сторону храма. Взоры ихъ встрѣтились. Алеша быстро отвелъ свои глаза и опустилъ ихъ въ землю, и уже по одному виду юноши отецъ Паисій догадался, какая въ минуту сію происходитъ въ немъ сильная перемѣна.

— Или и ты соблазнился? воскликнулъ вдругъ отецъ Паисій, — да неужто же и ты съ маловѣрными! прибавилъ онъ горестно.

Алеша остановился и какъ-то неопредѣленно взглянулъ на отца Паисія, но снова быстро отвелъ глаза и снова опустилъ ихъ къ землѣ. Стоялъ же бокомъ и не повернулся

лицомъ къ вопрошавшему. Отецъ Паисій наблюдалъ внимательно.

— Куда же поспѣшаешь? Къ службѣ благовѣстять, спросилъ онъ вновь, но Алеша опять отвѣта не далъ.

— Али изъ скита уходишь? Какъ же не спросясь-то, не благословясь?

Алеша вдругъ криво усмѣхнулся, странно, очень странно вскинулъ на вопрошавшаго отца свои очи, на того кому ввѣрилъ его умирая бывший руководитель его, бывший владыка сердца и ума его, возлюбленный старецъ его, и вдругъ, все по прежнему безъ отвѣта, махнулъ рукой, какъ бы не заботясь даже и о почтительности, и быстрыми шагами пошелъ къ выходнымъ вратамъ вонъ изъ скита.

— Возвратишься еще! прошепталъ отецъ Паисій, смотря во слѣдъ ему съ горестнымъ удивленіемъ.

II.

Такая минутка.

Отецъ Паисій, конечно, не ошибся, рѣшивъ что его «милый мальчикъ» снова воротится, и даже можетъ быть (хотя и не вполне, но все же прозорливо) проникъ въ истинный смыслъ душевнаго настроенія Алеши. Тѣмъ не менѣе признаюсь откровенно, что самому мнѣ очень было бы трудно теперь передать ясно точный смыслъ этой странной и неопредѣленной минуты въ жизни столь излюбленнаго мною и столь еще юнаго героя моего разсказа. На горестный вопросъ отца Паисія, устремленный къ Алешѣ: «Или и ты съ маловѣрными»?—я, конечно, могъ бы съ твердостью отвѣтить за Алешу: «Нѣтъ, онъ не съ маловѣрными». Мало

того, тутъ было даже совсѣмъ противоположное: все смущеніе его произошло именно отъ того, что онъ много вѣровалъ. Но смущеніе все же было, все же произошло и было столь мучительно, что даже и потомъ, уже долго спустя, Алеша считалъ этотъ горестный день однимъ изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ дней своей жизни. Если же спросить прямо: «Неужели же вся эта тоска и такая тревога могли въ немъ произойти лишь потому, что тѣло его старца, вмѣсто того чтобы немедленно начать производить исцѣленія, подверглось напротивъ того раннему тлѣнію», — то отвѣчу на это не обинуясь: «Да, дѣйствительно было такъ». Попросилъ бы только читателя не спѣшить еще слишкомъ смѣяться надъ чистымъ сердцемъ моего юноши. Самъ же я не только не намѣренъ просить за него прощенья, или извинять и оправдывать простодушную его вѣру его юнымъ возрастомъ, напимѣръ, или малыми успѣхами въ пройденныхъ имъ прежде наукахъ и пр. и пр., но сдѣлаю даже напротивъ и твердо заявлю, что чувствую искреннее уваженіе къ природѣ сердца его. Безъ сомнѣнія, иной юноша, принимающій впечатлѣнія сердечныя осторожно, уже умѣющій любить не горячо, а лишь тепло, съ умомъ хотя и вѣрнымъ, но слишкомъ ужъ, судя по возрасту, разсудительнымъ (а потому дешевымъ), такой юноша, говорю я, избѣгъ бы того что случилось съ моимъ юношей, но въ иныхъ случаяхъ право почтеннѣе поддаться иному увлеченію, хотя бы и неразумному, но все же отъ великой любви происшедшему, чѣмъ вовсе не поддаться ему. А въ юности тѣмъ паче, ибо неблагонадеженъ слишкомъ ужъ постоянно разсудительный юноша и дешева цѣна ему — вотъ мое мнѣніе! «Но, — воскликнуть тутъ, пожалуй, разумные люди, — нельзя же всякому юношѣ вѣровать въ такой предрассудокъ и вашъ юноша не указъ остальнымъ». На это я отвѣчу опять таки: да, мой

юноша вѣровалъ, вѣровалъ свято и нерушимо, но я всетаки не прошу за него прощенія.

Видите ли: хоть я и заявилъ выше (и можетъ быть слишкомъ поспѣшно) что объясняться, извиняться и оправдывать героя моего не стану, но вижу что нѣчто все же необходимо уяснить для дальнѣйшаго пониманія разсказа. Вотъ что скажу: тутъ не то чтобы чудеса. Не легкомысленное въ своемъ нетерпѣннн было тутъ ожиданіе чудесъ. И не для торжества убѣжденій какихъ-либо понадобились тогда чудеса Алешѣ (это-то уже вовсе нѣтъ), не для идеи какой либо прежней, предвзятой, которая бы восторжествовала поскорѣй надъ другою,—о нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: тутъ во всемъ, этомъ и прежде всего, на первомъ мѣстѣ, стояло предъ нимъ лицо, и только лицо,—лицо возлюбленнаго старца его, лицо того праведника, котораго онъ до такого обожанія чтилъ. То-то и есть, что вся любовь, таившаяся въ молодомъ и чистомъ сердцѣ его ко «всѣмъ и вся», въ то время и во весь предшествовавшій тому годъ, какъ бы вся временами сосредоточивалась, и можетъ быть даже неправильно, лишь на одномъ существѣ преимущественно, по крайней мѣрѣ въ сильнѣйшихъ порывахъ сердца его,—на возлюбленномъ старцѣ его, теперь почившемъ. Правда, это существо столь долго стояло предъ нимъ какъ идеаль безспорный, что всѣ юныя силы его и все стремленіе ихъ и не могли уже не направиться къ этому идеалу исключительно, а минутами, такъ даже и до забвенія «всѣхъ и вся». (Онъ вспоминалъ потомъ самъ, что въ тяжелый день этотъ забылъ совсѣмъ о братѣ Дмитріи, о которомъ такъ заботился и тосковалъ наканунѣ; забылъ тоже снести отцу Илюшечки двѣсти рублей, что съ такимъ жаромъ намѣревался исполнить тоже наканунѣ.) Но не чудесъ опять-таки ему нужно было, а лишь «высшей справедливости», которая была, по вѣрованію его, нарушена

и чѣмъ такъ жестоко и внезапно было поранено сердце его. И что въ томъ что «справедливость» эта, въ ожиданіяхъ Алеши, самимъ даже ходомъ дѣла, приняла форму чудесь, немедленно ожидаемыхъ отъ праха обожаемаго имъ бывшаго руководителя его? Но вѣдь такъ мыслили и ожидали и всѣ въ монастырѣ, тѣ даже предъ умомъ которыхъ преклонялся Алеша, самъ отецъ Паисій на примѣръ, и вотъ Алеша, не тревожа себя никакими сомнѣніями, облекъ и свои мечты въ ту же форму, въ какую и всѣ облекли. Да и давно уже это такъ устроилось въ сердцѣ его, цѣлымъ годомъ монастырской жизни его, и сердце его взяло уже привычку такъ ожидать. Но справедливости жаждалъ, справедливости, а не токмо лишь чудесь! И вотъ тотъ, который долженъ бы былъ, по упованіямъ его, быть вознесенъ превыше всѣхъ въ цѣломъ мірѣ,—тотъ самый, вмѣсто славы ему подобавшей вдругъ низверженъ и опозоренъ! За что? Кто судилъ? Кто могъ такъ разсудить—вотъ вопросы которые тотчасъ же измучили неопытное и дѣвственное сердце его. Не могъ онъ вынести безъ оскорбленія, безъ озлобленія даже сердечнаго, что праведнѣйшій изъ праведныхъ преданъ на такое насмѣшливое и злобное глумленіе столь легкомысленной и столь ниже его стоявшей толпѣ. Ну, и пусть бы не было чудесь вовсе, пусть бы ничего не объявилось чуднаго и не оправдалось немедленно ожидаемое, — но зачѣмъ же объявилось безславіе, зачѣмъ попустился позоръ, зачѣмъ это поспѣшное тлѣніе, «предупредившее естество», какъ говорили злобные монахи? Зачѣмъ это «указаніе», которое они съ такимъ торжествомъ выводятъ теперь вмѣстѣ съ отцомъ Оерапонтомъ и зачѣмъ они вѣрятъ что получили даже право такъ выводить? Гдѣ же Провидѣніе и персть Его? Къ чему сокрыло оно свой персть «въ самую нужную минуту» (думалъ Алеша) и какъ бы само захотѣло подчинить себя

слѣпымъ, нѣмымъ, безжалостнымъ законамъ естественнымъ?

Вотъ отъ чего точилось кровью сердце Алеши, и ужъ конечно, какъ я сказалъ уже, прежде всего тутъ стояло лицо возлюбленное имъ болѣе всего въ мѣрѣ и оно же «опозоренное», оно же и «обезславленное»! Пусть этотъ ропотъ юноши моего былъ легкомысленъ и безразсуденъ, но опять-таки, въ третій разъ повторяю (и согласенъ впередъ что можетъ быть тоже съ легкомысліемъ): я радъ что мой юноша оказался не столь разсудительнымъ въ такую минуту, ибо разсудку всегда придетъ время у человѣка неглупаго, а если ужъ и въ такую исключительную минуту не окажется любви въ сердцѣ юноши, то когда же придетъ она? Не захочу однакоже умолчать при семъ случаѣ и о нѣкоторомъ странномъ явленіи, хотя и мгновенно, но все же обнаружившемся въ эту роковую и сбивчивую для Алеши минуту въ умѣ его. Это новое объявившееся и мелькнувшее *ничто* состояло въ нѣкоторомъ мучительномъ впечатлѣніи отъ неустанно припоминавшагося теперь Алешей вчерашняго его разговора съ братомъ Иваномъ. Именно теперь. О, не то чтобы что-нибудь было поколеблено въ душѣ его изъ основныхъ, стихійныхъ, такъ сказать, ея вѣрованій. Бога своего онъ любилъ и вѣровалъ въ него незыблемо, хотя и возропталъ было на Него внезапно. Но все же какое-то смутное, но мучительное и злое впечатлѣніе отъ припоминанія вчерашняго разговора съ братомъ Иваномъ вдругъ теперь снова зашевелилось въ душѣ его и все болѣе и болѣе просилось выйти на верхъ ея. Когда уже стало сильно смеркаться, проходившій сосною рощей изъ скита къ монастырю Рагитинъ вдругъ замѣтилъ Алешу лежавшаго подъ деревомъ лицомъ къ землѣ, недвижимаго и какъ бы спящаго. Онъ подошелъ и окликнулъ его.

— Ты здѣсь, Алексѣй? Да неужто же ты... произнесъ было онъ удивленный, но не докончивъ остановился. Онъ хотѣлъ сказать: «Неужто же ты *до того дошелъ?*» Алеша не взглянулъ на него, но по нѣкоторому движению его Ракитинъ сейчасъ догадался что онъ его слышитъ и понимаетъ.

— Да что съ тобой? продолжалъ онъ удивляться, но удивленіе уже начало смѣняться въ лицѣ его улыбкой, принимавшею все болѣе и болѣе насмѣшливое выраженіе.

— Послушай, да вѣдь я тебя ищу уже больше двухъ часовъ. Ты вдругъ пропалъ оттудова. Да что ты тутъ дѣлаешь? Какія это съ тобой благоглупости? Да взгляни хоть на меня-то...

Алеша поднялъ голову, сѣлъ и прислонился спиной къ дереву. Онъ не плакалъ, но лицо его выражало страданіе, а во взорѣ виднѣлось раздраженіе. Смотрѣлъ онъ впрочемъ не на Ракина, а куда-то въ сторону.

— Знаешь, ты совсѣмъ перемѣнился въ лицѣ. Никакой этой кротости прежней пресловутой твоей нѣтъ. Осердился на кого что ли? Обидѣли?

— Отстань! проговорилъ вдругъ Алеша, все по прежнему не глядя на него и устало махнувъ рукой.

— Ого, вотъ мы какъ! Совсѣмъ какъ и прочіе смертные стали покрикивать. Это изъ ангеловъ-то! Ну, Алешка, удивилъ ты меня, знаешь ты это, искренно говорю. Давно я ничему здѣсь не удивляюсь. Вѣдь я все же тебя за образованнаго человѣка почиталъ...

Алеша наконецъ поглядѣлъ на него, но какъ-то разсѣянно, точно все еще мало его понимая.

— Да неужель ты только отъ того, что твой старикъ провонялъ? Да неужели же ты вѣрилъ серіозно, что онъ чудеса отмачивать начнетъ? воскликнулъ Ракитинъ, опять переходя въ самое искреннее изумленіе.

— Вѣрилъ, вѣрую и хочу вѣровать, и буду вѣровать, ну чего тебѣ еще! раздражительно прокричалъ Алеша.

— Да ничего ровно, голубчикъ. Фу чортъ, да этому тринадцатилѣтній школьникъ теперь не вѣрить. А впрочемъ чортъ... Такъ ты вотъ и разсердился теперь на Бога-то своего, взбунтовался: чиномъ дескать обошли, къ празднику ордена не дали! Эхъ вы!

Алеша длинно и какъ-то прищуривъ глаза посмотрѣлъ на Ракитина и въ глазахъ его что-то вдругъ сверкнуло... но не озлобленіе на Ракитина.

— Я противъ Бога моего не бунтуюсь, я только «міра Его не принимаю», криво усмѣхнулся вдругъ Алеша.

— Какъ это міра не принимаешь? капельку подумалъ надъ его отвѣтомъ Ракитинъ.—Что за билиберда?

Алеша не отвѣтилъ.

— Ну довольно о пустякахъ-то, теперь къ дѣлу: ѣлъ ты сегодня?

— Не помню... ѣлъ кажется.

— Тебѣ надо подгрѣпиться, судя по лицу-то. Состраданіе вѣдь на тебя глядя беретъ. Вѣдь ты и ночь не спалъ, я слышалъ, засѣданіе у васъ тамъ было. А потомъ вся эта возня и мазня. Всего-то антидорцу кусочекъ надо быть пожевалъ. Есть у меня съ собой въ карманѣ колбаса, давеча изъ города захватилъ на всякій случай, сюда направляясь, только вѣдь ты колбасы не станешь....

— Давай колбасы.

— Эге! Такъ ты вотъ какъ! Значитъ совсѣмъ ужъ бунтъ, баррикады! Ну братъ этимъ дѣломъ пренебрегать нечего. Зайдемъ ко мнѣ... Я бы водочки самъ теперь тяпнулъ, смерть усталъ. Водки-то небось не рѣшишься... аль выпьешь?

— Давай и водки.

— Эвона! Чудно брать! дико посмотрѣлъ Ракитинь.— Ну да такъ или этакъ, водка иль колбаса, а дѣло это лишнее, хоршее и упускать невозможно, идемъ!

Алеша молча поднялся съ земли и пошелъ за Ракитинимъ.

— Видѣлъ бы это брать Ваничка, такъ какъ бы изумился! Кстати, братецъ твой Иванъ Федоровичъ сегодня утромъ въ Москву укатилъ, знаешь ты это?

— Знаю, безучастно произнесъ Алеша, и вдругъ мелькнулъ у него въ умѣ образъ брата Дмитрія, но только мелькнулъ, и хотъ напомнилъ что-то, какое-то дѣло спѣшное, котораго уже нельзя болѣе ни на минуту откладывать, какой то долгъ, обязанность страшную, но и это воспоминаніе не произвело никакого на него впечатлѣнія, не достигло сердца его, въ тотъ же мигъ вылетѣло изъ памяти и забылось. Но долго потомъ вспоминалъ объ этомъ Алеша.

— Братецъ твой Ваничка изрекъ про меня единожды что я «бездарный либеральный мѣшокъ». Ты же одинъ разикъ тоже не утерпѣлъ и далъ мнѣ понять что я «бездчестенъ»... Пусть! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (окончилъ это Ракитинъ уже про себя, шепотомъ). Тьфу, слушай!—заговорилъ онъ снова громко, — минуюмъ-ка монастырь, псйдемъ по тропинкѣ прямо въ городъ... Гм. Мнѣ бы кстати надо къ Хохлаковой зайти. Вообрази: я ей отписалъ о всемъ приключившемся, и представь, она мнѣ мигомъ отвѣчаетъ запискѣй, карандашомъ (ужасно любить записки писать эта дама) что «никакъ она не ожидала отъ такого почтеннаго старца какъ отецъ Зосима—*такого поступка!*» Такъ вѣдь и написала: «*поступка!*» Тоже вѣдь озлилась; эхъ вы всѣ! Пстой! — внезапно прокричалъ онъ опять, вдругъ остановился и, придерживавъ Алешу за плечо, остановилъ и его:

— Знаешь Алешка, — пытливо глядѣлъ онъ ему въ глаза, весь подѣ впечатлѣніемъ внезапной новой мысли вдругъ его осіявшей, и хотъ самъ и смѣялся наружно, но видимо боясь выговорить вслухъ эту новую внезапную мысль свою, до того онъ все еще не могъ повѣрить чудному для него и нигагъ неожиданному настроенію въ которомъ видѣлъ теперь Алешу, — Алешка, знаешь куда мы всего лучше бы теперъ пошли? выговорилъ онъ, наконецъ, робко и искательно.

— Все равно... куда хочешь.

— Пойдемъ-ка къ Грушенькѣ, а? Пойдешь? весь даже дрожа отъ робкаго ожиданія, изрекъ наконецъ Ракитинъ.

— Пойдемъ къ Грушенькѣ, спокойно и тотчасъ же отвѣтилъ Алеша, и ужъ это было до того неожиданно для Ракитина, то есть такое скорое и спокойное согласіе, что онъ чуть было не отпрыгнулъ назадъ.

— Н-ну!.. Вотъ! прокричалъ было онъ въ изумленіи, но вдругъ, крѣпко подхвативъ Алешу подѣ руку, быстро повлекъ его по тропинкѣ, все еще ужасно опасаясь что въ томъ исчезнетъ рѣшимость. Шли молча, Ракитинъ даже заговорить боялся.

— А рада-то какъ она будетъ, рада-то... пробормоталъ было онъ, но опять примолкъ. Да и вовсе не для радости Грушенькиной онъ влекъ къ ней Алешу; былъ онъ человѣкъ серьезный и безъ выгодной для себя цѣли ничего не предпринималъ. Цѣль же у него теперъ была двоякая, во первыхъ, мстительная, то есть увидѣть «позоръ праведнаго» и вѣроятное «паденіе» Алешы «изъ святыхъ во грѣшники», чѣмъ онъ уже заранѣе упивался, а во вторыхъ, была у него тутъ въ виду и нѣкоторая матеріальная, весьма для него выгодная цѣль, о которой сказано ниже.

«Значить такая минутка вышла, думалъ онъ про себя

весело и злобно, — вотъ мы стало быть и изловимъ ее за шиворотъ, минутку-то эту, ибо она намъ весьма подобающая».

III.

Луковка.

Грушенька жила въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города, близъ соборной площади, въ домѣ купеческой вдовы Морозовой, у которой нанимала на дворѣ небольшой деревянный флигель. Домъ же Морозовой былъ большой, каменный, двухъ-этажный, старый и очень неприглядный на видъ; въ немъ проживала уединенно сама хозяйка, старая женщина съ двумя своими племянницами, тоже весьма пожилыми дѣвцами. Отдавать въ наемъ свой флигель на дворѣ она не нуждалась, но всѣ знали что пустила къ себѣ жилицей Грушеньку (еще года четыре назадъ) единственно въ угоду родственнику своему купцу Самсонову, Грушенькиному открытому покровителю. Говорили, что ревнивый старикъ, помѣщая къ Морозовой свою «фаворитку», имѣлъ первоначально въ виду зоркій глазъ старухи чтобы наблюдать за поведеніемъ новой жилицы. Но зоркій глазъ весьма скоро оказался ненужнымъ и кончилось тѣмъ, что Морозова даже рѣдко встрѣчалась съ Грушенькой и совсѣмъ уже не надѣдала ей подъ конецъ никакимъ надзоромъ. Правда, прошло уже четыре года съ тѣхъ поръ какъ старикъ привезъ въ этотъ домъ изъ губернскаго города восемнадцатилѣтнюю дѣвочку, робкую, застѣнчивую, тоненькую, худенькую, задумчивую и грустную, и съ тѣхъ поръ много утекло воды. Біографію этой дѣвочки знали впрочемъ у насъ въ городѣ мало и сбивчиво; не узнали больше и въ послѣднее время, и это даже тогда когда уже

очень многіе стали интересоваться такою «раскрасавицей» въ какую превратилась въ четыре года Аграфена Александровна. Были только слухи, что семнадцатилѣтнею еще дѣвочкой была она кѣмъ то обманута, какимъ-то будто бы офицеромъ, и затѣмъ тотчасъ же имъ брошена. Офицеръ де уѣхалъ и гдѣ-то потомъ женился, а Грушенька осталась въ позорѣ и нищетѣ. Говорили впрочемъ, что хотя Грушенька и дѣйствительно была взята своимъ старикомъ изъ нищеты, но что семейства была честнаго и происходила какъ-то изъ духовнаго званія, была дочь какого-то заштатнаго діакона или что-то въ этомъ родѣ. И вотъ въ четыре года изъ чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотѣлая русская красавица, женщина съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, гордая и наглая, понимавшая толкъ въ деньгахъ, пріобрѣтательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успѣвшая, какъ говорили про нее, сколотить свой собственный капиталецъ. Въ одномъ только всѣ были убѣждены: что къ Грушенькѣ доступъ труденъ и что кромѣ старика, ея покровителя, не было ни единаго еще человѣка, во всѣ четыре года, который бы могъ похвалиться ея благосклонностью. Фактъ былъ твердый, потому что на пріобрѣтеніе этой благосклонности выскакивало не мало охотниковъ, особливо въ послѣдніе два года. Но всѣ попытки оказались втунѣ, а иные изъ искателей припуждены были отретироваться даже съ комическою и зазорною развязкой, благодаря твердому и насмѣшливому отпору со стороны характерной молодой особы. Знали еще, что молодая особа, особенно въ послѣдній годъ, пустилась въ то чтò называется «гелефтомъ», и что съ этой стороны она оказалась съ чрезвычайными способностями, такъ что подъ конецъ многіе прозвали ее сущемою Жидовкой. Не то чтобъ она давала деньги въ ростъ, но

извѣстно было, на примѣръ, что въ компаніи съ Федоромъ Павловичемъ Карамазовымъ она нѣкоторое время дѣйствительно занималась скупкою векселей за безцѣнокъ, по гривеннику за рубль, а потомъ приобрѣла на иныхъ изъ этихъ векселей по рублю на гривенникъ. Больной Самсоновъ, въ послѣдній годъ лишившійся употребленія своихъ распухшихъ ногъ, вдовецъ, тиранъ своихъ взрослыхъ сыновей, большой стотысячникъ, человѣкъ скаредный и неумолимый, подпалъ однакоже подъ сильное вліяніе своей протее, которую сначала было держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ и въ черномъ тѣлѣ, «на постномъ маслѣ», какъ говорили тогда зубоскалы. Но Грушенька успѣла эмансипироваться, внушивъ однакоже ему безграничное довѣріе касательно своей ему вѣрности. Этотъ старикъ, большой дѣлецъ (теперь давно покойникъ), былъ тоже характера замѣчательнаго, главное скупъ и твердъ какъ камень, и хотъ Грушенька поразила его, такъ что онъ и жить безъ нея не могъ (въ послѣдніе два года, на примѣръ, это такъ и было), но капиталу большаго, значительнаго, онъ все таки ей не отдѣлилъ, и даже еслибъ она пригрозила ему всеѣмъ его бросить, то и тогда бы остался неумолимъ. Но отдѣлилъ зато капиталъ малый, и когда узналось это, то и это стало всеѣмъ на удивленіе. «Ты сама баба не промахъ, сказалъ онъ ей, отдѣляя ей тысячъ съ восемь, сама и орудуй, но знай, что кромѣ ежегоднаго содержанія по прежнему, до самой смерти моей больше ничего отъ меня не получишь, да и въ завѣщаніи ничего больше тебѣ не отдѣлю». Такъ и сдержалъ слово: умеръ и все оставилъ сыновьямъ, которыхъ всю жизнь держалъ при себѣ наравнѣ какъ слугъ съ ихъ женами и дѣтьми, а о Грушенькѣ даже и не упомянулъ въ завѣщаніи вовсе. Все это стало извѣстно впоследствии. Совѣтами же какъ орудовать «своимъ собственнымъ капиталомъ» онъ Грушенькѣ

помогалъ не мало и указывалъ ей «дѣла». Когда Ѳеодоръ Павловичъ Карамазовъ, связавшійся первоначально съ Грушенькой по поводу одного случайнаго «гешефта», кончилъ совѣтъ для себя неожиданно тѣмъ что влюбился въ нее безъ памяти и какъ бы даже умъ потерявъ, то старикъ Самсоновъ, уже дышавшій въ то время на ладонь, сильно подсмѣивался. Замѣчательно, что Грушенька была со своимъ старикомъ за все время ихъ знакомства вполне и даже какъ бы сердечно откровенна, и это кажется съ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ самое послѣднее время, когда появился вдругъ съ своею любовью и Дмитрій Ѳеодоровичъ, старикъ пересталъ смѣяться. Напротивъ, однажды серьезно и строго посовѣтовалъ Грушенькѣ: «Если ужъ выбирать изъ обоихъ, отца аль сына, то выбирай старика, но съ тѣмъ однакоже чтобы старый подлець безпремѣнно на тебѣ женился, а предварительно хоть нѣкоторый капиталъ отписалъ. А съ капитаномъ не якшайся; пути не будетъ». Вотъ были собственныя слова Грушенькѣ стараго сластолюбца, предчувствовавшаго тогда уже близкую смерть свою, и впрямь чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ совѣта сего умершаго. Замѣчу еще мелькомъ, что хотя у насъ въ городѣ даже многіе знали тогда про нелѣпое и уродливое соперничество Карамазовыхъ, отца съ сыномъ, предметомъ котораго была Грушенька, но настоящаго смысла ея отношеній къ обоимъ изъ нихъ, къ старику и къ сыну, мало кто тогда понималъ. Даже обѣ служанки Грушеньки (послѣ уже разразившейся катастрофы, о которой еще рѣчь впереди) показали потомъ на судѣ, что Дмитрія Ѳеодоровича принимала Аграфена Александровна изъ одного лишь страху, потому будто бы что «убить грозился». Служанокъ у нея было двѣ, одна очень старая кухарка, еще изъ родительскаго семейства ея, больная и почти оглохшая, и внучка ея, молоденькая, бойкая дѣвушка лѣтъ двад-

цати, Грушенькина горничная. Жила же Грушенька очень скупо и въ обстановкѣ совсѣмъ небогатой. Было у ней во флигелѣ всего три комнаты, меблированныя отъ хозяйки древною, краснаго дерева мебелью, фасона двадцатыхъ годовъ. Когда вошли къ ней Ракитинъ и Алеша были уже полныя сумерки, но комнаты еще не были освѣщены. Сама Грушенька лежала у себя въ гостиной, на своемъ большомъ, неуклюжемъ диванѣ со спинкой подъ красное дерево, жесткомъ и обитомъ кожей, давно уже истершеюся и продырившеюся. Подъ головой у ней были двѣ бѣлыя пуховыя подушки съ ея постели. Она лежала навзничъ, неподвижно протянувшись, заложивъ обѣ руки за голову. Была она приодѣта будто ждала кого — въ шелковомъ черномъ платьѣ и въ легкой кружевной на головѣ наколкѣ, которая очень къ ней шла; на плечи была наброшена кружевная косынка, приколотая массивною золотою брошкой. Именно она кого-то ждала, лежала какъ бы въ тоскѣ и въ нетерпѣннн, съ нѣсколько поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ горячими губами и глазами, кончикомъ правой ноги нетерпѣливо постукивая по ручкѣ дивана. Чуть только появились Ракитинъ и Алеша, какъ произошелъ было маленькій переполохъ: слышно было изъ передней какъ Грушенька быстро вскочила съ дивана и вдругъ испуганно прокричала: «Кто тамъ?» Но гостей встрѣтила дѣвушка и тотчасъ же откликнулась барынѣ.

— Да не онѣ-съ, это другіе, эти ничего.

«Что бы у ней такое?» пробормоталъ Ракитинъ, вводя Алешу за руку въ гостиную. Грушенька стояла у дивана какъ бы все еще въ испугѣ. Густая прядь темнорусой косы ея выбилась вдругъ изъ-подъ наковки и упала на ея правое плечо, но она не замѣтила и не поправила пока не взглядѣлась въ гостей и не узнала ихъ.

— Ахъ, это ты, Ракитка? Испугалъ было меня всю.

Съ кѣмъ ты это? Кто это съ тобой? Господи, вотъ кого привелъ! воскликнула она, разглядѣвъ Алешу.

— Да вели подать свѣчей-то! проговорилъ Ракитинъ съ развязнымъ видомъ самаго короткаго знакомаго и близкаго человѣка, имѣющаго даже право распоряжаться въ домѣ.

— Свѣчей... конечно свѣчей... Оenea, принеси ему свѣчку... Ну, нашелъ время его привести! воскликнула она опять, кивнувъ на Алешу, и оборотясь къ зеркалу, быстро начала обѣими руками вправлять свою косу. Она какъ будто была недовольна.

— Аль не потрафилъ? спросилъ Ракитинъ мигомъ почти обидѣвшись.

— Испугалъ ты меня, Ракитка, вотъ что, обернулась Грушенька съ улыбкой къ Алешѣ.— Не бойся ты меня, голубчикъ Алеша, страхъ какъ я тебѣ рада, гость ты мой неожиданный. А ты меня, Ракитка, испугалъ: Я вѣдь думала Митя ломится. Видишь, я его давеча надула и съ него честное слово взяла чтобы мнѣ вѣрилъ, а я нагала. Сказала ему что къ Кузьмѣ Кузьмичу, къ старику моему, на весь вечеръ уйду и буду съ нимъ до ночи деньги считать. Я, вѣдь, каждую недѣлю къ нему ухожу на весь вечеръ счета сводить. На замокъ запремся: онъ на счетахъ постукиваетъ, а я сижу—въ книги записываю—одной мнѣ довѣряетъ. Митя-то и повѣрилъ что я тамъ, а я вотъ дома заперлась—сижу, одной вѣсти жду. Какъ это васъ Оenea впустила! Оenea, Оenea! Бѣги къ воротамъ, отвори и огляди кругомъ, нѣтъ ли гдѣ капитана-то? Можетъ спрятался и высматриваетъ, смерть боюсь!

— Никого нѣтъ, Аграфена Александровна, сейчасъ кругомъ оглянула, я и въ щелку подхожу гляжу поминутно, сама въ страхѣ-трепетѣ.

— Ставни заперты ли, Оня, да занавѣсь бы опустить— вотъ такъ! Она сама опустила тяжелыя занавѣсы,—а то на огонь-то онъ какъ разъ налетитъ. Митя, братца твоего, Алеша, сегодня боюсь. Грушенька говорила громко, хотя и въ тревогѣ, но и какъ будто въ какомъ-то почти восторгѣ.

— Почему такъ сегодня Митеньки боишься? освѣдился Ракитинъ,—кажется съ нимъ не пуглива, по твоей дудкѣ пляшетъ.

— Говорю тебѣ вѣсти жду, золотой одной такой вѣсточки, такъ что Митеньки-то и не надо бы теперь вовсе. Да и не повѣрилъ онъ мнѣ, это чувствую, что я къ Кузьмѣ Кузьмичу пошла. Должно быть сидитъ теперь тамъ у себя, у Федора Павловича на задахъ въ саду, меня сторожить. А коли тамъ засѣлъ значить сюда не придетъ, тѣмъ и лучше! А вѣдь къ Кузьмѣ Кузьмичу я и впрямь сбѣгала, Митя же меня и проводилъ, сказала до полночи просижу и чтобъ онъ же меня безпремѣнно пришелъ въ полночь домой проводить. Онъ ушелъ, а я минутъ десять у старика просидѣла, да и опять сюда, ухъ боялась—бѣжала чтобъ его не повстрѣчать.

— А разрядилась-то куда? Ишь вѣдь какой чепецъ на тебѣ любопытный?

— И ужъ какой же ты самъ любопытный, Ракитинъ! Говорю тебѣ такой одной вѣсточки жду. Придетъ вѣсточка, вскачу—полечу, только вы меня здѣсь и видѣли. Для того и разрядилась чтобъ готовой сидѣть.

— А куда полетишь?

— Много знать будешь, скоро состаришься.

— Ишь вѣдь. Вся въ радости... Никогда еще я тебя не видѣла такую. Разодѣлась какъ на балъ, оглядывалъ ее Ракитинъ.

— Много ты въ балахъ-то понимаешь.

— А ты много?

— Я-то видала балъ. Третьяго года Кузьма Кузьмичъ сына женилъ, такъ я съ хоръ смотрѣла. Чтò жь мнѣ, Ра-
китка, съ тобой что ли разговаривать когда тутъ такой
князь стоитъ. Вотъ такъ гость! Алеша, голубчикъ, гляжу я
на тебя и не вѣрю; Господи, какъ это ты у меня появил-
ся! По правдѣ тебѣ сказать, не ждала, не гадала, да и прежде
никогда тому не вѣрила чтобы ты могъ придти. Хоть и не
та минутка теперь, а страхъ я тебѣ рада! Садись на диванъ,
вотъ сюда, вотъ такъ, мѣсяць ты мой молодой. Право я еще
какъ будто и не соображусь... Эхъ ты, Ракитка, еслибы ты
его вчера али третьяго дня привелъ!.. Ну да рада и такъ.
Можетъ и лучше что теперь, подъ такую минуту, а не
третьяго дня...

Она рѣзво подсѣла къ Алешѣ на диванъ, съ нимъ ря-
домъ, и глядѣла на него рѣшительно съ восхищеніемъ. И
дѣйствительно была рада, не лгала говоря это. Глаза ея го-
рѣли, губы смѣялись, но добродушно, весело смѣялись. Але-
ша даже и не ожидалъ отъ нея такого добраго выраженія
въ лицѣ... Онъ встрѣчалъ ее до вчерашняго дня мало, со-
ставилъ объ ней устрашающее понятіе, а вчера такъ страш-
но былъ потрясенъ ея злобною и коварною выходкой про-
тивъ Катерины Ивановны и былъ очень удивленъ, что те-
перь вдругъ увидалъ въ ней совсѣмъ какъ бы иное и не-
ожиданное существо. И какъ ни былъ онъ придавленъ
своимъ собственнымъ горемъ, но глаза его невольно оста-
новились на ней со вниманіемъ. Всѣ манеры ея какъ бы
измѣнились тоже со вчерашняго дня совсѣмъ въ лучшему:
не было этой вчерашней слащавости въ выговорѣ почти
вовсе, этихъ изнѣженныхъ и манерныхъ движеній... все
было просто, простодушно, движенія ея были скорыя, пря-
мыя, довѣрчивыя, но была она очень возбуждена.

— Господи, экія все вещи сегодня сбываются право, залепетала она опять. — И чего я тебѣ такъ рада, Алеша, сама не знаю. Вотъ спроси, а я не знаю.

— Ну ужь и не знаешь чему рада? усмѣхнулся Ракинѣвъ. — Прежде-то зачѣмъ нибудь приставала же ко мнѣ: приведи да приведи его, имѣла же цѣль.

— Прежде-то я другую цѣль имѣла, а теперь тò прошло, не такая минута. Подчивать я васъ стану, вотъ чтò. Я теперь подобрѣла, Ракитка. Да садись и ты, Ракитка, чего стоишь? Аль ты ужь сѣлъ? Небось Ракитушка себя не забудеть. Вотъ онъ теперь, Алеша, сидитъ тамъ противъ насъ да и обижается: зачѣмъ это я его прежде тебя не пригласила садиться. Ухъ обидчивъ у меня Ракитка, обидчивъ! засмѣялась Грушенька. — Не злись, Ракитка, нынѣ я добрая. Да чего ты грустенъ сидишь, Алешечка, аль меня боишься? съ веселою насмѣшкой заглянула она ему въ глаза.

— У него горе. Чину не дали, пробасилъ Ракинѣвъ.

— Какого чину?

— Старецъ его пропахъ.

— Какъ пропахъ? Вздоръ ты какой нибудь мелешь, скверность какую нибудь хочешь сказать. Молчи дуракъ. Пустишь меня, Алеша, на колѣни къ себѣ посидѣть, вотъ такъ! И вдругъ она мигомъ привскочила и прыгнула смѣясь ему на колѣни, какъ ласкающаяся кошечка нѣжно правою рукою охвативъ ему шею: — Развеселю я тебя, мальчигъ ты мой богомольный! Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, неужто позволишь мнѣ на колѣнкахъ у тебя посидѣть, не осердишься? Прикажешь я соскочу.

Алеша молчалъ. Онъ сидѣлъ боясь шевельнуться, онъ слышалъ ея слова: «прикажешь—я соскочу», но не отвѣтилъ, какъ будто замеръ. Но не то въ немъ было чего могъ бы

ждать и что могъ бы вообразить въ немъ теперь, напримѣръ, хоть Ракитинъ, плотоядно наблюдавшій со своего мѣста. Великое горе души его поглощало всё ощущенія какія только могли зародиться въ сердцѣ его, и если только могъ бы онъ въ сію минуту дать себѣ полный отчетъ, то и самъ бы догадался что онъ теперь въ крѣпчайшей бронѣ противъ всякаго соблазна и искушенія. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю смутную безотчетность его душевнаго состоянія и на все угнетавшее его горе, онъ все же дивился невольно одному новому и странному ощущенію рождавшемуся въ его сердцѣ: эта женщина, эта «страшная» женщина не только не пугала его теперь прежнимъ страхомъ, страхомъ зарождавшимся въ немъ прежде при всякой мечтѣ о женщинѣ, если мелькала таковая въ его душѣ, но напротивъ эта женщина, которую онъ боялся болѣе всѣхъ, сидѣвшая у него на колѣняхъ и его обнимавшая, возбуждала въ немъ вдругъ теперь совсѣмъ иное, неожиданное и особенное чувство, чувство какого-то необыкновеннаго величайшаго и чистосердечнѣйшаго къ ней любопытства, и все это уже безо всякой боязни, безъ малѣйшаго прежняго ужаса, — вотъ что было главное и что невольно удивляло его.

— Да полно вздоръ-то вамъ болтать, закричалъ Ракитинъ, — а лучше шампанскаго подавай, долгъ на тебѣ, сама знаешь!

— Вправду долгъ. Вѣдь я, Алеша, ему за тебя шампанскаго сверхъ всего обѣщала, коль тебя приведетъ. Катай шампанскаго, и я стану пить! Оня, Оня, неси намъ шампанскаго, ту бутылку которую Митя оставилъ, бѣги скорѣе. Я хоть и скупая, а бутылку подамъ, не тебѣ Ракитка, ты грибъ, а онъ князь! И хоть не тѣмъ душа моя теперь полна, а такъ и быть выпью и я съ вами, дебоширить хочется!

— Да что это у тебя за минута, и какая такая тамъ «вѣсть», можно спросить, аль секретъ? съ любопытствомъ свернулъ опять Рагитинъ, изо всей силы дѣлая видъ что и вниманія не обращаетъ на щелчки, которые въ него летѣли непрерывно.

— Эхъ не секретъ, да и самъ ты знаешь, озабоченно проговорила вдругъ Грушенька, повернувъ голову къ Рагитину и отклонясь немного отъ Алеши, хотя все еще продолжая сидѣть у него на колѣняхъ, рукой обнявъ его шею, — офицеръ ѣдетъ, Рагитинъ, офицеръ мой ѣдетъ!

— Слышалъ я что ѣдетъ, да развѣ ужъ такъ близко?

— Въ Мокромъ теперь, оттуда сюда эстафетъ пришлетъ. такъ самъ написалъ, давеча письмо получила. Сижу и жду эстафета.

— Вона! Почему въ Мокромъ?

— Долго рассказывать, да и довольно съ тебя.

— То-то Митенька-то теперь, — уй, уй! Онъ-то знаетъ, аль не знаетъ?

— Чего знаетъ! Совсѣмъ не знаетъ! Кабы узналъ такъ убилъ бы. Да я этого теперь совсѣмъ не боюсь, не боюсь я теперь его ножа. Молчи Рагитка, не поминай мнѣ о Дмитріи Федоровичѣ: сердце онъ мнѣ все размозжилъ. Да не хочу я ни о чемъ объ этомъ въ эту минуту и думать. Вотъ объ Алешечкѣ могу думать, я на Алешечку гляжу... Да усмѣхнись ты на меня, голубчикъ, развеселись, на глупость-то мою, на радость-то мою усмѣхнись... А вѣдь улыбнулся, улыбнулся! Ишь ласково какъ смотреть. Я, знаешь, Алеша, все думала что ты на меня сердиться за третьеводнишнее, за барышню-то. Собака я была, вотъ что... Только всетаки хорошо оно что такъ произошло. И дурно оно было и хорошо оно было, вдумчиво усмѣхнулась вдругъ Грушенька и какая-то жестокая черточка мелькнула вдругъ въ ея ус-

мѣшкѣ.—Митя сказывалъ что кричала: «Плетями ее надо!» Разобидѣла я тогда ее ужь очень. Зазвала меня, побѣдить хотѣла, шоколадомъ своимъ обольстить... Нѣтъ, оно хорошо что такъ произошло, усмѣхнулась она опять.—Да вотъ боюсь все что ты осердился...

— А вѣдь и впрямь, съ серіознымъ удивленіемъ вернулъ вдругъ Рагитинъ.—Вѣдь она тебя, Алеша, въ самомъ дѣлѣ боится, цыпленка этакаго.

— Это для тебя, Рагитка, онъ цыпленокъ, вотъ что... потому что у тебя совѣсти нѣтъ, вотъ что! Я видишь, я люблю его душой, вотъ что! Вѣришь Алеша что я люблю тебя всею душой?

— Ахъ ты безстыдница! Это она въ любви тебѣ, Алексѣй, объясняется!

— А что жь, и люблю.

— А офицеръ? А вѣсточка золотая изъ Мокраго?

— То одно, а это другое.

— Вотъ какъ по бабьему выходитъ!

— Не зли меня, Рагитка, горячо подхватила Грушенька,—одно, а это другое. Я Алешу по иному люблю. Правда, Алеша, была у меня на тебя мысль хитрая прежде. Да вѣдь я низкая, я вѣдь неистовая, ну а въ другую минуту я бывало, Алеша, на тебя какъ на совѣсть мою смотрю. Все думаю: «вѣдь ужь какъ такой меня скверную презирать теперь долженъ». И третьяго дня это думала какъ отъ барышни сюда бѣжала. Давно я тебя замѣтила такъ, Алеша, и Митя знаетъ, ему говорила. Вотъ Митя такъ понимаетъ. Вѣришь-ли иной разъ право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, всеё себя стыжусь... И какъ это я объ тебѣ думать стала и съ которыхъ поръ, не знаю и не помню...

Вошла Оеня и поставила на столъ подносъ, на немъ откупоренную бутылку и три налитые бокала.

— Шампанское принесли! прокричалъ Ракитинъ,— возбуждена ты, Аграфена Александровна, и виѣ себя. Бокаль выпьешь, танцовать пойдешь. Э-эхъ; и того не съумѣли сдѣлать, прибавилъ онъ разглядывая шампанское.— Въ кухнѣ старуха разлила, и бутылку безъ пробки принесли, и теплое. Ну давай хоть такъ.

Онъ подошелъ къ столу, взялъ бокаль, выпилъ залпомъ и налилъ себѣ другой.

— На шампанское-то не часто нарвешься, проговорилъ онъ облизываясь,— нутка Алеша, бери бокаль, покажи себя. За чтò же намъ пить? За райскія двери? Бери, Груша, бокаль, пей и ты за райскія двери.

— За какія это райскія двери?

Она взяла бокаль, Алеша взялъ свой, отпилъ глотокъ и поставилъ бокаль назадъ.

— Нѣтъ, ужь лучше не надо! улыбнулся онъ тихо.

— А хвалился! крикнулъ Ракитинъ.

— Ну и я коли такъ не буду, подхватила Грушенька,— да и не хочется. Пей, Ракитка, одинъ всю бутылку. Выпьеть Алеша, и я тогда выпью.

— Телячьи нѣжности пошли! поддразнилъ Ракитинъ.— А сама на колѣнкахъ у него сидить! У него положимъ горе, а у тебя чтò? Онъ противъ Бога своего взбунтовался, колбасу собирался жрать...

— Чтò такъ?

— Старецъ его померъ сегодня, старецъ Зосима, святой.

— Такъ умеръ старецъ Зосима! воскликнула Грушенька,— Господи, а я того и не знала!— Она набожно перекрестилась.— Господи, да чтò же я, а я то у него на колѣнкахъ теперь сижу! вскинулась она вдругъ какъ въ испугѣ, мигомъ соскочила съ колѣнъ и пересѣла на диванъ. Алеша

длинно съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее и на лицѣ его какъ будто что засвѣтилось.

— Ракитинъ, проговорилъ онъ вдругъ громко и твердо,—не дразни ты меня что я противъ Бога моего взбунтовался. Не хочу я злобы противъ тебя имѣть, а потому будь и ты добрѣе. Я потерялъ такое сокровище какого ты никогда не имѣлъ, и ты теперь не можешь судить меня. Посмотри лучше сюда на нее: видѣлъ какъ она меня пощадила? Я шелъ сюда злую душу найти — такъ влекло меня самого къ тому, потому что я былъ подлъ и золъ, а нашелъ сестру искреннюю, нашелъ сокровище — душу любящую... Она сейчасъ пощадила меня... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Ты мою душу сейчасъ восстановила.

У Алеши затряслись губы и стѣснилось дыханіе. Онъ остановился.

— Будто ужъ такъ и спасла тебя! засмѣялся Ракитинъ злобно.—А она тебя проглотить хотѣла, знаешь ты это?

— Стой, Ракитка! вскочила вдругъ Грушенька,—молчите вы оба. Теперь я все скажу: ты Алеша молчи, потому что отъ твоихъ такихъ словъ меня стыдъ беретъ, потому что я злая, а не добрая,—вотъ я какая. А ты, Ракитка, молчи потому что ты лжешь. Была такая подлая мысль что хотѣла его проглотить, а теперь ты лжешь, теперь вовсе не то... и чтобъ я тебя больше совѣмъ не слыхала, Ракитка! Все это Грушенька проговорила съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Ишь вѣдь оба бѣсятся! прошипѣлъ Ракитинъ съ удивленіемъ рассматривая ихъ обоихъ,—какъ помѣшанные, точно я въ сумасшедшій домъ попалъ. Разслабѣли обоюдно, плакать сейчасъ начнутъ!

— И начну плакать, и начну плакать! приговаривала

Грушенька, — онъ меня сестрой своей назвалъ, и я никогда того впредь не забуду! Только вотъ что, Ракитка, я хоть и злая, а всетаки я луковку подала.

— Какъ такую луковку? Фу, чортъ, да и впрямь помѣшались!

Ракитинъ удивлялся на ихъ восторженность и обидчиво злился, хотя и могъ бы сообразить, что у обоихъ какъ разъ сошлось все что могло потрясти ихъ души такъ, какъ случается это не часто въ жизни. Но Ракитинъ, умѣвшій весьма чувствительно понимать все что касалось его самого, былъ очень грубъ въ пониманіи чувствъ и ощущеній ближнихъ своихъ, — отчасти по молодой неопытности своей, а отчасти и по великому своему эгоизму.

— Видишь, Алешечка, нервно разсмѣялась вдругъ Грушенька, обращаясь къ нему, — это я Ракиткѣ похвалилась что луковку подала, а тебѣ не похваюсь, я тебѣ съ иной цѣлью это скажу. Это только басня, но она хорошая басня, я ее, еще дитей была, отъ моей Матрены, что теперь у меня въ кухаркахъ служить, слышала. Видишь какъ это: «Жила-была одна баба злющая-презлющая, и померла. И не осталось послѣ нея ни одной добродѣтели. Схватили ее черти и кинули въ огненное озеро. А Ангелъ-Хранитель ея стоитъ да и думаетъ: какую бы мнѣ такую добродѣтель ея припомнить чтобы Богу сказать. Вспомнилъ и говорить Богу: она, говоритъ, въ огородѣ луковку выдернула и нищенкѣ подала. И отвѣчаетъ ему Богъ: возьми жъ ты, говоритъ, эту самую луковку, протяни ей въ озеро, пусть ухватится и тянется, и коли вытянешь ее вонъ изъ озера, то пусть въ рай идетъ, а оборвется луковка, то тамъ и оставаться бабѣ гдѣ теперь. Побѣжалъ Ангелъ къ бабѣ, протянулъ ей луковку: на, говоритъ, баба, схватись и тянись. И сталъ онъ ее осторожно тянуть, и ужъ всю было вытянулъ,

да грѣшники прочіе въ озерѣ, какъ увидали что ее тянуть вонъ, и стали всѣ за нее хвататься чтобъ и ихъ вмѣстѣ съ нею вытянули. А баба-то была злющая презлющая, и почала она ихъ ногами брыкать: «Меня тянуть, а не васъ, моя луковка, а не ваша». Только что она это выговорила, луковка-то и порвалась. И упала баба въ озеро и горитъ по сей день. А Ангелъ заплакалъ и отошелъ. Вотъ она эта басня, Алеша, наизусть запомнила, потому что сама я и есть эта самая баба злющая. Ракиткѣ я похвалилась что луковку подала, а тебѣ иначе скажу: *всего-то* я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мнѣ и есть добродѣтели. И не хвали ты меня послѣ того, Алеша, не почитай меня доброю, злая я, злющая-презлющая, а будешь хвалить, въ стыдъ введешь. Эхъ, да ужъ покаюсь совсѣмъ. Слушай Алеша: я тебя столь желала къ себѣ залучить и столь приставала къ Ракиткѣ что ему двадцать пять рублей пообѣщала, если тебя ко мнѣ приведетъ. Стой, Ракитка, жди! Она быстрыми шагами подошла къ столу, отворила ящикъ, вынула портмоне, а изъ него двадцати-пятирублевую кредитку.

— Экой вздоръ! Экой вздоръ! восклицалъ озадаченный Ракитинъ.

— Принимай, Ракитка, долгъ, не бось не откажешься, самъ просилъ.—И швырнула ему кредитку.

— Еще-бъ отказать, пробасилъ Ракитинъ, видимо сконфузившись, но молодцовато прикрывая стыдъ,—это намъ вельми на руку будетъ, дураки и существуютъ въ профитъ умному человѣку.

— А теперь молчи, Ракитка, теперь все что буду говорить не для твоихъ ушей будетъ. Садись сюда въ уголь и молчи, не любишь ты насъ и молчи.

— Да за что мнѣ любить-то васъ? не скрывая уже зло-

бы, огрызнулся Ракитинъ.—Двадцатипятирублевую кредитку онъ сунулъ въ карманъ и предъ Алешей ему было рѣшительно стыдно. Онъ рассчитывалъ получить плату послѣ, такъ чтобы тотъ и не узналъ, а теперь отъ стыда озлился. До сей минуты онъ находилъ весьма политичнымъ не очень противорѣчить Грушенькѣ не смотря на всѣ ея щелчки, ибо видно было, что она имѣла надъ нимъ какую-то власть. Но теперь и онъ разсердился:

— Любятъ за чтонибудь, а вы что мнѣ сдѣлали оба?

— А ты ни за что люби, вотъ какъ Алеша любить.

— А чѣмъ онъ тебя любитъ, и что онъ тебѣ такого показалъ что ты носишься?

Грушенька стояла среди комнаты, говорила съ жаромъ и въ голосъ ея слышались истерическія нотки.

— Молчи, Ракитка, не понимаешь ты ничего у насъ! И не смѣй ты мнѣ впредь *ты* говорить, не хочу тебѣ позволять, и съ чего ты такую смѣлость взялъ, вотъ что! Садись въ уголъ и молчи какъ мой лакей. А теперь, Алеша, всю правду чистую тебѣ одному скажу, чтобы ты видѣлъ какая я тварь! Не Ракиткѣ, а тебѣ говорю. Хотѣла я тебя погубить, Алеша, правда это великая, совсѣмъ положила; до того хотѣла что Ракитку деньгами подкупила чтобы тебя привелъ. И изъ чего такого я такъ захотѣла? Ты, Алеша, и не зналъ ничего, отъ меня отворачивался, пройдешь—глаза опустишь, а я на тебя сто разъ до сего глядѣла; всѣхъ спрашивать объ тебѣ начала. Лицо твое у меня въ сердцѣ осталось: «Презираетъ онъ меня, думаю, посмотрѣть даже на меня не захочетъ». И такое меня чувство взяло подъ конецъ что сама себѣ удивляюсь: чего я такого мальчика боюсь? Проглочу его всего и смѣяться буду. Обезлилась совсѣмъ. Вѣришь ли тому: никто-то здѣсь не смѣетъ сказать и подумать чтобъ къ Аграфенѣ Александровнѣ за худымъ этимъ дѣломъ придти:

старикъ одинъ только тутъ у меня, связана я ему и продана, сатана насъ вѣнчалъ, зато изъ другихъ—никто. Но на тебя глядя положила: его проглочу. Проглочу и смѣяться буду. Видишь какая я злая собака, которую ты сестрой своею назвалъ! Вотъ теперь пріѣхалъ этотъ обидчикъ мой, сижу теперь и жду вѣсти. А знаешь чѣмъ былъ мнѣ этотъ обидчикъ? Пять лѣтъ тому какъ завезъ меня сюда Кузьма, — такъ я сижу бывало, отъ людей хоронюсь чтобъ меня не видали и не слышали, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, ночей напролетъ не сплю—думаю: «И ужь гдѣ жь онъ теперь, мой обидчикъ? Смѣется должно быть съ другою надо мной, и ужь я жь его, думаю, только бы увидѣть его, встрѣтить когда: то ужь я жь ему отплачу, ужь я жь ему отплачу!» Ночью въ темнотѣ рыдаю въ подушку и все это передумую, сердце мое раздираю нарочно, злобой его утоляю: «Ужь я жь ему, ужь я жь ему отплачу!» Такъ бывало и закричу въ темнотѣ. Да какъ вспомню вдругъ что ничего-то я ему не сдѣлаю, а онъ-то надо мной смѣется теперь, а можетъ и совсѣмъ забылъ и не помнить, такъ кинусь съ постели на полъ, зальюсь безсильною слезой и трясусь-трясусь до разсвѣта. Поутру встану злѣе собаки, рада весь свѣтъ проглотить. Потомъ что жь ты думаешь: стала я капиталъ копить, безъ жалости сдѣлалась, растолстѣла,—поумнѣла ты думаешь, а? Такъ вотъ нѣтъ же, никто того не видитъ и не знаетъ во всей вселенной, а какъ сойдетъ мракъ ночной, все также какъ и дѣвченкой, пять лѣтъ тому, лежу иной разъ, скрежещу зубами и всю ночь плачу: «Ужь я жь ему, да ужь я жь ему», думаю! Слышалъ ты это все? Ну такъ какъ же ты теперь понимаешь меня: мѣсяць тому приходитъ ко мнѣ вдругъ это самое письмо: ѣдетъ онъ, овдовѣлъ, со мной повидаться хочетъ. Духъ у меня тогда весь захватило, Господи, да вдругъ и

подумала: а прїѣдетъ да свистнетъ мнѣ, позоветъ меня, такъ я какъ собаченка къ нему поползу битая, виноватая! Думаю это я и сама себѣ не вѣрю: «Подлая я аль не подлая, побѣгу я къ нему аль не побѣгу»? И такая меня злость взяла теперь на самое себя во весь этотъ мѣсяць что хуже еще чѣмъ пять лѣтъ тому. Видишь ли теперь, Алеша, какая я неистовая, какая я яростная, всю тебѣ правду выразила! Митей забавлялась чтобы къ тому не бѣжать. Молчи, Ракитка, не тебѣ меня судить, не тебѣ говорила. Я теперь до вашего прихода лежала здѣсь, ждала, думала, судьбу мою всю разрѣшала, и никогда вамъ не узнать чтò у меня въ сердцѣ было. Нѣтъ, Алеша, скажи своей барышнѣ чтобъ она за третьеводнишнее не сердилась!.. И не знаетъ никто во всемъ свѣтѣ каково мнѣ теперь, да и не можетъ знать... Потому я можетъ быть сегодня туда съ собой ножъ возьму, я еще того не рѣшила...

И вымолвивъ это «жалкое» слово, Грушенька вдругъ не выдержала, не докончила, закрыла лицо руками, бросилась на диванъ въ подушки и зарыдала какъ малое дитя. Алеша всталъ съ мѣста и подошелъ къ Ракитину.

— Миша, проговорилъ онъ,—не сердись. Ты обиженъ ею, но не сердись. Слышалъ ты ее сейчасъ? Нельзя съ души человѣка столько спрашивать, надо быть милосерднѣе...

Алеша проговорилъ это въ неудержимомъ порывѣ сердца. Ему надо было высказаться и онъ обратился къ Ракитину. Еслибъ не было Ракитина, онъ сталъ бы восклицать одинъ. Но Ракитинъ поглядѣлъ насмѣшливо и Алеша вдругъ остановился.

— Это тебя твоимъ старцемъ давеча зарядили и теперь ты своимъ старцемъ въ меня и выпалилъ, Алешенька Божій человѣчекъ, съ ненавистною улыбкой проговорилъ Ракитинъ.

— Не смѣйся, Ракитинъ, не усмѣхайся, не говори про покойника: онъ выше всѣхъ кто былъ на землѣ! съ плачемъ въ голосъ прокричалъ Алеша.—Я не какъ судья тебѣ всталъ говорить, а самъ какъ послѣдній изъ подсудимыхъ. Кто я предъ нею? Я шелъ сюда чтобы погибнуть и говорилъ: «пусть, пусть!» и это изъ-за моего малодушія, а она, черезъ пять лѣтъ муки, только что кто-то первый пришелъ и ей искреннее слово сказалъ — все простила, все забыла и плачетъ! Обидчикъ ея воротился, зоветъ ее, и она все прощаетъ ему и спѣшитъ къ нему въ радости, и не возьметъ ножа, не возьметъ! Нѣтъ, я не таковъ. Я не знаю таковъ ли ты, Миша, но я не таковъ! Я сегодня, сейчасъ этотъ урокъ получилъ... Она выше любовью чѣмъ мы... Слышалъ ли ты отъ нея прежде то что она рассказала теперь? Нѣтъ, не слышалъ; еслибы слышалъ, то давно бы все понялъ... и другая обиженная третьяго дня, и та пусть проститъ ее! И проститъ коль узнаетъ... и узнаетъ... Эта душа еще не примиренная, надо щадить ее... въ душѣ этой можетъ быть сокровище...

Алеша замолкъ потому что ему пересѣкло дыханіе. Ракитинъ, не смотря на всю свою злость, глядѣлъ съ удивленіемъ. Никогда не ожидалъ онъ отъ тихаго Алеши такой тирады.

— Вотъ адвокатъ проявился! Да ты влюбился въ нее, что ли? Аграфена Александровна, вѣдь постникъ-то нашъ и впрямь въ тебя влюбился, побѣдила! прокричалъ онъ съ наглымъ смѣхомъ.

Грушенька подняла съ подушки голову и поглядѣла на Алешу съ умиленною улыбкой, засіявшею на ея какъ-то вдругъ распухшемъ отъ сейчашнихъ слезъ лицѣ.

— Оставь ты его, Алеша, херувимъ ты мой, видишь онъ какой, нашелъ кому говорить. Я, Михаилъ Осиповичъ,

обратилась она къ Ракитину,—хотѣла было у тебя прощенія попросить за то, что обругала тебя, да теперь опять не хочу. Алеша, поди ко мнѣ, сядь сюда, манила она его съ радостною улыбкой, вотъ такъ, вотъ садись сюда, скажи ты мнѣ (она взяла его за руку и заглядывала ему улыбаясь въ лицо),—скажи ты мнѣ: люблю я того или нѣтъ? Обидчика-то моего, люблю или нѣтъ? Лежала я до васъ здѣсь въ темнотѣ, все допрашивала сердце: люблю я того или нѣтъ? Разрѣши ты меня, Алеша, время пришло, что положишь такъ и будетъ. Простить мнѣ его или нѣтъ?

— Да вѣдь ужъ простила, улыбаясь проговорилъ Алеша.

— А и впрямь простила, вдумчиво произнесла Грушенька.—Экое вѣдь подлое сердце! За подлое сердце мое! схватила она вдругъ со стола бокаль, разомъ выпила, подняла его и съ размаха бросила на полъ. Бокаль разбился и зазвенѣлъ. Какая-то жестокая черточка мелькнула въ ея улыбкѣ.

— А вѣдь можетъ еще и не простила, какъ-то грозно проговорила она, опустивъ глаза въ землю, какъ будто одна сама съ собой говорила.—Можетъ еще только собирается сердце простить. Поборюсь еще съ сердцемъ-то. Я, видишь Алеша, слезы мои пятилѣтнія страхъ полюбила... Я можетъ только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!

— Ну не хотѣлъ бы я быть въ его кожѣ! прошипѣлъ Ракитинъ.

— И не будешь, Ракитка, никогда въ его кожѣ не будешь. Ты мнѣ башмаки будешь шить, Ракитка, вотъ я тебя на какое дѣло употреблю, а такой какъ я тебѣ никогда не видать... Да и ему можетъ не увидать...

— Ему-то? А нарядилась-то зачѣмъ? эхидно поддразнилъ Ракитинъ.

— Не кори меня нарядомъ, Ракитка, не знаешь еще ты

всего моего сердца! Захочу и сорву нарядъ, сейчасъ сорву, сію минуту, звонко прокричала она.— Не знаешь ты для чего этотъ нарядъ, Рагитка! Можетъ выйду къ нему и скажу: «Видалъ ты меня такую, аль нѣтъ еще?» — Вѣдь онъ меня семнадцатилѣтнюю, тоненькую, чахоточную плаксу оставилъ. Да подсяду къ нему, да оболъщю, да разожгу его: «Видалъ ты какова я теперь, скажу, ну такъ и оставайся при томъ, милостивый государь, по усамъ текло, а въ ротъ не попало!» — вотъ вѣдь къ чему можетъ этотъ нарядъ, Рагитка, закончила Грушенька со злобнымъ смѣшкомъ.— Неистовая я, Алеша, яростная. Сорву я мой нарядъ, изувѣчу я себя, мою красоту, обожгу себѣ лицо и разрѣжу ножомъ, пойду милостыню просить. Захочу и не пойду я теперь нигуда и ни къ кому, захочу завтра же отошлю Кузьмѣ все что онъ мнѣ подарилъ и всѣ деньги его, а сама на всю жизнь работницей поденной пойду!.. Думаешь не сдѣлаю я того, Рагитка, не посмѣю сдѣлать? Сдѣлаю, сдѣлаю, сейчасъ могу сдѣлать, не раздражайте только меня... а того прогоню, тому шишь покажу, тому меня не видать!

Послѣднія слова она истерически прокричала, но не выдержала опять, закрыла руками лицо, бросилась въ подушку и опять затряслась отъ рыданій. Рагитинъ всталъ съ мѣста:

— Пора, сказалъ онъ,—поздно, въ монастырь не пропустятъ.

Грушенька такъ и вскочила съ мѣста.

— Да неужто-жь ты уходить, Алеша, хочешь! воскликнула она въ горестномъ изумленіи; — да что жь ты надо мной теперь дѣлаешь: всю воззвалъ, истерзалъ и опять теперь эта ночь, опять мнѣ одной оставаться!

— Не почевать же ему у тебя? А коли хочеть—пусть! Я и одинъ уйду! язвительно подшутилъ Рагитинъ.

— Молчи, злая душа, яростно крикнула ему Грушенька, — никогда ты мнѣ такихъ словъ не говорилъ какія онъ мнѣ пришелъ сказать.

— Что онъ такое тебѣ сказалъ? раздражительно проворчалъ Рагитинъ.

— Не знаю я, не вѣдаю, ничего не вѣдаю что онъ мнѣ такое сказалъ, сердцу сказалось, сердце онъ мнѣ перевернулъ... Пожалѣлъ онъ меня первый, единственный, вотъ что! Зачѣмъ ты, херувимъ, не приходилъ прежде, упала вдругъ она предъ нимъ на колѣни какъ бы въ изступленіи. — Я всю жизнь такого какъ ты ждала, знала что кто-то такой придетъ и меня проститъ. Вѣрила что и меня кто-то полюбитъ, гадкую, не за одинъ только срамъ!..

— Что я тебѣ такого сдѣлалъ? умиленно улыбаясь ствѣчалъ Алеша, нагнувшись къ ней и нѣжно взявъ ее за руки, — луковку я тебѣ подалъ, одну самую малую луковку, только, только!..

И проговоривъ самъ заплакалъ. Въ эту минуту въ сѣняхъ вдругъ раздался шумъ, кто-то вошелъ въ переднюю; Грушенька вскочила какъ бы въ страшномъ испугѣ. Въ комнату съ шумомъ и крикомъ вбѣжала Оеня.

— Барыня, голубушка, барыня, эстафетъ прискакалъ! восклицала она весело и запыхавшись. — Тарантасъ изъ Мокраго за вами, Тимошей ящикъ на тройкѣ, сейчасъ новыхъ лошадей переложать... Письмо, письмо, барыня, вотъ письмо!

Письмо было въ ея рукѣ и она все время пока кричала, махала имъ по воздуху. Грушенька выхватила отъ нея письмо и поднесла къ свѣчкѣ. Это была только записочка, нѣсколько строкъ, въ одинъ мигъ она прочла ее.

— Кликнулъ! прокричала она вся блѣдная съ перекосившимся отъ болѣзненной улыбки лицомъ, — свистнулъ! Ползи собачонка!

Но только мигъ одинъ простояла какъ бы въ нерѣшимости; вдругъ кровь бросилась въ ея голову и залила ея щеки огнемъ.

— Буду! воскликнула она вдругъ.— Пять моихъ лѣтъ! Прощайте! Прощай Алеша, рѣшена судьба... Ступайте, ступайте, ступайте отъ меня теперь всѣ, чтобъ я уже васъ не видала!.. Полетѣла Грушенька въ новую жизнь... Не поминай меня лихомъ и ты, Ракичка. Можетъ на смерть иду! Ухъ! словно пьяная!

Она вдругъ бросила ихъ и побѣжала въ свою спальню.

— Ну ей теперь не до насъ! проворчалъ Ракичъ.— Идемъ, а то пожалуй опять этотъ бабій крикъ пойдетъ, надоѣли ужъ мнѣ эти слезные крики..

Алеша далъ себя машинально вывести. На дворѣ стоялъ тарантасъ, выпрягали лошадей, ходили съ фонаремъ, суетились. Въ отворенныя ворота вводили свѣжую тройку. Но только что сошли Алеша и Ракичъ съ крыльца какъ вдругъ отворилось окно изъ спальни Грушеньки и она звонкимъ голосомъ прокричала вслѣдъ Алешѣ:

— Алешечка, поглонись своему братцу Митенькѣ, да скажи ему чтобы не поминалъ меня, злодѣйку свою, лихомъ. Да передай ему тоже моими словами: «Подлецу досталась Грушенька, а не тебѣ благородному!» Да прибавь ему тоже что любила его Грушенька одинъ часокъ времени, только одинъ часокъ всего и любила, — такъ чтобъ онъ этотъ часокъ всю жизнь свою отселева помнилъ, такъ дескать Грушенька на всю жизнь тебѣ заказала!..

Она закончила голосомъ полнымъ рыданій. Окно захлопнулось.

— Гм. гм! промычалъ Ракичъ смѣясь, — зарѣзала братца Митеньку, да еще велитъ на всю жизнь свою помнить. Экое плотоядіе!

Алеша ничего не отвѣтилъ, точно и не слыхалъ; онъ шелъ подлѣ Ракитина скоро, какъ бы ужасно спѣша; онъ былъ какъ бы въ забытьѣ, шелъ машинально. Ракитина вдругъ что-то укололо, точно ранку его свѣжую тронули пальцемъ. Совсѣмъ не того ждалъ онъ давеча когда сводилъ Грушеньку съ Алешей; совсѣмъ иное случилось, а не то чего бы ему очень хотѣлось.

— Полякъ онъ, ея офицеръ этотъ, заговорилъ онъ опять сдерживаясь, — да и не офицеръ онъ вовсе теперь, онъ въ таможенѣ чиновникомъ въ Сибири служилъ гдѣ-то тамъ на Китайской границѣ, должно быть какой Поляченкогъ мозглявенькій. Мѣсто говорятъ потерялъ. Прослышалъ теперь что у Грушеньки капиталъ завелся, вотъ и вернулся, — въ томъ и всѣ чудеса.

Алеша опять точно не слыхалъ. Ракитинъ не выдержалъ:

— Что жъ, обратилъ грѣшницу? злобно засмѣялся онъ Алешѣ. — Блудницу на путь истины обратилъ? Семь бѣсовъ изгналъ, а? Вотъ они гдѣ наши чудеса-то давешнія, ожидаемая, совершились!

— Перестань, Ракитинъ, со страданіемъ въ душѣ отозвался Алеша.

— Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешнихъ «презираешь»? Продалъ дескать истиннаго друга. Да вѣдь ты не Христось, а я не Іуда.

— Ахъ, Ракитинъ, увѣряю тебя, я и забылъ объ этомъ, воскликнулъ Алеша, — самъ ты сейчасъ напомнилъ...

Но Ракитинъ озлился уже окончательно.

— Да чортъ васъ дери всѣхъ и каждаго! завопилъ онъ вдругъ, — и зачѣмъ я, чортъ, съ тобою связался! Знать я тебя не хочу больше отселева. Пошелъ одинъ, вонъ твоя дорога!

И онъ круто повернулъ въ другую улицу, оставивъ Алешу одного во мракъ. Алеша вышелъ изъ города и пошелъ полемъ къ монастырю.

IV.

Кана Галилейская.

Было уже очень поздно по монастырскому, когда Алеша пришелъ въ скитъ; его пропустилъ привратникъ особымъ путемъ. Пробыло уже девять часовъ,—часъ общаго отдыха и покоя послѣ столь тревожнаго для всѣхъ дня. Алеша робко отворилъ дверь и вступилъ въ келью старца, въ которой теперь стоялъ гробъ его. Кромѣ отца Паисія, уединенно читавшаго надъ гробомъ Евангеліе, и юноши послушника Порфірія, утомленнаго вчерашнею ночью бесѣдой и сегодняшнею суетой, и спавшаго въ другой комнатѣ на полу своимъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, въ кельи никого не было. Отецъ Паисій, хоть и слышалъ что вошелъ Алеша, но даже и не посмотрѣлъ въ его сторону. Алеша повернулъ вправо отъ двери въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться. Душа его была переполнена, но какъ-то смутно, и ни одно ощущеніе не выдѣлялось слишкомъ сказываясь, напротивъ одно вытѣсняло другое въ какомъ-то тихомъ, ровномъ коловращеніи. Но сердцу было сладко и, странно, Алеша не удивлялся тому. Опять видѣлъ онъ предъ собою этотъ гробъ, этого закрытаго кругомъ драгоценнаго ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было въ душѣ его какъ давеча утромъ. Предъ гробомъ, сейчасъ войдя, онъ палъ какъ предъ святыней, но радость, радость сіяла въ умѣ его и въ сердцѣ его. Одно окно кельи было отперто, воздухъ стоялъ свѣжій и холодноватый, —

«значить духъ сталъ еще сильнѣе коли рѣшились отворить окно», подумалъ Алеша. Но и эта мысль о тлетворномъ духѣ, казавшаяся ему еще только давеча столь ужасною и безславною, не подняла теперь въ немъ давешней тоски и давешняго негодованія. Онъ тихо началъ молиться, но вскорѣ самъ почувствовалъ, что молится почти машинально. Обрывки мыслей мелькали въ душѣ его, загорались какъ звѣздочки и тутъ же гасли смѣняясь другими, но за то царило въ душѣ что-то цѣлое, твердое, утоляющее, и онъ сознавалъ это самъ. Иногда онъ пламенно начиналъ молитву, ему такъ хотѣлось благодарить и любить... Но начавъ молитву переходилъ вдругъ на что нибудь другое, задумывался, забывалъ и молитву и то чѣмъ прервалъ ее. Сталъ было слушать чтò читалъ отецъ Паисій, но утомленный очень мало по малу началъ дремать...

«И въ третій день бракъ бысть въ Кань Галилейскій читалъ отецъ Паисій, и бѣ Мати Иисусова ту Званъ же бысть Иисусъ и ученицы его на бракъ».

— Бракъ? Чтò это... бракъ... неслось какъ вихрь въ умѣ Алеши, — у ней тоже счастье... поѣхала на пирь... Нѣтъ, она не взяла ножа, не взяла ножа... Это было только «жалкое» слово... Ну... жалкія слова надо прощать, непременно. Жалкія слова тѣшатъ душу... безъ нихъ горе было бы слишкомъ тяжело у людей. Ракитинъ ушелъ въ переулочекъ. Пока Ракитинъ будетъ думать о своихъ обидахъ онъ будетъ всегда уходить въ переулочекъ... А дорога... дорога-то большая, прямая, свѣтлая, хрустальная и солнце въ концѣ ея... А?... чтò читаютъ?

«.....И не доставишу вина, глагола Мати Иисусова къ Нему: вина не имутъ»... слышалось Алешѣ.

— Ахъ да, я тутъ пропустилъ, а не хотѣлъ пропустить, я это мѣсто люблю: Это Кана Галилейская, первое

чудо... Ахъ это чудо, ахъ это милое чудо! Не горе, а радость людскую посѣтилъ Христось въ первый разъ сотворяя чудо, радость людской помогъ... «Кто любитъ людей, тотъ и радость ихъ любить»... Это повторялъ покойникъ поминутно, это одна изъ главнѣйшихъ мыслей его была... Безъ радости жить нельзя, говорить Митя... Да, Митя... Все что истинно и прекрасно всегда полно всепрощенія,—это опять-таки онъ говорилъ...

«.....Глагола ей Иисусъ: что есть Мнѣ и тебѣ жено; не у прииде часъ Мой. Глагола Мати Его слугамъ: еже аще глаголетъ вамъ, сотворите».

— Сотворите... Радость, радость какихъ нибудь бѣдныхъ, очень бѣдныхъ людей... Ужъ конечно бѣдныхъ коли даже на свадьбу вина не достало... Вонъ пишутъ историки что около озера Генисаретскаго и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ разселено было тогда самое бѣднѣйшее населеніе какое только можно вообразить... И знало же другое великое сердце другаго великаго существа бывшаго тутъ же, Матери Его, что не для одного лишь великаго страшнаго подвига Своего сошелъ Онъ тогда, а что доступно сердцу Его и простодушное немудрое веселіе какихъ нибудь темныхъ, темныхъ и не хитрыхъ существъ, ласково позвавшихъ Его на убогій бракъ ихъ. «Не пришелъ еще часъ Мой», онъ говоритъ съ тихою улыбкой (непремѣнно улыбнулся ей кротко)... Въ самомъ дѣлѣ, неужто для того чтобъ умножать вино на бѣдныхъ свадьбахъ сошелъ Онъ на землю? А вотъ пошелъ же и сдѣлалъ же по Ея просьбѣ... Ахъ онъ опять читаетъ:

«.....Глагола имъ Иисусъ: наполните водоносы воды, и наполниша ихъ до верха.

«И глагола имъ: почертните нынѣ и принесите архитріклінови, и принесоша.

«Якоже вкуси архитріклінъ вина бывшаго отъ воды,

и не вѣдѣше откуда есть: слуги же вѣдѣху почерпшии воду: пригласи жениха архитриклинъ:

«И глагола ему: всякъ человекъ прежде доброе вино полагаетъ, и егда упіются, тогда худшее: ты же соблюлъ еси доброе вино досель».

— Но что это, что это? Почему раздвигается комната... Ахъ да... вѣдь это бракъ, свадьба... да конечно. Вотъ и гости, вотъ и молодые сидятъ и веселая толпа и... гдѣ же премудрый Архитриклинъ? Но кто это? Кто? Опять раздвинулась комната... Кто встаетъ тамъ изъ-за большаго стола? Какъ... И онъ здѣсь? Да вѣдь онъ во гробѣ... Но онъ и здѣсь... всталъ, увидалъ меня, идетъ сюда... Господи!...

Да, къ нему, къ нему подошелъ онъ, сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и тихо смѣющійся. Гроба ужь нѣтъ, и онъ въ той же одеждѣ какъ и вчера сидѣлъ съ нимъ когда собрались къ нему гости. Лицо все открытое, глаза сіяютъ. Какъ же это, онъ стало быть тоже на пирѣ, тоже званый на бракъ въ Канѣ Галилейской...

— Тоже, милый, тоже званъ, званъ и призванъ, раздается надъ нимъ тихій голосъ.—Зачѣмъ сюда схоронился что не видать тебя... пойдѣмъ и ты къ намъ.

Голосъ его, голосъ старца Зосимы.. Да и какъ же не онъ коль зоветъ? Старецъ приподнялъ Алешу рукой, тотъ поднялся съ колѣнъ.

— Веселимся, продолжаетъ сухенькій старичокъ,—пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь сколько гостей? Вотъ и женихъ и невѣста, вотъ и премудрый Архитриглинъ, вино новое пробуетъ. Чего дивишься на меня? Я луковку подаю вотъ и я здѣсь. И многіе здѣсь только по луковкѣ подали, по одной только маленькой луковкѣ... Что наши дѣла? И ты тихій и ты кроткій мой мальчикъ и

ты сегодня луковку съумѣлъ подать алчущей. Начинай милый, начинай кроткій, дѣло свое!... А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?

— Боюсь... не смѣю глядѣть... прошепталъ Алеша.

— Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высокою Своею, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами, воду въ вино превращаетъ, чтобы не пресѣкалась радость гостей, новыхъ гостей ждетъ, новыхъ непрерывно зоветъ и уже на вѣки вѣковъ. Вонъ и вино несутъ новое, видишь сосуды несутъ...

Что-то горѣло въ сердцѣ Алеши, что-то наполнило его вдругъ до боли, слезы восторга рвались изъ души его... Онъ простеръ руки, вскрикнулъ и проснулся...

Опять гробъ, отзоренное окно и тихое, важное, раздѣльное чтеніе Евангелія. Но Алеша уже не слушалъ что читаютъ. Странно, онъ заснулъ на колѣняхъ, а теперь стоялъ на ногахъ, и вдругъ, точно сорвавшись съ мѣста, тремя твердыми скорыми шагами подошелъ вплотъ ко гробу. Даже задѣлъ плечомъ отца Паисія и не замѣтилъ того. Тотъ на мгновеніе поднялъ было на него глаза отъ книги, но тотчасъ же отвелъ ихъ опять, понявъ что съ юношей что-то случилось странное. Алеша глядѣлъ съ полминуты на гробъ, на закрытаго, недвижимаго, протянутаго въ гробу мертвеца, съ иконой на груди и съ куколемъ съ восьмиконечнымъ крестомъ на головѣ. Сейчасъ только онъ слышалъ голосъ его и голосъ этотъ еще раздавался въ его ушахъ. Онъ еще прислушивался, онъ ждалъ еще звуковъ... но вдругъ круто повернувшись вышелъ изъ кельи.

Онъ не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита

до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошныя цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю.

Онъ не зналъ для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета почему ему такъ неудержимо хотѣлось цаловать ее, цаловать ее всю, но онъ цаловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. «Облей землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои»... прозвенѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны и «не стыдился изступленія сего». Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала «соприкасаясь мірамъ инымъ». Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенія, о! не себѣ, а за всѣхъ, за все и за вся, а «за меня и другіе просятъ», прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно какъ что-то твердое и неизблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его—и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. «Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ», говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрой въ слова свои...

Черезъ три дня онъ вышелъ изъ монастыря, что согласовалось и со словомъ покойнаго старца его, повелѣвшаго ему «пребывать въ міру».

КНИГА ОСЬМАЯ.

М И Т Я.

І.

Кузьма Самсоновъ.

А Дмитрій Федоровичъ, которому Грушенька, улетая въ новую жизнь, «велѣла» передать свой послѣдній привѣтъ и заказала помнить на вѣки часогъ ея любви, былъ въ эту минуту, ничего не вѣдая о происшедшемъ съ нею, тоже въ страшномъ смятеніи и хлопотахъ. Въ послѣдніе два дня онъ былъ въ такомъ невообразимомъ состояніи, что дѣйствительно могъ заболѣть воспаленіемъ въ мозгу, какъ самъ потомъ говорилъ. Алеша наканунѣ не могъ розыскать его утромъ, а братъ Иванъ въ тотъ же день не могъ устроить съ нимъ свиданія въ трактирѣ. Хозяева квартирки, въ которой онъ квартировалъ, скрыли по его приказу слѣды его. Онъ же въ эти два дня буквально метался во все стороны, «борясь съ своею судьбой и спасая себя», какъ онъ самъ потомъ выразился, и даже на нѣсколько часовъ слеталъ по одному горячему дѣлу вонъ изъ города, не смотря на то что страшно было ему уѣзжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку безъ глаза надъ нею. Все это въ послѣдствіи выяснилось въ самомъ подробномъ и документальномъ видѣ, но теперь мы намѣтимъ фактически лишь самое необходимое изъ исторіи

этихъ ужасныхъ двухъ дней въ его жизни, предшествовавшихъ страшной катастрофѣ, такъ внезапно разразившейся надъ судьбой его.

Грушенька хоть и любила его часочекъ истинно и искренно, это правда, но и мучила же его въ тоже время иной разъ дѣйствительно жестоко и безпощадно. Главное въ томъ что ничего-то онъ не могъ разгадать изъ ея намѣреній; выманить же лаской или силой не было тоже возможности: не далась бы ни за чтò, а только бы разсердилась и отвернулась отъ него вовсе, это онъ ясно тогда понималъ. Онъ подозрѣвалъ тогда весьма вѣрно что она и сама находится въ какой-то борьбѣ, въ какой-то необычайной нерѣшительности, на что-то рѣшается и все рѣшиться не можетъ, а потому и не безъ основанія предполагалъ, замирая сердцемъ, что минутами она должна была просто ненавидѣть его съ его страстью. Такъ можетъ быть и было, но объ чемъ именно тосковала Грушенька, того онъ всетаки не понималъ. Собственно для него весь вопросъ его мучившій складывался лишь въ два опредѣленія: «или онъ, Митя, или Ѳедоръ Павловичъ». Тутъ кстати нужно обозначить одинъ твердый фактъ: онъ вполне былъ увѣренъ что Ѳедоръ Павловичъ непременно предложитъ (если ужъ не предложилъ) Грушенькѣ законный бракъ, и не вѣрилъ ни минуты, что старый сластолюбецъ надѣется отдѣлаться лишь тремя тысячами. Это вывелъ Митя зная Грушеньку и ея характеръ. Вотъ почему и могло казаться временами, что вся мука Грушеньки и вся ея нерѣшимость происходитъ тоже лишь отъ того что она не знаетъ кого изъ нихъ выбрать и кто изъ нихъ будетъ ей выгоднѣе. О близкомъ же возвращеніи «офицера», то есть того роковаго челоуѣка въ жизни Грушеньки, прибытія котораго она ждала съ такимъ волненіемъ и страхомъ, онъ, странно это, въ тѣ

дни даже и не думалъ думать. Правда что Грушенька съ нимъ объ этомъ въ самые послѣдніе дни очень молчала. Однако ему было вполнѣ извѣстно отъ нея же самой о письмѣ полученномъ тою мѣсяцъ назадъ отъ этого бывшаго ея обольстителя, было извѣстно отчасти и содержаніе письма. Тогда, въ одну злую минутку, Грушенька ему это письмо, показала, но, къ ея удивленію, письму этому онъ не придалъ почти никакой цѣны. И очень было бы трудно объяснить почему: можетъ быть просто потому, что самъ, угнетенный всѣмъ безобразіемъ и ужасомъ своей борьбы съ роднымъ отцомъ за эту женщину, онъ уже и предположить не могъ для себя ничего страшнѣе и опаснѣе, по крайней мѣрѣ въ то время. Жениху же вдругъ выскочившему откуда-то послѣ пятилѣтняго исчезновенія онъ просто даже не вѣрилъ, и особенно тому, что тотъ скоро пріѣдетъ. Да и въ самомъ этомъ первомъ письмѣ «офицера», которое показали Митенькѣ, говорилось о пріѣздѣ этого новаго соперника весьма неопредѣленно: письмо было очень туманное, очень высокопарное и наполнено лишь чувствительностью. Надо замѣтить, что Грушенька въ тотъ разъ скрыла отъ него послѣднія строчки письма, въ которыхъ говорилось нѣсколько опредѣленнѣе о возвращеніи. Къ тому же Митенька вспоминалъ потомъ, что въ ту минуту уловилъ какъ бы нѣкоторое невольное и гордое презрѣніе къ этому посланію изъ Сибири въ лицѣ самой Грушеньки. Затѣмъ Грушенька о всѣхъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ этимъ новымъ соперникомъ Митенькѣ уже ничего не сообщала. Такимъ образомъ и мало по малу онъ совсѣмъ даже забылъ объ офицерѣ. Онъ думалъ только о томъ, что чтобы тамъ ни вышло и какъ бы дѣло ни обернулось, а надвигавшаяся окончателъная сшибка его съ Ѳедоромъ Павловичемъ слишкомъ близка и должна разрѣшиться раньше всего другаго. Замирая душой, онъ

ежеминутно ждалъ рѣшенія Грушеньки и все вѣрилъ что оно произойдетъ какъ бы внезапно, по вдохновенію. Вдругъ она скажетъ ему: «Возьми меня, я на вѣки твоя»—и все кончится: онъ схватитъ ее и увезетъ на край свѣта тотчасъ же. О, тотчасъ же увезетъ какъ можно, какъ можно дальше, если не на край свѣта, то куда нибудь на край Россіи, женится тамъ на ней и поселится съ ней *incognito*, такъ чтобъ ужь никто не зналъ объ нихъ вовсе, ни здѣсь, ни тамъ и нигдѣ. Тогда, о тогда начнется тотчасъ же совсѣмъ новая жизнь! Объ этой другой, обновленной и уже «добродѣтельной» жизни («непремѣнно, непремѣнно добродѣтельной») онъ мечталъ поминутно и изступленно. Онъ жаждалъ этого воскресенія и обновленія. Гнусный омутъ, въ которомъ онъ завязъ самъ своей волей, слишкомъ тяготилъ его и онъ, какъ и очень многіе въ такихъ случаяхъ, всего болѣе вѣрилъ въ перемѣну мѣста: только бы не эти люди, только бы не эти обстоятельства, только бы улетѣть изъ этого проклятаго мѣста и—все возродится, пойдетъ по новому! Вотъ во чтѣ онъ вѣрилъ и по чемъ томился.

Но это было лишь въ случаѣ перваго, *счастливаго* рѣшенія вопроса. Было и другое рѣшеніе, представлялся и другой, но ужасный уже исходъ. Вдругъ она скажетъ ему: «ступай, я порѣшила сейчасъ съ Ѳедоромъ Павловичемъ и выхожу за него замужъ, а тебя не надо»—и тогда... но тогда... Митя, впрочемъ не зналъ что будетъ тогда, до самаго послѣдняго часу не зналъ, въ этомъ надо его оправдать. Намѣреній опредѣленныхъ у него не было, преступленіе обдуманно не было. Онъ только слѣдилъ, шпионилъ и мучился, но готовился всетаки лишь къ первому счастливому исходу судьбы своей. Даже отгонялъ всякую другую мысль. Но здѣсь уже начиналась совсѣмъ другая мука, вставало

одно совѣмъ повое и постороннее, но тоже роковое и неразрѣшимое обстоятельство.

Именно, въ случаѣ если она скажетъ ему: «я твоя, увези меня», то какъ онъ ее увезетъ? Гдѣ у него на то средства, деньги? У него какъ разъ къ этому сроку изсякли всѣ до сихъ поръ не прерывавшіеся въ продолженіе столькихъ лѣтъ его доходы отъ подачекъ Федора Павловича. Конечно, у Грушеньки были деньги, но въ Митѣ на этотъ счетъ вдругъ оказалась страшная гордость: онъ хотѣлъ увезти ее самъ и начать съ ней новую жизнь на свои средства, а не на ея; онъ вообразить даже не могъ, что возьметъ у нея ея деньги и страдалъ отъ этой мысли до мучительнаго отвращенія. Не распространяюсь здѣсь объ этомъ фактѣ, не анализирую его, а лишь отмѣчаю: таковъ былъ складъ души его въ ту минуту. Могло все это происходить косвенно и какъ бы бессознательно даже отъ тайныхъ мукъ его совѣсти за воровски присвоенныя имъ деньги Катерины Ивановны: «предъ одной подлець и предъ другой тотчасъ же выйду опять подлець», думалъ онъ тогда, какъ самъ потомъ признавался: «да Грушенька коли узнаетъ, такъ и сама не захочетъ такого подлеца». И такъ, гдѣ же взять средства, гдѣ взять эти роковыя деньги? Иначе все пропадетъ и ничего не состоится, «и единственно потому, что не хватило денегъ, о позоръ!»

Забѣгаю впередъ: то-то и есть, что онъ можетъ быть и зналъ гдѣ достать эти деньги, зналъ можетъ быть гдѣ и лежать онѣ. Подробнѣе на этотъ разъ ничего не скажу, ибо потомъ все объяснится; но вотъ въ чемъ состояла главная для него бѣда, и хотя неясно, но я это выскажу; чтобы взять эти лежація гдѣ-то средства, чтобы *имѣть право* взять ихъ, надо было предварительно возвратить три тысячи Катеринѣ Ивановнѣ—иначе «я карманный воръ, я подлець,

а новую жизнь я не хочу начинать подлецомъ», рѣшилъ Митя, а потому рѣшилъ перевернуть весь міръ, если надо, но непременно эти три тысячи отдать Катеринѣ Ивановнѣ во что бы то ни стало и *прежде всего*. Окончательный процессъ этого рѣшенія произошелъ съ нимъ такъ сказать въ самые послѣдніе часы его жизни, именно съ послѣдняго свиданія съ Алешей, два дня тому назадъ вечеромъ, на дорогѣ, послѣ того какъ Грушенька оскорбила Катерину Ивановну, а Митя, выслушавъ рассказъ о томъ отъ Алеша, сознался что онъ подлець и велѣлъ передать это Катеринѣ Ивановнѣ, «если это можетъ сколько нибудь ее облегчить». Тогда же, въ ту ночь, разставшись съ братомъ, почувствовалъ онъ въ изступленіи своемъ что лучше даже «убить и ограбить кого нибудь, но долгъ Катѣ возратить». «Пусть ужь лучше я предъ тѣмъ, убитымъ и ограбленнымъ—убійцей и воромъ выйду и предъ всѣми людьми, и въ Сибирь пойду, чѣмъ если Катя въ правѣ будетъ сказать, что я ей измѣнилъ и у нея же деньги укралъ, и на ея же деньги съ Грушенькѣй убѣждалъ добродѣтельную жизнь начинать! Этого не могу!» Такъ со скрежетомъ зубовъ изрекъ Митя и дѣйствительно могъ представлять себѣ временами, что кончить воспаленіемъ въ мозгу. Но пока боролся...

Странное дѣло: казалось бы что тутъ при такомъ рѣшеніи, кромѣ отчаянія, ничего уже болѣе для него не оставалось; ибо гдѣ взять вдругъ такія деньги, да еще такому голышу какъ онъ? А между тѣмъ онъ до конца все то время надѣялся, что достанетъ эти три тысячи, что онѣ придутъ слетять къ нему какъ нибудь сами, даже хоть съ неба. Но такъ именно бываетъ съ тѣми которые, какъ и Дмитрій Оедоровичъ, всю жизнь свою умѣютъ лишь тратить и мотать доставшіяся по наслѣдству деньги даромъ, а о томъ какъ добываются деньги не имѣютъ никакого понятія. Самый фан-

тастическій вихрь поднялся въ головѣ его сейчасъ послѣ того, какъ онъ третьяго дня разстался съ Алешей, и спуталъ всѣ его мысли. Такимъ образомъ вышло, что началъ онъ съ самаго дикаго предпріятія. Да можетъ быть именно въ этихъ положеніяхъ у этихъ людей самыя невозможныя и фантастическія предпріятія представляются первыми возможнѣйшими. Онъ вдругъ порѣшилъ пойти къ купцу Самсонову, покровителю Грушеньки, и предложить ему одинъ «планъ», достать отъ него подъ этотъ «планъ» разомъ всю искомую сумму; въ планѣ своемъ съ коммерческой стороны онъ не сомнѣвался нисколько, а сомнѣвался лишь въ томъ какъ посмотритъ на его выходку самъ Самсоновъ, если захочетъ взглянуть не съ одной только коммерческой стороны. Митя хоть и зналъ этого купца въ лицо, но знакомъ съ нимъ не былъ и даже ни разу не говорилъ съ нимъ. Но почему-то въ немъ, и даже уже давно, основалось убѣжденіе, что этотъ старый развратитель, дышащій теперь на ладонь, можетъ быть вовсе не будетъ въ настоящую минуту противиться, если Грушенька устроитъ какъ нибудь свою жизнь честно и выйдетъ за «благонадежнаго человѣка» замужъ. И что не только не будетъ противиться, но что и самъ желаетъ того и, навернись только случай, самъ будетъ способствовать. По слухамъ ли какимъ, или изъ какихъ нибудь словъ Грушеньки, но онъ заключилъ тоже, что старикъ можетъ быть предпочелъ бы его для Грушеньки Федору Павловичу. Можетъ быть многимъ изъ читателей нашей повѣсти покажется этотъ расчетъ на подобную помощь и намѣреніе взять свою невѣсту такъ сказать изъ рукъ ея покровителя слишкомъ ужъ грубымъ и небрежливымъ со стороны Дмитрія Федоровича. Могу замѣтить лишь то, что прошлое Грушеньки представлялось Митѣ уже окончательно прошедшимъ. Онъ глядѣлъ на это прошлое съ без-

конечнымъ состраданіемъ и рѣшилъ со всѣмъ пламенемъ своей страсти, что разъ Грушенька выговорить ему, что его любить и за него идти, то тотчасъ же и начнется совсѣмъ новая Грушенька, а вмѣстѣ съ нею и совсѣмъ новый Дмитрій Ѳедоровичъ, безо всякихъ уже пороковъ, а лишь съ однѣми добродѣтелями: оба они другъ другу простятъ и начнутъ свою жизнь уже совсѣмъ по новому. Что же до Кузмы Самсонова, то считалъ онъ его въ этомъ прежнемъ провалившемся прошломъ Грушеньки за человѣка въ жизни ея роковаго, котораго она, однако, никогда не любила и который, это главное, уже тоже «прошелъ», кончился, такъ что и его уже нѣтъ теперь вовсе. Да къ тому же Митя его даже и за человѣка теперь считать не могъ, ибо извѣстно было всѣмъ и каждому въ городѣ, что это лишь больная развалина, сохранившая отношенія съ Грушенькой такъ сказать лишь отеческія, а совсѣмъ не на тѣхъ основаніяхъ, какъ прежде, и что это уже давно такъ, уже почти годъ какъ такъ. Во всякомъ случаѣ тутъ было много и простодушія со стороны Мити, ибо при всѣхъ порокахъ своихъ это былъ очень простодушный человѣкъ. Вслѣдствіе этого-то простодушія своего онъ между прочимъ былъ серьезно убѣжденъ, что старый Кузьма, собираясь отходить въ другой міръ, чувствуетъ искреннее раскаяніе за свое прошлое съ Грушенькой, и что нѣтъ теперь у нея покровителя и друга болѣе преданнаго какъ этотъ безвредный уже старикъ.

На другой же день послѣ разговора своего съ Алешей въ полѣ, послѣ котораго Митя почти не спалъ всю ночь, онъ явился въ домъ Самсонова около десяти часовъ утра и велѣлъ о себѣ доложить. Домъ этотъ былъ старый, мрачный, очень обширный, двухъэтажный, съ надворными строениями и съ флигелемъ. Въ нижнемъ этажѣ проживали два женатые сына Самсонова со своими семействами, престарѣ-

лая сестра его и одна незамужняя дочь. Во флигелѣ же помѣщались два его прикащика, изъ которыхъ одинъ былъ тоже многосемейный. И дѣти и прикащики тѣснились въ своихъ помѣщеніяхъ, но верхъ дома занималъ старикъ одинъ и не пускалъ къ себѣ жить даже дочь, ухаживавшую за нимъ и которая въ опредѣленные часы и въ неопредѣленные зовы его должна была каждый разъ взбѣгать къ нему на верхъ снизу, не смотря на давнишнюю одышку свою. Этотъ «верхъ» состоялъ изъ множества большихъ парадныхъ комнатъ, меблированныхъ по купеческой старинѣ, съ длинными скучными рядами неуклюжихъ креселъ и стульевъ краснаго дерева по стѣнамъ, съ хрустальными люстрами въ чехлахъ, съ угрюмыми зеркалами въ простѣвкахъ. Всѣ эти комнаты стояли совсѣмъ пустыми и необитаемыми, потому что больной старикъ жался лишь въ одной комнаткѣ, въ отдаленной маленькой своей спальнѣ, гдѣ прислуживала ему старуха-служанка, съ волосами въ платочкѣ, да «малый», пребывавшій на залавкѣ въ передней. Ходить старикъ изъ-за распухшихъ ногъ своихъ почти совсѣмъ уже не могъ и только изрѣдка поднимался со своихъ кожаныхъ креселъ, и старуха, придерживая его подъ руки, проводила его разъ-другой по комнатѣ. Былъ онъ строгъ и неразговорчивъ даже съ этою старухой. Когда доложили ему о приходѣ «капитана», онъ тотчасъ же велѣлъ отказать. Но Митя настаивалъ и доложился еще разъ. Кузьма Кузьмичъ опросилъ подробно малаго: что дескать каковъ съ виду, не пьянъ ли? Не буянить ли? И получилъ въ отвѣтъ что «тверезъ, но уходить не хочетъ». Старикъ опять велѣлъ отказать. Тогда Митя, все это предвидѣвшій и нарочно на сей случай захватившій съ собой бумагу и карандашъ, четко написалъ на влочкѣ бумаги одну строчку: «По самонужнѣйшему дѣлу близко касающемуся Аграфены Александровны»,

и послалъ это старику. Подумавъ нѣсколько, старикъ велѣлъ малому ввести посѣтителя въ залу, а старуху послалъ внизъ съ приказаніемъ къ младшему сыну сейчасъ же явиться къ нему на верхъ. Этотъ младшій сынъ, мужчина вершковъ двѣнадцати и силы непомѣрной, брившій лицо и одѣвавшійся по нѣмецки (самъ Самсоновъ ходилъ въ кафтанѣ и съ бородой), явился немедленно и безмолвно. Всѣ они предъ отцомъ трепетали. Пригласилъ отецъ этого молодца не то чтобъ изъ страху предъ капитаномъ, характера онъ былъ весьма не робкаго, а такъ лишь на всякій случай, болѣе чтобъ имѣть свидѣтеля. Въ сопровожденіи сына, взявшаго его подъ руку, и малаго, онъ выплылъ наконецъ въ залу. Надо думать что ощущалъ онъ и нѣкоторое довольно сильное любопытство. Зала эта, въ которой ждалъ Митя, была огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната, въ два свѣта, съ хорами, со стѣнами «подъ мраморъ» и съ тремя огромными хрустальными люстрами въ чехлахъ. Митя сидѣлъ на стульчикѣ у входной двери и въ нервномъ нетерпѣннн ждалъ своей участи. Когда старикъ появился у противоположнаго входа, сажень за десять отъ стула Мити, то тотъ вдругъ вскочилъ и своими твердыми, фронтowymi, аршинными шагами пошелъ къ нему на встрѣчу. Одѣтъ былъ Митя прилично, въ застегнутомъ сюртукѣ, съ круглою шляпой въ рукахъ и въ черныхъ перчаткахъ, точь въ точь какъ былъ дня три тому назадъ въ монастырѣ, у старца, на семейномъ свиданіи съ Ѳедоромъ Павловичемъ и съ братьями. Старикъ важно и строго ожидалъ его стоя и Митя разомъ почувствовалъ что, пока онъ подходилъ, тотъ его всего разсмотрѣлъ. Поразило тоже Митю чрезвычайно опухшее за послѣднее время лицо Кузьмы Кузьмича: нижняя и безъ того толстая губа его казалась теперь какою-то отвисшею лепешкой. Важно и молча поклонился онъ гостю, указавъ

ему на кресло подлѣ дивана, а самъ медленно, опираясь на руку сына и болѣзненно кряхтя, сталъ усаживаться напротивъ Мити на диванъ, такъ что тотъ, видя болѣзненные усилія его, немедленно почувствовалъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и деликатный стыдъ за свое теперешнее ничтожество предъ столь важнымъ имъ обезпеченнымъ лицомъ.

— Чтò вамъ, сударь, отъ меня угодно? проговорилъ усѣвшись наконецъ старикъ, медленно, раздѣльно, строго, но вѣжливо.

Митя вздрогнулъ, вскочилъ было, но сѣлъ опять. Затѣмъ тотчасъ же сталъ говорить громко, быстро, первно, съ жестами, и въ рѣшительномъ изступленіи. Видно было, что человѣкъ дошелъ до черты, погибъ и ищетъ послѣдняго выхода, а не удастся, то хоть сейчасъ и въ воду. Все это въ одинъ мигъ вѣроятно понялъ старикъ Самсоновъ, хотя лицо его оставалось неизмѣннымъ и холоднымъ какъ у истукана.

«Благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ вѣроятно слыхалъ уже не разъ о моихъ контрахъ съ отцомъ моимъ, Ѳедоромъ Павловичемъ Карамазовымъ, ограбившимъ меня по наслѣдству послѣ родной моей матери.... такъ какъ весь городъ уже трещить объ этомъ.... потому что здѣсь всѣ трещать объ томъ чего не надо.... А кромѣ того могло дойти и отъ Грушеньки.... виновать: отъ Аграфены Александровны... отъ многоуважаемой и многотимой мною Аграфены Александровны»... такъ началъ и оборвался съ перваго слова Митя. Но мы не будемъ приводить дословно всю его рѣчь, а представимъ лишь изложеніе. Дѣло дескать заключается въ томъ, что онъ, Митя, еще три мѣсяца назадъ, нарочито совѣтовался (онъ именно проговорилъ «нарочито», а не нарочно) съ адвокатомъ въ губернскомъ городѣ, «со знаменитымъ адвокатомъ, Кузьма Кузьмичъ, Павломъ Павловичемъ Корнепло-

довымъ, изволили вѣроятно слышать? Любовь обширный, почти государственный умъ.... васъ тоже знаетъ... отзывался въ лучшемъ видѣ».... оборвался въ другой разъ Митя. Но обрывы его не останавливали, онъ тотчасъ же чрезъ нихъ перескакивалъ и устремлялся все далѣе и далѣе. Этотъ де самый Корнеплодовъ, опросивъ подробно и разсмотрѣвъ документы какіе Митя могъ представить ему (о документахъ Митя выразился неясно и особенно спѣша въ этомъ мѣстѣ), отнесся что на счетъ деревни Чермашни, которая должна бы дескать была принадлежать ему, Митѣ, по матери, дѣйствительно можно бы было начать искъ и тѣмъ старика-безобразника огорошить... «потому что не всѣ же двери заперты, а юстиція ужъ знаетъ куда пролѣзть». Однимъ словомъ, можно бы было надѣяться даже де тысячь на шесть додачи отъ Федора Павловича, на семь даже, такъ какъ Чермашня все же стоитъ не менѣе двадцати пяти тысячь, то есть навѣрно двадцати восьми,—«тридцати, тридцати, Кузьма Кузьмичъ, а я, представьте себѣ, и семнадцати отъ этого жестокаго человѣка не выбралъ!...» Такъ вотъ я, дескать, Митя, тогда это дѣло бросилъ, ибо не умѣю съ юстиціей, а пріѣхавъ сюда поставленъ былъ въ столбнякъ встрѣчнымъ искомъ (здѣсь Митя опять запутался и опять круто перескочилъ): такъ вотъ дескать, не пожелаете ли вы, благороднѣйшій Кузьма Кузьмичъ, взять всѣ права мои на этого изверга, а сами мнѣ дайте три только тысячи... Вы ни въ какомъ случаѣ проиграть вѣдь не можете, въ этомъ честию, честию клянусь, а совсѣмъ напротивъ можете нажить тысячь шесть или семь вмѣсто трехъ... А главное дѣло чтобъ это кончить «даже сегодня же». «Я тамъ вамъ у нотариуса что ли или какъ тамъ... Однимъ словомъ, я готовъ на все, выдамъ всѣ документы какіе потребуете, все подпишу... и мы эту бумагу сейчасъ же и совершили бы, и еслибы мож-

но, еслибы только можно, то сегодня же бы утромъ... Вы бы мнѣ эти три тысячи выдали... такъ какъ кто же противъ васъ капиталистъ въ этомъ городишкѣ... и тѣмъ спасли бы меня отъ... однимъ словомъ спасли бы мою бѣдную голову для благороднѣйшаго дѣла, для возвышеннѣйшаго дѣла можно сказать... ибо питаю благороднѣйшія чувства къ извѣстной особѣ, которую слишкомъ знаете и о которой печетесь отечески. Иначе бы и не пришелъ еслибы не отечески. И, если хотите, тутъ трое состукнулись лбами, ибо судьба это — страшилище, Кузьма Кузьмичъ! Реализмъ, Кузьма Кузьмичъ, реализмъ! А такъ какъ васъ давно уже надо исключить, то останутся два лба, какъ я выразился, можетъ быть не ловко, но я не литераторъ. То есть одинъ лобъ мой, а другой—этого изверга. И такъ выбирайте: или я или извергъ? Все теперь въ вашихъ рукахъ—три судьбы и два жребія... Извините, я сбился, но вы понимаете... я вижу по вашимъ почтеннымъ глазамъ, что вы поняли... А если не поняли, то сегодня же въ воду, вотъ!

Митя оборвалъ свою нелѣпую рѣчь этимъ «вотъ», и вскочивъ съ мѣста ждалъ отвѣта на свое глупое предложеніе. Съ послѣднею фразой онъ вдругъ и безнадежно почувствовалъ что все лопнуло, а главное что онъ нагородилъ страшной ахинеи. «Странное дѣло, пока шелъ сюда все казалось хорошо, а теперь вотъ и ахинея!» вдругъ пронеслось въ его безнадежной головѣ. Все время пока онъ говорилъ, старикъ сидѣлъ неподвижно и съ ледянымъ выраженіемъ во взорѣ слѣдилъ за нимъ. Выдержавъ его однако съ минутку въ ожиданіи, Кузьма Кузьмичъ изрекъ наконецъ самымъ рѣшительнымъ и безотраднымъ тономъ:

— Извините-съ, мы эдакими дѣлами не занимаемся.

Митя вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ слабѣютъ ноги.

— Какъ же я теперь, Кузьма Кузьмичъ, пробормоталъ онъ блѣдно улыбаясь. — Вѣдь я теперь пропалъ, какъ вы думаете?

— Извините-сь...

Митя все стоялъ и все смотрѣлъ неподвижно въ упоръ, и вдругъ замѣтилъ что что-то двинулось въ лицѣ старика. Онъ вздрогнулъ.

— Видите, сударь, намъ такія дѣла-несподручны, медленно промолвилъ старикъ, — суды пойдутъ, адвокаты, сущая бѣда! А если хотите, тутъ есть одинъ человѣкъ, вотъ къ нему обратитесь...

— Боже мой, кто же это!.. Вы воскрешаете меня, Кузьма Кузьмичъ, залепеталъ вдругъ Митя.

— Не здѣшній онъ, этотъ человѣкъ, да и здѣсь его теперь не находится. Онъ по крестьянству, лѣсомъ торгуетъ, прозвищемъ Лягавый. У Ѳедора Павловича вотъ уже годъ какъ торгуетъ въ Чермашнѣ этой вашей рощу, да за цѣной расходятся, можетъ слышали. Теперь онъ какъ разъ приѣхалъ опять и стоитъ теперь у батюшки Ильинскаго, отъ Воловѣй станціи верстъ двѣнадцать что ли будетъ, въ селѣ Ильинскомъ. Писалъ онъ сюда и ко мнѣ по этому самому дѣлу, то есть на счетъ этой рощи, совѣта просилъ. Ѳедоръ Павловичъ къ нему самъ хочетъ ѣхать. Такъ еслибы вы Ѳедора Павловича предупредили, да Лягавому предложили вотъ то самое что мнѣ говорили, то онъ можетъ стать...

— Геніальная мысль! восторженно перебилъ Митя. — Именно онъ, именно ему въ руку! Онъ торгуетъ, съ него дорого просятъ, а тутъ ему именно документъ на самое владѣніе, ха-ха-ха! И Митя вдругъ захохоталъ, своимъ короткимъ деревяннымъ смѣхомъ, совсѣмъ неожиданнымъ, такъ что даже Самсоновъ дрогнулъ головой.

— Какъ благодарить мнѣ васъ, Кузьма Кузьмичъ, кипѣлъ Митя.

— Ничего-съ, склонилъ голову Самсоновъ.

— Но вы не знаете, вы спасли меня, о, меня влекло къ вамъ предчувствіе... Итакъ къ этому попу!

— Не стѣдуетъ благодарности-съ.

— Спѣшу и лечу. Злоупотребилъ вашимъ здоровьемъ. Вѣкъ не забуду, русскій человѣкъ говоритъ вамъ это, Кузьма Кузьмичъ, р-русскій человѣкъ!

— Тэ-эксъ.

Митя схватилъ было старика за руку чтобы потрясть ее, но что-то злобное промелькнуло въ глазахъ того. Митя отнялъ руку, но тотчасъ же упрекнулъ себя во мнительности. «Это онъ усталъ»... мелькнуло въ умѣ его.

— Для нея! Для нея, Кузьма Кузьмичъ! Вы понимаете что это для нея! рывкнулъ онъ вдругъ на всю залу, поглотился, груто повернулся и тѣми же скорыми, аршинными шагами, не оборачиваясь, устремился къ выходу. Онъ трепеталъ отъ восторга. «Все вѣдь ужъ погибало, и вотъ Ангелъ Хранитель спасъ», несло въ умѣ его. «И ужъ если такой дѣлецъ какъ этотъ старикъ (благороднѣйшій старикъ, и какая осанка!) указалъ этотъ путь, то... то ужъ, конечно выигранъ путь. Сейчас и летѣть. До ночи вернусь, ночью вернусь, но дѣло побѣждено. Неужели же старикъ могъ надо мной насмѣяться?» Такъ восклицалъ Митя, шагая въ свою квартиру, и ужъ конечно иначе и не могло представляться уму его, то есть: или дѣльный совѣтъ (отъ такого-то дѣльца)—со знаніемъ дѣла, со знаніемъ этого Лягаваго (странная фамилія!) или—или старикъ надъ нимъ посмѣялся! Увы! послѣдняя-то мысль и была единственно вѣрною. Потомъ, уже долго спустя, когда уже совершилась вся катастрофа, старикъ Самсоновъ самъ сознавался смѣясь, что тогда осмѣ-

ялъ «капитана». Это былъ злобный, холодный и насмѣшливый человѣкъ, къ тому же съ болѣзненными антипатіями. Восторженный ли видъ капитана, глупое ли убѣжденіе этого «мота и расточителя» что онъ, Самсоновъ, можетъ поддаться на такую дичь какъ его «планъ», ревнивое ли чувство на счетъ Грушеньки во имя которой «этотъ сорванецъ» пришелъ къ нему съ какою-то дичью за деньгами, — не знаю что именно побудило тогда старика, но въ ту минуту когда Митя стоялъ предъ нимъ, чувствуя что слабѣютъ его ноги и бессмысленно восклицалъ что онъ пропалъ, — въ ту минуту старикъ посмотрѣлъ на него съ безконечною злобой и придумалъ надъ нимъ посмѣяться. Когда Митя вышелъ, Бузьма Бузьмичъ блѣдный отъ злобы обратился къ сыну и велѣлъ распорядиться, чтобы впредь этого оборванца и духу не было, и на дворъ не впускать, не то...

Онъ не договорилъ того чѣмъ угрожалъ, но даже сынъ, часто выдавшій его во гнѣвъ, вздрогнулъ отъ страху. Цѣлый часъ спустя старикъ даже весь трясся отъ злобы, а къ вечеру заболѣлъ и послалъ за «лѣкаремъ».

II.

Лягавый.

Итакъ, надо было «скакать», а денегъ на лошадей все таки не было ни копѣйки, то есть были два двугривенныхъ, и это все, все что оставалось отъ столькихъ лѣтъ прежняго благосостоянія! Но у него лежали дома старые серебряные часы, давно уже переставшіе ходить. Онъ схватилъ ихъ и снесъ къ Еврею-часовщику, помѣщавшемуся въ своей лавчонкѣ на базарѣ. Тотъ далъ за нихъ шесть рублей. «И того не ожидалъ!» вскричалъ восхищенный Митя (онъ все

продолжалъ быть въ восхищеніи), схватилъ свои шесть рублей и побѣжалъ домой. Дома онъ дополнилъ сумму, взявъ займы три рубля отъ хозяевъ, которые дали ему съ удовольствіемъ, не смотря на то что отдавали послѣднія свои деньги, до того любили его. Митя въ восторженномъ состояніи своемъ открылъ имъ тутъ же, что рѣшается судьба его и рассказалъ имъ, ужасно спѣша разумѣется, почти весь свой «планъ», который только что представилъ Самсонову, затѣмъ рѣшеніе Самсонова, будущія надежды свои и проч. и проч. Хозяева и допрежь сего были посвящены во многія его тайны, потому-то и смотрѣли на него какъ на *своего* человѣка, совсѣмъ не гордаго барина. Совокупивъ такимъ образомъ девять рублей, Митя послалъ за почтовыми лошадьми до Воловѣй станціи. Но такимъ образомъ запомнился и обозначился фактъ, что «наканунѣ нѣкотораго событія, въ полдень, у Мити не было ни копѣйки и что онъ чтобы достать денегъ, продалъ часы и занялъ три рубля у хозяевъ, и все при свидѣтеляхъ».

Отмѣчаю этотъ фактъ заранѣе, потомъ разъяснится для чего такъ дѣлаю.

Поскакавъ на Воловьѣ станцію, Митя хоть и сіялъ отъ радостнаго предчувствія что наконецъ-то кончитъ и развяжетъ «всѣ эти дѣла», тѣмъ не менѣе трепеталъ и отъ страху: что станется теперь съ Грушенькой въ его отсутствіе? Ну какъ разъ сегодня-то и рѣшится наконецъ пойти къ Федору Павловичу? Вотъ почему онъ и уѣхалъ ей не сказавшись и заказавъ хозяевамъ отнюдь не отрываться куда онъ дѣлся, если откуда нибудь придуть его спрашивать. «Непремѣнно, непремѣнно сегодня къ вечеру надо вернуться», повторялъ онъ, трясясь въ телѣгѣ, «а этого Лягаваго пожалуй и сюда притащить.... для совершенія этого акта».... такъ замирая душою мечталъ Митя, но увы, мечтаніямъ

его слишком не суждено было совершиться по его «плану».

Во первыхъ, онъ опоздалъ, отправившись съ Воловьею станціи проселкомъ. Проселокъ оказался не въ двѣнадцать, а въ восемнадцать верстъ. Во вторыхъ, Ильинскаго «батюшки» онъ не засталъ дома, тотъ отлучился въ сосѣдную деревню. Пока розыскалъ тамъ его Митя, отправившись въ эту сосѣдную деревню все на тѣхъ же, уже измученныхъ лошадяхъ, наступила почти уже ночь. «Батюшка», робкій и ласковый на видъ человѣчекъ, разъяснилъ ему немедленно, что этотъ Лягавый, хоть и остановился было у него съ первеначалу, но теперь находится въ Сухомъ Поселкѣ, тамъ у лѣснаго сторожа въ избѣ сегодня ночуетъ, потому что и тамъ тоже лѣсъ торгуетъ. На усиленные просьбы Мити сводить его къ Лягавому сейчасъ же и «тѣмъ такъ сказать спасти его», батюшка хоть и заколебался въ началѣ, но согласился однако проводить его въ Сухой Поселокъ, видимо почувствовавъ любопытство; но на грѣхъ посоветовалъ дойти «пѣшечкомъ», такъ какъ тутъ всего какая нибудь верста «съ небольшимъ излишкомъ» будетъ. Митя разумѣется согласился и зашагалъ своими аршинными шагами, такъ что бѣдный батюшка почти побѣжалъ за нимъ. Это былъ еще не старыи и очень осторожный человѣчекъ. Митя и съ нимъ тотчасъ же заговорилъ о своихъ планахъ, горячо, нервно требовалъ совѣтовъ на счетъ Лягаваго и проговорилъ всю дорогу. Батюшка слушалъ внимательно, но посоветовалъ мало. На вопросы Мити отвѣчалъ уклончиво: «не знаю, охъ, не знаю, гдѣ же мнѣ это знать» и т. д. Когда Митя заговорилъ о своихъ контрахъ съ отцомъ на счетъ наслѣдства, то батюшка даже испугался, потому что состоялъ съ Федоромъ Павловичемъ въ какихъ-то зависимыхъ къ нему отношеніяхъ. Съ удивленіемъ впрочемъ освѣдомился почему онъ

называетъ этого торгующаго крестьянина Горсткина Лягавымъ, и разъяснилъ обязательно Митѣ, что хоть тотъ и впрямь Лягавый, но что онъ и не Лягавый, потому что именемъ этимъ жестоко обижается, и что называть его надо непременно Горсткинъмъ, «иначе ничего съ нимъ не совершите, да и слушать не станетъ», заключилъ батюшка. Митя нѣсколько и наскоро удивился и объяснилъ, что такъ называлъ его самъ Самсоновъ. Услышавъ про это обстоятельство, батюшка тотчасъ же этотъ разговоръ замялъ, хотя и хорошо бы сдѣлалъ, еслибы разъяснилъ тогда же Дмитрію Федоровичу догадку свою: что если самъ Самсоновъ послалъ его къ этому мужичку, какъ къ Лягавому, то не сдѣлалъ ли сего почему либо на смѣхъ, и что нѣтъ ли чего тутъ неладнаго? Но Митѣ некогда было останавливаться «на такихъ мелочахъ». Онъ спѣшилъ, шагаль, и только придя въ Сухой Поселокъ догадался, что прошли они не версту и не полторы, а навѣрное три; это его раздосадовало, но онъ стерпѣлъ. Вошли въ избу. Лѣсникъ, знакомый батюшки, помѣщался въ одной половинѣ избы, а въ другой, чистой половинѣ, черезъ сѣни, расположился Горсткинъ. Вошли въ эту чистую избу и засвѣтили сальную свѣчку. Изба была сильно натоплена. На сосновомъ столѣ стоялъ потухшій самоваръ, тутъ же подносъ съ чашками, допитая бутылка рому, не совсѣмъ допитый штофъ водки и объѣдки пшеничнаго хлѣба. Самъ же пріѣзжій лежалъ протянувшись на скамьѣ, со скомканною верхнею одеженкой подъ головою вмѣсто подушки, и грузно храпѣлъ. Митя сталъ въ недоумѣніи. «Конечно надо будить: мое дѣло слишкомъ важное, я такъ спѣшилъ, я спѣшу сегодня же воротиться», затревожился Митя; но батюшка и сторожъ стояли молча, не высказывая своего мнѣнія. Митя подошелъ и принялся будить самъ, принялся энергически, но спящій не пробуж-

дался. «Онъ пьянъ, рѣшилъ Митя, но что же мнѣ дѣлать, Господи, что же мнѣ дѣлать!» И вдругъ въ страшномъ нетерпѣннн принялся дергать спящаго за руки, за ноги, раскачивать его за голову, приподымать и садить на лавку, и всетаки послѣ весьма долгихъ усилій добился лишь того что тотъ началъ нелѣпо мычать и крѣпко, хотя и неясно выговаривая, ругаться.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше повремените, изрекъ наконецъ батюшка,—потому онъ видимо не въ состояннн.

— Весь день пилъ, отозвался сторожъ.

— Боже! вскрикивалъ Митя,—еслибы вы только знали какъ мнѣ необходимо и въ какомъ я теперь отчаяннн!

— Нѣтъ ужъ лучше бы вамъ повременить до утра, повторилъ батюшка.

— До утра? Помилосердуйте, это невозможно! И въ отчаяннн онъ чуть было опять не бросился будить пьяницу, но тотчас оставилъ, понявъ всю бесполезность усилій. Батюшка молчалъ, заспанный сторожъ былъ мраченъ.

— Какія страшныя трагеднн устраиваетъ съ людьми реализмъ! проговорилъ Митя въ совершенномъ отчаяннн. Потъ лился съ его лица. Воспользовавшись минутой, батюшка весьма резонно изложилъ, что хотя бы и удалось разбудить спящаго, но будучи пьянымъ онъ все же не способенъ ни къ какому разговору, «а у васъ дѣло важное, такъ ужъ вѣрнѣе бы оставить до утра»... Митя развелъ руками и согласился.

— Я, батюшка, останусь здѣсь со свѣчей и буду ловить мгновеннн. Пробудится и тогда я начну... За свѣчку я тебѣ заплачу, обратился онъ къ сторожу, — за постой тоже, будешь помннть Дмитрнн Карамазова. Вотъ только съ вами, батюшка, не знаю теперь какъ быть: гдѣ же вы ляжете?

— Нѣтъ, я ужь къ себѣ-съ. Я вотъ на его кобылкѣ и доѣду, показалъ онъ на сторожа. — За симъ прощайте-съ, жслаю вамъ полное удовольствіе получить.

Такъ и порѣшили. Батюшка отправился на кобылкѣ, обрадованный что наконецъ отвязался, но все же смятенно покачивая головой и раздумывая: не надо ли будетъ завтра заблаговременно увѣдомить о семъ любопытномъ случаѣ благодѣтеля Федора Павловича, «а то неровень часъ узнаеть, осердится и милости прекратитъ». Сторожъ, почесавшись, молча отправился въ свою избу, а Митя сѣлъ на лавку лодить, какъ онъ выразился, мгновеніе. Глубокая тоска облегла какъ тяжелый туманъ его душу. Глубокая, страшная тоска! Онъ сидѣлъ, думалъ, но обдумать ничего не могъ. Свѣчка пагорала, затрещалъ сверчокъ, въ натопленной комнатѣ становилось нестерпимо душно. Ему вдругъ представился садъ, ходъ за садомъ, у отца въ домѣ таинственно отворяется дверь, а въ дверь пробѣгаетъ Грушенька... Онъ вскочилъ съ лавки.

— Трагедія! проговорилъ онъ скрежеща зубами, машинально подошелъ къ спящему и сталъ смотрѣть на его лицо. Это былъ сухопарый, еще не старый мужикъ, съ весьма продолговатымъ лицомъ, въ русыхъ кудряхъ и съ длинною тоненькою рыжеватою бородкой, въ ситцевой рубахѣ и въ черномъ жилетѣ, изъ кармана котораго выглядывала цѣпочка отъ серебряныхъ часовъ. Митя разсматривалъ эту фizioномію со страшною ненавистью и ему почему-то особенно ненавистно было, что онъ въ кудряхъ. Главное то было нестерпимо обидно, что вотъ онъ, Митя, стоитъ надъ нимъ со своимъ неотложнымъ дѣломъ, столько пожертвовавъ, столько бросивъ, весь измученный, а этотъ тунеядецъ, «отъ котораго зависить теперь вся судьба моя, храпитъ какъ ни въ чемъ ни бывало, точно съ другой планеты». «О, иронія

судьбы!» воскликнул Митя и вдругъ, совсѣмъ потерявъ голову, бросился опять будить пьянаго мужика. Онъ будилъ его съ какимъ-то остервенѣніемъ, рвалъ его, толкалъ, даже билъ, но провозившись минутъ пять и опять ничего не добившись, въ безсильномъ отчаяніи воротился на свою лавку и сѣлъ.

— Глупо, глупо! восклицалъ Митя,—и... какъ это все безчестно! прибавилъ онъ вдругъ почему-то. У него страшно начала болѣть голова: «бросить развѣ? Уѣхать совсѣмъ» мелькнуло въ умѣ его. «Нѣтъ ужъ до утра. Вотъ нарочно же останусь, нарочно! Зачѣмъ же я и пріѣхалъ послѣ того? Да и уѣхать не на чемъ, какъ теперь отсюда уѣдешь, о, бессмыслица!»

Голова его однако разбалчивалась все больше и больше. Неподвижно сидѣлъ онъ и уже не помнилъ какъ задремалъ и вдругъ сидя заснулъ. Повидимому онъ спалъ часа два или больше. Очнулся же отъ нестерпимой головной боли, нестерпимой до крику. Въ вискахъ его стучало, темя болѣло; очнувшись онъ долго еще не могъ войти въ себя совершенно и осмыслить чтѣ съ нимъ такое произошло. Наконецъ-то догадался что въ натопленной комнатѣ страшный угаръ и что онъ можетъ быть могъ умереть. А пьяный мужикъ все лежалъ и храпѣлъ; свѣчка оплыла и готова была погаснуть. Митя закричалъ и бросился, шатаясь, черезъ сѣни въ избу сторожа. Тотъ скоро проснулся, но услыхавъ что въ другой избѣ угаръ, хотя и пошелъ распорядиться, но принялъ фактъ до странности равнодушно, чтѣ обидно удивило Митю.

— Но онъ умеръ, онъ умеръ, и тогда... чтѣ тогда? восклицалъ предъ нимъ въ изступленіи Митя.

Двери растворили, отворили окно, открыли трубу, Митя притащилъ изъ сѣней ведро съ водой, сперва намочилъ

голову себѣ, а затѣмъ, найдя какую-то тряпку, окунулъ ее въ воду и приложилъ къ головѣ Лягаваго. Сторождъ же продолжалъ относиться ко всему событію какъ-то даже презрительно и, отворивъ окно, произнесъ угрюмо: «ладно и такъ», и пошелъ опять спать, оставивъ Митѣ зажженный желѣзный фонарь. Митя провозился съ угорѣвшимъ пьяницей съ полчаса, все намачивая ему голову, и серьезно уже намѣревался не спать всю ночь, но измучившись присѣлъ какъ-то на одну минутку чтобы перевести духъ, и мгновенно закрылъ глаза, затѣмъ тотчасъ же бессознательно протянулся на лавкѣ и заснулъ какъ убитый.

Проснулся онъ ужасно поздно. Было примѣрно уже часовъ девять утра. Солнце ярко сіяло въ два оконца избушки. Вчерашній кудрявый мужикъ сидѣлъ на лавкѣ уже одѣтый въ поддевку. Предъ нимъ стоялъ новый самоваръ и новый штофъ. Старый вчерашній былъ уже допить, а новый опорожненъ болѣе чѣмъ на половину. Митя вскочилъ и мигомъ догадался, что проклятый мужикъ пьянъ опять, пьянъ глубоко и невозвратно. Онъ глядѣлъ на него съ минуту выпучивъ глаза. Мужикъ же поглядывалъ на него молча и лукаво, съ какимъ-то обиднымъ спокойствіемъ, даже съ презрительнымъ какимъ-то высокомеріемъ, какъ показалось Митѣ. Онъ бросился къ нему.

— Позвольте, видите... я... вы вѣроятно слышали отъ здѣшняго сторожа въ той избѣ: я поручикъ Дмитрій Карамазовъ, сынъ старика Карамазова, у котораго вы изволите рощу торговать...

— Это ты врешь! вдругъ твердо и спокойно отчеканилъ мужикъ.

— Какъ вру? Ѳедора Павловича изволите знать?

— Никакого твоего Ѳедора Павловича не изволю знать, какъ-то грузно ворочая языкомъ проговорилъ мужикъ.

— Рощу, рощу вы у него торгуете; да проснитесь, опомнитесь. Отецъ Павелъ Ильинскій меня проводилъ сюда... Вы къ Самсонову писали и онъ меня къ вамъ прислалъ... задыхался Митя.

— В-врешь! отчеканилъ опять Лягавый. У Мити похолодѣли ноги.

— Помиловосердуйте, вѣдь это не шутка! Вы можете быть хмѣльны. Вы можете же наконецъ говорить, понимать... иначе... иначе я ничего не понимаю!

— Ты красильщикъ!

— Помиловосердуйте, я Карамазовъ, Дмитрій Карамазовъ, имѣю къ вамъ предложеніе... выгодное предложеніе... весьма выгодное... именно по поводу роши.

Мужикъ важно поглаживалъ бороду.

— Нѣтъ, ты подрядъ снималъ и подлець вышелъ. Ты подлець!

— Увѣряю же васъ что вы ошибаетесь! въ отчаяніи ломалъ руки Митя. Мужикъ все гладилъ бороду и вдругъ лукаво прищурилъ глаза.

— Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что укажи: укажи ты мнѣ такой законъ чтобы позволено было пакости строить, слышишь ты! Ты подлець, понимаешь ты это?

Митя мрачно отступилъ и вдругъ его какъ бы «что-то ударило по лбу», какъ онъ самъ потомъ выразился. Въ одинъ мигъ произошло какое-то озареніе въ умѣ его, «загорѣлся свѣточъ, и я все постигъ». Въ остолбенѣніи стоялъ онъ недоумѣвая какъ могъ онъ, человѣкъ все же умный, поддаться на такую глупость, втюриться въ этакое приключеніе и продолжать все это почти цѣлыя сутки, возиться съ этимъ Лягавымъ, мочить ему голову.... «Ну, пьянъ человѣкъ, пьянъ до чертиковъ и будетъ пить запоемъ еще недѣлю,—чего же тутъ ждать? А что если Самсоновъ меня

нарочно прислалъ сюда? А что если она... О Боже, что я надѣлалъ»?...

Мужикъ сидѣлъ, глядѣлъ на него и посмѣивался. Будь другой случай и Митя можетъ быть убилъ бы этого дурака со злости, но теперь онъ весь самъ ослабѣлъ какъ ребенокъ. Тихо подошелъ онъ къ лавкѣ, взялъ свое пальто, молча надѣлъ его и вышелъ изъ избы. Въ другой избѣ сторожа онъ не нашелъ, никого не было. Онъ вынулъ изъ кармана мелочью пятьдесятъ копѣекъ и положилъ на столъ, за ночлегъ, за свѣчку и за безпокойство. Выйдя изъ избы онъ увидалъ что кругомъ только лѣсъ и ничего больше. Онъ пошелъ наугадъ, даже не помня куда поверотить изъ избы—направо или налево; вчера ночью, спѣша сюда съ батюшкой, онъ дороги не замѣтилъ. Никакой мести ни къ кому не было въ душѣ его, даже къ Самсонову. Онъ шагаль по узенькой лѣсной дорожкѣ безсмысленно, потерянно, съ «потерянною идеей» и совсѣмъ не заботясь о томъ куда идетъ. Его могъ побороть встрѣчный ребенокъ, до того онъ вдругъ обезсилѣлъ душой и тѣломъ. Кое какъ онъ однако изъ лѣсу выбрался: предстали вдругъ сжатые обнаженные поля на необозримомъ пространствѣ: «Какое отчаяніе, какая смерть кругомъ!» повторялъ онъ все шагая впередъ и впередъ.

Его спасли проѣзжіе: извозчикъ везъ по проселку какого-то старичка-купца. Когда поровнялись, Митя спросилъ про дорогу и оказалось что тѣ тоже ѣдутъ на Воловью. Вступили въ переговоры и посадили Митю попутчикомъ. Часа черезъ три доѣхали. На Воловѣй станціи Митя тотчасъ же заказалъ почтовыхъ въ городъ, а самъ вдругъ догадался, что до невозможности голоденъ. Пока впрягали лошадей, ему смастерили яичницу. Онъ мигомъ съѣлъ ее всю, съѣлъ весь большой ломоть хлѣба, съѣлъ нашедшуюся колбасу и выпилъ три рюмки водки. Подгрѣпившись, онъ

ободрился и въ душѣ его опять прояснѣло. Онъ летѣлъ по дорогѣ, погонялъ ямщика и вдругъ составилъ новый и уже «непреложный» планъ какъ достать еще сегодня же до вечера «эти проклятыя деньги». «И подумать, только подумать что изъ-за этихъ ничтожныхъ трехъ тысячъ пропадаетъ судьба человѣческая!» воскликнулъ онъ презрительно. «Сегодня же порѣшу!» И еслибы только не непрерывная мысль о Грушенькѣ и о томъ не случилось ли съ ней чего, то онъ сталъ бы можетъ быть опять совсѣмъ веселъ. Но мысль о ней вонзалась въ его душу поминутно какъ острый ножъ. Наконецъ пріѣхали и Митя тотчасъ же побѣжалъ къ Грушенькѣ.

III.

Золотые пріиски.

Это было именно то посѣщеніе Мити про которое Грушенька съ такимъ страхомъ рассказывала Ракитину. Она тогда ожидала своей «эстафеты» и очень рада была что Митя ни вчера, ни сегодня не приходилъ, надѣялась что авось Богъ дастъ не придетъ до ея отъѣзда, а онъ вдругъ и нагрязнулъ. Дальнѣйшее намъ извѣстно: чтобы сбыть его съ рукъ, она мигомъ уговорила его проводить ее къ Кузьмѣ Самсонову, куда будто бы ей ужасно надо было идти «деньги считать», и когда Митя ее тотчасъ же проводилъ, то прощаясь съ нимъ у воротъ Кузьмы, взяла съ него обѣщаніе придти за нею въ двѣнадцатомъ часу, чтобы проводить ее обратно домой. Митя этому распоряженію тоже былъ радъ: «Просидить у Кузьмы, значить не пойдетъ къ Федору Павловичу.... если только не лжетъ», прибавилъ онъ тотчасъ же. Но на его глазъ кажется не лгала. Онъ былъ именно

такого свойства ревнивецъ, что въ разлукѣ съ любимую женщиной тотчасъ же навывдумывалъ Богъ знаетъ какихъ ужасовъ о томъ что съ нею дѣлается и какъ она ему тамъ «измѣняетъ», но прибѣжавъ къ ней опять, потрясенный, убитый, увѣренный уже безвозвратно, что она успѣла таки ему измѣнить, съ перваго же взгляда на ея лицо, на смѣющеся, веселое и ласковое лицо этой женщины—тотчасъ же возрождался духомъ, тотчасъ же терялъ всякое подозрѣніе и съ радостнымъ стыдомъ бранилъ себя самъ за ревность. Проводивъ Грушеньку, онъ бросился къ себѣ домой. О, ему столько еще надо было успѣть сегодня сдѣлать! Но по крайней мѣрѣ отъ сердца отлегло. «Вотъ только надо бы поскорѣе узнать отъ Смердякова не было ли чего тамъ вчера вечеромъ, не приходила ли она, чего добраго, къ Федору Павловичу, ухъ!» пронеслось въ его головѣ. Такъ что не успѣлъ онъ еще добѣжать къ себѣ на квартиру какъ ревность уже опять закопошилась въ неугомонномъ сердцѣ его.

Ревность! «Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ», замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о необычайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто разможжена душа и помутилось все міровоззрѣніе его, потому что *погибъ его идеалъ*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпионить, подглядывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было наводить, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями чтобъ онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ. Невозможно даже представить себѣ всего позора и нравственнаго паденія съ которыми способенъ ужиться ревнивецъ безо всякихъ угрызений совѣсти. И вѣдь не то чтобъ это были все пошлыя и грязныя души. Напротивъ, съ сердцемъ высокимъ, съ любовью чистою, полною самопожертвованія, можно въ тоже

время прятаться подъ столы, подкупать подлѣйшихъ людей и уживаться съ самою скверною грязью шпіонства и подслушиванія. Отелло не могъ бы ни за что примириться съ измѣной,—не простить не могъ бы, а примириться,—хотя души его незлобива и невинна какъ душа младенца. Не то съ настоящимъ ревнивцемъ: трудно представить себѣ съ чѣмъ можетъ ужиться и примириться и что можетъ простить иной ревнивецъ! Ревнивцы-то скорѣе всѣхъ и прощаютъ, и это знаютъ всѣ женщины. Ревнивецъ чрезвычайно скоро (разумѣется послѣ страшной сцены въ началѣ) можетъ и способенъ простить, напримѣръ, уже доказанную почти измѣну, уже видѣнные имъ самимъ объятія и поцалуи, еслибы, напримѣръ, онъ въ тоже время могъ какъ нибудь увѣриться что это было «въ послѣдній разъ» и что соперникъ его съ этого часа уже исчезнетъ, уѣдетъ на край земли, или что самъ онъ увезетъ ее куда нибудь въ такое мѣсто, куда ужъ больше не придетъ этотъ страшный соперникъ. Разумѣется, примиреніе произойдетъ лишь на часъ, потому что еслибы даже и въ самомъ дѣлѣ исчезъ соперникъ, то завтра же онъ изобрѣтетъ другаго, новаго и приревнуетъ къ новому. И казалось бы что въ той любви, за которою надо такъ подсматривать, и чего стоить любовь, которую надобно столь усиленно сторожить? Но вотъ этого-то никогда и не пойметъ настоящій ревнивецъ, а между тѣмъ между ними, право, случаются люди даже съ сердцами высокими. Замѣчательно еще то, что эти самые люди съ высокими сердцами, стоя въ какой нибудь каморкѣ, подслушивая и шпіоня, хоть и понимаютъ ясно «высокими сердцами своими» весь срамъ, въ который они сами добровольно залѣзли, но однако въ ту минуту, по крайней мѣрѣ пока стоятъ въ этой каморкѣ, никогда не чувствуютъ угрызений совѣсти. У Мити при видѣ Грушеньки пропадала рев-

ность и на мгновение онъ становился довѣрчивъ и благороденъ, даже самъ презиралъ себя за дурныя чувства. Но это значило только, что въ любви его къ этой женщинѣ заключалось нѣчто гораздо высшее чѣмъ онъ самъ предполагалъ, а не одна лишь страстность, не одинъ лишь «изгибъ тѣла», о которомъ онъ толковалъ Алешѣ. Но зато, когда исчезала Грушенька, Митя тотчасъ же начиналъ опять подозревать въ ней всѣ низости и коварства измѣны. Угрызеній же совѣсти никакихъ при этомъ не чувствовалъ.

Итакъ ревность закипѣла въ немъ снова. Во всякомъ случаѣ надо было спѣшить. Первымъ дѣломъ надо было достать хоть капелюку денегъ на перехватку. Вчерашніе девять рублей почти всѣ ушли на проѣздъ, а совсѣмъ безъ денегъ, извѣстно, никуда шагу ступить нельзя. Но онъ вмѣстѣ съ новымъ планомъ своимъ обдумалъ гдѣ достать и на перехватку еще давеча на телѣгѣ. У него была пара хорошихъ дуэльныхъ пистолетовъ съ патронами, и если до сихъ поръ онъ ея не заложилъ, то потому что любилъ эту вещь больше всего чѣмъ имѣлъ. Въ трактирѣ «Столичный городъ» онъ уже давно слегка познакомился съ однимъ молодымъ чиновникомъ и какъ-то узналъ въ трактирѣ же, что этотъ холостой и весьма достаточный чиновникъ до страсти любить оружіе, покупаетъ пистолеты, револьверы, кинжалы, развѣшиваетъ у себя по стѣнамъ, показываетъ знакомымъ, хвалится, мастеръ растолковать систему револьвера, какъ его зарядить, какъ выстрѣлить и проч. Долго не думая, Митя тотчасъ къ нему отправился и предложилъ ему взять въ закладъ пистолеты за десять рублей. Чиновникъ съ радостью сталъ уговаривать его совсѣмъ продать, но Митя не согласился и тотъ выдалъ ему десять рублей, заявивъ что процентовъ не возьметъ ни за чѣмъ. Разстались пріятелями. Митя спѣшилъ, онъ устремился къ Федору Пав-

ловичу на зады, въ свою бесѣдку, чтобы вызвать поскорѣе Смердякова. Но такимъ образомъ опять получился фактъ, что всего за три, за четыре часа до нѣкотораго приключенія, о которомъ будетъ мною говорено ниже, у Мити не было ни копѣйки денегъ и онъ за десять рублей заложилъ любимую вещь, тогда какъ вдругъ, черезъ три часа, оказались въ рукахъ его тысячи.... Но я забѣгаю впередъ.

У Марьи Кондратьевны (сосѣдки Ѳедора Павловича) его ожидало чрезвычайно поразившее и смутившее его извѣстiе о болѣзни Смердякова. Онъ выслушалъ исторiю о паденiи въ погребъ, затѣмъ о падучей, приѣздѣ доктора, заботахъ Ѳедора Павловича; съ любопытствомъ узналъ и о томъ, что братъ Иванъ Ѳедоровичъ уже укатилъ давеча утромъ въ Москву. «Должно быть раньше меня проѣхалъ черезъ Воловью», подумалъ Дмитрiй Ѳедоровичъ, но Смердяковъ его беспокоилъ ужасно: «какъ же теперь, кто сторожить будетъ, кто мнѣ передастъ?» Съ жадностью началъ онъ спрашивать этихъ женщинъ, не замѣтили-ль онѣ чего вчера вечеромъ? Тѣ очень хорошо понимали о чемъ онъ разузнаетъ и разувѣрили его вполне: никого не было, ночевалъ Иванъ Ѳедоровичъ, «все было въ совершенномъ порядкѣ». Митя задумался. Безъ сомнѣнiя надо и сегодня караулить, но гдѣ: здѣсь или у воротъ Самсонова? Онъ рѣшилъ что и здѣсь и тамъ, все по усмотрѣнiю, а пока, пока.... Дѣло въ томъ, что теперь стоялъ предъ нимъ этотъ «планъ», давешнiй, новый и уже вѣрный планъ, выдуманный имъ на телѣгѣ, и откладывать исполненiе котораго было уже невозможно. Митя рѣшилъ пожертвовать на это часъ: «въ часъ все порѣшу, все узнаю и тогда, тогда, во первыхъ, въ домъ къ Самсонову, справлюсь тамъ ли Грушенька и мигомъ обратно сюда, и до одиннадцати часовъ здѣсь, а потомъ опять за ней къ

Самсонову чтобы проводить ее обратно домой». Вотъ какъ онъ рѣшилъ.

Онъ полетѣлъ домой, умылся, причесался, вычистилъ платье, одѣлся и отправился къ госпожѣ Хохлаковой. Увы, «планъ» его былъ тутъ. Онъ рѣшился занять три тысячи у этой дамы. И главное, у него вдругъ, какъ-то внезапно, явилась необыкновенная увѣренность, что она ему не откажетъ. Можетъ быть подивятся тому, что если была такая увѣренность, то почему же онъ заранѣе не пошелъ сюда, такъ сказать въ свое общество, а направился къ Самсонову, человѣку склада чужаго, съ которымъ онъ даже и не зналъ какъ говорить. Но дѣло въ томъ, что съ Хохлаковой онъ въ послѣдній мѣсяцъ совсѣмъ почти раззнакомился, да и прежде знакомъ былъ мало, и сверхъ того очень зналъ что и сама она его терпѣть не можетъ. Эта дама возненавидѣла его съ самаго начала просто за то, что онъ женихъ Катерины Ивановны, тогда какъ ей почему-то вдругъ захотѣлось чтобы Катерина Ивановна его бросила и вышла замужъ за «милаго, рыцарски образованнаго Ивана Федоровича, у котораго такія прекрасныя манеры». Манеры же Мити она ненавидѣла. Митя даже смѣялся надъ ней и разъ какъ-то выразился про нее, что эта дама «настолько жива и развязна на сколько необразована». И вотъ давеча утромъ на телѣгѣ его озарила самая яркая мысль: «Да если ужъ она такъ не хочетъ чтобъ я женился на Катеринѣ Ивановнѣ, и не хочетъ до такой степени (онъ зналъ что почти до истерики), то почему бы ей отказать мнѣ теперь въ этихъ трехъ тысячахъ, именно для того чтобъ я на эти деньги могъ, оставивъ Катю, укатить на вѣки отсюда? «Эти избалованныя высшія дамы, если ужъ захотятъ чего до капризу, то ужъ ничего не щадятъ, чтобы вышло по ихнему. Она же къ тому такъ богата», разсуждалъ Митя.

Что же касается собственно до «плана», то было все тоже самое что и прежде, то есть предложеніе правъ своихъ на Чермашню,—но уже не съ коммерческою цѣлью, какъ вчера Самсонову, не прельщая эту даму, какъ вчера Самсонова, возможностью стяпать вмѣсто трехъ тысячъ кушъ вдвое, тысячъ въ шесть или семь, а просто какъ благородную гарантію за долгъ. Развивая эту новую свою мысль, Митя доходилъ до восторга, но такъ съ нимъ и всегда случалось при всѣхъ его начинаніяхъ, при всѣхъ его внезапныхъ рѣшеніяхъ. Всякой новой мысли своей онъ отдавался до страсти. Тѣмъ не менѣе, когда ступилъ на крыльцо дома госпожи Хохлаковой, вдругъ почувствовалъ на спинѣ своей ознобъ ужаса: въ эту только секунду онъ созналъ вполне и уже математически ясно, что тутъ вѣдь послѣдняя уже надежда его, что дальше уже ничего не остается въ мірѣ, если тутъ оборвется, «развѣ зарѣзать и ограбить когонибудь изъ за трехъ тысячъ, а болѣе ничего».... Было часовъ семь съ половиною, когда онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Сначала дѣло какъ бы улыбнулось: только что онъ доложилъ, его тотчасъ же приняли съ необыкновенною быстротой. «Точно вѣдь ждала меня», мелькнуло въ умѣ Мити, а затѣмъ вдругъ, только что ввели его въ гостиную, почти вбѣжала хозяйка и прямо объявила ему что ждала его....

— Ждала, ждала! Вѣдь я не могла даже и думать что вы ко мнѣ придете, согласитесь сами, и однако я васъ ждала, подивитесь моему инстинкту, Дмитрій Ѳедоровичъ, я все утро была увѣрена что вы сегодня придете.

— Это дѣйствительно, сударыня, удивительно, произнесъ Митя, мѣшковато усаживаясь, — но.... я пришелъ по чрезвычайно важному дѣлу.... наиважнѣйшему изъ важнѣй-

шихъ, для меня то есть, сударыня, для меня одного, и слѣшу....

— Знаю что по наиважнѣйшему дѣлу, Дмитрій Ѳедоровичъ, тутъ не предчувствія какія нибудь, не ретроградныя поколзновенія на чудеса (слышали про старца Зосиму?), тутъ, тутъ математика: вы не могли не придти, послѣ того какъ произошло все это съ Катериной Ивановной, вы не могли, не могли, это математика.

— Реализмъ дѣйствительной жизни, сударыня, вотъ что это такое! Но позвольте однакожь изложить...

— Именно реализмъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я теперь вся за реализмъ, я слишкомъ проучена на счетъ чудесъ. Вы слышали, что померъ старецъ Зосима?

— Нѣтъ, сударыня, въ первый разъ слышу, удивился немного Митя. Въ умѣ его мелькнулъ образъ Алеши.

— Сегодня въ ночь, и представьте себѣ...

— Сударыня, прервалъ Митя,—я представляю себѣ только то, что я въ отчаяннѣйшемъ положеніи и что если вы мнѣ не поможете, то все провалится, и я провалюсь первый. Простите за тривіальность выраженія, но я въ жару, я въ горячкѣ...

— Знаю, знаю, что вы въ горячкѣ, все знаю, вы и не можете быть въ другомъ состояніи духа, и что бы вы ни сказали, я все знаю напередъ. Я давно взяла вашу судьбу въ соображеніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, я слѣжу за нею и изучаю ее... О, повѣрьте, что я опытный душевный докторъ, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Сударыня, если вы опытный докторъ, то я зато опытный больной, слюбезничалъ черезъ силу Митя,—и предчувствую, что если вы ужъ такъ слѣдите за судьбой моею, то и поможете ей въ ея гибели, но для этого позвольте мнѣ наконецъ изложить предъ вами тотъ планъ съ которымъ я

рискнулъ явиться... и то чего отъ васъ ожидаю... Я пришелъ, сударыня...

— Не излагайте, это второстепенность. А на счетъ помощи я не первому вамъ помогаю, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы вѣроятно слышали о моей кузинѣ Бельмесовой, ея мужъ погибалъ, провалился, какъ вы характерно выразились, Дмитрій Ѳедоровичъ, и что же, я указала ему на коннозаводство и онъ теперь процвѣтаетъ. Вы имѣете понятіе о коннозаводствѣ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Ни малѣйшаго, сударыня, — охъ, сударыня, ни малѣйшаго! вскричалъ въ нервномъ нетерпѣніи Митя и даже поднялся было съ мѣста. — Я только умоляю васъ, сударыня, меня выслушать, дайте мнѣ только двѣ минуты свободнаго разговора, чтобъ я могъ сперва изложить вамъ все, весь проектъ съ которымъ пришелъ. Къ тому же мнѣ нужно время, я ужасно слѣшу!... прокричалъ истерически Митя, почувствовавъ что она сейчасъ опять начнетъ говорить и въ надеждѣ перекричать ее: — Я пришелъ въ отчаяніи... въ послѣдней степени отчаянія, чтобы просить у васъ займы денегъ три тысячи, займы, но подъ вѣрный, подъ вѣрнѣйшій залогъ, сударыня, подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе! Позвольте только изложить...

— Это вы все потомъ, потомъ! замахала на него рукой въ свою очередь г-жа Хохлакова, — да и все что бы вы ни сказали я знаю все напередъ, я уже говорила вамъ это. Вы просите какой-то суммы, вамъ нужны три тысячи, но я вамъ дамъ больше, безмѣрно больше, я васъ спасу, Дмитрій Ѳедоровичъ, но надо чтобы вы меня послушались!

Митя такъ и прынулъ опять съ мѣста.

— Сударыня, неужто вы такъ добры! вскричалъ онъ съ чрезвычайнымъ чувствомъ. — Господи, вы спасли меня.

Вы спасаете человѣка, сударыня, отъ насильственной смерти, отъ пистолета.... Вѣчная благодарность моя..

— Я вамъ дамъ безконечно, безконечно больше чѣмъ три тысячи! прокричала г-жа Хохлакова, съ сіяющею улыбкой смотря на восторгъ Мити.

— Безконечно? Но столько и не надо. Необходимы только эти роковыя для меня три тысячи, а я со своей стороны пришель гарантировать вамъ эту сумму съ безконечнсю благодарностью и предлагаю вамъ планъ, который...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, сказано и сдѣлано, отрѣзала г-жа Хохлакова съ цѣломудреннымъ торжествомъ благодѣтельница. — Я обѣщала васъ спасти и спасу. Я васъ спасу какъ и Бельмесова. Чтѣ думаете вы о золотыхъ пріискахъ, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— О золотыхъ пріискахъ, сударыня! Я никогда ничего о нихъ не думалъ.

— А зато я за васъ думала! Думала и передумала! Я уже цѣлый мѣсяцъ слѣжу за вами съ этою цѣлью. Я сто разъ смотрѣла на васъ когда вы проходили и повторяла себѣ: вотъ энергическій человѣкъ которому надо на пріиски. Я изучила даже походку вашу и рѣшила: этотъ человѣкъ найдетъ много пріисковъ.

— По походкѣ, сударыня? улыбнулся Митя.

— А чтѣ жь, и по походкѣ. Что же, неужели вы отрицаете что можно по походкѣ узнавать характеръ, Дмитрій Ѳедоровичъ? Естественныя науки подтверждаютъ тоже самое. О, я теперь реалистка, Дмитрій Ѳедоровичъ. Я съ сегодняшняго дня, послѣ всей этой исторіи въ монастырѣ, которая меня такъ разстроила, совершенная реалистка и хочу брестись въ практическую дѣятельность. Я излѣчена. Довольно! какъ сказалъ Тургеневъ.

— Но, сударыня, эти три тысячи которыми вы такъ великодушно меня обѣщали ссудить...

— Васъ не минуютъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ же перерѣзала г-жа Хохлакова,—эти три тысячи все равно что у васъ въ карманѣ, и не три тысячи, а три милліона, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ самое короткое время! Я вамъ скажу вашу идею: вы отыщете пріиски, наживете милліоны, воротитесь и станете дѣятелемъ, будете и насъ двигать направляя къ добру. Неужели же все предоставить Жидамъ? Вы будете строить зданія и разныя предпріятія. Вы будете помогать бѣднымъ, а тѣ васъ благословлять. Нынче вѣтъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Ѳедоровичъ. Вы станете извѣстны и необходимы министерству финансовъ, которое теперь такъ нуждается. Паденіе нашего кредитнаго рубля не даетъ мнѣ спать, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ этой стороны меня мало знаютъ...

— Сударыня, сударыня! въ какомъ-то безпокойномъ предчувствіи прервалъ опять Дмитрій Ѳедоровичъ,—я весьма и весьма можетъ быть послѣдую вашему совѣту—умному совѣту вашему, сударыня,—и отправлюсь можетъ быть туда... на эти пріиски... и еще разъ приду къ вамъ говорить объ этомъ... даже много разъ... но теперь эти три тысячи, которыя вы такъ великодушно... О, онѣ бы развязали меня, и если можно сегодня... То есть видите ли, у меня теперь ни часу, ни часу времени...

— Довольно, Дмитрій Ѳедоровичъ, довольно! настойчиво прервала г-жа Хохлакова;—вопросъ: ѣдете вы на пріиски или нѣтъ, рѣшились ли вы вполне, отвѣчайте математически.

— Ёду, сударыня, потомъ... Я поѣду куда хотите, сударыня... но теперь...

— Подождите же! крикнула г-жа Хохлакова, вскочила

и бросилась къ своему великолѣпному бюро съ безчисленными ящичками и начала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, что-то отыскивая и ужасно торопясь.

«Три тысячи!» подумалъ замирая Митя, «и это сейчасъ, безо всякихъ бумагъ, безъ акта... о, это по джентльменски! Великолѣпная женщина, и еслибы только не такъ разговорчива»...

— Вотъ! вскригнула въ радости г-жа Хохлакова, возвращаясь къ Митѣ, — вотъ чтò я искала!

Это былъ крошечный серебряный образокъ на шнуркѣ, изъ тѣхъ какіе носятъ иногда вмѣстѣ съ натѣльнымъ крестомъ.

— Это изъ Кіева, Дмитрій Ѳедоровичъ, съ благоговѣніемъ продолжала она, — отъ мощей Варвары Великомученицы. Позвольте мнѣ самой вамъ надѣть на шею и тѣмъ благословить васъ на новую жизнь и на новые подвиги.

И она дѣйствительно накинула ему образокъ на шею и стала было вправлять его. Митя въ большомъ смущеніи принагнулся и сталъ ей помогать и наконецъ вправилъ себѣ образокъ чрезъ галстукъ и воротъ рубашки на грудь.

— Вотъ теперь вы можете ѣхать! произнесла г-жа Хохлакова, торжественно садясь опять на мѣсто.

— Сударыня, я такъ тронуть... и не знаю какъ даже благодарить... за такія чувства, но... еслибы вы знали какъ мнѣ дорого теперь время!.. Эта сумма которую я столь жду отъ вашего великодушія... О, сударыня, если ужъ вы такъ добры, такъ трогательно великодушны ко мнѣ (воскликнулъ вдругъ во вдохновеніи Митя), то позвольте мнѣ вамъ открыть... чтò впрочемъ вы давно уже знаете... что я люблю здѣсь одно существо... Я измѣнилъ Катѣ... Катеринѣ Ивановнѣ я хочу сказать. О, я былъ безчеловѣченъ и безчестенъ предъ нею, но я здѣсь полюбилъ другую... одну жен-

щину, сударыня, можетъ быть презираемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никакъ не могу оставить, никакъ, а потому теперь, эти три тысячи...

— Оставьте все, Дмитрій Федоровичъ! самымъ рѣшительнымъ тономъ перебила г-жа Хохлакова. — Оставьте, и особенно женщинъ. Ваша цѣль—приски, а женщинъ туда незачѣмъ везти. Потомъ, когда вы возвратитесь въ богатствѣ и славѣ, вы найдете себѣ подругу сердца въ самомъ высшемъ обществѣ. Это будетъ дѣвушка современная, съ познаніями и безъ предразсудковъ. Къ тому времени какъ разъ созрѣетъ теперь начавшійся женскій вопросъ, и явится новая женщина...

— Сударыня, это не то, не то... сложилъ было умоляя руки Дмитрій Федоровичъ.

— То самое, Дмитрій Федоровичъ, именно то чтò вамъ надо, чего вы жаждете сами не зная того. Я вовсе не прочь отъ теперешняго женскаго вопроса, Дмитрій Федоровичъ. Женское развитіе и даже политическая роль женщины въ самомъ ближайшемъ будущемъ — вотъ мой идеаль. У меня у самой дочь, Дмитрій Федоровичъ, и съ этой стороны меня мало знаютъ. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этотъ писатель мнѣ столько указалъ, столько указалъ въ назначеніи женщины, что я отправила ему прошлаго года анонимное письмо въ двѣ строки: «Обнимаю и цалую васъ, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотѣла было подписаться «современная мать», и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрій Федоровичъ, да и слово «современная» напомнило бы имъ *Современникъ*, — воспоминаніе для нихъ горькое въ виду нынѣшней цензуры... Ахъ Боже мой, чтò съ вами?

— Сударыня, вскочилъ наконецъ Митя, складывая предъ

ней руки ладонями въ безсильной мольбѣ,—вы меня заставьте заплакать, сударыня, если будете откладывать то что такъ великодушно...

— И поплачьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, поплачьте! Это прекрасныя чувства... вамъ предстоитъ такой путь! Слезы облегчатъ васъ, потомъ возвратитесь и будете радоваться. Нарочно прискачете ко мнѣ изъ Сибири чтобы со мной порадоваться...

— Но позвольте же и мнѣ, завопилъ вдругъ Митя,—въ послѣдній разъ умоляю васъ, скажите, могу я получить отъ васъ сегодня эту обѣщанную сумму? Если же нѣтъ, то когда именно мнѣ явиться за ней?

— Какую сумму, Дмитрій Ѳедоровичъ?

— Обѣщанныя вами три тысячи... которыя вы такъ великодушно...

— Три тысячи? Это рублей? Охъ, нѣтъ, у меня нѣтъ трехъ тысячъ, съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ произнесла г-жа Хохлакова. Митя обомлѣлъ...

— Какже вы... сейчасъ... вы сказали... вы выразились даже что онѣ все равно какъ у меня въ карманѣ...

— Охъ, нѣтъ, вы меня не такъ поняли, Дмитрій Ѳедоровичъ. Если такъ, то вы не поняли меня. Я говорила про приски... Правда, я вамъ обѣщала больше, безконечно больше чѣмъ три тысячи, я теперь все припоминаю, но я имѣла въ виду одни приски.

— А деньги? А три тысячи? нелѣпо воскликнулъ Дмитрій Ѳедоровичъ.

— О, если вы разумѣли деньги, то у меня ихъ нѣтъ. У меня теперь совсѣмъ нѣтъ денегъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я какъ разъ воюю теперь съ моимъ управляющимъ и сама на дняхъ заняла пятьсотъ рублей у Міусова. Нѣтъ, нѣтъ, денегъ у меня нѣтъ. И знаете, Дмитрій Ѳедоровичъ, еслибъ

у меня даже и были, я бы вамъ не дала. Во первыхъ, я никому не даю займы. Дать займы значить поссориться. Но вамъ, вамъ я особенно бы не дала, любя васъ не дала бы, чтобы спасти васъ не дала бы, потому что вамъ нужно только одно: пріиски, пріиски и пріиски!...

— О, чтобы чортъ!.. взревѣлъ вдругъ Митя и изо всѣхъ силъ ударилъ кулакомъ по столу.

— А, ай! закричала Хохлакова въ испугѣ и отлетѣла въ другой конецъ гостиной.

Митя плюнулъ и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты, изъ дому, на улицу, въ темноту! Онъ шелъ какъ помѣшанный, ударяя себя по груди, по тому самому мѣсту груди по которому ударялъ себя два дня тому назадъ предъ Алешей, когда видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ вечеромъ, въ темнотѣ, на дорогѣ. Чтò означало это битье себя по груди *по этому мѣсту* и на чтò онъ тѣмъ хотѣлъ указать,—это была пока еще тайна, которую не зналъ никто въ мірѣ, которую онъ не открылъ тогда даже Алешѣ, но въ тайнѣ этой заключался для него болѣе чѣмъ позоръ, заключались гибель и самоубійство, онъ такъ ужь рѣшилъ, если не достанетъ тѣхъ трехъ тысячъ чтобы уплатить Катеринѣ Ивановнѣ и тѣмъ снять съ своей груди, «*съ того мѣста груди*» позоръ, который онъ носилъ на ней и который такъ давилъ его совѣсть. Все это вполне объяснится читателю впоследствии, но теперь, послѣ того какъ исчезла послѣдняя надежда его, этотъ столь сильный физически человекъ, только что прошелъ нѣсколько шаговъ отъ дому Хохлаковой, вдругъ залился слезами какъ малый ребенокъ. Онъ шелъ и въ забытѣ утиралъ кулакомъ слезы. Такъ вышелъ онъ на площадь и вдругъ почувствовалъ что наткнулся на что-то всѣмъ тѣломъ. Раздался пискливый вой какой-то старушонки, которую онъ чуть не опрокинулъ.

— Господи, чуть не убишь! Чего зря шагаешь, сорванецъ!

— Какъ, это вы? вскричалъ Митя разглядѣвъ въ темнотѣ старушонку. Это была та самая старая служанка, которая прислуживала Кузьмѣ Самсонову и которую слишкомъ замѣтилъ вчера Митя.

— А вы сами кто таковы, батюшка? совсѣмъ другимъ голосомъ проговорила старушка,—не признать мнѣ васъ въ темнотѣ-то.

— Вы у Кузьмы Кузьмича живете, ему прислуживаете?

— Точно такъ, батюшка, сейчасъ только къ Прохорычу сбѣгала. . . Да чтой-то я васъ все признать не могу?

— Скажите, матушка, Аграфена Александровна у васъ теперь? вѣ себя отъ ожиданія произнесъ Митя.—Давеча я ее самъ проводилъ.

— Была, батюшка, приходила, посидѣла время и ушла.

— Какъ? Ушла? вскричалъ Митя.—Когда ушла?

— Да въ ту пору и ушла же, минутку только и побывала у насъ. Кузьмѣ Кузьмичу сказку одну рассказала, разсмѣшила его, да и убѣжала.

— Врешь проклятая! завопилъ Митя.

— А-ай! закричала старушонка, но Мити и слѣдъ простылъ; онъ побѣжалъ что было силы въ домъ Морозовой. Это именно было то время когда Грушенька укатила въ Мокрое, прошло не болѣе четверти часа послѣ ея отъѣзда. Оenea сидѣла со своею бабушкой, кухаркой Матреной, въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжалъ «капитанъ». Увидавъ его Оenea закричала благимъ матомъ.

— Кричишь? завопилъ Митя: — Гдѣ она? Но не давъ отвѣтить еще слова обомлѣвшей отъ страха Оeneй, онъ вдругъ повалился ей въ ноги:

— Оenea, ради Господа Христа нашего, скажи, гдѣ она?

— Батюшка, ничего не знаю, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ничего не знаю, хоть убейте ничего не знаю, за-
клялась забожилась Ѳеня, — сами вы давеча съ ней пошли...

— Она назадъ пришла!...

— Голубчикъ, не приходила, Богомъ клянусь не приходила!

— Врешь, вскричалъ Митя, — ужь по одному твоему испугу знаю гдѣ она!...

Онъ бросился вонъ. Испуганная Ѳеня рада была что дешево отдѣлалась, но очень хорошо поняла, что ему было только некогда, а то бы ей можетъ не сдобровать. Но убѣгая онъ все же удивилъ и Ѳеню, и старуху Матрену одною самую неожиданныю выходкой: на столѣ стояла мѣдная ступка, а въ ней пестикъ, небольшой мѣдный пестикъ въ четверть аршина всего длиною. Митя, выбѣгая и уже отворивъ одною рукой дверь, другою вдругъ на лету выхватилъ пестикъ изъ ступки и сунулъ себѣ въ боковой карманъ, съ нимъ и былъ таковъ.

— Ахъ Господи, онъ убить кого хочетъ! всплеснула руками Ѳеня.

IV.

Въ темнотѣ.

Куда побѣжалъ онъ? Извѣстно: «гдѣ же она могла быть какъ не у Ѳедора Павловича? Отъ Самсонова прямо и побѣжала къ нему, теперь-то ужь это ясно. Вся интрига, весь обманъ теперь очевидны».... Все это летѣло какъ вихрь въ головѣ его. На дворъ къ Марьѣ Кондратьевнѣ онъ не забѣжалъ: «Туда не надо, отнюдь не надо.... чтобы ни малѣйшей тревоги.... тотчасъ передадутъ и предадутъ ... Марья Кондратьевна очевидно въ заговорѣ, Смердяковъ тоже, тоже,

всѣ подкуплены!»! У него создалось другое намѣреніе: онъ обѣжалъ большимъ крюкомъ, чрезъ переулокъ, домъ Федора Павловича, пробѣжалъ Дмитровскую улицу, перебѣжалъ потомъ мостикъ и прямо попалъ въ уединенный переулокъ на задахъ, пустой и необитаемый, огороженный съ одной стороны плетнемъ сосѣдскаго огорода, а съ другой крѣпкимъ высокимъ заборомъ, обходившимъ кругомъ сада Федора Павловича. Тутъ онъ выбралъ мѣсто и кажется то самое, гдѣ, по преданію, ему извѣстному, Лизавета Смердящая перелѣзла когда-то заборъ. «Если ужъ та смогла перелѣзть», Богъ знаетъ почему мелькнуло въ его головѣ, — то какъ же бы я-то не перелѣзъ»? И дѣйствительно, онъ подскочилъ и мигомъ снаровилъ схватиться рукой за верхъ забора, затѣмъ энергически приподнялся, разомъ влѣзъ и сѣлъ на заборѣ верхомъ. Тутъ вблизи въ саду стояла банька, но съ забора видны были и освѣщенные огна дома. «Такъ и есть, у старика въ спальнѣ освѣщено, она тамъ!» и онъ спрыгнулъ съ забора въ садъ. Хоть онъ и зналъ, что Григорій боленъ, а можетъ быть и Смердяковъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, и что услышать его некому, но инстинктивно притаился, замеръ на мѣстѣ и сталъ прислушиваться. Но всюду было мертвое молчаніе и какъ нарочно полное затишье, ни малѣйшаго вѣтерка.

«И только шепчетъ тишина», мелькнулъ почему-то этотъ стишокъ въ головѣ его, — «вотъ только не услышалъ бы кто какъ я перескочилъ; кажется нѣтъ». Постоявъ минутку, онъ тихонько пошелъ по саду, по травѣ; обходя деревья и кусты шелъ долго, скрадывая каждый шагъ, къ каждому шагу своему самъ прислушиваясь. Минуть съ пять добирался онъ до освѣщеннаго окна. Онъ помнилъ что тамъ подъ самыми окнами есть нѣсколько большихъ, высокихъ, густыхъ кустовъ бузины и калины. Выходная дверь изъ дома въ садъ

въ лѣвой сторонѣ фасада была заперта, и онъ это нарочно и тщательно высмотрѣлъ проходя. Наконецъ достигъ и кустовъ и притаился за ними. Онъ не дышалъ. «Переждать теперь надобно, подумалъ онъ, если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются, то чтобы разувѣрились... какъ бы только не кашлянуть, не чихнуть»...

Онъ переждалъ минуты двѣ, но сердце его билось ужасно и мгновеніями онъ почти задыхался. «Нѣтъ, не пройдетъ сердцебіеніе, подумалъ онъ,—не могу дольше ждать». Онъ стоялъ за кустомъ въ тѣни; передняя половина куста была освѣщена изъ окна. «Калина, ягоды, какія красныя!» прошепталъ онъ не зная зачѣмъ. Тихо, раздѣльными неслышными шагами подошелъ онъ къ окну и поднялся на цыпочки. Вся спальня Ѳедора Павловича предстала предъ нимъ какъ на ладони. Это была небольшая комнатка вся раздѣленная поперекъ красными ширмочками, «китайскими», какъ называлъ ихъ Ѳедоръ Павловичъ. «Китайскія», пронеслось въ умѣ Мити, «а за ширмами Грушенька». Онъ сталъ разглядывать Ѳедора Павловича. Тотъ былъ въ своемъ новомъ полосатомъ шелковомъ халатикѣ, котораго никогда еще не видалъ у него Митя, подпоясанномъ шелковымъ же шнуркомъ съ кистями. Изъ-подъ ворота халата выглядывало чистое щегольское бѣлье, тонкая голландская рубашка съ золотыми запонками. На головѣ у Ѳедора Павловича была та же красная повязка, которую видѣлъ на немъ Алеша. «Разодѣлся», подумалъ Митя. Ѳедоръ Павловичъ стоялъ близъ окна повидимому въ задумчивости, вдругъ онъ вздернулъ голову, чуть-чуть прислушался и, ничего не услыхавъ, подошелъ къ столу, налилъ изъ графина полрюмочки коньячку и выпилъ. Затѣмъ вздохнулъ всею грудью, опять постоялъ, разсѣянно подошелъ къ зеркалу въ простѣнкѣ, правою рукою приподнялъ немного красную повязку со лба и сталъ

разглядывать свои синяки и болячки, которые еще не прошли. «Онъ одинъ», подумалъ Митя, «по всёмъ вѣроятностямъ одинъ». Федоръ Павловичъ отошелъ отъ зеркала, вдругъ повернулся къ окну и глянулъ въ него. Митя мигомъ отскочилъ въ тѣнь.

«Она можетъ быть у него за ширмами, можетъ быть уже спать», кольнуло его въ сердце. Федоръ Павловичъ отъ окна отошелъ. «Это онъ въ окошко ее высматривалъ, стало быть ея нѣтъ: чего ему въ темноту смотрѣть?... нетерпѣніе значить пожираетъ»... Митя тотчасъ подскочилъ и опять сталъ глядѣть въ окно. Старикъ уже сидѣлъ предъ столикомъ видимо пригорюнившись. Наконецъ облокотился и приложилъ правую ладонь къ щегѣ. Митя жадно вглядывался.

«Одинъ, одинъ!» твердилъ онъ опять. «Еслибъ она была тутъ, у него было бы другое лицо». Странное дѣло: въ его сердцѣ вдругъ закипѣла какая-то бессмысленная и чудная досада на то что ея тутъ нѣтъ. «Не на то что ея тутъ нѣтъ», осмыслилъ и самъ отвѣтилъ Митя себѣ тотчасъ же,—«а на то что никакъ навѣрно узнать не могу, тутъ она или нѣтъ». Митя припоминалъ потомъ самъ, что умъ его былъ въ ту минуту ясенъ необыкновенно и соображалъ все до послѣдней подробности, схватывалъ каждую черточку. Но тоска, тоска невѣдѣнія и нерѣшимости нарастала въ сердцѣ его съ быстротой непомѣрною. «Здѣсь она наконецъ или не здѣсь?» злобно закипѣло у него въ сердцѣ. И онъ вдругъ рѣшился, протянулъ руку и потихоньку постучалъ въ раму окна. Онъ простучалъ условный знакъ старика со Смердяковымъ: два первые раза потише, а потомъ три раза поскорѣе: тукъ-тукъ-тукъ,⁸ — знакъ обозначававшій что «Грушенька пришла». Старикъ вздрогнулъ, вздернулъ голову, быстро вскочилъ и бросился къ окну. Митя отскочилъ

въ тѣнь. Ѳедоръ Павловичъ отперъ окно и высунулъ всю свою голову.

— Грушенька, ты? Ты что ли? проговорилъ онъ какимъ-то дрожащимъ полушепотомъ.—Гдѣ ты маточка, ангелчикъ, гдѣ ты? Онъ былъ въ страшномъ волненіи, онъ задыхался.

«Одинъ!» рѣшилъ Митя.

— Гдѣ же ты? крикнулъ опять старикъ и высунулъ еще больше голову, высунулъ ее съ плечами, озираясь на всѣ стороны, направо и налево; — иди сюда; я гостинчику приготовилъ, иди, покажу!...

«Это онъ про пакетъ съ тремя тысячами», мелькнуло у Мити.

— Да гдѣ же?.. Али у дверей? Сейчасъ отворю...

И старикъ чуть не вылъзъ изъ окна, заглядывая направо, въ сторону, гдѣ была дверь въ садъ, и стараясь разглядѣть въ темнотѣ. Черезъ секунду онъ непременно побѣжалъ бы отпирать двери, не дождавшись отвѣта Грушеньки. Митя смотрѣлъ съ боку и не шевелился. Весь столь противный ему профиль старика, весь отвисшій кадыкъ его, носъ брючкомъ, улыбающійся въ сладостномъ ожиданіи, губы его, все это ярко было освѣщено косымъ свѣтомъ лампы слѣва изъ комнаты. Страшная, неистовая злоба закипѣла вдругъ въ сердцѣ Мити: «Вотъ онъ, его соперникъ, его мучитель, мучитель его жизни!» Это былъ приливъ той самой внезапной, мстительной и неистойвой злобы про которую, какъ бы предчувствуя ее, возвѣстилъ онъ Алешѣ въ разговорѣ съ нимъ въ бесѣдкѣ четыре дня назадъ, когда отвѣтилъ на вопросъ Алеши: «какъ можешь ты говорить что убьешь отца?»

«Я вѣдь не знаю, не знаю, сказалъ онъ тогда; можетъ не убью, а можетъ убью. Боюсь что ненавистенъ онъ вдругъ

мнѣ станеть „своимъ лицомъ въ ту самую минуту“. Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку. Личное омерзѣніе чувствую. Вотъ этого боюсь, вотъ и не удержусь»...

Личное омерзѣніе нарастало нестерпимо. Митя уже не помнилъ себя и вдругъ выхватилъ мѣдный пестикъ изъ кармана...

. . . . .

Богъ, какъ самъ Митя говорилъ потомъ, сторожилъ меня тогда: какъ разъ въ то самое время проснулся на одрѣ своемъ больной Григорій Васильевичъ. Къ вечеру того же дня онъ совершилъ надъ собою извѣстное лѣченіе, о которомъ Смердяковъ рассказывалъ Ивану Ѳедоровичу, то есть вытерся весь съ помощію супруги водкой съ какимъ-то секретнымъ крѣпчайшимъ настоемъ, а остальное выпилъ съ «нѣкоторою молитвой», прошептанныю надъ нимъ супругой, и залегъ спать. Марья Игнатьевна вкусила тоже и какъ не пьющая заснула подлѣ супруга мертвымъ сномъ. Но вотъ совсѣмъ неожиданно Григорій вдругъ проснулся въ ночи, сообразилъ минутку и хоть тотчасъ же опять почувствовалъ жгучую боль въ поясницѣ, но поднялся на постели. Затѣмъ опять что-то обдумалъ, всталъ и наскоро одѣлся. Можетъ быть угрызение совѣсти кольнуло его за то что онъ спитъ, а домъ безъ сторожа «въ такое опасное время». Разбитый падучею Смердяковъ лежалъ въ другой каморкѣ безъ движенія. Марья Игнатьевна не шевелилась: «ослабѣла баба», подумалъ глянувъ на нее Григорій Васильевичъ и кряхтя вышелъ на крылечко. Конечно, онъ хотѣлъ только глянуть съ крылечка, потому что ходить былъ не силахъ, боль въ поясницѣ и въ правой ногѣ была нестерпимая. Но какъ разъ вдругъ припомнилъ, что калитку въ садъ онъ съ вечера на замокъ не заперъ. Это былъ человѣкъ аккурат-

нѣйшій и точнѣйшій, человѣкъ разъ установившагося порядка и многолѣтнихъ привычекъ. Хромая и корчась отъ боли, сошелъ онъ съ крылечка и направился къ саду. Такъ и есть, калитка совсѣмъ настезъ. Машинально ступилъ онъ въ садъ: можетъ быть ему что померещилось, можетъ услышалъ какой нибудь звукъ, но глянувъ налѣво увидалъ отворенное окно у барина, пустое уже оконшко, никто уже изъ него не выглядывалъ. «Почему отворено, теперь не лѣто!» подумалъ Григорій и вдругъ, какъ разъ въ то самое мгновеніе прямо предъ нимъ въ саду замелькало что-то необычайное. Шагахъ въ сорока предъ нимъ какъ бы пробѣгалъ въ темнотѣ человѣкъ, очень быстро двигалась какая-то тѣнь. «Господи!» прогсвѣрилъ Григорій и, не помня себя, забывъ про свою боль въ поясницѣ, пустился на перерѣзъ бѣгущему. Онъ взялъ короче, садъ былъ ему видимо знакомѣ чѣмъ бѣгущему; тотъ же направлялся къ банѣ, пробѣжалъ за баню, бросился къ стѣнѣ... Григорій слѣдилъ его не теряя изъ виду и бѣжалъ не помня себя. Онъ добѣжалъ до забора какъ разъ въ ту минуту, когда бѣглець уже перелѣзалъ заборъ. Внѣ себя завopilъ Григорій, кинулся и вцѣпился обѣими руками въ его ногу.

Такъ и есть, предчувствіе не обмануло его; онъ узналъ его, это былъ онъ «извергъ-отцеубивецъ»!

— Отцеубивецъ! прокричалъ старикъ на всю окрестность, но только это и успѣлъ прокричать; онъ вдругъ упалъ какъ пораженный громомъ. Митя соскочилъ опять въ садъ и нагнулся надъ поверженнымъ. Въ рукахъ Мити былъ мѣдный пестикъ и онъ машинально отбросилъ его въ траву. Пестикъ упалъ въ двухъ шагахъ отъ Григорія, но не въ траву, а на тропинку, на самое видное мѣсто. Нѣсколько секундъ разсматривалъ онъ лежащаго предъ нимъ.

Голова старика была вся въ крови; Митя протянулъ руку и сталъ ее ощупывать. Онъ припомнилъ потомъ ясно, что ему ужасно захотѣлось въ ту минуту «вполнѣ убѣдиться» проломилъ онъ черепъ старику или только «огорошилъ» его пестикомъ по темени? Но кровь лилась, лилась ужасно и мигомъ облила горячею струей дрожащія пальцы Мити. Онъ помнилъ, что выхватилъ изъ кармана свой бѣлый новый платокъ, которымъ запасся идя къ Хохлаковой, и приложилъ къ головѣ старика, бессмысленно стараясь оттереть кровь со лба и съ лица. Но и платокъ мигомъ весь намокъ кровью. «Господи, да для чего это я?» очнулся вдругъ Митя, «коли ужъ проломилъ, то какъ теперь узнать... Да и не все ли теперь равно!» прибавилъ онъ вдругъ безнадежно, — «убилъ, такъ убилъ... Попался старикъ и лежи!» громко проговорилъ онъ, и вдругъ кинулся на заборъ, перепрыгнувъ въ переулокъ и пустился бѣжать. Намокшій кровью платокъ былъ скомканъ у него въ правомъ кулакѣ и онъ на бѣгу сунулъ его въ задній карманъ сюртука. Онъ бѣжалъ сломя голову, и нѣскольکو рѣдкихъ прохожихъ, повстрѣчавшихся ему въ темнотѣ, на улицахъ города, запомнили потомъ какъ встрѣтили они въ ту ночь неистово бѣгущаго человѣка. Летѣлъ онъ опять въ домъ Морозовой. Давеча Оня, тотчасъ по уходѣ его, бросилась къ старшему дворнику Назару Ивановичу и «Христомъ-Богомъ» начала молить его, чтобъ онъ «не впускалъ ужъ больше капитана ни сегодня, ни завтра». Назаръ Ивановичъ, выслушавъ, согласился, но на грѣхъ отлучился на верхъ къ барынѣ, куда его внезапно позвали, и на ходу, встрѣтивъ своего племянника, парня лѣтъ двадцати, недавно только прибывшаго изъ деревни, приказалъ ему побыть на дворѣ, но забылъ приказать о капитанѣ. Добѣжавъ до воротъ, Митя постучался. Парень мигомъ узналъ его: Митя не разъ уже

давалъ ему на чай. Тотчасъ же отворилъ ему калитку, впустилъ и, весело улыбаясь, предупредительно поспѣшилъ уведомить, что „вѣдь Аграфены Александровны теперь дома-то и нѣтъ-съ».

— Гдѣ же она, Прохоръ? вдругъ остановился Митя.

— Давеча уѣхала, часа съ два тому, съ Тимофеемъ, въ Мокрое.

— Зачѣмъ? крикнулъ Митя.

— Этого знать не могу-съ, къ офицеру какому-то, кто-то ихъ позвалъ оттудова и лошадей прислали...

Митя бросилъ его и какъ полоумный вбѣжалъ къ Оенѣ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

МИТЯ.

V.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, обѣ собирались ложиться спать. Надѣясь на Назара Ивановича, онѣ изнутри опять таки не заперлись. Митя вбѣжалъ, кинулся на Оению и крѣпко схватилъ ее за горло.

— Говори сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? завопилъ онѣ въ изступленіи.

Обѣ женщины взвизгнули.

— Ай скажу, ай, голубчикъ Дмитрій Федоровичъ, сейчасъ все скажу, ничего не потаю, прокричала скороговоркой на смерть испуганная Оения:—она въ Мокрое къ офицеру поѣхала.

— Къ какому офицеру? вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ прежнему своему, пять лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, тою же скороговоркой протрещала Оеня.

Дмитрій Федоровичъ отнялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный какъ мертвецъ и безгласный, но по глазамъ его было видно, что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ догадался. Не бѣдной Оенѣ, конечно, было наблюдать въ ту секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными расширенными отъ страха зрачками глазъ впилась она въ него неподвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были запачканы въ крови. Дорогой, когда бѣжалъ, онъ должно быть дотрогивался ими до своего лба, вытирая съ лица потъ, такъ что и на лбу, и на правой щегѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Оеней могла сейчасъ начаться истерика, старуха же кухарка вскочила и глядѣла какъ сумасшедшая, почти потерявъ сознаніе. Дмитрій Федоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально опустился возлѣ Оени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно какъ день: этотъ офицеръ—онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой же Грушеньки, зналъ что мѣсяцъ назадъ онъ письмо прислалъ. Значить мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ это дѣло велось въ глубокой отъ него тайнѣ до самаго теперешняго пріѣзда этого новаго человѣка, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ-таки и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ же какъ узналъ про

него? Вотъ вопросъ, который стоялъ предъ нимъ какъ какое то чудище. И онъ созерцалъ это чудище дѣйствительно въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и вротко, какъ тихій и ласковый ребенокъ, заговорилъ съ Оней, совсѣмъ точно и забывъ что сейчасъ ее такъ перепугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдругъ съ чрезвычайною и даже удивительною въ его положеніи точностью принялся разспрашивать Оеню. А Оения хоть и дико смотрѣла на окровавленные руки его, но тоже съ удивительною готовностью и поспѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый вопросъ, даже какъ бы спѣша выложить ему всю «правду правдинскую». Мало по малу, даже съ какою-то радостью начала излагать всѣ подробности и вовсе не желая мучить, а какъ бы спѣша изо всѣхъ силъ отъ сердца услужить ему. До послѣдней подробности рассказала она ему и весь сегодняшній день, посѣщеніе Рагитина и Алеши, какъ она, Оения, стояла на сторожахъ, какъ барыня поѣхала и что она прокричала въ окошко Алешѣ поклонъ ему, Митенькѣ, и чтобы «вѣчно помнилъ какъ любила она его часочекъ». Выслушавъ о поклонѣ, Митя вдругъ усмѣхнулся и на блѣдныхъ щекахъ его вспыхнулъ румянецъ. Оения въ ту же минуту сказала ему уже ни крошечки не боясь за свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Федоровичъ, всѣ-то въ крови!

— Да, отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотрѣлъ на свои руки и тотчасъ забылъ про нихъ и про вопросъ Оени. Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ какъ вбѣжалъ онъ прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его прошелъ, но видимо имъ уже овладѣла вполне кабая-то новая непреклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и задумчиво улыбнулся.

— Баринъ, что съ вами это такое было? проговорила Оеия, опять показывая ему на его руки, — проговорила съ сожалѣніемъ, точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Оеия, проговорилъ онъ со страннымъ выраженіемъ смотря на нее, — это кровь человѣческая и, Боже, зачѣмъ она пролилась! Но... Оеия... тутъ одинъ заборъ (онъ глядѣлъ на нее какъ бы загадывая ей загадку), одинъ высокій заборъ и страшный на видъ, но... завтра на разсвѣтѣ, когда «взлетитъ солнце», Митенька черезъ этотъ заборъ перескочитъ... Не понимаешь, Оеия, какой заборъ, ну да ничего... все равно, завтра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помѣшаю и устранюсь, съумѣю устраниться. Живи, моя радость.... любила меня часокъ, такъ и помни на вѣки Митеньку Карамазова.... Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Оеия выхода этого испугалась чуть не больше еще чѣмъ когда онъ давеча вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя Дмитрій Федоровичъ вошелъ къ тому молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину, которому давеча заложилъ пистолеты. Было уже половина девятого и Петръ Ильичъ, напившись дома чаю, только что облекся снова въ сюртукъ чтобъ отправиться въ трактиръ «Столичный Городъ» поиграть на билліардѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ, увидѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ.

— Господи! Да что это съ вами?

— А вотъ, быстро проговорилъ Митя, — за пистолетами моими пришелъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностію. Тороплюсь, Петръ Ильичъ, пожалуста поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ Мити онъ вдругъ разсмотрѣлъ кучу денегъ, а главное, онъ держалъ эту кучу и вошелъ съ нею какъ никто деньги не держитъ и никто съ ними не входитъ, всё кредитки несъ въ правой рукѣ, точно напоказъ, прямо держа руку предъ собою. Мальчикъ, слуга чиновника, встрѣтившій Митю въ передней, сказывалъ потомъ, что онъ такъ и въ переднюю вошелъ съ деньгами въ рукахъ, стало быть и по улицѣ все также несъ ихъ предъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевья, радужныя, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами. Петръ Ильичъ, потомъ на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся лицъ: сколько было денегъ? заявлялъ что тогда сосчитать на глазъ трудно было, можетъ быть двѣ тысячи, можетъ быть три, но пачка была большая, «плотненькая». Самъ же Дмитрій Ѳедоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потомъ, «былъ какъ бы тоже совсѣмъ не въ себѣ, но не пьянъ, а точно въ какомъ-то восторгѣ, очень разсѣянъ, а въ тоже время какъ будто и сосредоточенъ, точно объ чемъ-то думалъ и добивался и рѣшить не могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко, очень странно, мгновеніями же былъ какъ будто вовсе не въ горѣ, а даже веселъ».

— Да съ вами-то что, съ вами-то что теперь? прокричалъ опять Петръ Ильичъ, диго разсматривая гостя. — Какъ это вы такъ раскровенились, упали что ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя, увидавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно нахмурился.

— Э, чортъ! Этого не доставало, пробормоталъ онъ со злобой, быстро переложилъ изъ правой руки кредитки въ лѣвую и судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но и платокъ оказался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ

онъ вытиралъ голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка не было бѣлаго, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузь въ комкѣ и не хотѣлъ развернуться. Митя злобно шваркнулъ его объ полъ.

— Э, чортъ! Нѣтъ ли у васъ какой тряпки.... обтереться бы....

— Такъ вы только запачкались, а не ранены? Такъ ужь лучше вымойтесь, отвѣтилъ Петръ Ильичъ. — Вотъ рукомойникъ, я вамъ подамъ.

— Рукомойникъ? Это хорошо... только куда же я это дѣну? въ какомъ-то совсѣмъ ужь странномъ недоумѣніи указалъ онъ Петру Ильичу на свою пачку сторублевыхъ, вопросительно глядя на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣвать свои собственные деньги.

— Въ карманъ суньте, али на столъ вотъ здѣсь положите, не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо.... Нѣтъ, видите ли, это все вздоръ! вскричалъ онъ какъ бы вдругъ выходя изъ разсѣянности. — Видите: мы сперва это дѣло кончимъ, пистолеты-то, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги.... потому что мнѣ очень, очень нужно.... и времени, времени ни капли...

И снявъ съ пачки верхнюю сторублевую онъ протянулъ ее чиновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, замѣтилъ тотъ: — у васъ мельче нѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на пачку и какъ бы неувѣренный въ словахъ своихъ попробовалъ пальцами двѣ-три бумажки сверху, — нѣтъ, все такія же, прибавилъ онъ и опять вопросительно поглядѣлъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатѣли? спросилъ тотъ. — Пойдите я мальчишку своего пошлю сбѣгать къ Плотнико-

вымъ. Они запирають поздно,—вотъ не размѣняютъ ли. Эй, Миша! крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ—великолѣпнѣйшее дѣло! крикнулъ и Митя какъ бы осѣненный какою-то мыслью.— Миша,—обернулся онъ къ вошедшему мальчику, — видишь, бѣги къ Плотниковымъ и скажи что Дмитрій Ѳедоровичъ велѣлъ кланяться и сейчасъ самъ будетъ... Да слушай, слушай: чтобы къ его приходу приготовили шампанскаго, этакъ дюжинки три, да уложили какъ тогда когда въ Мокрое ѣздилъ.... Я тогда четыре дюжины у нихъ взялъ (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу)—они ужь знаютъ, не безпокойся Миша, повернулся онъ опять къ мальчику.—Да слушай: чтобы сыру тамъ, пироговъ страсбургскихъ, сиговъ копченыхъ, ветчины, игры, ну и всего, всего, чтò только есть у нихъ, рублей этакъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде было.... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфектъ, грушъ, арбуза два или три, аль четыре, — ну нѣтъ, арбуза-то одного довольно, а шоколаду, леденцовъ, монпансье, тягущегъ—ну всего чтò тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей на триста чтобы было.... Ну, вотъ и теперь чтобы также точно. Да вспомни ты, Миша, если ты Миша.... Вѣдь его Мишей зовутъ? опять обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постоитъ, перебилъ Пётръ Ильичъ съ безпокойствомъ его слушая и разсматривая,—вы лучше сами пойдете, тогда и скажете, а онъ переверетъ.

— Переверетъ, вижу что переверетъ! Эхъ, Миша, а я было тебя поцаловать хотѣлъ за комиссію.... Коли не переврешь, десять рублей тебѣ, скачи скорѣй.... Шампанское, главное шампанское чтобы выкатили, да и коньячку и краснаго, и бѣлаго, и всего этого какъ тогда... Они ужь знаютъ какъ тогда было.

— Да слушайте вы! съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ Ильичъ.—Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ размѣнять, да прикажетъ чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете... Давайте вашу кредитку Маршъ, Миша, одна нога тамъ, другая тутъ! Петръ Ильичъ кажется нарочно поскорѣй прогналъ Мишу, потому что тотъ какъ сталъ предъ гостемъ, выпуча глаза на его кровавое лицо и окровавленные руки съ пучкомъ денегъ въ дрожавшихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разиня ротъ отъ удивленія и страха и вѣроятно мало понялъ изъ всего того что ему наказывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдете мыться, сурово сказалъ Петръ Ильичъ.—Положите деньги на столъ, али суньте въ карманъ... Вотъ такъ, идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять вскрикнулъ.

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава... А это вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана просочилось. Я на платокъ-то у Фени сѣлъ, кровь-то и просочилась, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ же объяснилъ Митя. Петръ Ильичъ выслушалъ нахмурившись.

— Угораздило же васъ; подрались должно быть съ кѣмъ, пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и подливалъ воду. Митя торопился и плохо было намылилъ руки. (Руки у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ). Петръ Ильичъ тотчасъ же велѣлъ намылить больше и тереть больше. Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ эту минуту, чѣмъ дальше тѣмъ больше. Замѣтимъ встати: молодой человекъ былъ характера не робкаго.

— Смотрите, не отмыли подь ногтями; ну, теперь трите лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой рубашкѣ и поѣдете? Куда это вы ѣдете? Смотрите, весь обшлагъ праваго рукава въ крови.

— Да, въ крови, замѣтилъ Митя, рассматривая обшлагъ рубашки.

— Такъ перемѣните бѣлье.

— Некогда. А я вотъ, вотъ видите... продолжалъ съ тою же довѣрчивостью Митя, уже вытирая полотенцемъ лицо и руки и надѣвая скюртукъ, — я вотъ здѣсь край рукава загну, его и не видно будетъ подь скюртукомъ... Видите!

— Говорите теперь, гдѣ это васъ угораздило? Подрались что ли съ кѣмъ? Не въ трактирѣ ли опять, какъ тогда? Не опять ли съ капитаномъ какъ тогда, били его и таскали? какъ бы съ укориною припомнилъ Петръ Ильичъ. — Кого еще прибили... али убили пожалуй?

— Вздоръ! проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся:— Это я старушонку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушонку?

— Старика! крикнулъ Митя, смотря Петру Ильичу прямо въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чортъ возьми, старика, старушонку... Убили что ли кого?

— Помирились. Сцѣпились—и помирились. Въ одномъ мѣстѣ. Разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... онъ мнѣ простилъ... теперь ужъ навѣрно простилъ... Еслибы всталъ, такъ не простилъ бы,—подмигнулъ вдругъ Митя, — только знаете, къ чорту его, слышите, Петръ Ильичъ, къ чорту, не надо! Въ сію минуту не хочу! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому что охота же вамъ со всякимъ связываться... какъ тогда изъ пустяковъ съ этимъ штабсъ-капитаномъ... Подрались и кутить теперь мчитесь — весь вашъ характеръ. Три дюжины шампанскаго,— это куда же столько?

— Bravo! Давайте теперь пистолеты. Ей Богу, нѣтъ времени. И хотѣлъ бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ. Да и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ же деньги, куда я ихъ дѣлъ? вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежать. Забыли? Подлинно деньги у васъ точно соръ аль вода. Вотъ ваши пистолеты. Странно, въ шестомъ часу давеча заложилъ ихъ за десять рублей, а теперь эвона у васъ, тысячъ-то. Двѣ или три небось?

— Три небось, засмѣялся Митя, суя деньги въ боковой карманъ панталонъ.

— Потеряете этакъ-то. Золотые пріиски у васъ что ли?

— Пріиски? Золотые пріиски! изо всей силы закричалъ Митя и закатился смѣхомъ.— Хотите, Перхотинъ, на пріиски? Тотчасъ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсыплетъ, чтобы только ѣхали. Мнѣ отсыпала, ужь такъ она пріиски любить! Хохлакову знаете?

— Не знакомъ, а слыхалъ и видалъ. Неужто это она вамъ три тысячи дала? Такъ и отсыпала? недовѣрчиво глядѣлъ Петръ Ильичъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Фебъ какъ взлетитъ, хваля и славя Бога, вы завтра пойдите къ ней, Хохлаковой-то, и спросите у ней сами: отсыпала она мнѣ три тысячи али нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утвердительно говорите, значить дала... А вы денежки-то въ лап-

ки, да вмѣсто Сибири-то по всѣмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ дѣлѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Мاستрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ! проговорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами да ни въ чемъ?

— Я не про тысячи. Къ чорту тысячи! Я про женскій нравъ говорю:

„Легковѣренъ женскій нравъ
И измѣнчивъ, и пороченъ“.

Я съ Улиссомъ согласенъ, это онъ говорить.

— Не понимаю я васъ?

— Пьянъ что ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ, и довольно, довольно...

— Чтò это вы, пистолеть заряжаете?

— Пистолеть заряжаю.

Митя дѣйствительно раскрывъ ящикъ съ пистолетами отомкнулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно всыпалъ и забилъ зарядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, предъ тѣмъ какъ вкатить ее, поднялъ ее въ двухъ пальцахъ предъ собою надъ свѣчкой.

— Чего это вы на пулю смотрите? съ беспокойнымъ любопытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ еслибы ты вздумалъ эту пулю всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолеть, посмотрѣлъ бы на нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее взгля-

нуть какова она есть... А впрочемъ вздоръ, минутный вздоръ. Вотъ и кончено, прибавилъ онъ, вклативъ пулю и заколотивъ ее паклей.—Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ и еслибы ты зналъ до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бумажки кусочекъ.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Вотъ такъ. И Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на бумажкѣ двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ жилетный карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, заперъ ключикомъ и взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣлъ на Петра Ильича и длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постойте... Это вы пожалуй себѣ въ мозгъ ее хотите послать, пулю-то... съ безпокойствомъ произнесъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, я жизнь люблю! Знай ты это. Я златокудраго Феба и свѣтъ его горячій люблю... Милый Петръ Ильичъ, умѣешь ты устраниться?

— Какъ это устраниться?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному дать дорогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало,—вотъ какъ дать дорогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите мимо, а я...

— А вы?

— Довольно, идемъ.

— Ей Богу скажу кому нибудь (глядѣлъ на него Петръ Ильичъ), чтобы васъ не пустить туда. Зачѣмъ вамъ теперь въ Мокрое?

— Женщина тамъ, женщина, и довольно съ тебя, Петръ Ильичъ, и шабашъ!

— Послушайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то нравились... я вотъ и беспокоюсь.

— Спасибо тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, дикари! Я одно только и твержу: дикари! А да, вотъ Миша, а я-то его и забылъ.

Вошелъ въ попыхахъ Миша съ пачкой размѣненныхъ денегъ и отрапортовалъ, что у Плотниковыхъ «всѣ заходили» и бутылки волокутъ, и рыбу, и чай — сейчасъ все готово будетъ. Митя схватилъ десятирублевую и подаль Петру Ильичу, а другую десятирублевую кинулъ Мишѣ.

— Не смѣть! вскричалъ Петръ Ильичъ. — У меня дома нельзя, да и дурное баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда положите, чего ихъ сорить-то? Завтра же пригодятся, ко мнѣ же вѣдь и придете десять рублей просить. Чтò это вы въ боковой карманъ все суете? Эй потеряете!

— Слушай, милый человѣкъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?

— Мнѣ-то зачѣмъ туда?

— Слушай, хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выпьемъ за жизнь! Мнѣ хочется выпить, а пуше всего съ тобою выпить. Никогда я съ тобою не пилъ, а?

— Пожалуй, въ трактирѣ можно, пойдёмъ, я туда самъ сейчасъ отправляюсь.

— Некогда въ трактирѣ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ задней комнатѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.

— Загадай.

Митя вынулъ изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и показалъ. Четкимъ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:

«Базню себя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую!»

— Право скажу кому нибудь, пойду сейчас и скажу, проговорилъ, прочитавъ бумажку, Петръ Ильичъ.

— Не успѣешь, голубчикъ, идемъ и выпьемъ, маршь!

Лавка Плотниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только домъ отъ Петра Ильича, на углу улицы. Это былъ самый главный бакалейный магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торговцевъ, и самъ по себѣ весьма не дурной. Было все что и въ любомъ магазинѣ въ столицѣ, всякая бакалея: вина «разлива братьевъ Елисеѣвыхъ», фрукты, сигары, чай, сахаръ, кофе и проч. Всегда сидѣли три прикащика и бѣгали два рассыльныхъ мальчика. Хотя край нашъ и обѣднѣлъ, помѣщики разъѣхались, торговля затихла, а бакалея процвѣтала по прежнему и даже все лучше и лучше съ каждымъ годомъ: на эти предметы не переводились покупатели. Митю ждали въ лавкѣ съ нетерпѣніемъ. Слишкомъ помнили какъ онъ недѣли три-четыре назадъ забралъ точно также разомъ всякаго товару и винъ на нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами (въ кредитъ-то бы ему ничего, конечно, не повѣрили), помнили, что также какъ и теперь въ рукахъ его торчала цѣлая пачка радужныхъ и онъ разбрасывалъ ихъ зря, не торгуясь, не соображая и не желая соображать на что ему столько товару, вина и проч.? Во всемъ городѣ потомъ говорили, что онъ тогда, укативъ съ Грушенькой въ Мокрое, «просадилъ въ одну ночь и слѣдующій затѣмъ день три тысячи разомъ и воротился съ кутежа безъ гроша, въ чемъ мать родила». Поднялъ тогда Цыганъ цѣлый таборъ (въ то время у насъ зачехавшій), которые въ два дня вытащили де у него, у пьянаго, безъ счету денегъ и выпили безъ счету дорогаго вина. Рассказывали, смѣясь надъ Митей, что въ Мокромъ онъ запоилъ шампанскимъ сиволапыхъ мужиковъ, деревен-

скихъ дѣвокъ и бабъ загорнилъ конфетами и страсбургскими пирогами. Смѣялись тоже у насъ, въ трактирѣ особенно, надъ собственнымъ откровеннымъ и публичнымъ тогдашнимъ признаніемъ Мити (не въ глаза ему конечно смѣялись, въ глаза ему смѣяться было нѣсколько опасно), что отъ Грушеньки онъ за всю ту «эскападу» только и получилъ, что «позволила ему свою ножку поцаловать, а болѣе ничего не позволила».

Когда Митя съ Петромъ Ильичемъ подошли къ лавкѣ, то у входа нашли уже готовую тройку, въ телѣгѣ, покрытой ковромъ, съ колокольчиками и бубенчиками и съ ямщикомъ Андреемъ, ожидавшимъ Митю. Въ лавкѣ почти совсѣмъ успѣли «сладить» одинъ ящикъ съ товаромъ и ждали только появленія Мити, чтобы заколотить и уложить его на телѣгу. Петръ Ильичъ удивился.

— Да откуда поспѣла у тебя тройка? спросилъ онъ Митю.

— Къ тебѣ бѣжалъ, вотъ его, Андрея, встрѣтилъ и велѣлъ ему прямо сюда къ лавкѣ и подѣзжать. Времени терять нечего! Въ прошлый разъ съ Тимошеемъ ѣздилъ, да Тимошей теперь тю-тю-тю, впередъ меня съ волшебницей одной укатилъ. Андрей, опоздаемъ очень?

— Часомъ только развѣ прежде нашего придутъ, да и того не будетъ, часомъ всего упредить! поспѣшно отозвался Андрей. — Я Тимошею и снарядилъ, знаю какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда не наша ѣзда, Дмитрій Ѳедоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не потрафятъ раньше! съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый ящикъ, рыжеватый, сухощавый парень въ поддевкѣ и съ армякомъ на лѣвой ругѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отстанешь.

— За часъ времени ручаюсь, Дмитрій Ѳедоровичъ, эхъ получасомъ не упредить, не то что часомъ!

Митя хоть и засуетился распоряжаясь, но говорилъ и приказывалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Начиналъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ вышелъ необходимымъ ввязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе какъ на четыреста, чтобы точь въ точь по тогдашнему, командовалъ Митя.— Четыре дюжины шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! завопилъ Петръ Ильичъ.— Это чтò за ящикъ? Съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыреста рублей?

Ему тотчасъ же объяснили суетившіеся прикащики со слащавою рѣчью, что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь полдюжины шампанскаго и «всякіе необходимые на первый случай предметы» изъ закусокъ, конфетъ, монпансье и проч. Но что главное «потребленіе» уложится и отправится сей же часъ особо, какъ и въ тогдашній разъ, въ особой телегѣ и тоже тройкой и потрафитъ къ сроку, «развѣ всего только часомъ позже Дмитрія Ѳедоровича къ мѣсту прибудетъ».

— Не болѣе часу, чтобы не болѣе часу, и какъ можно больше монпансье и тягушекъ положите; это тамъ дѣвки любятъ, съ жаромъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ — пусть. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? Одной довольно, почти осердился уже Петръ Ильичъ. Онъ сталъ торговаться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ успокоиться. Спасъ однако всего одну сотню рублей. Остановились на томъ чтобы всего товару доставлено было не болѣе какъ на триста рублей.

— А чортъ васъ подери! вскричалъ Петръ Ильичъ какъ бы вдругъ одумавшись,— да мнѣ-то тутъ чтò? Бросай свои деньги коли даромъ нашилъ!

— Сюда, экономя сюда, не сердись, потащилъ его Митя

въ заднюю комнату лавки:—вотъ здѣсь намъ бутылку сейчасъ подадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ вмѣстѣ, потому что ты человекъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ предъ крошечнымъ столикомъ, накрытымъ грязнѣйшею салфеткой. Петръ Ильичъ примостился напротивъ него и мигомъ явилось шампанское. Предложили не пожелаютъ ли господу устриць, «первѣйшихъ устриць, самаго послѣдняго полученія».

— Къ чорту устриць, я не ѣмъ, да и ничего не надо, почти злобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устриць, замѣтилъ Митя,—да и аппетита нѣтъ. Знаешь, другъ, проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ,— не любилъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто жь его любить! Три дюжины, помилуй, на мужиковъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку во мнѣ нѣтъ, высшаго порядка... Но... все это закончено, говорить нечего. Поздно, и къ чорту! Вся жизнь моя была безпорядокъ и надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава высшему на свѣтѣ,
Слава высшему во мнѣ!

Этотъ стишовъ у меня изъ души вырвался когда-то, не стихъ, а слеза... самъ сочинилъ... не тогда однако когда штабсъ-капитана за бороденку тащилъ...

— Чего это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, все равняется, черта—и итогъ.

— Право мнѣ все твои пистолеты мерещатся.

— И пистолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь люблю, слишкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчикъ, за жизнь выпь-

емъ, за жизнь предлагаю тостъ! Почему я доволенъ собой? Я подлъ, но доволенъ собой. И однакожь я мучусь тѣмъ что я подлъ, но доволенъ собой. Благословляю твореніе, сей-часъ готовъ Бога благословить и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное насѣкомое, чтобы не ползало, другимъ жизни не портило... Выпьемъ за жизнь, милый братъ! Чтò можетъ быть дороже жизни! Ничего, ничего! За жизнь и за одну царицу изъ цариць.

— Выпьемъ за жизнь, а пожалуй и за твою царицу.

Выпили по стакану. Митя былъ хотя и осторожень, и раскидчивъ, но какъ-то грустенъ. Точно какая-то непреодолимая и тяжелая забота стояла за нимъ.

— Миша... это твой Миша вошелъ? Миша, голубчикъ, Миша, поди сюда, выпей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Теба златокудраго, завтрашняго...

— Да зачѣмъ ты ему! крикнулъ Петръ Ильичъ раздражительно.

— Ну позволь, ну такъ, ну я хочу.

— Э—эхъ!

Миша выпилъ стаканъ, поклонился и убѣжалъ.

— Запомнить дольше, замѣтилъ Митя.—Женщину я люблю, женщину! Чтò есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно, Петръ Ильичъ. Помнишь Гамлета: «Мнѣ такъ грустно, такъ грустно, Горацио... Ахъ бѣдный Юригъ!» Это я можетъ быть Юригъ и есть. Именно теперь я Юригъ, а черепъ потомъ.

Петръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.

— Это какая у васъ собачка? спросилъ онъ вдругъ разсѣянно прикащика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую болоночку съ черными глазками.

— Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей болоночка, отвѣтилъ прикащикъ,—сами занесли давеча, да и забыли у насъ. Отнести надо будетъ обратно.

— Я одну такую же видѣлъ... въ полку... вдумчиво произнесъ Митя,—только у той задняя ножка была сломана... Петръ Ильичъ, хотѣлъ я тебя спросить кстати: крадь ты когда что въ своей жизни аль нѣтъ?

— Это что за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ дерутъ и ты конечно тоже...

— Убирайся къ чорту.

— Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?

— Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, со стола. Взялъ тихонько и зажалъ въ руку.

— Ну и что же?

— Ну и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, признался и отдалъ.

— Ну и что же?

— Натурально, высѣкли. Да ты чего ужъ, ты самъ не укралъ ли?

— Укралъ, хитро подмигнулъ Митя.

— Что укралъ? залюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.

— У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, черезъ три дня отдалъ. Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.

— Дмитрій Федоровичъ, не поспѣшить ли? крикнулъ вдругъ у дверей лавки Андрей.

— Готово? Идемъ! всполохнулся Митя.—Еще послѣднее сказанье и... Андрею стаканъ водки на дорогу сейчасъ! Да коньяку ему кромѣ водки рюмку! Этотъ ящикъ (съ пистолетами) мнѣ подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не поминай лихомъ.

— Да вѣдь завтра веротишься?

— Непремѣнно.

— Разсчетець теперь изволите покончить? подскочилъ прикащикъ.

— А, да, расчетъ! Непремѣнно!

Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою пачку кредитокъ, снялъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и спѣша вышелъ изъ лавки. Всѣ за нимъ послѣдовали, и кланяясь, провожали съ привѣтствіями и пожеланіями. Андрей крякнулъ отъ только что выпитаго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва только Митя началъ садиться какъ вдругъ предъ нимъ совсѣмъ неожиданно очутилась Оеня. Она прибѣжала вся запыхавшись, съ крикомъ сложила предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги:

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, голубчикъ, не погубите барыню! А я-то вамъ все рассказала!.. И его не погубите, прежній вѣдь онъ, ихній! Замужъ теперь Аграфену Александровну возьметъ, съ тѣмъ и изъ Сибири вернулся... Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, не загубите чужой жизни!

— Те-те-те, вотъ оно чтѣ! Ну, надѣлаешь ты теперь тамъ дѣлъ! пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ. — Теперь все понятно, теперь какъ не понять. Дмитрій Ѳедоровичъ, отдай-ка мнѣ сейчасъ пистолеты, если хочешь быть человѣкомъ, воскликнулъ онъ громко Митѣ, — слышишь Дмитрій!

— Пистолеты? Подожди голубчикъ, я ихъ дорогою въ лужу выброшу, отвѣтилъ Митя. — Оеня, встань, не лежи ты предо мной. Не погубить Митя, впредь никого ужъ не погубить этотъ глупый человѣкъ. Да вотъ чтѣ, Оеня, крикнулъ онъ ей уже усѣвшись: — обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и помилуй, прости подлеца.... А не простишь, все равно! Потому что теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; волокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!...

«Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею поретъ!» подумалъ вслѣдъ ему Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ же) съ остальными припасами и винами, предчувствуя что надуютъ и обсчитаютъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, плюнулъ и пошелъ въ свой трактиръ играть на билліардѣ.

— Дуракъ, хоть и хорошій малый.... бормоталъ онъ про себя дорогой.— Про этого какого-то офицера «прежняго» Грушенькинова я слыхалъ. Ну, если прибылъ, то.... Эхъ пистолеты эти! А, чортъ, что я его дядька что ли? Пусть ихъ! Да и ничего не будетъ. Горланы и больше ничего. Напьются и подерутся, подерутся и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что это за «устранюсь» «казню себя» —ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ этимъ слогомъ пьяный въ трактирѣ. Теперь-то не пьянъ. «Пьянъ духомъ» —слогъ любятъ подлецы. Дядька я ему что ли? И не могъ не подражаться, вся харя въ крови. Съ кѣмъ бы это? Въ трактирѣ узнаю. И платокъ въ крови.... Фу, чортъ, у меня на полу остался.... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ сквернѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ другую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ, что у Дмитрія Карамазова опять деньги появились, тысячъ до трехъ, самъ видѣлъ, и что онъ опять укатилъ кутить въ Мокрое съ Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнымъ любопытствомъ слушателями. И всѣ они заговорили не смѣясь, а какъ-то странно серьезно. Даже игру прервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ? Стали спрашивать дальше. Извѣстіе о Хохлаковой приняли сомнительно.

— А не ограбилъ ли старика, вотъ что?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвалялся же убить отца вслухъ, всё здѣсь слышали. Именно про три тысячи говорилъ...

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы сухо и скупо. Про кровь, которая была на лицѣ и на рукахъ Мити не упомянулъ ни слова, а когда шелъ сюда хотѣлъ было рассказать. Начали третью партію, мало по малу разговоръ о Митѣ затихъ; но, докончивъ третью партію, Петръ Ильичъ больше играть не пожелалъ, положилъ кій и, не поужинавъ, какъ собирался, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь, онъ сталъ въ недоумѣніи и даже дивясь на себя. Онъ вдругъ сообразилъ что вѣдь онъ хотѣлъ сейчасъ идти въ домъ Федора Павловича, узнать не произошло ли чего. «Изъ за вздора, который окажется, разбуду чужой домъ и надѣлаю скандала. Фу, чортъ, дядька я имъ что ли?»

Въ сввернѣйшемъ расположеніи духа направился онъ прямо къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Феню: «Э, чортъ, вотъ бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ, все бы и зналъ». И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое нетерпѣливое и упрямое желаніе поговорить съ нею и разузнать, что съ полдэроги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которомъ квартировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ, онъ постучался и раздавшійся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ бы вдругъ отрезвилъ и обозлилъ его. Къ тому же никто не откликнулся, всё въ домѣ спали. «И тутъ скандалу надѣлаю!» подумалъ онъ съ какимъ-то уже страданіемъ въ душѣ, но вмѣсто того чтобъ уйти окончательно, принялся вдругъ стучать снова и изо всей уже силы. Поднялся гамъ на всю улицу. «Такъ вотъ нѣтъ же, достучусь, достучусь!» бормоталъ онъ, съ каж-

дымъ звукомъ злясь на себя до остервенѣнія, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ ворота.

VI.

С а м ь ь д у !

А Дмитрій Ѳедоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокраго было двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скакала такъ что могла поспѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда какъ бы вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холодноватый, на чистомъ небѣ сіяли крупныя звѣзды. Это была та самая ночь, а можетъ и тотъ самый часъ, когда Алеша, упавъ на землю «изступленно клялся любить ее во вѣки вѣковъ». Но смутно, очень смутно было въ душѣ Мити, и хоть многое терзало теперь его душу, но въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремилось лишь къ ней, къ его царицѣ, къ которой летѣлъ онъ чтобы взглянуть на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не спорило сердце его ни минуты. Не повѣрятъ мнѣ можетъ быть, если скажу, что этотъ ревнивецъ не ощущалъ къ этому новому человѣку, новому сопернику, выскочившему изъ подъ земли, къ этому «офицеру» ни малѣйшей ревности. Къ всякому другому, явись такой, приревновалъ бы тотчасъ же и можетъ вновь бы намочилъ свои страшныя руки кровью, — а къ этому, къ этому «ея первому», не ощущалъ онъ теперь, летя на своей тройкѣ, не только ревливой ненависти, но даже враждебнаго чувства, — правда еще не видалъ его. «Тутъ ужъ безспорно, тутъ право ея и его; тутъ ея первая любовь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значить только его и любила въ эти пять лѣтъ, а я то, я зачѣмъ тутъ подвернул-

ся? Что я то тутъ и при чемъ? Отстранись, Митя, и дай дорогу! Да и что я теперь? Теперь ужъ и безъ офицера все кончено, хотя бы и не явился онъ вовсе, то все равно все было бы кончено...»

Вотъ въ какихъ словахъ онъ бы могъ приблизительно изложить свои ощущенія, еслибы только могъ разсуждать. Но онъ уже не могъ тогда разсуждать. Вся теперешняя рѣшимость его родилась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почувствована и принята цѣликомъ со всѣми послѣдствіями еще давеча, у Ѳени, съ первыхъ словъ ея. И всетаки, не смотря на всю принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до страданія: не дала и рѣшимость спокойствія. Слишкомъ многое стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновеніями: вѣдь ужъ написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ перомъ на бумагѣ: «казню себя и нагазую»; и бумажка лежала тутъ, въ карманѣ его, приготовленная; вѣдь ужъ заряженъ пистолетъ, вѣдь ужъ рѣшилъ же онъ какъ встрѣтитъ онъ завтра первый горячій лучъ «Ѳеба златокудраго», а между тѣмъ съ прежнимъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, всетаки нельзя было расчитаться, чувствовалъ онъ это до мученія и мысль о томъ вливалась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгновеніе въ пути, что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея, выскочить изъ телѣги, достать свой заряженный пистолетъ и покончить все, не дождавшись и разсвѣта. Но мгновеніе это пролетѣло какъ искорка. Да и тройка летѣла, «пожирая пространство», и по мѣрѣ приближенія къ цѣли опять таки мысль о ней, о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ и отгоняла всѣ остальные страшные призраки отъ его сердца. О, ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее хоть мелькомъ, хоть издали! «Она теперь съ *нимъ*, ну, вотъ и погляжу какъ она теперь

съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ, и только этого мнѣ и надо.» И никогда еще не подымалось изъ груди его столько любви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго, неиспытаннаго имъ еще никогда чувства, чувства неожиданнаго даже для него самого, чувства нѣжнаго до моленія, до исчезновенія предъ ней. «И исчезну! проговорилъ онъ вдругъ въ припадкѣ какого то истерическаго восторга.

Скакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей, хотя и словоохотливый былъ мужикъ, тоже не вымолвилъ еще ни слова, точно опасался заговорить и только живо погонялъ своихъ «одровъ», свою гнѣдую, сухопарую, но рѣзвую тройку. Какъ вдругъ Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А чтò если спятъ?

Ему это вдругъ вспало на умъ, а до сихъ поръ онъ о томъ и не подумалъ.

— Надо думать что ужь легли, Дмитрій Федоровичъ.

Митя болѣзненно нахмурился: чтò въ самомъ дѣлѣ, онъ прилетитъ... съ такими чувствами... а они спятъ... спить и она можетъ быть тутъ же... Злое чувство закипѣло въ его сердцѣ.

— Погоняй Андрей, катай Андрей живо! закричалъ онъ въ изступленіи.

— А можетъ еще и не легли, разсудилъ помолчавъ Андрей.— Даве Тимошей сказывалъ, что тамъ много ихъ собралось...

На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластуновыхъ, на постояломъ дворѣ, вольная значить станція.

— Знаю; такъ какъ же ты говоришь, что много? Гдѣ же много? Кто такіе? вскинулся Митя въ страшной тревогѣ при неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимоѳей, все господа: изъ города двое, кто таковы—не знаю, только сказывалъ Тимоѳей двое изъ здѣшнихъ господъ, да тѣхъ двое, будто бы приѣзжихъ, а можетъ и еще кто есть, не спросилъ я его толково. Въ карты, говорилъ, стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ можетъ и не спать коли въ карты зачали. Думать надо, теперь всего одиннадцатый часъ въ исходѣ, не болѣе того.

— Погоняй Андрей, погоняй! нервно вскричалъ опять Митя.

— Чтò это, я васъ спрошу, сударь, помолчавъ началъ снова Андрей,—вотъ только бы не осердить мнѣ васъ, боюсь, баринъ.

— Чего тебѣ?

— Давеча Ѳедосья Марковна легла вамъ въ ноги, молила барыню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ, сударь, что везу-то я васъ туда... Простите, сударь, меня, такъ, отъ совѣсти, можетъ глупо чтò сказалъ.

Митя вдругъ схватилъ его сзади за плечи.

— Ты ямщикъ? Ямщикъ? началъ онъ изступленно.

— Ямщикъ...

— Знаешь ты, что надо дорогу давать. Что ямщикъ, такъ ужь никому и дороги не дать, дави дескать, я ѣду! Нѣтъ, ямщикъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь портить; а коли испортилъ жизнь—наказуй себя... если только испортилъ, если только загубилъ кому жизнь—казни себя и уйди.

Все это вырвалось у Мити какъ бы въ совершенной истерикѣ. Андрей хоть и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.

— Правда это, батюшка Дмитрій Ѳедоровичъ, это вы

правы, что не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ и всякую тварь, потому всякая тварь—она тварь созданная, вотъ хоть бы лошадь, потому другой ломить зря, хоша бы и нашъ ямщикъ... И удержу ему нѣтъ, такъ онъ и преть, прямо тебѣ такъ и преть.

— Во адъ? перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неожиданнымъ короткимъ смѣхомъ.— Андрей, простая душа, — схватилъ онъ опять его крѣпко за плечи, — говори: попадетъ Дмитрій Ѳедоровичъ Карамазовъ во адъ али нѣтъ, какъ по твоему?

— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависитъ, потому вы у насъ... Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ распятъ и померъ, то сошелъ Онъ со креста прямо во адъ и освободилъ всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И застоналъ адъ объ томъ, что ужь больше, думалъ, къ нему никто теперь не придетъ, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: «Не стони, аде, ибо придутъ къ тебѣ отселева всякіе вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь восполненъ такъ же точно какъ былъ во вѣки вѣковъ, до того времени пока снова приду». Это точно, это было такое слово...

— Народная легенда, великолѣпно! Стегни лѣвую, Андрей!

— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначенъ, стегнулъ Андрей лѣвую, — а вы у насъ, сударь, все одно какъ малый ребенокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хоть гнѣвливы вы, сударь, это есть, но за простодушіе ваше простить Господь.

— А ты, ты простишь меня, Андрей?

— Мнѣ чтò же васъ прощать, вы мнѣ ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперь, сейчасъ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа простолюдина!

— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, странный какой-то вашъ разговоръ...

Но Митя не разслышалъ. Онъ изступленно молился и дико шепталъ про себя.

— Господи, прими меня во всемъ моемъ беззаконіи, но не суди меня. Пропусти мимо безъ суда Твоего... Не суди, потому что я самъ осудилъ себя; не суди, потому что люблю Тебя, Господи! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлешь и тамъ любить буду, и оттуда буду кричать что люблю Тебя во вѣки вѣковъ... Но дай и мнѣ долюбить... здѣсь, теперь долюбить, всего пять часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу души моей. Люблю и не могу не любить. Самъ видишь меня всего. Прискачу, паду предъ нею: права ты, что мимо меня прошла... Прощай и забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! крикнулъ Андрей, указывая впередъ кнутомъ.

Сквозь блѣдный мракъ ночи зачернѣлась вдругъ твердая масса строеній раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Село Мокрое было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно уже спало и лишь кое гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкіе огоньки.

— Гони, гони Андрей, ѣду! воскликнулъ какъ бы въ горячкѣ Митя.

— Не спать! проговорилъ опять Андрей, указывая кнутомъ на постоялый дворъ Пластуновыхъ, стоявшій сейчасъ же на въѣздѣ, и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣщены.

— Не спать! радостно подхватилъ Митя, — греми Андрей, гони вскачь, звени, подгати съ трескомъ. Чтобы знали всѣ кто пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду! изступленно восклицалъ Митя.

Андрей пустилъ измученную тройку вскачь и дѣйстви-

тельно съ трескомъ подкатилъ къ высокому крылечку и осадилъ своихъ запаренныхъ полузадохшихся коней. Митя соскочилъ съ телѣги и какъ разъ хозяинъ двора, правда ухотившій уже спать, любопытствовалъ заглянуть съ крылечка, кто это таковъ такъ подкатилъ.

— Трифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, взглядѣлся, стремглавъ сбѣжалъ съ крылечка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гостю.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедорычъ! Васъ ли вновь видимъ?

Этотъ Трифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый мужикъ, средняго роста, съ нѣскольکو толстоватымъ лицомъ, виду строгаго и непримиримаго, съ Мокринскими мужиками особенно, но имѣвшій даръ быстро измѣнять лицо свое на самое подобострастное выраженіе, когда чужья выгода. Ходилъ по русски, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ поддевкѣ, имѣлъ деньжонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустанно. Половина слишкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были ему должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и самъ покупалъ, а обрабатывали ему мужики эту землю за долгъ, изъ котораго никогда не могли выйти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ четырехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него съ двумя малолѣтками, ему внучками, и работала на него какъ поденщица. Другая дочка-мужичка была замужемъ за чиновникомъ, какимъ-то выслужившимся писаречкомъ, и въ одной изъ комнатъ постоялаго двора на стѣнѣ можно было видѣть въ числѣ семейныхъ фотографій, миниатюрнѣйшаго размѣра, фотографію и этого чиновничка въ мундирѣ и въ чиновныхъ погонахъ. Двѣ младшія дочери въ храмовой праздникъ, али отправляясь куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, сшитыя по модному, съ обтяжкой сзади и съ аршиннымъ хвостомъ, но на другой

же день утромъ, какъ и во всякій день, подымались чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣниками въ рукахъ выметали горницы, выносили помои и убирали соръ послѣ постояльцевъ. Не смотря на пріобрѣтенныя уже тысячки, Трифонъ Борисычъ очень любилъ сорвать съ постояльца кутящаго, и помня что еще мѣсяца не прошло какъ онъ въ одни сутки поживился отъ Дмитрія Ѳедоровича во время кутежа его съ Грушенькой двумя сотнями рубликовъ слишкомъ, если не всѣми тремя, встрѣтилъ его теперь радостно и стремительно, уже по тому одному какъ подкатилъ ко крыльцу его Митя почувавъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Ѳедоровичъ, васъ ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ, началъ Митя, — прежде всего самое главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна? тотчасъ понялъ хозяинъ, зорко взглядываясь въ лицо Мити, — да здѣсь и она... пребываетъ....

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости проѣзжіе-съ.... Одинъ-то чиновникъ, надоть быть изъ Поляковъ, по разговору судя, онъ-то за ней и послалъ лошадей отсюда; а другой съ нимъ товарищъ его, али попутчикъ, кто разберетъ; по штатски одѣты....

— Чтò же кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ! Небольшая величина, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Пе большая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господъ.... Изъ Черней возвращались, да и остались. Одинъ-то, молодой, надоть быть родственникъ господицу Міусову, вотъ только какъ звать забылъ.... а другаго надо полагать вы тоже знаете: помѣщикъ Максимовъ, на богомолье, говорить, заѣхалъ въ монастырь

вашъ тамъ, да вотъ съ родственникомъ этимъ молодымъ господина Міусова и ѣздить....

— Только и всѣхъ?

— Только.

— Стой, молчи Трифонъ Борисычъ, говори теперь самое главное: что она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ ними.

— Весела? Смѣется?

— Нѣтъ, кажись не очень смѣется.... Даже скучная совсѣмъ сидитъ, молодому человѣку волосы расчесывала.

— Это Поляку, офицеру?

— Да какой же онъ молодой, да и не офицеръ онъ вовсе; нѣтъ, сударь, не ему, а Міусовскому племяннику этому, молодому-то.... вотъ только имя забылъ.

— Калгановъ?

— Именно Калгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли да перестали, чай отпили, наливки чиновникъ потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой душа, самъ рѣшу. Теперь отвѣчай самое главное: нѣтъ Цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Федоровичъ, согнало начальство, а вотъ Жиды здѣсь есть, на цимбалахъ играютъ и на скрипкахъ, въ Рождественской, такъ это можно бы за ними хоша и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непременно послать! вскричалъ Митя.— А дѣвокъ можно поднять какъ тогда, Марью особенно, Степаниду тоже, Арину. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этакія деньги я все село тебѣ подыму, хоть и полегли теперь дрыхнуть. Да и стоятъ ли, батюшка Дмитрій Федоровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ

дѣвки? Этакой подлости да грубости такую сумму опредѣлять! Ему ли, нашему мужику, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Вѣдь отъ него смердить, отъ разбойника. А дѣвки всѣ сколько ихъ ни есть вшивыя. Да я своихъ дочерей тебѣ даромъ подыму, не то что за такую сумму, полегли только спать теперъ, такъ я ихъ ногой въ спину напинаю да для тебя пѣть заставлю. Мужиковъ наемни шампанскимъ поили—э--хъ!

Трифонъ Борисычъ напрасно сожалѣлъ Митю: онъ тогда у него самъ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго утаилъ, а подъ столомъ сторублевую бумажку поднялъ и зажалъ себѣ въ кулакъ. Такъ и осталась она у него въ кулакѣ.

— Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь тысячку. Помнишь?

— Растрясли голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три тысячки у насъ небось оставили.

— Ну, такъ и теперъ съ тѣмъ пріѣхалъ, видишь.

И онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку кредитокъ.

— Теперъ слушай и понимай: черезъ часъ вино придетъ, закуски, пироги и конфеты, — все тотчасъ же туда на верхъ. Этотъ ящикъ что у Андрея туда тоже сейчасъ на верхъ, раскрыть и тотчасъ же шампанское подавать.... А главное—дѣвогъ, дѣвогъ, и Марью чтобы непременно....

Онъ повернулся къ телѣгѣ и вытащилъ изъ подъ сидѣнья свой ящикъ съ пистолетами.

— Разсчесть, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ пятнадцать рублей за тройку, а вотъ пятьдесятъ на водку... за готовность, за любовь твою... Помни барина Карамазова!

— Боюсь я, баринъ... заколебался Андрей,—пять рублей на чай пожалуйста, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ свидѣтелемъ. Ужь простите глупое слово мое...

— Чего боишься, обмѣрилъ его взглядомъ Митя,—ну и чортъ съ тобой коли такъ! крикнулъ онъ бросая ему пять рублей.—Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай мнѣ на нихъ на всѣхъ перво-наперво глазкомъ глянуть, такъ чтобъ они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ?

Трифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тотчасъ же послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его въ сѣни, самъ вошелъ въ большую первую комнату, соединяющую съ той въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ потихоньку ввелъ Митю и поставилъ его въ углу, въ темнотѣ, откуда бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ ими невидимый. Но Митя не долго глядѣлъ, да и не могъ разглядывать: онъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ помутилось. Она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ, а рядомъ съ нею, на диванѣ, хорошенькій собою и еще очень молодой Калгановъ; она держала его за руку и кажется смѣялась, а тотъ не глядя на нее что-то громко говорилъ, какъ будто съ досадою, сидѣвшему чрезъ столъ напротивъ Грушеньки Максимову. Максимовъ же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ *онъ*, а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой незнакомецъ. Тотъ который сидѣлъ на диванѣ развѣлясь курилъ трубку, и у Мити лишь промелькнуло что это какой-то толстоватый и широколицый человѣчекъ, ростомъ должно быть не высокій и какъ будто на что-то сердитый. Товарищъ же его, другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужъ чрезвычайно высокаго роста; но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣть. Духъ у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, поставилъ ящикъ на комодъ и прямо, холодѣя и замирая, направился въ голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! взвизгнула въ испугъ Грушенька, замѣтивъ его первая.

VII.

Прежній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступилъ вплоть къ столу.

— Господа, началъ онъ громко, почти крича, но заикаясь на каждомъ словѣ,—я... я ничего! Не бойтесь, воскликнулъ онъ,—я вѣдь ничего, ничего,—повернулся онъ вдругъ къ Грушенькѣ, которая отклонилась на креслѣ въ сторону Калганова и крѣпко уцѣпилась за его руку.—Я... Я тоже ѣду. Я до утра. Господа, проѣзжему путешественнику... можно съ вами до утра? Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой комнатѣ?

Это уже онъ докончилъ обращаясь къ толстенькому человѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отнялъ отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пане, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покои.

— Да это вы, Дмитрій Ѳедоровичъ, да чего это вы? отозвался вдругъ Калгановъ:—да садитесь съ нами, здравствуйте!

— Здравствуйте, дорогой человѣкъ... и безцѣнный! Я всегда уважалъ васъ... радостно и стремительно отозвался Митя, тотчасъ же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали пальцы, засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ! весело отозвалась еще робко улыбаясь Грушенька, кажется вдругъ убѣдившаяся по виду Мити что тотъ не будетъ буянить, съ ужаснымъ любопытствомъ и все еще съ безпокойствомъ въ него вглядываясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее по-

разившее, да и вовсе не ожидала она отъ него, что въ такую минуту онъ такъ войдетъ и такъ заговорить.

— Здравствуйте-сь, сладко отозвался слѣва и помѣщикъ Максимовъ. Митя бросился и къ нему.

— Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ, что и вы тутъ! Господа, господа, я... (Онъ снова обратился къ пану съ трубкой, видимо принимая его за главнаго здѣсь чело-вѣка). Я летѣлъ... Я хотѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой комнатѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожалъ... мою царицу!.. Прости пане! крикнулъ онъ изступленно, — я летѣлъ и далъ клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выпьемъ, пане, мировую! Сейчасъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это. (Онъ вдругъ для чего-то вытащилъ свою пачку кредитокъ). Позволь, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что прежде... Но червь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не будетъ! День моей радости помяну въ послѣднюю ночь мою!..

Онъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но выскочили одни странныя восклицанія. Панъ неподвижно смотрѣлъ на него, на пачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку и былъ въ видимомъ недоумѣннн.

— Ежели поволить моя крулева... началъ было онъ.

— Да что крулева, это королева что ли? перебила вдругъ Грушенька.—И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы всѣ говорите. Садись, Митя, и что это ты говоришь? Не пугай пожалуйста. Не будешь пугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ рада...

— Мнѣ, мнѣ пугать? вскричалъ вдругъ Митя, вскинувъ вверхъ свои руки.—О, идите мимо, проходите, не помѣшаю!.. И вдругъ онъ совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и ужь конечно для себя самого бросился на стулъ и залился слезами,

отвернувъ къ противоположной стѣнѣ свою голову, а руками вѣрно обхвативъ спинку стула, точно обнимая ее.

— Ну вотъ, ну вотъ, экой ты! угоризненно воскликнула Грушенька. — Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ, — вдругъ заговорить, а я ничего не понимаю. А одинъ разъ также заплакалъ, а теперь вотъ въ другой — экой стыдъ! Съ чего ты плачешь-то? *Было бы еще съ чего?* прибавила она вдругъ загадочно и съ какимъ-то раздраженіемъ напирая на свое словечко.

— Я... я не плачу... Ну здравствуйте! повернулся онъ въ одинъ мигъ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не деревяннымъ своимъ отрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то неслышнымъ длиннымъ, нервнымъ и сотрясающимся смѣхомъ.

— Ну, вотъ опять... Ну, развеселись, развеселись! уговаривала его Грушенька. — Я очень рада, что ты пріѣхалъ, очень рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу чтобъ онъ сидѣлъ здѣсь съ нами, повелительно обратилась она какъ бы ко всѣмъ, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему на диванѣ. — Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйду, вотъ что! прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что изволить моя царица — то законъ! произнесъ панъ, галантно поцаловавъ ручку Грушеньки. — Прошу пана до нашей компаньи! обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя опять привскочилъ было съ видимымъ намѣреніемъ снова разразиться тирадой, но вышло другое:

— Выпьемъ, пане! оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто рѣчи. Всѣ разсмѣялись.

— Господи! А я думала онъ опять говорить хочетъ, нервозно воскликнула Грушенька. — Слышишь Митя, настойчиво прибавила она, — больше не вскакивай, а что шампанскаго привезъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а на-

ливки я терпѣть не могу. А лучше всего что самъ прикатилъ, а то скучища.... Да ты бутить что ли пріѣхалъ опять? Да спрячь деньги-то въ карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще скомканы были кредитки, очень всѣми и особенно панами замѣченныя, быстро и конфузливо сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую минуту хозяинъ принесъ откупоренную бутылку шампанскаго на подносѣ и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растерялся что забылъ что съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже Балгановъ и разлилъ за него вино.

-- Да еще, еще бутылку! закричалъ Митя хозяину и забывъ чокнуться съ паномъ, котораго такъ торжественно приглашалъ выпить съ нимъ мировую, вдругъ выпилъ весь свой стаканъ одинъ, никого не дождавшись. Все лицо его вдругъ измѣнилось. вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ которымъ онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ бы что-то младенческое. Онъ вдругъ какъ бы весь смирился и принизился. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикая, съ благодарнымъ видомъ виноватой собачонки которую опять приласкали и опять впустили. Онъ какъ будто все забылъ и оглядывалъ всѣхъ съ восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушеньку смотрѣлъ непрерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ вплоть къ самому ея креслу. Помаленьку разглядѣлъ и обоихъ пановъ, хотя еще мало осмысливъ ихъ. Панъ на диванѣ поражалъ его своею осанкой, польскимъ акцентомъ, а главное—трубкой. «Ну что же такое, ну и хорошо что онъ курить трубку», созерцалъ Митя. Нѣсколько обрюзглое, почти уже сорокалѣтнее лицо пана съ очень маленькимъ носикомъ, подъ которымъ виднѣлись два претоневыіе востренькіе усика,

нафабранные и нахальные, не возбудило въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень дрянненькій паричокъ пана, сдѣланный въ Сибири съ преглупо зачесанными впередъ височками, не поразилъ особенно Митю: «значить такъ и надо, коли парикъ», блаженно продолжалъ онъ созерцать. Другой же панъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой чѣмъ панъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дерзко и задорно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшій общій разговоръ, опять таки поразилъ Митю только очень высокимъ свсимъ ростомъ, ужасно не пропорціональнымъ съ паномъ сидѣвшимъ на диванѣ. «Если встанетъ на ноги, будетъ вершковъ одиннадцати», мелькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже, что этотъ высокій панъ вѣроятно другъ и приспѣшникъ пану на диванѣ, какъ бы «тѣлохранитель его», и что маленькій панъ съ трубкой конечно командуетъ паномъ высокимъ. Но и это все казалось Митѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ замерло всякое соперничество. Въ Грушенькѣ и въ загадочномъ тонѣ нѣсколькихъ фразъ ея онъ еще ничего не понималъ; а понималъ лишь, сотрясаясь всѣмъ сердцемъ своимъ, что она къ нему ласкова, что она его «простила» и подлѣ себя посадила. Онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, увидѣвъ какъ она хлебнула изъ стакана вино. Молчаніе компаніи какъ бы вдругъ однако поразило его и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то глазами: «что же мы однако сидимъ, что же вы ничего не начинаете, господа»? какъ бы говорилъ ослабленный взоръ его.

— Да вотъ онъ все вретъ, и мы тутъ все смѣялись, началъ вдругъ Калгановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на Максимова.

Митя стремительно уставился на Калганова и потомъ тотчасъ же на Максимова.

— Вреть? разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ смѣхомъ, тотчасъ же чему-то обрадовавшись,—ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ что будто бы вся наша кавалерія въ двадцатыхъ годахъ пережилась на Полькахъ; но это ужасный вздоръ, не правда ли?

— На Полькахъ? подхватилъ опять Митя и уже въ рѣшительномъ восхищеніи.

Калгановъ очень хорошо понималъ отношенія Мити къ Грушенькѣ, догадывался и о панѣ, но его все это не такъ занимало, даже можетъ быть вовсе не занимало, а занималъ его всего болѣе Максимовъ. Попалъ онъ сюда съ Максимовымъ случайно и пановъ встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ въ первый разъ въ жизни. Грушеньку же зналъ прежде и разъ даже былъ у нея съ кѣмъ-то: тогда онъ ей не понравился. Но здѣсь она очень ласково на него поглядывала: до пріѣзда Мити даже ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственнымъ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ не болѣе двадцати, щегольски одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ прекрасными густыми русыми волосами. Но на этомъ бѣленькомъ личикѣ были прелестные свѣтло-голубые глаза, съ умнымъ, а иногда и глубокимъ выраженіемъ, не по возрасту даже, не смотря на то что молодой человѣкъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣмъ какъ дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это сознавая. Вообще онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ, хотя всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькало что-то неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, а самъ какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То становился вялъ и лѣнивъ, то вдругъ начиналъ волноваться иногда повидимому отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня вожу съ собою, про-

должалъ онъ, немного какъ бы растягивая лѣниво слова, но безо всякаго фатовства, а совершенно натурально.—Помните, съ тѣхъ поръ какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски вытолкнулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ заинтересовалъ и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь вретъ, такъ что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Панъ польской пани не видѣлъ и муви что быть не мѣгло, замѣтилъ панъ съ трубкой Максимову.

Панъ съ трубкой говорилъ по русски порядочно, по крайней мѣрѣ гораздо лучше чѣмъ представлялся. Русскія слова, если и употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій ладъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ женатъ на польской пани-съ, отхихигнулся въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь это вы про кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? ввязался сейчасъ Калгановъ.

— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? Ха-ха! крикнулъ Митя жадно слушавшій и быстро переводившій свой вопросительный взглядъ на каждаго кто заговорить, точно Богъ знаетъ что ожидалъ отъ каждаго услышать.

— Нѣтъ-съ, видите-съ, повернулся къ нему Максимовъ, — я про то-съ, что эти тамъ панѣнки... хорошенькія-съ... какъ оттанцуютъ съ нашимъ уланомъ мазурку... какъ оттанцовала она съ нимъ мазурку, такъ тотчасъ и вскочить ему на колѣнки, какъ кошечка-съ... бѣленькая-съ... а панъ ойцъ и пани-матка видятъ и позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уланы-то на завтра пойдеть и руку предложить... вотъ-съ... и предложить руку, хи-хи! хихигнулъ закончивъ Максимовъ.

— Панъ лайдакъ! проворчалъ вдругъ зысокій панъ на стулъ и переложилъ ногу на ногу. Митѣ только бросился въ глаза огромный смазной сапогъ его съ толстою и грязною подошвой. Да и вообще оба пана были одѣты довольно засаленно.

— Ну, вотъ и лайдакъ! Чего онъ бранится? разсердилась вдругъ Грушенька.

— Пани Агриппина, панъ видѣлъ въ польскомъ краю хлопокъ, а не шляхетныхъ паней, замѣтилъ панъ съ трубкой Грушенькѣ.

— Можешь на то раховаць! презрительно отрѣзалъ высокій панъ на стулѣ.

— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего мѣшать? Съ ними весело, огрызнулась Грушенька.

— Я не мѣшаю, пани, значительно замѣтилъ панъ въ паричкѣ съ продолжительнымъ взглядомъ ко Грушенькѣ и, важно замолчавъ, снова началъ сосать свою трубку.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это панъ теперь правду сказалъ, загорячился опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло дѣло.—Вѣдь онъ въ Польшѣ не былъ, какъ же онъ говоритъ про Польшу? Вѣдь вы же не въ Польшѣ женились, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ еще прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ, и съ пани-маткой и съ тантой и еще съ одною родственницей со взрослымъ сыномъ, это ужъ изъ самой Польши, изъ самой... и мнѣ уступилъ. Это одинъ нашъ поручикъ, очень хорошій молодой человекъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая...

— Такъ вы на хромой женились? воскликнулъ Калгановъ.

— На хромой-съ. Это ужъ они меня оба тогда немножечко обманули и скрыли. Я думалъ что она подпрыгиваетъ... она все подпрыгивала, я и думалъ что она это отъ веселости...

— Отъ радости, что за васъ идетъ? завопилъ багирь-то дѣтски звонкимъ голосомъ Калгановъ.

— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло, что совсѣмъ отъ иной причины-съ. Потомъ, когда мы обвѣнчались, она мнѣ послѣ вѣнца въ тотъ же вечеръ и призналась, и очень чувствительно извиненія просила, чрезъ лужу, говорить, въ молодыхъ годахъ однажды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!

Калгановъ такъ и залился самымъ дѣтскимъ смѣхомъ и почти упалъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя же былъ на верху счастья.

— Знаете, знаете, это онъ теперь уже вправду, это онъ теперь не лжетъ! восклицалъ обращаясь къ Митѣ Калгановъ. — И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ, — это онъ про первую жену говорить, — а вторая жена его, знаете, сбѣжала и жива до сихъ поръ, знаете вы это?

— Ну жто? быстро повернулся къ Максиму Митя, выразивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.

— Да-съ, сбѣжала-съ, я имѣлъ эту неприятность, скромно подтвердилъ Максимовъ. — Съ однимъ мусью-съ. А главное, всю деревушку мою перво-на-перво на одну себя предварительно отписала. Ты, говорить, человѣкъ образованный, ты и самъ найдешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ одинъ почтенный архіерей и замѣтилъ: у тебя одна супруга была хромая, а другая ужъ чрезъ чуръ легконогая, хи-хи!

— Послушайте, послушайте! такъ и кипѣлъ Калгановъ, — если онъ и лжетъ, — а онъ часто лжетъ, — то онъ лжетъ единственно чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь не подло, не подло? Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень подлъ, но онъ натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подличаетъ изъ-за чего нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, онъ отъ природы... Вообразите, напримѣръ, онъ претендуетъ (вчера всю дорогу спорилъ) что Гоголь въ

Мертвыхъ Душахъ это про него сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, котораго высѣкъ Ноздревъ и былъ преданъ суду: «за нанесеніе помѣщику Максиму личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ» — ну помните? Такъ что жъ, представьте, онъ претендуетъ что это онъ и былъ и что это его высѣкли! Ну можетъ ли это быть? Чичиковъ ѣздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ въ началѣ, такъ что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчь. Вѣдь не могли, не могли?

Трудно было представить изъ за чего такъ горячился Балгановъ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входилъ въ его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! крикнулъ онъ хохоча.

— Не то чтобы высѣкли-сь, а такъ, вставилъ вдругъ Максимовъ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Ютура годзица, панс? (который часъ?) обратился со скучающимъ видомъ панъ съ трубкой къ высокому пану на стулѣ. Тотъ вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоихъ не было.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ говорить. Коли вамъ скучно, такъ другіе и не говори, вскинулась опять Грушенька, видимо нарочно привязываясь. У Мити какъ бы въ первый разъ что-то промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ панъ отвѣтилъ уже съ видимою раздражительностью:

— Пани, я ниць не мувѣнъ противъ, ниць не повѣдзялемъ. (Я не противорѣчу, я ничего не сказалъ).

— Ну да хорошо, а ты рассказывай, крикнула Грушенька Максиму. — Что жъ вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и рассказывать-то нечего-сь, потому все это однѣ глупости, подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удовольствіемъ и капельку жеманясь, — да и у Гоголя все

это только въ видѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставилъ аллегорическія: Ноздревъ-то вѣдь былъ не Ноздревъ, а Носовъ, а Кувшинниковъ—это уже совсѣмъ даже и не похоже, потому что онъ былъ Шеворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, только не Италіянецъ, а Русскій, Петровъ-съ, и мамзель Фенарди была хорошенькая-съ, и ножки въ триго, хорошенькія-съ, юпочка коротенькая въ блесткахъ, и это она вертѣлась, да только не четыре часа, а всего только четыре минутки-съ... и всѣхъ обольстила...

— Да за что высѣгли-то, высѣгли-то тебя за что? вопилъ Балгановъ.

— За Пирона-съ, отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-съ. Мы тогда всѣ вино пили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, на этой самой ярмаркѣ. Они меня и пригласили, а я перво-на-перво сталъ эпитагмы говорить: «Ты ль это Буало, какой смѣшной нарядъ». А Буало-то отвѣчаетъ что онъ въ маскарадъ собирается, то есть въ баню-съ, хи-хи, они и приняли на свой счетъ. А я поскорѣе другую сказалъ, очень извѣстную всѣмъ образованнымъ людямъ, ѣдкую-съ:

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Они еще пуще обидѣлись и начали меня неприлично за это ругать, а я какъ разъ, на бѣду себѣ, чтобы поправить обстоятельства, тутъ и рассказалъ очень образованный анекдотъ про Пирона, какъ его не приняли во Французскую Академію, а онъ, чтобъ отмстить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камня:

Ci-git Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.

Они взяли да меня и высѣгли.

— Да за что же, за что?

— За образованіе мое. Мало ли изъ за чего люди могутъ человѣка высѣчь, кротко и нравоучительно заключилъ Максимовъ.

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, я думала что веселое будетъ, оборвала вдругъ Грушенька. Митя всполохнулся и тотчасъ же пересталъ смѣяться. Высокій панъ поднялся съ мѣста и съ высококомѣрнымъ видомъ сучающаго не въ своей компаніи человѣка началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину руки.

— Ишь зашагалъ! презрительно поглядѣла на него Грушенька. Митя безпokoился, къ тому же замѣтилъ что панъ на диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на него.

— Панъ, крикнулъ Митя,—выпьемъ пане! И съ другимъ паномъ тоже: выпьемъ, панове! Онъ мигомъ сдвинулъ три стакана и разлилъ въ нихъ шампанское.

— За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польскій брай! воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, пане, выпіемъ (это мнѣ очень пріятно, пане, выпьемъ), важно и благосклонно проговорилъ панъ на диванѣ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, эй, ясновельможный, бери стаканъ! хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, подсказалъ панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и стоя принялъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, ура! прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ.

Всѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ же налилъ опять три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Налей и намъ, сказала Грушенька,—за Россію и я хочу пить.

— И я, сказалъ Калгановъ.

— Да и я бы тоже-съ... за Россееюшку, старую бабу-сеньку, подхихикнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! восклицалъ Митя.—Хозяинъ, еще бутылокъ! Принесли всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ Митей. Митя разлилъ.

— За Россію, ура! провозгласилъ онъ снова. Всѣ, кромѣ пановъ, выпили, а Грушенька выпила разомъ весь свой стаканъ. Панове же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ же вы, панове? воскликнулъ Митя.—Такъ вы такъ-то?

Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и зычнымъ голосомъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ втораго года!

— Ото бардзо пѣнне! (Вотъ такъ хорошо!) крикнулъ другой панъ и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье же вы, панове! сорвалось вдругъ у Мити.

— Па-не!! прокричали оба пана съ угрозою, наставившись на Митю какъ пѣтухи. Особенно вскипѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣць слабосци до своего краю? возгласилъ онъ. (Развѣ можно не любить своей стороны)?

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоръ! крикнула повелительно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ. Лицо ея загорѣлось, глаза засверкали. Только что выпитый стаканъ сказался. Митя страшно испугался.

— Панове, простите! Это я виноватъ, я не буду. Врублевскій, панъ Врублевскій, я не буду!...

— Да молчи хоть ты-то, садись, экой глупый! со злобною досадою огрызнулась на него Грушенька.

Всѣ усѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! началъ опять Митя, ничего не понявшій въ возгласѣ Грушеньки;—ну, чего же мы сидимъ? Ну, чѣмъ же намъ заняться.... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, лѣниво промямлилъ Балгановъ.

— Въ банчикъ бы-съ сыграть-съ, какъ давеча... хихикнулъ вдругъ Максимовъ.

— Банкъ? Великолѣпно! подхватилъ Митя,—если только панове...

— Пузыно, пане! какъ бы нехотя отозвался панъ на диванѣ...

— То правда, поддакнулъ и панъ Врублевскій.

— Пузыно? Это что такое пузыно? спросила Грушенька.

— То значи поздно, пани, поздно, часъ поздній, разъяснилъ панъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя! почти взвизгнула въ досадѣ Грушенька. — Сами скучные сидятъ, такъ и другимъ чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вотъ этакъ молчали и надо мной фуфырились...

— Богиня моя! крикнулъ панъ на диванѣ,—цо мувишь то сень стане. Видзень неласкенъ, и естемъ смутны. (Вижу нерасположеніе оттого я и печальный). Естемъ готувъ (я готовъ), пане, докончилъ онъ, обращаясь къ Митѣ.

— Начинай, пане! подхватилъ Митя выхватывая изъ кармана свои кредитки и выглаживая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на столъ.

— Я тебѣ много, панъ, хочу проиграть. Бери карты, закладывай банкъ!

— Карты чтобъ отъ хозяина, пане, настойчиво и серьёзно произнесъ маленькій панъ.

— Тò найлѣпши способъ (самый лучшій способъ), поддакнулъ панъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, понимаю, пусть отъ хозяина, это вы хорошо, панове! Карты! скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ принесъ нераспечатанную игру картъ и объявилъ Митѣ что ужъ собираются дѣвки, жидки съ цимбалами придутъ тоже вѣроятно скоро, а что тройка съ припасами еще не успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату сейчасъ же распорядиться. Но дѣвокъ всего пришло только три, да и Марьи еще не было. Да и самъ онъ не зналъ какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ побѣжалъ: велѣлъ только достать изъ ящика гостинцевъ, леденцовъ и тягушекъ и одѣлать дѣвокъ.— «Да Андрею водки, водки Андрею! приказалъ онъ наскоро, — я обидѣлъ Андрея!» Тутъ его вдругъ тронулъ за плечо приобъжавшій вслѣдъ за нимъ Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, прошепталъ онъ Митѣ:— я бы тоже въ банчикъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ! Онъ вытащилъ опять всѣ кредитки изъ кармана и отыскалъ десять рублей.—А проиграешь, еще приходи, еще приходи...

— Хорошо-съ, радостно прошепталъ Максимовъ и побѣжалъ въ залу. Воротился тотчасъ и Митя и извинился что заставилъ ждать себя. Паны уже усѣлись и распечатали игру. Смотрѣли же гораздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ новую трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась даже пѣкая торжественность.

— На мѣйса панове! провозгласилъ панъ Врублевскій.

— Нѣтъ, я не стану больше играть, отозвался Калгановъ,—я давеча ужь имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.

— Панъ былъ нещенсливый, панъ можетъ быть опять щенсливымъ, замѣтилъ въ его сторону панъ на диванѣ.

— Сколько въ банкѣ? Отвѣтный? горячился Митя.

— Слухамъ пане, можетъ сто, може двѣсьць, сколько ставить будешь.

— Милліонъ! захохоталъ Митя.

— Панъ капитанъ можетъ слышалъ про пана Подвысоцкего?

— Какого Подвысоцкаго?

— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтный ставить кто идетъ. Приходитъ Подвысоцкій, видитъ тысенць золотыхъ, ставить: ва-банкъ. Банкеръ муви: «пане Подвысоцки, ставишь золото, чи на гѣноръ»? — На гѣноръ, пане, муви Подвысоцкій. — «Тѣмъ лѣпѣй, пане». Банкеръ мечетъ талью, Подвысоцкій беретъ тысенць золотыхъ.—«Почекай пане», муви банкеръ, вынулъ ящикъ и даетъ милліонъ: «бери пане, ото есть твой рахунекъ» (вотъ твой счетъ)! Банкъ былъ милліоннымъ.— Я не зналъ того, муви Подвысоцкій.—«Пане Подвысоцки, муви банкеръ,—ты ставилэсь на гѣноръ, и мы на гѣноръ». Подвысоцкій взялъ милліонъ.

— Это не правда, сказалъ Калгановъ.

— Пане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць не пржистои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).

— Такъ и отдасть тебѣ польскій игрокъ милліонъ! воскликнулъ Митя, но тотчасъ спохватился: — Прости, пане, виновенъ, вновь виновенъ, отдасть, отдасть милліонъ, на гѣноръ, на польску честь! Видишь какъ я говорю по польски, ха-ха! Вотъ ставлю десять рублей, идетъ—валеть.

— А я рубликъ на дамочку, на червонную, на хорошенькую, на паненочку, хи-хи! прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ свою даму и, какъ бы желая скрыть ото всѣхъ,

придвинулся вплотъ къ столу и наскоро перекрестился подь столомъ. Митя выигралъ. Выигралъ и рубликъ.

— Уголь! крикнулъ Митя.

— А я опять рубликъ, я семпелечкомъ, я маленькимъ, маленькимъ семпелечкомъ, блаженно бормоталъ Максимовъ въ страшной радости что выигралъ рубликъ.

— Бита! крикнулъ Митя.—Семерку на *пе!*

Убили и на *пе.*

— Перестаньте, сказалъ вдругъ Калгановъ.

— На *пе*, на *пе*, удваивалъ ставки Митя, и что ни ставилъ на *пе* — все убивалось. А рублики выигрывали.

— На *пе!* рывкнулъ въ ярости Митя.

— Двѣсцьцѣ проигралъ, пане. Еще ставишь двѣсцьцѣ? освѣдомился панъ на диванѣ.

— Какъ, двѣсти ужъ проигралъ? Такъ еще двѣсти! Всѣ двѣсти на *пе!* И выхвативъ изъ кармана деньги, Митя бросилъ было двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ ее рукой:

— Довольно! крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что вы это? уставился на него Митя.

— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

— Почему?

— А потому. Плюньте и уйдите, вотъ почему. Не дамъ больше играть!

Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Брось, Митя, онъ можетъ правду говорить; и безъ того много проигралъ, со странною ноткой въ голосѣ произнесла и Грушенька. Оба пана вдругъ поднялись съ мѣста со страшно обиженнымъ видомъ.

— Жартуешь (шутишь), пане? проговорилъ маленькій панъ, строго осматривая Калганова.

— Якъ сѣнь поважашъ то робиць, пане! (Какъ вы

смѣте это дѣлать)! рывкнулъ на Калганова и панъ Врублевскій.

— Не смѣть, не смѣть кричать! кригнула Грушенька. Ахъ пѣтухи индѣйскіе!

Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но что-то вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ же мигъ что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его,— странная новая мысль!

— Пани Агриппина! началъ было маленькій панъ, весь красный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, хлопнулъ его по плечу.

— Ясневельможный, на два слова.

— Чего хцешь, пане? (Что угодно)?

— Въ ту комнату, въ тотъ покой, два словечка скажу тебѣ хорошихъ, самыхъ лучшихъ, останешься доволенъ.

Маленькій панъ удивился и опасливо поглядѣлъ на Митю. Тотчасъ же однако согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ чтобы шелъ съ нимъ и панъ Врублевскій.

— Тѣлохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже непремѣнно! воскликнулъ Митя.— Маршъ, панове!

— Куда это вы? тревожно спросила Грушенька.

— Въ одинъ мигъ вернемся, отвѣтилъ Митя. Какая-то смѣлость, какая-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его, совсѣмъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту комнату. Онъ провелъ пановъ въ комнатку направо, не въ ту, въ большую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался столъ, а въ спальную, въ которой помѣщались сундуки, укладки и двѣ большія кровати съ ситцевыми подушками горой на каждой. Тутъ на маленькомъ тесовомъ столикѣ въ самомъ углу горѣла свѣчка. Панъ и Митя расположились у этого столика другъ противъ друга, а огромный панъ Врублевскій сбоку ихъ, заложивъ руки за

спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ любопытствомъ.

— Чемъ могень служиць пану? пролепеталъ маленькій панъ.

— А вотъ чѣмъ, пане, я много говорить не буду: вотъ тебѣ деньги,—онъ вытацилъ свои кредитки:—хочешь три тысячи, бери и уѣзжай куда знаешь.

Панъ смотрѣлъ пытливо, во всѣ глаза, тагъ и впился взглядомъ въ лицо Мити.

— Тржи тысенцы, пане? Онъ переглянулся съ Врублевскимъ.

— Тржи панове, тржи! Слушай пане, вижу что ты человекъ разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всѣмъ чертямъ, да и Врублевскаго съ собой захвати—слышишь это? Но сейчасъ же, сию же минуту, и это на вѣки, понимаешь пане, на вѣки вотъ въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто, шуба? Я тебѣ вынесу. Сію же секунду тройку тебѣ заложать и—до видзѣнья пане! А!

Митя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрезвычайно рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.

— А рубли, пане?

— Рубли-то вотъ какъ, пане: пятьсотъ рублей сію минуту тебѣ на извощика и въ задатокъ, а двѣ тысячи пятьсотъ завтра въ городѣ—честью клянусь будутъ, достану изъ подъ земли! крикнулъ Митя.

Поляки переглянулись опять. Лицо пана стало измѣняться къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, сію минуту въ руки! надбавилъ Митя, почувствовавъ нѣчто нехорошее.—Чего ты панъ? Не вѣришь? Не всѣ же три тысячи дать тебѣ сразу. Я дамъ, а ты и воротись къ ней завтра же... Да теперь и нѣтъ у меня всѣхъ трехъ тысячъ,

у меня въ городѣ дома лежать, лепеталъ Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ своимъ словомъ,—ей Богу лежать, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственного достоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чего? спросилъ онъ иронически.—Пфе! А пфе! (стыдъ, срамъ!) И онъ плюнулъ. Плюнулъ и панъ Врублевскій.

— Это ты оттого плюешься, пане, проговорилъ Митя какъ отчаянный, понявъ что все кончилось,—оттого что отъ Грушеньки думаешь больше тяпнуть. Каплуны вы оба, вотъ что!

— Естемъ до живого доткнентнымъ! (Я оскорбленъ до послѣдней степени) раскраснѣлся вдругъ маленькій панъ какъ ракъ и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ бы не желая больше ничего слушать, вышелъ изъ комнаты. За нимъ, раскачиваясь, послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужъ и Митя, сконфуженный и опѣшенный. Онъ боялся Грушеньки, онъ предчувствовалъ что панъ сейчасъ раскричится. Такъ и случилось. Панъ вошелъ въ залу и театрално всталъ предъ Грушенькой.

— Пани Агриппина, естемъ до живого доткнентнымъ! воскликнулъ было онъ, но Грушенька какъ бы вдругъ потеряла всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному мѣсту.

— По русски, говори по русски, чтобы ни одного слова польскаго не было! закричала она на него.—Говорилъ же прежде по русски, неужели забылъ въ пять лѣтъ! Она вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Пани Агриппина...

— Я Аграфена, я Грушенька, говори по русски или слушать не хочу! Панъ запыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русскую рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я пші́халь забыть старое и простить его, забыть чтò было допрежь сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты прі́халь простить? перебила Грушенька и вскочила съ мѣста.

— Такъ есть, пани (точно такъ, пани), я не молодухны, я великодушны. Но я былемъ здзивѣны (быль удивленъ) когда видѣль твоихъ любовниковъ. Панъ Митя въ томъ покоѣ давалъ мнѣ тржи тысѣнцы, чтобъ я отбыль. Я плюнулъ пану въ фізію.

— Какъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? истерически вскричала Грушенька.—Правда, Митя? Да какъ ты смѣль! Развѣ я продажная?

— Пανε, пανε, возопилъ Митя, она чиста и сіяеть, и никогда я не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...

— Какъ смѣешь ты меня предъ нимъ защищать, вопила Грушенька:—не изъ добродѣтели я чиста была и не потому что Кузьмы боялась, а чтобы предъ нимъ гордой быть и чтобы право имѣть ему подлеца сказать когда встрѣчу. Да неужто жъ онъ съ тебя денегъ не взялъ?

— Да бралъ же, бралъ! воскликнулъ Митя,—да только всѣ три тысячи разомъ захотѣль, а я всего семьсотъ задатку давалъ.

— Ну и понятно: прослышалъ что у меня деньги есть, а потому и прі́халь вѣнчаться!

— Пани Агриппина, закричалъ панъ, — я рыцарь, я шляхтичъ, а не лайдакъ! Я шибыль взять тебя въ супругу, а вижу нову пани, не ту чтò прежде, а упарту и безъ встыду (своенравную и безстыдную).

— А и убирайся откуда прі́халь! Велю тебя сейчасъ прогнать и прогонять! крикнула въ изступленіи Грушенька.— Дура, дура была я, что пять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила вовсе, я со злобы себя мучила! Да и

не онъ это вовсе! Развѣ онъ былъ такой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ ты парикъ то себѣ заказалъ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ пѣсни пѣлъ... А я-то, я-то пять лѣтъ слезами заливалась, проклятая я дура, низкая я, безстыжая!

Она упала на свое кресло и закрыла лицо ладонями. Въ эту минуту вдругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ слѣва хоръ собравшихся наконецъ Мокринскихъ дѣвокъ, — захватская плясовая пѣсня.

— Тò есть сòдомъ! взревѣлъ вдругъ панъ Врублевскій. — Хозяинъ, прогони безстыжихъ!

Хозяинъ, который давно уже съ любопытствомъ заглядывалъ въ дверь, слыша крикъ и чуя что гости перессорились, тотчасъ явился въ комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь? обратился онъ къ Врублевскому съ какою то непонятною даже невѣжливостью.

— Скотина! заоралъ было панъ Врублевскій.

— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я подалъ тебѣ колоду, а ты мои спряталъ! Ты въ поддѣльныя карты игралъ! Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу упрятать, знаешь ты это, потому оно все одно что бумажки поддѣльныя... И подойдя къ дивану онъ засунулъ пальцы между спинкой и подушкой дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную колоду картъ.

— Вотъ она моя колода, не распечатана! Онъ поднялъ ее и показалъ всѣмъ кругомъ: — я вѣдь видѣлъ оттелева какъ онъ мою колоду сунулъ въ щель, а своей подмѣнилъ, — шильникъ ты этакой, а не панъ!

— А я видѣлъ какъ тотъ панъ два раза передернулъ, крикнулъ Балгановъ.

— Ахъ какъ стыдно, ахъ какъ стыдно! воскликнула

Грушенька, всплеснувъ руками и во истину покраснѣла отъ стыда.—Господи, экой, экой сталъ человѣкъ!

— И я это думалъ, крикнулъ Митя. Но не успѣлъ онъ это выговорить какъ панъ Врублевскій, сконфуженный и взбѣшенный, обратясь ко Грушенькѣ и грозя ей кулакомъ, закричалъ:

— Публична шельма! Но не успѣлъ онъ и воскликнуть какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими руками, поднялъ на воздухъ и въ одинъ мигъ вынесъ его изъ залы въ комнату направо, въ которую сейчасъ только водилъ ихъ обоихъ.

— Я его тамъ на полъ положилъ! возвѣстилъ онъ тотчасъ же возвратившись и задыхаясь отъ волненія, — дерется каналья, небось не придетъ оттуда!... Онъ заперъ одну половинку двери и, держа настежь другую, воскликнулъ къ маленькому пану:

— Ясневельможный, не угодно ли туда же? Пшепрашамъ!

— Батюшка, Митрій Ѳедоровичъ, возгласилъ Трифонъ Борисычъ, — да отбери ты у нихъ деньги-то, то что имъ проигралъ! Вѣдь все равно что воровствомъ съ тебя взяли.

— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, отозвался вдругъ Калгановъ.

— И я свои двѣсти, и я не хочу! воскликнулъ Митя, — ни за что не отберу, пусть ему въ утѣшенье останутся.

— Славно, Митя! Молодецъ, Митя! крикнула Грушенька и страшно злобная нотка прозвенѣла въ ея восклицаніи. Маленькій панъ, багровый отъ ярости, но нисколько не потерявшій своей сановитости, направился было къ двери, но остановился и вдругъ проговорилъ, обращаясь ко Грушенькѣ:

— Пани, ежели хдешъ исьць за мною, идзьмы, если не—

бывай здорова! (Пани, если хочешь идти за мной—пойдемъ, а если нѣтъ—то прощай!)

И важно, пыхтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ дверь. Человѣкъ былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего происшедшаго не терялъ надежды что пани пойдетъ за нимъ,—до того цѣнилъ себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.

— Заприте ихъ на ключъ, сказалъ Калгановъ. Но замокъ щелкнулъ съ ихъ стороны, они заперлись сами.

— Славно! злобно и беспощадно крикнула опять Грушенька.—Славно! Туда и дорога!

УШ.

Бредъ.

Началась почти оргія, пиръ на весь міръ. Грушенька закричала первая чтобъ ей дали вина: «Пить хочу, со-всѣмъ пьяная хочу напиться, чтобы какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь какъ мы здѣсь тогда спознавались!» Самъ же Митя былъ какъ въ бреду и предчувствовалъ «свое счастье». Грушенька его впрочемъ отъ себя непрерывно отгоняла: «Ступай, веселись, скажи имъ чтобы плясали, чтобы всѣ веселились, «ходи изба, ходи печь», какъ тогда, какъ тогда!» продолжала она восклицать. Была она ужасно возбуждена. И Митя бросался распорядиться. Хоръ собрался въ сосѣдней комнатѣ. Та же комната, въ которой до сихъ сидѣли, была къ тому же и тѣсна, разгорожена надвое ситцевою занавѣской, за которою опять-таки помѣщалась огромная кровать съ пухлою периной и съ такими же ситцевыми подушками горкой. Да и во всѣхъ четырехъ «чистыхъ» комнатахъ этого дома вездѣ были кровати. Гру-

шенька расположилась въ самыхъ дверяхъ, Митя ей принесъ сюда кресло: также точно сидѣла она и «тогда», въ день ихъ перваго здѣсь бутежа, и смотрѣла отсюда на хоръ и на пляску. Дѣвки собрались всѣ тогдашнія же; Жидки со скрипками и цитрами тоже прибыли, а наконецъ-то прибылъ и столь ожидаемый возъ на тройкѣ съ винами и припасами. Митя суетился. Въ комнату входили глядѣть и посторонніе, мужики и бабы, уже спавшіе, но пробудившіеся и почувшіе небывалое угощеніе, какъ и мѣсяцъ назадъ. Митя здоровался и обнимался со знакомыми, припоминалъ лица, откупоривалъ бутылки и наливалъ всѣмъ кому попало. На шампанское зарились очень только дѣвки, мужикамъ же нравился больше ромъ и коньякъ и особенно горячій пуншъ. Митя распорядился, чтобы былъ сваренъ шоколадъ на всѣхъ дѣвокъ и чтобы не переводились всю ночь и кипѣли три самовара для чаю и пунша на всякаго приходящаго: кто хочетъ пусть и угощается. Однимъ словомъ, началось нѣчто безпорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ бы въ своемъ родномъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось, тѣмъ больше онъ оживлялся духомъ. Попроси у него какойнибудь мужикъ въ тѣ минуты денегъ, онъ тотчасъ же вытащилъ бы всю свою пачку и сталъ бы раздавать направо и налево безъ счету. Вотъ почему, вѣроятно чтобъ уберечь Митю, сновалъ кругомъ его почти безотлучно хозяинъ, Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ ужъ кажется раздумавшій ложиться спать въ эту ночь, пившій однако мало (всего только выгушалъ одинъ стаканчикъ пунша) и зорко наблюдавшій по своему за интересами Мити. Въ нужныя минуты онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговаривалъ, не давалъ ему одѣлять какъ «тогда» мужиковъ «цыгарками и ренскимъ виномъ» и, Боже сохрани, деньгами, и очень негодовалъ на то что

дѣвки пьютъ ликеръ и ѣдятъ конфекты: «Вшивость лишь одна, Митрій Ѳедоровичъ, говорилъ онъ;—я ихъ колѣнкомъ всякую напинаю, да еще за честь почитать прикажу,— вотъ онѣ какія!» Митя еще разъ вспомнулъ про Андрея и велѣлъ послать ему пуншу:—«Я его давеча обидѣлъ», повторялъ онъ ослабѣвшимъ и умилненнымъ голосомъ. Калгановъ не хотѣлъ было пить и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень, но, выпивъ еще бокала два шампанскаго, страшно развеселился, шагаль по комнатамъ, смѣялся и все и всѣхъ хвалилъ, и пѣсни, и музыку. Максимовъ, блаженный и пьяненькій, не покидалъ его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на Калганова Митѣ: «Какой онъ миленькій, какой чудесный мальчигъ!» И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цаловаться съ Калгановымъ и Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ; ничего еще она ему не сказала такого и даже видимо нарочно задерживала сказать, изрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но горячимъ глазкомъ. Наконецъ она вдругъ схватила его крѣпко за руку и съ силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тогда въ креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то!... я такъ испугалась. Какъ же ты меня ему уступить-то хотѣлъ, а? Неужто хотѣлъ?

— Счастья твоего губить не хотѣлъ! въ блаженствѣ лепеталъ ей Митя. Но ей и не надо было его отвѣта:

— Ну, ступай.... веселись, отгоняла она его опять,— да не плачь, опять позову.

И онъ убѣгалъ, а она принималась опять слушать пѣсни и глядѣть на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, но черезъ четверть часа опять подзывала его и онъ опять прибѣгалъ.

— Ну, садись теперь подлѣ, рассказывай какъ ты вче-

ра обо мнѣ услышалъ что я сюда поѣхала; отъ кого отъ перваго узналъ?

И Митя начиналъ все рассказывать, безсвязно, беспорядочно, горячо, но странно однако же рассказывалъ, часто вдругъ хмурилъ брови и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? спрашивала она.

— Ничего.... одного больнаго тамъ оставилъ. Кабы выздоровѣлъ, кабы зналъ что выздоровѣетъ, десять бы лѣтъ сейчасъ моихъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хотѣлъ завтра застрѣлить себя, экой глупый, да изъ за чего? Я вотъ этакихъ какъ ты безразсудныхъ люблю, лепетала она ему немного отяжелѣвшимъ языкомъ. — Такъ ты для меня на все пойдешь? А? И неужто жъ ты, дурачокъ, вправду хотѣлъ завтра застрѣлиться! Нѣтъ, погоди пока, завтра я тебѣ можетъ одно словечко скажу.... не сегодня скажу, а завтра. А ты бы хотѣлъ сегодня? Нѣтъ, я сегодня не хочу... Ну ступай, ступай теперь, веселись!

Разъ однако она подозвала его какъ бы въ недоумѣннй и озабоченно.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно... Нѣтъ, ужъ я вижу, прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза. — Хотя ты тамъ и цалуешься съ мужиками и кричишь, а я что то вижу. Нѣтъ, ты веселись, я весела и ты веселись.... Я кого то здѣсь люблю, угадай кого?.... Ай, посмотри: мальчикъ то мой заснулъ, охмѣлѣлъ сердечный.

Она говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлѣлъ и заснулъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля заснулъ, ему стало вдругъ отчего то грустно или какъ онъ говорилъ, «скучно». Сильно обезкуражили его подъ конецъ и пѣсни дѣвокъ, начинавшія переходить,

постепенно съ попойкой, въ нѣчто слишкомъ уже скромное и разнузданное. Да и пляски ихъ тоже: двѣ дѣвки передѣлись въ медвѣдей, а Степанида, бойкая дѣвка съ палкой въ рукѣ, представляя жожака, стала ихъ «показывать». «Веселѣй, Марья, кричала она, — не то палкой!» Медвѣди наконецъ повалились на полъ какъ то совсѣмъ ужь неприлично, при громкомъ хохотѣ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой публики бабъ и мужиковъ. — «Ну и пусть ихъ, ну и пусть ихъ, говорила сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ въ лицѣ, — кой-то денегъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться людямъ?» Калгановъ же смотрѣлъ такъ какъ будто чѣмъ запачкался: — «Свинство это все, эта вся народность», замѣтилъ онъ отходя, — «это у нихъ весеннія игры когда они солнце берегутъ во всю лѣтнюю ночь.» Но особенно не понравилась ему одна «новая» пѣсенка съ бойкимъ плясовымъ напѣвомъ, пропѣтая о томъ какъ ѣхалъ баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али вѣтъ?

Но дѣвкамъ показалось что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его не любить.

Ѣхалъ потомъ Цыганъ (произносилось Цыганъ) и этотъ тоже.

Цыганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но и Цыгана нельзя любить,

Цыганъ будетъ воровать,
А я буду горевать.

И много проѣхало такъ людей, которые пытали дѣвушекъ, даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любятъ али нѣтъ?

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Создать будетъ ранаецъ несть,
А я за нимъ...

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стишокъ, пропѣтый совершенно откровенно и произведшій фуроръ въ слушавшей публикѣ. Кончилось наконецъ дѣло на купцѣ:

Купчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвви любятъ али нѣтъ?

И оказалось что очень любятъ, потому дескать что
Купчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озлился:

— Это совсѣмъ вчерашня пѣсня, замѣтилъ онъ вслухъ, — и кто это имъ сочиняетъ! Не достаетъ чтобы желѣзнодорожникъ аль Жидъ проѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ бы побѣдили. И почти обидѣвшись, онъ тутъ же и объявилъ что ему скучно, сѣлъ на диванъ и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько поблѣднѣло и откинулось на подушку дивана.

— Посмотри, какой онъ хорошенькій, говорила Грушенька, подводя къ нему Митю: — я ему давеча головку расчесывала; волоски точно ленъ и густые....

И нагнувшись надъ нимъ въ умиленіи она поцаловала его лобъ. Калгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, привсталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ: гдѣ Максимовъ?

— Вотъ ему кого надо, засмѣялась Грушенька; — да посиди со мной минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось, что Максимовъ ужъ и не отходилъ отъ дѣвокъ, изрѣдка только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколаду же выпилъ двѣ чашки. Личико его раскраснѣлось, а носъ побагровѣлъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объявилъ что сейчасъ «подъ одинъ мотивчикъ» хочетъ протанцовать танецъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всё́мъ этимъ благовоспитаннымъ свѣтскимъ танцамъ обучали-съ....

— Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю какъ онъ тамъ танцовать будетъ.

— Нѣтъ, и я, и я пойду смотрѣть, воскликнулъ Калгановъ, самымъ, наивнымъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки посидѣть съ нимъ. И всё́ направились смотрѣть. Максимовъ дѣйствительно свой танецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ комъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь танецъ состоялъ въ какихъ-то подпрыгиваніяхъ съ вывертываніемъ въ стороны ногъ, подошвами вверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ ударялъ ладонью по подошвѣ. Калганову совсѣмъ не понравилось, а Митя даже облобызалъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ можетъ, что глядишь сюда: конфетку хочешь, а? Цыгарочку можетъ хочешь?

— Папирочку-съ.

— Выпить не хочешь-ли?

— Я тутъ ликерцу-съ.. А шоколатныхъ конфеточекъ у васъ нѣтъ-съ?

— Да вотъ на столѣ цѣлый возъ, выбирай любую, голубиная ты душа!

— Нѣтъ-съ, я такую-съ чтобы съ ванилью... для старичковъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! нагнулся вдругъ старичокъ къ самому уху Мити, — эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи, какъ бы мнѣ, еслибы можно, съ нею познакомиться, по добротѣ вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, врешь.

— Я никому вѣдь зла не дѣлаю-съ, уныло прошепталъ Максимовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь братъ только поютъ и пляшутъ, а впрочемъ, чортъ! подожди... Бушай пока, ѣшь, пей, веселись. Денегъ не надо ли?

— Потомъ бы развѣ-съ, улыбнулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на деревянную верхнюю галлерейку, обходившую изнутри, со двора часть всего строенія. Свѣжій воздухъ оживилъ его. Онъ стоялъ одинъ, въ темнотѣ, въ углу и вдругъ схватилъ себя обѣими руками за голову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ощущенія слились во едино и все дало свѣтъ. Страшный, ужасный свѣтъ! «Вотъ если застрѣлиться, такъ когда же какъ не теперь?» пронеслось въ умъ его». Сходить за пистолетомъ, принести его сюда и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу и покончить». Почти съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, какъ летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣянное уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было легче, о, легче! Вѣдь ужъ все тогда было покончено: ее онъ потерялъ, уступилъ, она погибла для него, исчезла,—о, приговоръ тогда былъ легче ему, по крайней мѣрѣ казался неминуемымъ, необходимымъ, ибо для чего же было оставаться на свѣтѣ? А теперь! Теперь развѣ то что тогда? Теперь съ однимъ по крайней мѣрѣ привидѣнiемъ, страшилищемъ, покончено: этотъ ея «прежній», ея бесспорный, фатальный человѣкъ этотъ исчезъ, не оставивъ слѣда. Страшное привидѣнiе обратилось вдругъ во что-то такое маленькое, такое комическое; его снесли руками въ спальню и заперли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно, и изъ глазъ ея онъ уже видитъ теперь ясно кого она любитъ. Ну, вотъ теперь бы только и жить и... и нельзя жить, нельзя, о, проклятiе! «Боже оживи поверженнаго у забора! Пронеси

эту страшную чашу мимо меня! Вѣдь дѣлалъ же Ты чудеса, Господи, для такихъ же грѣшниковъ какъ и я! Ну чтѣ, ну чтѣ если старики живы? О, тогда срамъ остальнаго позора я уничтожу, я ворочу украденныя деньги, я отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли... Слѣдовъ позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ на вѣки! Но нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! О, проклятіе!»

Но все же какъ бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ ему во тьмѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты—къ ней, къ ней опять, къ царицѣ его на вѣки! «Да неужели одинъ часъ, одна минута ея любви не стоятъ всей остальной жизни, хотя бы и въ мукахъ позора?» Этотъ дикій вопросъ захватилъ его сердце. «Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать и ни о чемъ не думать, обо всемъ забыть, хотя бы только на эту ночь, на часъ, на мгновенье!» Предъ самымъ входомъ въ сѣни, еще на галлерейкѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Тимсеемъ Борисычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и озабоченнымъ и кажется шелъ его розыскивать.

— Чтѣ ты, Борисычъ, не меня ли искалъ?

— Нѣтъ-съ, не васъ, какъ бы опѣшилъ вдругъ хозяинъ,—зачѣмъ мнѣ васъ розыскивать? А вы... гдѣ были-съ?

— Чтѣ ты такой скучный? Не сердись ли? Погоди, скоро спать пойдешь... Который часъ-то?

— Да ужъ три часа будетъ. Надо быть даже четвертый.

— Кончимъ, кончимъ.

— Помилуйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ...

«Чтѣ съ нимъ?» мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ комнату гдѣ плясали дѣвки. Но ея тамъ не было. Въ голубой комнатѣ тоже не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ. Митя глянулъ за занавѣсы — она была тамъ. Она сидѣла въ углу, на сундукѣ, и склонившись съ

руками и съ головой на подлѣ стоявшую кровать горько плакала, изо всѣхъ силъ крѣпясь и скрадывая голосъ что-бы не услышали. Увидавъ Митю, она поманила его къ себѣ и когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила его за руку.

— Митя, Митя, я вѣдь любила его! начала она ему шепотомъ,— такъ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время! Его ли любила, али только злобу мою? Нѣтъ, его! Охъ, его! Я вѣдь лгу что любила только злобу мою, а не его! Митя, вѣдь я была всего семнадцати лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой со мной ласковый, такой развеселый, мнѣ пѣсни пѣлъ... Или ужь показался тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвчонкѣ... А теперь, Господи, да это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ, не онъ вѣсье. Я и съ лица его не узнала. Ъхала я сюда съ Тимоѣемъ и все-то думала, всю дорогу думала: «какъ встрѣчу его, что-то скажу, какъ глядѣть-то мы другъ на друга будемъ?... Вся душа замирала, и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки помоями окатилъ. Точно учитель говорить: все такое ученое, важное, встрѣтилъ такъ важно, такъ я и стала втупиѣ. Слова некуда ввернуть. Я сначала думала что онъ этого своего длиннаго Поляка-то стыдится. Сижу, смотрю на нихъ и думаю: почему это я такъ ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это его жена испортила, вотъ на которой онъ, бросилъ меня тогда да женился... Это она его тамъ передѣлала. Митя, стыдъ-то какой! Охъ, стыдно мнѣ, Митя, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Прокляты, прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты! И она опять залилась слезами, но Митину руку не выпускала, крѣпко держалась за нее.

— Митя, голубчикъ, стой, не уходи, я тебѣ одно словечко хочу сказать, прошептала она и вдругъ подняла къ нему лицо. Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я

здѣсь одного человѣка люблю. Который это человѣкъ? вотъ что скажи ты мнѣ. — На распухшемъ отъ слезъ лицѣ ея засвѣтилась улыбка, глаза сіяли въ полутьмѣ. — Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и упало во мнѣ: «Дура ты, вотъ вѣдь кого ты любишь» — такъ сразу и шеннуло сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. Да чего онъ боится? думаю. А вѣдь ты забоялся, совсѣмъ забоялся, говорить не умѣлъ. Не ихъ же, думаю, онъ боится, — развѣ ты кого испугаться можешь? Это меня онъ боится, думаю, только меня. Такъ вѣдь рассказала же тебѣ, дурачку, Оения какъ я Алешѣ въ окно прокричала что любила часочекъ Митеньку, а теперь ѣду любить... другаго. Митя, Митя, какъ это я могла, дура, подумать что люблю другаго послѣ тебя! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня или нѣтъ? Любишь? Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плечи. Митя нѣмой отъ восторга глядѣлъ ей въ глаза, въ лицо на улыбку ея, и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее цаловать.

— А простишь что мучила? Я вѣдь со злобы всѣхъ васъ измучила. Я вѣдь старикашку того нарочно со злобы съ ума свела... Помнишь какъ ты разъ у меня пилъ и бокалъ разбилъ? Запомнила я это и сегодня тоже разбила бокалъ, за «подлое сердце мое» пила. Митя, соколъ, что жъ ты меня не цалуешь? Разъ поцаловалъ и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Чтѣ меня слушать! Цалуй меня, цалуй крѣпче, вотъ такъ. Любить, такъ ужъ любить! Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Цалуй! Прибей меня, мучай меня, сдѣлай чтѣ надо мной... Охъ, да и впрямь меня надо мучить... Стой! Подожди, потомъ, не хочу такъ... — оттолкнула она его вдругъ: — Ступай прочь, Митька, пойду теперь вина напьюсь, пьяна хочу быть, сейчасъ пьяная плясать пойду, хочу, хочу!

Она вырвалась отъ него изъ за занавѣсокъ. Митя вышелъ за ней какъ пьяный. «Да пусть же, пусть, чтò бы теперь ни случилось—за минуту одну весь мiръ отдамъ», промелькнуло въ его головѣ. Грушенька въ самомъ дѣлѣ выпила залпомъ еще стаканъ шампанскаго и очень вдругъ охмѣлѣла. Она усѣлась въ креслѣ, на прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея запылали, губы разгорѣлись, сверкавшіе глаза посоловѣли, страстный взглядъ манилъ. Даже Балганова какъ будто укусило что-то за сердце и онъ подошелъ къ ней.

— А ты слышалъ какъ я тебя давеча поцаловала, когда ты спалъ? пролепетала она ему.—Опьянѣла я теперь, вотъ чтò... А ты не опьянѣлъ? А Митя чего не пьеть? Что жь ты не пьешь, Митя, я выпила, а ты не пьешь...

— Пьянъ! И такъ пьянъ... отъ тебя пьянъ, а теперь и отъ вина хочу. Онъ выпилъ еще стаканъ и — странно это ему показалось самому—только отъ этого послѣдняго стакана и охмѣлѣлъ, вдругъ охмѣлѣлъ, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ, самъ помнилъ это. Съ этой минуты все завертѣлось кругомъ него какъ въ бреду. Онъ ходилъ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ бы ужь не помня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство сказывалось въ немъ поминутно, «точно горячій уголь въ душѣ», вспоминалъ онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ нея, глядѣлъ на нее, слушалъ ее... Она же стала ужасно какъ словоохотлива, всѣхъ къ себѣ подзывала, манила вдругъ къ себѣ какую нибудь дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цаловала ее и отпускала, или иногда крестила ее рукой. Еще минутку и она могла заплакать. Развеселялъ ее очень и «старикашка», какъ называла она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цаловать у нея ручи «и всякій пальчикъ», а подъ конецъ проплясалъ еще

одинъ танецъ подъ одну старую пѣсенку, которую самъ же и пропѣлъ. Въ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвомъ:

Свинushка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусынька га-га, га-га.

Курочка по сѣньюшкамъ похаживала,
Тюрю-рю, рю-рю выговаривала,
Ай, ай выговаривала!

— Дай ему чтонибудь, Митя, говорила Грушенька, — подари ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ, бѣдные, обиженные!... Знаешь, Митя, я въ монастырь пойду. Нѣтъ, вправду, когданибудь пойду. Мнѣ Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А сегодня ужь пусть попляшемъ. Завтра въ монастырь, а сегодня попляшемъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что жь такое, Богъ простить. Кабы Богомъ была всѣхъ бы людей простила: «милые мои грѣшнички, съ этого дня прощаю всѣхъ». А я пойду прощенія просить: «Простите, добрые люди, бабу глупую, вотъ чтѣ». Звѣрь я, вотъ чтѣ. А молиться хочу. Я луковку подала. Злодѣйгѣ такой какъ я молиться хочется! Митя, пусть пляшутъ, не мѣшай. Всѣ люди на свѣтѣ хороши, всѣ до одинаго. Хорошо на свѣтѣ. Хоть и скверные мы, а хорошо на свѣтѣ. Скверные мы и хорошіе, и скверные и хорошіе... Нѣтъ, скажите я васъ спрошу, всѣ подойдите и я спрошу: скажите мнѣ всѣ вотъ чтѣ: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну такъ вотъ: почему я такая хорошая?—Такъ лепетала Грушенька, хмѣлѣя все больше и больше, и наконецъ прямо объявила что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ кресель и пошатнулась:—Митя, не давай мнѣ больше вина, просить буду—не давай. Вино покойствія не даетъ. И все кружится, и печка, и все кру-

жится. Плясать хочу. Пусть всё смотрятъ какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу...

Намѣреніе было серьёзное: она вынула изъ кармана бѣленькій батистовый платочекъ и взяла его за кончикъ, въ правую ручку, чтобы махать имъ въ пляскѣ. Митя хлопоталъ, дѣвки затихли, приготовясь грянуть хоромъ плясовую по первому мановенію. Максимовъ, узнавъ что Грушенька хочетъ сама плясать, завизжалъ отъ восторга и пошелъ было предъ ней подпрыгивать припѣвая:

Ножи тонки, бока звонки
Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его:

— Ш-шь! Митя, что жъ нейдутъ? Пусть всё придутъ... смотрѣть. Позови и тѣхъ, запертыхъ... За что ты ихъ заперъ? Скажи имъ что я пляшу, пусть и они смотрятъ какъ я пляшу...

Митя съ пьянымъ размахомъ подошелъ къ запертой двери и началъ стучать къ панамъ кулакомъ.

— Эй вы... Подвысоцвіе! Выходите, она плясать хочетъ, васъ зоветъ.

— Лайдакъ! прокричалъ въ отвѣтъ который-то изъ пановъ.

— А ты подлайдакъ! Мелкій ты подлеченочекъ; вотъ ты кто.

— Перестали бы вы надъ Польшей-то насмѣхаться, сентенціозно замѣтилъ Калгановъ, тоже не подъ силу себѣ охмѣлѣвшій.

— Молчи, мальчикъ! Если я ему сказалъ подлеца, не значитъ, что я всей Польшѣ сказалъ подлеца. Не составляетъ одинъ лайдакъ Польши. Молчи, хорошенькій мальчикъ, конфетку кушай.

— Ахъ какіе! Точно они не люди. Чего они не хотятъ мириться? сказала Грушенька и вышла плясать. Хоръ грянулъ: «Ахъ вы сѣни мои сѣни.» Грушенька закинула было головку, полуоткрыла губки, улыбнулась, махнула было платочкомъ и вдругъ, сильно покачнувшись на мѣстѣ, стала посреди комнаты въ недоумѣніи.

— Слаба... проговорила она измученнымъ какимъ-то голосомъ,—простите, слаба, не могу.... Виновата....

Она поклонилась хору, затѣмъ принялась кланяться на всѣ четыре стороны поочередно:

— Виновата.... Простите....

— Подпила, барынька, подпила хорошенькая барынька, раздавались голоса.

— Онѣ напились-съ, разъяснилъ хихикая дѣвушкамъ Максимовъ.

— Митя, отведи меня... возьми меня, Митя, въ безсиліи проговорила Грушенька. Митя кинулся къ ней, схватилъ ее на руки и побѣждалъ со своею драгоценною добычей за занавѣски. «Ну, ужъ я теперь уйду», подумалъ Калгановъ, и выйдя изъ голубой комнаты притворилъ за собою обѣ половинки дверей. Но пиръ въ залѣ гремѣлъ и продолжался, загремѣлъ еще пуще. Митя положилъ Грушеньку на кровать и впился въ ея губы поцалуемъ.

— Не трогай меня... молящимъ голосомъ пролепетала она ему,—не трогай пока не твоя.... Сказала что твоя, а ты не трогай.... пощади.... При тѣхъ, подлѣ тѣхъ нельзя. Онъ тутъ. Гнусно здѣсь....

— Послушень! Не мыслю... благоговѣю!... бормоталъ Митя.— Да, гнусно здѣсь, о, презрѣнно.—И не выпуская ее изъ объятій, онъ опустился подлѣ кровати на полъ, на колѣна.

— Я знаю, ты хоть и звѣрь, а ты благородный, тяжело

выговорила Грушенька: — надо чтобъ это честно... впредь будетъ честно... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы были добрые, не звѣри, а добрые.... Увези меня, увези далеко, слышишь.... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко....

— О да, да, непременно! сжималъ ее въ объятіяхъ Митя, — увезу тебя, улетимъ.... О, всю жизнь за одинъ годъ отдамъ сейчасъ чтобы только знать про эту кровь!

— Какая кровь? въ недоумѣніи переговорила Грушенька.

— Ничего! проскрежеталъ Митя. — Груша, ты хочешь чтобы честно, а я воръ. Я у Катьки деньги укралъ.... Позоръ, позоръ!

— У Катьки? Это у барышни? Нѣтъ, ты не укралъ. Отдай ей, у меня возьми.... Чтѣ брочишь? Теперь все мое — твое. Чтѣ намъ деньги? Мы ихъ и безъ того прокутимъ.... Таковскіе чтобы не прокутили. А мы пойдѣмъ съ тобою лучше землю пахать. Я землю вотъ этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказалъ. Я не любовница тебѣ буду, я тебѣ вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы къ барышнѣ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила, и уѣдемъ. А не простить, мы и тагъ уѣдемъ. А ты деньги ей снеси, а меня люби.... А ея не люби. Больше ея не люби. А полюбишь, я ее задушю.... Я ей оба глаза иголкой выколю....

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить....

— Зачѣмъ въ Сибирь? А чтѣ жъ, и въ Сибирь коли хочешь, все равно.... работать будемъ.... въ Сибири снѣгъ.... Я по снѣгу люблю ѣхать.... и чтобы колокольчикъ былъ.... Слышишь, звенить колокольчикъ.... Гдѣ это звенить колокольчикъ? Ъдутъ какіе-то.... вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ бы заснула на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ гдѣ-то въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя скло-

нился головою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ какъ пересталъ звенѣть колокольчикъ, но не замѣтилъ и того какъ вдругъ перестали и пѣсни, и на мѣсто пѣсень и пьянаго гама во всемъ домѣ воцарилась какъ бы внезапно мертвая тишина. Грушенька открыла глаза.

— Что это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и сонъ видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенить, а я дремлю. Съ милымъ человѣкомъ, съ тобою ѣду будто. И далеко-далеко... Обнимала-цаловала тебя, прижималась къ тебѣ, холодно будто мнѣ, а снѣгъ-то блеститъ... Знаешь, коли ночью снѣгъ блеститъ, а мѣсяцъ глядитъ, и точно я гдѣ не на землѣ... Проснулась, а милый-то подлѣ, какъ хорошо...

— Подлѣ, бормоталъ Митя, цалуя ея платье, грудь, руки. И вдругъ ему показалось что-то странное: показалось ему что она глядитъ прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а поверхъ его головы, пристально и до странности неподвижно. Удивленіе вдругъ выразилось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Митя, кто это оттуда глядитъ сюда къ намъ? прошептала она вдругъ. Митя обернулся и увидѣлъ что въ самомъ дѣлѣ кто-то раздвинулъ занавѣску и ихъ какъ бы высматриваетъ. Да и не одинъ какъ будто. Онъ вскочилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйста къ намъ сюда, не громко, но твердо и настойчиво проговорилъ ему чей-то голосъ.

Митя выступилъ изъ за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся комната была полна людьми, но не давешними, а со-всѣмъ новыми. Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его и онъ вздрогнулъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ высокій и дебелий старикъ, въ пальто и съ фуражкой съ кокардой — это исправникъ, Михаилъ Ма-

жарычь. А этотъ «чахоточный» опрятный щеголь, «всегда въ такихъ вычищенныхъ сапогахъ»—это товарищъ прокурора. «У него хронометръ въ четыреста рублей есть, онъ показывалъ.» А этотъ молоденькій, маленькій, въ очкахъ.... Митя вотъ только фамилію его позабылъ, но онъ знаетъ и его, видѣлъ: это слѣдователь, судебный слѣдователь, «изъ Правовѣдѣнія», недавно пріѣхалъ. А этотъ вотъ—становой, Маврикій Маврикичь, этого-то ужъ онъ знаетъ, знакомый человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ же? И еще двое какихъ-то, мужики.... А вотъ тамъ въ дверяхъ Калгановъ и Тимофей Борисычь....

— Господа... Что это вы, господа? проговорилъ было Митя, но вдругъ, какъ бы внѣ себя, какъ бы не самъ собой, воскликнулъ громко, во весь голосъ:

— По-ни-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и, подступивъ къ Митѣ, началъ, хоть и осанисто, но немного какъ бы торопясь:

— Мы имѣемъ къ вамъ.... однимъ словомъ, я васъ прошу сюда, вотъ сюда, къ дивану.... Существуетъ настоящая необходимость съ вами объясниться.

— Старикъ! вскричалъ Митя въ изступленіи,— старикъ и его кровь!... По-ни-маю!

И какъ подкошенный сѣлъ, словно упалъ, на подлѣ стоявшій стулъ.

— Понимаешь? Понялъ! Отцеубійца и извергъ, кровь старика отца твоего вопіеть за тобою! заревѣлъ внезапно, подступая къ Митѣ, старикъ исправникъ. Онъ былъ внѣ себя, побагровѣлъ и весь такъ и трясся.

— Но это невозможно! вскричалъ маленькій молодой человѣчекъ.—Михаилъ Макарычь, Михаилъ Макарычь! Это не такъ, не такъ-съ!... Прошу позволить мнѣ одному гово-

рить.... Я никакъ не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода....

— Но вѣдь это же бредъ, господа, бредъ! восклицалъ исправникъ, — посмотрите на него: ночью, пьяный, съ безпутной дѣвкой и въ крови отца своего.... Бредъ! Бредъ!

— Я васъ изо всѣхъ силъ попрошу, голубчикъ Михаилъ Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, зашепталъ было скороговоркой старику товарищъ прокурора, — иначе я принужденъ буду принять....

Но маленькій слѣдователь не далъ докончить; онъ обратился къ Митѣ, и твердо, громко и важно произнесъ:

— Господинъ отставной поручикъ Карамазовъ, я долженъ вамъ объявить что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца вашего, Федора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ночь....

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ будто что-то ввернулъ, но Митя хоть и слушалъ, но уже не понималъ ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ....

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ.

I.

Начало карьеры чиновника Перхотина.

Петръ Ильичъ Перхотинъ, котораго мы оставили стучащимся изо всей силы въ крѣпкія запертыя ворота дома купчихи Морозовой, кончилъ разумѣется тѣмъ, что, наконецъ, достучался. Заслышавъ такой неистовый стукъ въ ворота,

Оеия, столь напуганная часа два назадъ и все еще отъ волненія и «думы» не рѣшавшаяся лечь спать, была испугана теперь вновь почти до истерики: ей вообразилось, что стучится опять Дмитрій Ѳедоровичъ (не смотря на то, что сама же видѣла какъ онъ уѣхалъ), потому что стучаться такъ «дерзко» никто не могъ 'громѣ его. Она бросилась къ проснувшемуся дворнику, уже шедшему на стукъ къ воротамъ, и стала было молить его, чтобы не впускалъ. Но дворникъ опросилъ стучавшагося и узнавъ кто онъ и что хочетъ онъ видѣть Ѳедосью Марковну по весьма важному дѣлу, отпереть ему наконецъ рѣшился. Войдя къ Ѳедосьѣ Марковнѣ все въ ту же кухню, причемъ «для сумленія» она упростила Петра Ильича, чтобы позволилъ войти и дворнику, Петръ Ильичъ началъ ее спрашивать и въ мигъ попалъ на самое главное: то есть, что Дмитрій Ѳедоровичъ, убѣгая искать Грушеньку, захватилъ изъ ступки пестикъ, а воротился уже безъ пестика, но съ руками окровавленными: «И кровь еще капала, такъ и каплетъ съ нихъ, такъ и каплетъ!» восклицала Оеия, очевидно сама создавшая этотъ ужасный фактъ въ своемъ разстроенномъ воображеніи. Но окровавленные руки видѣлъ и самъ Петръ Ильичъ, хотя съ нихъ и не капало, и самъ ихъ помогаль отмывать, да и не въ томъ былъ вопросъ скоро ли они высохли, а въ томъ куда именно бѣгалъ съ пестикомъ Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть навѣрно-ли къ Ѳедору Павловичу, и изъ чего это можно столь рѣшительно заключить? На этомъ пунктѣ Петръ Ильичъ настаиваль обстоятельно и хотя въ результатъ твердо ничего не узналъ, но все же вынесъ почти убѣжденіе, что нигуда Дмитрій Ѳедоровичъ и бѣгать не могъ, какъ въ домъ родителя, и что стало быть тамъ непременно должно было *нѣчто* произойти. «А когда онъ воротился, съ волненіемъ прибавила Оеия, и

я призналась ему во всемъ, то стала я его спрашивать: отчего у васъ, голубчикъ Дмитрій Ѳедоровичъ, въ крови обѣ руки, то онъ будто бы ей такъ и отвѣтилъ: что эта кровь человѣческая и что онъ только что сейчасъ человѣка убилъ,—такъ и признался, такъ мнѣ во всемъ тутъ и покался, да вдругъ и выбѣжалъ какъ сумасшедшій. Я съѣла да и стала думать: куда это онъ теперь какъ сумасшедшій побѣжалъ? Поѣдетъ въ Мокрое, думаю, и убьетъ тамъ барыню. Выбѣжала я этта его молить, чтобы барыню не убивалъ, къ нему на квартиру, да у Плотниковыхъ лавки смотрю и вижу что онъ ужъ отъѣзжаетъ и что руки ужъ у него не въ крови (Ѳеня это замѣтила и запомнила)». Старуха, бабушка Ѳени, сколько могла, подтвердила всѣ показанія своей внучки. Разспросивъ еще кой о чемъ, Петръ Ильичъ вышелъ изъ дома еще въ большемъ волненіи и безпокойствѣ, чѣмъ какъ вошелъ къ нему.

Казалось-бы, что всего прямѣе и ближе было-бы ему теперь отправиться въ домъ Ѳедора Павловича, узнать не случилось-ли тамъ чего, а если случилось, то что именно, и уже убѣдившись неоспоримо, тогда только идти къ исправнику, какъ твердо уже положилъ Петръ Ильичъ. Но ночь была темная, ворота у Ѳедора Павловича крѣпкія, надо опять стучать, съ Ѳедоромъ-же Павловичемъ знакомъ онъ былъ отдаленно—и вотъ онъ достучится, ему отворятъ, и вдругъ тамъ ничего не случилось, а насмѣшливый Ѳедоръ Павловичъ пойдетъ завтра рассказывать по городу анекдотъ, какъ въ полночь ломился къ нему незнакомый чиновникъ Перхотинъ, чтобъ узнать, не убилъ-ли его ктонибудь. Скандаль! Скандала-же Петръ Ильичъ боялся пуще всего на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе чувство увлекавшее его было столь сильно, что онъ, злобно топнувъ ногой въ землю и опять себя выбравивъ, немедленно бросился въ новый

путь, но уже не къ Ѳедору Павловичу, а къ госпожѣ Хохлаковой. Если та, думалъ онъ, отвѣтитъ на вопросъ: она-ли дала три тысячи давеча, въ такомъ-то часу, Дмитрію Ѳедоровичу, то въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, онъ тутъ-же и пойдетъ къ исправнику, не заходя къ Ѳедору Павловичу; въ противномъ-же случаѣ отложить все до завтра и воротится къ себѣ домой. Тутъ, конечно, прямо представляется, что въ рѣшеніи молодаго человѣка идти ночью, почти въ одиннадцать часовъ, въ домъ къ совершенно незнакомой ему свѣтской барынѣ, поднять ее можетъ быть съ постели съ тѣмъ, чтобы задать ей удивительный по своей обстановкѣ вопросъ заключалось, можетъ быть, гораздо еще больше шансовъ произвести скандалъ чѣмъ идти къ Ѳедору Павловичу. Но такъ случается иногда, особенно въ подобныхъ настоящему случаяхъ, съ рѣшеніями самыхъ точнѣйшихъ и флегматическихъ людей. Петръ-же Ильичъ, въ ту минуту, былъ уже совсѣмъ не флегматикомъ! Онъ всю жизнь потомъ вспоминалъ, какъ непреборимое безпокойство, овладѣвшее имъ постепенно, дошло наконецъ въ немъ до муки и увлекало его даже противъ воли. Разумѣется онъ всетаки ругалъ себя всю дорогу за то, что идетъ къ этой дамѣ, но «довежу, доведу до конца!» повторялъ онъ въ десятый разъ, скрежеща зубами, и исполнилъ свое намѣреніе—довелъ.

Было ровно одиннадцать часовъ, когда онъ вступилъ въ домъ госпожи Хохлаковой. Впустили его во дворъ довольно скоро, но на вопросъ: почиваетъ-ли уже барыня, или еще не ложилась—дворникъ не могъ отвѣтить въ точности, кромѣ того, что въ эту пору обыкновенно ложатся.—«Тамъ, наверху, доложите; захотятъ васъ принять, то примутъ, а не захотятъ не примутъ.» Петръ Ильичъ поднялся на верхъ, но тутъ пошло потруднѣе. Лакей докладывать не захотѣлъ,

вызвалъ наконецъ дѣвушку. Петръ Ильичъ вѣжливо, но настоятельно попросилъ ее доложить барынѣ, что вотъ, дескать, пришелъ здѣшній одинъ чиновникъ Перхотинъ, по особому дѣлу, и еслибъ не важное такое дѣло, то и не посмѣлъ-бы придти—«именно, именно въ этихъ словахъ доложите», попросилъ онъ дѣвушку. Та ушла. Онъ остался ждать въ передней. Сама госпожа Хохлакова, хотя еще не започивала, но была уже въ своей спальнѣ. Была она разстроена съ самаго давешняго посѣщенія Мити и уже предчувствовала, что въ ночь ей не миновать обыкновеннаго въ такихъ случаяхъ съ нею мигренья. Выслушавъ докладъ дѣвушки и удивившись, она однако раздражительно велѣла отказать, несмотря на то, что неожиданное посѣщеніе въ такой часъ незнакомаго ей «здѣшняго чиновника» чрезвычайно заинтересовало ея дамское любопытство. Но Петръ Ильичъ на этотъ разъ уперся какъ мулъ: выслушавъ отказъ, онъ чрезвычайно настойчиво попросилъ еще разъ доложить и передать именно «въ этихъ самыхъ словахъ», что онъ «по чрезвычайно важному дѣлу, и онѣ, можетъ быть, сами будутъ потомъ сожалѣть, если теперь не примутъ его». «Я точно съ горы тогда летѣлъ», рассказывалъ онъ потомъ самъ. Горничная, удивленно оглядѣвъ его, пошла другой разъ доглядывать. Госпожа Хохлакова была поражена, подумала, распросила каковъ онъ съ виду и узнала, что «очень прилично одѣты-сь, молодые и такіе вѣжливые». Замѣтимъ въ скобкахъ и мелькомъ, что Петръ Ильичъ былъ довольно таки красивый молодой человекъ и самъ это зналъ о себѣ. Госпожа Хохлакова рѣшилась выйти. Была она уже въ своемъ домашнемъ шлафрокѣ и въ туфляхъ, но на плечи она набинула черную шаль. «Чиновника попросили войти въ гостиную, въ ту самую, въ которой давеча принимали Митю. Хозяйка вышла къ гостю съ строгого вопросительнымъ

видомъ и, не пригласивъ сѣсть, прямо начала съ вопроса: «что угодно?»

— Я рѣшился обезпокоить васъ, сударыня, по поводу общаго знакомаго нашего Дмитрія Фодоровича Карамазова, началъ было Перхотинъ, но только что произнесъ это имя, какъ вдругъ въ лицѣ хозяйки изобразилось сильнѣйшее раздраженіе. Она чуть не взвизгнула и съ яростью прервала его.

— Долго-ли, долго-ли будутъ меня мучить этимъ ужаснымъ человѣкомъ? вскричала она изступленно.— Какъ вы смѣли, милостивый государь, какъ рѣшились обезпокоить незнакомую вамъ даму въ ея домѣ и въ такой часъ.... и явиться къ ней говорить о человѣкѣ, который здѣсь же, въ этой самой гостиной, всего три часа тому, приходилъ убить меня, стучалъ ногами и вышелъ какъ никто не выходитъ изъ порядочнаго дома. Знайте, милостивый государь, что я на васъ буду жаловаться, что я не спущу вамъ, извольте сей-же часъ оставить меня.... Я мать, я сейчасъ-же... я.... я....

— Убить! Такъ онъ и васъ хотѣлъ убить?

— А развѣ онъ когонибудь уже убилъ? стремительно спросила госпожа Хохлакова.

— Соблаговолите выслушать, сударыня, только полминуты, и я въ двухъ словахъ разъясню вамъ все, съ твердостью отвѣтилъ Перхотинъ.—Сегодня, въ пять часовъ пополудни, господинъ Карамазовъ занялъ у меня, по товарищески, десять рублей, и я положительно знаю, что у него денегъ не было, а сегодня же въ девять часовъ онъ вошелъ ко мнѣ, неся въ рукахъ на виду пачку сторублевыхъ бумажекъ, примѣрно въ двѣ или даже въ три тысячи рублей. Руки же у него и лицо были всѣ окровавлены, самъ же казался какъ бы помѣшаннымъ. На вопросъ мой,

откуда взялъ столько денегъ, онъ съ точностью отвѣтилъ, что взялъ ихъ сейчасъ предъ тѣмъ отъ васъ и что вы ссудили его суммою въ три тысячи, чтобъ ѣхать будто бы на золотые пріиски...

Въ лицѣ госпожи Хохлаковой вдругъ выразилось необычайное и болѣзненное волненіе.

— Боже! Это онъ старика-отца своего убилъ! вскричала она всплеснувъ руками.—Никакихъ я ему денегъ не давала, никакихъ! О, бѣгите, бѣгите!... Не говорите больше ни слова! Спасайте старика, бѣгите къ отцу его, бѣгите!

— Позвольте, сударыня, итакъ вы не давали ему денегъ? Вы твердо помните, что не давали ему никакой суммы?

— Не давала, не давала! Я ему отказала, потому что онъ не умѣлъ оцѣнить. Онъ вышелъ въ бѣшенствѣ и затопалъ ногами. Онъ на меня бросился, а я отсочила... И я вамъ скажу еще, какъ человѣку, отъ котораго теперь ужь ничего скрывать не намѣрена, что онъ даже въ меня плюнулъ, можете это себѣ представить? Но чтò же мы стоимъ? Ахъ сядьте.... Извините, я... Или лучше бѣгите, бѣгите, вамъ надо бѣжать и спасти несчастнаго старика отъ ужасной смерти!

— Но если ужь онъ убилъ его?

— Ахъ, Боже мой, въ самомъ дѣлѣ! Такъ чтò же мы теперь будемъ дѣлать? Какъ вы думаете, чтò теперь надо дѣлать?

Между тѣмъ она усадила Петра Ильича и сѣла сама противъ него. Петръ Ильичъ вкратцѣ, но довольно ясно изложилъ ей исторію дѣла, по крайней мѣрѣ, ту часть исторіи, которой самъ сегодня былъ свидѣтелемъ, рассказалъ и о сейкашнемъ своемъ посѣщеніи Фени, и сообщилъ извѣстіе о пестигѣ. Всѣ эти подробности донельзя потрясли

возбужденную даму, которая вкригивала и закрывала глаза ругами...

— Представьте, я все это предчувствовала! Я одарена этимъ свойствомъ, все что я себѣ ни представлю, то и случится. И сколько, сколько разъ я смотрѣла на этого ужаснаго человѣка и всегда думала: вотъ человѣкъ, который кончитъ тѣмъ, что убьетъ меня. И вотъ такъ и случилось... То-есть, если онъ убилъ теперь не меня, а только отца своего, то навѣрное потому что тутъ видимый перстъ Божій, меня охранявшій, да и сверхъ того, самъ онъ постыдился убить, потому что я ему сама, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, надѣла на шею образокъ съ мощей Варвары Великомученицы... И какъ же я была близка въ ту минуту отъ смерти, и вѣдь со-всѣмъ подошла къ нему, вплоть, и онъ всю свою шею мнѣ вытянулъ! Знаете, Петръ Ильичъ... (извините, васъ, кажется, вы сказали, зовутъ Петромъ Ильичемъ) знаете, я не вѣрю въ чудеса, но этотъ образокъ и это явное чудо со мною теперь—это меня потрясаетъ и я начинаю опять вѣрять во все что угодно. Слыхали вы о старцѣ Зосимѣ?... А впрочемъ, я не знаю что говорю... И представьте, вѣдь онъ и съ образкомъ на шеѣ въ меня плюнулъ... Конечно, только плюнулъ, а не убилъ, и... и вонъ куда поскакалъ! Но куда-жь мы то, намъ то теперь куда, какъ вы думаете?

Петръ Ильичъ всталъ и объявилъ, что пойдетъ теперь прямо къ исправнику и все ему расскажетъ, а тамъ ужъ какъ тотъ самъ знаетъ.

— Ахъ, это прекрасный, прекрасный человѣкъ, я знакома съ Михаиломъ Макаровичемъ. Непремѣнно, именно къ нему. Какъ вы находчивы, Петръ Ильичъ, и какъ хорошо это вы все придумали; знаете, я бы никакъ на вашемъ мѣстѣ этого не придумала!

— Тѣмъ болѣе, что я и самъ хорошій знакомый исправ-

нигу, замѣтилъ Петръ Ильичъ, все еще стоя и видимо желая какъ нибудь поскорѣе вырваться отъ стремительной дамы, которая никакъ не давала ему проститься съ ней и отправиться.

— И знаете, знаете, лепетала она,—придите сказать мнѣ что тамъ увидите и узнаете... и что обнаружится... и какъ его рѣшать и куда осудить. Скажите, вѣдь у насъ нѣтъ смертной казни? Но непременно придите, хоть въ три часа ночи, хоть въ четыре, даже въ половинѣ пятаго. . Велите меня разбудить, растолкать, если вставать не буду... О Боже, да я и не засну даже. Знаете, не поѣхать ли мнѣ самой съ вами?...

— Н-нѣтъ-съ, а вотъ еслибы вы написали вашею рукой сейчасъ три строки, на всякій случай, о томъ, что денегъ Дмитрію Ѳедоровичу никакихъ не давали, то было бы можетъ быть не лишнее... на всякій случай...

— Непременно! восторженно прыгнула къ своему бюро госпожа Хохлакова.—И знаете, вы меня поражаете, вы меня просто потрясаете вашею находчивостью и вашимъ умѣніемъ въ этихъ дѣлахъ... Вы здѣсь служите? Какъ это пріятно услышать, что вы здѣсь служите...

И еще говоря это она быстро начертала на полулистѣ почтовой бумаги три крупныя слѣдующія строчки:

«Никогда въ жизни моей я не давала займы несчастному Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову (такъ какъ онъ все же теперь несчастенъ) трехъ тысячъ рублей сегодня, да и никакихъ другихъ денегъ никогда, никогда! Въ томъ клянусь всѣмъ что есть святаго въ нашемъ мірѣ.

«Хохлакова».

— Вотъ эта записка! быстро обернулась она къ Петру Ильичу.—Идите же, спасайте. Это великій подвигъ съ вашей стороны.

И она три раза его перекрестила. Она выбѣжала провожать его даже до передней.

— Какъ я вамъ благодарна! Вы не повѣрите какъ я вамъ теперь благодарна за то что вы зашли ко мнѣ къ первой. Какъ это мы съ вами не встрѣчались? Мнѣ очень лестно бы было васъ принимать и впредь въ моемъ домѣ. И какъ это пріятно слышать, что вы здѣсь служите... и съ такою точностью, съ такою находчивостью... Но васъ они должны цѣнить, васъ должны, наконецъ, понять, и все что я бы могла для васъ сдѣлать, то повѣрьте... О, я такъ люблю молодежь! Я влюблена въ молодежь. Молодые люди—это основаніе всей теперешней страждущей нашей Россіи, вся надежда ея... О, идите, идите!...

Но Петръ Ильичъ уже выбѣжалъ, а то бы она его такъ скоро не выпустила. Впрочемъ, госпожа Хохлакова произвела на него довольно пріятное впечатлѣніе, даже нѣсколько смягчившее тревогу его о томъ, что онъ втянулся въ такое скверное дѣло. Вкусы бываютъ чрезвычайно многообразны, это извѣстно. «И вовсе она не такая пожилая, подумаль онъ съ пріятностью, напротивъ я бы принялъ ее за ея дочь».

Что же до самой госпожи Хохлаковой, то она была просто очарована молодымъ человѣкомъ. «Столько умѣнья, столько аккуратности и въ такомъ молодомъ человѣкѣ въ наше время, и все это при такихъ манерахъ и наружности. Вотъ говорятъ про современныхъ молодыхъ людей, что они ничего не умѣютъ, вотъ вамъ примѣръ, и т. д. и т. д.» Такъ что объ «ужасномъ происшествіи» она просто даже позабыла и только ужъ ложась въ постель и вдругъ вновь вспомнивъ о томъ, «какъ близка была отъ смерти», она проговорила: «Ахъ, это ужасно, ужасно!» Но тотчасъ же заснула самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ. Я бы, впро-

чемъ, и не сталъ распространяться о такихъ мелочныхъ и эпизодныхъ подробностяхъ, еслибъ эта сейчасъ лишь описанная мною эксцентрическая встрѣча молодого чиновника съ вовсе нестарою еще вдовицей не послужила въ послѣдствіи основаніемъ всей жизненной карьеры этого точнаго и аккуратнаго молодого человѣка, о чемъ съ изумленіемъ вспоминаютъ до сихъ поръ въ нашемъ городкѣ и о чемъ можетъ быть и мы скажемъ особое словечко, когда заключимъ нашъ длинный рассказъ о братьяхъ Карамазовыхъ.

II.

Тревога.

Исправникъ нашъ Михаилъ Макаровичъ Макаровъ, отставной подполковникъ, переименованный въ надворные совѣтники, былъ человѣкъ вдовый и хорошій. Пожаловалъ же къ намъ всего назадъ три года, но уже заслужилъ общее сочувствіе тѣмъ, главное, что „умѣлъ соединить общество“. Гости у него не переводились и казалось безъ нихъ онъ бы и самъ прожить не могъ. Непремѣнно кто нибудь ежедневно у него обѣдалъ, хоть два, хоть одинъ только гость, но безъ гостей и за столъ не садились. Бывали и званые обѣды, подъ всякими, иногда даже неожиданными предлогами. Кушанье подавалось хоть и неизысканное, но обильное, кулебяки готовились превосходныя, а вина хоть и не блистали качествомъ, за то брали количествомъ. Во входной комнатѣ стоялъ билліардъ съ весьма приличною обстановкой, то есть даже съ изображеніями скаковыхъ англійскихъ лошадей въ черныхъ рамкахъ по стѣнамъ, что, какъ извѣстно, составляетъ необходимое украшеніе всякой билліардной у холостаго человѣка. Каж-

дый вечеръ играли въ карты, хотя бы на одномъ только столигѣ. Но весьма часто собиралось и все лучшее общество нашего города, съ маменьками и дѣвицами, потанцовать. Михаилъ Макаровичъ хотя и вдовствовалъ, но жилъ семейно, имѣя при себѣ свою давно уже овдовѣвшую дочь, въ свою очередь мать двухъ дѣвицъ, внучекъ Михаилу Макаровичу. Дѣвицы были уже взрослые и окончившія свое воспитаніе, наружности не непріятной, веселаго нрава, и хотя всѣ знали что за ними ничего не дадутъ, всетаки привлекавшія въ домъ дѣдушки нашу свѣтскую молодежь. Въ дѣлахъ Михаилъ Макаровичъ былъ не совсѣмъ далекъ, но должность свою исполнялъ не хуже многихъ другихъ. Если прямо сказать, то былъ онъ человѣкъ довольно-таки необразованный и даже безпечный въ ясномъ пониманіи предѣловъ своей административной власти. Иныхъ реформъ современнаго царствованія онъ не то что не могъ исполнить осмыслить, но понималъ ихъ съ нѣкоторыми, иногда весьма замѣтными, ошибками и вовсе не по особенной какой-нибудь своей неспособности, а просто по безпечности своего характера, потому что все некогда было выкинуть. «Души я, господа, болѣе военной чѣмъ гражданской», выражался онъ самъ о себѣ. Даже о точныхъ основаніяхъ крестьянской реформы онъ все еще какъ бы не приобрѣлъ окончательнаго и твердаго понятія, и узнавалъ о нихъ такъ сказать изъ года въ годъ, приумножая свои знанія практически и невольно, а между тѣмъ самъ былъ помѣщикомъ. Петръ Ильичъ съ точностію зналъ что въ этотъ вечеръ онъ непременно у Михаила Макаровича встрѣтитъ кого-нибудь изъ гостей, но лишь не зналъ кого именно. А между тѣмъ какъ разъ у него сидѣли въ эту минуту за ералашемъ прокуроръ и нашъ земскій врачъ, Варвинскій, молодой человѣкъ только-что къ намъ прибывшій изъ Пе-

тербурга, одинъ изъ блистательно окончившихъ курсъ въ Петербургской Медицинской Академіи. Прокуроръ же, то есть товарищъ прокурора, но котораго у насъ всѣ звали прокуроромъ, Ипполитъ Кирилловичъ, былъ у насъ человѣкъ особенный, не старъ, всего лишь лѣтъ тридцати пяти, но сильно наклонный къ чахоткѣ, при семь женатый на весьма толстой и бездѣтной дамѣ, самолюбивый и раздражительный, при весьма солидномъ однако умѣ и даже доброй душѣ. Кажется вся бѣда его характера заключалась въ томъ, что думалъ онъ о себѣ нѣсколько выше чѣмъ позволяли его истинныя достоинства. И вотъ почему онъ постоянно казался безпокойнымъ. Были въ немъ къ тому же нѣкоторыя высшія и художественныя даже посползновенія, на примѣръ на психологичность, на особенное знаніе души человѣческой, на особенный даръ познаванія преступника и его преступленія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ себя нѣсколько обиженнымъ и обойденнымъ по службѣ и всегда увѣренъ былъ что тамъ, въ высшихъ сферахъ, его не сумѣли оцѣнить и что у него есть враги. Въ мрачныя минуты грозился даже перебѣжать въ адвокаты по дѣламъ уголовнымъ. Неожиданное дѣло Карамазовыхъ объ отцеубійствѣ какъ бы встряхнуло его всего: «Дѣло такое что всей Россіи могло стать извѣстно». Но это ужъ я говорю забѣгая впередъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, съ барышнями, сидѣлъ и нашъ молодой судебный слѣдователь Николай Парѣновичъ Нелюдовъ, всего два мѣсяца тому прибывшій къ намъ изъ Петербурга. Потомъ у насъ говорили и даже дивились тому, что всѣ эти лица какъ будто нарочно соединились въ вечеръ «преступленія» вмѣстѣ въ домѣ исполнительной власти. А между тѣмъ дѣло было гораздо проще и произошло крайне естественно: у супруги Ипполита Кирилловича дру-

гой день какъ болѣли зубы и ему надо же было куда-нибудь убѣжать отъ ея стоновъ; врачъ же уже по существу своему не могъ быть вечеромъ нигдѣ иначе какъ за картами. Николай же Парѣновичъ Нелюдовъ даже еще за три дня рассчитывалъ прибыть въ этотъ вечеръ къ Михаилу Макаровичу такъ сказать нечаянно чтобы вдругъ и коварно поразить его старшую дѣвицу Ольгу Михайловну тѣмъ, что ему извѣстенъ ея секретъ, что онъ знаетъ что сегодня день ея рожденія и что она нарочно пожелала скрыть его отъ нашего общества, съ тѣмъ чтобы не созывать городъ на танцы. Предстояло много смѣху и намековъ на ея лѣта, что она будто бы боится ихъ обнаружить, что теперь, такъ какъ онъ владѣтель ея секрета, то завтра же всѣмъ расскажетъ, и проч. и проч. Милый молоденькій человѣчекъ былъ на этотъ счетъ большой шалунъ, его такъ и прозвали у насъ дамы шалуномъ и ему кажется это очень нравилось. Впрочемъ онъ былъ весьма хорошаго общества, хорошей фамиліи, хорошаго воспитанія и хорошихъ чувствъ, и хотя жуиръ, но весьма невинный и всегда приличный. Съ виду онъ былъ маленькаго роста, слабаго и нѣжнаго сложенія. На тоненькихъ и блѣдненькихъ пальчикахъ его всегда сверкали нѣсколько чрезвычайно крупныхъ перстней. Когда же исполнялъ свою должность, то становился необыкновенно важенъ, какъ бы до святыни понимая свое значеніе и свои обязанности. Особенно умѣлъ онъ озадачивать при вопросахъ убійцъ и прочихъ злодѣевъ изъ престопаго народа и дѣйствительно возбуждалъ въ нихъ если не уваженіе къ себѣ, то все же нѣкоторое удивленіе.

Петръ Ильичъ, войдя къ исправнику, былъ просто ошеломленъ: онъ вдругъ увидалъ, что тамъ все уже знаютъ. Дѣйствительно карты бросили, всѣ стояли и разсуждали и даже Николай Парѣновичъ прибѣжалъ отъ барышень и

имѣлъ самый боевой и стремительный видъ. Петра Ильича встрѣтило ошеломляющее извѣстіе, что старикъ Федоръ Павловичъ дѣйствительно и въ самомъ дѣлѣ убитъ въ этотъ вечеръ въ своемъ домѣ, убитъ и ограбленъ. Узналось же это только сейчасъ предъ тѣмъ, слѣдующимъ образомъ.

Марья Игнатьевна, супруга поверженнаго у забора Григорія, хотя и спала крѣпкимъ сномъ на своей постелѣ и могла бы такъ проспять еще до утра, вдругъ однако же пробудилась. Способствовалъ тому страшный эпилептическій вопль Смердякова, лежавшаго въ сосѣдней комнаткѣ безъ сознанія,—тотъ вопль которымъ всегда начинались его припадки падучей и которые всегда, во всю жизнь, страшно пугали Марью Игнатьевну и дѣйствовали на нее болѣзненно. Не могла она къ нимъ никогда привыкнуть. Съ просонья она вскочила и почти безъ памяти бросилась въ каморку къ Смердякову. Но тамъ было темно, слышно было только, что больной началъ страшно храпѣть и биться. Тутъ Марья Игнатьевна закричала сама и начала было звать мужа, но вдругъ сообразила что вѣдь Григорія-то на кровати, когда она вставала, какъ бы и не было. Она подбѣжала къ кровати и оцупала ее вновь, но кровать была въ самомъ дѣлѣ пуста. Стало быть онъ ушелъ, куда же? Она выбѣжала на крылечко и робко позвала его съ крыльца. Отвѣта конечно не получила, но зато услышала среди ночной тишины откуда-то какъ бы далеко изъ сада какіе то стоны. Она прислушалась; стоны повторились опять и ясно стало что они въ самомъ дѣлѣ изъ сада. «Господи, словно какъ тогда Лизавета Смердящая!» пронеслось въ ея разстроенной головѣ. Робко сошла она со ступенекъ и разглядѣла что калитка въ садъ отворена: «Вѣрно онъ сердечный тамъ,» подумала она, подошла къ калиткѣ и вдругъ явственно услышала что ее зоветъ Григорій, кличетъ: Марья,

Марья! слабымъ, стенящимъ, страшнымъ голосомъ. «Господи, сохрани насъ отъ бѣды,» прошептала Марья Игнатьевна и бросилась на зовъ и вотъ такимъ-то образомъ и нашла Григорія. Но нашла не у забора, не на томъ мѣстѣ гдѣ онъ былъ поверженъ, а шаговъ уже за двадцать отъ забора. Потомъ оказалось что, очнувшись, онъ поползъ и вѣроятно ползъ долго, теряя по нѣскольку разъ сознание и вновь впадая въ безпамятство. Она тотчасъ замѣтила что онъ весь въ крови и тутъ ужъ закричала благимъ матомъ. Григорій же лепеталъ тихо и безсвязно: «убилъ... отца убилъ... чего кричишь, дура... бѣги, зови»... Но Марья Игнатьевна не унималась и все кричала и вдругъ, завидѣвъ что у барина отворено окно и въ окнѣ свѣтъ, побѣжала къ нему и начала звать Ѳедора Павловича. Но взглянувъ въ окно увидала страшное зрѣлище: баринъ лежалъ навзничь на полу, безъ движенія. Свѣтлый халатъ и бѣлая рубашка на груди были залиты кровью. Свѣчка на столѣ ярко освѣщала кровь и неподвижное мертвое лицо Ѳедора Павловича. Тутъ ужъ въ послѣдней степени ужаса Марья Игнатьевна бросилась отъ огня, выбѣжала изъ сада, отворила воротный запоръ и побѣжала, сломя голову, на зады къ сосѣдкѣ Марьѣ Кондратьевнѣ. Обѣ сосѣдки, мать и дочь, тогда уже започивали, но на усиленный и неистовый стукъ въ ставни и крики Марьи Игнатьевны проснулись и подскочили къ окну. Марья Игнатьевна безсвязно, вижда и крича, передала однако главное и звала на помощь. Какъ разъ въ эту ночь заночевалъ у нихъ скитающійся Ѳома. Мигомъ подняли его и всѣ трое побѣжали на мѣсто преступленія. Дорогою Марья Кондратьевна успѣла припомнить, что давеча, въ девятомъ часу, слышала страшный и пронзительный вопль на всю окрестность изъ ихъ сада—и это именно былъ, конечно, тотъ самый крикъ

Григорія, когда онъ, вцѣпившись руками въ ногу сидѣвшаго уже на заборѣ Дмитрія Ѳедоровича, прокричалъ: «Отцеуби-вецъ!» «Завопилъ кто-то одинъ и вдругъ пересталъ», по-казывала бѣжа Марья Кондратьевна. Прибѣжавъ на мѣсто гдѣ лежалъ Григорій, обѣ женщины съ помощью Ѳомы пе-ренесли его во флигель. Зажгли огонь и увидали что Смер-дяковъ все еще не унимается и бьется въ своей каморѣ, скосилъ глаза, а съ губъ его текла пѣна. Голову Григорія обмыли водой съ уксусомъ и отъ воды онъ совсѣмъ уже опаматовался и тотчасъ спросилъ: «убить аль нѣтъ баринъ?» Обѣ женщины и Ѳома пошли тогда къ барину и, войдя въ садъ, увидали на этотъ разъ что не только окно, но и дверь изъ дома въ садъ стояла настежь отпертою, тогда какъ баринъ на крѣпко запирался самъ съ вечера каждую ночь вотъ уже всю недѣлю и даже Григорію ни подъ ка-кимъ видомъ не позволялъ стучать къ себѣ. Увидавъ отво-ренною эту дверь всѣ они тотчасъ же, обѣ женщины и Ѳома, забоялись идти къ барину, «чтобы не вышло чего потомъ». А Григорій, когда воротились онѣ, велѣлъ тотчасъ же бѣжать къ самому исправнику. Тутъ-то вотъ Марья Кондратьевна и побѣжала и всполошила всѣхъ у исправ-ника. Прибытіе же Петра Ильича упредила всего только пятью минутами, такъ что тотъ явился уже не съ однѣми своими догадками и заключеніями, а какъ очевидный сви-дѣтель, еще болѣе разговоромъ своимъ подтвердившій общую догадку о томъ кто преступникъ (чему, впрочемъ, онъ, въ глубинѣ души, до самой этой послѣдней минуты, все еще отказывался вѣрить).

Рѣшили дѣйствовать энергически. Помощнику городского пристава тотчасъ же поручили набрать штукъ до четырехъ понятыхъ и по всѣмъ правиламъ, которыхъ уже я здѣсь не описываю, проникли въ дѣмъ Ѳедора Павловича и слѣдствіе

произвели на мѣстѣ. Земскій врачъ, человѣкъ горячій и новый, самъ почти напросился сопровождать исправника, прокурора и слѣдователя. Намѣчу лишь вкратцѣ: Ѳедоръ Павловичъ оказался убитымъ вполне, съ проломленною головою, но чѣмъ? вѣроятно всего тѣмъ же самымъ оружіемъ, которымъ пораженъ былъ потомъ и Григорій. И вотъ какъ разъ отыскали и оружіе, выслушавъ отъ Григорія, которому подана была возможная медицинская помощь, довольно связный, хотя слабымъ и прерывающимся голосомъ переданный рассказъ о томъ какъ онъ былъ поверженъ. Стали искать съ фонаремъ у забора и нашли брошенный прямо на садовую дорожку, на самомъ виду, мѣдный пестикъ. Въ комнатѣ, въ которой лежалъ Ѳедоръ Павловичъ, никакого особеннаго безпорядка не замѣтили, но за ширмами, у кровати его, подняли на полу большой изъ толстой бумаги, канцелярскихъ размѣровъ конвертъ съ надписью: «Гостинчикъ въ три тысячи рублей ангелу моему Грушенькѣ, если захочетъ придти», а внизу было приписано вѣроятно уже потомъ самимъ Ѳедоромъ Павловичемъ: «и цыпленочку». На конвертѣ были три большія печати краснаго сургуча, но конвертъ былъ уже разорванъ и пустъ: деньги были унесены. Нашли на полу и тоненькую розовую ленточку, которою былъ обвязанъ конвертъ. Въ показаніяхъ Петра Ильича одно обстоятельство между прочими произвело чрезвычайное впечатлѣніе на прокурора и слѣдователя, а именно: догадка о томъ что Дмитрій Ѳедоровичъ непременно къ разсвѣту застрѣлится, что онъ самъ порѣшилъ это, самъ говорилъ объ этомъ Петру Ильичу, пистолетъ зарядилъ при немъ, записочку написалъ, въ карманъ положилъ и проч. и проч. Когда же де Петръ Ильичъ, все еще не хотѣвшій вѣрить ему, пригрозилъ что онъ пойдетъ и кому нибудь расскажетъ чтобы пресѣчь самоубійство, то самъ де Митя,

осклабляясь, отвѣтилъ ему: не успѣешь». Стало быть надо было спѣшить на мѣсто, въ Мокрое, чтобы накрыть преступника прежде чѣмъ онъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ вздумалъ бы застрѣлиться. «Это ясно, это ясно!» повторялъ прокуроръ въ чрезвычайномъ возбужденіи, «это точь въ точь у подобныхъ сорванцовъ такъ и дѣлается: завтра убью себя, а предъ смертью кутежъ.» Исторія какъ онъ забралъ въ лавкѣ вина и товару только разгорячила еще больше прокурора. «Помните того парня, господа, что убилъ купца Олсуфьева, ограбилъ на полторы тысячи и тотчасъ же пошелъ завился, а потомъ, не припрятавъ даже хорошенько денегъ, тоже почти въ рукахъ неся, отправился къ дѣвицамъ.» Задерживало однако всѣхъ слѣдствіе, обыскъ въ домѣ Ѳедора Павловича, формы и проч. Все это требовало времени, а потому и отправили часа за два прежде себя въ Мокрое становаго Маврикія Маврикіевича Шмерцова, какъ разъ наканунѣ поутру прибывшаго въ городъ за жалованьемъ. Маврикію Маврикіевичу дали инструкцію: прибывъ въ Мокрое и не поднимая никакой тревоги слѣдить за «преступникомъ» неустанно до прибытія надлежащихъ властей, равно какъ изготовить понятыхъ, сотскихъ и проч. и проч. Такъ Маврикій Маврикіевичъ и поступилъ, сохранилъ incognito и лишь одного только Трифона Борисовича, стараго своего знакомаго, отчасти лишь посвятилъ въ тайну дѣла. Время это именно совпадало съ тѣмъ когда Митя встрѣтилъ въ темнотѣ на галлерейкѣ розыскивавшаго его хозяина, при чемъ тутъ же замѣтилъ, что у Трифона Борисовича какая-то въ лицѣ и въ рѣчахъ вдругъ переменѣна. Такимъ образомъ ни Митя и никто не знали что за ними наблюдаютъ; ящикъ же его съ пистолетами былъ давно уже похищенъ Трифономъ Борисовичемъ и припрятанъ въ укромное мѣсто. И только уже въ пятомъ часу утра,

почти на разсвѣтъ, прибыло все начальство, исправникъ, прокуроръ и слѣдователь въ двухъ экипажахъ и на двухъ тройкахъ. Докторъ же остался въ домѣ Ѳедора Павловича, имѣя въ предметѣ сдѣлать на утро вскрытіе трупа убитаго, но главное заинтересовался именно состояніемъ больнаго слуги Смердякова: «Такіе ожесточенные и такіе длинные припадки падучей, повторяющіеся непрерывно въ теченіе двухъ сутокъ, рѣдко встрѣтишь и это принадлежитъ наукѣ,» проговорилъ онъ въ возбужденіи отъѣзжавшимъ своимъ партнерамъ и тѣ его поздравили, смѣясь, съ находкой. При семъ прокуроръ и слѣдователь очень хорошо запомнили что докторъ прибавилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Смердяковъ до утра не доживетъ.

Теперь послѣ долгаго, но кажется необходимаго объясненія мы возвратились именно къ тому моменту на-шего разказа, на которомъ остановили его въ предыдущей книгѣ.

III.

Хожденіе души по мытарствамъ.

Мытарство первое.

Итакъ Митя сидѣлъ и дикимъ взглядомъ озиралъ присутствующихъ, не понимая что ему говорятъ. Вдругъ онъ поднялся, вскинулъ вверхъ руки и громко прокричалъ:

— Не повиненъ! Въ этой крови не повиненъ! Въ крови отца моего не повиненъ.... Хотѣлъ убить, но не повиненъ! Не я!

Но только что онъ успѣлъ прокричать это, какъ изъ за занавѣсокъ выскочила Грушенька и такъ и рухнулась исправнику прямо въ ноги.

— Это я, я окаянная, я виновата! прокричала она разди-

рающимъ душу воплемъ, вся въ слезахъ, простирая ко всѣмъ руки,—это изъ за меня онъ убилъ!... Это я его измучила и до того довела. Я и того старичка-покойничка бѣднаго измучила, со злобы моей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая!

— Да, ты виноватая! Ты главная преступница! Ты неистовая, ты развратная, ты главная виноватая, завопилъ грозя ей рукой исправникъ, но тутъ ужъ его быстро и рѣшительно уняли. Прокуроръ даже обхватилъ его руками.

— Это ужъ совсѣмъ безпорядокъ будетъ, Михаилъ Макаровичъ, вскричалъ онъ,—вы положительно мѣшаете слѣдствію.... дѣло портите.... почти задохался онъ.

— Мѣры принять, мѣры принять, мѣры принять! страшно закипятился и Николай Парѣновичъ,—иначе положительно невозможно!...

— Вмѣстѣ судите насъ! продолжала изступленно восклицать Грушенька, все еще на колѣняхъ,—вмѣстѣ казните насъ, пойду съ нимъ теперь хоть на смертную казнь!

— Груша, жизнь моя, кровь моя, святыня моя! бросился подлѣ нея на колѣни и Митя и крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ.—Не вѣрьте ей,—кричалъ онъ,—не виновата она ни въ чемъ, ни въ какой крови и ни въ чемъ!

Онъ помнилъ потомъ что его оттащили отъ нея силой нѣсколько человѣкъ, а что ее вдругъ увели, и что опаматовался онъ уже сидя за столомъ. Подлѣ и сзади него стояли люди съ бляхами. Напротивъ него черезъ столъ на диванѣ сидѣлъ Николай Парѣновичъ, судебный слѣдователь, и все уговаривалъ его отпить изъ стоявшаго на столѣ стакана немного воды: «Это освѣжитъ васъ, это васъ успокоитъ, не бойтесь, не беспокойтесь,» прибавлялъ онъ чрезвычайно вѣжливо. Митѣ же вдругъ, онъ помнилъ это, ужасно любопытны стали его большіе перстни, одинъ аме-

тистовый, а другой какой-то яркожелтый, прозрачный и такого прекраснаго блеска. И долго еще онъ потомъ съ удивленіемъ вспоминалъ, что эти перстни привлекали его взглядъ неотразимо даже во все время этихъ страшныхъ часовъ допроса, такъ что онъ почему-то все не могъ отъ нихъ оторваться и ихъ забыть какъ совершенно не подходящую къ его положенію вещь. Налѣво, сбоку отъ Мити, на мѣстѣ гдѣ сидѣлъ въ началѣ вечера Максимовъ, усѣлся теперь прокуроръ, а по правую руку Мити, на мѣстѣ гдѣ была тогда Грушенька, расположился одинъ румяный молодой человѣкъ, въ какомъ-то охотничьемъ какъ-бы пиджакѣ и весьма поношенномъ, предъ которымъ очутилась чернильница и бумага. Оказалось что это былъ писмоводитель слѣдователя, котораго привезъ тотъ съ собою. Исправникъ же стоялъ теперь у окна, въ другомъ концѣ комнаты, подлѣ Калганова, который тоже усѣлся на стулѣ у того же окна.

— Выпейте воды! мягко повторилъ въ десятый разъ слѣдователь.

— Выпилъ, господа, выпилъ... но... чтожь, господа, давите, казните, рѣшайте судьбу! воскликнулъ Митя со страшно неподвижнымъ выпучившимся взглядомъ на слѣдователя.

— Итакъ вы положительно утверждаете что въ смерти отца вашего, Ѳедора Павловича, вы невиновны? мягко, но настойчиво спросилъ слѣдователь.

— Невиновень! Виновень въ другой крови, въ крови другаго старика, но не отца моего. И оплакиваю! Убилъ, убилъ старика, убилъ и повергъ... Но тяжело отвѣчать за эту кровь другою кровью, страшною кровью, въ которой не повинень... Страшное обвиненіе, господа, точно по лбу огорошили! Но кто же убилъ отца, кто же убилъ? Кто же могъ убить если не я? Чудо, нелѣпость, невозможность!...

— Да, вотъ кто могъ убитъ... началъ было слѣдователь, но прокуроръ Ипполитъ Кирилловичъ (товарищъ прокурора, но и мы будемъ его называть для краткости прокуроромъ), переглянувшись со слѣдователемъ, произнесъ, обращаясь къ Митѣ:

— Вы напрасно беспокоитесь за старика слугу Григорія Васильева. Узнайте что онъ живъ, очнулся и не смотря на тяжкіе побои причиненные ему вами, по его и вашему теперь показанію, кажется, останется живъ несомнѣнно, по крайней мѣрѣ по отзыву доктора.

— Живъ? Такъ онъ живъ! завопилъ вдругъ Митя, всплеснувъ руками. Все лицо его просіяло:—Господи, благодарю Тебя за величайшее чудо, содѣянное Тобою мнѣ, грѣшному и злодѣю, по молитвѣ моей!... Да, да, это по молитвѣ моей, я молился всю ночь!... и онъ три раза перекрестился. Онъ почти задыхался.

— Такъ вотъ отъ этого-то самаго Григорія мы и получили столь значительныя показанія на вашъ счетъ, что... сталъ было продолжать прокуроръ, но Митя вдругъ вскочилъ со стула.

— Одну минуту, господа, ради Бога одну лишь минутку; я сбѣгаю къ ней...

— Позвольте! Въ эту минуту никакъ нельзя! Даже чуть не взвизгнулъ Николай Парфеновичъ и тоже вскочилъ на ноги. Митю обхватили люди съ бляхами на груди, впрочемъ онъ и самъ сѣлъ на стулъ...

— Господа, какъ жаль! Я хотѣлъ къ ней на одно лишь мгновеніе... хотѣлъ возвѣстить ей что смыта, исчезла эта кровь, которая всю ночь сосала мнѣ сердце, и что я уже не убійца! Господа, вѣдь она невѣста моя! восторженно и благоговѣйно проговорилъ онъ вдругъ обводя всѣхъ глазами.— О, благодарю васъ, господа! О, какъ вы возродили, какъ

вы воскресили меня въ одно мгновеніе!... Этотъ старикъ— вѣдь онъ носилъ меня на рукахъ, господа, мылъ меня въ корытѣ, когда меня трехлѣтняго ребенка всѣ погинули, былъ отцомъ роднымъ!...

— Итакъ вы... началъ было слѣдователь.

— Позвольте, господа, позвольте еще одну минутку, прервалъ Митя, поставивъ оба локтя на столъ и закрывъ лицо ладонями, — дайте же чуточку сообразиться, дайте вздохнуть, господа. Все это ужасно потрясаетъ, ужасно, не барабанная же шкура человѣкъ, господа!

— Вы бы опять водицы... пролепеталъ Николай Пареновичъ.

Митя отнялъ отъ лица руки и размѣялся. Взглядъ его былъ бодръ, онъ весь какъ бы измѣнился въ одно мгновеніе. Измѣнился и весь тонъ его: это сидѣлъ уже опять равный всѣмъ этимъ людямъ человѣкъ, всѣмъ этимъ прежнимъ знакомымъ его, вотъ точно такъ какъ еслибы всѣ они сошлись вчера, когда еще ничего не случилось, гдѣ нибудь въ свѣтскомъ обществѣ. Замѣтимъ однако кстати, что у исправника Митя, въ началѣ его прибытія къ намъ, былъ принять радужно, но потомъ, въ послѣдній мѣсяцъ особенно, Митя почти не посѣщалъ его, а исправникъ, встрѣчаясь съ нимъ, на улицѣ напримѣръ, сильно хмурился и только лишь изъ вѣжливости отдавалъ поклонъ, что очень хорошо запримѣтилъ Митя. Съ прокуроромъ былъ знакомъ еще отдаленнѣе, но къ супругѣ прокурора, нервной и фантастической дамѣ, иногда хаживалъ съ самыми почтительными однако, визитами, и даже самъ не совсѣмъ понимая зачѣмъ къ ней ходить, и она всегда ласково его принимала, почему то интересуясь имъ до самаго послѣдняго времени. Со слѣдователемъ же познакомиться еще не успѣлъ, но однако встрѣчалъ и его и даже говорилъ съ нимъ разъ или два, оба раза о женскомъ полѣ.

— Вы, Николай Парёнычъ, искуснѣйшій какъ я вижу слѣдователь, весело разсмѣялся вдругъ Митя, — но я вамъ теперь самъ помогу. О, господа, я воскрешень...и не претендуйте на меня что я такъ запросто и такъ прямо къ вамъ обращаюсь. Къ тому же я немного пьянъ, я это вамъ скажу откровенно. Я кажется имѣлъ честь... честь и удовольствіе встрѣчать васъ, Николай Парёнычъ, у родственника моего Міусова... Господа, господа, я не претендую на равенство, я вѣдь понимаю же кто я такой теперь предъ вами сижу. На мнѣ лежитъ... если только показанія на меня далъ Григорій... то лежитъ,—о конечно ужъ лежитъ—страшное подозрѣніе! Ужасъ, ужасъ—я вѣдь понимаю же это! Но къ дѣлу, господа, я готовъ и мы это въ одинъ мигъ теперь и покончимъ, потому что, послушайте, послушайте господа. Вѣдь если я знаю что я не виновень, то ужъ конечно въ одинъ мигъ покончимъ! Такъ ли? Такъ ли?

Митя говорилъ скоро и много, нервно и экспансивно и какъ бы рѣшительно принимая своихъ слушателей за лучшихъ друзей своихъ.

— Итакъ мы пока запишемъ что вы отвергаете взводимое на васъ обвиненіе радикально, внушительно проговорилъ Николай Парёновичъ и, повернувшись къ писарю, вполголоса продиктовалъ ему что надо записать.

— Записывать? Вы хотите это записывать? Что жъ, записывайте, я согласенъ, даю полное мое согласіе, господа.... Только видите.... Стойте, стойте, запишите такъ: «Въ буйствѣ онъ виновень, въ тяжкихъ побояхъ нанесенныхъ бѣдному старику виновень. Ну, тамъ еще про себя, внутри, въ глубинѣ сердца своего виновень,—но это ужъ не надо писать (повернулся онъ вдругъ къ писарю), это уже моя частная жизнь, господа, это уже васъ не касается, эти глу-

бины-то сердца то есть.... Но въ убійствѣ старика отца— не виновенъ! Это дикая мысль! Это совершенно дикая мысль!... Я вамъ докажу и вы убѣдитесь мгновенно. Вы будете смѣяться, господа, сами будете хохотать надъ вашимъ подозрѣніемъ!...

— Успокойтесь Дмитрій Ѳедоровичъ, напомнилъ слѣдователь, какъ бы видимо желая побѣдить изступленнаго своимъ спокойствіемъ.—Прежде чѣмъ будемъ продолжать допросъ я бы желалъ, если вы только согласитесь отвѣтить, слышать отъ васъ подтвержденіе того факта, что кажется вы не любили покойнаго Ѳедора Павловича, были съ нимъ въ какой-то постоянной ссорѣ... Здѣсь, по крайней мѣрѣ, четверть часа назадъ, вы кажется изволили произнести, что даже хотѣли убить его: «Не убилъ, воскликнули вы, но хотѣлъ убить!»

— Я это воскликнулъ? Охъ, это можетъ быть, господа! Да, къ несчастію, я хотѣлъ убить его, много разъ хотѣлъ... къ несчастію, къ несчастію!

— Хотѣли. Не согласитесь ли вы объяснить, какіе собственно принципы руководствовали васъ въ такой ненависти къ личности вашего родителя?

— Что-жъ объяснять, господа! угрюмо вскинулъ плечами Митя потупясь.—Я вѣдь не скрывалъ моихъ чувствъ, весь городъ объ этомъ знаетъ,—знаютъ всѣ въ трактирѣ. Еще недавно въ монастырѣ заявилъ въ кельѣ старца Зосимы... Въ тотъ же день, вечеромъ, билъ и чуть не убилъ отца и поклялся, что опять приду и убью, при свидѣтеляхъ... О, тысяча свидѣтелей! Весь мѣсяцъ кричалъ, всѣ свидѣтели!... Фактъ на лицо, фактъ говоритъ, кричитъ, но—чувства, господа, чувства, это ужъ другое. Видите, господа (нахмурился Митя), мнѣ кажется, что про чувства вы не имѣете права меня спрашивать. Вы хоть и облечены,

я понимаю это, но это дѣло мое, мое внутреннее дѣло, интимное, но... такъ какъ я ужь не скрывалъ моихъ чувствъ прежде... въ трактирѣ, напримѣръ, и говорилъ всѣмъ и каждому, то... то не сдѣлаю и теперь изъ этого тайны. Видите, господа, я вѣдь понимаю, что въ этомъ случаѣ на меня улики страшныя: всѣмъ говорилъ, что его убью, а вдругъ его и убили: какъ же не я въ такомъ случаѣ? Ха-ха! Я васъ извиняю, господа, вполне извиняю. Я вѣдь и самъ пораженъ до эпидермы, потому что кто-жь его убилъ, наконецъ, въ такомъ случаѣ, если не я? Вѣдь не правда ли? Если не я, такъ кто же, кто же? Господа, — вдругъ воскликнулъ онъ, — я хочу знать, я даже требую отъ васъ, господа: гдѣ онъ убитъ? Какъ онъ убитъ, чѣмъ и какъ? Скажите мнѣ, быстро спросилъ онъ, обводя прокурора и слѣдователя глазами.

— Мы нашли его лежащимъ на полу, навзничъ, въ своемъ кабинетѣ, съ проломленною головою, проговорилъ прокуроръ.

— Страшно это, господа! вздрогнулъ вдругъ Митя и, облокотившись на столъ, закрылъ лицо правою рукой.

— Мы будемъ продолжать, прервалъ Николай Пареевичъ. — И такъ, что же тогда руководило васъ въ вашихъ чувствахъ ненависти? Вы кажется заявляли публично, что чувство ревности?

— Ну да, ревность, и не одна только ревность.

— Споры изъ за денегъ?

— Ну да, и изъ за денегъ.

— Кажется споръ былъ въ трехъ тысячахъ, будто бы не доданныхъ вамъ по наследству.

— Какое трехъ! Больше, больше, вскинулся Митя, — больше шести, больше десяти можетъ быть. Я всѣмъ говорилъ, всѣмъ кричалъ! Но я рѣшился ужь такъ и быть

помириться на трехъ тысячахъ. Мнѣ до зарѣзу нужны были эти три тысячи... такъ что тотъ пакетъ съ тремя тысячами, который я зналъ у него подъ подушкой, приготовленный для Грушеньки, я считалъ рѣшительно какъ бы у меня украденнымъ, вотъ что господа, считалъ своимъ, все равно какъ мою собственностью...

Прокуроръ значительно переглянулся со слѣдователемъ и успѣлъ незамѣтно мигнуть ему.

— Мы къ этому предмету еще возвратимся, проговорилъ тотчасъ слѣдователь,—вы же позвольте намъ теперь отмѣтить и записать именно этотъ пунктѣцъ: что вы считали эти деньги, въ томъ конвертѣ, какъ бы за свою собственность.

— Пишите господа, я вѣдь понимаю же что это опять таки на меня улика, но я не боюсь уликъ и самъ говорю на себя. Слышите, самъ! Видите господа, вы кажется принимаете меня совсѣмъ за иного человѣка чѣмъ я есть, прибавилъ онъ вдругъ мрачно и грустно.— Съ вами говорить благородный человѣкъ, благороднѣйшее лицо, главное—этого не упускайте изъ виду—человѣкъ надѣлавшій бездну подлостей, но всегда бывшій и остававшійся благороднѣйшимъ существомъ какъ существо, внутри, въ глубинѣ, ну, однимъ словомъ, я не умѣю выразиться... Именно тѣмъ то и мучился всю жизнь что жаждалъ благородства, былъ такъ сказать страдалцемъ благородства и искателемъ его съ фонаремъ, съ Діогеновымъ фонаремъ, а между тѣмъ всю жизнь дѣлалъ однѣ только пакости, какъ и всѣ мы, господа.. то есть какъ я одинъ, господа, не всѣ, а я одинъ, я ошибся, одинъ, одинъ!... Господа, у меня голова болитъ,—страдальчески поморщился онъ, — видите, господа, мнѣ не нравилась его наружность, что-то безчестное, похвальба и попираніе всякой святыни, насмѣшка и безвѣріе, гадко, гадко! Но теперь, когда ужъ онъ умеръ, я думаю иначе.

— Какъ это иначе?

— Не иначе, но я жалѣю что такъ его ненавидѣлъ.

— Чувствуете раскаяніе?

— Нѣтъ, не то чтобы раскаяніе, этого не записывайте.

Самъ-то я не хорошъ, господа, вотъ что, самъ-то я не очень красивъ, а потому права не имѣлъ и его считать отвратительнымъ, вотъ что! Это, пожалуй, запишите.

Проговоривъ это, Митя сталъ вдругъ чрезвычайно грустенъ. Уже давно постепенно съ отвѣтами на вопросы слѣдователя онъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. И вдругъ какъ разъ въ это мгновеніе разразилась опять неожиданная сцена. Дѣло въ томъ, что Грушеньку хоть давеча и удалили, но увели не очень далеко, всего только въ третью комнату отъ той голубой комнаты въ которой происходилъ теперь допросъ. Это была маленькая комнатка въ одно окно, сейчасъ за тою большою комнатою, въ которой ночью танцовали и шелъ пиръ горой. Тамъ сидѣла она, а съ ней пока одинъ только Максимовъ, ужасно пораженный, ужасно струсившій и къ ней прилѣпившійся какъ бы ища около нея спасенія. У ихней двери стоялъ какой-то мужикъ съ бляхой на груди. Грушенька плакала, и вотъ вдругъ, когда горе ужъ слишкомъ подступило къ душѣ ея, она вскочила, всплеснула руками и прокричавъ громкимъ воплемъ: «горе мое, горе!» бросилась вонъ изъ комнаты къ нему, къ своему Митѣ, и такъ неожиданно что ее никто не успѣлъ остановить. Митя же, заслышавъ вопль ея, такъ и задрожалъ, вскочилъ, завопилъ и стремглавъ бросился къ ней на встрѣчу, какъ бы не помня себя. Но имъ опять сойтись не дали, хотя они уже увидѣли другъ друга. Его крѣпко схватили за руки: онъ бился, рвался, понадобилось троихъ или четверыхъ, чтобы удержать его. Схватили и ее и онъ видѣлъ какъ она съ крикомъ простирала къ нему руки, когда ее увлекали.

Когда кончилась сцена онъ опомнился опять на прежнемъ мѣстѣ, за столомъ, противъ слѣдователя, и выкрикивалъ обращаясь къ нимъ:

— Что вамъ въ ней? Зачѣмъ вы ее мучаете? Она невинна, невинна!...

Его уговаривали прокуроръ и слѣдователь. Такъ прошло нѣкоторое время, минутъ десять; наконецъ въ комнату поспѣшно вошелъ отлучившійся было Михаилъ Макаровичъ, и громко, въ возбужденіи, проговорилъ прокурору:

— Она удалена, она внизу, не позволите-ли мнѣ сказать, господа, всего одно слово этому несчастному человѣку? При васъ, господа, при васъ!

— Сдѣлайте милость, Михаилъ Макаровичъ, отвѣтилъ слѣдователь, — въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ ничего сказать противъ.

— Дмитрій Ѳедоровичъ, слушай батюшка, началъ обращаясь къ Митѣ Михаилъ Макаровичъ, и все взволнованное лицо его выражало горячее отеческое почти состраданіе къ несчастному, — я твою Аграфену Александровну отвелъ внизъ самъ и передалъ хозяйскимъ дочерямъ и съ ней тамъ теперь безотлучно этотъ старичокъ Максимовъ, и я ее уговорилъ, слышь ты? уговорилъ и успокоилъ, внушилъ, что тебѣ надо-же оправдаться, такъ чтобъ она не мѣшала, чтобъ не нагоняла на тебя тоски, не то ты можешь смутиться и на себя неправильно показать, понимаешь? Ну, однимъ словомъ, говорилъ и она поняла. Она, братъ, умница, она добрая, она руки у меня стараго полѣзла было цаловать, за тебя просила. Сама послала меня сюда сказать тебѣ, чтобъ ты за нее былъ спокоенъ, да и надо, голубчикъ, надо, чтобъ я пошелъ и сказалъ ей, что ты спокоенъ и за нее утѣшенъ. И такъ успокойся, пойми ты это. Я предъ ней виноватъ, она христіанская душа, да, господа, это

кроткая душа и ни въ чемъ неповинная. Такъ какъ-же ей сказать, Дмитрій Федоровичъ, будешь сидѣть спокоенъ аль нѣтъ?

Добрякъ наговорилъ много лишняго, но горе Грушеньки, горе человѣческое, прѣникло въ его добрую душу и даже слезы стояли въ глазахъ его. Митя вскочилъ и бросился къ нему.

— Простите, господа, позвольте, о, позвольте! вскричалъ онъ,—ангельская, ангельская вы душа, Михаилъ Макаровичъ, благодарю за нее! Буду, буду спокоенъ, весель буду, передайте ей по безмѣрной добротѣ души вашей, что я весель, весель, смѣяться даже начну сейчасъ, зная что съ ней такой ангелъ-хранитель, какъ вы. Сейчасъ все покончу и только что освобожусь, сейчасъ и къ ней, она увидитъ, пусть ждетъ! Господа,—оборотился онъ вдругъ къ прокурору и слѣдователю,—теперь всю вамъ душу мою открою, всю изолью, мы это мигомъ покончимъ, весело покончимъ—подъ конецъ вѣдь будемъ же смѣяться, будемъ? Но, господа, эта женщина—царица души моей! О, позвольте мнѣ это сказать, это-то я ужь вамъ открою... Я вѣдь вижу-же, что я съ благороднѣйшими людьми: это свѣтъ, это святыня моя, и еслибъ вы только знали! Слышали ея крики: «съ тобой хоть на казнь!» А что я ей далъ, я, нищій, голякъ, за что такая любовь ко мнѣ, стѣю-ли я, неуклюжая, позорная тварь и съ позорнымъ лицомъ, такой любви, чтобъ со мной ей въ каторгу идти? За меня въ ногахъ у васъ давеча валялась, она, гордая и ни въ чемъ неповинная! Какъ-же мнѣ не обожать ея, не вопить, не стремиться къ ней какъ сейчасъ? О, господа, простите! Но теперь, теперь я утѣшенъ!

И онъ упалъ на стулъ и, закрывъ обѣими ладонями лицо, навзрыдъ заплакалъ. Но это были уже счастливыя

слезы. Онъ мигомъ опомнился. Старикъ исправникъ былъ очень доволенъ, да кажется и юристы тоже: они почувствовали, что допросъ вступить сейчасъ въ новый фазисъ. Проводивъ исправника, Митя просто повеселѣлъ.

— Ну, господа, теперь вашъ, вашъ вполнѣ. И... еслибъ только не всѣ эти мелочи, то мы-бы сейчасъ-же и сговорились. Я опять про мелочи. Я вашъ, господа, но клянусь, нужно взаимное довѣрие, — ваше ко мнѣ и мое къ вамъ, — иначе мы никогда не покончимъ. Для васъ-же говорю. Къ дѣлу, господа, къ дѣлу, и главное не ройтесь вы такъ въ душѣ моей, не терзайте ее пустяками, а спрашивайте одно только дѣло и факты, и я васъ сейчасъ-же удовлетворю. А мелочи къ чорту!

Такъ восклицалъ Митя. Допросъ начался вновь.

IV.

Мытарство второе.

— Вы не повѣрите какъ вы насъ самихъ ободряете, Дмитрій Федоровичъ, вашею этою готовностью... заговорилъ Николай Парѣеновичъ съ оживленнымъ видомъ и съ видимымъ удовольствіемъ, засіявшимъ въ большихъ свѣтлосѣрыхъ на выкатѣ, очень близорукихъ впрочемъ, глазахъ его, съ которыхъ онъ за минуту предъ тѣмъ снялъ очки. — И вы справедливо сейчасъ замѣтили на счетъ этой взаимной нашей довѣренности, безъ которой иногда даже и невозможно въ подобной важности дѣлахъ, въ томъ случаѣ и смыслѣ, если подозрѣваемое лицо дѣйствительно желаетъ, надѣется и можетъ оправдать себя. Съ нашей стороны мы употребимъ все, что отъ насъ зависитъ, и вы сами могли видѣть даже и теперь какъ мы ведемъ это дѣло... Вы одобряете

Ипполитъ Кирилловичъ? обратился онъ вдругъ къ прокурору.

— О, безъ сомнѣнія, одобрилъ прокуроръ, хотя и нѣсколько суховато сравнительно съ порывомъ Николая Парѣновича.

Замѣчу разъ навсегда: новоприбывшій къ намъ Николай Парѣновичъ, съ самаго начала своего у насъ поприща, почувствовалъ къ нашему Ипполиту Кирилловичу, прокурору, необыкновенное уваженіе, и почти сердцемъ сошелся съ нимъ. Это былъ почти единственный человѣкъ, который безусловно повѣрилъ въ необычайный психологическій и ораторскій талантъ нашего «обиженнаго по службѣ» Ипполита Кирилловича и вполне вѣрилъ и въ то, что тотъ обиженъ. О немъ слышалъ онъ еще въ Петербургѣ. Зато, въ свою очередь, молоденькій Николай Парѣновичъ оказался единственнымъ тоже человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, котораго искренно полюбилъ нашъ «обиженный» прокуроръ. Дорогой сюда они успѣли кое въ чемъ стовориться и условиться на счетъ предстоящаго дѣла и теперь, за столомъ, востренькій умъ Николая Парѣновича схватывалъ на лету и понималъ всякое указаніе, всякое движеніе въ лицѣ своего старшаго сотоварища, съ полуслова, со взгляда, съ подмига глазкомъ.

— Господа, предоставьте мнѣ только самому рассказать и не перебивайте пустяками, и я вамъ мигомъ все изложу, кипятился Митя.

— Прекрасно-съ. Благодарю васъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ выслушанію вашего сообщенія, вы бы позволили мнѣ только констатировать еще одинъ фактъ, для насъ очень любопытный, именно о тѣхъ десяти рубляхъ, которые вы вчера, оболо пяти часовъ, взяли займы подъ закладъ пистолетовъ вашихъ у пріятели вашего Петра Ильича Перхотина.

— Заложилъ, господа, заложилъ, за десять рублей, и что жь дальше? Вотъ и все, какъ только воротился въ городъ съ дороги такъ и заложилъ.

— А вы воротились съ дороги? Вы ѣздили за городъ?

— Ъздилъ, господа, за сорокъ верстъ ѣздилъ, а вы и не знали?

Прокуроръ и Николай Пареевичъ переглянулись.

— И вообще еслибы вы начали вашу повѣсть со систематическаго описанія всего вашего вчерашняго дня съ самаго утра? Позвольте, наприимѣръ, узнать: зачѣмъ вы отлучались изъ города и когда именно поѣхали и пріѣхали... и всѣ эти факты...

— Такъ вы бы такъ и спросили съ самаго начала, громко разсмѣялся Митя,—и если хотите, то дѣло надо начать не со вчерашняго, а съ третьегоднешняго дня, съ самаго утра, тогда и поймете куда, какъ и почему я пошелъ и поѣхалъ. Пошелъ я, господа, третьяго дня утромъ къ здѣшнему купчинѣ Самсонову занимать у него три тысячи денегъ подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе,—это вдругъ приспичило, господа, вдругъ приспичило...

— Позвольте прервать васъ, вѣжливо перебилъ прокуроръ, — почему вамъ такъ вдругъ понадобилась, и именно такая сумма, то есть въ три тысячи рублей?

— Э, господа, не надо бы мелочи: какъ, когда и почему, и почему именно денегъ столько, а не столько, и вся эта гамазня.... вѣдь эдакъ въ трехъ томахъ не упишешь, да еще эпилогъ потребуется!

Все это проговорилъ Митя съ добродушною, но нетерпѣливою фамильярностью человѣка желающаго сказать всю истину и исполненнаго самыми добрыми намѣреніями.

— Господа, какъ бы спохватился онъ вдругъ,—вы на меня не ропщите за мою брыкливость, опять прошу: по-

вѣрьте еще разъ что я чувствую полную почтительность и понимаю настоящее положеніе дѣла. Не думайте что и пьянъ. Я ужь теперь отрезвился. Да и что пьянъ не мѣшало-бы вовсе. У меня вѣдь какъ:

Отрезвѣлъ, поумнѣлъ—сталъ глупъ,
Напился, оглушѣлъ—сталъ умнѣнъ.

Ха-ха! А впрочемъ я вижу, господа, что мнѣ пока еще неприлично острить предъ вами, пока то есть не объяснимся. Позвольте наблюсти и собственное достоинство. Понимаю-же я тенерешнюю разницу: вѣдь я всетаки предъ вами преступникъ сижу, вамъ стало быть въ высшей степени не ровня, а вамъ поручено меня наблюдать: не погладите же вы меня по головкѣ за Григорія, нельзя же въ самомъ дѣлѣ безнаказанно головы ломать старикамъ, вѣдь упрячете же вы меня за него по суду, ну на полгода, ну на годъ въ смиренный, не знаю какъ тамъ у васъ присудятъ, хотя и безъ лишенія правъ, вѣдь безъ лишенія правъ, прокуроръ? Ну такъ вотъ, господа, понимаю же я это различіе... Но согласитесь и въ томъ, что вѣдь вы можете самого Бога сбить съ толку такими вопросами: гдѣ ступилъ, какъ ступилъ, когда ступилъ и во что ступилъ? Вѣдь я собьюсь если такъ, а вы сейчасъ лыко въ строку и запишете, и что жь выйдетъ? Ничего не выйдетъ! Да наконецъ если ужь я началъ теперь врать, то и dokonчу, а вы, господа, какъ высшаго образованія и благороднѣйшіе люди, меня простите. Именно закончу просьбой: разучитесь вы, господа, этой казенщинѣ допроса, то есть сперва де видите ли начинай съ чего нибудь мизернаго, съ ничтожнаго: какъ дескать всталъ, что съѣлъ, какъ плюнулъ, и «усыпивъ вниманіе преступника» вдругъ накрывай его ошеломляющимъ вопросомъ: «Кого убилъ, кого обокралъ?» Ха-ха! Вѣдь вотъ ваша казенщина, это вѣдь у васъ правило, вотъ на чемъ вся ва-

ша хитрость-то зиждется! Да вѣдь это вы мужиковъ усып-
ляйте подобными хитростями, а не меня. Я вѣдь понимаю
дѣло, самъ служилъ, ха-ха-ха! Не сердитесь, господа, про-
щаете дерзость? крикнулъ онъ, смотря на нихъ съ удиви-
тельнымъ почти добродушіемъ. — Вѣдь Митька Карамазовъ
сказалъ, стало быть можно и извинить, потому умному че-
ловѣку неизвинительно, а Митькѣ извинительно! Ха-ха!

Николай Парѣеновичъ слушалъ и тоже смѣялся. Проку-
роръ хоть и не смѣялся, но зорко, не спуская глазъ, раз-
глядывалъ Митю, какъ бы не желая упустить ни малѣй-
шаго словечка, ни малѣйшаго движенія его, ни малѣйшаго
сотрясенія малѣйшей черточки въ лицѣ его.

— Мы однако такъ и начали съ вами первоначально,
отозвался все продолжая смѣяться Николай Парѣеновичъ, —
что не стали сбивать васъ вопросами: какъ вы встали
поутру и что скушали, а начали даже со слишкомъ суще-
ственного.

— Понимаю, понялъ и оцѣнилъ, и еще болѣе цѣню на-
стоящую вашу доброту со мной, безпримѣрную, достойную
благороднѣйшихъ душъ. Мы тутъ трое сошлись люди бла-
городные и пусть все у насъ такъ и будетъ на взаимномъ
довѣрїи образованныхъ и свѣтскихъ людей, связанныхъ дво-
рянствомъ и честью. Во всякомъ случаѣ позвольте мнѣ
считать васъ за лучшихъ друзей моихъ въ эту мину-
ту жизни моей, въ эту минуту униженія чести моей! Вѣдь
не обидно это вамъ, господа, не обидно?

— Напротивъ, вы все это такъ прекрасно выразили,
Дмитрій Федоровичъ, важно и одобрительно согласился Ни-
колай Парѣеновичъ.

— А мелочи, господа, всѣ эти крючкотворныя мелочи
прочъ, восторженно воскликнулъ Митя, — а то это просто
выйдетъ чортъ знаетъ что, вѣдь не правда ли?

— Вполнѣ послѣдую вашимъ благоразумнымъ совѣтамъ, ввязался вдругъ прокуроръ, обращаясь къ Митѣ, — но отъ вопроса моего однако не откажусь. Намъ слишкомъ существенно необходимо узнать для чего именно вамъ понадобилась такая сумма, то есть именно въ три тысячи?

— Для чего понадобилась? Ну, для того, для сего... ну, долгъ отдать.

— Кому именно?

— Это положительно отказываюсь сказать, господа! Видите, не потому чтобъ не могъ сказать, али не смѣлъ, али опасался, потому что все это плевое дѣло и совершенные пустяки, а—потому не скажу что тутъ принципъ: это моя частная жизнь и я не позволю вторгаться въ мою частную жизнь. Вотъ мой принципъ. Вашъ вопросъ до дѣла не относится, а все что до дѣла не относится есть моя частная жизнь! Долгъ хотѣлъ отдать, долгъ чести хотѣлъ отдать, а кому—не скажу.

— Позвольте намъ записать это, сказалъ прокуроръ.

— Сдѣлайте одолженіе. Такъ и записывайте: что не скажу и не скажу. Пишите, господа, что считаю даже безчестнымъ это сказать. Экъ у насъ времени-то много записывать!

— Позвольте васъ, милостивый государь, предупредить и еще разъ вамъ напомнить, если вы только не знали того, съ особеннымъ и весьма строгимъ внушеніемъ проговорилъ прокуроръ,—что вы имѣете полное право не отвѣчать на предлагаемые вамъ теперь вопросы, а мы, обратно, никакого не имѣемъ права вымогать у васъ отвѣты, если вы сами уклоняетесь отвѣчать по той или другой причинѣ. Это дѣло личнаго соображенія вашего. Но наше дѣло состоитъ опять таки въ томъ, чтобы вамъ въ подобномъ те-перешнему случаѣ представить на видъ и разъяснить всю

ту степень вреда, который вы сами же себѣ производите, отказываясь дать то или другое показаніе. Затѣмъ прошу продолжать.

— Господа, я вѣдь не сержусь... я... забормоталъ было Митя, нѣсколько сконфуженный внушеніемъ,—вотъ-съ видите, господа, этотъ самый Самсоновъ, къ которому я тогда пошелъ...

Мы конечно не станемъ приводить разсказъ его въ подробности о томъ что уже извѣстно читателю. Разсказчикъ нетерпѣливо хотѣлъ разсказать все до малѣйшей черточки и въ тоже время чтобы вышло поскорѣй. Но по мѣрѣ показаній ихъ записывали, а стало быть необходимо его останавливали. Дмитрій Ѳедоровичъ осуждалъ это, но подчинялся, сердился, но пока еще добродушно. Правда, вскрикивалъ иногда: «господа, это самого Господа Бога взбѣситъ» или: «господа, знаете ли вы что вы только напрасно меня раздражаете?» но все еще, восклицая это, своего дружески экспансивнаго настроенія пока не измѣнялъ. Такимъ образомъ онъ разсказалъ какъ «надулъ» его третьяго дня Самсоновъ. (Онъ уже догадывался теперь вполнѣ что его тогда надули). Продажа часовъ за шесть рублей, чтобы добыть на дорогу денегъ, совсѣмъ еще неизвѣстная слѣдователю и прокурору, возбудила тотчасъ же все чрезвычайное ихъ вниманіе и уже къ безмѣрному негодованію Мити: нашли нужнымъ фактъ этотъ въ подробности записать, въ виду вторичнаго подтвержденія того обстоятельства, что у него и наканунѣ не было уже ни гроша почти денегъ. Мало по малу Митя началъ становиться угрюмымъ. Затѣмъ, описавъ путешествіе къ Лягавому и проведенную въ угарной избѣ ночь и проч., довелъ свой разсказъ и до возвращенія въ городъ и тутъ началъ самъ, безъ особенной уже просьбы, подробно описывать ревнивыя муки свои съ Грушенькой. Его слушали молча и

внимательно, особенно вникли въ то обстоятельство что у него давно уже завелся наблюдательный пунктъ за Грушенькой у Федора Павловича «на задахъ» въ домѣ Марьи Кондратьевны, и о томъ что ему свѣдѣнія переносилъ Смердяковъ: это очень отмѣтили и записали. О ревности своей говорилъ онъ горячо и обширно и хоть и внутренно стыдился того что выставляетъ свои интимнѣйшія чувства такъ сказать на «всеобщій позоръ», но видимо пересиливалъ стыдъ чтобы быть правдивымъ. Безучастная строгость устремленныхъ пристально на него, во время разсказа, взглядовъ слѣдователя и особенно прокурора, смутили его наконецъ довольно сильно: «Этотъ мальчикъ Николай Парѣновичъ, съ которымъ я еще всего только нѣсколько дней тому говорилъ глупости про женщинъ, и этотъ больной прокуроръ, не стѣять того чтобъ я имъ это рассказывалъ», грустно мелькнуло у него въ умѣ, «позоръ!» «Терпи, смирайся и молчи», заключилъ онъ свою думу стихомъ, но опять-таки сѣрѣнился вновь чтобы продолжать далѣе. Перейдя къ разсказу о Хохлаковой, даже вновь развеселился и даже хотѣлъ было разсказать объ этой барынькѣ особый недавній анекдотикъ, не подходящій къ дѣлу; но слѣдователь остановилъ его и вѣжливо предложилъ перейти «къ болѣе существенному». Наконецъ, описавъ свое отчаяніе и разсказавъ о той минутѣ, когда выйдя отъ Хохлаковой, онъ даже подумалъ «скорѣй зарѣзать кого нибудь, а достать три тысячи», его вновь остановили и о томъ что «зарѣзать хотѣлъ» записали. Митя безмолвно далъ записать. Наконецъ дѣло дошло до той точки въ разсказѣ когда онъ вдругъ узналъ, что Грушенька его обманула и ушла отъ Самсонова тотчасъ же какъ онъ привелъ ее, тогда какъ сама сказала что просидитъ у старика до полуночи: «Если я тогда не убилъ, господа, эту Оеню, то потому только что мнѣ было некогда»,

вырвалось вдругъ у него въ этомъ мѣстѣ разказа. И это тщательно записали. Митя мрачно подождаль и сталъ было повѣствовать о томъ какъ онъ побѣждалъ къ отцу въ садъ, какъ вдругъ его остановилъ слѣдователь и раскрывъ свой большой портфель, лежавшій подлѣ него на диванѣ, вынулъ изъ него мѣдный пестикъ.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? показалъ онъ его Митѣ.

— Ахъ да! мрачно усмѣхнулся онъ,—какъ не знакомъ! Дайте-ка посмотрѣть... А чортъ, не надо!

— Вы о немъ упомянуть забыли, замѣтилъ слѣдователь.

— А чортъ! Не скрылъ бы отъ васъ, небось безъ него бы не обошлось, какъ вы думаете? Изъ памяти только вылетѣло.

— Благоволите же разказать обстоятельно какъ вы имъ вооружились.

— Извольте, благоволю господа.

И Митя разказалъ какъ онъ взялъ пестикъ и побѣждалъ.

— Но какую же цѣль имѣли вы въ предметъ вооружаясь такимъ орудіемъ?

— Какую цѣль? Никакой цѣли! Захватилъ и побѣждалъ.

— Зачѣмъ же если безъ цѣли?

Въ Митѣ кипѣла досада. Онъ пристально посмотрѣлъ на «мальчика» и мрачно и злобно усмѣхнулся. Дѣло въ томъ что ему все стыднѣе и стыднѣе становилось за то, что онъ сейчасъ такъ искренно и съ такими изліяніями разказалъ «такимъ людямъ» исторію своей ревности.

— Наплевать на пестикъ! вырвалось вдругъ у него.

— Однако же-съ.

— Ну, отъ собакъ схватилъ. Ну, темнота... Ну, на всякій случай.

— А прежде вы тоже брали, выходя ночью со двора, какое-нибудь оружіе, если боялись такъ темноты?

— Э, чортъ, тѣфу! Господа, съ вами бугвально нельзя говорить! вскрикнулъ Митя въ послѣдней степени раздраженія и, обернувшись къ писарю, весь пограснѣвъ отъ злобы, съ какою-то изступленною ноткой въ голосѣ быстро проговорилъ ему:

— Запиши сейчасъ... сейчасъ.... «что схватилъ съ собой пестикъ чтобы бѣжать убить отца моего.... Федора Павловича.... ударомъ по головѣ!» Ну, довольны ли вы теперь, господа? Отвели душу? проговорилъ онъ, уставясь съ вызовомъ на слѣдователя и прокурора.

— Мы слишкомъ понимаемъ, что подобное показаніе вы дали сейчасъ въ раздраженіи на насъ и въ досадѣ на вопросы, которые мы вамъ представляемъ, которые вы считаете мелочными и которые въ сущности весьма существенны, сухо проговорилъ ему въ отвѣтъ прокуроръ.

— Да помилуйте же, господа! Ну, взялъ пестикъ... Ну, для чего берутъ въ такихъ случаяхъ чтонибудь въ руку? Я не знаю для чего. Схватилъ и побѣждалъ. Вотъ и все. Стыдно, господа, *passons*, а то, клянусь, *passons* я перестану рассказывать!

Онъ облокотился на столъ и подперъ рукой голову. Онъ сидѣлъ къ нимъ бокомъ и смотрѣлъ въ стѣну, пересиливая въ себѣ дурное чувство. Въ самомъ дѣлѣ ему ужасно какъ хотѣлось встать и объявить что болѣе не скажетъ ни слова, «хоть ведите на смертную казнь».

— Видите, господа, проговорилъ онъ вдругъ съ трудомъ пересиливая себя,—видите. Слушаю я васъ и мнѣ мерещится.... я, видите, вижу иногда во снѣ одинъ сонъ.... одинъ табой сонъ, и онъ мнѣ часто снится, повторяется, что кто-то за мной гонится, кто-то такой котораго я ужасно боюсь,

гонится въ темнотѣ, ночью, ищетъ меня, а я прячусь куда-нибудь отъ него за дверь или за шкафъ, прячусь униженно, а главное что ему отлично извѣстно куда я отъ него спрятался, но что онъ будто бы нарочно притворяется что не знаетъ гдѣ я сижу, чтобы дольше промучить меня, чтобы страхомъ моимъ насладиться.... Вотъ это и вы теперь дѣлаете! На то похоже!

— Это вы такіе видите сны? освѣдомился прокуроръ.

— Да, такіе вижу сны.... А вы ужь не хотите ли записать? криво усмѣхнулся Митя.

— Нѣтъ-съ, не записать, но все же любопытные у васъ сны.

— Теперь ужь не сонъ! Реализмъ, господа, реализмъ дѣйствительной жизни! Я волкъ, а вы охотники, ну и травите волка.

— Вы напрасно взяли такое сравненіе.... началъ было чрезвычайно мягко Николай Парѣновичъ.

— Не напрасно, господа, не напрасно! вскипѣлъ опять Митя, хотя и видимо облегчивъ душу выходкой внезапнаго гнѣва, началъ уже опять добрѣть съ каждымъ словомъ:— Вы можете не вѣрить преступнику или подсудимому, истязуемому вашими вопросами, но благороднѣйшему человѣку, господа, благороднѣйшимъ порывамъ души (смѣло это кричу!)—нѣтъ! этому вамъ нельзя не вѣрить.... права даже не имѣете.... но—

молчи сердце,

Терпи, смирайся и молчи!

Ну, что же, продолжать? мрачно оборвалъ онъ.

— Какже, сдѣлайте одолженіе, отвѣтилъ Николай Парѣновичъ.

V.

Третье мытарство.

Митя хоть и заговорилъ сурово, но видимо еще болѣе сталъ стараться не забыть и не упустить ни одной черточки изъ передаваемого. Онъ рассказалъ какъ онъ перескочилъ черезъ заборъ въ садъ отца, какъ шелъ до окна и обо всемъ наконецъ что было подъ окномъ. Ясно, точно, какъ бы отчеканивая, передалъ онъ о чувствахъ волновавшихъ его въ тѣ мгновенія въ саду, когда ему такъ ужасно хотѣлось узнать: у отца ли Грушенька или нѣтъ? Но странно это: и прокуроръ, и слѣдователь слушали на этотъ разъ какъ-то ужасно сдержанно, смотрѣли сухо, вопросовъ дѣлали гораздо меньше. Митя ничего не могъ заключить по ихъ лицамъ. «Разсердились и обидѣлись, подумалъ онъ, ну и чортъ!» Когда же рассказалъ какъ онъ рѣшился наконецъ дать отцу *знакъ* что пришла Грушенька и чтобы тотъ отворилъ окно, то прокуроръ и слѣдователь совсѣмъ не обратили вниманіе на слово «знакъ», какъ бы не понявъ вовсе какое значеніе имѣетъ тутъ это слово, такъ что Митя это даже замѣтилъ. Дойдя наконецъ до того мгновенія когда, увидѣвъ высунувшагося изъ окна отца, онъ вскипѣлъ ненавистью и выхватилъ изъ кармана пестикъ, онъ вдругъ какъ бы нарочно остановился. Онъ сидѣлъ и глядѣлъ въ стѣну и зналъ что тѣ такъ и впились въ него глазами.

— Ну-съ, сказалъ слѣдователь, — вы выхватили оружіе и... и что же произошло затѣмъ?

— Затѣмъ? А затѣмъ убилъ... хватилъ его въ темя и раскроилъ ему черепъ... Вѣдь такъ по вашему, такъ! за-сверкалъ онъ вдругъ глазами. Весь потухшій было гнѣвъ его вдругъ поднялся въ его душѣ съ необычайною силой.

— По нашему, переговорилъ Николай Парѣновичъ,— ну а по вашему?

Митя опустилъ глаза и долго молчалъ.

— По моему, господа, по моему вотъ какъ было, тихо заговорилъ онъ:—слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, духъ ли свѣтлый облобызалъ меня въ то мгновеніе— не знаю, но чортъ былъ побѣжденъ. Я бросился отъ огня и побѣжалъ къ забору... Отецъ испугался, и въ первый разъ тутъ меня разсмотрѣлъ, вскрикнулъ и отскочилъ отъ окна,—я это очень помню. А я черезъ садъ къ забору... вотъ тутъ-то и настигъ меня Григорій, когда уже я сидѣлъ на заборѣ...

Тутъ онъ поднялъ наконецъ глаза на слушателей. Тѣ казалось съ совершенно безмятежнымъ вниманіемъ глядѣли на него. Какая-то судорога негодованія прошла въ душѣ Мити.

— А вѣдь вы, господа, въ эту минуту надо мной насмѣхаетесь! прервалъ онъ вдругъ.

— Почему вы такъ заключаете? замѣтилъ Николай Парѣновичъ.

— Ни одному слову не вѣрите, вотъ почему! Вѣдь понимаю же я что до главной точки дошелъ: старикъ теперь тамъ лежитъ съ проломленною головой, а я—трагически описавъ какъ хотѣлъ убить и какъ уже пестигъ выхватилъ, я вдругъ отъ окна убѣгаю... Поэма! Въ стихахъ! Можно повѣрить на слово молодцу! Ха-ха! Насмѣшники вы, господа!

И онъ всѣмъ корпусомъ повернулся на стулѣ, такъ что стулъ затрещалъ.

— А не замѣтили ли вы, началъ вдругъ прокуроръ, какъ будто и вниманія не обративъ на волненіе Мити,—не замѣтили ли вы, когда отбѣгали отъ окна: была ли дверь въ

садъ, находящаяся въ другомъ концѣ флигеля, отперта или нѣтъ?

— Нѣтъ, не была отперта.

— Не была?

— Была заперта напротивъ, и кто жь могъ ее отворить?

Ба, дверь, постойте! Какъ бы опомнился онъ вдругъ и чуть не вздрогнулъ,—а развѣ вы нашли дверь отпертою?

— Отпертою.

— Такъ кто жь ее могъ отворить, если не сами вы ее отворили? страшно удивился вдругъ Митя.

— Дверь стояла отпертою и убійца вашего родителя несомнѣнно вошелъ въ эту дверь, и совершивъ убійство, этою же дверью и вышелъ, какъ бы отчеканивая, медленно и раздѣльно произнесъ прокуроръ. Это намъ совершенно ясно. Убійство произошло очевидно въ комнатѣ, *а не черезъ окно*, что положительно ясно изъ произведеннаго акта осмотра, изъ положенія тѣла и по всему. Сомнѣній въ этомъ обстоятельствѣ не можетъ быть никакихъ.

Митя былъ страшно пораженъ.

— Да это же невозможно, господа! вскричалъ онъ совершенно потерявшись, я... я не входилъ... я положительно, я съ точностью вамъ говорю, что дверь была заперта все время пока я былъ въ саду и когда я убѣгалъ изъ сада. Я только подъ окномъ стоялъ и въ окно его видѣлъ, и только, только... До послѣдней минуты помню. Да хоть-бы и не помнилъ, то все равно знаю, потому что *знаки* только и извѣстны были что мнѣ да Смердякову, да ему, покойнику, а онъ, безъ знаковъ, никому бы въ мирѣ не отворилъ!

— Знаки? Какіе же это знаки? съ жаднымъ, почти истерическимъ любопытствомъ проговорилъ прокуроръ, и въ мигъ потерялъ всю сдержанную свою осанку. Онъ спросилъ какъ бы робко подползая. Онъ почуялъ важный фактъ ему

еще неизвѣстный, и тотчасъ же почувствовалъ величайшій страхъ что Митя можетъ быть не захочетъ открыть его въ полнотѣ.

— А вы и не знали! подмигнуль ему Митя, насмѣшливо и злобно улыбнувшись. — А чтò коль не скажу? Отъ кого тогда узнать? Знали вѣдь о знакахъ-то покойникъ, я, да Смердяковъ, вотъ и всѣ, да еще небо знало, да оно вѣдь вамъ не скажетъ. А фактикъ то любопытный, чортъ знаетъ чтò на немъ можно соорудить, ха-ха! Утѣштесь, господа, открою, глупости у васъ на умѣ. Не знаете вы съ кѣмъ имѣете дѣло! Вы имѣете дѣло съ такимъ подсудимымъ который самъ на себя показываетъ, во вредъ себѣ показываетъ! Да-съ, ибо я рыцарь чести, а вы—нѣтъ!

Прокуроръ скушалъ всѣ пилюли, онъ лишь дрожалъ отъ нетерпѣнія узнать про новый фактъ. Митя точно и пространно изложилъ имъ все чтò касалось знаковъ, избрѣтенныхъ Федоромъ Павловичемъ для Смердякова, рассказалъ чтò именно означалъ каждый стукъ въ окно, простучалъ даже эти знаки по столу и на вопросъ Николая Пареевича: что стало быть и онъ, Митя, когда стучалъ старику въ окно, то простучалъ именно тотъ знакъ, который означалъ: «Грушенька пришла» — отвѣтилъ съ точностью, что именно точно такъ и простучалъ, что дескать «Грушенька пришла».

— Вотъ вамъ, теперь сооружайте башню! оборвалъ Митя и съ презрѣнiемъ опять отъ нихъ отвернулся.

— И знали про эти знаки только покойный родитель вашъ, вы и слуга Смердяковъ? И никто болѣе? еще разъ освѣдомился Николай Пареевичъ.

— Да, слуга Смердяковъ и еще небо. Запишите и про небо; это будетъ не лишнимъ записать. Да и вамъ самимъ Богъ понадобится.

И ужь конечно стали записывать, но когда записывали, то прокуроръ вдругъ, какъ-бы совсѣмъ внезапно наткнувшись на новую мысль проговорилъ:

— А вѣдь если зналъ про эти знаки и Смердяковъ, а вы радикально отвергаете всякое на себя обвиненіе въ смерти вашего родителя, то вотъ не онъ-ли, простучавъ условленные знаки, заставилъ вашего отца отпереть себѣ, а затѣмъ и... совершилъ преступленіе?

Митя глубоко насмѣшливымъ, но въ тоже время и страшно ненавистнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ долго и молча, такъ что у прокурора глаза замигали.

— Опять поймали лисицу! проговорилъ наконецъ Митя,—прищемили мерзавку за хвостъ, хе-хе! Я вижу васъ насквозь, прокуроръ! Вы вѣдь такъ и думали, что я сейчасъ вскочу, уцѣплюсь за то что вы мнѣ подсказываете и закричу во все горло: «Ай, это Смердяковъ, вотъ убійца!» Признайтесь, что вы это думали, признайтесь, тогда буду продолжать.

Но прокуроръ не признался. Онъ молчалъ и ждалъ.

— Ошиблись, не закричу на Смердякова! сказалъ Митя.

— И даже не подозреваете его вовсе?

— А вы подозреваете?

— Подозрѣвали и его.

Митя уткнулся глазами въ полъ.

— Шутки въ сторону, проговорилъ онъ мрачно,—слушайте: Съ самаго начала, вотъ почти еще тогда когда я выбѣжалъ къ вамъ давеча изъ за этой занавѣски, у меня мелькнула ужь эта мысль: «Смердяковъ!» Здѣсь я сидѣлъ за столомъ и кричалъ, что неповиненъ въ крови, а самъ все думаю: «Смердяковъ!» И не отставалъ Смердяковъ отъ души. Наконецъ теперь подумалъ вдругъ тоже: «Смердя-

ковъ», но лишь на секунду: тотчасъ-же рядомъ подумалъ: «Нѣтъ, не Смердяковъ!» Не его это дѣло, господа!

— Не подозрѣваете-ли вы въ такомъ случаѣ и еще какое другое лицо? осторожно спросилъ было Николай Пареновичъ.

— Не знаю, кто или какое лицо, рука небесъ или сатана, но... не Смердяковъ! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Но почему-же вы такъ твердо и съ такою настойчивостью утверждаете что не онъ?

— По убѣжденію. По впечатлѣнію. Потому что Смердяковъ человѣкъ низжайшей природы и трусъ. Это не трусъ, это совокупленіе всѣхъ трусостей въ мірѣ вмѣстѣ взятыхъ, ходящее на двухъ ногахъ. Онъ родился отъ курицы. Говоря со мной онъ трепеталъ каждый разъ чтобъ я не убилъ его, тогда какъ я и руки не подымалъ. Онъ падалъ мнѣ въ ноги и плакалъ, онъ цаловалъ мнѣ вотъ эти самые сапоги, буквально, умоляя, чтобъ я его «не пугалъ». Слышите: «Не пугалъ» — что это за слово такое? А я его даже дарилъ. Это болѣзненная курица въ падучей болѣзни, со слабымъ умомъ и которую прибьетъ восьмилѣтній мальчишка. Развѣ это натура? Не Смердяковъ, господа, да и денегъ не любить, подарковъ отъ меня вовсе не бралъ... Да и за что ему убивать старика? Вѣдь онъ, можетъ быть, сынъ его, побочный сынъ, знаете вы это?

— Мы слышали эту легенду. Но вѣдь вотъ и вы же сынъ отца вашего, а вѣдь говорили-же всѣмъ сами же вы, что хотѣли убить его.

— Камень въ огородъ! И камень низкій, скверный! Не боюсь! О, господа, можетъ быть вамъ слишкомъ подло мнѣ же въ глаза говорить это! Потому подло; что я это самъ говорилъ вамъ. Не только хотѣлъ, но и могъ убить, да еще на себя добровольно натащилъ что чуть не убилъ!

Но вѣдь не убилъ же его, вѣдь спасъ же меня ангелъ хранитель мой,—вотъ этого-то вы и не взяли въ соображеніе... А потому вамъ и подло, подло! Потому что я не убилъ, не убилъ, не убилъ! Слышите, прокуроръ: не убилъ!

Онъ чуть не задохся. Во все время допроса онъ еще ни разу не былъ въ такомъ волненіи.

— А что онъ вамъ сказалъ, господа, Смердяковъ-то? заключилъ онъ вдругъ помолчавъ. — Могу я про это спросить у васъ?

— Вы обо всемъ насъ можете спрашивать, съ холоднымъ и строгимъ видомъ отвѣтилъ прокуроръ,—обо всемъ что касается фактической стороны дѣла, а мы, повторяю это, даже обязаны удовлетворять васъ на каждый вопросъ. Мы нашли слугу Смердякова, о которомъ вы спрашиваете, лежащимъ безъ памяти на своей постели въ чрезвычайно сильномъ, можетъ быть въ десятый разъ сряду повторявшемся припадкѣ падучей болѣзни. Медикъ, бывший съ нами, освидѣтельствовавъ больного, сказалъ даже намъ, что онъ не доживетъ, можетъ быть, и до утра.

— Ну, въ такомъ случаѣ отца чортъ убилъ! сорвалось вдругъ у Мити, какъ будто онъ даже до сей минуты спрашивалъ все себя: «Смердяковъ или не Смердяковъ»?

— Мы еще къ этому факту воротимся, порѣшилъ Николай Парѣеновичъ,—теперь же не пожелаєте-ли вы продолжать ваше показаніе далѣе.

Митя попросилъ отдохнуть. Ему вѣжливо позволили. Отдохнувъ, онъ сталъ продолжать. Но было ему видимо тяжело. Онъ былъ измученъ, оскорбленъ и потрясенъ нравственно. Къ тому-же прокуроръ, теперь уже точно нарочно, сталъ поминутно раздражать его прицѣпкой къ «мелочамъ». Едва только Митя описалъ, какъ онъ, сидя верхомъ на заборѣ, ударилъ по головѣ пестикомъ вцѣпившагося въ его

лѣвую ногу Григорія и затѣмъ тотчасъ-же соскочилъ къ поверженному, какъ прокуроръ остановилъ его и попросилъ описать подробнѣе, какъ онъ сидѣлъ на заборѣ. Митя удивился.

— Ну, вотъ такъ сидѣлъ, верхомъ сидѣлъ, одна нога тамъ, другая тутъ...

— А пестикъ?

— Пестикъ въ рукахъ.

— Не въ карманѣ? Вы это такъ подробно помните? Что-жь, вы сильно размахнулись рукой?

— Должно быть что сильно, а вамъ это зачѣмъ?

— Еслибъ вы сѣли на стулъ точно такъ какъ тогда на заборѣ, и представили-бы намъ наглядно, для уясненія, какъ и куда размахнулись, въ какую сторону?

— Да ужъ вы не насмѣхаетесь-ли надо мной, спросилъ Митя высокомерно глянувъ на допрощика, но тотъ не мигнулъ даже глазомъ. Митя судорожно повернулся, сѣлъ верхомъ на стулъ и размахнулся рукой:

— Вотъ какъ ударилъ! Вотъ какъ убилъ! Чего вамъ еще?

— Благодарю васъ. Не потрудитесь-ли вы теперь объяснить: для чего собственно соскочили внизъ, съ какою цѣлью, и что собственно имѣя въ виду?

— Ну, чортъ... къ поверженному соскочилъ... Не знаю для чего!

— Бывши въ такомъ волненіи? И убѣгая?

— Да, въ волненіи и убѣгая.

— Помочь ему хотѣли?

— Какое помочь... Да, можетъ и помочь, не помню.

— Не помнили себя? То есть были даже въ нѣкоторомъ безпамятствѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не въ безпамятствѣ, все помню.

Все до нитки. Соскочилъ поглядѣть и платкомъ кровь ему обтиралъ.

— Мы видѣли вашъ платокъ. Надѣялись возвратить поверженнаго вами къ жизни?

— Не знаю, надѣялся-ли? Просто убѣдиться хотѣлъ, живъ или нѣтъ.

— А, такъ хотѣли убѣдиться? Ну и что-жь?

— Я не медикъ, рѣшить не могъ. Убѣждалъ думая что убилъ, а вотъ онъ очнулся.

— Прекрасно-съ, закончилъ прокуроръ.—Благодарю васъ. Мнѣ только и нужно было. Потрудитесь продсѣлать далѣе.

Увы, Митѣ и въ голову не пришло рассказать, хотя онъ и помнилъ это, что соскочилъ онъ изъ жалости, и, ставъ надъ убитымъ, произнесъ даже нѣсколько жалкихъ словъ: «попался старику, нечего дѣлать, ну и лежи». Прокуроръ же вывелъ лишь одно заключеніе, что соскакивалъ человѣкъ, «въ такой моментъ и въ такомъ волненіи» лишь для того только, чтобы навѣрное убѣдиться: живъ или нѣтъ *единственный* свидѣтель его преступленія. И что стало быть какова-же была сила, рѣшимость, хладнокровіе и расчетливость человѣка даже въ такой моментъ... и проч. и проч. Прокуроръ былъ доволенъ: «раздражилъ де болѣзненнаго человѣка «мелочами», онъ и проговорился».

Митя съ мученіемъ продолжалъ далѣе. Но тотчасъ же остановилъ его опять уже Николай Парѣновичъ:

— Какимъ же образомъ могли вы вбѣжать къ служанкѣ Федосѣ Марковой, имѣя столь окровавленные руки и, какъ оказалось потомъ, лицо?

— Да я вовсе тогда и не замѣтилъ что я въ крови! отвѣтилъ Митя.

— Это они правдоподобно, это такъ и бываетъ, переглянулся прокуроръ съ Николаемъ Парѣновичемъ.

— Именно не замѣтилъ, это вы прекрасно, прокуроръ, одобрилъ вдругъ и Митя. Но далѣе пошла исторія внезапнаго рѣшенія Мити «устраниться» и «пропустить счастливыхъ мимо себя». И онъ уже никакъ не могъ, какъ давеча, рѣшиться вновь разоблачать свое сердце и рассказывать про «царицу души своей». Ему претило предъ этими холодными «впивающимися въ него какъ клопы» людьми. А потому на повторенные вопросы заявилъ кратко и рѣзко:

— Ну и рѣшился убить себя. Зачѣмъ было оставаться жить: это само собой въ вопросъ вскакивало. Явился ея прежній, безспорный, ея обидчикъ, но прискакавшій съ любовью послѣ пяти лѣтъ завершить законнымъ бракомъ обиду. Ну и понялъ, что все для меня пропало... А сзади позоръ, и вотъ эта кровь, кровь Григорія... Зачѣмъ же жить? Ну и пошелъ выкупать заложенные пистолеты, чтобы зарядить и къ разсвѣту себѣ пулю въ башку всадить...

— А ночью пиръ горой?

— Ночью пиръ горой. Э, чортъ, господа, кончайте скорѣй. Застрѣлиться я хотѣлъ навѣрно, вотъ тутъ недалеко, за околицей и распорядился бы съ собою часовъ въ пять утра, а въ карманѣ бумажку приготовилъ, у Перхотина написалъ, когда пистолеть зарядилъ. Вотъ она бумажка, читайте. Не для васъ рассказываю! прибавилъ онъ вдругъ презрительно. Онъ выбросилъ имъ на столъ бумажку изъ жилетнаго своего кармана; слѣдователи прочли съ любопытствомъ и, какъ водится, приобщили къ дѣлу.

— А руки все еще не подумали вымыть, даже и входя къ господину Перхотину? Не опасались стало быть подозрѣній?

— Какихъ такихъ подозрѣній? Подозрѣвай — хоть нѣтъ, все равно, я бы сюда ускакалъ и въ пять часовъ застрѣлился, и ничего бы не успѣли сдѣлать. Вѣдь еслибы не

случай съ отцомъ, вѣдь вы бы ничего не узнали и сюда не прибыли. О, это чортъ сдѣлалъ, чортъ отца убилъ, черезъ чорта и вы такъ скоро узнали! Какъ сюда-то такъ скоро поспѣли? Диво, фантазія!

— Господинъ Перхотинъ передалъ намъ, что вы, войдя къ нему, держали въ рукахъ... въ окровавленныхъ рукахъ... ваши деньги... большія деньги... пачку сторублевыхъ бумажекъ, и что видѣлъ это и служившій ему мальчикъ!

— Такъ, господа, помнится, что такъ.

— Теперь встрѣчается одинъ вопросикъ. Не можете ли вы сообщить, чрезвычайно мягко началъ Николай Парѣновичъ,—откуда вы взяли вдругъ столько денегъ, тогда какъ изъ дѣла оказывается по расчету времени даже что вы не заходили домой?

Прокуроръ немножко поморщился отъ вопроса поставленнаго такъ ребромъ, но не прервалъ Николая Парѣновича.

— Нѣтъ, не заходилъ домой, отвѣтилъ Митя, повидимому очень спокойно, но глядя въ землю.

— Позвольте же повторить вопросъ въ такомъ случаѣ, какъ-то подползая продолжалъ Николай Парѣновичъ.—Откуда же вы могли разомъ достать такую сумму, когда по собственному признанію вашему еще въ пять часовъ того дня...

— Нуждался въ десяти рубляхъ и заложилъ пистолеты у Перхотина, потомъ ходилъ къ Хохлаковой за тремя тысячами, а та не дала, и пр. и всякая эта всячина, рѣзко прервалъ Митя,—да, вотъ, господа, нуждался, а тутъ вдругъ тысячи появились, а? Знаете, господа, вѣдь вы оба теперь трусите: а что какъ не скажетъ откуда взялъ? Такъ и есть: не скажу, господа, угадали, не узнаете, отчебанилъ вдругъ Митя съ чрезвычайною рѣшимостью. Слѣдователи капельку помолчали.

— Поймите, господинъ Карамазовъ, что намъ это знать существенно необходимо, тихо и смиренно проговорилъ Николай Пареевичъ.

— Понимаю, а всетаки не скажу.

Ввязался и прокуроръ и опять напомнилъ, что допрашиваемый, конечно, можетъ не отвѣчать на вопросы, если считаетъ для себя это выгоднѣйшимъ и т. д., но въ видахъ того, какой ущербъ подозрѣваемый можетъ самъ нанести себѣ своимъ умолчаніемъ и особенно въ виду вопросовъ такой важности, которая...

— И такъ далѣе, господа, и такъ далѣе! Довольно, слышалъ эту рацею и прежде! опять оборвалъ Митя, — самъ понимаю какой важности дѣло, и что тутъ самый существенный пунктъ, а всетаки не скажу.

— Вѣдь намъ что-съ, это вѣдь не наше дѣло, а ваше, сами себѣ повредите, нервно замѣтилъ Николай Пареевичъ.

— Видите, господа, шутки въ сторону, вскинулся глазами Митя и твердо посмотрѣлъ на нихъ обоихъ. — Я съ самаго начала уже предчувствовалъ, что мы на этомъ пунктѣ сшибемся лбами. Но въ началѣ, когда я давеча началъ показывать, все это было въ дальнѣйшемъ туманѣ, все плавало, и я даже былъ такъ простъ, что началъ съ предложенія «взаимнаго между нами довѣрія». Теперь самъ вижу, что довѣрія этого и быть не могло, потому что все же бы мы пришли къ этому проклятому забору! Ну, вотъ и пришли! Нельзя и кончено! Впрочемъ, я вѣдь васъ не виню, нельзя же и вамъ мнѣ вѣрить на слово, я вѣдь это понимаю!

Онъ мрачно замолчалъ.

— А не могли ли бы вы, не нарушая нисколько вашей рѣшимости умолчать о главнѣйшемъ, не могли ли бы

вы въ тоже время дать намъ хоть малѣйшій намекъ на то: какіе именно столь сильные мотивы могли бы привести васъ къ умолчанію въ столь опасный для васъ моментъ настоящихъ показаній?

Митя грустно и какъ-то задумчиво усмѣхнулся.

— Я гораздо добрѣ чѣмъ вы думаете, господа, я вамъ сообщу почему, и дамъ этотъ намекъ, хотя вы того и не стоите. Потому, господа, умалчиваю, что тутъ для меня позоръ. Въ отвѣтъ на вопросъ: откуда взялъ эти деньги заключень для меня такой позоръ, съ которымъ не могло бы сравняться даже и убійство, и ограбленіе отца, еслибъ я его убилъ и ограбилъ. Вотъ почему не могу говорить. Отъ позора не могу. Чтò вы это, господа, записывать хотите?

— Да, мы запишемъ, пролепеталъ Николай Пареевичъ.

— Вамъ бы не слѣдовало это записывать, про «позоръ» то. Это я вамъ по добротѣ только души показалъ, а могъ и не показывать, я вамъ, такъ сказать, подарилъ, а вы сейчасъ лыко въ строку. Ну пишите, пишите чтò хотите, презрительно и брезгливо заключилъ онъ, — не боюсь я васъ и... горжусь предъ вами.

— А не скажете ли вы какого бы рода этотъ позоръ? пролепеталъ было Николай Пареевичъ.

Прокуроръ ужасно наморщился.

— Ни-ни, *c'est fini*, не трудитесь. Да и не стòитъ мараться. Ужь и такъ объ васъ замарался. Не стòите вы, ни вы и никто... Довольно, господа, обрываю.

Проговорено было слишкомъ рѣшительно. Николай Пареевичъ пересталъ настаивать, но изъ взглядовъ Иполита Кирилловича мигомъ успѣлъ усмотрѣть, что тотъ еще не теряетъ надежды.

— Не можете ли по крайней мѣрѣ объявить: какой величины была сумма въ рукахъ вашихъ, когда вы вошли съ ней къ господину Перхотину, то есть сколько именно рублей?

— Не могу и этого объявить.

— Господину Перхотину вы, кажется, заявляли о трехъ тысячахъ, будто бы полученныхъ вами отъ госпожи Хохлаковой?

— Можетъ быть и заявилъ. Довольно, господа, не скажу сколько.

— Потрудитесь въ такомъ случаѣ описать, какъ вы сюда поѣхали и все что вы сдѣлали сюда пріѣхавъ?

— Охъ, объ этомъ спросите всѣхъ здѣшнихъ. А впрочемъ, пожалуй и я расскажу.

Онъ разсказалъ, но мы уже приводить разсказа не будемъ. Разсказывалъ сухо, бѣгло. О восторгахъ любви своей не говорилъ вовсе. Разсказалъ однако какъ рѣшимость застрѣлиться въ немъ прошла «въ виду новыхъ фактовъ». Онъ разсказывалъ не мотивируя, не вдаваясь въ подробности. Да и слѣдователи не очень его на этотъ разъ беспокоили: ясно было, что и для нихъ не въ томъ состоитъ теперь главный пунктъ.

— Мы это все провѣримъ, ко всему еще возвратимся при допросѣ свидѣтелей, который будетъ, конечно, происходить въ вашемъ присутствіи, заключилъ допросъ Николай Парѣновичъ.—Теперь же позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, выложить сюда на столъ всѣ ваши вещи, находящіяся при васъ, а главное всѣ деньги, какія только теперь имѣете.

— Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь даже какъ раньше не любопытствовали. Правда, нигуда бы не ушелъ, на виду сижу. Ну, вотъ онѣ, мои деньги, вотъ считайте, берите, всѣ кажется.

Онъ вынулъ все изъ кармановъ, даже мелочь, два двугривенныхъ вытащилъ изъ бокового жилетнаго кармана. Сосчитали деньги, оказалось восемьсотъ тридцать шесть рублей сорокъ копѣекъ.

— И это все? спросилъ слѣдователь.

— Все.

— Вы изволили сказать сейчасъ, дѣлая показанія ваши, что въ лавкѣ Плотниковыхъ оставили триста рублей, Перхотину дали десять, ямщику двадцать, здѣсь проиграли двѣсти, потомъ...

Николай Парѣновичъ пересчиталъ все. Митя помогъ охотно. Припомнили и включили въ счетъ всякую копѣйку. Николай Парѣновичъ бѣгло свелъ итогъ.

— Съ этими восьмьюстами было стало быть всего у васъ первоначально около полутора тысячъ?

— Стало быть, отрѣзалъ Митя.

— Какъ же всѣ утверждаютъ что было гораздо болѣе?

— Пусть утверждаютъ.

— Да и вы сами утверждали.

— И я самъ утверждалъ.

— Мы еще провѣримъ все это свидѣтельствами еще не спрошенныхъ другихъ лицъ; о деньгахъ вашихъ не беспокойтесь, онѣ сохранятся гдѣ слѣдуетъ и окажутся къ вашимъ услугамъ по окончаніи всего... начавшагося... если окажется или, такъ сказать, докажется что вы имѣете на нихъ неоспоримое право. Ну-съ, а теперь...

Николай Парѣновичъ вдругъ всталъ и твердо объявилъ Митѣ, что «принужденъ и долженъ» учинить самый подробный и точнѣйшій осмотръ «какъ платя вашего, такъ и всего»...

— Извольте, господа, всѣ карманы выверну если хотите.

И онъ дѣйствительно принялся было вывертывать карманы.

— Необходимо будетъ даже снять одежду.

— Какъ? Раздѣться? Фу чортъ! Да общите такъ? Нельзя-ли такъ?

— Ни за чтò нельзя, Дмитрій Ѳедоровичъ. Надо одежду снять.

— Какъ хотите, мрачно подчинился Митя, — только пожалуста не здѣсь, а за занавѣсками. Кто будетъ осматривать?

— Конечно за занавѣсками, въ знакъ согласія наклонилъ голову Николай Парѣновичъ. Личико его изобразило особенную даже важность.

VI.

Прокуроръ поймалъ Митю.

Началось нѣчто совсѣмъ для Мити неожиданное и удивительное. Онъ ни за чтò бы не могъ прежде, даже за минуту предъ симъ, предположить чтобы такъ могъ кто нибудь обойтись съ нимъ, съ Митей Карамазовымъ! Главное, явилось нѣчто унижительное, а съ ихъ стороны «высокомѣрное и къ нему презрительное». Еще ничего бы снять сюртукъ, но его попросили раздѣться и далѣе. И не то что попросили, а въ сущности приказали; онъ это стлично понималъ. Изъ гордости и презрѣнія онъ подчинился вполнѣ, безъ словъ. За занавѣску вошли кромѣ Николая Парѣновича, и прокуроръ, присутствовали и нѣсколько мужиковъ, «конечно для силы,» подумалъ Митя, «а можетъ и еще для чего-нибудь».

— Чтò-жь, неужели и рубашку снимать? рѣзко спро-

силъ было онъ, но Николай Парѣновичъ ему не отвѣтилъ: онъ вмѣстѣ съ прокуроромъ былъ углубленъ въ разсматриваніе сюртука, панталонъ, жилета и фуражки, и видно было что оба они очень заинтересовались осмотромъ: «Совѣмъ не церемонятся,» мелькнуло у Мити, «даже вѣжливости необходимой не наблюдаютъ.»

— Я васъ спрашиваю во второй разъ: надо или нѣтъ снимать рубашку? проговорилъ онъ еще рѣзче и раздражительно.

— Не беспокойтесь, мы васъ увѣдомимъ, какъ-то начальственно даже отвѣтилъ Николай Парѣновичъ. По крайней мѣрѣ Митѣ такъ показалось.

Между слѣдователемъ и прокуроромъ шло между тѣмъ заботливое совѣщаніе въ полголоса. Оказались на сюртукѣ, особенно на лѣвой полѣ, сзади, огромныя пятна крови, засохшія, заскорузлыя и не очень еще размятыя. На панталонахъ тоже. Николай Парѣновичъ, кромѣ того, собственноручно, въ присутствіи понятыхъ, прошелъ пальцами по воротнику, по обшлагамъ и по всѣмъ швамъ сюртука и панталонъ, очевидно чего-то отыскивая,—конечно денегъ. Главное, не скрывали отъ Мити подозрѣній что онъ могъ и способенъ былъ зашить деньги въ платье. «Это ужъ прямо какъ съ воромъ, а не какъ съ офицеромъ,» проворчалъ онъ про себя. Сообщали же другъ другу мысли свои при немъ до странности откровенно. Напримѣръ, письмоводитель, очутившійся тоже за занавѣской, суетившійся и прислуживавшій, обратилъ вниманіе Николая Парѣновича на фуражку, которую тоже ощупали:» Помните Гриденку писаря-съ, замѣтилъ письмоводитель: лѣтомъ жалованье ѣздилъ получать на всю канцелярію, а вернувшись, заявилъ, что потерялъ въ пьяномъ видѣ,—такъ гдѣ же нашли? Вотъ въ этихъ самыхъ кантикахъ, въ фуражкѣ-съ, сторублевыя

были свернуты трубочками-съ и въ кантики зашиты.» Фактъ съ Гриденкой очень помнили и слѣдователь и прокуроръ, а потому и Митину фуражку отложили и рѣшили что все это надо будетъ потомъ пересмотрѣть серіозно, да и все платье.

— Позвольте, вскрикнулъ вдругъ Николай Парѣеновичъ, замѣтивъ ввернутый внутрь правый обшлагъ праваго рукава рубашки Мити, весь залитый кровью, — позвольте-съ, это какъ-же, кровь?

— Кровь, отрѣзалъ Митя.

— То есть это какая же-съ... и почему ввернуто внутрь рукава?

Митя рассказалъ какъ онъ запачкалъ обшлагъ, взясь съ Григоріемъ, и ввернулъ его внутрь еще у Перхотина, когда мыль у него руки.

— Рубашку вашу тоже придется взять, это очень важно... для вещественныхъ доказательствъ. Митя покраснѣлъ и разсвирѣпѣлъ.

— Что жъ мнѣ голымъ оставаться! крикнулъ онъ.

— Не беспокойтесь... Мы какъ нибудь поправимъ это, а пока потрудитесь снять и носки.

— Вы не шутите? Это дѣйствительно такъ необходимо? сверкнулъ глазами Митя.

— Намъ не до шутокъ, строго отпарировалъ Николай Парѣеновичъ.

— Что жъ, если надо... я... забормоталъ Митя и, сѣвъ на кровать, началъ снимать носки. Ему было нестерпимо конфузно: всѣ одѣты, а онъ раздѣтъ и, странно это, — раздѣтый, онъ какъ бы и самъ почувствовалъ себя предъ ними виноватымъ, и главное, самъ былъ почти согласенъ то дѣйствительно вдругъ сталъ всѣхъ ихъ ниже и что чеперь они уже имѣютъ полное право его презирать. «Коли

всѣ раздѣты, такъ не стыдно, а одинъ раздѣтъ, а всѣ смотреть—позоръ!» мелькало опять и опять у него въ умѣ: «Точно во снѣ, я во снѣ иногда такіе позоры надъ собою видываль.» Но снять носки ему было даже мучительно: они были очень не чисты, да и нижнее бѣлье тоже, и теперь это всѣ увидали. А главное, онъ самъ не любилъ свои ноги, почему-то всю жизнь находилъ свои большіе пальцы на обѣихъ ногахъ уродливыми, особенно одинъ грубый, плоскій, какъ-то загнувшійся внизъ ноготь на правой ногѣ, и вотъ теперь всѣ они увидятъ. Отъ нестерпимаго стыда онъ вдругъ сталъ еще болѣе и уже нарочно грубъ. Онъ самъ сорвалъ съ себя рубашку.

— Не хотите-ли и еще гдѣ поискать, если вамъ не стыдно?

— Нѣтъ-съ, пока не надо.

— Чтò жь мнѣ такъ и оставаться голымъ? свирѣпо прибавилъ онъ.

— Да, это пока необходимо.... Потрудитесь пока здѣсь присѣсть, можете взять съ кровати одѣяло и завернуться а я... я это все улажу.

Всѣ вещи показали понятнымъ, составили актъ осмотра и наконецъ Николай Парѣеновичъ вышелъ, а платье вынесли за нимъ. Ипполитъ Кирилловичъ тоже вышелъ. Остались съ Митей одни мужики и стояли молча, не спуская съ него глазъ. Митя завернулся въ одѣяло, ему стало холодно. Голыя ноги его торчали наружу и онъ все никакъ не могъ такъ напялить на нихъ одѣяло, чтобъ ихъ закрыть. Николай Парѣеновичъ что-то долго не возвращался, «истязательно долго», «за щенка меня почитаетъ», скрежеталъ зубами Митя. «Эта дрянь прокуроръ тоже ушелъ, вѣрно изъ презрѣнія, гадко стало смотрѣть на голаго». Митя все таки полагалъ что платье его тамъ гдѣ-то осмотрятъ и

принесуть обратно. Но каково же было его негодование, когда Николай Парёнович вдруг воротился совсѣмъ съ другимъ платьемъ, которое несъ за нимъ мужикъ.

— Ну, вотъ вамъ и платье, развязно проговорилъ онъ, повидимому очень довольный успѣхомъ своего хожденія.— Это господинъ Калгановъ жертвуетъ на сей любопытный случай, равно какъ и чистую вамъ рубашку. Съ нимъ все это къ счастію какъ разъ оказалось въ чемоданѣ. Нижнее бѣлье и носки можете сохранить свои.

Митя страшно вскипѣлъ:

— Не хочу чужаго платья! грозно закричалъ онъ,— давайте мое!

— Невозможно.

— Давайте мое, къ чорту Калганова, и его платье и его самого!

Его долго уговаривали. Кое какъ однако успокоили. Ему внушили что платье его, какъ запачканное кровью, должно «примкнуть къ собранію вещественныхъ доказательствъ,» оставить же его на немъ они теперь «не имѣютъ даже и права... въ видахъ того чѣмъ можетъ окончиться дѣло». Митя кое-какъ наконецъ это понялъ. Онъ мрачно замолчалъ и сталъ спѣша одѣваться. Замѣтилъ только, надѣвая платье, что оно богаче его стараго платья и что онъ бы не хотѣлъ «пользоваться». Кромѣ того «унизительно узко. Шута что ли я гороховаго долженъ въ немъ разыгрывать... къ вашему наслажденію!»

Ему опять внушили что онъ и тутъ преувеличиваетъ, что господинъ Калгановъ, хоть и выше его ростомъ, но лишь немного, и развѣ только вотъ панталоны выйдутъ длинноваты. Но сюртукъ оказался дѣйствительно узокъ въ плечахъ:

— Чортъ возьми, и застегнуться трудно, заворчалъ

снова Митя, — сдѣлайте одолженіе, извольте отъ меня сей же часъ передать господину Калганову, что не я просилъ у него его платья, и что меня самого перерядили въ шута.

— Онъ это очень хорошо понимаетъ и сожалѣетъ.... то есть не о платьѣ своемъ сожалѣетъ, а собственно обо всемъ этомъ случаѣ.... промямлилъ было Николай Парѣновичъ.

— Наплевать на его сожалѣніе! Ну куда теперь? Или все здѣсь сидѣть?

Его попросили выйти опять въ «ту комнату». Митя вышелъ хмурый отъ злобы и стараясь ни на кого не глядѣть. Въ чужомъ платьѣ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ опозореннымъ, даже предъ этими мужиками и Трифономъ Борисовичемъ, лицо котораго вдругъ зачѣмъ-то мелькнуло въ дверяхъ и исчезло: «На ряженаго заглянуть приходилъ,» подумалъ Митя. Онъ усѣлся на своемъ прежнемъ стулѣ. Мерещилось ему что-то кошмарное и нелѣпое, казалось ему что онъ не въ своемъ умѣ.

— Ну что-жь теперь, пороть розгами что ли меня начнете, вѣдь больше-то ничего не осталось, заскрежеталъ онъ, обращаясь къ прокурору. Къ Николаю Парѣновичу онъ и повернуться уже не хотѣлъ, какъ бы и говорить съ нимъ не удостоивая. «Слишкомъ ужъ пристально мои носки осматривалъ, да еще велѣлъ, подлець, выворотить, это онъ нарочно чтобы выставить всѣмъ какое у меня грязное бѣлье!»

— Да вотъ придется теперь перейти къ допросу свидѣтелей, произнесъ Николай Парѣновичъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Да-съ, вдумчиво проговорилъ прокуроръ, тоже какъ бы что-то соображая.

— Мы, Дмитрій Ѳедоровичъ, сдѣлали что могли въ вашихъ же интересахъ, продолжалъ Николай Парѣновичъ, —

но, получивъ столь радикальный съ вашей стороны отказъ разяснить намъ на счетъ происхожденія находившейся при васъ суммы, мы, въ данную минуту....

— Это изъ чего у васъ перстень? перебилъ вдругъ Митя, какъ бы выходя изъ какой-то задумчивости и указывая пальцемъ на одинъ изъ трехъ большихъ перстней украсившихъ правую ручку Николая Пароеновича.

— Перстень? переспросилъ съ удивленіемъ Николай Пароеновичъ.

— Да, вотъ этотъ.... вотъ на среднемъ пальцѣ, съ жилочками, какой это камень? какъ то раздражительно словно упрямый ребенокъ настаивалъ Митя.

— Это дымчатый топазъ, улыбнулся Николай Пароеновичъ, — хотите посмотрѣть, я сниму....

— Нѣтъ, нѣтъ не снимайте! свирѣпо кривнулъ Митя вдругъ опомнившись и озлившись на себя самого, — не снимайте, не надо.... Чортъ.... Господа, вы огадили мою душу! Неужели вы думаете что я сталъ бы скрывать отъ васъ, если бы въ самомъ дѣлѣ убилъ отца, вилять, лгать и прятаться? Нѣтъ, не таковъ Дмитрій Карамазовъ, онъ бы этого не вынесъ, и еслибъ я былъ виновенъ, клянусь, не ждалъ бы вашего сюда прибытія и восхода солнца, какъ намѣревался сначала, а истребилъ бы себя еще прежде, еще не дожидаясь разсвѣта! Я чувствую это теперь по себѣ. Я въ двадцать лѣтъ жизни не научился бы столькому сколько узналъ въ эту проклятую ночь!... И таковъ ли, таковъ ли былъ бы я въ эту ночь, и въ эту минуту теперь, сидя съ вами, — такъ ли бы я говорилъ, такъ ли двигался, такъ ли бы смотрѣлъ на васъ и на міръ, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ отцеубійцей, когда даже нечаянное это убійство Григорія не давало мнѣ покоя всю ночь, — не отъ страха, о! не отъ одного только страха вашего наказанія! Позоръ!

И вы хотите чтобъ я такимъ насмѣшникамъ какъ вы, ничего не видящимъ и ничему не вѣрящимъ, слѣпымъ кротамъ и насмѣшникамъ сталъ открывать и рассказывать еще новую подлость мою, еще новый позоръ, хотя бы это и спасло меня отъ вашего обвиненія? Да лучше въ каторгу! Тотъ который отперъ къ отцу дверь и вошелъ этою дверью, тотъ и убилъ его, тотъ и обокралъ. Кто онъ—я теряюсь и мучаюсь, но это не Дмитрій Карамазовъ, знайте это, и вотъ все что я могу вамъ сказать, и довольно, не приставайте. . . Ссылайте, казните, но не раздражайте меня больше. Я замолчалъ. Зовите вашихъ свидѣтелей!

Митя проговорилъ свой внезапный монологъ какъ бы со всѣмъ уже рѣшившись впредь окончательно замолчать. Прокуроръ все время слѣдилъ за нимъ и, только что онъ замолчалъ, съ самымъ холоднымъ и съ самымъ спокойнымъ видомъ вдругъ проговорилъ точно самую обыкновенную вещь:

— Вотъ именно по поводу этой отворенной двери, о которой вы сейчасъ упомянули, мы, и какъ разъ кстати, можемъ сообщить вамъ, именно теперь, одно чрезвычайно любопытное и въ высшей степени важное, для васъ и для насъ, показаніе раненаго вами старика Григорія Васильева. Онъ ясно и настойчиво передалъ намъ очнувшись, на разспросы наши, что въ то еще время, когда, выйдя на крыльцо и заслышавъ въ саду нѣкоторый шумъ, онъ рѣшился войти въ садъ черезъ калитку, стоявшую отпертою, то, войдя въ садъ, еще прежде чѣмъ замѣтилъ васъ въ темнотѣ убѣгающаго, какъ вы сообщили уже намъ, отъ отвореннаго окошка, въ которомъ видѣли вашего родителя, онъ, Григорій, бросивъ взглядъ налѣво и замѣтивъ дѣйствительно это отворенное окошко, замѣтилъ въ тоже время, гораздо ближе къ себѣ, и настезъ отворенную дверь, про которую вы заявили что она все время, какъ вы были въ

саду, оставалась запертою. Не скрою отъ васъ, что самъ Васильевъ твердо заключаетъ и свидѣтельствуемъ, что вы должны были выбѣжать изъ двери, хотя конечно онъ своими глазами и не видалъ какъ вы выбѣгали, запримѣтивъ васъ въ первый моментъ уже въ нѣкоторомъ отъ себя отдаленіи, среди сада, убѣгающаго къ сторонѣ забора....

Митя еще съ половины рѣчи вскочилъ со стула.

— Вздоръ! завопилъ онъ вдругъ въ изступленіи, — наглый обманъ! Онъ не могъ видѣть отворенную дверь, потому что она была тогда заперта.... Онъ лжетъ!

— Долгомъ считаю вамъ повторить что показаніе его твердое. Онъ не колеблется. Онъ стоитъ на немъ. Мы нѣсколько разъ его переспрашивали.

— Именно, я нѣсколько разъ переспрашивалъ! съ жаромъ подтвердилъ и Николай Парѣновичъ.

— Неправда, неправда! Это или клевета на меня или галлюцинація сумасшедшаго, продолжалъ кричать Митя: — просто за просто въ бреду, въ крови, отъ раны, ему померещилось когда очнулся.... Вотъ онъ и бредитъ.

— Да-съ, но вѣдь замѣтилъ онъ отпертую дверь не когда очнулся отъ раны, а еще прежде того, когда только онъ входилъ въ садъ изъ флигеля.

— Да неправда же, неправда, это не можетъ быть! Это онъ со злобы на меня клеветаетъ... Онъ не могъ видѣть.... Я не выбѣгалъ изъ двери, задыхался Митя.

Прокуроръ повернулся къ Николаю Парѣновичу и внушительно проговорилъ ему:

— Предъявите.

— Знакомъ вамъ этотъ предметъ? выложилъ вдругъ Николай Парѣновичъ на столъ большой, изъ толстой бумаги, канцелярскаго размѣра конвертъ, на которомъ виднѣлись еще три сохранившіяся печати. Самый же конвертъ

былъ пустъ и съ одного бока разорванъ. Митя выпучилъ на него глаза.

— Это... это отцовскій стало быть конвертъ, пробормоталъ онъ,—тотъ самый въ которомъ лежали эти три тысячи .. и, если надпись, позвольте: «Цыпленочку».... вотъ: три тысячи,—вскричалъ онъ,—три тысячи, видите?

— Какже-съ, видимъ, но мы денегъ уже въ немъ не нашли, онъ былъ пустой и валялся на полу, у кровати, за ширмами.

Нѣсколько секундъ Митя стоялъ какъ ошеломленный.

— Господа, это Смердяковъ! закричалъ онъ вдругъ изо всей силы, — это онъ убилъ, онъ ограбилъ! Только онъ одинъ и зналъ гдѣ спрятанъ у старика конвертъ... Это онъ, теперь ясно!

— Но вѣдь и вы же знали про конвертъ и о томъ что онъ лежитъ подъ подушкой.

— Никогда не зналъ: я и не видѣлъ никогда его вовсе, въ первый разъ теперь вижу, а прежде только отъ Смердякова слышалъ. . Онъ одинъ зналъ гдѣ у старика спрятанъ, а я не зналъ... совсѣмъ задыхался Митя.

— И однако жъ вы сами показали намъ давеча что конвертъ лежалъ у покойнаго родителя подъ подушкой. Вы именно сказали что подъ подушкой, стало быть знали же гдѣ лежалъ.

— Мы такъ и записали! подтвердилъ Николай Пареевичъ.

— Вздоръ, нелѣпость! Я совсѣмъ не зналъ что подъ подушкой. Да можетъ быть вовсе и не подъ подушкой... Я наобумъ сказалъ что подъ подушкой... Чтò Смердяковъ говорить? Вы его спрашивали гдѣ лежалъ? Чтò Смердяковъ говорить? Это главное... А я нарочно налгалъ на себя... Я вамъ совралъ не думавши что лежалъ подъ подушкой, а

вы теперь... Ну знаете, сорвется съ языка и соврешь. А зналъ одинъ Смердяковъ, только одинъ Смердяковъ и никто больше!... Онъ и мнѣ не открылъ гдѣ лежитъ! Но это онъ, это онъ; это несомнѣнно онъ убилъ, это мнѣ теперь ясно какъ свѣтъ, восклицалъ все болѣе и болѣе въ изступленіи Митя, безсвязно повторяясь, горячася и ожесточаясь.—Поймите вы это и арестуйте его скорѣе, скорѣй... Онъ именно убилъ когда я убѣждалъ и когда Григорій лежалъ безъ чувствъ, это теперь ясно... Онъ подалъ знаки и отецъ ему отперъ... Потому что только онъ одинъ и зналъ знаки, а безъ знаковъ отецъ бы никому не отперъ...

— Но опять вы забываете то обстоятельство, все также сдержанно, но какъ бы уже торжествуя замѣтилъ прокуроръ, — что знаковъ и подавать было не надо если дверь уже стояла отпертою, еще при васъ, еще когда вы находились въ саду...

— Дверь, дверь, бормоталъ Митя и безмолвно устался на прокурора, онъ въ безсиліи опустилсѣ опять на стулъ. Всѣ замолчали.

— Да, дверь!... Это фантомъ! Богъ противъ меня! воскликнулъ онъ, совсѣмъ уже безъ мысли глядя предъ собою.

— Вотъ видите, важно проговорилъ прокуроръ,—и посудите теперь сами, Дмитрій Федоровичъ: съ одной стороны это показаніе объ отворенной двери, изъ которой вы выбѣжали, подавляющее васъ и насъ. Съ другой стороны -- непонятное, упорное и почти ожесточенное умолчаніе ваше на счетъ происхожденія денегъ вдругъ появившихся въ вашихъ рукахъ, тогда какъ еще за три часа до этой суммы вы, по собственному показанію, заложили пистолеты ваши чтобы получить только десять рублей! Въ виду всего этого рѣшите сами: чему же намъ вѣрить и на чемъ остановиться? И не

претендуйте на насъ что мы «холодные циники и насмѣшливые люди», которые не въ состояніи вѣрить благороднымъ порывамъ вашей души... Вникните напротивъ и въ наше положеніе...

Митя былъ въ невообразимомъ волненіи, онъ поблѣднѣлъ.

— Хорошо! воскликнулъ онъ вдругъ, — я открою вамъ мою тайну, открою откуда взялъ деньги!... Открою позоръ, чтобы не винить потомъ ни васъ, ни себя...

— И повѣрьте, Дмитрій Ѳедоровичъ, какимъ-то умиленно радостнымъ голоскомъ подхватилъ Николай Парѣновичъ, — что всякое искреннее и полное сознаніе ваше, сдѣланное именно въ теперешнюю минуту, можетъ въ послѣдствіи повліять къ безмѣрному облегченію участи вашей и даже, кромѣ того...

Но прокуроръ слегка толкнулъ его подъ столомъ и тотъ успѣлъ во время остановиться. Митя правда его и не слушалъ.

VI.

Великая тайна Мити. Освистали.

— Господа, началъ онъ все въ томъ же волненіи, — эти деньги... я хочу признаться вполнѣ... эти деньги были *мои*.

У прокурора и слѣдователя даже лица вытянулись, не того совсѣмъ они ожидали.

— Какъ же ваши, пролепеталъ Николай Парѣновичъ, — тогда какъ еще въ пять часовъ дня, по собственному признанію вашему...

— Э, къ чорту пять часовъ того дня и собственное

признание мое, не въ томъ теперь дѣло! Эти деньги были мои, мои, то есть краденныя мои... не мои то есть, а краденныя, мною украденныя, и ихъ было полторы тысячи, и онѣ были со мной, все время со мной....

— Да откуда же вы ихъ взяли?

— Съ шеи, господа, взялъ, съ шеи, вотъ съ этой самой моей шеи.... Здѣсь онѣ были у меня на шеѣ, зашиты въ тряпку и висѣли на шеѣ, уже давно, уже мѣсяць какъ я ихъ на шеѣ со стыдомъ и съ позоромъ носилъ!

— Но у кого же вы ихъ.... присвоили?

— Вы хотѣли сказать «украли»? Говорите теперь слова прямо. Да, я считаю что я ихъ все равно что укралъ, а если хотите, дѣйствительно «присвоилъ». Но по моему укралъ. А вчера вечеромъ такъ ужь совсѣмъ укралъ.

— Вчера вечеромъ? Но вы сейчасъ сказали что ужь мѣсяць какъ ихъ... достали!

— Да, но не у отца, не у отца, не безпокойтесь, не у отца укралъ, а у ней. Дайте рассказать и не перебивайте. Это вѣдь тяжело. Видите: мѣсяць назадъ призываетъ меня Катерина Ивановна Верховцева, бывшая невѣста моя... Знаете вы ее?

— Какже-съ, помилуйте.

— Знаю что знаете. Благороднѣйшая душа, благороднѣйшая изъ благородныхъ, но меня ненавидѣвшая давно уже, о, давно, давно.... и заслуженно, заслуженно ненавидѣвшая!

— Катерина Ивановна? съ удивленіемъ переспросилъ слѣдователь. Прокуроръ тоже ужасно уставился.

— О, не произносите имени ея всуе! Я подлець что ее вывожу. Да, я видѣлъ что она меня ненавидѣла... давно.... съ самаго перваго раза, съ самаго того у меня на квартирѣ еще тамъ.... Но довольно, довольно, это вы даже и знать недостойны, это не надо вовсе.... А надо лишь

то что она призвала меня мѣсяць назадъ, выдала мнѣ три тысячи чтобъ отослать своей сестрѣ и еще одной родственницѣ въ Москву (и какъ будто сама не могла послать!), а я... это было именно въ тотъ роковой часъ моей жизни, когда я... ну однимъ словомъ когда я только что полюбилъ другую, ее, теперешнюю, вонъ она у васъ теперь тамъ внизу сидитъ, Грушеньку... я схватилъ ее тогда сюда въ Мокрое и прокутилъ здѣсь въ два дня половину этихъ проглятыхъ трехъ тысячъ, т. е. полторы тысячи, а другую половину удержалъ на себѣ. Ну вотъ эти полторы тысячи, которыя я удержалъ, я и носилъ съ собой на шеѣ, вмѣсто ладонки, а вчера распечаталъ и прокутилъ. Сдача въ восемьсотъ рублей у васъ теперь въ рукахъ, Николай Парѣновичъ, это сдача со вчерашнихъ полутора тысячъ.

— Позвольте, какъ же это, вѣдь вы прокутили тогда здѣсь мѣсяць назадъ три тысячи, а не полторы, всѣ это знаютъ?

— Кто-жь это знаетъ? Кто считалъ? Кому я давалъ считать?

— Помилуйте, да вы сами говорили всѣмъ, что прокутили тогда ровно три тысячи.

— Правда, говорилъ, всему городу говорилъ, и весь городъ говорилъ, и всѣ такъ считали, и здѣсь, въ Мокромъ, также всѣ считали что три тысячи. Только всетаки я прокутилъ не три, а полторы тысячи, а другія полторы зашилъ въ ладонку; вотъ какъ дѣло было, господа, вотъ откуда эти вчерашнія деньги...

— Это почти чудесно... пролепеталъ Николай Парѣновичъ.

— Позвольте спросить, проговорилъ наконецъ прокуроръ,—не объявляли-ли вы хоть кому нибудь объ этомъ обстоятельствѣ прежде... то есть, что полторы эти тысячи оставили тогда же, мѣсяць назадъ, при себѣ?

— Никому не говорилъ.

— Это странно. Неужели такъ-таки совсѣмъ никому?

— Совсѣмъ никому. Никому и никому.

— Но почему же такое умолчаніе? Что побудило васъ сдѣлать изъ этого такой секретъ? Я объяснюсь точнѣе: вы объявили намъ наконецъ вашу тайну, по словамъ вашимъ столь «позорную», хотя въ сущности — то есть, конечно, лишь относительно говоря—этотъ поступокъ, то есть именно присвоеніе чужихъ трехъ тысячъ рублей, и безъ сомнѣнія, лишь временное—поступокъ этотъ, на мой взглядъ по крайней мѣрѣ, есть лишь въ высшей степени поступокъ легкомысленный, но не столь позорный, принимая кромѣ того во вниманіе и вашъ характеръ... Ну, положимъ, даже и зазорный, въ высшей степени поступокъ, я согласенъ, но зазорный, все же не позорный... То есть я веду собственно къ тому, что про растраченныя вами эти три тысячи отъ госпожи Верховцевой уже многіе догадывались въ этотъ мѣсяцъ и безъ вашего признанія, я слышалъ эту легенду самъ... Михаилъ Макаровичъ, на примѣръ, тоже слышалъ. Такъ что наконецъ это почти уже не легенда, а сплетня всего города. Къ тому же есть слѣды, что и вы сами, если не ошибаюсь, кому-то признавались въ этомъ, то есть именно что деньги эти отъ госпожи Верховцевой... А потому и удивляетъ меня слишкомъ, что вы придавали до сихъ поръ, то есть до самой настоящей минуты такую необычайную тайну этимъ отложеннымъ, по вашимъ словамъ, полутора тысячамъ, сопрягая съ вашею тайной этою какой-то даже ужасъ... Невѣроятно чтобы подобная тайна могла стѣдить вамъ столькихъ мученій къ признанію... потому что вы кричали сейчасъ даже, что лучше на каторгу чѣмъ признаться...

Прокуроръ замолкъ. Онъ разгорячился. Онъ не скрывалъ

своей досады, почти злобы, и выложилъ все накопившееся, даже не заботясь о красотѣ слога, то есть безсвязно и почти сбивчиво.

— Не въ полутора тысячахъ заключался позоръ, а въ томъ, что эти полторы тысячи я отдѣлилъ отъ тѣхъ трехъ тысячъ, твердо произнесъ Митя.

— Но чтò же, раздражительно усмѣхнулся прокуроръ,— чтò именно въ томъ позорнаго, что уже отъ взятыхъ зазорно, или, если сами желаете, то и позорно, трехъ тысячъ вы отдѣлили половину по своему усмотрѣнiю? Важнѣе то, что вы три тысячи присвоили, а не то какъ съ ними распорядились. Кстати, почему вы именно такъ распорядились, то есть отдѣлили эту половину? Для чего, для какой цѣли такъ сдѣлали, можете это намъ объяснить?

— О, господа, да въ цѣли-то и вся сила! воскликнулъ Митя:—отдѣлилъ по подлости, то есть по расчету, ибо расчетъ въ этомъ случаѣ и есть подлость... И цѣлый мѣсяць продолжалась эта подлость!

— Непонятно.

— Удивляюсь вамъ. А впрочемъ, объяснюсь еще, дѣйствительно, можетъ быть непонятно. Видите, слѣдите за мной: Я присвоваю три тысячи, ввѣренныя моей чести, кучу на нихъ, прокутилъ всѣ, на утро являюсь къ ней и говорю: «Катя, виновать, я прокутилъ твои три тысячи»—ну чтò, хорошо? Нѣтъ, не хорошо,—безчестно и малодушно, звѣрь и до звѣрства не умѣющій сдержать себя человѣкъ, такъ ли, такъ ли? Но все же не воръ? Не прямой же вѣдь воръ, не прямой, согласитесь! Прокутилъ, но не укралъ! Теперь второй, еще выгоднѣйшій случай, слѣдите за мной, а то я пожалуй опять собьюсь—какъ-то голова кружится,—итакъ второй случай: прокучиваю я здѣсь только полторы тысячи изъ трехъ, то есть половину. На другой день при-

хожу къ ней и приношу эту половину: «Катя, возьми отъ меня, мерзавца и легкомысленнаго подлеца, эту половину, потому что половину я прокутилъ, прокучу стало быть и эту, такъ чтобы отъ грѣха долой!» Ну какъ въ такомъ случаѣ? Все что угодно, и звѣрь и подлець, но уже не воръ, не воръ окончательно, ибо, еслибъ воръ, то навѣрно бы не принесъ назадъ половину сдачи, а присвоилъ бы и ее. Тутъ же она видитъ, что коль скоро принесъ половину, то донесетъ и остальные, то есть прокученные, всю жизнь искать будетъ, работать будетъ, но найдетъ и отдастъ. Такимъ образомъ, подлець, но не воръ, не воръ, какъ хотите, не воръ!

— Положимъ что есть нѣкоторая разница, холодно усмѣхнулся прокуроръ.—Но странно всетаки что вы видите въ этомъ такую роковую уже разницу.

— Да, вижу такую роковую разницу! Подлецомъ можетъ быть всякій, да и есть, пожалуй, всякій, но воромъ можетъ быть не всякій, а только архиподлець. Ну да я тамъ этимъ тонкостямъ не умѣю.... А только воръ подлѣе подлеца, вотъ мое убѣжденіе. Слушайте: я ношу деньги цѣлый мѣсяцъ на себѣ, завтра же я могу рѣшиться ихъ отдать, и я уже не подлець, но рѣшиться-то я не могу, вотъ что, хотя и каждый день рѣшаюсь, хотя и каждый день толкаю себя: «рѣшись, рѣшись подлець,» и вотъ весь мѣсяцъ не могу рѣшиться, вотъ что! Что, хорошо по вашему, хорошо?

— Положимъ не такъ хорошо, это я отлично могу понять и въ этомъ я не спорю, сдержанно отвѣтилъ прокуроръ.—Да и вообще отложимъ всякое препираніе объ этихъ тонкостяхъ и различіяхъ, а вотъ опять-таки еслибы вамъ угодно было перейти къ дѣлу. А дѣло именно въ томъ, что вы еще не изволили намъ объяснить, хотя мы и спрашивали: для чего первоначально сдѣлали такое раздѣленіе въ

этихъ трехъ тысячахъ, то есть одну половину прокутили, а другую припрятали? Именно для чего собственно припрятали, на что хотѣли собственно эти отдѣленные полторы тысячи употребить? Я на этомъ вопросѣ настаиваю, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! вскричалъ Митя, ударивъ себя по лбу, — простите, я васъ мучаю, а главнаго и не объясняю, а то бы вы въ мигъ поняли, ибо въ цѣли-то, въ цѣли-то этой и позоръ! Видите, тутъ все этотъ старикъ, покойникъ, онъ все Аграфену Александровну смущалъ, а я ревновалъ, думалъ тогда что она колеблется между мною и имъ: вотъ и думаю каждый день: что если вдругъ съ ея стороны рѣшеніе, что если она устанетъ меня мучить, и вдругъ скажетъ мнѣ: «тебя люблю, а не его, увози меня на край свѣта.» А у меня всего два двугривенныхъ; съ чѣмъ увезешь, что тогда дѣлать, — вотъ и пропалъ. Я вѣдь ее тогда не зналъ и не понималъ, я думалъ что ей денегъ надо и что нищеты моей она мнѣ не проститъ. И вотъ я ехидно отсчитываю половину отъ трехъ тысячъ и зашиваю иглой хладнокровно, зашиваю съ расчетомъ, еще до пьянства зашиваю, а потомъ, какъ ужъ зашилъ, на остальную половину ѣду пьянствовать! Нѣтъ-съ, это подлость! Поняли теперь?

Прокуроръ громко разсмѣялся, слѣдователь тоже.

— По моему даже благоразумно и нравственно что удержались и не всѣ прокутили, прохихикалъ Николай Парѣновичъ, — потому что что же тутъ таково-съ?

— Да то что украсть, вотъ что! О Боже, вы меня ужасаете непониманіемъ! Все время пока я носилъ эти полторы тысячи зашитыя на груди, я каждый день и каждый часъ говорилъ себѣ: «ты воръ, ты воръ!» Да я оттого и свирѣпствовалъ въ этотъ мѣсяць, оттого и дрался въ трак-

тирѣ, оттого и отца избилъ что чувствовалъ себя воромъ! Я даже Алешѣ, брату моему, не рѣшился и не посмѣлъ открыть про эти полторы тысячи: до того чувствовалъ что подлець и мазурикъ! Но знайте, что пока я носилъ, я въ то же время каждый день и каждый часъ мой говорилъ себѣ: «Нѣтъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, ты можеть быть еще и не воръ». Почему? А именно потому, что ты можешь завтра пойти и отдать эти полторы тысячи Катѣ. И вотъ вчера только я рѣшился сорвать мою ладонку съ шеи, идя отъ Ѳени къ Перхотину, а до той минуты не рѣшался, и только что сорвалъ, въ ту же минуту сталъ уже окончательный и безспорный воръ, воръ и безчестный человѣкъ на всю жизнь. Почему? Потому что вмѣстѣ съ ладонкой и мечту мою пойти къ Катѣ и сказать: «я подлець, а не воръ» разорвалъ! Понимаете теперь, понимаете!

— Почему же вы именно вчера вечеромъ на это рѣшились? прервалъ было Николай Парѣновичъ.

— Почему? Смѣшно спрашивать: потому что осудилъ себя на смерть, въ пять часовъ утра, здѣсь на разсвѣтѣ: «Вѣдь все равно, подумалъ, умирать подлецомъ или благороднымъ!» Такъ вотъ нѣтъ же, не все равно оказалось! Вѣрите ли, господа, не то, не то меня мучило больше всего въ эту ночь что я старика-слугу убилъ, и что грозила Сибирь, и еще когда? когда увѣнчалась любовь моя и небо открылось мнѣ снова! О, это мучило, но не такъ; все же не такъ какъ это проклятое сознаніе, что я сорвалъ наконецъ съ груди эти проклятыя деньги и ихъ растратилъ, а стало быть теперь уже воръ окончательный! О, господа, повторяю вамъ съ кровью сердца: много я узналъ въ эту ночь! Узналъ я что не только жить подлецомъ невозможно, но и умирать подлецомъ невозможно.... Нѣтъ, господа, умирать надо честно!..

Митя былъ блѣдень. Лицо его имѣло изможденный и измученный видъ, не смотря на то, что онъ былъ до крайности разгоряченъ.

— Я начинаю васъ понимать, Дмитрій Ѳеодоровичъ, мягко и даже какъ-бы сострадательно протянулъ прокуроръ,—но все это, воля ваша, по моему лишь нервы... болѣзненные нервы ваши, вотъ что-съ. И почему-бы напимѣрь вамъ, чтобъ избавить себя отъ столькихъ мукъ, почти цѣлаго мѣсяца, не пойти и не отдать эти полторы тысячи, той особѣ которая вамъ ихъ довѣрила, и уже объяснившись съ нею, почему-бы вамъ, въ виду вашего тогдашняго положенія, столь ужаснаго, какъ вы его рисуете, не испробовать комбинацію, столь естественно представляющуюся уму, то есть послѣ благороднаго признанія ей въ вашихъ ошибкахъ, почему-бы вамъ у ней же и не попросить потребную на ваши расходы сумму, въ которой она при великодушномъ сердцѣ своемъ и видя ваше разстройство, ужь конечно-бы вамъ не отказала, особенно еслибы подъ документъ, или наконецъ хотя-бы подъ такое же обезпеченіе, которое вы предлагали купцу Самсонову и госпожѣ Хохлаговой? Вѣдь считаете-же вы даже до сихъ поръ это обезпеченіе цѣннымъ?

Митя вдругъ покраснѣлъ:

— Неужто-же вы меня считаете даже до такой ужь степени подлецомъ? Не можетъ быть чтобы вы это серьезно!... проговорилъ онъ съ негодованіемъ, смотря въ глаза прокурору и какъ-бы не вѣря что отъ него слышалъ.

— Увѣряю васъ что серьезно... Почему вы думаете, что не серьезно? удивился въ свою очередь и прокуроръ.

— О, какъ это было-бы подло! Господа, знаете-ли вы, что вы меня мучаете! Извольте, я вамъ все скажу, такъ и быть, я вамъ теперь уже во всей моей инфернальности

признаюсь, но, чтобы васъ же устыдить, и вы сами удивитесь до какой подлости можетъ дойти комбинація чувствъ человѣческихъ. Знайте-же, что я уже имѣлъ эту комбинацію самъ, вотъ эту самую, про которую вы сейчасъ говорили, прокуроръ! Да, господа, и у меня была эта мысль въ этотъ проклятый мѣсяць, такъ что почти уже рѣшался идти къ Катѣ, до того былъ подлъ! Но идти къ ней, объявить ей мою измѣну, и на эту же измѣну, для исполненія же этой измѣны, для предстоящихъ расходовъ на эту измѣну, у ней же, у Кати же, просить денегъ (просить, слышите, просить!) и тотчасъ отъ нея же убѣждать съ другою, съ ея соперницей, съ ея ненавистницей и обидчицей, — помилуйте, да вы съ ума сошли, прокуроръ!

— Съ ума не съ ума, но конечно, я сгоряча не сообразилъ... на счетъ этой самой вотъ женской ревности... если тутъ дѣйствительно могла быть ревность, какъ вы утверждаете... да, пожалуй, тутъ есть нѣчто въ этомъ родѣ, усмѣхнулся прокуроръ.

— Но, это была-бы ужъ такая мерзость, свирѣпо ударилъ Митя кулакомъ по столу, — это такъ-бы воняло, что ужъ я и не знаю! Да знаете-ли вы, что она могла-бы мнѣ дать эти деньги, да и дала-бы, навѣрно дала-бы, изъ отщепенія мнѣ дала-бы, изъ наслажденія мщеніемъ, изъ презрѣнія ко мнѣ дала-бы, потому что это тоже инфернальная душа и великаго гнѣва женщина! Я-то бы деньги взялъ, о, взялъ-бы, взялъ, и тогда всю жизнь... о Боже! Простите, господа, я потому такъ кричу, что у меня была эта мысль еще такъ недавно, еще всего только третьяго дня, именно когда я ночью съ Лягавымъ возился, и потомъ вчера, да, и вчера, весь день вчера, я помню это, до самаго этого случая...

— До какого случая? ввернулъ было Николай Пареевичъ съ любопытствомъ, но Митя не разслышалъ.

— Я сдѣлалъ вамъ страшное признаніе, мрачно заключилъ онъ.—Оцѣните-же его, господа. Да мало того, мало оцѣнить, не оцѣните, а цѣните его, а если нѣтъ, если и это пройдетъ мимо вашихъ душъ: то тогда уже вы прямо не уважаете меня, господа, вотъ чтò я вамъ говорю, и я умру отъ стыда, что признался такимъ какъ вы! О, я застрѣлюсь! Да я уже вижу, вижу, что вы мнѣ не вѣрите! Какъ, такъ вы и это хотите записывать? вскричалъ онъ уже въ испугѣ.

— Да вотъ чтò вы сейчасъ сказали, въ удивленіи смотрѣлъ на него Николай Пареновичъ,—то есть, что вы до самаго послѣдняго часа все еще располагали идти къ госпожѣ Верховцевой просить у нея эту сумму... Увѣряю васъ, что это очень важное для насъ показаніе, Дмитрій Ѳедоровичъ, то есть про весь этотъ случай... и особенно для васъ, особенно для васъ важное.

— Помилосердитесь, господа, всплеснулъ руками Митя,—хоть этого-то не пишите, постыдитесь! Вѣдь я такъ сказать душу мою разорвалъ пополамъ предъ вами, а вы воспользовались и роетесь пальцами по разорванному мѣсту въ обѣихъ половинахъ... О Боже!

Онъ закрылся въ отчаяніи руками.

— Не безпокойтесь такъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, заключилъ прокуроръ,—все теперь записанное вы потомъ прослушаете сами и съ чѣмъ не согласитесь, мы по вашимъ словамъ измѣнимъ, а теперь я вамъ одинъ вопросикъ еще въ третій разъ повторю: неужто въ самомъ дѣлѣ никто, такъ-таки вовсе никто не слыхалъ отъ васъ объ этихъ зашитыхъ вами въ ладонку деньгахъ? Это, я вамъ скажу, почти невозможно представить.

— Никто, никто, я сказалъ, иначе вы ничего не поняли! Оставьте меня въ покоѣ.

— Извольте-съ, это дѣло должно объясниться и еще много къ тому времени впереди, но пока разсудите: у насъ можетъ быть десятки свидѣтельствъ о томъ, что вы именно сами распространяли, и даже кричали вездѣ о трехъ тысячахъ истраченныхъ вами, о трехъ, а не о полутора, да и теперь, при появленіи вчерашнихъ денегъ, тоже многимъ успѣли дать знать, что денегъ опять привезли съ собою три тысячи...

— Не десятки, а сотни свидѣтельствъ у васъ въ рукахъ, двѣ сотни свидѣтельствъ, двѣ сотни человѣкъ слышали, тысяча слышала! воскликнулъ Митя.

— Ну вотъ видите-съ, всѣ, всѣ свидѣлствуютъ. Такъ вѣдь значить-же что нибудь слово *всѣ*?

— Ничего не значить, я совралъ, а за мной и всѣ стали врать.

— Да зачѣмъ-же вамъ-то такъ надо было «врать», какъ вы изъясняетесь?

— А чортъ знаетъ. Изъ похвальбы можетъ быть... такъ... что вотъ такъ много денегъ прокутилъ... Изъ того, можетъ, чтобъ объ этихъ зашитыхъ деньгахъ забыть... да это именно оттого... чортъ... который разъ вы задаете этотъ вопросъ? Ну совралъ и кончено, разъ совралъ и ужъ не хотѣлъ переправлять. Изъ за чего иной разъ вретъ человѣкъ?

— Это очень трудно рѣшить, Дмитрій Ѳедоровичъ, изъ за чего вретъ человѣкъ, внушительно проговорилъ прокуроръ.—Скажите однако, велика-ли была эта, какъ вы называете ее, ладонка, на вашей шеѣ?

— Нѣтъ, не велика.

— А какой напимѣръ величины?

— Бумажку сторублевую, пополамъ сложить, вотъ и величина.

— А лучше бы вы намъ показали лоскутки? Вѣдь они гдѣ нибудь при васъ.

— Э, чортъ... какія глупости... я не знаю гдѣ они.

— Но позвольте однако: гдѣ-же и когда вы ее сняли съ шеи? Вѣдь вы, какъ сами показываете, домой не заходили?

— А вотъ какъ отъ Оени вышелъ и шелъ къ Перхотину, дорогой и сорвалъ съ шеи и вынулъ деньги.

— Въ темнотѣ?

— Для чего тутъ свѣчка? Я это пальцемъ въ одинъ мигъ сдѣлалъ.

— Безъ ножницъ, на улицѣ?

— На площади, кажется; зачѣмъ ножницы? Ветхая тряпка, сейчасъ разодралась.

— Куда-же вы ее потомъ дѣли?

— Тамъ-же и бросилъ.

— Гдѣ именно?

— Да на площади-же, вообще на площади! Чортъ ее знаетъ гдѣ на площади. Да для чего вамъ это?

— Это чрезвычайно важно, Дмитрій Ѳедоровичъ: вещественныя доказательства въ вашу-же пользу, и какъ это вы не хотите понять? Кто-же вамъ помогалъ зашивать мѣсяцъ назадъ?

— Никто не помогалъ, самъ зашилъ.

— Вы умѣете шить?

— Солдаты должны умѣть шить, а тутъ и умѣнья никакого не надо.

— Гдѣ же вы взяли матеріалъ, то есть эту тряпку, въ которую зашили?

— Неужто вы не смѣетесь?

— Отнюдь нѣтъ, и намъ вовсе не до смѣха, Дмитрій Ѳедоровичъ.

— Не помню, гдѣ взялъ тряпку, гдѣ нибудь взялъ.

— Какъ-бы, кажется, этого-то ужь не запомнить?

— Да ей Богу же не помню, можетъ что нибудь раздралъ изъ бѣлья.

— Это очень интересно: въ вашей квартирѣ могла-бы завтра отыскаться эта вещь, рубашка, можетъ быть, отъ которой вы оторвали кусокъ. Изъ чего эта тряпка была: изъ холста, изъ полотна?

— Чортъ ее знаетъ изъ чего. Пойдите... Я, кажется, ни отъ чего не отрывалъ. Она была коленкоровая... Я, кажется, въ хозяйкинъ чепчикъ зашилъ.

— Въ хозяйкинъ чепчикъ?

— Да, я у ней утащилъ.

— Какъ это утащили?

— Видите, я дѣйствительно, помнится, какъ-то утащилъ одинъ чепчикъ на тряпки, а можетъ перо обтирать. Взялъ тихонько, потому нигуда негодная тряпка, лоскутки у меня валялись, а тутъ эти полторы тысячи, я взялъ и зашилъ... Кажется, именно, въ эти тряпки зашилъ. Старая коленкоровая дрянь, тысячу разъ мытая.

— И вы это твердо уже помните?

— Не знаю твердо-ли. Кажется въ чепчикъ. Ну да наплевать!

— Въ такомъ случаѣ ваша хозяйка могла-бы по крайней мѣрѣ припомнить, что у нея пропала эта вещь?

— Вовсе нѣтъ, она и не хватилась. Старая тряпка, говорю вамъ, старая тряпка, гроша не стѣить.

— А иголку откуда взяли, нитки?

— Я прекращаю, больше не хочу. Довольно! разсердился наконецъ Митя.

— И странно опять таки, что вы такъ совѣмъ ужь забыли въ какомъ именно мѣстѣ бросили на площади эту... ладонку.

— Да велите завтра площадь выместь, можетъ найдете, усмѣхнулся Митя.—Довольно, господа, довольно, измученнымъ голосомъ порѣшилъ онъ.—Вижу ясно: вы мнѣ не повѣрили! Ни въ чемъ и ни на грошъ! Вина моя, а не ваша, не надо было соваться. Зачѣмъ, зачѣмъ я омерзилъ себя признаніемъ въ тайнѣ моей! А вамъ это смѣхъ, я по глазамъ вашимъ вижу. Это вы меня, прокуроръ, довели! Пойте себѣ гимнъ, если можете... Будьте вы проглаты, истязатели!

Онъ склонился головой и закрылъ лицо руками. Прокуроръ и слѣдователь молчали. Черезъ минуту онъ поднялъ голову и какъ-то безъ мысли поглядѣлъ на нихъ. Лицо его выражало уже совершившееся, уже безвозвратное отчаяніе и онъ какъ-то тихо замолкъ, сидѣлъ и какъ будто себя не помнилъ. Между тѣмъ надо было оканчивать дѣло: слѣдовало неотложно перейти къ допросу свидѣтелей. Было уже часовъ восемь утра. Свѣчи давно уже какъ потушили. Михаилъ Макаровичъ и Калгановъ, все время допроса, входившіе и уходившіе изъ комнаты, на этотъ разъ оба опять вышли. Прокуроръ и слѣдователь имѣли тоже чрезвычайно усталый видъ. Наставшее утро было ненастное, все небо затянулось облаками и дождь лилъ какъ изъ ведра. Митя безъ мысли смотрѣлъ на окна.

— А можно мнѣ въ окно поглядѣть? спросилъ онъ вдругъ Николая Парѣеновича.

— О, сколько вамъ угодно, отвѣтилъ тотъ.

Митя всталъ и подошелъ къ окну. Дождь такъ и сѣкъ въ маленькія зеленноватія стекла окошекъ. Виднѣлась прямо подъ окномъ грязная дорога, а тамъ дальше, въ дождливой мглѣ, черные, бѣдные, неприглядные ряды избъ, еще болѣе казалось почернѣвшихъ и побѣднѣвшихъ отъ дождя. Митя вспомнилъ про «Феба златокудраго» и какъ онъ хотѣлъ

застрѣлиться съ первымъ лучомъ его: «пожалуй въ такое утро было-бы и лучше», усмѣхнулся онъ и вдругъ, махнувъ сверху внизъ рукой, повернулся къ «истязателямъ»:

— Господа! воскликнулъ онъ, — я вѣдь вижу, что я пропалъ. Но она? Скажите мнѣ про нее, умоляю васъ, неужели и она пропадетъ со мной? Вѣдь она невинна, вѣдь она вчера кричала не въ умъ что «во всемъ виновата». Она ни въ чемъ, ни въ чемъ не виновата! Я всю ночь скорбѣлъ съ вами сидя.. Нельзя-ли, не можете-ли мнѣ сказать: чтò вы съ нею теперь сдѣлаете?

— Рѣшительно успокойтесь на этотъ счетъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, тотчасъ-же и съ видимою поспѣшностью отвѣтилъ прокуроръ, мы не имѣемъ пока никакихъ значительныхъ мотивовъ хоть въ чемъ нибудь обезпокоить особу, которою вы такъ интересуетесь. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, надѣюсь, окажется тоже.. Напротивъ, сдѣлаемъ въ этомъ смыслѣ все чтò только можно съ нашей стороны. Будьте совершенно спокойны.

— Господа, благодарю васъ, я вѣдь такъ и зналъ, что вы все-таки-же честные и справедливые люди, не смотря ни на чтò. Вы сняли бремя съ души... Ну, чтò-же мы теперь будемъ дѣлать? Я готовъ.

— Да вотъ-съ, поспѣшить-бы надо. Нужно неотложно перейти къ допросу свидѣтелей. Все это должно произойти непременно въ вашемъ присутствіи, а потому...

— А не выпить-ли сперва чайку? перебилъ Николай Парѣеговичъ,—вѣдь ужъ кажется заслужили!

Порѣшили, что если есть готовый чай внизу (въ виду того, что Михаилъ Макаровичъ навѣрно ушелъ «почаевать»), то выпить до стаканчику и затѣмъ «продолжать и продолжать». Настоящій-же чай и «закусочку» отложить до болѣе свободнаго часа. Чай дѣйствительно нашелся внизу и его

въ скорости доставили на верхъ. Митя сначала отказался отъ стакана, который ему любезно предложилъ Николай Парёновичъ, но потомъ самъ попросилъ и выпилъ съ жадностью. Вообще-же имѣлъ какой-то даже удивительно измученный видъ. Казалось-бы при его богатырскихъ силахъ что могла значить одна ночь кутежа и хотя-бы самыхъ сильныхъ при томъ ощущеній? Но онъ самъ чувствовалъ, что едва сидитъ, а по временамъ такъ всё предметы начинали какъ-бы ходить и вертѣться у него предъ глазами. «Еще немного и пожалуй бредить начну», подумалъ онъ про себя.

УШ.

Показаніе свидѣтелей. Дитѣ

Допросъ свидѣтелей начался. Но мы уже не станемъ продолжать нашъ рассказъ въ такой подробности, въ какой вели его до сихъ поръ. А потому и опустимъ о томъ, какъ Николай Парёновичъ внушалъ каждому призываемому свидѣтелю, что тотъ долженъ показывать по правдѣ и совѣсти и что впоследствии долженъ будетъ повторить это показаніе свое подъ присягой. Какъ наконецъ отъ каждаго свидѣтеля требовалось, чтобъ онъ подписалъ протоколъ своихъ показаній и пр. и пр. Отмѣтимъ лишь одно, что главнѣйшій пунктъ, на который обращалось все вниманіе допрашивавшихъ, преимущественно былъ все тотъ-же самый вопросъ о трехъ тысячахъ, то есть было-ли ихъ три или полторы въ первый разъ, то есть въ первый кутежъ Дмитрія Ѳедоровича здѣсь въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, и было-ли ихъ три или полторы тысячи вчера, во второй кутежъ Дмитрія Ѳедоровича. Увы, всё свидѣтельство, всё до единого, оказались противъ Мити и ни одного въ его пользу,

а инья изъ свидѣтельствъ тагъ даже внесли новые, почти ошеломляющіе факты въ опроверженіе показаній его. Первымъ спрошеннымъ былъ Трифонъ Борисычъ. Онъ предсталъ предъ допрашивающими безъ малѣйшаго страха, напротивъ съ видомъ строгаго и суроваго негодованія противъ обвиняемаго и тѣмъ несомнѣнно придалъ себѣ видъ чрезвычайной правдивости и собственнаго достоинства. Говорилъ мало, сдержанно, ждалъ вопросовъ, отвѣчалъ точно и обдуманно. Твердо и не обинуясь показалъ, что мѣсяцъ назадъ не могло быть истрчено менѣе трехъ тысячъ, что здѣсь всѣ мужики покажутъ, что слышали о трехъ тысячахъ отъ самого «Митрій Ѳедорыча»: «Однѣмъ Цыганкамъ сколько денегъ перебросали. Имъ однѣмъ небось за тысячу перевалило».

— И пятисотъ, можетъ, не далъ, мрачно замѣтилъ на это Митя, вотъ только не считалъ тогда, пьянь былъ, а жаль...

Митя сидѣлъ на этотъ разъ сбоку, спиной къ занавѣскамъ, слушалъ мрачно, имѣлъ видъ грустный и усталый, какъ-бы говорившій: «Э, показывайте чтò хотите, теперь все равно!»

— Больше тысячи пошло на нихъ, Митрій Ѳедоровичъ, твердо опровергъ Трифонъ Борисовичъ,—бросали зря, а онѣ подымали. Народъ-то вѣдь этотъ воръ и мошенникъ, конокрады они, угнали ихъ отселева, а то они сами можетъ показали-бы сколькоимъ отъ васъ поживились. Самъ я въ рукахъ у васъ тогда сумму видѣлъ,—считать не считалъ, вы мнѣ не давали, это справедливо,—а на глазъ, помню, многимъ больше было чѣмъ полторы тысячи... Куды полторы! Видывали и мы деньги, могимъ судить...

На счетъ вчерашней же суммы Трифонъ Борисовичъ прямо показалъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ самъ ему, только что всталъ съ лошадей, объявилъ что привезъ три тысячи.

— Полно, такъ ли, Трифонъ Борисычъ, возразилъ было Митя, — неужто такъ-таки положительно объявилъ что привезъ три тысячи?

— Говорили, Митрій Ѳедоровичъ. При Андреѣ говорили. Вотъ онъ тутъ самъ Андрей, еще не уѣхалъ, призовите его. А тамъ въ залѣ, когда хоръ подчивали, такъ прямо закричали, что шестую тысячу здѣсь оставляете, — съ прежними, то есть, оно такъ понимать надо. Степанъ да Семень слышали, да Петръ Ѳомичъ Калгановъ съ вами тогда рядомъ стоялъ, можетъ и они тоже запомнили....

Показаніе о шестой тысячѣ принято было съ необыкновеннымъ впечатлѣніемъ допрашивающими. Понравилась новая редакція: три да три значитъ шесть, стало быть три тысячи тогда, да три тысячи теперь, вотъ онѣ и всѣ шесть, выходило ясно.

Опросили всѣхъ указанныхъ Трифономъ Борисовичемъ мужиковъ, Степана и Семена, ямщика Андрея и Петра Ѳомича Калганова. Мужики и ямщикъ не обинуясь подтвердили показаніе Трифона Борисыча. Кромѣ того особенно записали, со словъ Андрея, о разговорѣ его съ Митей дорогой на счетъ того «куда, дескать я, Дмитрій Ѳедоровичъ, попаду: на небо аль въ адъ, и простятъ ли мнѣ на томъ свѣтѣ аль нѣтъ?» «Психологъ» Исполить Кирилловичъ выслушалъ все это съ тонкою улыбкой и кончилъ тѣмъ что и это показаніе о томъ куда Дмитрій Ѳедоровичъ попадетъ порекомендовалъ «пріобщить къ дѣлу».

Спрошенный Калгановъ вошелъ нехотя, хмурый, капризный, и разговаривалъ съ прокуроромъ и съ Николаемъ Парѳеновичемъ такъ какъ бы въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ жизни, тогда какъ былъ давній и ежедневный ихъ знакомый. Онъ началъ съ того что «ничего этого не знаетъ и знать не хочетъ». Но о шестой тысячѣ, оказалось, слы-

шалъ и онъ признался, что въ ту минуту подлѣ стоялъ. На его взглядъ денегъ было у Мити въ рукахъ «не знаю сколько». На счетъ того что Поляки въ картахъ передернули, показалъ утвердительно. Объяснилъ тоже, на повторенные разспросы, что по изгнаніи Поляковъ дѣйствительно дѣла Мити у Аграфены Александровны поправились и что она сама сказала что его любить. Объ Аграфенѣ Александровнѣ изъяснялся сдержанно и почтительно, какъ будто она была самага лучшаго общества барыня, и даже ни разу не позволилъ себѣ назвать ее «Грушенькой». Не смотря на видимое отвращеніе молодаго человѣка показывать, Ипполитъ Кирилловичъ разспрашивалъ его долго и лишь отъ него узналъ всѣ подробности того что составляло такъ сказать «романъ» Мити въ эту ночь. Митя ни разу не остановилъ Калганова. Наконецъ юношу отпустили, и онъ удалился съ нескрываемымъ негодованіемъ.

Допросили и Поляковъ. Они въ своей комнаткѣ хоть и легли было спать, но во всю ночь не заснули, а съ прибытіемъ властей поскорѣй одѣлись и прибрались, сами понимая что ихъ непременно потребуютъ. Явились они съ достоинствомъ, хотя и не безъ нѣкотораго страху. Главный, то есть маленькій панъ, оказался чиновникомъ двѣнадцатаго класса въ отставкѣ, служилъ въ Сибири ветеринаромъ, по фамиліи же былъ панъ Муссяловичъ. Панъ же Врублевскій оказался вольнопрактикующимъ дантистомъ, по русски зубнымъ врачомъ. Оба они какъ вошли въ комнату, такъ тотчасъ же, несмотря на вопросы Николая Пареевича, стали обращаться съ отвѣтами къ стоявшему въ сторонѣ Михаилу Макаровичу, принимая его, по невѣдѣнію, за главный чинъ и начальствующее здѣсь лицо и называя его съ каждымъ словомъ: «пане пулковнику». И только послѣ нѣсколькихъ разовъ и наставленія самого Михаила Макарови-

ча, догадались что надобно обращаться съ отвѣтами лишь къ Николаю Пареевичу. Оказалось, что по русски они умѣли даже весьма и весьма правильно говорить, кромѣ развѣ выговора иныхъ словъ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Грушенькѣ, прежнихъ и теперешнихъ, панъ Муссяловичъ сталъ было заявлять горячо и гордо, такъ что Митя сразу вышелъ изъ себя и закричалъ что не позволить подлецу» при себѣ такъ говорить. Панъ Муссяловичъ тотчасъ же обратилъ вниманіе на слово «подлецъ» и попросилъ внести въ протоколъ. Митя закипѣлъ отъ ярости.

— И подлецъ, подлецъ! Внесите это, и внесите тоже что не смотря на протоколъ, я всетаки кричу что подлецъ! прокричалъ онъ.

Николай Пареевичъ, хоть и внесъ въ протоколъ, но проявилъ при семъ непріятномъ случаѣ самую похвальную дѣловитость и умѣніе распорядиться: послѣ строгаго внушенія Митѣ онъ самъ тотчасъ же прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разспросы касательно романической стороны дѣла и поскорѣе перешелъ къ существенному. Въ существенномъ же явилось одно показаніе пановъ, возбуждившее необыкновенное любопытство слѣдователей: это именно о томъ какъ подкупалъ Митя, въ той комнаткѣ, пана Муссяловича и предлагалъ ему три тысячи отступнаго, съ тѣмъ что семьсотъ рублей въ руки, а остальные двѣ тысячи триста «завтра же утромъ въ городѣ», причемъ клялся честнымъ словомъ, объявляя что здѣсь, въ Мокромъ, съ нимъ и нѣтъ пока такихъ денегъ, а что деньги въ городѣ. Митя замѣтилъ было сгоряча, что не говорилъ что навѣрно отдастъ завтра въ городѣ, но панъ Врублевскій подтвердилъ показаніе, да и самъ Митя, подумавъ съ минуту, нахмуренно согласился, что должно быть такъ и было какъ паны говорятъ, что онъ былъ тогда разгоряченъ, а потому дѣйствительно могъ

такъ сказать. Прокуроръ такъ и впился въ показаніе: оказывалось для слѣдствія яснымъ (какъ и впрямь потомъ вывели) что половина или часть трехъ тысячъ, доставшихся въ руки Митѣ, дѣйствительно могла оставаться гдѣ нибудь припрятанною въ городѣ, а пожалуй такъ даже гдѣ нибудь и тутъ въ Мокромъ, такъ что выяснилось такимъ образомъ и то щекотливое для слѣдствія обстоятельство что у Мити нашли въ рукахъ всего только восемьсотъ рублей, — обстоятельство бывшее до сихъ поръ хотя единственнымъ и довольно ничтожнымъ, но все же нѣкоторымъ свидѣтельствомъ въ пользу Мити. Теперь же и это единственное свидѣтельство въ его пользу разрушалось. На вопросъ прокурора: гдѣ же бы онъ взялъ остальные двѣ тысячи триста чтобъ отдать завтра пану, коли самъ утверждаетъ что у него было всего только полторы тысячи, а между тѣмъ завѣрялъ пана своимъ честнымъ словомъ, Митя твердо отвѣтилъ что хотѣлъ предложить «Полячишкѣ» на завтра не деньги, а формальный актъ на права свои по имѣнію Чермашнѣ, тѣ самыя права, которыя предлагалъ Самсонову и Хохлаковой. Прокуроръ даже усмѣхнулся «невинности выверта».

— И вы думаете что онъ бы согласился взять эти «права» вмѣсто наличныхъ двухъ тысячъ трехсотъ рублей?

— Непремѣнно согласился бы, горячо отрѣзалъ Митя. — Помилуйте, да тутъ не только двѣ, тутъ четыре, тутъ шесть даже тысячъ онъ могъ бы на этомъ тянуть! Онъ бы тотчасъ набралъ своихъ адвокатишекъ, Полячковъ да Жидковъ, и не то что три тысячи, а всю бы Чермашню отъ старика оттягали.

Разумѣется показаніе пана Муссяловича внесли въ протоколъ въ самой полной подробности. На томъ пановъ и отпустили. О фактѣ же передержки въ картахъ почти и

не упомянули; Николай Парёнович имъ слишкомъ былъ и безъ того благодаренъ и пустяками не хотѣлъ беспокоить; тѣмъ болѣе что все это пустая ссора въ пьяномъ видѣ за картами и болѣе ничего. Мало ли было кутежа и безобразій въ ту ночь... Такъ что деньги двѣсти рублей такъ и остались у пановъ въ карманѣ.

Призвали затѣмъ старичка Максимова. Онъ явился робѣя, подошелъ мелкими шажками, видъ имѣлъ растрепанный и очень грустный. Все время онъ ютился тамъ внизу подлѣ Грушеньки, сидѣлъ съ нею молча и «нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ надъ нею хныкать, а глаза утираетъ синимъ влѣтчатымъ платочкомъ», какъ рассказывалъ потомъ Михаилъ Макаровичъ. Такъ что она сама уже унимала и утѣшала его. Старичокъ тотчасъ же и со слезами признался что виноватъ, что взялъ у Дмитрія Ѳедоровича займы «десять рублей-съ, по моей бѣдности-съ» и что готовъ возвратить... На прямой вопросъ Николая Парёновича: не замѣтилъ ли онъ сколько же именно денегъ было въ рукахъ у Дмитрія Ѳедоровича, такъ какъ онъ ближе всѣхъ могъ видѣть у него въ рукахъ деньги когда получалъ отъ него займы, — Максимовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтилъ что денегъ было «двадцать тысячъ-съ».

— А вы видѣли когданибудь двадцать тысячъ гдѣнибудь прежде? спросилъ улыбнувшись Николай Парёновичъ.

— Какже-съ, видѣлъ-съ, только не двадцать-съ, а семь-съ, когда супруга моя деревеньку мою заложила. Дала мнѣ только издали поглядѣть, похвалилась предо мной. Очень крупная была пачка-съ, все радужныя. И у Дмитрія Ѳедоровича были все радужныя...

Его скоро отпустили. Наконецъ дошла очередь и до Грушеньки. Слѣдователи видимо опасались того впечатлѣнія

которое могло произвести ея появленіе на Дмитрія Ѳедоровича, и Николай Пареевичъ пробормоталъ даже нѣсколько словъ ему въ увѣщаніе, но Митя, въ отвѣтъ ему, молча склонилъ голову, давая тѣмъ знать что „безпорядка не произойдетъ“. Ввелъ Грушеньку самъ Михаилъ Макаровичъ. Она вошла со строгимъ и угрюмымъ лицомъ, съ виду почти спокойнымъ, и тихо сѣла на указанный ей стулъ напротивъ Николая Пареевича. Была она очень блѣдна, казалось что ей холодно и она плотно закутывалась въ свою прекрасную черную шаль. Дѣйствительно съ ней начинался тогда легкій лихорадочный ознобъ—начало длинной болѣзни, которую она потомъ съ этой ночи перенесла. Строгий видъ ея, прямой и серьезный взглядъ и спокойная манера произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на всѣхъ. Николай Пареевичъ даже сразу нѣсколько „увлекся“. Онъ признавался самъ, рассказывая кое-гдѣ потомъ, что только съ этого разу постигъ какъ эта женщина „хороша собой“, а прежде хоть и видывалъ ее, но всегда считалъ чѣмъ-то въ родѣ „уѣздной Гетеры“. „У ней манеры какъ у самаго высшаго общества“, восторженно сболтнулъ онъ какъ-то въ одномъ дамскомъ кружкѣ. Но его выслушали съ самымъ полнымъ негодованіемъ и тотчасъ назвали за это „шалуномъ“, чѣмъ онъ и остался очень доволенъ. Входя въ комнату Грушенька лишь какъ-бы мелькомъ глянула на Митю, въ свою очередь съ безпокойствомъ на нее поглядѣвшаго, но видъ ея въ ту же минуту и его успокоилъ. Послѣ первыхъ необходимыхъ вопросовъ и увѣщаній, Николай Пареевичъ, хоть и нѣсколько запинаясь, но сохраняя самый вѣжливый однакоже видъ, спросилъ ее: „Въ какихъ отношеніяхъ состояла она къ отставному поручику Дмитрію Ѳедоровичу Карамазову?“ На что Грушенька тихо и твердо произнесла:

— Знакомый мой былъ, какъ знакомаго его въ послѣдній мѣсяцъ принимала.

На дальнѣйшіе любопытствующіе вопросы прямо и съ полною откровенностью заявила что, хотя онъ ей „часами“ и нравился, но что она не любила его, но завлекала изъ „гнусной злобы моей“, равно какъ и того „старичка“, видѣла что Митя ее очень ревновалъ къ Ѳедору Павловичу и ко всѣмъ, но тѣмъ лишь тѣшилась. Къ Ѳедору же Павловичу совсѣмъ никогда не хотѣла идти, а только смѣялась надъ нимъ. „Въ тотъ весь мѣсяцъ не до нихъ мнѣ обоихъ было; я ждала другаго человѣка, предо мной виновнаго.... Только, думаю, заключила она, что вамъ нечего объ этомъ любопытствовать, а мнѣ нечего вамъ отвѣчать, потому это особенное мое дѣло“.

Такъ немедленно и поступилъ Николай Парѣновичъ: на „романическихъ“ пунктахъ онъ опять пересталъ настаивать, а прямо перешелъ къ серіозному, то есть все къ тому же и главнѣйшему вопросу о трехъ тысячахъ. Грушенька подтвердила что въ Мокромъ, мѣсяцъ назадъ, дѣйствительно истрачены были три тысячи рублей, и хоть денегъ сама и не считала, но слышала отъ самого Дмитрія Ѳедоровича что три тысячи рублей.

— Наединѣ онъ вамъ это говорилъ или при комъ нибудь, или вы только слышали какъ онъ съ другими при васъ говорилъ? освѣдомился тотчасъ же прокуроръ.

На что Грушенька объявила, что слышала и при людяхъ, слышала какъ и съ другими говорилъ, слышала и наединѣ отъ него самого.

— Однажды слышали отъ него наединѣ или неоднократно? освѣдомился опять прокуроръ и узналъ что Грушенька слышала неоднократно.

Ипполитъ Кириллычъ остался очень доволенъ этимъ

показаніемъ. Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ выяснилось тоже, что Грушенькѣ было извѣстно откуда эти деньги и что взялъ ихъ де Дмитрій Ѳедоровичъ отъ Катерины Ивановны.

— А не слыхали ли вы хоть однажды что денегъ было промотано мѣсяцъ назадъ не три тысячи, а меньше, и что Дмитрій Ѳедоровичъ уберегъ изъ нихъ цѣлую половину для себя?

— Нѣтъ, никогда этого не слыхала, показала Грушенька.

Дальше выяснилось даже, что Митя напротивъ часто говорилъ ей во весь этотъ мѣсяцъ что денегъ у него нѣтъ ни копѣйки. „Съ родителя своего все ждалъ получить“, заключила Грушенька.

— А не говорилъ ли когда при васъ... или какъ нибудь мелькомъ, или въ раздраженіи, хватилъ вдругъ Николай Парѣеновичъ, — что намѣренъ посягнуть на жизнь своего отца?

— Охъ, говорилъ! вздохнула Грушенька.

— Однажды или нѣсколько разъ?

— Нѣсколько разъ поминалъ, всегда въ сердцахъ.

— И вы вѣрили, что онъ это исполнить?

— Нѣтъ, никогда не вѣрила! твердо отвѣтила она, — на благородство его надѣялась.

— Господа, позвольте, вскричалъ вдругъ Митя, — позвольте сказать при васъ Аграфенѣ Александровнѣ лишь одно только слово.

— Скажите, разрѣшилъ Николай Парѣеновичъ.

— Аграфена Александровна, привсталъ со стула Митя, — вѣрь Богу и мнѣ: въ крови убитаго вчера отца моего я неповиненъ!

Произнеся это, Митя опять сѣлъ на стулъ. Грушенька привстала и набожно перекрестилась на икону.

— Слава Тебѣ Господи! проговорила она горячимъ, про-
нигновеннымъ голосомъ и, еще не сядя на мѣсто и обра-
тившись къ Николаю Парѣеновичу, прибавила:—Какъ онъ
теперь сказалъ тому и вѣрьте! Знаю его: сболтнуть что,
сболтнетъ, али для смѣху, али съ упрямства, но если про-
тивъ совѣсти, то никогда не обманетъ. Прямо правду ска-
жетъ, тому вѣрьте!

— Спасибо, Аграфѣна Александровна, поддержала душу!
дрожащимъ голосомъ отозвался Митя.

На вопросы о вчерашнихъ деньгахъ она заявила, что
не знаетъ сколько ихъ было, но слышала какъ людямъ онъ
много разъ говорилъ вчера что привезъ съ собой три ты-
сячи. А на счетъ того: откуда деньги взялъ, то сказалъ ей
одной что у Катерины Ивановны „укралъ“, а что она ему
на то отвѣтила что онъ не укралъ и что деньги надо зав-
тра же отдать. На настойчивый вопросъ прокурора: о ка-
кихъ деньгахъ говорилъ что укралъ у Катерины Ивановны:
о вчерашнихъ или о тѣхъ трехъ тысячахъ, которыя были
истрачены здѣсь мѣсяць назадъ, объявила, что говорилъ о
тѣхъ которыя были мѣсяць назадъ, и что она такъ его по-
няла.

Грушеньку наконецъ отпустили, при чемъ Николай Пар-
ѣеновичъ стремительно заявилъ ей, что она можетъ хоть
сейчасъ же воротиться въ городъ, и что если онъ—съ своей
стороны чѣмъ-нибудь можетъ способствовать, на примѣръ
на счетъ лошадей, или на примѣръ пожелаетъ она провожа-
таго, то онъ... съ своей стороны...

— Покорно благодарю васъ, поклонилась ему Грушень-
ка,—я съ тѣмъ старичкомъ отправлюсь, съ помѣщикомъ,
его доведу, а пока подожду внизу, коль позволите, какъ
вы тутъ Дмитрія Федоровича порѣшите.

Она вышла. Митя былъ спокоенъ и даже имѣлъ совѣмъ

ободрившійся видъ, но лишь на минуту. Все какое-то странное физическое безсиліе одолѣвало его чѣмъ дальше тѣмъ больше. Глаза его закрывались отъ усталости. Допросъ свидѣтелей наконецъ окончился. Приступили къ окончательной редакціи протокола. Митя всталъ и перешелъ съ своего стула въ уголь, къ занавѣскѣ, прилегъ на большой накрытый ковромъ хозяйскій сундукъ и мигомъ заснулъ. Приснился ему какой-то странный сонъ, какъ-то совсѣмъ не къ мѣсту и не ко времени. Вотъ онъ будто-бы гдѣ-то ѣдетъ въ степи, тамъ гдѣ служилъ давно, еще прежде, и везетъ его въ слякоть на телѣгѣ, на парѣ, мужикъ. Только холодно будто-бы Митѣ, въ началѣ ноябрь и снѣгъ валить крупными мокрыми хлопьями, а падая на землю тотчасъ таетъ. И бойко везетъ его мужикъ, славно помахиваетъ, русая, длинная такая у него борода, и не то что старикъ, а такъ лѣтъ будетъ пятидесяти, сѣрый мужичій на немъ зипунишко. И вотъ недалеко селеніе, виднѣются избы черныя-пречерныя, а половина избъ погорѣла, торчатъ только одни обгорѣлыя бревна. А при выѣздѣ выстроились на дорогѣ бабы, много бабъ, цѣлый рядъ, все худыя, испитыя, какія-то коричневыя у нихъ лица. Вотъ особенно одна съ краю, такая костлявая, высокаго роста, кажется ей лѣтъ сорокъ, а можетъ и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на рукахъ у нея плачетъ ребеночекъ, и груди-то должно быть у ней такія изсохшія, и ни капли въ нихъ молока. И плачетъ, плачетъ дитя, и ручки протягиваетъ, голенькія, съ кулаченками, отъ холоду совсѣмъ какія-то сизыя.

— Что они плачутъ? Чего они плачутъ? спрашиваетъ лихо пролетая мимо нихъ Митя.

— Дитѣ, отвѣчаетъ ему ямщикъ,—дитѣ плачетъ. И поражаетъ Митю то, что онъ сказалъ по своему, по му-

жицки: „дитё“, а не дитя. И ему нравится что мужикъ сказалъ дитё: жалости будто больше.

— Да отчего оно плачетъ? домогается, какъ глупый, Митя.—Почему ручки голенькія, почему его не закутаютъ?

— А иззябло дитё, промерзла одежонка, вотъ и не грѣетъ.

— Да почему это такъ? Почему? все не отстаетъ глупый Митя.

— А бѣдные, погорѣлые, хлѣбушка нѣту-ти, на погорѣлое мѣсто просятъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все будто еще не понимаетъ Митя,— ты скажи почему это стоятъ погорѣлыя матери, почему бѣдны люди, почему бѣдно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поютъ пѣсень радостныхъ, почему онѣ почернѣли такъ отъ черной бѣды, почему не кормятъ дитё?

И чувствуетъ онъ про себя, что хоть онъ и безумно спрашиваетъ, и безъ толку, но непременно хочется ему именно такъ спросить и что именно такъ и надо спросить. И чувствуетъ онъ еще, что подымается въ сердцѣ его какое то никогда еще небывалое въ немъ умиленіе, что плакать ему хочется, что хочетъ онъ всѣмъ сдѣлать что-то такое чтобы не плакало больше дитё, не плакала-бы и черная изсохшая мать дити, чтобъ не было вовсе слезъ отъ сей минуты ни у кого, и чтобы сейчасъ же, сейчасъ же это сдѣлать не отлагая и не смотря ни на что, со всѣмъ безудержемъ Карамазовскимъ.

— А и я съ тобой, я теперь тебя не оставлю, на всю жизнь съ тобой иду, раздаются подлѣ него милыя, прониженныя чувствомъ слова Грушеньки. И вотъ загорѣлось все сердце его и устремилось къ какому-то свѣту, и хочется ему жить и жить, идти и идти въ какой-то путь,

къ какому зовущему свѣту, и скорѣе, скорѣе, теперь же, сейчасъ!

— Чтѣ? Куда? восклицаетъ онъ открывая глаза и сядя на свой сундукъ, совсѣмъ какъ бы очнувшись отъ обморока, а самъ свѣтло улыбаясь. Надъ нимъ стоитъ Николай Пареевичъ и приглашаетъ его выслушать и подписать протоколъ. Догадался Митя что спалъ онъ часъ или болѣе, но онъ Николая Пареевича не слушалъ. Его вдругъ поразило, что подъ головой у него очутилась подушка, которой однако не было, когда онъ склонился въ безсиліи на сундукъ.

— Кто это мнѣ подъ голову подушку принесъ? Кто былъ такой добрый человѣкъ! воскликнулъ онъ съ какимъ-то восторженнымъ, благодарнымъ чувствомъ и плачущимъ какимъ-то голосомъ, будто и Богъ знаетъ какое благодѣяніе оказали ему. Добрый человѣкъ такъ, потомъ и остался въ неизвѣстности, кто нибудь изъ понятыхъ, а можетъ быть и писарекъ Николая Пареевича распорядились положить ему подушку изъ состраданія, но вся душа его какъ бы сотряслась отъ слезъ. Онъ подошелъ къ столу и объявилъ что подпишетъ все чтѣ угодно.

— Я хорошій сонъ видѣлъ, господа, странно какъ-то произнесъ онъ, съ какимъ-то новымъ, словно радостью озареннымъ лицомъ.

IX.

Увезли Митю.

Когда подписанъ былъ протоколъ, Николай Пареевичъ торжественно обратился къ обвиняемому и прочелъ ему «Постановленіе», гласившее что такого-то года и такого-то дня, тамъ-то, судебный слѣдователь такого-то окруж-

наго суда, допросивъ тако́го-то (то-есть Митю) въ качествѣ обвиняемаго въ томъ-то и въ томъ-то (всѣ вины были тщательно прописаны) и принимая во вниманіе что обвиняемый, не признавая себя виновнымъ во взводимыхъ на него преступленіяхъ, ничего въ оправданіе свое не представилъ, а между тѣмъ свидѣтели (такіе-то) и обстоятельства (такія-то) его вполне уличаютъ, руководствуясь такими-то и такими-то статьями Уложенія о Наказаніяхъ, и т. д. постановилъ: для пресѣченія такому-то (Митѣ) способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда, заключить его въ такой-то тюремный замокъ, о чемъ обвиняемому объявить, а копию сего постановленія товарищу прокурора сообщить и т. д., и т. д. Словомъ Митѣ объявили, что онъ отъ сей минуты арестантъ и что повезутъ его сейчасъ въ городъ, гдѣ и заключать въ одно очень непріятное мѣсто. Митя, внимательно выслушавъ, вскинулъ только плечами.

— Чтò жь, господа, я васъ не виню, я готовъ... Понимаю что вамъ ничего болѣе не остается.

Николай Парееновичъ мягко изъяснилъ ему что свезетъ его тотчасъ же становой приставъ Маврикій Маврикіевичъ, который какъ разъ теперь тутъ случился...

— Стойте, перебилъ вдругъ Митя и съ какимъ-то неудержимымъ чувствомъ произнесъ обращаясь ко всѣмъ въ комнатѣ: — господа, всѣ мы жестоки, всѣ мы изверги, всѣ плакать заставляемъ людей, матерей и грудныхъ дѣтей, но изъ всѣхъ—пусть ужъ такъ будетъ рѣшено теперь—изъ всѣхъ я самый подлый гадъ! Пусть! Каждый день моей жизни я, бія себя въ грудь, обѣщаль исправиться и каждый день творилъ все тѣ же пакости. Понимаю теперь, что на такихъ какъ я нуженъ ударъ, ударъ судьбы, чтобъ захватить его какъ въ арканъ и скрутить внѣшнею силой. Никогда, никогда не поднялся бы я самъ собой! Но громъ

грянулъ. Принимаю муку обвиненія и всенароднаго позора моего, пострадать хочу и страданіемъ очищусь! Вѣдь можетъ быть и очищусь, господа, а? Но услышите однако въ послѣдній разъ: въ крови отца моего не повиненъ! Принимаю казнь не за то что убилъ его, а за то что хотѣлъ убить и можетъ быть въ самомъ дѣлѣ убилъ бы.... Но все таки я намѣренъ съ вами бороться и это вамъ возвѣщаю. Буду бороться съ вами до послѣдняго конца, а тамъ, рѣшить Богъ! Прощайте, господа, не сердитесь что я за допросомъ кричалъ на васъ, о, я былъ тогда еще такъ глупъ... Черезъ минуту я арестантъ и теперь, въ послѣдній разъ, Дмитрій Карамазовъ, какъ свободный еще человѣкъ, протягиваетъ вамъ свою руку. Прощаясь съ вами, съ людьми прощусь!....

Голосъ его задрожалъ и онъ дѣйствительно протянулъ было руку, но Николай Парѣеновичъ, всѣхъ ближе къ нему находившійся, какъ-то вдругъ, почти судорожнымъ какимъ-то жестомъ, припряталъ свои руки назадъ. Митя мигомъ замѣтилъ это и вздрогнулъ. Протянутую руку свою тотчасъ же спустилъ.

— Слѣдствіе еще не заключилось, залепеталъ Николай Парѣеновичъ нѣсколько сконфузясь, — продолжать будемъ еще въ городѣ, и я конечно съ моей стороны готовъ вамъ пожелать всякой удачи.... къ вашему оправданію.... Собственно же васъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, я всегда наклоненъ считать за человѣка такъ сказать болѣе несчастнаго чѣмъ виновнаго... Мы васъ всѣ здѣсь, если только осмѣлюсь выразиться отъ лица всѣхъ, всѣ мы готовы признать васъ за благороднаго въ основѣ своей молодаго человѣка, но увы! увлеченнаго нѣкоторыми страстями въ степени нѣсколько излишней....

Маленькая фигурка Николая Парѣеновича выразила

нодь конецъ рѣчи самую полную сановитость. У Мити мелькнуло было вдругъ что вотъ этотъ «мальчикъ» сейчасъ возьметъ его подъ руку, уведетъ въ другой уголь и тамъ возобновить съ нимъ недавній еще разговоръ ихъ о «дѣвочкахъ.» Но мало ли мелькаетъ совсѣмъ постороннихъ и неидушихъ къ дѣлу мыслей иной разъ даже у преступника ведомаго на смертную казнь.

— Господа, вы добры, вы гуманны,—могу я видѣть *ее*, проститься въ послѣдній разъ? спросилъ Митя.

— Безъ сомнѣнія, но въ видахъ... однимъ словомъ теперь ужъ нельзя не въ присутствіи...

— Пожалуй присутствуйте!

Привели Грушеньку, но прощаніе состоялось короткое, малословное и Николая Парѣновича не удовлетворившее. Грушенька глубоко поклонилась Митѣ.

— Сказала тебѣ что твоя и буду твоя, пойду съ тобой на вѣкъ куда бы тебя ни рѣшили. Прощай безвинно погубившій себя человѣкъ!

Губки ея вздрогнули, слезы потекли изъ глазъ.

— Прости, Груша, меня за любовь мою, за то что любовью моею и тебя сгубилъ!

Митя хотѣлъ и еще что-то сказать, но вдругъ самъ прервалъ и вышелъ. Кругомъ него тотчасъ же очутились люди не спускавшіе съ него глазъ. Внизу у крылечка, къ которому онъ съ такимъ громомъ подкатилъ вчера на Андреевой тройкѣ, стояли уже готовыя двѣ телѣги. Маврикій Маврикіевичъ, приземистый плотный человѣкъ, съ обрюзглымъ лицомъ, былъ чѣмъ-то раздраженъ, какимъ-то внезапно случившимся безпорядкомъ, сердился и кричалъ. Какъ-то слишкомъ уже сурово пригласилъ онъ Митю взлѣсть на телѣгу. «Прежде, какъ я въ трактирѣ поилъ его, совсѣмъ было другое лицо у человѣка,» подумалъ Митя влѣзая. Съ

крылечка спустился внизъ и Трифонъ Борисовичъ. У воротъ столпились люди, мужики, бабы, ямщики, всё усталились на Митю.

— Прощайте Божьи люди! крикнулъ имъ вдругъ съ телѣги Митя.

— И насъ прости, раздались два-три голоса.

— Прощай и ты Трифонъ Борисычъ!

Но Трифонъ Борисычъ даже не обернулся, можетъ быть ужь очень былъ занятъ. Онъ тоже чего-то кричалъ и суетился. Оказалось что на второй телѣгѣ, на которой должны были сопровождать Маврикія Маврикіевича двое сотскихъ, еще не все было въ исправности. Мужиченко, котораго нарядили было на вторую тройку, натягивалъ зипунишко и грѣшно спорилъ, что ѣхать не ему а Акиму. Но Акима не было; за нимъ побѣжали; мужиченко настаивалъ и молилъ обождать.

— Вѣдь это народъ-то у насъ, Маврикій Маврикіевичъ, совсѣмъ безъ стыда! восклицалъ Трифонъ Борисычъ.—Тебѣ Акимъ третьяго дня далъ четвертакъ денегъ, ты ихъ пропилъ, а теперъ кричишь. Добротѣ только вашей удивляюсь съ нашимъ подлымъ народомъ, Маврикій Маврикіевичъ, только это одно скажу!

— Да зачѣмъ намъ вторую тройку? вступился было Митя,—поѣдемъ на одной, Маврикій Маврикіичъ, небось не взбунтуюсь, не убѣгу отъ тебя, къ чему конвой?

— А извольте, сударь, умѣть со мной говорить, если еще не научены, я вамъ не *ты*, не извольте тыкать-сь, да и совѣты на другой разъ сберегите...свирѣпо отрѣзалъ вдругъ Митѣ Маврикій Маврикіевичъ, точно обрадовался сердце сорвать.

Митя примолкъ. Онъ весь покраснѣлъ. Черезъ мгновеніе ему стало вдругъ очень холодно. Дождь пересталъ, но мут-

ное небо все было обтянуто облаками, дуль рѣзкій вѣтеръ прямо въ лицо. «Ознобъ что-ли со мной», подумалъ Митя передернувъ плечами. Наконецъ влѣзъ въ телѣгу и Маврикій Маврикіевичъ, усѣлся грузно, широко и, какъ бы не замѣтивъ, крѣпко потѣснилъ собою Митю. Правда, онъ былъ не въ духѣ и ему сильно не нравилось возложенное на него порученіе.

— Прощай Трифонъ Борисычъ! крикнулъ опять Митя, и самъ почувствовалъ, что не отъ добродушія теперь закричалъ, а со злости, противъ воли крикнулъ. Но Трифонъ Борисычъ стоялъ гордо, заложивъ назадъ обѣ руки и прямо уставясь на Митю, глядѣлъ строго и сердито и Митѣ ничего не отвѣтилъ.

— Прощайте Дмитрій Федоровичъ, прощайте! раздался вдругъ голосъ Калганова, вдругъ откуда-то выскочившаго. Подбѣжавъ къ телѣгѣ, онъ протянулъ Митѣ руку. Былъ онъ безъ фуражки. Митя успѣлъ еще схватить и пожать его руку.

— Прощай милый человѣкъ, не забуду великодушія! горячо воскликнулъ онъ. Но телѣга тронулась и руки ихъ разнялись. Зазвенѣлъ колокольчикъ—увезли Митю.

А Калгановъ забѣжалъ въ сѣни, сѣлъ въ углу, нагнулъ голову, закрылъ руками лицо и заплакалъ, долго такъ сидѣлъ и плакалъ,—плакалъ точно былъ еще маленькій мальчикъ, а не двадцатилѣтній уже молодой человѣкъ. О, онъ вѣрилъ въ виновность Мити почти вполне! «Что же это за люди, какіе же послѣ того могутъ быть люди! безсвязно восклицалъ онъ въ горькомъ уныніи, почти въ отчаяніи. Не хотѣлось даже и жить ему въ ту минуту на свѣтѣ. «Стѣдить ли, стѣдить ли!» восклицалъ огорченный юноша.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

МАЛЬЧИКИ.

I.

Коля Красоткинъ.

Ноябрь въ началѣ. У насъ сталъ морозъ градусовъ въ одиннадцать, а съ нимъ гололедица. На мерзлую землю упало въ ночь немного сухаго снѣгу, и вѣтеръ «сухой и острый» подымаетъ его и мететъ по скучнымъ улицамъ нашего городка и особенно по базарной площади. Утро мутное, но снѣжокъ пересталъ. Недалеко отъ площади, по близости отъ лавки Плотниковыхъ, стоитъ небольшой, очень чистенькій и снаружи и внутри домикъ вдовы чиновника Красоткиной. Самъ губернскій секретарь Красоткинъ померъ уже очень давно, тому назадъ почти четырнадцать лѣтъ, но вдова его, тридцатилѣтняя и до сихъ поръ еще весьма смазливая собою дамочка, жива и живетъ въ своемъ чистенькомъ домикѣ «своимъ капиталомъ». Живетъ она честно и робко, характера нѣжнаго, но довольно веселаго. Осталась она послѣ мужа лѣтъ восемнадцати, проживъ съ нимъ всего лишь около году и только что родивъ ему сына. Съ тѣхъ поръ, съ самой его смерти, она посвятила всю себя воспитанію этого своего нещечка мальчика Коли, и хоть любила его всѣ четырнадцать лѣтъ безъ памяти, но ужъ конечно перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей, трепе-

ща и умирая отъ страха чуть не каждый день что онъ заболѣеть, простудится, нашалить, полѣзеть на стуль и свалится и проч., и проч. Когда же Коля сталъ ходить въ школу и потомъ въ нашу прогимназію, то мать бросилась изучать вмѣстѣ съ нимъ всѣ науки чтобы помогать ему и репетировать съ нимъ уроки, бросилась знакомиться съ учителями и съ ихъ женами, ласкала даже товарищей Коли школьничковъ и лисила предъ ними чтобы не трогали Колю, не насмѣхались надъ нимъ, не прибили его. Довела до того, что мальчишки и въ самомъ дѣлѣ стали было чрезъ нее надъ нимъ насмѣхаться и начали дразнить его тѣмъ что онъ маменькинъ сыногъ. Но мальчикъ съумѣлъ отстоять себя. Былъ онъ смѣлый мальчишка, «ужасно сильный», какъ пронеслась и скоро утвердилась молва о немъ въ классѣ, былъ ловокъ, характера упорнаго, духа дерзкаго и предпримчиваго. Учился онъ хорошо, и шла даже молва что онъ и изъ ариѳметики и изъ всемірной исторіи собьетъ самого учителя Дарданелова. Но мальчикъ хоть и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носогъ, но товарищемъ былъ хорошимъ и не превозносился. Уваженіе школьничковъ принималъ какъ должное, но держалъ себя дружелюбно. Главное, зналъ мѣру, умѣлъ при случаѣ сдержатъ себя самого, а въ отношеніяхъ къ начальству никогда не переступалъ нѣкоторой послѣдней и завѣтной черты за которою уже проступокъ не можетъ быть терпимъ, обращаясь въ безпорядокъ, бунтъ и въ беззаконіе. И однако онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ, пошалить какъ самый послѣдній мальчишка, и не столько пошалить сколько что-нибудь намудрить, начудесить, задать «экстрафеферу,» шикну, порисоваться. Главное, былъ очень самолюбивъ. Даже свою маму съумѣлъ поставить къ себѣ въ отношенія подчиненныя, дѣйствуя на

нее почти деспотически. Она и подчинилась, о, давно уже подчинилась, и лишь не могла ни за что перенести одной только мысли что мальчикъ ее «мало любить». Ей непрерывно казалось, что Коля къ ней «безчувственъ», и бывали случаи что она, обливаясь истерическими слезами, начинала упрекать его въ холодности. Мальчикъ этого не любилъ, и чѣмъ болѣе требовали отъ него сердечныхъ изліяній, тѣмъ какъ бы нарочно становился неподатливѣе. Но происходило это у него не нарочно, а невольно,—таковъ ужъ былъ характеръ. Мать ошибалась: маму свою онъ очень любилъ, а не любилъ только «телячьихъ нѣжностей», какъ выражался онъ на своемъ школьномъ языкѣ. Послѣ отца остался шкафъ въ которомъ хранилось нѣсколько книгъ; Коля любилъ читать и про себя прочелъ уже нѣкоторыя изъ нихъ. Мать этимъ не смущалась и только дивилась иногда какъ это мальчикъ, вмѣсто того чтобъ идти играть, простаиваетъ у шкапа по цѣлымъ часамъ надъ какою-нибудь книжкой. И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что чего бы ему нельзя еще было давать читать въ его возрастѣ. Впрочемъ въ послѣднее время, хотъ мальчикъ и не любилъ переходить въ своихъ шалостяхъ извѣстной черты, но начались шалости испугавшія мать не на шутку,—правда не безнравственныя какія нибудь, зато отчаянныя, голозоровѣзныя. Какъ разъ въ это лѣто, въ іюлѣ мѣсяцѣ, во время вакацій, случилось такъ что маменька съ сыномъ отправились погостить на недѣлку въ другой уѣздъ, за сѣмьдесятъ верстъ, къ одной дальней родственницѣ, мужъ которой служилъ на станціи желѣзной дороги (той самой ближайшей отъ нашего города станціи, съ которой Иванъ Ѳедоровичъ Карамазовъ мѣсяцъ спустя отправился въ Москву). Тамъ Коля началъ съ того что оглядѣлъ желѣзную дорогу въ подробности, изучилъ распорядки, понимая что новыми знаніями

своими можетъ блеснуть возвратясь домой между школьниками своей прогимназіи. Но нашлись тамъ какъ разъ въ то время и еще нѣсколько мальчиковъ, съ которыми онъ и сошелся; одни изъ нихъ проживали на станціи, другіе по сосѣдству,—всего молодого народа отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ сошлось человѣкъ шесть или семь, а изъ нихъ двое случились и изъ нашего городка. Мальчуги вмѣстѣ играли, шалили, и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія на станціи состоялось между глупою молодежью одно преневозможное пари въ два рубля, именно: Коля, почти изъ всѣхъ младшій, а потому нѣсколько презираемый старшими, изъ самолюбія или изъ безпардонной отваги, предложилъ что онъ, ночью, когда придетъ одиннадцатичасовой поѣздъ, ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. Правда, сдѣлано было предварительное изученіе, изъ котораго оказалось что дѣйствительно можно такъ протянуться и сплющиться вдоль между рельсами, что поѣздъ конечно пронесется и не задѣнетъ лежащаго, но однакоже каково пролежать! Коля стоялъ твердо что пролежитъ. Надъ нимъ сначала смѣялись, звали лгунишкой, фанфарономъ, но тѣмъ пуще его подзадорили. Главное, эти пятнадцатилѣтніе слишкомъ ужъ задирали предъ нимъ носъ и сперва даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ «маленькаго», что было уже нестерпимо обидно. И вотъ рѣшено было отправиться съ вечера за версту отъ станціи, чтобы поѣздъ снявшись со станціи, успѣлъ уже совсѣмъ разбѣжаться. Мальчуги собрались. Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. Въ надлежащій часъ Коля легъ между рельсами. Пятеро остальныхъ державшихъ пари, съ замираніемъ сердца, а наконецъ въ страхъ и съ раскаяніемъ ждали внизу насыпи подлѣ дороги въ кустахъ. Наконецъ за

гремѣлъ вдали поѣздъ снявшійся со станціи. Засверкали изъ тьмы два красные фонаря, загрохотало приближающееся чудовище. «Бѣги, бѣги долой съ рельсовъ!» закричали Колю изъ кустовъ умиравшіе отъ страха мальчишки, но было уже поздно: поѣздъ наскочилъ и промчался мимо. Мальчишки бросились къ Колю: онъ лежалъ недвижимо. Они стали его теревить, начали подымать. Онъ вдругъ поднялся и молча сошелъ съ насыпи. Сойдя внизъ, онъ объявилъ, что нарочно лежалъ какъ безъ чувствъ, чтобъ ихъ испугать, но правда была въ томъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, какъ и признался потомъ самъ, уже долго спустя, своей мамѣ. Такимъ образомъ слава «отчаяннаго» за нимъ укрѣпилась на вѣки. Воротился онъ домой на станцію блѣдный, какъ полотно. На другой день заболѣлъ слегка нервной лихорадкой, но духомъ былъ ужасно веселъ, радъ и доволенъ. Происшествіе огласилось не сейчасъ, а уже въ нашемъ городѣ, проникло въ прогимназію и достигло до ея начальства. Но тутъ маменька Коли бросилась молить начальство за своего мальчика и кончила тѣмъ, что его отстоялъ и упрямилъ за него уважаемый и вліятельный учитель Дарданеловъ, и дѣло оставили втунѣ, какъ не бывшее вовсе. Этотъ Дарданеловъ, человѣкъ холостой и не старый, былъ страстно и уже многолѣтне влюбленъ въ госпожу Красоткину, и уже разъ, назадъ тому съ годъ, почтительнѣйше и замирая отъ страха и деликатности, рискнулъ было предложить ей свою руку; но она наотрѣзъ отказала, считая согласіе измѣной своему мальчику, хотя Дарданеловъ, по нѣкоторымъ таинственнымъ признакамъ, даже можетъ быть имѣлъ бы нѣкоторое право мечтать, что онъ не совсѣмъ противенъ прелестной, но уже слишкомъ цѣломудренной и нѣжной вдовицѣ. Сумасшедшая шалость Коли кажется пробила ледъ, и Дарданелову за его заступничество сдѣланъ былъ намекъ о

надеждѣ, правда отдаленный, но и самъ Дарданеловъ былъ феноменомъ чистоты и деликатности, а потому съ него и того было покамѣсть довольно для полноты его счастія. Мальчика онъ любилъ, хотя считалъ бы унижительнымъ предъ нимъ заискивать, и относился къ нему въ классахъ строго и требовательно. Но Коля и самъ держалъ его на почти-тельномъ разстояніи, уроки готовилъ отлично, былъ въ классѣ вторымъ ученикомъ, обращался къ Дарданелову сухо, и весь классъ твердо вѣрилъ, что во всемірной исторіи Коля такъ силенъ что «собьетъ» самого Дарданелова. И дѣйствительно Коля задалъ ему разъ вопросъ: Кто основалъ Трою? на что Дарданеловъ отвѣчалъ лишь вообще про народы, ихъ движенія и переселенія, про глубину временъ, про баснословіе, но на то кто именно основалъ Трою, то есть какія именно лица, отвѣтить не могъ, и даже вопросъ нашелъ почему—то празднымъ и несостоятельнымъ. Но мальчики такъ и остались въ увѣренности, что Дарданеловъ не знаетъ кто основалъ Трою. Коля же вычиталъ объ основателяхъ Трои у Смарагова, хранившагося въ шкафѣ съ книгами, который остался послѣ родителя. Кончилось тѣмъ что всѣхъ даже мальчиковъ стало наконецъ интересовать: кто жъ именно основалъ Трою, но Красоткинъ своего секрета не открывалъ, и слава знанія оставалась за нимъ незыблемо.

Послѣ случая на желѣзной дорогѣ, у Коли въ отношеніяхъ къ матери произошла нѣкоторая перемѣна. Когда Анна Федоровна (вдова Красоткина) узнала о подвигѣ сына, то чуть не сошла съ ума отъ ужаса. Съ ней сдѣлались такіе страшные истерическіе припадки, продолжавшіеся съ перемежками нѣсколько дней, что испуганный уже серьезно Коля далъ ей честное и благородное слово, что подобныхъ шалостей уже никогда не повторится. Онъ поклялся на колѣняхъ предъ образомъ и поклялся памятью отца, какъ по-

требовала сама госпожа Красоткина, причемъ «мужественный» Коля самъ расплакался какъ шестилѣтній мальчижекъ отъ «чувствъ», и мать и сынъ во весь тотъ день бросались другъ другу въ объятія и плакали сотрясаясь. На другой день Коля проснулся по прежнему «безчувственнымъ», однако сталъ молчаливѣе, скромнѣе, строже, задумчивѣе. Правда, мѣсяца чрезъ полтора онъ опять было попался въ одной шалости, и имя его сдѣлалось даже извѣстнымъ нашему мировому судьѣ, но шалость была уже совсѣмъ въ другомъ родѣ, даже смѣшная и глупенькая, да и не самъ онъ, какъ оказалось, совершилъ ее, а только очутился въ нее замѣшаннымъ. Но объ этомъ какъ нибудь послѣ. Мать продолжала трепетать и мучиться, а Дарданеловъ по мѣрѣ тревогъ ея все болѣе и болѣе воспринималъ надежду. Надо замѣтить, что Коля понималъ и разгадывалъ съ этой стороны Дарданелова и ужь разумѣется глубоко презиралъ его за его «чувства»; прежде даже имѣлъ неделикатность выказывать это презрѣніе свое предъ матерью, отдаленно намекая ей что понимаетъ чего добивается Дарданеловъ. Но послѣ случая на желѣзной дорогѣ онъ и на этотъ счетъ измѣнилъ свое поведеніе: намековъ себѣ уже болѣе не позволялъ, даже самыхъ отдаленныхъ, а о Дарданеловѣ при матери сталъ отзываться почтительнѣе, что тотчасъ же съ безпредѣльною благодарностью въ сердцѣ своемъ поняла чуткая Анна Федоровна, но зато при малѣйшемъ самомъ нечаянномъ словѣ даже отъ посторонняго какого-нибудь гостя о Дарданеловѣ, если при этомъ находился Коля, вдругъ вся вспыхивала отъ стыда какъ роза. Коля же въ эти мгновенія или смотрѣлъ нахмуренно въ окно, или разглядывалъ не просятъ ли у него сапоги каши, или свирѣпо звалъ «Преззвона», лохматую, довольно большую и паршивую собаку, которую съ мѣсяць вдругъ откуда то приобрѣлъ,

втащилъ въ домъ и держалъ почему-то въ секретъ въ комнатахъ, никому ее не показывая изъ товарищей. Тиранилъ же ужасно, обучая ее всякимъ штукамъ и наукамъ, и довелъ бѣдную собаку до того, что та была безъ него, когда онъ отлучался въ классы, а когда приходилъ, визжала отъ восторга, скакала какъ полоумная, служила, валилась на землю и притворялась мертвою и проч., словомъ, показывала всѣ штуки которымъ ее обучили, уже не по требованію, а единственно отъ пылкости своихъ восторженныхъ чувствъ и благодарнаго сердца.

Кстати: я и забылъ упомянуть, что Коля Красоткинъ былъ тотъ самый мальчикъ котораго знакомый уже читателю мальчикъ Илюша, сынъ отставнаго штабсъ-капитана Снегирева, пырнулъ перочиннымъ ножичкомъ въ бедро, заступаясь за отца, котораго школьники задразнили «мочалкой».

II.

Дѣтворá.

Итакъ, въ то морозное и сиверное ноябрьское утро, мальчикъ Коля Красоткинъ сидѣлъ дома. Было воскресенье, и классовъ не было. Но пробило уже одиннадцать часовъ, а ему непремѣнно надо было идти со двора «по одному весьма важному дѣлу», а между тѣмъ онъ во всемъ домѣ оставался одинъ и рѣшительно какъ хранитель его, потому что такъ случилось что всѣ его старшіе обитатели, по нѣкоторому экстренному и оригинальному обстоятельству, отлучились со двора. Въ домѣ вдовы Красоткиной, чрезъ сѣни отъ квартиры, которую занимала она сама, отдавалась еще одна и единственная въ домѣ квартирка изъ двухъ маленькихъ комнатъ внаймы, и занимала ее докторша съ двумя мало-

лѣтними дѣтьми. Эта докторша была однихъ лѣтъ съ Анной Федоровной и большая ея пріятельница, самъ же докторъ вотъ уже съ годъ заѣхалъ куда то сперва въ Оренбургъ, а потомъ въ Ташкентъ, и уже съ полгода какъ отъ него не было ни слуху, ни духу, такъ что еслибы не дружба съ г-жою Красоткиной, нѣсколько смягчавшая горе оставленной докторши, то она рѣшительно бы истекла отъ этого горя слезами. И вотъ надобно же было такъ случиться къ довершенію всѣхъ угнетеній судьбы, что въ эту же самую ночь, съ субботы на воскресенье, Катерина, единственная служанка докторши, вдругъ и совсѣмъ неожиданно для своей барыни объявила ей что намѣрена родить къ утру ребеночка. Какъ случилось что никто этого не замѣтилъ заранѣе, было для всѣхъ почти чудомъ. Пораженная докторша рассудила, пока есть еще время, свезти Катерину въ одно приспособленное къ подобнымъ случаямъ въ нашемъ городѣ заведеніе у повивальной бабушки. Такъ какъ служанкою этой она очень дорожила, то немедленно и исполнила свой проектъ, отвезла ее, и сверхъ того осталась тамъ при ней. Затѣмъ уже утромъ понадобилось почему-то все дружеское участіе и помощь самой г-жи Красоткиной, которая при этомъ случаѣ могла кого-то о чемъ-то попросить и оказать какое-то покровительство. Такимъ образомъ обѣ дамы были въ отлучкѣ, служанка же самой г-жи Красоткиной, баба Агаея, ушла на базаръ, и Коля очутился такимъ образомъ на время хранителемъ и караульщикомъ «пузырей», то есть мальчика и дѣвочки докторши, оставшихся одинешенькими. Караулить домъ Коля не боялся, съ нимъ къ тому же былъ Перезвонъ, которому повелѣно было лежать ничкомъ въ передней подъ лавкой «безъ движеній», и который именно, поэтому каждый разъ какъ входилъ въ переднюю расхаживавшій по комнатамъ Коля

вздрагивалъ головой и давалъ два твердые и заискивающіе удара хвостомъ по полу, но увы, призывнаго свиста не раздавалось. Коля грозно взглядывалъ на несчастнаго пса, и тотъ опять замиралъ въ послушномъ оцѣпенѣніи. Но если что смущало Колю, то единственно «пузыри». На нечаянное приключеніе съ Катериной онъ, разумѣется, смотрѣлъ съ самымъ глубокимъ презрѣніемъ, но осиротѣвшихъ пузырей онъ очень любилъ, и уже снесъ имъ какую-то дѣтскую книжку. Настя, старшая дѣвочка, восьми уже лѣтъ, умѣла читать, а младшій пузырь, семилѣтній мальчикъ, Костя, очень любилъ слушать когда Настя ему читаетъ. Разумѣется, Красоткинъ могъ бы ихъ занять интереснѣе, то есть поставить обоихъ рядомъ и начать съ ними играть въ солдаты, или прятаться по всему дому. Это онъ не разъ уже дѣлалъ прежде и не брезгалъ дѣлать, такъ что даже въ классѣ у нихъ разнеслось было разъ, что Красоткинъ у себя дома играетъ съ маленькими жильцами своими въ лошадки, прыгаетъ за пристяжную и гнетъ голову, но Красоткинъ гордо отпарировалъ это обвиненіе, выставивъ на видъ, что со сверстниками, съ тринадцатилѣтними, дѣйствительно было бы позорно играть «въ нашъ вѣкъ» въ лошадки, но что онъ дѣлаетъ это для «пузырей», потому что ихъ любить, а въ чувствахъ его никто не смѣетъ у него спрашивать отчета. Зато и обожали же его оба «пузыря». Но на сей разъ было не до игрушекъ. Ему предстояло одно очень важное собственное дѣло, и на видъ какое-то почти даже таинственное, между тѣмъ время уходило, а Агаѣя, на которую можно бы было оставить дѣтей, все еще не хотѣла возвратиться съ базара. Онъ нѣсколько разъ уже переходилъ чрезъ сѣни, отворялъ дверь къ докторшѣ и озабоченно оглядывалъ «пузырей», которые, по его приказанію, сидѣли за книжкой, и каждый разъ, какъ

онъ отворялъ дверь, молча улыбались ему во весь ротъ, ожидая что вотъ онъ войдетъ и сдѣлаетъ что нибудь прекрасное и забавное. Но Коля былъ въ душевной тревогѣ и не входилъ. Наконецъ пробило одиннадцать, и онъ твердо и окончательно рѣшилъ, что если чрезъ десять минутъ «проклятая» Агаея не воротится, то онъ уйдетъ со двора ея не дождавшись, разумѣется, взявъ съ «пузырей» слово, что они безъ него не струсятъ, не нашалятъ и не будутъ отъ страха плакать. Въ этихъ мысляхъ онъ одѣлся въ свое ватное зимнее пальтишко съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то котика, навѣсилъ черезъ плечо свою сумку и, не смотря на прежнія неоднократныя мольбы матери, чтобъ онъ по «такому холоду», выходя со двора, всегда надѣвалъ калошки, только съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ проходя чрезъ переднюю и вышелъ въ однихъ сапогахъ. Перезвонъ, завидя его одѣтымъ, началъ было усиленно стучать хвостомъ по полу, нервно подергиваясь всѣмъ тѣломъ и даже испустилъ было жалобный вой, но Коля, при видѣ такой страстной стремительности своего пса, заключилъ, что это вредитъ дисциплинѣ, и хоть минуту а выдержалъ его еще подъ лавкой, и, уже, отворивъ только дверь въ сѣни вдругъ свистнулъ его. Песъ вскочилъ какъ сумасшедшій и бросился скакать предъ нимъ отъ восторга. Перейдя сѣни, Коля отворилъ дверь къ «пузырямъ». Оба по прежнему сидѣли за столикомъ, но уже не читали, а жарко о чемъ-то спорили. Эти дѣтки часто другъ съ другомъ спорили о разныхъ вызывающихъ житейскихъ предметахъ, причемъ Настя, какъ старшая, всегда одерживала верхъ; Костя же, если не соглашался съ нею, то всегда почти шелъ апеллировать къ Колѣ Красоткину, и ужъ какъ тотъ рѣшалъ, такъ оно и оставалось въ видѣ абсолютнаго приговора для всѣхъ сторонъ. На этотъ разъ споръ «пузырей» нѣсколько заинтере-

соваль Красоткина, и онъ остановился въ дверяхъ послушать. Дѣтки видѣли что онъ слушаетъ и тѣмъ еще съ бѣльшимъ азартомъ продолжали свое препираніе.

— Никогда, никогда я не повѣрю, горячо лепетала Настя,—что маленькихъ дѣтокъ повивальныя бабушки ходятъ въ огородъ, между грядками съ капустой. Теперь ужь зима, и никакихъ грядокъ нѣтъ, и бабушка не могла принести Катеринѣ дочку.

— Фью! присвистнулъ про себя Коля.

— Или вотъ какъ: онѣ приносятъ откуда нибудь, но только тѣмъ, которыя замужъ выходятъ.

Костя пристально смотрѣлъ на Настю, глубокомысленно слушалъ и соображалъ.

— Настя, какая ты дура, произнесъ онъ наконецъ твердо и не горячася,—какой же можетъ быть у Катерины ребеночекъ, когда она не замужемъ?

Настя ужасно загорячилась.

— Ты ничего не понимаешь, раздражительно оборвала она,—можетъ у нея мужъ былъ, но только въ тюрьмѣ сидеть, а она вотъ и родила.

— Да развѣ у нея мужъ въ тюрьмѣ сидеть? важно освѣдомился положительный Костя.

— Или вотъ чтѣ, стремительно перебила Настя, совершенно бросивъ и забывъ свою первую гипотезу: у нея нѣтъ мужа, это ты правъ, но она хочетъ выйти замужъ, вотъ и стала думать, какъ выйдетъ замужъ, и все думала, все думала, и до тѣхъ поръ думала, что вотъ онъ у ней и сталъ не мужъ, а ребеночекъ.

— Ну развѣ такъ, согласился совершенно побѣжденный Костя,—а ты этого раньше не сказала, такъ какъ же я могъ знать.

— Ну, дѣтворá, произнесъ Коля шагнувъ къ нимъ въ комнату,—опасный вы я вижу народъ!

— И Перезвонъ съ вами? ослабился Костя и началъ прищелкивать пальцами и звать Перезвона.

— Пузыри, я въ затрудненіи, началъ важно Красоткинъ,—и вы должны мнѣ помочь: Агаея, конечно, ногу сломала, потому что до сихъ поръ не является, это рѣшено и подписано, мнѣ же необходимо со двора. Отпустите вы меня али нѣтъ?

Дѣти озабоченно переглянулись другъ съ другомъ, ослабившіяся лица ихъ стали выражать безпокойство. Они впрочемъ еще не понимали вполнѣ чего отъ нихъ добиваются.

— Шалить безъ меня не будете? Не полѣзете на шкапъ, не сломаете ногу? Не заплачете отъ страха одни?

На лицахъ дѣтей выразилась страшная тоска.

— А я бы вамъ за то могъ вещицу одну показать, пушечку мѣдную, изъ которой можно стрѣлять настоящимъ порохомъ.

Лица дѣтокъ мгновенно прояснились.

— Покажите пушечку, весь просіявшій проговорилъ Костя.

Красоткинъ запустилъ руку въ свою сумку и вынувъ изъ нея маленькую бронзовую пушечку, поставилъ ее на столъ.

— То-то покажите! Смотри, на колескахъ,—прокатилъ онъ игрушку по столу,—и стрѣлять можно. Дробью зарядить и стрѣлять.

— И убьетъ?

— Всѣхъ убьетъ, только стодить навести,—и Красоткинъ растолковалъ куда положить порохъ, куда вкатить дробинку, показалъ на дырочку въ видѣ затравки и рассказаль, что бываетъ откатъ. Дѣти слушали со страшнымъ

любопытствомъ. Особенно поразило ихъ воображеніе, что бываетъ откатъ.

— А у васъ есть порохъ? освѣдомилась Настя.

— Есть.

— Покажите и порохъ, протянула она съ прозящею улыбкой.

Красоткинъ опять слазилъ въ сумгу и вынулъ изъ нея маленькій пузырекъ, въ которомъ дѣйствительно было насыпано нѣсколько настоящаго пороха, а въ свернутой бумажкѣ оказалось нѣсколько крупинокъ дроби. Онъ даже откупорилъ пузырекъ и высыпалъ немножко пороху на ладонь.

— Вотъ, только не было бы гдѣ огня, а то такъ и взорветъ и насъ всѣхъ перебьетъ, предупредилъ для эффекта Красоткинъ.

Дѣти разсматривали порохъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, еще усилившимъ наслажденіе. Но Костъ больше понравилась дробь.

— А дробь не горитъ? освѣдомился онъ.

— Дробь не горитъ.

— Подарите мнѣ немножко дроби, проговорилъ онъ умоляющимъ голоскомъ.

— Дроби немножко подарю, вотъ, бери, только мамѣ своей до меня не показывай, пока я не приду обратно, а то подумаетъ что это порохъ и такъ и умретъ отъ страха, а васъ выпоретъ.

— Мама насъ никогда не сѣчетъ розгой, тотчасъ же замѣтила Настя.

— Знаю, я только для красоты слога сказалъ. И маму вы никогда не обманывайте, но на этотъ разъ — пока я приду. Итакъ, пузыри, можно мнѣ идти или нѣтъ? Не заплачете безъ меня отъ страха.

— Заплачемъ, протянулъ Костя, уже готовляясь плакать.

— Заплачемъ, непременно заплачемъ! подхватила пугливою скороговоркой и Настя.

— Охъ дѣти, дѣти, какъ опасны ваши лѣта. Нечего дѣлать, птенцы, придется съ вами просидѣть не знаю сколько. А время-то, время-то, ухъ!

— А прикажите Перезвону мертвымъ притвориться, попросилъ Костя.

— Да ужъ нечего дѣлать, придется прибѣгнуть и къ Перезвону. Ісі Перезвонъ! И Коля началъ повелѣвать собаку, а та представлять все что знала. Это была лохматая собака, величиной съ обыкновенную дворняшку, какой-то сѣро-лиловой шерсти. Правый глазъ ея былъ кривъ, а лѣвое ухо почему-то съ разрѣзомъ. Она взвизгивала и прыгала, служила, ходила на заднихъ лапахъ, бросалась на спину всѣми четырьмя лапами вверхъ и лежала безъ движенія какъ мертвая. Во время этой послѣдней штуки отворилась дверь и Агаея, толстая служанка г-жи Красоткиной, рябая баба лѣтъ сорока, показала на порогъ, возвратясь съ базара съ кульбомъ накупленной провизіи въ рукѣ. Она стала и, держа въ лѣвой рукѣ на отвѣсѣ кулекъ, принялась глядѣть на собаку. Коля, какъ ни ждалъ Агаею, представленія не прервалъ и выдержавъ Перезвона определенное время мертвымъ, наконецъ-то свистнулъ ему: собака вскочила и пустилась прыгать отъ радости, что исполнила свой долгъ.

— Вишь, песъ! проговорила назидательно Агаея.

— А ты чего, женскій полъ, опоздала? спросилъ грозно Красоткинъ.

— Женскій полъ, ишь пупырь!

— Пупырь?

— И пупырЬ. Чтѣ тебѣ, что я опоздала, значить такъ надо коли опоздала, бормотала Агаеья, принимаясь возиться около печки, но совсѣмъ не недовольнымъ и не сердитымъ голосомъ, а напротивъ очень довольнымъ, какъ будто радуясь случаю позубоскалить съ веселымъ барченкомъ.

— Слушай, легкомысленная старуха, началъ вставая съ дивана Красоткинъ,—можешь ты мнѣ поглясться всѣмъ что есть святаго въ этомъ мѣрѣ и сверхъ того чѣмъ-нибудь еще, что будешь наблюдать за пузырями въ мое отсутствіе неустанно? Я ухожу со двора.

— А зачѣмъ я тебѣ влястись стану? засмѣялась Агаеья,—и такъ присмотрю.

— Нѣтъ, не иначе какъ поглявшись вѣчнымъ спасеніемъ души твоей. Иначе не уйду.

— И не уходи. Мнѣ како дѣло, на дворѣ морозъ, сиди дома.

— Пузыри, обратился Коля къ дѣткамъ,—эта женщина останется съ вами до моего прихода или до прихода вашей мамы, потому что и той давно бы воротиться надо. Сверхъ того дасть вамъ позавтракать. Дашь чегонибудь имъ, Агаеья?

— Это возможно.

— До свиданія, птенцы, ухожу со спокойнымъ сердцемъ. А ты, бабуся,—вполголоса и важно проговорилъ онъ, проходя мимо Агаеьи,—надѣюсь, не станешь имъ вратъ обычныя ваши бабьи глупости про Катерину, пощадишь дѣтскій возрастъ. Ісі Перезвонъ!

— И ну тебя къ Богу, огрызнулась уже съ сердцемъ Агаеья. Смѣшной! Выпороть самого-то, вотъ чтѣ, за такія слова.

III.

ШКОЛЬНИКЪ.

Но Коля уже не слушалъ. Наконецъ-то онъ могъ уйти. Выйдя за ворота, онъ оглядѣлся, передернулъ плечиками и проговоривъ: «морозъ!» направился прямо по улицѣ и потомъ направо по переулку въ базарной площади. Не доходя одного дома до площади, онъ остановился у воротъ, вынулъ изъ карманка свистульку и свистнулъ изо всей силы, какъ бы подавая условный знакъ. Ему пришлось ждать не болѣе минуты, изъ галитки вдругъ выскочилъ къ нему румяненѣй мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, тоже одѣтый въ теплое, чистенькое и даже щегольское пальцецо. Это былъ мальчикъ Смуровъ, состоявшій въ приготовительномъ классѣ (тогда какъ Коля Красоткинъ былъ уже двумя классами выше), сынъ зажиточнаго чиновника и которому, кажется, не позволяли родители водиться съ Красоткинымъ какъ съ извѣстнѣйшимъ отчаяннымъ шалуномъ, такъ что Смуровъ очевидно выскочилъ теперь украдкой. Этотъ Смуровъ, если не забылъ читатель, былъ одинъ изъ той группы мальчиковъ, которые два мѣсяца тому назадъ кидали камнями черезъ канаву въ Илюшу и который рассказывалъ тогда про Илюшу Алешѣ Карамазову.

— Я васъ уже цѣлый часъ жду, Красоткинъ, съ рѣшительнымъ видомъ проговорилъ Смуровъ, и мальчики зашагали къ площади.

— Запоздалъ, отвѣтилъ Красоткинъ.—Есть обстоятельства. Тебя не выпорютъ что ты со мной?

— Ну полноте, развѣ меня порютъ? И Перезвонъ съ вами?

— И Перезвонъ!

— Вы и его туда?

— И его туда.

— Ахъ кабы Жучка!

— Нельзя Жучку. Жучка не существуетъ. Жучка исчезла во мракъ неизвѣстности.

— Ахъ, нельзя ли бы такъ, приостановился вдругъ Смуровъ,—вѣдь Илюша говоритъ, что Жучка тоже была лохматая и тоже такая же сѣдая, дымчатая, какъ и Перезвонъ,—нельзя ли сказать, что это та самая Жучка и есть, онъ можетъ быть и повѣрить?

— Школьникъ, гнушайся лжи, это разъ; даже для добраго дѣла, два. А главное, надѣюсь ты тамъ не объявлялъ ничего о моемъ приходѣ.

— Боже сохрани, я вѣдь понимаю же. Но Перезвономъ его не утѣшишь, вздохнулъ Смуровъ. Знаешь что: отецъ этотъ, капитанъ, мочалка-то, говорилъ намъ, что сегодня щеночка ему принесетъ, настоящаго медалянскаго, съ чернымъ носомъ; онъ думаетъ, что этимъ утѣшить Илюшу, только врядъ ли?

— А каковъ онъ самъ, Илюша-то?

— Ахъ, плохъ, плохъ! Я думаю у него чахотка. Онъ весь въ памяти, только такъ дышетъ—дышетъ, нехорошо онъ дышетъ. Намедни попросилъ чтобъ его поводили, обули его въ сапожки, пошелъ было, да и валится. «Ахъ, говоритъ, я говорилъ тебѣ, папа, что у меня дурные сапожки, прежніе, въ нихъ и прежде было не ловко ходить». Это онъ думалъ, что онъ отъ сапожекъ съ ногъ валится, а онъ просто отъ слабости. Недѣли не проживетъ. Герценштубе ѣздитъ. Теперь они опять богаты, у нихъ много денегъ.

— Шельмы.

— Кто шельмы?

— Доктора, и вся медицинская сволочь говоря вообще,

и ужь разумѣется въ частности. Я отрицаю медицину. Без-
полезное учрежденіе. Я впрочемъ все это изслѣдую. Что
это у васъ тамъ за сентиментальности однако завелись? Вы
тамъ всѣмъ классомъ кажется пребываете?

— Не всѣмъ, а такъ человѣкъ десять нашихъ ходить
туда, всегда, всякій день. Это ничего.

— Удивляетъ меня во всемъ этомъ роль Алексѣя Ка-
рамазова: брата его завтра или послѣ завтра судятъ за та-
кое преступленіе, а у него столько времени на сентимен-
тальничанье съ мальчиками!

— Совсѣмъ тутъ никакого нѣтъ сентиментальничанья.
Самъ же вотъ идешь теперь съ Илюшей мириться.

— Мириться? Смѣшное выраженіе. Я впрочемъ никому
не позволяю анализовать мои поступки.

— А какъ Илюша будетъ тебѣ радъ! Онъ и не вообра-
жаетъ, что ты придешь. Почему, почему ты такъ долго не
хотѣлъ идти? воскликнулъ вдругъ съ жаромъ Смуровъ.

— Милый мальчикъ, это мое дѣло, а не твое. Я иду
самъ по себѣ, потому что такова моя воля, а васъ всѣхъ
притащилъ туда Алексѣй Карамазовъ, значитъ разница. И
почемъ ты знаешь, я можетъ вовсе не мириться иду? Глу-
пое выраженіе.

— Во все не Карамазовъ, совсѣмъ не онъ. Просто наши
сами туда стали ходить, конечно сперва съ Карамазовымъ.
И ничего такого не было, никакихъ глупостей. Сначала
одинъ, потомъ другой. Отецъ былъ ужасно намъ радъ. Ты
знаешь, онъ просто съ ума сойдетъ коль умретъ Илюша.
Онъ видитъ что Илюша умретъ. А намъ-то какъ радъ, что
мы съ Илюшей помирились. Илюша о тебѣ спрашивалъ
ничего больше не прибавилъ. Спросить и замолчить. А
отецъ съ ума сойдетъ или повѣсится. Онъ вѣдь и прежде
держалъ себя какъ помѣшанный. Знаешь, онъ благородный

человѣкъ, и тогда вышла ошибка. Все этотъ отцеубійца виновать, что избилъ его тогда.

— А всетаки Карамазовъ для меня загадка. Я могъ бы и давно съ нимъ познакомиться, но я въ иныхъ случаяхъ люблю быть гордымъ. Притомъ я составилъ о немъ нѣкоторое мнѣніе, которое надо еще провѣрить и разъяснить.

Коля важно примолгъ; Смуровъ тоже. Смуровъ разумѣется благоговѣлъ предъ Колей Красоткинымъ и не смѣлъ и думать равняться съ нимъ. Теперь же былъ ужасно заинтересованъ, потому что Коля объяснилъ, что идетъ «самъ по себѣ», и была тутъ стало быть непремѣнно какая-то загадка въ томъ, что Коля вдругъ вздумалъ теперь и именно сегодня идти? Они шли по базарной площади, на которой на этотъ разъ стояло много пріѣзжихъ воевъ и было много пригнанной птицы. Городскія бабы торговали подъ своими навѣсами бубликами, нитками и проч. Такіе воскресные съѣзды наивно называются у насъ въ городкѣ ярмарками, и такихъ ярмарокъ бываетъ много въ году. Перезвонъ бѣжалъ въ веселѣйшемъ настроеніи духа, уклоняясь безпрестанно направо и налево гдѣ нибудь что нибудь понюхать. Встрѣчаясь съ другими собачонками, съ необыкновенною охотой съ ними обнюхивался по всѣмъ собачьимъ правиламъ.

— Я люблю наблюдать реализмъ, Смуровъ, заговорилъ вдругъ Коля. — Замѣтилъ ты какъ собаки встрѣчаются и обнюхиваются? Тутъ какой-то общій у нихъ законъ природы.

— Да, какой-то смѣшной.

— То есть не смѣшной, это ты неправильно. Въ природѣ ничего нѣтъ смѣшнаго, какъ-бы тамъ ни казалось человѣку съ его предразсудками. Если-бы собаки могли разсуждать и критиковать, то навѣрно-бы нашли столько-же

для себя смѣшнаго, если не гораздо больше, въ соціальныхъ отношеніяхъ между собою людей, ихъ повелителей, — если не гораздо больше; это я повторяю потому что я твердо увѣренъ, что глупостей у насъ гораздо больше. Это мысль Ракитина, мысль замѣчательная. Я социалистъ, Смуровъ.

— А что такое социалистъ? спросилъ Смуровъ.

— Это коли всѣ равны, у всѣхъ одно общее имѣніе, нѣтъ браковъ, а религія и всѣ законы какъ кому угодно, ну и тамъ все остальное. Ты еще не доросъ до этого, тебѣ рано. Холодно однако.

— Да. Двѣнадцать градусовъ. Давеча отецъ смотрѣлъ на термометръ.

— И замѣтилъ ты, Смуровъ, что въ срединѣ зимы, если градусовъ пятнадцать или даже восемнадцать, то кажется не такъ холодно, какъ напримѣръ теперь, въ началѣ зимы, когда вдругъ нечаянно ударить морозъ какъ теперь въ двѣнадцать градусовъ, да еще когда снѣгу мало. Это значить люди еще не привыкли. У людей все привычка, во всемъ, даже въ государственныхъ и въ политическихъ отношеніяхъ. Привычка—главный двигатель. Какой смѣшной однако мужикъ.

Коля указалъ на рослаго мужика въ тулупѣ, съ добродушною фізіономіей, который у своего воза похлопывалъ отъ холода ладонями въ рукавицахъ. Длинная русая борода его вся заиндевѣла отъ мороза.

— У мужика борода замерзла! громко и задирчиво крикнулъ Коля, проходя мимо него.

— У многихъ замерзла, спокойно и сентенціозно промолвилъ въ отвѣтъ мужикъ.

— Не задирай его, замѣтилъ Смуровъ.

— Ничего, не осердится, онъ хорошій. Прощай Матвѣй.

— Прощай.

— А ты развѣ Матвѣй?

— Матвѣй. А ты не зналъ?

— Не зналъ; я наугадъ сказалъ.

— Ишь вѣдь. Въ школьникахъ небось?

— Въ школьникахъ.

— Чтò-жь тебя порютъ?

— Не то чтобы, а такъ.

— Больно?

— Не безъ того!

— Эхъ жисть! вздохнулъ мужикъ отъ всего сердца.

— Прощай Матвѣй.

— Прощай. Парнишка ты милый, вотъ чтò.

Мальчиги пошли дальше.

— Это хорошій мужикъ, заговорилъ Коля Смурову.—

Я люблю поговорить съ народомъ и всегда радъ отдать ему справедливость.

— Зачѣмъ ты ему совралъ, что у насъ сѣкутъ? спросилъ Смуровъ.

— Надо-же было его утѣшить?

— Чѣмъ это?

— Видишь, Смуровъ, не люблю я когда переспрашиваютъ, если не понимаютъ съ перваго слова. Иного и растолковать нельзя. По идеѣ мужика школьника порютъ и должны пороть: чтò, дескать, за школьникъ, если его не порютъ? И вдругъ я скажу ему, что у насъ не порютъ, вѣдь онъ этимъ огорчится. А впрочемъ, ты этого не понимаешь. Съ народомъ надо умѣючи говорить.

— Только не задирай пожалуйста, а то опять выйдетъ исторія какъ тогда съ этимъ гусемъ.

— А ты боишься?

— Не смѣйся, Коля, ей Богу боюсь. Отецъ ужасно разсердится. Мнѣ строго запрещено ходить съ тобой.

— Не беспокойся, нынѣшній разъ ничего не произойдетъ. Здравствуй Наташа, кривнуль онъ одной изъ торговокъ подъ навѣсомъ.

— Какая я тебѣ Наташа, я Марья, крикливо отвѣтила торговка, далеко еще не старая женщина.

— Это хорошо что Марья, прощай.

— Ахъ ты пострѣленокъ, отъ земли не видать, а туда же?

— Некогда, некогда мнѣ съ тобой, въ будущее воскресенье расскажешь, замахалъ руками Коля, точно она къ нему приставала, а не онъ къ ней.

— А что мнѣ тебѣ рассказывать въ воскресенье? Самъ привязался, а не я къ тебѣ, озорникъ, раскричалась Марья, — выпоротъ тебя, вотъ что, обидчикъ ты извѣстный, вотъ что!

Между другими торговками, торговавшими на своихъ лоткахъ рядомъ съ Марьей, раздался смѣхъ, какъ вдругъ изъ подъ аркады городскихъ лавокъ выскочилъ ни съ того ни съ сего одинъ раздраженный человекъ въ родѣ купеческаго прикащика, и не нашъ торговецъ, а изъ приѣзжихъ, въ длиннополомъ синемъ кафтанѣ, въ фуражкѣ съ козырькомъ, еще молодой, въ темнорусыхъ кудряхъ и съ длиннымъ, блѣднымъ, рябоватымъ лицомъ. Онъ былъ въ какомъ-то глупомъ волненіи и тотчасъ принялся грозить Колѣ кулакомъ.

— Я тебя знаю, восклицалъ онъ раздраженно, — я тебя знаю!

Коля пристально поглядѣлъ на него. Онъ что-то не могъ припомнить, когда онъ съ этимъ человекомъ могъ имѣть какую нибудь схватку. Но мало-ли у него было схватокъ на улицахъ, всѣхъ и припомнить было нельзя.

— Знаешь? иронически спросилъ онъ его.

— Я тебя знаю! Я тебя знаю! наладилъ какъ дуракъ мѣщанинъ.

— Тебѣ-же лучше. Ну некогда мнѣ, прощай!

— Чего озорничаешь? закричалъ мѣщанинъ.—Ты опять озорничать? Я тебя знаю! Ты опять озорничать?

— Это, братъ, не твое теперь дѣло что я озорничаю, произнесъ Коля, остановясь и продолжая его разглядывать.

— Какъ не мое?

— Тагъ, не твое.

— А чье-же? Чье-же? Ну, чье-же?

— Это, братъ, теперь Трифона Никитича дѣло, а не твое.

— Какого такого Трифона Никитича? съ дурацкимъ удивленіемъ, хотя все также горячась, уставился на Колю парень. Коля важно обмѣрилъ его взглядомъ.

— Къ Вознесенью ходилъ? строго и настойчиво вдругъ спросилъ онъ его.

— Къ какому Вознесенью? Зачѣмъ? Нѣтъ, не ходилъ, опѣшилъ немного парень.

— Сабанѣва знаешь? еще настойчивѣе и еще строже продолжалъ Коля.

— Какого тѣ Сабанѣва? Нѣтъ, не знаю.

— Ну и чортъ съ тобой послѣ этого! отрѣзалъ вдругъ Коля и, круто повернувъ направо, быстро зашагалъ своею дорогой, какъ будто и говорить презирая съ такимъ олухомъ, который Сабанѣва даже не знаетъ.

— Стой ты, эй! Какого тѣ Сабанѣва? опомнился парень, весь опять заволновавшись.—Это онъ чего такого говорилъ? повернулся онъ вдругъ къ торговкамъ, глупо смотря на нихъ.

Бабы разсмѣялись.

— Мудреный мальчишка, проговорила одна.

— Какого, какого это онъ Сабанѣва? все неистово повторялъ парень, махая правою рукой.

— А это надоть быть Сабанѣва, который у Кузмиче-

выхъ служилъ, вотъ какъ надоть быть, догадалась вдругъ одна баба.

Парень дико на нее уставился.

— Кузь-ми-чева? переговорила другая баба, да какой онъ Трифонъ? Тотъ Кузьма, а не Трифонъ, а парнишка Трифономъ Никитычемъ называлъ, стало не онъ.

— Это вишь не Трифонъ и не Сабанѣвъ, это Чижевъ, подхватила вдругъ третья баба, доселѣ молчавшая и серьезно слушавшая,—Алексѣй Ивановичемъ звать его. Чижевъ, Алексѣй Ивановичъ.

— Это такъ и есть что Чижевъ, настойчиво подтвердила четвертая баба.

Ошеломленный парень глядѣлъ то на ту, то на другую.

— Да зачѣмъ онъ спрашивалъ, спрашивалъ-то онъ зачѣмъ, люди добрые! восклицалъ онъ уже почти въ отчаяніи:—«Сабанѣва знаешь?» А чортъ его знаетъ какой онъ есть таковъ Сабанѣвъ?

— Безтолковый ты человѣкъ, говорятъ тѣ не Сабанѣвъ, а Чижевъ, Алексѣй Ивановичъ Чижевъ, вотъ кто! внушительно крикнула ему одна торговка.

— Какой Чижевъ? Ну, какой? Говори коли знаешь.

— А длинный, возгривый, лѣтось на базарѣ сидѣлъ.

— А на кой лядъ мнѣ твоео Чижова, люди добрые, а?

— А я почемъ знаю на кой тѣ лядъ Чижова.

— А кто тебя знаетъ на чтò онъ тебѣ, подхватила другая,—самъ долженъ знать на чтò его тебѣ надо, коли галдишь. Вѣдь онъ тебѣ говорилъ, а не намъ, глупый ты человѣкъ. Аль правду не знаешь?

— Кого?

— Чижова.

— А чортъ его дери Чижова съ тобой вмѣстѣ! Отблочу его, вотъ чтò! Смѣялся онъ надо мной!

— Чижова-то отколотишь? Либо онъ тебя! Дуракъ ты, вотъ чтò!

— Не Чижова, не Чижова, баба ты злая, вредная, мальчишку отколочу, вотъ чтò! Давайте его, давайте его сюда, смѣялся онъ надо мной!

Бабы хохотали. А Коля шагаль уже далеко съ побѣдоноснымъ выраженіемъ въ лицѣ. Смуровъ шелъ подлѣ, оглядываясь на кричащую вдали группу. Ему тоже было очень весело, хотя онъ все еще опасался какъ бы не попасть съ Колей въ исторію.

— Про какого ты его спросилъ Сабанѣва? спросилъ онъ Колю, предчувствуя отвѣтъ.

— А почему я знаю про какого? Теперь у нихъ до вечера крику будетъ. Я люблю расшевелить дураковъ во всѣхъ слояхъ общества. Вотъ и еще стоитъ олухъ, вотъ этотъ мужикъ. Замѣть себѣ, говорятъ: «Ничего нѣтъ глупѣе глупаго Француза», но и русская фізіономія выдаетъ себя. Ну не написано ль у этого на лицѣ что онъ дуракъ, вотъ у этого мужика, а?

— Оставь его, Коля, пройдемъ мимо.

— Ни за что не оставлю, я теперь поѣхаль. Эй! здравствуй мужикъ!

Дюжій мужикъ медленно проходившій мимо и уже должно быть выпившій, съ круглымъ простоватымъ лицомъ и съ бородой съ просѣдью, поднялъ голову и посмотрѣлъ на парнишку.

— Ну, здравствуй коли не шутишь, неторопливо проговорилъ онъ въ отвѣтъ.

— А коль шучу? засмѣялся Коля.

— А шутишь, такъ и шути, Богъ съ тобой. Ничего, это можно. Это всегда возможно чтобъ пошутить.

— Виновать, братъ, пошутить.

— Ну и Богъ тѣ прости.

— Ты-то прощаешь-ли?

— Оченно прощаю. Ступай.

— Вишь вѣдь ты, да ты, пожалуй, мужикъ умный.

— Умнѣй тебя, неожиданно и по прежнему важно отвѣтилъ мужикъ.

— Врядъ-ли, опѣшилъ нѣсколько Коля.

— Вѣрно говорю.

— А пожалуй что и такъ.

— То-то, братъ.

— Прощай, мужикъ.

— Прощай.

— Мужики бываютъ разные, замѣтилъ Коля Смурову послѣ нѣкотораго молчанія.—Почемъ-же я зналъ что нарвусь на умника. Я всегда готовъ признать умъ въ народѣ.

Вдали на соборныхъ часахъ пробило половину двѣнадцатаго. Мальчики заспѣшили, и остальной довольно еще длинный путь до жилища штабсъ-капитана Снегирева прошли быстро и почти уже не разговаривая. За двадцать шаговъ до дома Коля остановился и велѣлъ Смурову пойти впередъ и вызвать ему сюда Карамазова.

— Надо предварительно обнюхаться, замѣтилъ онъ Смурову.

— Да зачѣмъ вызывать, возразилъ было Смуровъ,— войди и такъ, тебѣ ужасно обрадуются. А то чтѣ-же на морозѣ знакомиться?

— Это ужъ я знаю зачѣмъ мнѣ его надо сюда на морозъ, деспотически отрѣзалъ Коля (чтѣ ужасно любилъ дѣлать съ этими «маленькими»), и Смуровъ побѣждалъ исполнять приказаніе.

IV

Ж у ч к а.

Коля съ важною миной въ лицѣ прислонился къ забору и сталь ожидать появленія Алеши. Да, съ нимъ ему давно уже хотѣлось встрѣтиться. Онъ много слышался о немъ отъ мальчиковъ, но до сихъ поръ всегда наружно выказывалъ презрительно равнодушный видъ когда ему о немъ говорили, даже «критиковалъ» Алешу, выслушивая то что о немъ ему передавали. Но про себя очень, очень хотѣлъ познакомиться: что-то было во всѣхъ выслушанныхъ имъ рассказахъ объ Алешѣ симпатическое и влекущее. Такимъ образомъ теперешняя минута была важная; во первыхъ, надо было себя въ грязь лицомъ не ударить, показать независимость: «А то подумаетъ что мнѣ тринадцать лѣтъ и приметъ меня за такого же мальчишку какъ и эти. И что ему эти мальчишки? Спрошу его когда сойдуся? Скъверно однакоже то, что я такого маленькаго роста. Тузиковъ моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочемъ, умное; я не хорошъ, я знаю что я мерзокъ лицомъ, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу съ объятіями, онъ и подумаетъ.... Тьфу какая будетъ мерзость если подумаетъ!...

Такъ волновался Коля, изо всѣхъ силъ стараясь принять самый независимый видъ. Главное, его мучилъ маленькій его ростъ, не столько «мерзкое» лицо, сколько ростъ. У него дома, въ углу на стѣнѣ, еще съ прошлаго года была сдѣлана карандашомъ черточка, которою онъ отмѣтилъ свой ростъ, и съ тѣхъ поръ каждые два мѣсяца онъ съ волненіемъ подходилъ опять мѣриться: на сколько успѣлъ вырасти? Но увы! выросалъ онъ ужасно мало, и это приводило его порой

просто въ отчаяніе. Что же до лица, то было оно вовсе не «мерзкое», напротивъ, довольно миловидное, бѣленькое, блѣдненькое, съ веснушками. Сѣрые, небольшіе, но живые глаза смотрѣли смѣло и часто загорались чувствомъ. Скулы были нѣсколько широки, губы маленькія, не очень толстыя, но очень красныя; носъ маленькій и рѣшительно вздернутый: «совсѣмъ курносый, совсѣмъ курносый!» бормоталъ про себя Коля когда смотрѣлся въ зеркало, и всегда отходилъ отъ зеркала съ негодованіемъ. «Да врядъ ли и лицо умное?» подумывалъ онъ иногда, даже сомнѣваясь и въ этомъ. Впрочемъ не надо полагать что забота о лицѣ и о ростѣ поглощала всю его душу. Напротивъ, какъ ни язвительны были минуты предъ зеркаломъ, но онъ быстро забывалъ о нихъ и даже надолго, «весь отдаваясь идеямъ и дѣйствительной жизни», какъ опредѣлялъ онъ самъ свою дѣятельность.

Алеша появился скоро и спѣша подошелъ къ Колѣ; за нѣсколько шаговъ еще тотъ разглядѣлъ что у Алеши было какое-то совсѣмъ радостное лицо. «Неужели такъ радъ мнѣ?» съ удовольствіемъ подумалъ Коля. Здѣсь встаети замѣтимъ, что Алеша очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ мы его оставили: онъ сбросилъ подрясникъ и носилъ теперь прекрасно сшитый сюртукъ, мягкую круглую шляпу и коротко обстриженные волосы. Все это очень его скрасило и смотрѣлъ онъ совсѣмъ красавчикомъ. Миловидное лицо его имѣло всегда веселый видъ, но веселость эта была какая-то тихая и спокойная. Къ удивленію Коли, Алеша вышелъ къ нему въ томъ въ чемъ сидѣлъ въ комнатѣ, безъ пальто, видно что поспѣшилъ. Онъ прямо протянулъ Колѣ руку.

— Вотъ и вы наконецъ, какъ мы васъ всѣ ждали.

— Были причины о которыхъ сейчасъ узнаете. Во всякомъ случаѣ радъ познакомиться. Давно ждалъ случая и много слышалъ, пробормоталъ немного задыхаясь Коля.

— Да мы съ вами и безъ того бы познакомились, я самъ о васъ много слышалъ, но здѣсь-то, сюда-то вы запоздали.

— Скажите, какъ здѣсь?

— Илюша очень плохъ, онъ непременно умретъ.

— Что вы! Согласитесь что медицина подлость, Карамазовъ, съ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Илюша часто, очень часто поминалъ объ васъ, даже, знаете, во снѣ, въ бреду. Видно что вы ему очень, очень были дороги прежде... до того случая... съ ножикомъ. Тутъ есть и еще причина... Скажите, это ваша собака?

— Моя. Перезвонъ.

— А не Жучка? жалостно поглядѣлъ Алеша въ глаза Коля.—Та уже такъ и пропала?

— Знаю что вамъ хотѣлось бы всѣмъ Жучку, слышалъ все-съ, загадочно усмѣхнулся Коля.—Слушайте, Карамазовъ, я вамъ объясню все дѣло, я главное съ тѣмъ и пришелъ, для этого васъ и вызвалъ чтобы вамъ предварительно объяснить весь пассажъ, прежде чѣмъ мы войдемъ, оживленно началъ онъ.—Видите, Карамазовъ, весной Илюша поступаетъ въ подготовительный классъ. Ну, извѣстно нашъ подготовительный классъ: мальчишки, дѣтворà. Илюшу тотчасъ же начали задирать. Я двумя классами выше и, разумѣется смотрю издали, со стороны. Вижу, мальчигъ маленькій, слабенькій, но не подчиняется, даже съ ними дерется, гордый, глазенки горятъ. Я люблю этакихъ. А они его пуще. Главное, у него тогда было платишко скверное, штанишки на верхъ лѣзутъ, а сапоги наши просятъ. Они его и за это. Унижаютъ. Нѣтъ, это ужъ я не люблю, тотчасъ заступился и экстрафеферу задалъ. Я вѣдь ихъ бью, а они меня обожаютъ, вы знаете ли это, Карамазовъ?—экспансивно похвастался Коля.—Да и вообще люблю дѣтвору. У меня и теперь па шеѣ дома два птенца сидятъ, даже сегодня

меня задержали. Такимъ образомъ Илюшу перестали бить, и я взялъ его подъ мою протекцію. Вижу, мальчикъ гордый, это я вамъ говорю что гордый, но кончилъ тѣмъ что предался мнѣ рабски, исполняетъ малѣйшія мои повелѣнія, слушаетъ меня какъ Бога, лѣзетъ мнѣ подражать. Въ антрактахъ между классами сейчасъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ ходимъ. По воскресеньямъ тоже. У насъ въ гимназіи смѣются, когда старшій сходитъ на такую ногу съ маленькимъ, но это предразсудокъ. Такова моя фантазія, и баста, не правда ли? Я его учу, развиваю,—почему, скажите, я не могу его развивать, если онъ мнѣ нравится? Вѣдь вотъ вы же, Карамазовъ, сошлись со всѣми этими птенцами, значить хотите дѣйствовать на молодое поколѣніе, развивать, быть полезнымъ? И признаюсь, эта черта въ вашемъ характерѣ, которую я узналъ по наслышкѣ, всего болѣе заинтересовала меня. Впрочемъ къ дѣлу: примѣчаю что въ мальчикѣ развивается какая-то чувствительность, сентиментальность, а я, знаете, рѣшительный врагъ всякихъ телячьихъ нѣжностей, съ самаго моего рожденія. И къ тому же противорѣчія: гордъ, а мнѣ преданъ рабски,—преданъ рабски, а вдругъ засверкаютъ глазенки и не хотятъ даже соглашаться со мной, спорить, на стѣну лѣзетъ. Я проводилъ иногда разныя идеи: онъ не то что съ идеями не согласенъ, а просто вижу что онъ лично противъ меня бунтуетъ, потому что я на его нѣжности отвѣчаю хладнокровіемъ. И вотъ, чтобы его выдержать, я, чѣмъ онъ нѣжнѣе, тѣмъ становлюсь еще хладнокровнѣе, нарочно такъ поступаю, таково мое убѣжденіе. Я имѣлъ въ виду вышколить характеръ, выровнять, создать человѣка... ну и тамъ... вы разумѣется меня съ полслова понимаете. Вдругъ замѣчаю, опъ день, другой, третій смущенъ, скорбитъ, но ужъ не о нѣжностяхъ, а о чемъ-то другомъ, сильнѣйшемъ, выс-

шемъ. Думаю, что за трагедія? Наступаю на него, и узнаю штуку: какимъ-то онъ образомъ сошелся съ лакеемъ покойнаго отца вашего (который тогда еще былъ въ живыхъ) Смердяковымъ, а тотъ и научи его, дурачка, глупой шуткѣ, т. е. звѣрской шуткѣ, подлой шуткѣ,—взять кусокъ хлѣба, мякишу, воткнуть въ него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собакѣ, изъ такихъ, которыя съ голодухи кусокъ не жуя глотають, и посмотрѣть что изъ этого выйдетъ. Вотъ и смастерили они такой кусокъ и бросили вотъ этой самой лохматой Жучкѣ, о которой теперь такая исторія, одной дворовой собакѣ изъ такого двора гдѣ ее просто не кормили, а она-то весь день на вѣтеръ лааетъ. (Любите вы этотъ глупый лай, Карамазовъ? Я терпѣть не могу.) Такъ и бросилась, проглотила и завизжала, завертѣлась и пустилась бѣжать, бѣжить и все визжить, и исчезла,—такъ мнѣ описывалъ самъ Илюша. Признается мнѣ, а самъ плачетъ—плачетъ, обнимаетъ меня, сотрясается: «Бѣжить и визжить, бѣжить и визжить»—только это и повторяетъ, поразила его эта картина. Ну, вижу, угрызения совѣсти. Я принялъ серьезно. Мнѣ, главное, и за прежнее хотѣлось его прошколить, такъ что, признаюсь, я тутъ схитрилъ, притворился что въ такомъ негодованіи какого можетъ и не было у меня вовсе: «Ты, говорю, сдѣлалъ низкій поступокъ, ты подлець, я конечно не разглашу, но пока прерываю съ тобою сношенія. Дѣло это обдумаю, и дамъ тебѣ знать черезъ Смурова (вотъ этого самаго мальчика, который теперь со мной пришелъ и который всегда мнѣ былъ преданъ): буду ли продолжать съ тобою впредь отношенія или брошу тебя на вѣки, какъ подлеца». Это страшно его поразило. Я, признаюсь, тогда же почувствовалъ, что можетъ быть слишкомъ строго отнесся, но что дѣлать, такова была моя тогдашняя мысль. День спустя, посылаю къ нему Смурова и черезъ не-

го передаю, что я съ нимъ больше «не говорю», то есть это такъ у насъ называется, когда два товарища прерываютъ между собой сношенія. Тайна въ томъ, что я хотѣлъ его выдержать на фербантѣ всего только нѣсколько дней, а тамъ, видя раскаяніе, опять протянуть ему руку. Это было твердое мое намѣреніе. Но чтò же вы думаете: выслушалъ отъ Смурова, и вдругъ у него засверкали глаза: «Передай, закричалъ онъ, отъ меня Красоткину, что я всѣмъ собакамъ буду теперь куски съ булавками кидать, всѣмъ, всѣмъ!» «А, думаю, вольный душокъ завелся, его надо выкурить», и сталъ ему выказывать полное презрѣніе, при всякой встрѣчѣ отвертываюсь или иронически улыбаюсь. И вдругъ тутъ происходитъ этотъ случай съ его отцомъ, помните, мочалка-то? Поймите, что онъ такимъ образомъ уже предварительно приготовленъ былъ къ страшному раздраженію. Мальчишки, видя что я его оставилъ, накинулись на него, дразнить: «мочалка, мочалка». Вотъ тутъ то у нихъ и начались баталіи, о которыхъ я страшно сожалею, потому что его кажется очень больно тогда разъ избили. Вотъ разъ онъ бросается на всѣхъ на дворѣ, когда выходили изъ классовъ, а я какъ разъ стою въ десяти шагахъ и смотрю на него. И клянусь, я не помню чтобъ я тогда смѣялся, напротивъ, мнѣ тогда очень, очень стало жалко его, и еще мигъ, и я бы бросился его защищать. Но онъ вдругъ встрѣтилъ мой взглядъ: чтò ему показалось—не знаю, но онъ выхватилъ перочинный ножикъ, бросился на меня и ткнулъ мнѣ его въ бедро, вотъ тутъ у правой ноги. Я не двинулся, я, признаюсь, иногда бываю храбръ, Карамазовъ, я только по-смотрѣлъ съ презрѣніемъ, какъ бы говоря взглядомъ: «Не хочешь-ли молъ еще, за всю мою дружбу, такъ я къ твоимъ услугамъ.» Но онъ другой разъ не пырнулъ, онъ не выдержалъ, онъ самъ испугался, бросилъ ножикъ, запла-

каль въ голосъ и пустился бѣжать. Я разумѣется не фискаль и приказалъ всѣмъ молчать, чтобы не дошло до начальства, даже матери сказалъ только когда все зажило, да и ранга была пустая, царапина. Потомъ слышу, въ тотъ же день, онъ бросался камнями и вамъ палець укусилъ,— но понимаете въ какомъ онъ былъ состояніи! Ну что дѣлать, я сдѣлалъ глупо: когда онъ заболѣлъ, я не пошелъ его простить, то есть помириться, теперь раскаиваюсь. Но тутъ ужь у меня явились особыя цѣли. Ну вотъ и вся исторія... только кажется я сдѣлалъ глупо...

— Ахъ какъ это жаль, воскликнулъ съ волненіемъ Алеша,—что я не зналъ вашихъ этихъ съ нимъ отношеній раньше, а то бы я самъ давно уже пришелъ къ вамъ васъ просить пойти къ нему со мной вмѣстѣ. Вѣрите ли, въ жару, въ болѣзни, онъ бредилъ вами. Я и не зналъ какъ вы ему дороги! И неужели, неужели вы такъ и не отыскали эту Жучку? Отецъ и всѣ мальчижи по всему городу разыскивали. Вѣрите ли, онъ, больной, въ слезахъ, три раза при мнѣ ужь повторялъ отцу: „Это отъ того я боленъ, папа, что я Жучку тогда убилъ, это меня Богъ наказалъ“: не собьешь его съ этой мысли! И если-бы только достали теперь эту Жучку и показали что она не умерла, а живая, то кажется онъ бы воскресъ отъ радости. Всѣ мы на васъ надѣялись.

— Скажите, съ какой же стати надѣялись что я отыщу Жучку, то есть что именно я отыщу?—Съ чрезвычайнымъ любопытствомъ спросилъ Коля,—почему именно на меня рассчитывали, а не на другаго?

— Какой-то слухъ былъ что вы ее отыскиваете, и что когда отыщете ее, то приведете. Смуровъ что-то говорилъ въ этомъ родѣ. Мы, главное, все стараемся увѣрить что Жучка жива, что ее гдѣ-то видѣли. Мальчижи ему живаго

зайчика откуда-то достали, только онъ посмотрѣлъ, чуть-чуть улыбнулся и попросилъ чтобы выпустили его въ поле. Такъ мы и сдѣлали. Сію минуту отецъ воротился и ему щенка меделянскаго принесъ, тоже досталъ откуда-то, думалъ этимъ утѣшить, только хуже еще кажется вышло...

— Еще скажите Карамазовъ: что такое этотъ отецъ? Я его знаю, но что онъ такое по вашему опредѣленію: шутъ, паяцъ?

— Ахъ нѣтъ, есть люди глубоко чувствующіе, но какъ-то придавленные. Шутство у нихъ въ родѣ злобной ироніи на тѣхъ которымъ въ глаза они не смѣютъ сказать правды отъ долговременной унижительной робости предъ ними. Повѣрьте, Красоткинъ, что такое шутство чрезвычайно иногда трагично. У него все теперь, все на землѣ совокупилось въ Илюшѣ, и умри Илюша, онъ или съ ума сойдетъ съ горя, или лишитъ себя жизни. Я почти убѣжденъ въ этомъ, когда теперь на него смотрю!

— Я васъ понимаю, Карамазовъ, я вижу вы знаете человѣка, прибавилъ прониновенно Коля.

— А я какъ увидалъ васъ съ собакой, такъ и подумалъ что вы это привели ту самую Жучку.

— Подождите, Карамазовъ, можетъ быть мы ее и отыщемъ, а эта—это Перезвонъ. Я впущу ее теперь въ комнату и можетъ быть развеселю Илюшу побольше чѣмъ меделянскимъ щенкомъ. Подождите, Карамазовъ, вы кой-что сейчасъ узнаете. Ахъ, Боже мой, что жъ я васъ держу!— вскричалъ вдругъ стремительно Коля.—Вы въ одномъ сюртукѣ на такомъ холодѣ, а я васъ задерживаю; видите, видите, какой я эгоистъ! О, всѣ мы эгоисты, Карамазовъ!

— Не беспокойтесь, правда холодно, но я не простудивъ. Пойдемте однакоже. Кстати: какъ ваше имя, я знаю что Коля, а дальше?

— Николай, Николай Ивановъ Красоткинъ, или какъ говорятъ по казенному: сынъ Красоткинъ,—чему-то засмѣялся Коля, но вдругъ прибавилъ:

— Я разумѣется ненавижу мое имя Николай.

— Почему же?

— Тривіально, казенно....

— Вамъ тринадцатый годъ? спросилъ Алеша.

— То есть четырнадцатый, черезъ двѣ недѣли четырнадцатъ, весьма скоро. Признаюсь предъ вами заранѣе въ одной слабости, Карамазовъ, это ужъ такъ предъ вами, для перваго знакомства, чтобы вы сразу увидѣли всю мою натуру: я ненавижу когда меня спрашиваютъ про мои года, болѣе чѣмъ ненавижу... и наконецъ... про меня напимѣръ есть клевета, что я на прошлой недѣлѣ съ приготовительными въ разбойники игралъ. То что я игралъ—это дѣйствительность, но что я для себя игралъ, для доставленія себѣ самому удовольствія, то это рѣшительно клевета. Я имѣю основаніе думать, что до васъ это дошло, но я не для себя игралъ, а для дѣтвора игралъ, потому что они ничего безъ меня не умѣли выдумать. И вотъ у насъ всегда вздоръ распустятъ. Это городъ сплетень, увѣряю васъ.

— А хоть бы и для своего удовольствія играли, что жъ тутъ такого?

— Ну для себя.... Не станете же вы въ лошадки играть?

— А вы разсуждайте такъ, улыбнулся Алеша:—въ театрѣ напимѣръ ѣздятъ же взрослые, а въ театрѣ тоже представляютъ приключенія всякихъ героевъ, иногда тоже съ разбойниками и съ войной,—такъ развѣ это не тоже самое, въ своемъ разумѣется родѣ? А игра въ войну у молодыхъ людей, въ рекреационное время, или тамъ въ разбойники,—это вѣдь тоже зарождающееся искусство, за-

рождающаяся потребность искусства въ юной душѣ, и эти игры иногда даже сочиняются складнѣе чѣмъ представленія на театрѣ, только въ томъ разнича что въ театрѣ ѣздятъ смотрѣть актеровъ, а тутъ молодежь сами актеры. Но это только естественно.

— Вы такъ думаете? Таково ваше убѣжденіе? пристально смотрѣлъ на него Коля.—Знаете, вы довольно любопытную мысль сказали; я теперь приду домой и шевельну мозгами на этотъ счетъ. Признаюсь, я такъ и ждалъ, что отъ васъ можно кой-чему поучиться. Я пришелъ у васъ учиться, Карамазовъ, проникновеннымъ и экспансивнымъ голосомъ заключилъ Коля.

— А я у васъ, улыбнулся Алеша, пожавъ ему руку.

Коля былъ чрезвычайно доволенъ Алешей. Его поразило то, что съ нимъ онъ высшей степени на ровной ногѣ, и что тотъ говорить съ нимъ какъ съ «самымъ большимъ».

— Я вамъ сейчасъ одинъ фортель покажу, Карамазовъ, тоже одно театральное представленіе, нервно засмѣялся онъ, — я съ тѣмъ и пришелъ.

— Зайдемъ сначала налѣво къ хозяевамъ, тамъ всѣ ваши свои пальто оставляютъ, потому что въ комнатѣ тѣсно и жарко.

— О, вѣдь я на мгновеніе, я войду и просижу въ пальто. Перезвонъ останется здѣсь въ сѣняхъ и умретъ: «иси Перезвонъ, кушъ и умри!»—видите, онъ и умеръ. А я сначала войду, высмотрю обстановку, и потомъ, когда надо будетъ свистну: иси Перезвонъ! и вы увидите, онъ тотчасъ-же влетитъ какъ угорѣлый. Только надо, чтобы Смуровъ не забылъ отворить въ то мгновеніе дверь. Ужь я распоряжусь, и вы увидите фортель...

V.

У Илюшиной постельки.

Въ знакомой уже намъ комнатѣ, въ которой обитало семейство извѣстнаго намъ отставнаго штабсъ-капитана Снегирева, было въ эту минуту и душно и тѣсно отъ многочисленной набравшейся публики. Нѣсколько мальчиковъ сидѣли въ этотъ разъ у Илюши, и хоть всѣ они готовы были, какъ и Смуровъ, отрицать, что помирилъ и свелъ ихъ съ Илюшей Алеша, но это было такъ. Все искусство его въ этомъ случаѣ состояло въ томъ, что свелъ онъ ихъ съ Илюшей, одного за другимъ, безъ «телячьихъ нѣжностей», а совсѣмъ какъ-бы не нарочно и нечаянно. Илюшѣ же это принесло огромное облегченіе въ его страданіяхъ. Увидѣвъ почти нѣжную дружбу и участіе къ себѣ всѣхъ этихъ мальчиковъ, прежнихъ враговъ своихъ, онъ былъ очень тронутъ. Одного только Красоткина не доставало, и это лежало на его сердцѣ страшнымъ гнетомъ. Если было въ горькихъ воспоминаніяхъ Илюшечки нѣчто самое горьчайшее, то это именно, весь этотъ эпизодъ съ Красоткинымъ, бывшимъ единственнымъ другомъ его и защитникомъ, на котораго онъ бросился тогда съ ножикомъ. Такъ думалъ и умненькій мальчикъ Смуровъ (первый пришедшій помириться съ Илюшей). Но самъ Красоткинъ, когда Смуровъ отдаленно сообщилъ ему, что Алеша хочетъ къ нему придти «по одному дѣлу», тотчасъ-же оборвалъ и отрѣзалъ подходъ, поручивъ Смурову немедленно сообщить «Карамазову», что онъ самъ знаетъ какъ поступать, что совѣтовъ ни отъ кого не просить, и что, если пойдетъ къ больному, то самъ знаетъ когда пойти, потому что у него «свой расчетъ». Это было еще недѣли за двѣ до этого воскресенья. Вотъ по-

чему Алеша и не пошелъ къ нему самъ, какъ намѣревался. Впрочемъ, онъ хотъ и подождать, но однакоже послалъ Смурова къ Красоткину еще разъ и еще разъ. Но въ оба эти раза Красоткинъ отвѣтилъ уже самымъ нетерпѣливымъ и рѣзкимъ отказомъ, передавъ Алешѣ, что, если тотъ придетъ за нимъ самъ, то онъ за это никогда не пойдетъ къ Илюшѣ, и чтобъ ему больше не надоѣдали. Даже до самаго этого послѣдняго дня самъ Смуровъ не зналъ, что Коля рѣшилъ отправиться къ Илюшѣ въ это утро, и только наканунѣ вечеромъ, прощаясь со Смуровымъ, Коля вдругъ рѣзко объявилъ ему, чтобъ онъ ждалъ его завтра утромъ дома, потому что пойдетъ вмѣстѣ съ нимъ къ Снегиревымъ, но чтобы не смѣлъ однакоже никого увѣдомлять о его прибытіи, такъ какъ онъ хочетъ придти нечаянно. Смуровъ послушался. Мечта-же о томъ, что онъ приведетъ пропавшую Жучку, явилась у Смурова на основаніи разъ брошенныхъ мелькомъ словъ Красоткинымъ, что «ослы они всѣ, коли не могутъ отыскать собаку, если только она жива». Когда-же Смуровъ робко, выждавъ время, намекнулъ о своей догадкѣ на счетъ собаки Красоткину, тотъ вдругъ ужасно озлился: «что я за осель, чтобъ искать чужихъ собакъ по всему городу, когда у меня свой Перезвонъ? И можно-ли мечтать, чтобы собака проглотившая булавку осталась жива? Телячьи нѣжности, больше ничего!»

Между тѣмъ Илюша уже недѣли двѣ какъ почти не сходилъ съ своей постельки, въ углу, у образовъ. Въ классы же не ходилъ съ самаго того случая, когда встрѣтился съ Алешей и укусилъ ему палець. Впрочемъ, онъ съ того-же дня и захворалъ, хотя еще съ мѣсяць могъ кое-какъ ходить изрѣдка по комнатѣ и въ сѣняхъ, изрѣдка вставая съ постельки. Наконецъ совсѣмъ обезсилѣлъ, такъ что безъ помощи отца не могъ двигаться. Отецъ трепеталъ надъ нимъ,

пересталъ даже совѣмъ пить, почти обезумѣлъ отъ страха, что умереть его мальчикъ, и часто, особенно послѣ того, какъ проведетъ бывало его по комнатѣ подъ руку и уложить опять въ постельку,—вдругъ выбѣгалъ въ сѣни, въ темный уголъ, и прислонившись лбомъ къ стѣнѣ, начиналъ рыдать какимъ-то залихватымъ, сотрясающимся плачемъ, давя свой голось, чтобы рыданій его не было слышно у Илюшечки.

Возвращаясь-же въ комнату, начиналъ обыкновенно чѣмъ нибудь развлекать и утѣшать своего дорогаго мальчика, рассказывалъ ему сказки, смѣшные анекдоты, или представлялъ изъ себя разныхъ смѣшныхъ людей, которыхъ ему удавалось встрѣчать, даже подражалъ животнымъ, какъ они смѣшно воютъ или кричатъ. Но Илюша очень не любилъ, когда отецъ коверкался и представлялъ изъ себя шута. Мальчикъ хоть и старался не показывать, что ему это непріятно, но съ болью сердца сознавалъ, что отецъ въ обществѣ униженъ, и всегда, неотвязно, вспоминалъ о «мочалкѣ» и о томъ «страшномъ днѣ». Ниночка, безногая, тихая и кроткая сестра Илюшечки, тоже не любила, когда отецъ коверкался (что же до Варвары Николаевны, то она давно уже отправилась въ Петербургъ слушать курсы), зато полоумная маменька очень забавлялась и отъ всего сердца смѣялась, когда ей супругъ начнетъ бывало что-нибудь представлять или выдѣлывать какіе нибудь смѣшные жесты. Этимъ только ее и можно было утѣшить, во все же остальное время она непрерывно брюзжала и плакалась, что теперь всѣ ее забыли, что ее никто не уважаетъ, что ее обижаютъ и пр. и пр. Но въ самые послѣдніе дни и она вдругъ какъ-бы вся перемѣнилась. Она часто начала смотрѣть въ уголокъ на Илюшу и стала задумываться. Стала гораздо молчаливѣе, притихла и, если принималась плакать, то тихо, чтобы не

слыхали. Штабсъ-капитанъ съ горькимъ недоумѣніемъ замѣтилъ эту въ ней перемену. Посѣщенія мальчиковъ ей сначала не понравились и только сердили ее, но потомъ веселые крики и рассказы дѣтей стали развлекать и ее и до того подъ конецъ ей понравились, что перестанъ ходить эти мальчики, она бы затосковала ужасно. Когда дѣти чтò рассказывали или начинали играть, она смѣялась и хлопала въ ладошки. Иныхъ подзывала къ себѣ и цаловала. Мальчика Смурова полюбила особенно. Что-же до штабсъ-капитана, то появленіе въ его квартирѣ дѣтей, приходившихъ веселить Илюшу, наполнило душу его съ самаго начала восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанетъ теперь тосковать и можетъ быть оттого скорѣе выздоровѣть. Онъ ни одной минуты, до самаго послѣдняго времени, не сомнѣвался, несмотря на весь свой страхъ за Илюшу, что его мальчикъ вдругъ выздоровѣетъ. Онъ встрѣчалъ маленькихъ гостей съ благоговѣніемъ, ходилъ около нихъ, услуживалъ, готовъ былъ ихъ на себѣ возить, и даже впрямь началъ было возить, но Илюшѣ эти игры не понравились, и были оставлены. Сталъ для нихъ покупать гостинцевъ, пряниковъ, орѣшковъ, устраивалъ чай, намазывалъ бутерброды. Надо замѣтить что во все это время деньги у него не переводились. Тогдашніе двѣсти рублей отъ Катерины Ивановны онъ принялъ точь въ точь по предсказанію Алеши. А потомъ Катерина Ивановна, разузнавъ подробнѣе объ ихъ обстоятельствахъ и о болѣзни Илюши, сама посѣтила ихъ квартиру, познакомилась со всѣмъ семействомъ и даже сумѣла очаровать полоумную штабсъ-капитаншу. Съ тѣхъ поръ рука ея не оскудѣвала, а самъ штабсъ-капитанъ, подавленный ужасомъ при мысли что умереть его мальчикъ, забылъ свой прежній гоноръ и смиренно принималъ подаваніе. Все это время докторъ Герценштубе, по приглашенію

Катерины Ивановны, ѣздилъ постоянно и аккуратно черезъ день къ больному, но толку отъ его посѣщеній выходило мало, а пачкалъ онъ его лѣкарствами ужасно. Но зато въ этотъ день, т. е. въ это воскресенье утромъ у штабсъ-капитана ждали одного новаго доктора, пріѣзжаго изъ Москвы и считавшагося въ Москвѣ знаменитостью. Его нарочно выписала и пригласила изъ Москвы Катерина Ивановна за большія деньги,—не для Илюшечки, а для другой одной цѣли, о которой будетъ сказано ниже и въ своемъ мѣстѣ, но ужь такъ какъ онъ прибылъ, то и попросила его навѣститъ и Илюшечку, о чемъ штабсъ-капитанъ былъ заранѣе предувѣдомленъ. О прибытіи же Коли Красоткина онъ не имѣлъ никакого предчувствія, хотя уже давно желалъ чтобы пришелъ наконецъ этотъ мальчикъ по которомъ такъ мучился его Илюшечка. Въ то самое мгновеніе когда Красоткинъ отворилъ дверь и появился въ комнатѣ, всѣ, штабсъ-капитанъ и мальчики, столпились около постельки больного и разсматривали только что принесеннаго крошечнаго меделянскаго щенка, вчера только родившагося, но еще за недѣлю заказаннаго штабсъ-капитаномъ чтобы развлечь и утѣшить Илюшечку, все тосковавшаго объ исчезнувшей и конечно уже погибшей Жучкѣ. Но Илюша, уже слышавшій и знавшій еще за три дня что ему подарятъ маленькую собачку и не простую, а настоящую меделянскую (что конечно было ужасно важно), хотя и показывалъ изъ тонкаго и деликатнаго чувства что радъ подарку, но всѣ, и отецъ и мальчики, ясно увидѣли что новая собачка можетъ быть только еще сильнѣе шевельнула въ его сердечкѣ воспоминаніе о несчастной имъ замученной Жучкѣ. Щеночекъ лежалъ и копошился подлѣ него, и онъ, болѣзненно улыбаясь, гладилъ его своею тоненькою, блѣдненькою, высохшею ручкой: даже видно было что собачка ему понравилась, но...

Жучки все же не было, все же это не Жучка, а вот если бы Жучка и щеночекъ вмѣстѣ, тогда бы было полное счастье!

— Красоткинъ! крикнулъ вдругъ одинъ изъ мальчиковъ, первый завидѣвшій вошедшаго Колю. Произошло видимое волненіе, мальчики разступились и стали по обѣ стороны постельки, такъ что вдругъ открыли всего Илюшечку. Штабсъ-капитанъ стремительно бросился на встрѣчу Колѣ.

— Пожалуйте, пожалуйста... дорогой гость! залепеталъ онъ ему, Илюшечка, господинъ Красоткинъ къ тебѣ пожаловалъ...

Но Красоткинъ, наскоро подавъ ему руку, мигомъ выказалъ и чрезвычайное свое знаніе свѣтскихъ приличій. Онъ тотчасъ же и прежде всего обратился къ сидѣвшей въ своемъ креслѣ супругѣ штабсъ-капитана (которая какъ разъ въ ту минуту была ужасно какъ недовольна и брюзжала на то что мальчики заслонили собою постельку Илюши и не даютъ ей поглядѣть на новую собачку), и чрезвычайно вѣжливо шаркнулъ предъ нею ножкой, а затѣмъ, повернувшись къ Ниночкѣ, отдалъ и ей, какъ дамѣ, такой же поклонъ. Этотъ вѣжливый поступокъ произвелъ на больную даму необыкновенно пріятное впечатлѣніе.

— Вотъ и видно сейчасъ хорошо воспитаннаго молодого человѣка, громко произнесла она разводя руками, а то что прочіе-то наши гости: одинъ на другомъ пріѣзжаютъ.

— Какъ же мамочка, одинъ-то на другомъ, какъ это такъ? хоть и ласково, но опасаясь немного за «мамочку» пролепеталъ штабсъ-капитанъ.

— А такъ и вѣзжаютъ. Сядетъ въ сѣняхъ одинъ другому верхомъ на плечи, да въ благородное семейство и вѣдетъ сидя верхомъ. Какой же это гость?

— Да кто же, кто же мамочка такъ вѣзжалъ, кто же?

— Да вотъ этотъ мальчикъ на этомъ мальчикъ сегодня въѣхалъ, а вотъ тотъ на томъ...

Но Коля уже стоялъ у постельки Илюши. Больной видимо поблѣднѣлъ. Онъ приподнялся на кровати и пристально, пристально посмотрѣлъ на Колю. Тотъ не видалъ своего прежняго маленькаго друга уже мѣсяца два, и вдругъ остановился предъ нимъ совсѣмъ пораженный: онъ и вообразить не могъ что увидитъ такое похудѣвшее и пожелтѣвшее личико, такіе горящіе въ лихорадочномъ жару и какъ будто ужасно увеличившіеся глаза, такія худенькія ручки. Съ горестнымъ удивленіемъ всматривался онъ что Илюша такъ глубоко и часто дышетъ и что у него такъ ссохлись губы. Онъ шагнулъ къ нему, подалъ руку и почти совсѣмъ потерявшись проговорилъ:

— Ну что старикъ... какъ поживаешь?

Но голосъ его пресѣкъся, развязности не хватило, лицо какъ-то вдругъ передернулось и что то задрожало около его губъ. Илюша болѣзненно ему улыбался, все еще не въ силахъ сказать слова. Коля вдругъ поднялъ руку и провелъ для чего-то своею ладонью по волосамъ Илюши.

— Ни-че-го! пролепеталъ онъ ему тихо,—не то ободряя его, не то самъ не зная зачѣмъ это сказалъ. Съ минутку опять помолчали.

— Что это у тебя новый щенокъ? вдругъ самымъ безчувственнымъ голосомъ спросилъ Коля.

— Да-а-а! отвѣтилъ Илюша длиннымъ шепотомъ, задыхаясь.

— Черный носъ, значить изъ злыхъ, изъ цѣпныхъ, важно и твердо замѣтилъ Коля, какъ будто все дѣло было именно въ щенкѣ и въ его черномъ носѣ. Но главное было въ томъ, что онъ все еще изо всѣхъ силъ старался поборотъ въ себѣ чувство, чтобы не заплакать какъ «малень-

кій», и все еще не могъ побороть.—Подростеть, придется посадить на цѣпь, ужь я знаю.

— Онъ огромный будетъ! воскликнулъ одинъ мальчигъ изъ толпы.

— Извѣстно медеянскій, огромный, вотъ такаій, съ теленка, раздалось вдругъ нѣсколько голосковъ.

— Съ теленка, съ настоящаго теленка-съ, подскочилъ штабсъ-капитанъ,—я нарочно отыскалъ такого, самага-самага злющаго, и родители его тоже огромные и самые злющіе, вотъ такаіе отъ полу ростомъ.... Присядьте-съ, вотъ здѣсь на кроваткѣ у Илюши, а не то здѣсь на лавку. Милости просимъ, гость дорогой, гость долго жданный... Съ Алексѣемъ Федоровичемъ изволили прибыть-съ?

Красоткинъ присѣлъ на постелькѣ, въ ногахъ у Илюши. Онъ хоть можетъ быть и приготовилъ дорогой съ чего развязно начать разговоръ, но теперь рѣшительно потерялъ нитку.

— Нѣтъ.... я съ Перезвономъ.... У меня такая собака теперь, Перезвонъ. Славянское имя. Тамъ ждетъ.... свистну и влетитъ. Я тоже съ собакой,—оборотился онъ вдругъ къ Илюшѣ,—помнишь, старигъ, Жучку? вдругъ огрѣлъ онъ его вопросомъ.

Личико Илюшечки перекопилось. Онъ страдальчески посмотрѣлъ на Колю. Алеша, стоявшій у дверей, нахмурился и кивнулъ было Колѣ украдкой, чтобы тотъ не заговаривалъ про Жучку, но тотъ не замѣтилъ или не захотѣлъ замѣтить.

— Гдѣ же.... Жучка? надорваннымъ голоскомъ спросилъ Илюша.

— Ну, братъ, твоя Жучка—фью! Пропала твоя Жучка!

Илюша смолчалъ, но пристально-пристально посмотрѣлъ еще разъ на Колю. Алеша, поймавъ взглядъ Коли, изо

всѣхъ силъ опять закивалъ ему, но тотъ снова отвелъ глаза, сдѣлавъ видъ что и теперь не замѣтилъ.

— Забѣжала куда-нибудь и пропала. Какъ не пропасть послѣ такой закуски, безжалостно рѣзалъ Коля, а между тѣмъ самъ какъ будто сталъ отъ чего-то задыхаться.—У меня зато Перезвонъ.... Славянское имя.... Я къ тебѣ привелъ....

— Не на-до! проговорилъ вдругъ Илюшечка.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо, непременно посмотри.... Ты развлечешься. Я нарочно привелъ.... такая же лохматая какъ и та... Вы позвольте, сударыня, позвать сюда мою собаку? обратился онъ вдругъ къ госпожѣ Снегиревой въ какомъ-то совѣмъ уже непостижимомъ волненіи.

— Не надо, не надо! съ горестнымъ надрывомъ въ голосъ воскликнулъ Илюша. Укоръ загорѣлся въ глазахъ его.

— Вы бы-съ.... рванулся вдругъ штабсъ-капитанъ съ сундука у стѣнки, на которомъ было присѣлъ,—вы бы-съ.... въ другое время-съ.... пролепеталъ онъ, но Коля неудержимо настаивая и спѣша, вдругъ крикнулъ Смурову: «Смуровъ, отвори дверь!» и только что тотъ отворилъ, свистнулъ въ свою свистульку. Перезвонъ стремительно влетѣлъ въ комнату.

— Прыгай, Перезвонъ, служи! Служи! завопилъ Коля, вскочивъ съ мѣста, и собака, ставъ на заднія лапы, вытянулась прямо предъ постелькой Илюши. Произошло нѣчто нѣкъмъ неожиданное: Илюша вздрогнулъ и вдругъ съ силой двинулся весь впередъ, нагнулся къ Перезвону и какъ бы замирая смотрѣлъ на него:

— Это... Жучка! прокричалъ онъ вдругъ надтреснутымъ отъ страданія и счастья голосомъ.

— А ты думалъ кто? звонкимъ, счастливымъ голосомъ изо всей силы завопилъ Красоткинъ, и нагнувшись къ собацѣ, обхватилъ ее и приподнял къ Илюшѣ.

— Гляди, старикъ, видишь глазъ кривой и лѣвое ухо надрѣзано, точь въ точь тѣ примѣты какъ ты мнѣ рассказалъ. Я его по этимъ примѣтамъ и разыскалъ! Тогда-же разыскалъ, въ скорости. Она вѣдь ничья была, она вѣдь была ничья!—пояснялъ онъ, быстро оборачиваясь къ штабсъ-капитану, къ супругѣ его, къ Алешѣ и потомъ опять къ Илюшѣ,—она была у Федотовыхъ на задворкахъ, прижилась было тамъ, но тѣ ее не кормили, а она бѣглая, она забѣглая изъ деревни... Я ее и разыскалъ... Видишь, старикъ, она тогда твой кусокъ значить не проглотила. Если-бы проглотила, такъ ужъ конечно-бы померла, вѣдь ужъ конечно! Значить успѣла выплюнуть коли теперь жива. А ты и не замѣтилъ, что она выплюнула. Выплюнула, а языкъ себѣ всетаки уколола, вотъ отчего тогда и завизжала. Бѣжала и визжала, а ты и думалъ, что она совсѣмъ проглотила. Она должна была очень визжать, потому что у собаки очень нѣжная кожа во рту... нѣжнѣе чѣмъ у человѣка, гораздо нѣжнѣе!—восклицалъ неистово Коля, съ разгорѣвшимся и съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ.

Илюша-же и говорить не могъ. Онъ смотрѣлъ на Колю своими большими и какъ-то ужасно выкатившимися глазами, съ раскрытымъ ртомъ и поблѣднѣвъ какъ полотно. И еслибы только зналъ не подозрѣвавшій ничего Красоткинъ какъ мучительно и убійственно могла вліять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что-бы не рѣшился выкинуть такую штуку, какую выкинулъ. Но въ комнатѣ понималъ это можетъ быть лишь одинъ Алеша. Что-же до штабсъ-капитана, то онъ весь какъ-бы обратился въ самага маленькаго мальчика.

— Жучка! Такъ это-то Жучка? выкрикивалъ онъ блаженнымъ голосомъ.—Илюшечка, вѣдь это Жучка, твоя Жучка! Маменька, вѣдь это Жучка!—Онъ чуть не плакалъ.

— А я-то и не догадался! горестно воскликнулъ Смуровъ.— Ай да Красоткинъ, я говорилъ, что онъ найдетъ Жучку, вотъ и нашель!

— Вотъ и нашель! радостно отозвался еще кто-то.

— Молодецъ Красоткинъ! прозвенѣлъ третій голосокъ.

— Молодецъ, молодецъ! закричали всѣ мальчики и начали аплодировать.

— Да стойте, стойте, силился всѣхъ перекричать Красоткинъ:—я вамъ расскажу какъ это было, штука въ томъ какъ это было, а не въ чемъ другомъ! Вѣдь я его разыскалъ, затащилъ къ себѣ и тотчасъ-же спряталъ, и домъ на замокъ, и никому не показывалъ до самаго послѣдняго дня. Только одинъ Смуровъ узналъ двѣ недѣли назадъ, но я увѣрилъ его, что это Перезвонъ, и онъ не догадался, а я въ антрактѣ научилъ Жучку всѣмъ наукамъ, вы посмотрите, посмотрите только какія онъ штуки знаетъ! Для того и училъ, чтобъ ужъ привести къ тебѣ, старикъ, обученнаго, гладкаго: Вотъ, дескать, старикъ, какая твоя Жучка теперь! Да нѣтъ-ли у васъ какого нибудь кусочка говядинки, онъ вамъ сейчасъ одну такую штуку покажетъ, что вы со смѣху упадете, — говядинки, кусочекъ, ну неужели-же у васъ нѣтъ?

Штабсъ-капитанъ стремительно кинулся, черезъ сѣни, въ избу къ хозяевамъ, гдѣ варилось и штабсъ-капитанское кушанье. Коля-же, чтобы не терять драгоценнаго времени, отчаянно спѣша крикнулъ Перезвону: Умри! И тотъ вдругъ завертѣлся, легъ на спину и замеръ неподвижно всѣми четырьмя своими лапками вверхъ. Мальчики смѣялись, Илюша смотрѣлъ съ прежнею страдальческою своею улыбкой, но всѣхъ больше понравилось что умеръ Перезвонъ «маменькѣ». Она расхохоталась на собаку и принялась щелгать пальцами и звать:

— Перезвонъ, Перезвонъ!

— Ни за что не подымется, ни за что, побѣдоносно и справедливо гордясь прокричалъ Коля,—хоть весь свѣтъ кричи, а вотъ я крикну, и въ одинъ мигъ вскочить! Ісі Перезвонъ!

Собака вскочила и принялась прыгать визжа отъ радости. Штабсъ-капитанъ вбѣжалъ съ кускомъ вареной говядины.

— Не горяча? торопливо и дѣловито освѣдомился Коля, принимая кусокъ,—нѣтъ не горяча, а то собаки не любятъ горячаго. Смотрите-же всѣ, Илюшечка смотри, да смотри же, смотри, старикъ, что же ты не смотришь? Я привелъ, а онъ не смотритъ!

Новая штука состояла въ томъ, чтобы неподвижно стоящей и протянувшей свой носъ собакѣ положить на самый носъ лакомый кусочекъ говядины. Несчастный песъ, не шевелясь, долженъ былъ простоять съ кускомъ на носу сколько велитъ хозяинъ, не двинуться, не шевельнуться, хоть полчаса. Но Перезвона выдержали только самую маленькую минутку.

— Пиль! крикнулъ Коля, и кусокъ въ одинъ мигъ перелетѣлъ съ носу въ ротъ Перезвона. Публика, разумѣется, выразила восторженное удивленіе.

— И неужели, неужели вы изъ за того только чтобъ обучить собаку все время не приходили! воскликнулъ съ невольнымъ укоромъ Алеша.

— Именно для того, прокричалъ простодушнѣйшимъ образомъ Коля.—Я хотѣлъ показать его во всемъ блескѣ!

— Перезвонъ! Перезвонъ! защелкалъ вдругъ своими худенькими пальчиками Илюша, маня собаку.

— Да чего тебѣ! Пусть онъ къ тебѣ на постель самъ вскочить. Ісі Перезвонъ! стукнулъ ладонью по постели Коля,

и Перезвонъ какъ стрѣла влетѣлъ къ Илюшѣ. Тотъ стремительно обнялъ его голову обѣими руками, а Перезвонъ мигомъ облизалъ ему за это щеку. Илюшечка прижался къ нему, протянулся на постелькѣ и спряталъ отъ всѣхъ въ его косматой шерсти свое лицо.

— Господи, Господи! восклицалъ штабсъ-капитанъ. Коля присѣлъ опять на постель къ Илюшѣ.

— Илюша, я тебѣ могу еще одну штуку показать. Я тебѣ пушечку принесъ. Помнишь, я тебѣ еще тогда говорилъ про эту пушечку, а ты сказалъ: «Ахъ, какъ бы и мнѣ ее посмотреть!» Ну, вотъ я теперь и принесъ.

И Коля, торопясь, вытащилъ изъ своей сумки свою бронзовую пушечку. Торопился онъ потому, что ужь самъ былъ очень счастливъ: въ другое время такъ выждалъ бы, когда пройдетъ эффектъ, произведенный Перезвономъ, но теперь поспѣшилъ, презирая всякую выдержку: «ужь и такъ счастливы, такъ вотъ вамъ и еще счастья!» Самъ ужь онъ былъ очень упоенъ.

— Я эту штучку давно уже у чиновника Морозова наглядѣлъ, — для тебя, старикъ, для тебя. Она у него стояла даромъ, отъ брата ему досталась, я и вымѣнялъ ему на книжку, изъ напина шкафа: *Родственникъ Магомета или цѣлительное дурачество*. Сто лѣтъ книжкѣ, забубенная, въ Москвѣ вышла когда еще цензуры не было, а Морозовъ до этихъ штучекъ охотникъ. Еще поблагодарилъ...

Пушечку Коля держалъ въ рукѣ предъ всѣми, такъ что всѣ могли видѣть и наслаждаться. Илюша приподнялся и, продолжая правою рукой обнимать Перезвона, съ восхищеніемъ разглядывалъ игрушку. Эффектъ дошелъ до высокой степени, когда Коля объявилъ, что у него есть и порохъ, и что можно сейчасъ же и выстрѣлить «если это только не обезпokoитъ дамъ». «Маменька» немедленно попросила,

чтобъ ей дали поближе посмотрѣть на игрушку, что тотчасъ и было исполнено. Бронзовая пушечка на колескахъ ей ужасно понравилась и она принялась ее катать на своихъ колѣняхъ. На просьбу о позволеніи выстрѣлить отвѣчала самымъ полнымъ согласіемъ, не понимая впрочемъ о чемъ ее спрашиваютъ. Коля показалъ порохъ и дробь. Штабсъ-капитанъ, какъ бывший военный человѣкъ самъ распорядился зарядомъ, высыпавъ самую маленькую порцію пороху, дробь же попросилъ отложить до другаго раза. Пушку поставили на полъ, дуломъ въ пустое мѣсто, втиснули въ затравку три порошинки и зажгли спичкой. Произошелъ самый блистательный выстрѣлъ. Маменька вздрогнула было, но тотчасъ же засмѣялась отъ радости. Мальчики смотрѣли съ молчаливымъ торжествомъ, но болѣе всего блаженствовалъ смотря на Илюшу штабсъ-капитанъ. Коля поднялъ пушечку и немедленно подарилъ ее Илюшѣ, вмѣстѣ съ дробью и съ порохомъ.

— Это я для тебя, для тебя! Давно приготовилъ, повторилъ онъ еще разъ въ полнотѣ счастья.

— Ахъ, подарите мнѣ! Нѣтъ, подарите пушечку лучше мнѣ! вдругъ точно маленькая начала просить маменька. Лицо ея изобразило горестное безпокойство отъ боязни, что ей не подарятъ. Коля смутился. Штабсъ-капитанъ безпокойно заволновался.

— Мапочка, мапочка! подскочилъ онъ къ ней, пушечка твоя, твоя, но пусть она будетъ у Илюши, потому что ему подарили, но она все равно, что твоя, Илюшечка всегда тебѣ дастъ поиграть, она у васъ пусть будетъ общая, общая...

— Нѣтъ, не хочу чтобъ общая, нѣтъ, чтобы совсѣмъ моя была, а не Илюшина, продолжала маменька, приготовляясь уже совсѣмъ заплакать.

— Мама, возьми себѣ, вотъ возьми себѣ! крикнулъ вдругъ Илюша.—Красоткинъ, можно мнѣ ее мамѣ подарить? обратился онъ вдругъ съ молящимъ видомъ къ Красоткину, какъ бы боясь, чтобы тотъ не обидѣлся, что онъ его подарокъ другому дарить.

— Совершенно возможно! тотчасъ же согласился Красоткинъ, и взявъ пушечку изъ рукъ Илюши, самъ и передалъ ее съ самымъ вѣжливымъ поклономъ маменькѣ. Та даже расплакалась отъ умиленія.

— Илюшечка, милый, вотъ кто мамочку свою любитъ! умиленно воскликнула она и немедленно опять принялась катать пушку на своихъ колѣняхъ.

— Маменька, дай я тебѣ ручку поцалую, подскочилъ къ ней супругъ и тотчасъ же исполнилъ намѣреніе.

— И кто еще самый милый молодой человѣкъ, такъ вотъ этотъ добрый мальчикъ! проговорила благодарная дама, указывая на Красоткина.

— А пороху я тебѣ, Илюша, теперь сколько угодно буду носить. Мы теперь сами порохъ дѣлаемъ. Боровиковъ узналъ составъ: двадцать четыре части селитры, десять сѣры и шесть березоваго угля, все вмѣстѣ столочь, влить воды, смѣшать въ мякоть и протереть черезъ барабанную шкуру— вотъ и порохъ.

— Мнѣ Смуровъ про вашъ порохъ уже говорилъ, а только папа говорить, что это не настоящій порохъ, отозвался Илюша.

— Какъ не настоящій? покраснѣлъ Коля, у насъ горитъ. Я впрочемъ не знаю...

— Нѣтъ-съ, я ничего-съ, подскочилъ вдругъ съ виноватымъ видомъ штабсъ-капитанъ.—Я, правда, говорилъ, что настоящій порохъ не такъ составляется, но это ничего-съ, можно и такъ-съ.

— Не знаю, вы лучше знаете. Мы въ помадной каменной банкѣ зажгли, славно горѣлъ, весь сгорѣлъ, самая маленькая сажа осталась. Но вѣдь это только мякоть, а если протереть черезъ шкуру... А впрочемъ вы лучше знаете, я не знаю... А Булкина отецъ выдралъ за нашъ порохъ, ты слышалъ? обратился онъ вдругъ къ Илюшѣ.

— Слышалъ, отвѣтилъ Илюша. Онъ съ безконечнымъ интересомъ и наслажденіемъ слушалъ Колю.

— Мы цѣлую бутылку пороху заготовили, онъ подъ кроватью и держалъ. Отецъ увидалъ. Взорвать, говорить, можетъ. Да и высѣкъ его тутъ же. Хотѣлъ въ гимназію на меня жаловаться. Теперь со мной его не пускаютъ, теперь со мной никого не пускаютъ. Смурова тоже не пускаютъ, у всѣхъ прославился, — говорятъ, что я «отчаянный», презрительно усмѣхнулся Коля. — Это все съ желѣзной дороги здѣсь началось.

— Ахъ, мы слышали и про этотъ вашъ пассажъ! воскликнулъ штабсъ-капитанъ, — какъ это вы тамъ пролежали? И неужели вы такъ ничего совсѣмъ и не испугались, когда лежали подъ поѣздомъ. Страшно вамъ было-съ?

Штабсъ-капитанъ ужасно лисилъ предъ Колей.

— Н-не особенно! небрежно отозвался Коля. — Репутацію мою пуще всего здѣсь этотъ проклятый гусь подкузмилъ — повернулся онъ опять къ Илюшѣ. Но хоть онъ и корчилъ, рассказывая, небрежный видъ, а все еще не могъ совладать съ собою и продолжалъ какъ бы сбиваться съ тону.

— Ахъ, я и про гуся слышалъ! засмѣялся, весь сіяя, Илюша; — мнѣ рассказывали, да я не понялъ, неужто тебя у судьи судили?

— Самая безмозглая штука, самая ничтожная, изъ которой цѣлаго слона по обыкновенію у насъ сочинили, началъ развязно Коля. — Это я разъ тутъ по площади шель, а какъ

разъ пригнали гусей. Я остановился и смотрю на гусей. Вдругъ одинъ здѣшній парень, Вишняковъ, онъ теперь у Плотниковыхъ разсылнымъ служить, смотреть на меня, да и говорить: «Ты чего на гусей глядишь?» Я смотрю на него: глупая, круглая харя, парню двадцать лѣтъ, я, знаете, никогда не отвергаю народа. Я люблю съ народомъ... Мы отстали отъ народа—это аксіома—вы кажется изволите смѣяться, Карамазовъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани, я васъ очень слушаю, съ самымъ простодушнѣйшимъ видомъ отозвался Алеша, и мнительный Коля мигомъ ободрился.

— Моя теорія, Карамазовъ, ясна и проста, опять радостно заспѣшилъ онъ тотчасъ же. — Я вѣрю въ народъ и всегда радъ отдать ему справедливость, но отнюдь не балую его, это *sine qua*... Да, вѣдь я про гуся. Вотъ обращаюсь я къ этому дураку и отвѣчаю ему: «А вотъ думаю о чемъ гусь думаетъ». Глядитъ онъ на меня совершенно глупо: «А объ чемъ, говорить, гусь думаетъ?» — «А вотъ видишь, говорю, телѣга съ овсомъ стоитъ. Изъ мѣшка овесъ сыплется, а гусь шею протянулъ подъ самое колесо и зерно клюетъ—видишь?» — «Это я оченно вижу», говоритъ. «Ну такъ вотъ, говорю, если эту самую телѣгу чуточку теперь тронуть впередъ—перерѣжетъ гусю шею колесомъ или нѣтъ?» «Безпремѣнно, говорить, перерѣжетъ», а самъ ужъ ухмыляется во весь ротъ, такъ весь и растаялъ. «Ну такъ пойдемъ, говорю, парень, давай». — «Давай», говоритъ. И не долго намъ пришлось мастерить: Онъ этакъ непримѣтно около узды сталъ, а я сбоку чтобы гуся направить. А мужикъ на ту пору зазѣвался, говорилъ съ кѣмъ-то, такъ что совсѣмъ мнѣ и не пришлось направлять: прямо гусь самъ собой такъ и вытянулъ шею за овсомъ, подъ телѣгу, подъ самое колесо. Я мигнулъ парню, онъ дернулъ и—

к-крагъ, такъ и переѣхало гуся шею пополамъ! И вотъ надо-жь такъ, что въ ту-жь секунду всѣ мужики увидали насъ, ну и загалдѣли разомъ: «Это ты нарочно!»—«Нѣтъ, не нарочно».—«Нѣтъ, нарочно!» ну галдятъ: «Къ мировому!» захватили и меня: «И ты тутъ, дескать, былъ, ты подсоблялъ, тебя весь базаръ знаетъ!» А меня дѣйствительно почему-то весь базаръ знаетъ, — прибавилъ самолюбиво Коля.—Потянулись мы всѣ къ мировому, несутъ и гуся. Смотрю, а парень мой струсилъ и заревѣлъ, право, реветъ какъ баба. А гуртовщикъ кричитъ: «Этакимъ манеромъ ихъ, гусей, сколько угодно передавить можно!» Ну, разумѣется, свидѣтели. Мировой мигомъ кончилъ: за гуся отдать гуртовщику рубль, а гуся пусть парень беретъ себѣ. Да впредь чтобы такихъ шутокъ отнюдь не позволять себѣ. А парень все реветъ какъ баба: „Это не я, говорить, это онъ меня напустилъ“—да на меня и показываетъ. Я отвѣчаю съ полнымъ хладнокровіемъ, что я отнюдь не училъ, что я только выразилъ основную мысль, и говорилъ лишь въ проектѣ. Мировой Нефедовъ усмѣхнулся, да и разсердился сейчасъ на себя за то что усмѣхнулся: «Я васъ, говорить мнѣ, сейчасъ же вашему начальству аттестую, чтобы вы въ такіе проекты впредь не пускались, вмѣсто того чтобы за книгами сидѣть и уроки ваши учить». Начальству-то онъ меня не аттестовалъ, это шутки, но дѣло дѣйствительно разнеслось и достигло ушей начальства: уши-то вѣдь у насъ длинныя! Особенно поднялся классикъ Колбасниковъ, да Дарданеловъ опять отстоялъ. А Колбасниковъ золь теперь у насъ на всѣхъ, какъ зеленый осель. Ты, Илюша, слышалъ, онъ вѣдь женился, взялъ у Михайловыхъ приданого тысячу рублей, а невѣста рыловоротъ первой руки и послѣдней степени. Третьеблассники тотчасъ же эпиграму сочинили:

Поразила вѣсть третьеклассниковъ
Что женился неряха Колбасниковъ.

Ну и тамъ дальше, очень смѣшно, я тебѣ потомъ принесу. Я про Дарданелова ничего не говорю: человекъ съ познаніями, съ рѣшительными познаніями. Этакихъ я уважаю, и вовсе не изъ за того что меня отстоялъ...

— Однакожь ты сбилъ его на томъ кто основалъ Трою! ввернулъ вдругъ Смуровъ, рѣшительно гордясь въ эту минуту Красоткинымъ. Очень ужъ ему понравился рассказъ про гуся.

— Неужто такъ и сбили-съ? льстиво подхватилъ штабсъ-капитанъ;—это про то кто основалъ Трою-съ? Это мы уже слышали что сбили-съ. Илюшечка мнѣ тогда же и разсказалъ-съ...

— Онъ, папа, все знаетъ, лучше всѣхъ у насъ знаетъ! подхватилъ и Илюшечка,—онъ вѣдь только прикидывается, что онъ такой, а онъ первый у насъ ученикъ по всѣмъ предметамъ...

Илюша съ безпредѣльнымъ счастіемъ смотрѣлъ на Колю.

— Ну это о Троѣ вздоръ, пустяки. Я самъ этотъ вопросъ считаю пустымъ, съ горделивою скромностью отозвался Коля. Онъ уже успѣлъ вполне войти въ тонъ, хотя впрочемъ былъ и въ нѣкоторомъ безпокойствѣ: онъ чувствовалъ, что находится въ большомъ возбужденіи и, что о гусѣ, напримѣръ, разсказалъ слишкомъ ужъ отъ всего сердца, а между тѣмъ Алеша молчалъ все время разсказа и былъ серіозенъ, и вотъ самолюбивому мальчику мало по малу начало уже скрести по сердцу: „не оттого-ли де онъ молчитъ, что меня презираетъ, думая что я его похвалы ищу? Въ такомъ случаѣ, если онъ осмѣливается это думать, то я“...

— Я считаю этотъ вопросъ рѣшительно пустымъ, отрѣзалъ онъ еще разъ горделиво.

— А я знаю кто основаль Трою, вдругъ проговорилъ со-
всѣмъ неожиданно одинъ доселѣ ничего почти еще не ска-
завшій мальчикъ, молчаливый и видимо застѣнчивый, очень
собою хорошенькій, лѣтъ одиннадцати, по фамиліи Карта-
шовъ. Онъ сидѣлъ у самыхъ дверей. Коля съ удивленіемъ и
важностію поглядѣлъ на него. Дѣло въ томъ что вопросъ:
«Кто именно основаль Трою?» рѣшительно обратился во
всѣхъ классахъ въ секретъ, и чтобы проинигнуть его надо
было прочесть у Смарагова. Но Смарагова ни у кого кромѣ
Коли не было. И вотъ разъ мальчикъ Карташовъ поти-
хоньку, когда Коля отвернулся, поскорѣй развернулъ ле-
жащаго между его книгами Смарагова и прямо попалъ на
то мѣсто, гдѣ говорилось объ основателяхъ Трои. Случи-
лось это довольно уже давно, но онъ все какъ-то конфу-
зился и не рѣшался открыть публично, что и онъ знаетъ
кто основаль Трою, опасаясь что-бы не вышло чего нибудь
и чтобы не сконфузилъ его какъ нибудь за это Коля. А
теперь вдругъ почему-то не утерпѣлъ и сказалъ. Да и давно
ему хотѣлось.

— Ну кто-же основаль? надменно и свысока повернулся
къ нему Коля, уже по лицу угадавъ что тотъ дѣйствительно
знаетъ и разумѣется тотчасъ-же приготовившись ко всѣмъ
последствіямъ. Въ общемъ настроеніи произошелъ что на-
зывается диссонансъ.

— Трою основали Тевкръ, Дарданъ, Иллюсь и Тросъ,
разомъ отчеканилъ мальчикъ и въ одинъ мигъ весь по-
краснѣлъ, такъ покраснѣлъ что на него жалко стало смо-
трѣть. Но мальчики всѣ на него глядѣли въ упоръ, гля-
дѣли цѣлую минуту, и потомъ вдругъ всѣ эти глядящіе
въ упоръ глаза разомъ псвернулись къ Колю. Тотъ съ пре-
зрительнымъ хладнокровіемъ все еще продолжалъ обмѣри-
вать взглядомъ дерзкаго мальчика:

— То есть какъ-же это они основали? удостоилъ онъ наконецъ проговорить,—да и что значитъ вообще основать городъ или государство? Что-жь они: пришли и по кирпичу положили что-ли?

Раздался смѣхъ. Виноватый мальчигъ изъ розоваго сталъ пунцовымъ. Онъ молчалъ, онъ готовъ былъ заплакать. Коля выдержалъ его такъ еще съ минутку.

— Что-бы толковать о такихъ историческихъ событіяхъ какъ основаніе національности надо прежде всего понимать что это значитъ, строго отчеканилъ онъ въ назиданіе.—Я впрочемъ не придаю всѣмъ этимъ бабьимъ сказкамъ важности, да и вообще всемірную исторію не весьма уважаю, прибавилъ онъ вдругъ небрежно, обращаясь уже ко всѣмъ вообще.

— Это всемірную-то исторію-съ? съ какимъ-то вдругъ испугомъ освѣдомился штабсъ-капитанъ.

— Да, всемірную исторію. Изученіе ряда глупостей человѣческихъ, и только. Я уважаю одну математику и естественныя, сфорсилъ Коля и мелькомъ глянулъ на Алешу: его только одного мнѣнія онъ здѣсь и боялся. Но Алеша все молчалъ и былъ все по прежнему серіозенъ. Если-бы сказалъ что нибудь сейчасъ Алеша, на томъ-бы оно и кончилось, но Алеша смолчалъ, а «молчаніе его могло быть презрительнымъ», и Коля раздражился уже совсѣмъ.

— Опять эти классическіе теперь у насъ языки: одно сумасшествіе и ничего больше... Вы опять кажется не согласны со мной, Карамазовъ?

— Не согласенъ, сдержанно улыбнулся Алеша.

— Классическіе языки, если хотите все мое о нихъ мнѣніе—это полицейская мѣра, вотъ для чего единственно они заведены, мало по малу началъ вдругъ опять задыхаться Коля,—они заведены потому что скучны и потому что оту-

плюють способности. Было скучно, такъ вотъ какъ сдѣлать чтобъ еще больше было скуки? Было безтолково, такъ какъ сдѣлать чтобы стало еще безтолковѣе? Вотъ и выдумали классическіе языки. Вотъ мое полное о нихъ мнѣніе, и надѣюсь, что я никогда не измѣню его, рѣзко закончилъ Коля. На обѣихъ щекахъ его показалось по красной точкѣ румянца.

— Это правда, звонкимъ и убѣжденнымъ голоскомъ согласился вдругъ прилежно слушавшій Смуровъ.

— А самъ первый по латинскому языку! вдругъ крикнулъ изъ толпы одинъ мальчикъ.

— Да, папа, онъ самъ говоритъ, а самъ у насъ первый по латинскому въ классѣ, отозвался и Илюша.

— Чтѣ-жъ такое? счелъ нужнымъ оборониться Коля, хотя ему очень пріятна была и похвала.—Латынь я зубрю потому что надо, потому что я обѣщался матери кончить курсъ, а по моему за чтѣ взялся, то ужъ дѣлать хорошо, но въ душѣ глубоко презираю классицизмъ и всю эту подлость... Не соглашаетесь, Карамазовъ?

— Ну зачѣмъ-же «подлость?» усмѣхнулся опять Алеша.

— Да помилуйте, вѣдь классики всѣ переведены на всѣ языки, стало быть вовсе не для изученія классиковъ понадобилась имъ латынь, а единственно для полицейскихъ мѣръ и для отупленія способностей. Какже послѣ того не подлость?

— Ну кто васъ этому всему научилъ? воскликнулъ удивленный наконецъ Алеша.

— Во первыхъ, я и самъ могу понимать, безъ наученія, а во вторыхъ, знайте, вотъ это-же самое, чтѣ я вамъ сейчасъ толковалъ про переведенныхъ классиковъ, говорилъ вслухъ всему третьему классу самъ преподаватель Колбасниковъ...

— Докторъ прїѣхалъ! воскликнула вдругъ все время молчавшая Ниночка.

Дѣйствительно къ воротамъ дома подъѣхала принадлежавшая г-жѣ Хохлаковой карета. Штабсъ-капитанъ, ждавшій все утро доктора, сломя голову бросился къ воротамъ встрѣчать его. Маменька подобралась и напустила на себя важности. Алеша подошелъ къ Илюшѣ и сталъ опрaвлять ему подушку. Ниночка, изъ своихъ креселъ, съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ опрaвляетъ постельку. Мальчики торопливо стали прощаться, нѣкоторые изъ нихъ пообѣщались зайти вечеромъ. Коля крикнулъ Перезвона, и тотъ соскочилъ съ постели.

— Я не уйду, не уйду! проговорилъ въ попыхахъ Коля Илюшѣ, — я пережду въ сѣняхъ и приду опять когда уѣдетъ докторъ, приду съ Перезвономъ.

Но уже докторъ входилъ—важная фигура въ медвѣжьей шубѣ, съ длинными темными бакенбардами и съ глянцовито выбритымъ подбородкомъ. Ступивъ черезъ порогъ, онъ вдругъ остановился какъ-бы опѣшивъ: ему вѣрно показалось что онъ не туда зашелъ: «Что̀ это? Гдѣ я?» пробормоталъ онъ не скидая съ плечъ шубы и не снимая котиковой фуражки съ котиковымъ-же козырькомъ съ своей головы. Толпа, бѣдность комнаты, развѣшанное въ углу на веревкѣ бѣлье сбили его съ толку. Штабсъ-капитанъ согнулся передъ нимъ въ три погибели.

— Вы здѣсь-съ, здѣсь-съ, бормоталъ онъ подобострастно, вы здѣсь-съ, у меня-съ, вамъ ко мнѣ-съ...

— Сне-ги-ревъ? произнесъ важно и громко докторъ.— Господинъ Снегиревъ— это вы?

— Это я-съ?

— А!

Докторъ еще разъ безрзливо оглядѣлъ комнату и сбро-

силъ съ себя шубу. Всѣмъ въ глаза блеснулъ выжннй орденъ на шеѣ. Штабсъ-капитанъ подхватилъ на лету шубу, а докторъ снялъ фуражку.

— Гдѣ-же паціентъ? спросилъ онъ громко и настоятельно.

VI.

Раннее развитіе.

— Какъ вы думаете, что ему скажетъ докторъ? скороговоркой проговорилъ Коля;—какая отвратительная однако-же харя, не правда-ли? Терпѣть не могу медицину!

— Илюша умереть. Это мнѣ кажется ужъ навѣрно, грустно отвѣтилъ Алеша.

— Шельмы! Медицина шельма! Я радъ однако что узналъ васъ, Карамазовъ. Я давно хотѣлъ васъ узнать. Жаль только что мы такъ грустно встрѣтились...

Колѣ очень-бы хотѣлось что-то сказать еще горячѣе, еще экспансивнѣе, но какъ будто что-то его коробило. Алеша это замѣтилъ, улыбнулся и пожалъ ему руку.

— Я давно научился уважать въ васъ рѣдкое существо, пробормоталъ опять Коля, сбиваясь и путаясь. -- Я слышалъ, вы мистикъ и были въ монастырѣ. Я знаю что вы мистикъ, но... это меня не остановило. Прикосновеніе къ дѣйствительности васъ излѣчить... Съ натурами какъ вы не бываетъ иначе.

— Что вы называете мистикомъ? Отъ чего излѣчить? удивился немного Алеша.

— Ну тамъ Богъ и прочее.

— Какъ, да развѣ вы въ Бога не вѣруете?

— Напротивъ, я ничего не имѣю противъ Бога. Ко-

нечно Богъ есть только гипотеза... но... я признаю что Онъ нуженъ, для порядка... для міроваго порядка и такъ далѣе... и еслибъ Его не было, то надо-бы его выдумать, прибавилъ Коля начиная краснѣть. Ему вдругъ вообразилось, что Алеша сейчасъ подумаетъ что онъ хочетъ выставить свои познанія и показать какой онъ «большой». «А я вовсе не хочу выставлять предъ нимъ мои познанія», съ негодованіемъ подумалъ Коля. И ему вдругъ стало ужасно досадно.

— Я, признаюсь, терпѣть не могу вступать во всѣ эти препиранія, отрѣзалъ онъ, — можно вѣдь и не вѣруя въ Бога любить человѣчество, какъ вы думаете? Вольтеръ-же не вѣровалъ въ Бога, а любилъ человѣчество? (Опять, опять! подумалъ онъ про себя).

— Вольтеръ въ Бога вѣрилъ, но кажется мало, и, кажется, мало любилъ и человѣчество, тихо, сдержанно и совершенно натурально произнесъ Алеша, какъ-бы разговаривая съ себѣ равнымъ по лѣтамъ, или даже со старшимъ лѣтами человѣкомъ. Колю именно поразила эта какъ бы неувѣренность Алеша въ свое мнѣніе о Вольтерѣ и что онъ какъ будто именно ему, маленькому Колѣ, отдаетъ этотъ вопросъ на рѣшеніе.

— А вы развѣ читали Вольтера? заключилъ Алеша.

— Нѣтъ, не то чтобы читалъ... Я впрочемъ *Кандида* читалъ, въ русскомъ переводѣ... въ старомъ, уродливомъ переводѣ, смѣшномъ... (Опять, опять!)

— И поняли?

— О да, все... то есть... почему-же вы думаете что я бы не понялъ? Тамъ конечно много сальностей... Я конечно въ состояніи понять что это романъ философскій и написанъ чтобы провести идею... запутался уже совсѣмъ Коля. — Я социалистъ, Карамазовъ, я неисправимый социалистъ, вдругъ оборвалъ онъ ни съ того ни съ сего.

— Соціалистъ? засмѣялся Алеша, — да когда это вы успѣли? Вѣдь вамъ еще только тринадцать лѣтъ, кажется? Болю скрючило.

— Во первыхъ, не тринадцать, а четырнадцать, черезъ двѣ недѣли четырнадцать, такъ и вспыхнулъ онъ, — а во вторыхъ, совершенно не понимаю, къ чему тутъ мои лѣта? Дѣло въ томъ каковы мои убѣжденія, а не который мнѣ годъ, не правда-ли?

— Когда вамъ будетъ больше лѣтъ, то вы сами увидите какое значеніе имѣть на убѣжденіе возрастъ. Мнѣ показалось тоже что вы не свои слова говорите, скромно и спокойно отвѣтилъ Алеша, но Боля горячо его прервалъ.

— Помилуйте, вы хотите послушанія и мистицизма. Согласитесь въ томъ что, напримѣръ, христіанская вѣра послужила лишь богатымъ и знатымъ чтобы держать въ рабствѣ низшій классъ, не правда-ли?

— Ахъ, я знаю гдѣ вы это прочли, и васъ непременно кто нибудь научилъ! воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, зачѣмъ-же непременно прочелъ? И никто ровно не научилъ. Я и самъ могу... И если хотите, я не противъ Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи онъ въ наше время, Онъ-бы прямо примкнулъ къ революціонерамъ и можетъ быть игралъ-бы видную роль... Это даже непременно.

— Ну гдѣ, ну гдѣ вы этого нахватались! Съ какимъ это дуракомъ вы связались? воскликнулъ Алеша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я конечно, по одному случаю, часто говорю съ господиномъ Ракитинымъ, но... Это еще старикъ Бѣлинскій тоже, говорятъ, говорилъ.

— Бѣлинскій? Не помню. Онъ этого нигдѣ не написалъ.

— Если не написалъ, то, говорятъ, говорилъ. Я это слышалъ отъ одного... впрочемъ чортъ...

— А Бѣлинскаго вы читали?

— Видите-ли... нѣтъ... я не совсѣмъ читалъ, но... мѣсто о Татьянѣ, зачѣмъ она не пошла съ Онѣгинымъ, я читалъ.

— Какъ не пошла съ Онѣгинымъ? Да развѣ вы это ужь... понимаете?

— Помилуйте, вы кажется принимаете меня за мальчика Смурова, раздражительно ослабился Коля.— Впрочемъ пожалуста не думайте что я ужь такой революціонеръ. Я очень часто несогласенъ съ господиномъ Рагитинымъ. Если я о Татьянѣ, то я вовсе не за эманципацію женщинъ. Я признаю что женщина есть существо подчиненное и должна слушаться. *Les femmes tricotent*, какъ сказалъ Наполеонъ,— усмѣхнулся почему-то Коля,—и по крайней мѣрѣ въ этомъ я совершенно раздѣляю убѣжденіе этого псевдо-великаго чловѣка. Я тоже напримѣръ считаю что бѣжать въ Америку изъ отечества—низость, хуже низости—глупость. Зачѣмъ въ Америку, когда и у насъ можно много принести пользы для чловѣчества? Именно теперь. Цѣлая масса плодотворной дѣятельности. Такъ я и отвѣчалъ.

— Какъ отвѣчали? Кому? Развѣ васъ кто нибудь уже приглашалъ въ Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отвергъ. Это разумѣется между нами, Карамазовъ, слышите, никому ни слова. Это я вамъ только. Я совсѣмъ не желаю попастьъ въ лапки Третьяго Отдѣленія и брать уроки у Цѣпнаго Моста,

Будешь помнить зданіе
У Цѣпнаго Моста!

Помните? Великолѣпно! Чему вы смѣетесь? Ужь не думаете-ли вы что я вамъ все навралъ? (А чтò если онъ узнаетъ что у меня въ отцовскомъ шкафу всего только и есть одинъ этотъ нумеръ *Колокола*, а больше я изъ этого

ничего не читалъ? мелькомъ, но съ сдроганіемъ подумалъ Ксю).

— Охъ, нѣтъ, я не смѣюсь и вовсе не думаю, что вы мнѣ нагнали. Вотъ то-то и есть, что этого не думаю, потому что все это, увы, сущая правда! Ну скажите, а Пушкина-то вы читали, *Онегина*-то... Вотъ вы сейчасъ говорили о Татьянѣ?

— Нѣтъ, еще не читалъ, но хочу прочесть. Я безъ предразсудковъ, Карамазовъ. Я хочу выслушать и ту и другую сторону. Зачѣмъ вы спросили?

— Такъ.

— Скажите, Карамазовъ, вы ужасно меня презираете? отрѣзалъ вдругъ Коля и весь вытянулся предъ Алешей какъ-бы ставъ въ позицію. Сдѣлайте одолженіе, безъ обидъ.

— Презираю васъ? съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Алеша.—Да за что же? Мнѣ только грустно, что прелестная натура какъ ваша, еще и не начавшая жить, уже извращена всѣмъ этимъ грубымъ вздоромъ.

— Объ моей натурѣ не заботьтесь, не безъ самодовольства перебилъ Коля,—а что я мнителенъ, то это такъ. Глупо мнителенъ, грубо мнителенъ. Вы сейчасъ усмѣхнулись, мнѣ и показалось, что вы какъ будто...

— Ахъ, я усмѣхнулся совсѣмъ другому. Видите чему я усмѣхнулся: я недавно прочелъ одинъ отзывъ одного заграничнаго Нѣмца, жившаго въ Россіи, объ нашей теперешней учащейся молодежи: «Покажите вы—онъ пишетъ—русскому школьнику карту звѣзднаго неба, съ которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра же возвратитъ вамъ эту карту исправленною». Никакихъ знаній и беззавѣтное сомнѣніе—вотъ что хотѣлъ сказать Нѣмецъ про русскаго школьника.

— Ахъ, да вѣдь это совершенно вѣрно! захохоталъ вдругъ Коля,—вѣрниссимо, точь въ точь! Bravo Нѣмецъ! Однакожь Чухна не рассмотрѣлъ и хорошей стороны, а, какъ вы думаете? Самомнѣніе—это пусть, это отъ молодости, это исправится, если только надо чтобъ это исправилось, но зато и независимый духъ, съ самаго чуть не дѣтства, зато смѣлость мысли и убѣжденія, а не духъ ихняго колбасническаго раболѣпства предъ авторитетами... Но всетаки Нѣмецъ хорошо сказалъ! Bravo Нѣмецъ! Хотя всетаки Нѣмцевъ надо душить. Пусть они тамъ сильны въ наукахъ, а ихъ всетаки надо душить...

— За чтò же душить-то? улыбнулся Алеша.

— Ну я совралъ можетъ быть, соглашаюсь. Я иногда ужасный ребенокъ, и когда радъ чему, то не удерживаюсь и готовъ наврать вздору. Слушайте, мы съ вами однакоже здѣсь болтаемъ о пустякахъ, а этотъ докторъ тамъ что-то долго застрялъ. Впрочемъ, онъ можетъ тамъ и «мамашу» осмотрить и эту Ниночку безногую. Знаете, эта Ниночка мнѣ понравилась. Она вдругъ мнѣ прошептала, когда я выходилъ: «Зачѣмъ вы не приходили раньше?» И такимъ голосомъ, съ укоромъ! Мнѣ кажется она ужасно добрая и жалкая.

— Да, да! Вотъ вы будете ходить, вы увидите чтò это за существо. Вамъ очень полезно узнавать вотъ такія существа, чтобъ умѣть цѣнить и еще многое другое чтò узнаете именно изъ знакомства съ этими существами, съ жаромъ замѣтилъ Алеша.—Это лучше всего васъ передѣлаетъ.

— О, какъ я жалѣю и браню всего себя, что не приходилъ раньше! съ горькимъ чувствомъ воскликнулъ Коля.

— Да, очень жаль. Вы видѣли сами какое радостное

вы произвели впечатлѣніе на бѣднаго малютку! И какъ онъ убивался васъ ожидая!

— Не говорите мнѣ! Вы меня растравляете. А впрочемъ мнѣ подѣломъ: я не приходилъ изъ самолюбія, изъ эгоистическаго самолюбія и подлага самовластія, отъ котораго всю жизнь не могу избавиться, хотя всю жизнь ломаю себя. Я теперь это вижу, я во многомъ подлець, Карамазовъ!

— Нѣтъ, вы прелестная натура, хотя и извращенная, и я слишкомъ понимаю почему вы могли имѣть такое вліяніе на этого благороднаго и болѣзненно воспріимчиваго мальчика! горячо отвѣтилъ Алеша.

— И это вы говорите мнѣ! вскричалъ Коля,—а я, представьте, я думалъ,—я уже нѣсколько разъ, вотъ теперь какъ я здѣсь, думалъ, что вы меня презираете! Еслибъ вы только знали какъ я дорожу вашимъ мнѣніемъ!

— Но неужели вы вправду такъ мнительны? Въ такихъ лѣтахъ! Ну представьте же себѣ, я именно подумалъ тамъ въ комнатѣ, глядя на васъ, когда вы рассказывали, что вы должны быть очень мнительны.

— Ужь и подумали? Какой однакоже у васъ глазъ, видите, видите! Бьюсь объ закладъ, что это было на томъ мѣстѣ, когда я про гуся рассказывалъ. Мнѣ именно въ этомъ мѣстѣ вообразилось, что вы меня глубоко презираете за то, что я спѣшу выставиться молодцомъ, и я даже вдругъ возненавидѣлъ васъ за это и началъ нести ахинею. Потомъ мнѣ вообразилось (это уже сейчасъ здѣсь) на томъ мѣстѣ, когда я говорилъ: «Еслибы не было Бога, то Его надо выдумать», что я слишкомъ тороплюсь выставить мое образованіе, тѣмъ болѣе что эту фразу я въ книгѣ прочелъ. Но клянусь вамъ, я торопился выставить не отъ

тщеславія, а такъ, не знаю отчего, отъ радости, ей Богу какъ будто отъ радости... хотя это глубоко-постыдная черта, когда человѣкъ всѣмъ лѣзетъ на шею отъ радости. Я это знаю. Но я зато убѣжденъ теперь, что вы меня не презираете, а все это я самъ выдумалъ. О, Карамазовъ, я глубоко несчастенъ. Я воображаю иногда Богъ знаетъ что, что надо мной всѣ смѣются, весь міръ, и я тогда, я просто готовъ тогда уничтожить весь порядокъ вещей.

— И мучаете окружающихъ, улыбнулся Алеша.

— И мучаю окружающихъ, особенно мать. Карамазовъ, скажите, я очень теперь смѣшонъ?

— Да не думайте же про это, не думайте объ этомъ совсѣмъ! воскликнулъ Алеша. — Да и что такое смѣшонъ? Мало-ли сколько разъ бываетъ или кажется смѣшнымъ человѣкъ? Притомъ-же нынче почти всѣ люди со способностями ужасно боятся быть смѣшными и тѣмъ несчастны. Меня только удивляетъ, что вы такъ рано стали ощущать это, хотя впрочемъ я давно уже замѣчаю это и не на васъ однихъ. Нынче даже почти дѣти начали ужь этимъ страдать. Это почти сумасшествіе. Въ это самолюбіе воплотился чортъ и залѣзъ во все поколѣніе, именно чортъ, — прибавилъ Алеша вовсе не усмѣхнувшись, какъ подумалъ было глядѣвшій въ упоръ на него Юся. — Вы какъ и всѣ, — заключилъ Алеша, — то-есть какъ очень многіе, только не надо быть такимъ какъ всѣ, вотъ что.

— Даже не смотря на то что всѣ такіе?

— Да, не смотря на то что всѣ такіе. Одинъ вы и будьте не такой. Вы и въ самомъ дѣлѣ не такой какъ всѣ: вы вотъ теперь не постыдились-же признаться въ дурномъ и даже въ смѣшномъ. А нынче кто въ этомъ сознается? Никто, да и потребность даже перестали находить въ самоосужденіи. Будьте-же не такой какъ всѣ; хотя-бы

только вы одинъ оставались не такой, а всетаки будьте не такой.

— Великолѣпно! Я въ васъ не ошибся. Вы способны утѣшить. О, какъ я стремился къ вамъ, Карамазовъ, какъ давно уже ищу встрѣчи съ вами! Неужели и вы обо мнѣ тоже думали? Давеча вы говорили, что вы обо мнѣ тоже думали?

— Да, я слышалъ объ васъ и объ васъ тоже думалъ... и если отчасти и самолюбіе заставило васъ теперь это спросить, то это ничего.

— Знаете, Карамазовъ, наше объясненіе похоже на объясненіе въ любви, какимъ-то разслабленнымъ и стыдливымъ голосомъ проговорилъ Коля.—Это не смѣшно, не смѣшно?

— Совсѣмъ не смѣшно, да хоть-бы и смѣшно, такъ это ничего, потому что хорошо, свѣтло улыбнулся Алеша.

— А знаете, Карамазовъ, согласитесь, что и вамъ самимъ теперь немного со мною стыдно... Я вижу по глазамъ, какъ-то хитро, но и съ какимъ-то почти счастьемъ усмѣхнулся Коля.

— Чего же это стыдно?

— А зачѣмъ вы покраснѣли?

— Да это вы такъ сдѣлали, что я покраснѣлъ! за-смѣялся Алеша, и дѣйствительно весь покраснѣлъ.—Ну да, немного стыдно, Богъ знаетъ отчего, не знаю отчего... бормоталъ онъ почти даже сконфузившись.

— О, какъ я васъ люблю и цѣню въ эту минуту, именно за то, что и вамъ чего-то стыдно со мной! Потому что и вы точно я! въ рѣшительномъ восторгѣ воскликнулъ Коля. Щеки его пылали, глаза блестѣли.

— Послушайте, Коля, вы между прочимъ будете и очень несчастный человѣкъ въ жизни, сказалъ вдругъ отчего-то Алеша.

— Знаю, знаю. Какъ вы это все знаете напередъ! тотчасъ-же подтвердилъ Коля.

— Но въ цѣломъ всетаки благословите жизнь.

— Именно! Ура! Вы пророкъ! О, мы сойдемся, Карамазовъ. Знаете, меня всего болѣе восхищаетъ, что вы со мной совершенно какъ съ ровней. А мы не ровня, нѣтъ не ровня, вы выше! Но мы сойдемся. Знаете, я весь послѣдній мѣсяць говорилъ себѣ: «Или мы разомъ съ нимъ сойдемся друзьями на вѣки, или съ перваго же разу разойдемся врагами до гроба»!

— И говоря такъ ужь конечно любили меня! весело смѣялся Алеша.

— Любилъ, ужасно любилъ, любилъ и мечталъ объ васъ! И какъ это вы знаете все напередъ? Ба, вотъ и докторъ. Господи, что-то скажетъ, посмотрите какое у него лицо!

VII.

Илюша.

Докторъ выходилъ изъ избы опять уже закутанный въ шубу и съ фуражкой на головѣ. Лицо его было почти сердитое и брезгливое, какъ будто онъ все боялся обо что-то запачкаться. Мелькомъ окинулъ онъ глазами сѣни и при этомъ строго глянулъ на Алешу и Колю. Алеша махнулъ изъ дверей кучеру, и карета привезшая доктора подъѣхала къ выходнымъ дверямъ. Штабсъ-капитанъ стремительно выскочилъ вслѣдъ за докторомъ и согнувшись, почти извиваясь предъ нимъ, остановилъ его для послѣдняго слова. Лицо бѣдняка было убитое, взглядъ испуганный:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство...

неужели?.. началъ было онъ, и не договорилъ, а лишь всплеснулъ руками въ отчаяніи, хотя все еще съ послѣднею мольбой смотря на доктора, точно въ самомъ дѣлѣ отъ теперешняго слова доктора могъ измѣниться приговоръ надъ бѣднымъ мальчикомъ.

— Что дѣлать! Я не Богъ, небрежнымъ, хотя и привычно внушительнымъ голосомъ ствѣтилъ докторъ.

— Докторъ... Ваше превосходительство...и скоро это, скоро?

— При-го-товъ-тесь ко всему, отчеканилъ ударяя по каждому слогу докторъ и, склонивъ взоръ, самъ приготовился было шагнуть за порогъ къ каретѣ.

— Ваше превосходительство, ради Христа! испуганно остановилъ его еще разъ штабсъ-капитанъ,—ваше превосходительство!.. такъ развѣ ничего, неужели ничего, совсѣмъ ничего теперь не спасеть?..

— Не отъ меня теперь за-ви-сить, нетерпѣливо проговорилъ докторъ,—и однакоже, гм, — приостановился онъ вдругъ,—еслибъ вы напимѣрь могли... на-пра-вить... вашего пациента... сейчасъ и ни мало не медля (слова «сейчасъ и ни мало не медля» докторъ произнесъ не то что строго, а почти гнѣвно, такъ что штабсъ-капитанъ даже вздрогнулъ) въ Си-ра-ку-зы, то... вслѣдствіе новыхъ благо-прі-ятныхъ кли-ма-ти-ческихъ условій... могло-бы можетъ быть, про-и-зойти...

— Въ Сиракузы! вскричалъ штабсъ-капитанъ какъ-бы ничего еще не понимая.

— Сиракузы—это въ Сициліи, отрѣзалъ вдругъ громко Юля, для поясненія. Докторъ поглядѣлъ на него.

— Въ Сицилію. Батюшка, ваше превосходительство, потерялся штабсъ-капитанъ,—да вѣдь вы видѣли! обвелъ онъ обѣими руками кругомъ, указывая на свою обстановку,—а маменька-то, а семейство-то?

— Н-нѣтъ, семейство не въ Сицилію, а семейство ваше на Кавказъ, раннею весной... дочь вашу на Кавказъ, а супругу... продержавъ курсъ водъ тоже на Кав-ка-зѣ въ виду ея ревматизмовъ... немедленно послѣ того на-пра-вить въ Парижъ, въ лѣчебницу доктора пси-хи-атра Ле-пель-летье, я бы могъ вамъ дать къ нему записку, и тогда... могло-бы можетъ быть произойти...

— Докторъ, докторъ! Да вѣдь вы видите! размахнулъ вдругъ опять руками штабсъ-капитанъ, указывая въ отчаяніи на голыя бревенчатыя стѣны сѣней.

— А, это ужъ не мое дѣло, усмѣхнулся докторъ, я лишь сказалъ то что могла сказать на-у-ка на вашъ вопросъ о послѣднихъ средствахъ, а остальное... къ сожалѣнію моему...

— Не беспокойтесь, лѣкаръ, моя собака васъ не уку-ситъ, громко отрѣзалъ Коля, замѣтивъ нѣсколько безпокой-ный взглядъ доктора на Перезвона, ставшаго на порогѣ. Гнѣвная нотка прозвенѣла въ голосѣ Коли. Слово же «лѣ-каръ» вмѣсто докторъ, онъ сказалъ *нарочно* и какъ самъ объявилъ потомъ: «для оскорбленія сказалъ».

— Что та-ко-е? вскинулъ головой докторъ, удивленно уставившись на Колю.—Ка-кой это? обратился онъ вдругъ къ Алешѣ, будто спрашивая у того отчета.

— Это хозяинъ Перезвона, лѣкаръ, не беспокойтесь о моей личности, отчеканилъ опять Коля.

— Звонъ? переговорилъ докторъ, не понявъ что такое Перезвонъ.

— Да не знаетъ гдѣ онъ. Прощайте, лѣкаръ, увидимся въ Сирагузахъ.

— Кто эт-то? Кто, кто? вдругъ закипятился ужасно докторъ.

— Это здѣшній школьникъ, докторъ, онъ шалунъ, не

обращайте вниманія, нахмурившись и скороговоркой проговорилъ Алеша.—Коля, молчите!—крикнулъ онъ Красоткину.—Не надо обращать вниманія, докторъ, повторилъ онъ уже нѣсколько нетерпѣливѣе.

— Выс-сѣчь, выс-сѣчь надо, выс-сѣчь! затопалъ было ногами слишкомъ уже почему-то взбѣсившійся докторъ.

— А знаете, лѣкаръ, вѣдь Перезвонъ-то у меня пожалуй что и кусается! проговорилъ Коля задрожавшимъ голоскомъ, поблѣднѣвъ и сверкнувъ глазами.—Исі Перезвонъ!

— Коля, если вы скажете еще одно только слово, то я съ вами разорву на вѣки! властно крикнулъ Алеша.

— Лѣкаръ, есть только одно существо въ цѣломъ мірѣ, которое можетъ приказывать Николаю Красоткину, это вотъ этотъ человекъ (Коля указалъ на Алешу); ему повинуюсь, прощайте!

Онъ сорвался съ мѣста и отворивъ дверь, быстро пошелъ въ комнату. Перезвонъ бросился за нимъ. Докторъ постоялъ было еще секундъ пять, какъ бы въ столбнякѣ, смотря на Алешу, потомъ вдругъ плюнулъ и быстро пошелъ къ каретѣ, громко повторяя: «Этта, этта, этта, я не знаю, чтò этта!» Штабсъ-капитанъ бросился его подсаживать, Алеша прошелъ въ комнату вслѣдъ за Колей. Тотъ стоялъ уже у постельки Илюши. Илюша держалъ его за руку и звалъ папу. Черезъ минуту воротился и штабсъ-капитанъ.

— Папа, папа, поди сюда... мы... пролеталъ было Илюша въ чрезвычайномъ возбужденіи, но, видимо не въ силахъ продолжать, вдругъ бросилъ свои обѣ исхудалыя ручки впередъ и крѣпко, какъ только могъ, обнялъ ихъ обоихъ разомъ, и Колю и папу, соединивъ ихъ въ одно объятіе и самъ къ нимъ прижавшись. Штабсъ-капитанъ

вдругъ весь такъ и затрясся отъ безмолвныхъ рыданій, а у Коли задрожали губы и подбородокъ.

— Папа, папа! Какъ мнѣ жалко тебя, папа! горько простоналъ Илюша.

— Илюшечка... голубчикъ... докторъ сказалъ... будешь здоровъ... будемъ счастливы... докторъ... заговорилъ было штабсъ-капитанъ.

— Ахъ, папа! Я вѣдь знаю что тебѣ новый докторъ про меня сказалъ... Я вѣдь видѣлъ! воскликнулъ Илюша и опять крѣпко, изо всей силы прижалъ ихъ обоихъ къ себѣ, спрятавъ на плечѣ у папы свое лицо.

— Папа, не плачь... а какъ я умру, то возьми ты хорошаго мальчика, другаго... самъ выбери изъ нихъ изъ всѣхъ, хорошаго, назови его Илюшей и люби его вмѣсто меня...

— Молчи, старикъ, выздоровѣешь! точно осердившись крикнулъ вдругъ Красоткинъ.

— А меня, папа, меня не забывай никогда, продолжалъ Илюша,—ходи ко мнѣ на могилку... да вотъ что, папа, похорони ты меня у нашего большаго камня, къ которому мы съ тобой гулять ходили, и ходи ко мнѣ туда съ Красоткинымъ, вечеромъ... И Перезвонъ... А я буду васъ ждать... Папа, папа!

Его голосъ пресѣлся, всѣ трое стояли обнявшись и уже молчали. Плакала тихо на своемъ креслѣ и Ниночка, и вдругъ увидавъ всѣхъ плачущими, залилась слезами и мамаша.

— Илюшечка! Илюшечка! восклицала она. Красоткинъ вдругъ высвободился изъ объятій Илюши:

— Прощай, старикъ, меня ждетъ мать къ обѣду, проговорилъ онъ скороговоркой... Какъ жаль, что я ее не предупредилъ! Очень будетъ беспокоиться... Но послѣ обѣда я

тотчасъ къ тебѣ, на весь день, на весь вечеръ, и столько тебѣ расскажу, столько расскажу! И Перезвона приведу, а теперь съ собой уведу, потому что онъ безъ меня выть начнетъ и тебѣ мѣшать будетъ; до свиданья!

И онъ выбѣжалъ въ сѣни. Ему не хотѣлось расплакаться, но въ сѣняхъ онъ-таки заплакалъ. Въ этомъ состояніи нашель его Алеша.

— Коля, вы должны непременно сдержать слово и придти, а то онъ будетъ въ страшномъ горѣ, настойчиво проговорилъ Алеша.

— Непременно! О, какъ я клянусь, что не приходилъ раньше, плача и уже не конфузясь что плачетъ пробормоталъ Коля. Въ эту минуту вдругъ словно выскочилъ изъ комнаты штабсъ-капитанъ и тотчасъ затворилъ за собою дверь. Лицо его было изступленное, губы дрожали. Онъ сталъ предъ обоими молодыми людьми и вскинулъ вверхъ обѣ руки:

— Не хочу хорошаго мальчика! Не хочу другаго мальчика! прошепталъ онъ дикимъ шепотомъ, скрежеща зубами,—аще забуду тебе Іерусалиме да прильпнетъ...

Онъ не договорилъ, какъ бы захлебнувшись, и опустил-ся въ безсиліи предъ деревянною лавкой на колѣни. Стиснувъ обоими кулаками свою голову, онъ началъ рыдать какъ-то нелѣпо взвизгивая, изо всей силы крѣпясь однако, чтобы не слышали его взвизговъ въ избѣ. Коля выскочилъ на улицу.

— Прощайте, Карамазовъ! Сами-то придете? рѣзко и сердито крикнулъ онъ Алешѣ.

— Вечеромъ непременно буду.

— Чтò онъ это такое про Іерусалимъ... Это чтò еще такое?

— Это изъ Библии: «Аще забуду тебе Іерусалиме»—

то есть, если забуду все, что есть самага у меня драгоцѣннаго, если промѣняю на что, то да поразить...

— Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Ісі Перезвонъ! совѣмъ уже свирѣпо прокричалъ онъ собакѣ, и большими, скорыми шагами зашагалъ домой.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

БРАТЪ ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

І.

У Грушеньки.

Алеша направился къ Соборной площади, въ домъ купчихи Морозовой, къ Грушенькѣ. Та еще рано утромъ прислала къ нему Оению съ настоятельною просьбой зайти къ ней. Опросивъ Оению, Алеша узналъ, что барыня въ какой-то большой и особенной тревогѣ еще со вчерашняго дня. Во всѣ эти два мѣсяца послѣ ареста Мити Алеша часто заходилъ въ домъ Морозовой и по собственному побужденію, и по порученіямъ Мити. Дня три послѣ ареста Мити Грушенька сильно заболѣла и хворала чуть не пять недѣль. Одну недѣлю изъ этихъ пяти пролежала безъ памяти. Она сильно измѣнилась въ лицѣ, похудѣла и пожелтѣла, хотя воть уже почти двѣ недѣли какъ могла выходить со двора. Но на взглядъ Алеши лицо ея стало какъ бы еще привлекательнѣе, и онъ любилъ, входя къ ней, встрѣчать ея взглядъ. Что-то какъ бы укрѣпилось въ ея взглядѣ твердое и осмысленное. Сказывался нѣкоторый переворотъ духовный, являлась какая-то неизмѣнная, смиренная, но бла-

гая и безповоротная рѣшимость. Между бровями на лбу появилась небольшая вертикальная морщинка, придававшая милому лицу ея видъ сосредоточенной въ себѣ задумчивости, почти даже суровой на первый взглядъ. Прежней напирѣвности не осталось и слѣда. Странно было для Алеши и то что не смотря на все несчастіе постигшее бѣдную женщину, невѣсту жениха арестованнаго по страшному преступленію, почти въ тотъ самый мигъ когда она стала его невѣстой, не смотря потомъ на болѣзнь и на угрожающее впереди почти неминуемое рѣшеніе суда, Грушенька всетаки не потеряла прежней своей молодой веселости. Въ гордыхъ прежде глазахъ ея засіяла теперь какая-то тихость, хотя... хотя впрочемъ глаза эти изрѣдка опять таки пламенѣли нѣкоторымъ зловѣщимъ огонькомъ, когда ее посѣщала одна прежняя забота, не только не заглухнувшая, но даже и увеличившаяся въ ея сердцѣ. Предметъ этой заботы былъ все тотъ же: Катерина Ивановна, о которой Грушенька, когда еще лежала больная, поминала даже въ бреду. Алеша понималъ что она страшно ревнуетъ къ ней Митю, арестанта Митю, не смотря на то что Катерина Ивановна ни разу не посѣтила того въ заключеніи, хотя бы и могла это сдѣлать когда угодно. Все это обратилось для Алеши въ нѣкоторую трудную задачу, ибо Грушенька только одному ему довѣряла свое сердце и непрерывно просила у него совѣтовъ; онъ же иногда совѣмъ ничего не въ силахъ былъ ей сказать.

Озабоченно вступилъ онъ въ ея квартиру. Она была уже дома; съ полчаса какъ воротилась отъ Мити, и уже по тому быстрому движенію, съ которымъ она вскочила съ кресель изъ за стола къ нему на встрѣчу, онъ заключилъ, что ждала она его съ большимъ нетерпѣніемъ. На столѣ лежали карты и была сдана игра въ дурачки. На кожанномъ

диванъ съ другой стороны стола была постлана постель и на ней полулежалъ, въ халатъ и въ бумажномъ колпагѣ, Максимовъ, видимо больной и ослабѣвшій, хотя и сладко улыбавшійся. Этотъ бездомный старичокъ, какъ воротился тогда, еще мѣсяца два тому, съ Грушенькой изъ Мокраго, такъ и остался у ней и при ней съ тѣхъ поръ неотлучно. Приѣхавъ тогда съ ней въ дождь и слякоть, онъ, промокшій и испуганный, сѣлъ на диванъ и устался на нее молча, съ робкою просящею улыбкой. Грушенька, бывшая въ страшномъ горѣ и уже въ начинавшейся лихорадкѣ, почти забывшая о немъ въ первые полчаса по приѣздѣ за разными хлопотами,—вдругъ какъ-то пристально посмотрѣла на него: онъ жалко и потерянно хихикнулъ ей въ глаза. Она кликнула Оению и велѣла дать ему покушать. Весь этотъ день онъ просидѣлъ на своемъ мѣстѣ почти не шелохнувшись; когда же стемнѣло и заперли ставни, Оения спросила барыню:

— Чтò жь, барыня, развѣ они ночевать останутся?

— Да, постели ему на диванѣ, отвѣтила Грушенька.

Опросивъ его подробнѣе, Грушенька узнала отъ него что дѣйствительно ему какъ разъ теперь некуда дѣться совсѣмъ, и что «господинъ Калгановъ, благодѣтель мой, прямо мнѣ заявили-сь что болѣе меня ужь не примутъ и пять рублей подарили.»—«Ну, Богъ съ тобой, оставайся ужь», рѣшила въ тоскѣ Грушенька, сострадательно ему улыгнувшись. Старика передернуло отъ ея улыбки и губы его задрожали отъ благодарнаго плача. Такъ съ тѣхъ поръ и остался у ней скитающійся приживальщикъ. Даже въ болѣзни ея онъ не ушелъ изъ дома. Оения и ея мать, кухарка Грушеньки, его не прогнали, а продолжали его кормить и стлать ему постель на диванѣ. Впослѣдствіи Грушенька даже привыкла къ нему и, приходя отъ Мити

(къ которому чуть оправившись тотчасъ же стала ходить, не успѣвъ даже хорошенько выздоровѣть), чтобъ убить тоску, садилась и начинала разговаривать съ «Максимушкой» о всякихъ пустякахъ, только чтобы не думать о своемъ горѣ. Оказалось, что старичокъ умѣлъ иногда кое-что и поразсказать, такъ что сталъ ей наконецъ даже и необходимымъ. Кромѣ Алеши, заходившаго однако не каждый день, и всегда не на долго, Грушенька никого почти и не принимала. Старикъ же ея, купецъ, лежалъ въ это время уже страшно больной, «отходилъ», какъ говорили въ городѣ, и дѣйствительно умеръ всего недѣлю спустя послѣ суда надъ Митей. За три недѣли до смерти, почувствовавъ близкій финалъ, онъ кликнулъ къ себѣ наконецъ на верхъ сыновей своихъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и повелѣлъ имъ уже болѣе не отходить отъ себя. Грушеньку же съ этой самой минуты строго приказалъ слугамъ не принимать вовсе, а коли придетъ, то говорить ей: «Приказываетъ, дескать, вамъ долго въ веселіи жить, а ихъ совсѣмъ позабыть». Грушенька однакожь посылала почти каждый день справляться объ его здоровьѣ.

— Наконецъ-то пришелъ! кригнула она, бросивъ карты и радостно здороваясь съ Алешей,—а Максимушка такъ пугалъ что пожалуй ужъ и не придешь. Ахъ, какъ тебя нужно! Садись къ столу; ну что тебѣ, кофееку?

— А пожалуй, сказалъ Алеша подсаживаясь къ столу,—очень проголодался.

— То-то; Оеня, Оеня, кофееку! кригнула Грушенька,—онъ у меня ужъ давно кипитъ, тебя ждетъ, да пирожковъ принеси, да чтобы горячихъ. Нѣтъ, постой Алеша, у меня съ этими пирогами сегодня громъ вышелъ. Понесла я ихъ къ нему въ острогъ, а онъ, вѣришь ли, назадъ мнѣ ихъ бросилъ, такъ и не ѣлъ. Одинъ пирогъ такъ совсѣмъ на

поль бинулъ и растопталъ. Я и сказала: «сторожу оставляю; коли не съѣшь до вечера, значить тебя злость эхидная кормить!» съ тѣмъ и ушла. Опять вѣдь поссорились, вѣришь тому. Что ни приду, такъ и поссоримся.

Грушенька проговорила все это залпомъ, въ волненіи. Максимовъ, тотчасъ же оробѣвъ, улыбался потупивъ глазки.

— Этоть-то разъ за что же поссорились? спросилъ Алеша.

— Да ужь совсѣмъ и не ожидала! Представь себѣ, въ «прежнему» приревновалъ: «Зачѣмъ дескать ты его содержишь. Ты его значить содержать начала?» Все ревнуетъ, все меня ревнуетъ! И спитъ и ѣстъ ревнуетъ. Къ Кузьмѣ даже разъ на прошлой недѣлѣ приревновалъ.

— Да вѣдь онъ же зналъ про «прежняго-то»?

— Ну вотъ поди. Съ самаго начала до самаго сегодня зналъ, а сегодня вдругъ всталъ и началъ ругать. Срамно только сказать что говорилъ. Дуракъ! Ракитка въ нему пришелъ какъ я вышла. Можетъ Ракитка-то его и уськаетъ, а? Какъ ты думаешь? прибавила она какъ бы разсѣянно.

— Любить онъ тебя, вотъ что, очень любить. А теперь какъ разъ и раздражень.

— Еще бы не раздражень, завтра судять. И шла съ тѣмъ чтобъ объ завтрашнемъ ему мое слово сказать, потому, Алеша, страшно мнѣ даже и подумать что завтра будетъ! Ты вотъ говоришь что онъ раздражень, да я-то какъ раздражена. А онъ объ Полякѣ! Экой дуракъ! Вотъ въ Максимушкѣ небось не ревнуетъ.

— Меня супруга моя очень тоже ревновала-съ, вставилъ свое слово Максимовъ.

— Ну ужь тебя-то, размѣялась нехотя Грушенька, — въ кому тебя и ревновать-то?

— Къ горничнымъ дѣвушкамъ-съ.

— Э, молчи, Максимушка, не до смѣху мнѣ теперь, даже злость беретъ. На пирожки-то глазъ не паяль, не дамъ, тебѣ вредно, и бальзамчику тоже не дамъ. Вотъ съ нимъ тоже возись; точно у меня домъ богадѣльный, право, размѣялась она.

— Я вашихъ благодѣяній не стою-съ, я ничтоженъ-съ, проговорилъ слезящимся голоскомъ Максимовъ.—Лучше бы вы расточали благодѣянія ваши тѣмъ, которые нужнѣе меня-съ.

— Эхъ, всякій нуженъ, Максимушка, и почему узнать кто кого нужнѣй. Хоть бы и не было этого Поляка вовсе, Алеша, тоже вѣдь разболѣться сегодня вздумалъ. Была и у него. Такъ вотъ нарочно же и ему пошлю пироговъ, я не посылала, а Митя обвинилъ что посылаю, такъ вотъ нарочно же теперь пошлю, нарочно! Ахъ, вотъ и Оѣня съ письмомъ! Ну, такъ и есть, опять отъ Поляковъ, опять денегъ просятъ!

Панъ Муссяловичъ дѣйствительно прислалъ чрезвычайно длинное и витѣватое по своему обыкновенію письмо, въ которомъ просилъ ссудить его тремя рублями. Къ письму была приложена росписка въ полученіи съ обязательствомъ уплатить въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; подъ роспиской подписался и панъ Врублевскій. Такихъ писемъ и все съ такими же росписками Грушенька уже много получила отъ своего «прежняго». Началось это съ самаго выздоровленія Грушеньки, недѣли двѣ назадъ. Она знала однако, что оба пана и во время болѣзни ея приходили навѣдываться о ея здоровьѣ. Первое письмо полученное Грушенькой было длинное, на почтовомъ листѣ большаго формата, запечатанное большою фамильною печатью и страшно темное и витѣватое, такъ что Грушенька прочла только половину и броси-

ла, ровно ничего не понявъ. Да и не до писемъ ей тогда было. За этимъ первымъ письмомъ послѣдовало на другой день второе, въ которомъ панъ Муссяловичъ просилъ ссудить его двумя тысячами рублей на самый короткій срокъ. Грушенька и это письмо оставила безъ отвѣта. Затѣмъ послѣдовалъ уже цѣлый рядъ писемъ, по письму въ день, все также важныхъ и витѣватыхъ, но въ которыхъ сумма, просимая займы, постепенно спускаясь, дошла до ста рублей, до двадцати пяти, до десяти рублей, и наконецъ вдругъ Грушенька получила письмо, въ которомъ оба пана просили у ней одинъ только рубль и приложили росписку, на которой оба и подписались. Тогда Грушенькѣ стало вдругъ жалко, и она, въ сумерки, сбѣгала сама къ пану. Нашла она обоихъ Поляковъ въ страшной бѣдности, почти въ нищетѣ, безъ кушанья, безъ дровъ, безъ папиросъ, задолжавшихъ хозяйкѣ. Двѣсти рублей, выигранные въ Мокромъ у Мити, куда-то быстро исчезли. Удивило, однакоже Грушеньку, что встрѣтили ее оба пана съ заносчивою важностью и независимостью, съ величайшимъ этикетомъ, съ раздутыми рѣчами. Грушенька только разсмѣялась и дала своему «прежнему» десять рублей. Тогда же, смѣясь, рассказала объ этомъ Митѣ, и тотъ вовсе не приревновалъ. Но съ тѣхъ поръ паны ухватились за Грушеньку и каждый день ее бомбардировали письмами съ просьбой о деньгахъ, а та каждый разъ посылала по немножку. И вотъ вдругъ сегодня Митя вздумалъ жестоко приревновать.

— Я, дура, къ нему тоже забѣжала, всего только на минутку, когда къ Митѣ шла, потому разболѣлся тоже и онъ, панъ-то мой прежній, начала опять Грушенька, суетливо и торопясь, — смѣюсь я это и рассказываю Митѣ-то: представь, говорю, Полякъ-то мой на гитарѣ прежнія пѣсни мнѣ вздумалъ пѣть, думаетъ что я разчувствуюсь и

за него пойду. А Митя-то какъ вскочить съ ругательствами... Такъ вотъ нѣтъ же, пошлю панамъ пироговъ! Оня, что они тамъ дѣвчонку эту прислали? Вотъ отдай ей три рубля, да съ десятокъ пирожковъ въ бумагу имъ уверни и вели снести, а ты, Алеша, непременно расскажи Митѣ, что я имъ пироговъ послала.

— Ни за что не расскажу, проговорилъ улыбнувшись Алеша.

— Эхъ, ты думаешь, что онъ мучается; вѣдь онъ это нарочно приревновалъ, а ему самому все равно, горько проговорила Грушенька.

— Какъ такъ нарочно? спросилъ Алеша.

— Глупый ты, Алешенька, вотъ что, ничего ты тутъ не понимаешь при всемъ умѣ, вотъ что. Мнѣ не то обидно, что онъ меня, такую, приревновалъ, а то стало бы мнѣ обидно, коли бы вовсе не ревновалъ. Я такова. Я за ревность не обижусь, у меня у самой сердце жестокое, я сама приревную. Только мнѣ то обидно, что онъ меня все не любить и теперь *нарочно* приревновалъ, вотъ что. Слѣпая я что ли, не вижу? Онъ мнѣ объ той, объ Катькѣ, вдругъ сейчасъ и говорить: такая де она и сякая, доктора изъ Москвы на судъ для меня выписала, чтобы спасти меня выписала, адвоката самаго перваго, самаго ученаго тоже выписала. Значить ее любить, коли мнѣ въ глаза началъ хвалить, безстыжіе его глаза! Предо мной самъ виновать, такъ вотъ ко мнѣ и привязался, чтобы меня прежде себя виноватой сдѣлать, да на меня на одну и свалить: «ты дескать прежде меня съ Полякомъ была, такъ вотъ мнѣ съ Катькой и позволительно это стало». Вотъ оно что! На меня на одну всю вину свалить хочетъ. Нарочно онъ привязался, нарочно, говорю тебѣ, только я...

Грушенька не договорила что она сдѣлаетъ, закрыла глаза платкомъ и ужасно разрыдалась.

— Онъ Катерину Ивановну не любить, сказалъ твердо Алеша.

— Ну любить не любить, это я сама скоро узнаю, съ грозною поткой въ голосѣ проговорила Грушенька, отнимая отъ глазъ платокъ. Лицо ея исказилось. Алеша съ горестью увидѣлъ какъ вдругъ изъ кроткаго и тихо-веселаго лицо ея стало угрюмымъ и злымъ.

— Объ этихъ глуностяхъ полно! отрѣзала она вдругъ, — не за тѣмъ вовсе я и звала тебя. Алеша, голубчикъ, завтра-то, завтра-то что будетъ? Вотъ вѣдь что меня мучить! Одну только меня и мучить! Смотрю на всѣхъ, никто-то объ томъ не думаетъ, никому-то до этого и дѣла нѣтъ никакого. Думаешь ли хоть ты объ этомъ? Завтра вѣдь судятъ! Расскажи ты мнѣ, какъ его тамъ будутъ судить? Вѣдь это лакей, лакей убилъ, лакей! Господи! Неужто-жь его за лакея осудятъ, и никто-то за него не заступится? Вѣдь и не потревожили лакея-то вовсе, а?

— Его строго опрашивали, замѣтилъ Алеша задумчиво, — по всѣ заключили что не онъ. Теперь онъ очень больной лежитъ. Съ тѣхъ поръ боленъ, съ той падучей. Въ самомъ дѣлѣ боленъ, прибавилъ Алеша..

— Господи, да сходилъ бы ты къ этому адвокату самъ и рассказалъ бы дѣло съ глазу на глазъ. Вѣдь изъ Петербурга за три тысячи, говорятъ, выписали.

— Это мы втроемъ дали три тысячи, я, братъ Иванъ и Катерина Ивановна, а доктора изъ Москвы выписала за двѣ тысячи ужъ она сама. Адвокатъ Фетюковичъ больше бы взялъ, да дѣло это получило огласку по всей Россіи, во всѣхъ газетахъ и журналахъ о немъ говорятъ, Фетюковичъ и согласился больше для славы пріѣхать, потому что слишкомъ ужъ знаменитое дѣло стало. Я его вчера видѣлъ.

— Ну и что-жь? Говорилъ ему? вскинулась торопливо Грушенька.

— Онъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Сказалъ что у него уже составилось опредѣленное мнѣніе. Но обѣщалъ мои слова взять въ соображеніе.

— Какъ это въ соображеніе! Ахъ они мошенники! Погубятъ они его! Ну а доктора-то, доктора зачѣмъ та написала?

— Какъ эксперта. Хотятъ вывести, что братъ сумасшедшій и убилъ въ помѣшательствѣ, себя не помня, тихо улыбнулся Алеша,—только братъ не согласится на это.

— Ахъ, да вѣдь это правда, еслибъ онъ убилъ! воскликнула Грушенька.—Помѣшанный онъ былъ тогда, со всѣмъ помѣшанный, и это я, я, подлая, въ томъ виновата! Только вѣдь онъ же не убилъ, не убилъ! И всѣ-то на него, что онъ убилъ, весь городъ. Даже Оеня, и та такъ показала, что выходитъ будто онъ убилъ. А въ лавкѣ-то, а этотъ чиновникъ, а прежде въ трактирѣ слышали! Всѣ, всѣ противъ него, такъ и галдятъ.

— Да, показанія ужасно умножились, угрюмо замѣтилъ Алеша.

— А Григорій-то, Григорій-то Васильичъ, вѣдь стоитъ на своемъ, что дверь была отперта, ломитъ на своемъ, что видѣлъ, не собьешь его, я къ нему бѣгала, сама съ нимъ говорила. Ругается еще!

— Да, это можетъ быть самое сильное показаніе противъ брата, проговорилъ Алеша.

— А про то что Митя помѣшанный, такъ онъ и теперь точно таковъ, съ какимъ-то особенно озабоченнымъ и таинственнымъ видомъ начала вдругъ Грушенька.—Знаешь, Алешенька, давно я хотѣла тебѣ про это сказать: хожу къ нему каждый день и просто дивлюсь. Скажи ты мнѣ, какъ

ты думаешь: объ чемъ это онъ теперь началъ все говорить? Заговорить, заговорить — ничего понимать не могу, думаю, это онъ объ чемъ умномъ, ну я глухая, не понять мнѣ, думаю; только сталъ онъ мнѣ вдругъ говорить про дитѣ, то есть про дитятю какого-то, «зачѣмъ дескать бѣднѣ дитѣ? «За дитѣ-то это я теперь и въ Сибирь пойду, я не убилъ, но мнѣ надо въ Сибирь пойти!» Что это такое, какое такое дитѣ—ничегошеньки не поняла. Только расплакалась какъ онъ говорилъ, потому очень ужъ онъ хорошо это говорилъ, самъ плачетъ, и я заплакала, онъ меня вдругъ и поцаловалъ и рукой перекрестилъ. Что это такое, Алеша, расскажи ты мнѣ какое это «дитѣ?»

— Это къ нему Ракитинъ почему-то повадился ходить, улыбнулся Алеша,—впрочемъ... это не отъ Ракитина. Я у него вчера не былъ, сегодня буду.

— Нѣтъ, это не Ракитка, это его братъ Иванъ Федоровичъ смущаетъ, это онъ къ нему ходить, вотъ что... проговорила Грушенька и вдругъ какъ бы осѣблась. Алеша уставился на нее какъ пораженный.

— Какъ ходить? Да развѣ онъ ходилъ къ нему? Митя мнѣ самъ говорилъ, что Иванъ ни разу не приходилъ.

— Ну... ну, вотъ я какая! Проболаталась! воскликнула Грушенька въ смущеніи, вся вдругъ зарумянившись.—Стой, Алеша, молчи, такъ и быть, коль ужъ проболталась, всю правду скажу: онъ у него два раза былъ, первый разъ только что онъ тогда пріѣхалъ — тогда же вѣдь онъ сейчасъ изъ Москвы и прискакалъ, я еще и слечь не успѣла, а другой разъ приходилъ недѣлю назадъ. Митѣ-то онъ не велѣлъ объ томъ тебѣ сказывать, отнюдь не велѣлъ, да и никому не велѣлъ сказывать, потаенно приходилъ.

Алеша сидѣлъ въ глубокой задумчивости и что-то соображалъ. Извѣстіе видимо его поразило.

— Братъ Иванъ объ Митиномъ дѣлѣ со мной не говорить, проговорилъ онъ медленно, — да и вообще со мною онъ во всѣ эти два мѣсяца очень мало говорилъ, а когда я приходилъ къ нему, то всегда бывалъ недоволенъ, что я пришелъ, такъ что я три недѣли къ нему уже не хожу. Гм... Если онъ былъ недѣлю назадъ, то... за эту недѣлю въ Митѣ дѣйствительно произошла какая-то перемѣна...

— Перемѣна, перемѣна! быстро подхватила Грушенька.— У нихъ секретъ, у нихъ былъ секретъ! Митя мнѣ самъ сказалъ что секретъ и, знаешь, такой секретъ, что Митя и успокоиться не можетъ. А вѣдь прежде былъ веселый, да онъ и теперь веселый, только, знаешь, когда начнетъ этакъ головой мотать, да по комнатѣ шагать, а вотъ этимъ правымъ пальцемъ себѣ тутъ на вискѣ волосы тереть, то ужъ я и знаю, что у него что-то безпокойное на душѣ... я ужъ знаю!... А то былъ веселый; да и сегодня веселый!

— А ты сказала: раздраженъ?

— Да онъ и раздраженъ, да веселый. Онъ и все раздраженъ, да на минутку, а тамъ веселый, а потомъ вдругъ опять раздраженъ. И знаешь, Алеша, все я на него дивлюсь: впереди такой страхъ, а онъ даже иной разъ такимъ пустякамъ хохочетъ, точно самъ-то дитя.

— И это правда что онъ мнѣ не велѣлъ говорить про Ивана? Такъ и сказалъ: не говори?

— Такъ и сказалъ: не говори. Тебя-то онъ, главное, и бонтя, Митя-то. Потому тутъ секретъ, самъ сказалъ, что секретъ... Алеша, голубчикъ, сходи, вывѣдай: вакой это такой у нихъ секретъ, да и приди мнѣ сказать, — вскинулась и взмолилась вдругъ Грушенька, — порѣши ты меня бѣдную, чтобъ ужъ знала я мою участь проклятую! Съ тѣмъ и звала тебя.

— Ты думаешь что это про тебя что нибудь? Такъ вѣдь тогда-бы онъ не сказалъ при тебѣ про секретъ.

— Не знаю. Можетъ мнѣ-то онъ и хочетъ сказать, да не смѣетъ. Предупреждаетъ. Секретъ дескать есть, а какой секретъ не сказалъ.

— Ты сама-то что-же думаешь?

— А что́ думаю? Конецъ мнѣ пришелъ, вотъ что́ думаю. Конецъ мнѣ они всѣ трое приготовили, потому что тутъ Катяга. Все это Катяга, отъ нея и идетъ. «Такая она и сякая», значить это я не такая. Это онъ вперёдъ говорить, вперёдъ меня предупреждаетъ. Бросить онъ меня замыслилъ, вотъ и весь тутъ секретъ! Втроемъ это и придумали. — Митька, Катяга, да Иванъ Федоровичъ. Алеша, хотѣла я тебя спросить давно: недѣлю назадъ онъ мнѣ вдругъ и открываетъ что Иванъ влюбленъ въ Катягу, потому что часто къ той ходитъ. Правду онъ это мнѣ сказалъ или нѣтъ? Говори по совѣсти, рѣжь меня.

— Я тебѣ не солгу. Иванъ въ Катерину Ивановну не влюбленъ, такъ я думаю.

— Ну, такъ и я тогда-же подумала! Лжетъ онъ мнѣ, безстыжій, вотъ что́! И приревновалъ онъ теперь меня, чтобы потомъ на меня свалить. Вѣдь онъ дуракъ, вѣдь онъ не умѣетъ концовъ хоронить, откровенный онъ вѣдь такой... Только я жь ему, я жь ему! «Ты, говорить, вѣришь что я убилъ»—это мнѣ-то онъ говоритъ, мнѣ-то, это меня-то онъ тѣмъ попрекнулъ! Богъ съ нимъ! Ну, стой, плохо этой Катягѣ будетъ отъ меня на судѣ! Я тамъ одно такое словечко скажу... Я тамъ ужь все скажу!

И опять она горько заплакала.

— Вотъ что́ я тебѣ могу твердо объявить, Грушенька, сказалъ вставая съ мѣста Алеша:—первое то, что онъ тебя любить, любить болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и одну тебя, въ этомъ ты мнѣ вѣрь. Я знаю. Ужь я знаю. Второе то скажу тебѣ, что я секрета выпытывать отъ него не хочу, а

если самъ мнѣ скажетъ сегодня, то прямо скажу ему что тебѣ обѣщался сказать. Тогда приду къ тебѣ сегодня-же и скажу. Только... кажется мнѣ... нѣтъ тутъ Катерины Ивановны и въ поминѣ, а это про другое про что нибудь этотъ секретъ. И это навѣрно такъ. И не похоже совсѣмъ чтобы про Катерину Ивановну, такъ мнѣ сдается. А пока прощай!

Алеша пожалъ ей руку. Грушенька все еще плакала. Онъ видѣлъ что она его утѣшеніямъ очень мало повѣрила, но и то ужъ было ей хорошо что хоть горе сорвала, высказалась. Жалко ему было оставлять ее въ такомъ состояніи, но онъ спѣшилъ. Предстояло ему еще много дѣла.

II.

Больная ножка.

Первое изъ этихъ дѣлъ было въ домѣ г-жи Хохлаковой, и онъ поспѣшилъ туда чтобы покончить тамъ поскорѣе и не опоздать къ Митѣ. Г-жа Хохлакова уже три недѣли какъ прихварывала: у ней отчего-то вспухла нога, и она хоть не лежала въ постели, но все равно, днемъ, въ привлекательномъ, но пристойномъ дезабилье полулежала у себя въ будуарѣ на кушеткѣ. Алеша какъ-то разъ замѣтилъ про себя съ невинною усмѣшкой, что г-жа Хохлакова, не смотря на болѣзнь свою, стала почти щеголять: явились какія-то наколочки, бантики, распашоночки, и онъ смегаль почему это такъ, хотя и гналъ эти мысли какъ праздныя. Въ послѣдніе два мѣсяца г-жу Хохлакову сталъ посѣщать, между прочими ея гостями, молодой человекъ Перхотинъ. Алеша не заходилъ уже дня четыре, и войдя въ домъ поспѣшилъ было прямо пройти къ Лизѣ, ибо у ней и было

его дѣло, такъ какъ Лиза еще вчера прислала къ нему дѣвушку съ настоятельною просьбой немедленно къ ней придти «по очень важному обстоятельству», что, по нѣкоторымъ причинамъ, заинтересовало Алешу. Но пока дѣвушка ходила къ Лизѣ докладывать, г-жа Хохлакова уже узнала отъ кого-то о его прибытіи и немедленно прислала попросить его къ себѣ «на одну только минутку». Алеша разсудилъ что лучше ужъ удовлетворить сперва просьбу мамыши, ибо та будетъ поминутно посылать къ Лизѣ пока онъ будетъ у той сидѣть. Г-жа Хохлакова лежала на кушеткѣ, какъ-то особенно празднично одѣтая и видимо въ чрезвычайномъ нервическомъ возбужденіи. Алешу встрѣтила криками восторга.

— Вѣка, вѣка, цѣлые вѣка, не видала васъ! Цѣлую недѣлю, помилуйте, ахъ, впрочемъ, вы были всего четыре дня назадъ, въ среду. Вы къ Lise, я увѣрена что вы хотѣли пройти къ ней прямо на цыпочкахъ чтобъ я не слыжала. Милый, милый Алексѣй Федоровичъ, еслибъ вы знали какъ она меня беспокоитъ! Но это потомъ. Это хоть и самое главное, но это потомъ. Милый Алексѣй Федоровичъ, я вамъ довѣряю мою Лизу вполне. Послѣ смерти старца Зосимы — упокой Господи его душу! (она перекрестилась), послѣ него я смотрю на васъ какъ на схимника, хотя вы и премило носите вашъ новый костюмъ. Гдѣ это вы достали здѣсь такого портнаго? Но нѣтъ, нѣтъ, это не главное, это потомъ. Простите что я васъ называю иногда Алешей, я старуха, мнѣ все позволено, — кокетливо улынулась она, — но это тоже потомъ. Главное, мнѣ-бы не забыть про главное. Пожалуста, напомните мнѣ сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: «а главное?» Ахъ, почему я знаю что тсперь главное! — Съ тѣхъ поръ какъ Lise взяла у васъ назадъ свое обѣщаніе, — свое дѣтское обѣщаніе, Алексѣй Федоровичъ, —

выйти за васъ замужъ, то вы конечно поняли, что все это была лишь дѣтская игривая фантазія больной дѣвочки долго просидѣвшей въ креслахъ,—слава Богу она теперь уже ходитъ. Этотъ новый докторъ, котораго Катя выписала изъ Москвы для этого несчастнаго вашего брата, котораго завтра... Ну что объ завтрашнемъ! Я умираю отъ одной мысли объ завтрашнемъ! Главное же отъ любопытства.... Однимъ словомъ, этотъ докторъ вчера былъ у насъ и видѣлъ Lise.... Я ему пятьдесятъ рублей за визитъ заплатила. Но это все не то, опять не то... Видите, я ужь со всѣмъ теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Я ужасно перестаю теперь знать. Для меня все смѣшалось въ какой-то комокъ. Я боюсь что вы возьмете и выпрыгнете отъ меня отъ скуки, и я васъ только и видѣла. Ахъ, Боже мой! Что же мы сидимъ, и во первыхъ,— кофе, Юлія, Глафира, кофе!

Алеша поспѣшно поблагодарилъ и объявилъ что онъ сейчасъ только пилъ кофе.

— У кого?

— У Аграфены Александровны.

— Это... это у этой женщины! Ахъ, это она всѣхъ погубила, а впрочемъ я не знаю, говорить она стала святая, хотя и поздно. Лучше-бы прежде когда надо было, а теперь что жь, какая-же польза? Молчите, молчите, Алексѣй Ѳедоровичъ, потому что я столько хочу сфазать что кажется такъ ничего и не скажу. Этотъ ужасный процессъ... я непременно поѣду, я готовлюсь, меня внесутъ въ креслахъ, и притомъ я могу сидѣть, со мной будутъ люди, и вы знаете вѣдь, я въ свидѣтеляхъ. Какъ я буду говорить, какъ я буду говорить! Я не знаю что я буду говорить. Надо вѣдь присягу принять, вѣдь такъ, такъ?

— Такъ, но не думаю чтобы вамъ можно было явиться.

— Я могу сидѣть; ахъ, вы меня сбиваете! Этотъ процессъ, этотъ дикій поступокъ, и потомъ всѣ идутъ въ Сибирь, другіе женятся, и все это быстро, быстро, и все мѣняется, и наконецъ ничего, всѣ старики и въ гробъ смотрятъ. Ну и пусть, я устала. Эта Катя — *cette charmante personne*, она разбила всѣ мои надежды: теперь она пойдетъ за однимъ вашимъ братомъ въ Сибирь, а другой вашъ братъ поѣдетъ за ней и будетъ жить въ сосѣднемъ городѣ, и всѣ будутъ мучить другъ друга. Меня это съ ума сводить, а главное эта огласка: во всѣхъ газетахъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ миллионъ разъ писали. Ахъ да, представьте себѣ, и про меня написали что я была «милымъ другомъ» вашего брата, я не хочу проговорить гадкое слово, представьте себѣ, ну представьте себѣ!

— Этого быть не можетъ! Гдѣ же и какъ написали?

— Сейчас покажу. Вчера получила—вчера и прочла. Вотъ здѣсь въ газетѣ *Слухи*, въ Петербургской. Эти *Слухи* стали издаваться съ нынѣшняго года, я ужасно люблю слухи, и подписалась, и вотъ себѣ на голову: вотъ они какіе оказались слухи. Вотъ здѣсь, вотъ въ этомъ мѣстѣ, читайте.

И она протянула Алешѣ газетный листокъ, лежавшій у ней подъ подушкой.

Она не то что была разстроена, она была какъ-то вся разбита и дѣйствительно можетъ быть у ней все въ головѣ свернулось въ комокъ. Газетное извѣстіе было весьма характерное и, конечно, должно было на нее очень щекотливо подѣйствовать, но она, къ своему счастью можетъ быть, не способна была въ сію минуту сосредоточиться на одномъ пунктѣ, а потому чрезъ минуту могла забыть даже и о газетѣ и перескочить совсѣмъ на другое. Про то же, что повсемѣстно по всей Россіи уже прошла слава объ ужасномъ

процессѣ, Алеша зналъ давно и, Боже, какія дикія извѣстія и корреспонденціи успѣлъ онъ прочесть за эти два мѣсяца, среди другихъ вѣрныхъ извѣстій, о своемъ братѣ, о Карамазовыхъ вообще и даже о себѣ самомъ. Въ одной газетѣ даже сказано было, что онъ отъ страха послѣ преступленія брата посихмился и затворился; въ другой это опровергали и писали, напротивъ, что онъ вмѣстѣ со старцемъ своимъ Зосимой взломали монастырскій ящикъ и «утекли изъ монастыря». Теперешнее же извѣстіе въ газетѣ *Слухи* озаглавлено было: «Изъ Скотопригоньевска (увы, такъ называется нашъ городокъ, я долго скрывалъ его имя), къ процессу Карамазова». Оно было коротенькое, и о г-жѣ Хохлаковой прямо ничего не упоминалось, да и вообще всѣ имена были скрыты. Извѣщалось лишь, что преступникъ, котораго съ такимъ трескомъ собираются теперь судить, отставной армейскій капитанъ, нахальнаго пошиба, лѣнтяй и крѣпостникъ, то и дѣло занимался амурами и особенно вліялъ на нѣкоторыхъ «скучающихъ въ одиночествѣ дамъ». Одна де такая дама изъ «скучающихъ вдовицъ», молодящаяся, хотя уже имѣющая взрослую дочь, до того имъ прельстилась, что всего только за два часа до преступленія предлагала ему три тысячи рублей съ тѣмъ, чтобъ онъ тотчасъ же бѣжалъ съ нею на золотые пріиски. Но злодѣй предпочелъ де лучше убить отца и ограбить его именно на три же тысячи, рассчитывая сдѣлать это безнаказанно, чѣмъ тащиться въ Сибирь съ сорокалѣтними прелестями своей скучающей дамы. Игривая корреспонденція эта, какъ и слѣдуетъ, заканчивалась благороднымъ негодованіемъ на счетъ безнравственности отцеубійства и бывшаго крѣпостнаго права. Прочтя съ любопытствомъ, Алеша свернулъ листокъ и передалъ его обратно г-жѣ Хохлаковой.

— Ну какъ же не я? залепетала она опять, — вѣдь это

я, я почти за часъ предлагала ему золотые пріиски и вдругъ «сорокалѣтнія прелести!» Да развѣ я затѣмъ? Это онъ нарочно! Прости ему Вѣчный Судья за сорокалѣтнія прелести, какъ и я прощаю, но вѣдь это... вѣдь это знаете кто? Это вашъ другъ, Равитинъ.

— Можетъ быть, сказалъ Алеша,—хотя я ничего не слыхалъ.

— Онъ, онъ, а не можетъ быть! Вѣдь я его выгнала... Вѣдь вы знаете всю эту исторію?

— Я знаю, что вы его пригласили не посѣщать васъ впредь, но за что именно—этого я... отъ васъ по крайней мѣрѣ не слыхалъ.

— А стало быть отъ него слышали! Что-жь онъ бранить меня, очень бранить?

— Да, онъ бранить, но вѣдь онъ всѣхъ бранить. Но за что вы ему отказали—я и отъ него не слыхалъ. Да и вообще я очень рѣдко съ нимъ встрѣчаюсь. Мы не друзья.

— Ну, такъ я вамъ это все открою и, нечего дѣлать, покаюсь, потому что тутъ есть одна черта, въ которой я можетъ быть сама виновата. Только маленькая, маленькая черточка, самая маленькая, такъ что можетъ быть ея и нѣтъ вовсе. Видите, голубчикъ мой (г-жа Хохлакова вдругъ приняла какой-то игривый видъ и на устахъ ея замелькала милая, хотя и загадочная улыбочка), видите, я подозреваю... вы меня простите, Алеша, я вамъ какъ мать... о, нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, я къ вамъ теперь какъ къ моему отцу... потому что мать тутъ совсѣмъ не идетъ... Ну, все равно какъ къ старцу Зосимѣ на исповѣди, и это самое вѣрное, это очень подходитъ: назвала же я васъ давеча схимникомъ,—ну такъ вотъ этотъ бѣдный молодой человекъ, вашъ другъ Равитинъ (о, Боже, я просто на него не могу сердиться! Я сержусь и злюсь, но не очень), однимъ словомъ,

этотъ легкомысленный молодой человѣкъ, вдругъ, представьте себѣ, кажется, вздумалъ въ меня влюбиться. Я это потомъ, потомъ только вдругъ примѣтила, но въ началѣ, т. е. съ мѣсяць назадъ, онъ сталъ бывать у меня чаще, почти каждый день, хотя и прежде мы были знакомы. Я ничего не знаю... и вотъ вдругъ меня какъ бы озарило, и я начинаю, къ удивленію, примѣчать. Вы знаете, я уже два мѣсяца тому назадъ начала принимать этого скромнаго, милого и достойнаго молодаго человѣка, Петра Ильича Перхотина, который здѣсь служить. Вы столько разъ его встрѣчали сами. И не правда ли, онъ достойный, серіозный. Приходитъ онъ въ три дня разъ, а не каждый день (хотя пусть бы и каждый день), и всегда такъ хорошо одѣтъ, и вообще я люблю молодежь, Алеша, талантливую, скромную, вотъ какъ вы, а у него почти государственнй умъ, онъ такъ мило говорить, и я непременно, непременно буду просить за него. Это будущій дипломатъ. Онъ въ тотъ ужасный день меня почти отъ смерти спасъ придя ко мнѣ ночью. Ну, а вашъ другъ Рагитинъ приходитъ всегда въ такихъ сапогахъ и протянетъ ихъ по ковру... однимъ словомъ, онъ началъ мнѣ даже что-то намекать, а вдругъ одинъ разъ, уходя, пожалъ мнѣ ужасно крѣпко руку. Только что онъ мнѣ пожалъ руку какъ вдругъ у меня разболѣлась нога. Онъ и прежде встрѣчалъ у меня Петра Ильича, и вѣрите-ли, все шпыняетъ его, все шпыняетъ, такъ и мычить на него за что-то. Я только смотрю на нихъ обоихъ, какъ они сойдутся, а внутри смѣюсь. Вотъ вдругъ я сижу одна, т. е. нѣтъ, я тогда ужъ лежала, вдругъ я лежу одна, Михаилъ Ивановичъ и приходитъ и, представьте, приноситъ свои стишки, самые коротенькіе, на мою большую ногу, т. е. описалъ въ стихахъ мою большую ногу. Пойдите, какъ это:

Эта ножка, эта ножка
Разболѣлася немпожко...

или какъ тамъ, — вотъ никакъ не могу стиховъ запомнить — у меня тутъ лежать, — ну я вамъ потомъ покажу, только прелестъ, прелестъ, и знаете не объ одной только ножкѣ, а и нравоучительное, съ прелестною идеей, только я ее забыла, однимъ словомъ, прямо въ альбомъ. Ну я разумѣется поблагодарила, и онъ былъ видимо польщенъ. Не успѣла поблагодарить, какъ вдругъ входитъ и Петръ Ильичъ, а Михаилъ Ивановичъ вдругъ насупился какъ ночь. Я ужъ вижу, что Петръ Ильичъ ему въ чемъ-то помѣшалъ, потому что Михаилъ Ивановичъ непременно что-то хотѣлъ сказать сейчасъ послѣ стиховъ, я ужъ предчувствовала, а Петръ Ильичъ и вошелъ. Я вдругъ Петру Ильичу стихи и показываю, да и не говорю кто сочинилъ. Но я увѣрена, я увѣрена, что онъ сейчасъ догадался, хотя и до сихъ поръ не признается, а говоритъ, что не догадался; но это онъ нарочно. Петръ Ильичъ тотчасъ захохоталъ и началъ критиковать: — дрянные, говоритъ, стишонки, какойнибудь семинаристъ написалъ, да знаете, съ такимъ азартомъ, съ такимъ азартомъ! Тутъ вашъ другъ вмѣсто того чтобы разсмѣяться, вдругъ совсѣмъ и взбѣсился... Господи, я думала они подерутся: «Это я, говоритъ, написалъ. Я, говоритъ, написалъ въ шутку, потому что считаю за низость писать стихи... Только стихи мои хороши. Вашему Пушкину за женскія ножки монументъ хотятъ ставить, а у меня съ направлениемъ, а вы сами, говоритъ, брѣвостнигъ; вы, говоритъ, никакой гуманности не имѣете, вы никакихъ теперешнихъ просвѣщенныхъ чувствъ не чувствуете, васъ не коснулось развитіе, вы, говоритъ, чиновнигъ и взятки берете!» Тутъ ужъ я начала кричать и молить ихъ. А Петръ Ильичъ, вы знаете, такой не робкій, и вдругъ при-

нялъ самый благородный тонъ: смотритъ на него насмѣшливо, слушаетъ и извиняется: «Я, говорить, не зналъ. Еслибъ я зналъ, я бы не сказалъ, я бы, говорить, похвалилъ... Поэты, говорить, всѣ такъ раздражительны»... Однимъ словомъ, такія насмѣшки подъ видомъ самаго благороднаго тона. Это онъ мнѣ самъ потомъ объяснилъ, что это все были насмѣшки, а я думала онъ и въ самомъ дѣлѣ. Только вдругъ я лежу какъ вотъ теперь предъ вами и думаю: будетъ или не будетъ благородно, если я Михаила Ивановича вдругъ прогоню за то, что неприлично кричитъ у меня въ домъ на моего гостя? И вотъ вѣрите-ли: лежу, закрыла глаза и думаю: будетъ или не будетъ благородно, и не могу рѣшить, и мучаюсь, мучаюсь, и сердце бьется: крикнуть аль не крикнуть? Одинъ голосъ говорить: кричи, а другой говорить: нѣтъ, не кричи! Только что этотъ другой голосъ сказалъ, я вдругъ и закричала и вдругъ упала въ обморокъ. Ну, тутъ разумѣется шумъ. Я вдругъ встаю и говорю Михаилу Ивановичу: мнѣ горько вамъ объявить, но я не желаю васъ болѣе принимать въ моемъ домѣ. Такъ и выгнала. Ахъ, Алексѣй Федоровичъ! Я сама знаю, что скверно сдѣлала, я все лгала, я вовсе на него не сердилась, но мнѣ вдругъ, главное вдругъ, показалось, что это будетъ такъ хорошо, эта сцена... Только вѣрите-ли, эта сцена всетаки была натуральна, потому что я даже расплакалась, и нѣсколько дней потомъ плакала, а потомъ вдругъ послѣ обѣда все и позабыла. Вотъ онъ и пересталъ ходить уже двѣ недѣли, я и думаю: да неужто жъ онъ совсѣмъ не придетъ? Это еще вчера, а вдругъ къ вечеру приходятъ эти «слухи». Прочла и ахнула, ну кто же написалъ, это онъ написалъ, пришелъ тогда домой, сѣлъ — и написалъ; послалъ — и напечатали. Вѣдь это двѣ недѣли какъ было. Только, Алеша, ужасъ

я что говорю, а вовсе не говорю объ чемъ надо? Ахъ, само говорится!

— Мнѣ сегодня ужасно какъ нужно поспѣть вовремя къ брату, пролепеталъ было Алеша.

— Именно, именно! Вы мнѣ все напомнили! Послушайте, что такое афектъ?

— Какой афектъ? удивился Алеша.

— Судебный афектъ. Такой афектъ, за который все прощаютъ. Что бы вы ни сдѣлали — васъ сейчасъ простятъ.

— Да вы про что это?

— А вотъ про что: эта Катя... Ахъ это милое, милое существо, только я никакъ не знаю въ кого она влюблена. Недавно сидѣла у меня, и я ничего не могла выпытать. Тѣмъ болѣе что сама начинаетъ со мною теперь такъ поверхностно, однимъ словомъ, все объ моемъ здоровьи и ничего больше, и даже такой тонъ принимаетъ, а я и сказала себѣ: ну и пусть, ну и Богъ съ вами... Ахъ да, ну такъ вотъ этотъ афектъ: этотъ докторъ и пріѣхалъ. Вы знаете что пріѣхалъ докторъ? Ну какъ вамъ не знать, который узнаетъ сумасшедшихъ, вы же и выписали, то есть не вы, а Катя. Все Катя! Ну такъ видите: Сидитъ человѣкъ совсѣмъ не сумасшедшій, только вдругъ у него афектъ. Онъ и помнитъ себя и знаетъ что дѣлаетъ, а между тѣмъ онъ въ афектѣ. Ну такъ вотъ и съ Дмитріемъ Федоровичемъ навѣрно былъ афектъ. Это какъ новые суды открыли, такъ сейчасъ и узнали про афектъ. Это благодѣяніе новыхъ судовъ. Докторъ этотъ былъ и спрашиваетъ меня про тотъ вечеръ, ну про золотые пріиски: каковъ дескать онъ тогда былъ? Какъ же не въ афектѣ: пришелъ и кричитъ: денегъ, денегъ, три тысячи, давайте три тысячи, а потомъ пошелъ и вдругъ убилъ. Не хочу, говорить, не хочу уби-

вать, и вдругъ убилъ. Вотъ за это-то самое его и про-
стятъ, что противился, а убилъ.

— Да вѣдь онъ же не убилъ, немного рѣзко прервалъ
Алеша. Безпокойство и нетерпѣніе одолѣвали его все боль-
ше и больше.

— Знаю, это убилъ тотъ старикъ Григорій...

— Какъ Григорій? вскричалъ Алеша.

— Онъ, онъ, это Григорій. Дмитрій Ѳедоровичъ какъ
ударилъ его, такъ онъ лежалъ, а потомъ всталъ, видитъ
дверь отворена, пошелъ и убилъ Ѳедора Павловича.

— Да зачѣмъ, зачѣмъ?

— А получилъ афектъ. Какъ Дмитрій Ѳедоровичъ уда-
рилъ его по головѣ, онъ очнулся и получилъ афектъ, по-
шелъ и убилъ. А что онъ говоритъ самъ что не убилъ,
такъ этого онъ можетъ и не помнить. Только видите-ли:
Лучше, гораздо лучше будетъ, если Дмитрій Ѳедоровичъ
убилъ. Да это такъ и было, хоть я и говорю что Григо-
рій, но это навѣрно Дмитрій Ѳедоровичъ, и это гораздо,
гораздо лучше! Ахъ, не потому лучше, что сынъ отца
убилъ, я не хвалю, дѣти напротивъ должны почитать ро-
дителей, а только всетаки лучше если это онъ, потому
что вамъ тогда и плакать нечего, такъ какъ онъ убилъ
себя не помня, или лучше сказать все помня, но не зная
какъ это съ нимъ сдѣлалось. Нѣтъ, пусть они его про-
стятъ; это такъ гуманно, и чтобы видѣли благодѣяніе но-
выхъ судовъ, а я-то и не знала, а говорятъ это уже давно,
и какъ я вчера узнала, то меня это такъ поразило, что я
тотчасъ же хотѣла за вами послать; и потомъ, коли его
простятъ, то прямо его изъ суда ко мнѣ обѣдать, а я со-
зову знакомыхъ и мы выпьемъ за новые суды. Я не ду-
маю, чтобъ онъ былъ опасенъ, притомъ я позову очень
много гостей, такъ что его можно всегда вывести, если

онъ что нибудь, а потомъ онъ можетъ гдѣ нибудь въ другомъ городѣ быть мировымъ судьей или чѣмъ нибудь, потому что тѣ которые сами перенесли несчастіе всѣхъ лучше судятъ. А главное, кто жь теперь не въ афектѣ, вы, я, всѣ въ афектѣ, и сколько примѣровъ: сидитъ человѣкъ, поетъ романсъ, вдругъ ему что нибудь не понравилось, взялъ пистолеть и убилъ кого попало, а затѣмъ ему всѣ прощаютъ. Я это недавно читала, и всѣ доктора подтвердили. Доктора теперь подтверждаютъ, все подтверждаютъ. Помилуйте, у меня Lise въ афектѣ, я еще вчера отъ нея плакала, третьяго дня плакала, а сегодня и догадалась, что это у ней просто афектъ. Охъ, Lise меня такъ огорчаетъ! Я думаю она совсѣмъ помѣшалась. Зачѣмъ она васъ позвала? Она васъ позвала или вы сами къ ней пришли?

— Да, она звала, и я пойду сейчасъ къ ней, всталъ было рѣшительно Алеша.

— Ахъ милый, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, тутъ-то можетъ быть, и самое главное, вскрикнула г-жа Хохлакова, вдругъ заплакавъ.—Богъ видитъ, что я вамъ искренно довѣряю Lise, и это ничего, что она васъ тайкомъ отъ матери позвала. Но Ивану Ѳедоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу довѣрить дочь мою съ такою легкостью, хотя и продолжаю считать его за самаго рыцарскаго молодаго человѣка. А представьте, онъ вдругъ и былъ у Lise, а я этого ничего и не знала.

— Какъ? Что? Когда? ужасно удивился Алеша. Онъ ужь не садился и слушалъ стоя.

— Я вамъ расскажу, я для этого-то можетъ быть, васъ и позвала, потому что я ужь и не знаю для чего васъ позвала. Вотъ что: Иванъ Ѳедоровичъ былъ у меня всего два раза по возвращеніи своемъ изъ Москвы, первый разъ пришелъ какъ знакомый сдѣлать визитъ, а въ другой разъ,

это уже недавно, Катя у меня сидѣла, онъ и зашелъ, узнавъ что она у меня. Я разумѣется и не претендовала на его частые визиты, зная сколько у него теперь и безъ того хлопотъ, *vous comprenez, cette affaire et la mort terrible de votre papa*, только вдругъ узнаю что онъ былъ опять, только не у меня, а у Lise, это уже дней шесть тому, пришелъ, просидѣлъ пять минутъ и ушелъ. А узнала я про это цѣлыхъ три дня спустя отъ Глафиры, такъ что это меня вдругъ франировало. Тотчасъ призываю Lise, а она смѣется: онъ, дескать, думалъ, что вы спите и зашелъ ко мнѣ спросить о вашемъ здоровьѣ. Конечно, оно такъ и было. Только Lise, Lise, о Боже, какъ она меня огорчаетъ! Вообразите, вдругъ съ ней въ одну ночь—это четыре дня тому, сейчасъ послѣ того какъ вы въ послѣдній разъ были и ушли—вдругъ съ ней ночью припадокъ, крикъ, визгъ, истерика! Отчего у меня никогда не бываетъ истерики? Затѣмъ на другой день припадокъ, а потомъ и на третій день, и вчера, и вотъ вчера этотъ афектъ. А она мнѣ вдругъ кричитъ: «Я ненавижу Ивана Ѳедоровича, я требую чтобы вы его не принимали, чтобы вы ему отказали отъ дома!» Я обомлѣла при такой неожиданности и возражаю ей: съ какой же стати буду я отказывать такому достойному молодому человѣку и притомъ съ такими познаніями и съ такимъ несчастьемъ, потому что всетаки всѣ эти исторіи—вѣдь это несчастье, а не счастье, не правда-ли? Она вдругъ расхохоталась надъ моими словами и такъ, знаете, оскорбительно. Ну я рада, думаю, что разсмѣшила ее, и припадки теперь пройдутъ, тѣмъ болѣе что я сама хотѣла отказать Ивану Ѳедоровичу за странные визиты безъ моего согласія и потребовать объясненія. Только вдругъ сегодня утромъ Лиза проснулась и разсердилась на Юлію и, представьте, ударила ее рукой по лицу. Но вѣдь это монструозно, я съ

моими дѣвушками на *вы*. И вдругъ чрезъ часъ она обнимаетъ и цалуетъ у Юліи ноги. Ко мнѣ же прислала сказать что не придетъ ко мнѣ вовсе и впредѣ никогда не хочетъ ходить, а когда я сама къ ней потащилась, то бросилась меня цаловать и плакать и цалуя такъ и выпихнула вонъ ни слова не говоря, такъ что я такъ ничего и не узнала. Теперь, милый Алексѣй Ѳедоровичъ, на васъ всѣ мои надежды и, конечно, судьба всей моей жизни въ вашихъ рукахъ. Я васъ просто прошу пойти къ Lise, разузнать у ней все, какъ вы только одинъ умѣете это сдѣлать, и придти рассказать мнѣ, мнѣ, матери, потому что вы понимаете я умру, я просто умру если все это будетъ продолжаться, или убѣгу изъ дома. Я больше не могу, у меня есть терпѣніе, но я могу его лишиться, и тогда... и тогда будутъ ужасы. Ахъ, Боже мой, наконецъ-то Петръ Ильичъ! вскрикнула вся вдругъ просіявъ г-жа Хохлакова, завидя входящаго Петра Ильича Перхотина.—Опоздали, опоздали! Ну что, садитесь, говорите, рѣшайте судьбу, ну что жъ этотъ адвокатъ? Куда же вы, Алексѣй Ѳедоровичъ?

— Я къ Lise.

— Ахъ, да! Такъ вы не забудете, не забудете о чемъ я васъ просила? Тутъ судьба, судьба!

— Конечно не забуду если только можно... но я такъ опоздалъ, пробормоталъ поскорѣе ретируясь Алеша.

— Нѣтъ навѣрно, навѣрно заходите, а не «если можно», иначе я умру! прокричала вслѣдъ ему г-жа Хохлакова, но Алеша уже вышелъ изъ комнаты.

III.

Бѣсенокъ.

Войдя къ Лизѣ онъ засталъ ее полулежащею въ ея прежнемъ креслѣ, въ которомъ ее возили когда она еще не

могла ходить. Она не тронулась къ нему на встрѣчу, но зоркій, острый ея взглядъ такъ и впился въ него. Взглядъ былъ нѣсколько воспаленный, лицо блѣдно-желтое. Алеша изумился тому какъ она измѣнилась въ три дня, даже похудѣла. Она не протянула ему руки. Онъ самъ притронулся къ ея тонкимъ длиннымъ пальчикамъ, неподвижно лежавшимъ на ея платьѣ, затѣмъ молча сѣлъ противъ нея.

— Я знаю что вы спѣшите въ острогъ, рѣзко проговорила Лиза, — а васъ два часа задержала мама, сейчасъ вамъ про меня и про Юлію рассказала.

— Почему вы узнали? спросилъ Алеша.

— Я подслушивала. Чего вы на меня уставились? Хочу подслушивать и подслушиваю, ничего тутъ нѣтъ дурнаго. Прощенья не прошу.

— Вы чѣмъ-то разстроены?

— Напротивъ, очень рада. Только что сейчасъ разсуждала опять, въ тридцатый разъ: какъ хорошо что я вамъ отказала и не буду вашей женой. Вы въ мужа не годитесь: я за васъ выйду, и вдругъ дамъ вамъ записку чтобы снести тому котораго люблю послѣ васъ, вы возьмете и непременно отнесете, да еще отвѣтъ принесете. И сорокъ лѣтъ вамъ придетъ, и вы все также будете мои такія записки носить.

Она вдругъ засмѣялась.

— Въ васъ что-то злобное и въ тоже время что-то простодушное, улыбнулся ей Алеша.

— Простодушное это то, что я васъ не стыжусь. Мало того, что не стыжусь, да и не хочу стыдиться, именно предъ вами, именно васъ. Алеша, почему я васъ не уважаю? Я васъ очень люблю, но я васъ не уважаю. Еслибъ уважала, вѣдь не говорила бы не стыдись, вѣдь такъ?

— Такъ.

— А вѣрите вы, что я васъ не стыжусь?

— Нѣтъ, не вѣрю.

Лиза опять нервно засмѣялась; говорила она скоро, быстро.

— Я вашему брату Дмитрію Федоровичу конфетъ въ острогъ послала. Алеша, знаете, какой вы хорошенькій! Я васъ ужасно буду любить за то, что вы такъ скоро позволили мнѣ васъ не любить.

— Вы для чего меня сегодня звали, Lise?

— Мнѣ хотѣлось вамъ сообщить одно мое желаніе. Я хочу чтобы меня кто-нибудь истерзалъ, женился на мнѣ, а потомъ истерзалъ, обманулъ, ушелъ и уѣхалъ. Я не хочу быть счастливою!

— Полюбили безпорядокъ?

— Ахъ, я хочу безпорядка. Я все хочу зажечь домъ. Я воображаю, какъ это я подойду и зажгу потихоньку, не-премѣнно чтобы потихоньку. Они-то тушатъ, а онъ-то горить. А я знаю да молчу. Ахъ, глупости! И какъ скучно!

Она съ отвращеніемъ махнула ручкой.

— Богато живете, тихо проговорилъ Алеша.

— Лучше что ль бѣдной-то быть?

— Лучше.

— Это вамъ вашъ монахъ покойный наговорилъ. Это неправда. Пусть я богата, а всѣ бѣдные, я буду конфеты ѣсть и сливки пить, а тѣмъ никому не дамъ. Ахъ, не говорите, не говорите ничего (замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не открывалъ), вы мнѣ ужъ прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно. Если я буду бѣдная, я кого-нибудь убью, — да и богата если буду можетъ быть убью, — что сидѣть-то! А знаете, я хочу жать, рожь жать. Я за васъ выйду, а вы станьте мужикомъ, настоящимъ мужикомъ, у насъ жеребеночекъ, хотите? Вы Калганова знаете!

— Знаю.

— Онъ все ходитъ и мечтаетъ. Онъ говоритъ: зачѣмъ взаправду жить, лучше мечтать. Намечтать можно самое веселое, а жить скука. А вѣдь самъ скоро женится, онъ ужъ и мнѣ объяснялся въ любви. Вы умѣете кубари спускать?

— Умѣю.

— Вотъ это онъ какъ кубарь: завертѣть его и спустить и стегать, стегать, стегать кнутикомъ: выйду за него замужъ, всю жизнь буду спускать. Вамъ не стыдно со мной сидѣть?

— Нѣтъ.

— Вы ужасно сердитесь что я не про святое говорю. Я не хочу быть святою. Что сдѣлаютъ на томъ свѣтѣ за самый большой грѣхъ? Вамъ это должно быть въ точности извѣстно.

— Богъ осудитъ, пристально вглядывался въ нее Алеша.

— Вотъ такъ я и хочу. Я бы пришла, а меня бы и осудили, а я бы вдругъ всѣмъ имъ и засмѣялась въ глаза. Я ужасно хочу зажечь домъ, Алеша, нашъ домъ, вы мнѣ все не вѣрите?

— Почему же? Есть даже дѣти, лѣтъ по двѣнадцати, которымъ очень хочется зажечь что-нибудь и они зажигаютъ. Это въ родѣ болѣзни.

— Не правда, не правда, пусть есть дѣти, но я не про то.

— Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризисъ, въ этомъ ваша прежняя болѣзнь можетъ быть виновата.

— А вы-таки меня презираете! Я просто не хочу дѣлать доброе, я хочу дѣлать злое, а никакой тутъ болѣзни нѣтъ.

— Зачѣмъ дѣлать злое?

— А чтобы нигдѣ ничего не осталось. Ахъ, какъ бы хорошо кабы ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю надѣлать ужасно много зла и всего сквернаго, и долго буду тихонько дѣлать, и вдругъ всѣ узнають. Всѣ меня обступятъ и будутъ показывать на меня пальцами, а я буду на всѣхъ смотрѣть. Это очень пріятно. Почему это такъ пріятно, Алеша?

— Такъ. Потребность раздавить что-нибудь хорошее, али вотъ какъ вы говорили зажечь. Это тоже бываетъ.

— Я вѣдь не то что говорила, я вѣдь и сдѣлаю.

— Вѣрю.

— Ахъ какъ я васъ люблю за то что вы говорите: вѣрю. И вѣдь вы вовсе, вовсе не лжете. А можетъ быть вы думаете что я вамъ все это нарочно чтобы васъ дразнить?

— Нѣтъ, не думаю... хотя можетъ быть и есть немного этой потребности.

— Не много есть. Никогда предъ вами не солгу, проговорила она со сверкнувшими какимъ-то огонькомъ глазами.

Алешу всего болѣе поражала ея серіозность: ни тѣни смѣшливости и шутливости не было теперь въ ея лицѣ, хотя прежде веселость и шутливость не покидали ея въ самыя «серіозныя» ея минуты.

— Есть минуты когда люди любятъ преступленіе, задумчиво проговорилъ Алеша.

— Да, да! Вы мою мысль сказали, любятъ, всѣ любятъ, и всегда любятъ, а не то что «минуты». Знаете, въ этомъ всѣ какъ будто когда-то условились лгать и всѣ съ тѣхъ поръ лгутъ. Всѣ говорятъ что ненавидятъ дурное, а про себя всѣ его любятъ.

— А вы все по прежнему дурныя книги читаете?

— Читаю. Мама читаетъ и подъ подушку прячетъ, а я браду.

— Какъ вамъ не совѣстно разрушать себя?

— Я хочу себя разрушать. Тутъ есть одинъ мальчикъ, онъ подъ рельсами пролежалъ когда надъ нимъ вагоны ѣхали. Счастливецъ! Послушайте, теперь вашего брата судятъ за то что онъ отца убилъ, и всѣ любятъ, что онъ отца убилъ.

— Любятъ, что отца убилъ?

— Любятъ, всѣ любятъ! Всѣ говорятъ что это ужасно. но про себя ужасно любятъ. Я первая люблю.

— Въ вашихъ словахъ про всѣхъ есть нѣсколько правды, проговорилъ тихо Алеша.

— Ахъ, какія у васъ мысли! взвизгнула въ восторгѣ Лиза,—это у монаха-то! Вы не повѣрите, какъ я васъ уважаю, Алеша, за то что вы никогда не лжете. Ахъ, я вамъ одинъ мой смѣшной сонъ расскажу: мнѣ иногда во снѣ снятся черти, будто ночь, я въ моей комнатѣ со свѣчкой, и вдругъ вездѣ черти, во всѣхъ углахъ, и подъ столомъ, и двери отворяють, а ихъ тамъ за дверями толпа и имъ хочется войти и меня схватить. И ужъ подходятъ, ужъ хватають. А я вдругъ перекрещусь, и они всѣ назадъ, боятся, только не уходятъ совсѣмъ, а у дверей стоятъ и по угламъ, ждутъ. И вдругъ мнѣ ужасно захочется вслухъ начать Бога бранить, вотъ и начну бранить, а они - то вдругъ опять толпой ко мнѣ, такъ и обрадуются, вотъ ужъ и хватають меня опять, а я вдругъ опять перекрещусь— а они всѣ назадъ. Ужасно весело, духъ замираетъ.

— И у меня бывалъ этотъ самый сонъ, вдругъ сказалъ Алеша.

— Неужто? вскрикнула Лиза въ удивленіи.—Послушайте, Алеша, несмѣйтесь, это ужасно важно: развѣ можно чтобъ у двухъ разныхъ былъ одинъ и тотъ же сонъ?

— Вѣрно можно.

— Алеша, говорю вамъ, это ужасно важно, въ какомъ-то чрезмѣрномъ уже удивленіи продолжала Лиза. — Не сонъ важенъ, а то что вы могли видѣть этотъ же самый сонъ, какъ и я. Вы никогда мнѣ не лжете, не лгите и теперь: это правда? Вы не смѣтаетесь?

— Правда.

Лиза была чѣмъ-то ужасно поражена и на полминутку примолкла.

— Алеша, ходите ко мнѣ, ходите ко мнѣ чаще, проговорила она вдругъ молящимъ голосомъ.

— Я всегда, всю жизнь буду къ вамъ приходить, твердо отвѣтилъ Алеша.

— Я вѣдь одному вамъ говорю, начала опять Лиза. — Я себѣ одной говорю, да еще вамъ. Вамъ одному въ цѣломъ мірѣ. И вамъ охотнѣе чѣмъ самой себѣ говорю. И васъ совсѣмъ не стыжусь. Алеша, почему я васъ совсѣмъ не стыжусь, совсѣмъ? Алеша, правда ли что жидаы на Пасху дѣтей крадутъ и рѣжутъ?

— Не знаю.

— Вотъ у меня одна книга, я читала про какой-то гдѣ-то судѣ, и что жидѣ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣзалъ на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распялъ на стѣнѣ, прибилъ гвоздями и распялъ, а потомъ на судѣ сказалъ что мальчикъ умеръ скоро, чрезъ четыре часа. Эка скоро! Говорить: стоналъ, все стоналъ, а тотъ стоялъ и на него любовался. Это хорошо!

— Хорошо?

— Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть. Я очень люблю ананасный компотъ. Вы любите?

Алеша молчалъ и смотрѣлъ на нее. Блѣдно-желтое лицо ея вдругъ исказилось, глаза загорѣлись.

— Знаете, я про жиду этого какъ прочла, то всю ночь такъ и тряслась въ слезахъ. Воображаю какъ ребеночекъ кричитъ и стонетъ (вѣдь четырехлѣтніе мальчишки понимаютъ), а у меня все эта мысль про компотъ не отстаетъ. Утромъ я послала письмо къ одному человѣку чтобы *непрѣменно* пришелъ ко мнѣ. Онъ пришелъ, а я ему вдругъ рассказала про мальчика и про компотъ, *все* рассказала, *все*, и сказала, что «это хорошо». Онъ вдругъ засмѣялся и сказалъ, что это въ самомъ дѣлѣ хорошо. Затѣмъ всталъ и ушелъ. Всего пять минутъ сидѣлъ. Презиралъ онъ меня, презиралъ? Говорите, говорите, Алеша, презиралъ онъ меня или нѣтъ? выпрямилась она на кушеткѣ, засвергавъ глазами.

— Скажите, проговорилъ въ волненіи Алеша,—вы сами его позвали, этого человѣка?

— Сама.

— Письмо ему послали?

— Письмо.

— Собственно про это спросить, про ребенка?

— Нѣтъ, совсѣмъ не про это, совсѣмъ. А какъ онъ вошелъ я сейчасъ про это и спросила. Онъ отвѣтилъ, засмѣялся, всталъ и ушелъ.

— Этотъ человѣкъ честно съ вами поступилъ, тихо проговорилъ Алеша.

— А меня презиралъ? Смѣялся?

— Нѣтъ, потому что онъ самъ, можетъ, вѣрить ана-наскому компоту. Онъ тоже очень теперь боленъ, Lise.

— Да, вѣрить! засверкала глазами Лиза.

— Онъ никого не презираетъ, продолжалъ Алеша.—

Онъ только никому не вѣрить. Коль не вѣрить, то конечно и презираетъ.

— Стало быть и меня? Меня?

— И васъ.

— Это хорошо, какъ-то проскрежетала Лиза. — Когда онъ вышелъ и засмѣялся, я почувствовала что въ презрѣннн бытъ хорошо. И мальчикъ съ отрѣзанными пальчиками хорошо, и въ презрѣннн бытъ хорошо...

И она какъ-то злобно и воспаленно засмѣялась Алешѣ въ глаза.

— Знаете, Алеша, знаете я бы хотѣла... Алеша, спасите меня! вскочила она вдругъ съ кушетки, бросилась къ нему и крѣпко обхватила его руками.—Спасите меня,— почти простонала она.—Развѣ я кому нибудь въ мнръ скажу что вамъ говорила? А вѣдь я правду, правду, правду говорила! Я убью себя потому что мнѣ все гадко! Я не хочу жить, потому что мнѣ все гадко! Мнѣ все гадко, все гадко! Алеша, зачѣмъ вы меня совсѣмъ, совсѣмъ не любите! закончила она въ изступленнн.

— Нѣтъ, люблю! горячо отвѣтилъ Алеша.

— А будете обо мнѣ плакать, будете?

— Буду.

— Не за то что я вашею женою не захотѣла быть, а просто обо мнѣ плакать, просто?

— Буду.

— Спасибо! Мнѣ только вашихъ слезъ надо. А всѣ остальные пусть казнятъ меня и раздавятъ ногой, всѣ, всѣ, не исключая *никого!* Потому что я не люблю никого. Слышите, ни-ко-го! Напротивъ, ненавижу! Ступайте, Алеша, вамъ пора къ брату! оторвалась она отъ него вдругъ.

— Какъ же вы останетесь? почти въ испугѣ проговорилъ Алеша.

— Ступайте къ брату, острогъ запрутъ, ступайте, вотъ ваша шляпа! Поцалуйте Митю, ступайте, ступайте!

И она съ силой почти выпихнула Алешу въ двери. Тотъ смотрѣлъ съ горестнымъ недоумѣніемъ, какъ вдругъ почувствовалъ въ своей правой рукѣ письмо, маленькое письмецо, твердо сложенное и запечатанное. Онъ взглянулъ и мгновенно прочелъ адресъ: Ивану Ѳедоровичу Карамазову. Онъ быстро поглядѣлъ на Лизу. Лицо ея сдѣлалось почти грозно.

— Передайте, непременно передайте! изступленно, вся сотрясаясь, приказывала она, — сегодня, сейчасъ! Иначе я отравлюсь! Я васъ затѣмъ и звала!

И быстро захлопнула дверь. Щелкнула щеколда. Алеша положилъ письмо въ карманъ и пошелъ прямо на лѣстницу, не заходя къ госпожѣ Хохлаковой, даже забывъ о ней. А Лиза, только что удалился Алеша, тотчасъ же отвернула щеколду, пріотворила капельку дверь, вложила въ щель свой палецъ и, захлопнувъ дверь, изо всей силы придавила его. Секундъ черезъ десять, высвободивъ руку, она тихо, медленно прошла на свое кресло, сѣла вся выпрямившись и стала пристально смотрѣть на свой почернѣвшій пальчикъ и на выдавившуюся изъ подъ ногтя кровь. Губы ея дрожали и она быстро, быстро шептала про себя:

— Подлая, подлая, подлая, подлая!

IV.

Гимнъ и секретъ.

Было уже совсѣмъ поздно (да и великъ ли ноябрьскій день) когда Алеша позвонилъ у воротъ острога. Начинало даже смеркаться. Но Алеша зналъ, что его пропустятъ къ

Митѣ безпрепятственно. Все это у насъ, въ нашемъ городѣ, какъ и вездѣ. Сначала, конечно по заключеніи всего предварительнаго слѣдствія, доступъ къ Митѣ для свиданія съ родственниками и съ нѣкоторыми другими лицами все же былъ обставленъ нѣкоторыми необходимыми формальностями, но въ послѣдствіи формальности не то что ослабѣли, но для иныхъ лицъ по крайней мѣрѣ, приходившихъ къ Митѣ, какъ то сами собой установились нѣкоторыя исключенія. До того что иной разъ даже и свиданія съ заключеннымъ въ назначенной для того комнатѣ происходили почти между четырехъ глазъ. Впрочемъ такихъ лицъ было очень немного: всего только Грушенька, Алеша и Рагинъ. Но къ Грушенькѣ очень благоволилъ самъ исправникъ Михаилъ Магаровичъ. У старика лежалъ на сердцѣ его окрикъ на нее въ Мокромъ. Потомъ, узнавъ всю суть, онъ измѣнилъ совсѣмъ о ней свои мысли. И странное дѣло: хотя былъ твердо убѣжденъ въ преступленіи Мити, но со времени заключенія его, все какъ то болѣе и болѣе смотрѣлъ на него мягче: «съ хорошею можетъ быть душой былъ человѣкъ, а вотъ пропалъ какъ Шведъ, отъ пьянства и безпорядка!» Прежній ужасъ смѣнился въ сердцѣ его какою-то жалостью. Что же до Алеши, то исправникъ очень любилъ его и давно уже былъ съ нимъ знакомъ, а Рагинъ, повадившійся въ послѣдствіи приходитъ очень часто къ заключенному, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ знакомыхъ «исправничьихъ барышень», какъ онъ называлъ ихъ, и ежедневно терся въ ихъ домѣ. У зрителя же острога, благодушнаго старика, хотя и крѣпкаго служаки, онъ давалъ въ домѣ уроки. Алеша же опять таки былъ особенный и стародавній знакомый и зрителя, любившаго говорить съ нимъ вообще о «премудрости». Ивана Федоровича, напримѣръ, зритель не то что уважалъ, а даже бо-

ялся, главное, его суждений, хотя самъ былъ большимъ философомъ, разумѣется «своимъ умомъ дойдя». Но къ Алешѣ въ немъ была какая-то непобѣдимая симпатія. Въ послѣдній годъ старикъ какъ разъ засѣлъ за апокрифическія евангелія и поминутно сообщалъ о своихъ впечатлѣніяхъ своему молодому другу. Прежде даже заходилъ къ нему въ монастырь и толковалъ съ нимъ и съ іеромонахами по цѣлымъ часамъ. Словомъ, Алешѣ, если бы даже онъ и запыталъ въ острогъ, стоило пройти къ смотрителю, и дѣло всегда улаживалось. Къ тому же къ Алешѣ всѣ до послѣдняго сторожа въ острогѣ привыкли. Карауль же конечно не стѣснялъ, было бы лишь дозволеніе начальства. Митя изъ своей каморки, когда вызывали его, сходилъ всегда внизъ въ мѣсто назначенное для свиданій. Войдя въ комнату, Алеша какъ разъ столкнулся съ Ракитинымъ, уже уходившимъ отъ Мити. Оба они громко говорили. Митя, провожая его, чему-то очень смѣялся, а Ракитинъ какъ будто ворчалъ. Ракитинъ, особенно въ послѣднее время, не любилъ встрѣчаться съ Алешей, почти не говорилъ съ нимъ, даже и раскланивался съ натугой. Завидя теперь входящаго Алешу онъ особенно нахмурилъ брови и отвелъ глаза въ сторону, какъ бы весь занятый застегиваніемъ своего большаго теплаго съ мѣховымъ воротникомъ пальто. Потомъ тотчасъ же принялся искать свой зонтикъ.

— Своего бы не забыть чего, пробормоталъ онъ единственно чтобы что нибудь сказать.

— Ты чужаго-то чего не забудь! съострилъ Митя и тотчасъ же самъ расхохотался своей остротѣ. Ракитинъ мигомъ вспылилъ.

— Ты это своимъ Карамазовымъ рекомендуй, крѣпостничье ваше отродье, а не Ракитину! крикнулъ онъ вдругъ, такъ и затрясшись отъ злости.

— Чего ты? Я пошутил! вскрикнулъ Митя, — фу, чортъ! Вотъ они всѣ таковы, — обратился онъ къ Алешѣ, кивая на быстро уходившаго Ракитина: — то все сидѣль смѣялся и весель былъ, а тутъ вдругъ и вскипѣлъ! Тебѣ даже и головой не кивнулъ, совсѣмъ что ли вы разсорились? Чтѣ ты такъ поздно? Я тебя не то что ждалъ, а жаждалъ все утро. Ну да ничего! Наверстаемъ.

— Чтѣ онъ къ тебѣ такъ часто повадился? Подружился ты съ нимъ что ли? спросилъ Алеша, кивая тоже на дверь, въ которую убрался Ракинъ.

— Съ Михайломъ-то подружился? Нѣтъ, не то чтобъ. Да и чего, свинья! Считаетъ что я... подлець. Шутки тоже не понимаютъ — вотъ чтѣ въ нихъ главное. Никогда не поймутъ шутки. Да и сухо у нихъ въ душѣ, плоско и сухо, точно какъ я тогда къ острогу подѣзжалъ и на острожныя стѣны смотрѣлъ. Но умный человекъ, умный. Ну, Алексѣй, пропала теперь моя голова!

Онъ сѣлъ на скамейку и посадилъ съ собою рядомъ Алешу.

— Да, завтра судъ. Чтѣ жъ, неужели же ты такъ совсѣмъ не надѣешься, братъ? съ робкимъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Ты это про чтѣ? какъ-то неопредѣленно глянулъ на него Митя, — ахъ, ты про судъ! Ну, чортъ! Мы до сихъ поръ все съ тобой о пустякахъ говорили, вотъ все про этотъ судъ, а я объ самомъ главномъ съ тобою молчалъ. Да, завтра судъ, только я не про судъ сказалъ, что пропала моя голова. Голова не пропала, а то что въ головѣ сидѣло, то пропало. Чтѣ ты на меня съ такою критикой въ лицѣ смотришь?

— Про что ты это, Митя?

— Идеи, идеи, вотъ чтѣ! Ээика. Это чтѣ такое ээика?

— Ээика? удивился Алеша.

— Да, наука что ли какая?

— Да, есть такая наука... только... я, признаюсь, не могу тебѣ объяснить какая наука.

— Ракитинъ знаетъ. Много знаетъ Ракитинъ, чортъ его дери! Въ монахи не пойдетъ. Въ Петербургъ собирается. Тамъ, говорить, въ отдѣленіе критики, но съ благородствомъ направленія. Что жъ, можетъ пользу принести и карьеру устроить. Ухъ, карьеру они мастера! Чортъ съ ээикой! Я то пропаль, Алексѣй, я-то, Божій ты человекъ! Я тебя больше всѣхъ люблю. Сотрясается у меня сердце на тебя, вотъ чтò. Какой тамъ былъ Карлъ Бернаръ?

— Карлъ Бернаръ? удивился опять Алеша.

— Нѣтъ, не Карлъ, постой совралъ: Клодъ Бернаръ. Это что такое? Химія что ли?

— Это должно быть ученый одинъ, отвѣтилъ Алеша, — только, признаюсь тебѣ, и о немъ много не съумѣю сказать. Слышалъ только ученый, а какой, не знаю.

— Ну и чортъ его дери, и я не знаю, обругался Митя.—Подлецъ какой нибудь, всего вѣроятнѣе, да и всѣ подлецы. А Ракитинъ пролѣзетъ, Ракитинъ въ щелку пролѣзетъ, тоже Бернаръ. Ухъ, Бернары! Много ихъ расплодилось!

— Да чтò съ тобою? настойчиво спросилъ Алеша.

— Хочетъ онъ обо мнѣ, объ моемъ дѣлѣ статью написать, и тѣмъ въ литературѣ свою роль начать, съ тѣмъ и ходить, самъ объяснялъ. Съ направлениемъ что-то хочетъ: «дескать, нельзя было ему не убитъ, заѣденъ средой» и проч., объяснялъ мнѣ. Съ оттѣнкомъ социализма, говорить, будетъ. Ну и чортъ его дери, съ оттѣнкомъ, такъ съ оттѣнкомъ, мнѣ все равно. Брата Ивана не любить, ненавидить, тебя тоже не жалуешь. Ну, а я его не гоню, потому

что человѣкъ умный. Возносится очень однако. Я ему сейчасъ вотъ говорилъ: «Карамазовы не подлецы, а философы, потому что всѣ настоящіе русскіе люди философы, а ты хоть и учился, а не философъ, ты смердь». Смѣется, злобно такъ. А я ему: де мыслибусъ non est disputandum, хороша острота? По крайней мѣрѣ и я въ классицизмъ вступилъ, захохоталъ вдругъ Митя.

— Отчего ты пропалъ-то? Вотъ ты сейчасъ сказалъ? перебилъ Алеша.

— Отчего пропалъ? Гм! Въ сущности... если все цѣлое взять—Бога жалко, вотъ отъ чего!

— Какъ Бога жалко?

— Вообрази себѣ: это тамъ въ нервахъ, въ головѣ, то есть тамъ въ мозгу эти нервы... (ну чортъ ихъ возьми!) есть такіе этакіе хвостики, у нервовъ этихъ хвостики, ну и какъ только они тамъ задрожать... то есть видишь, я посмотрю на что нибудь глазами, вотъ такъ, и они задрожать, хвостики-то... а какъ задрожать, то и является образъ, и не сейчасъ является, а тамъ какое-то мгновеніе, секунда такая пройдетъ, и является такой будто бы моментъ, то есть не моментъ,—чортъ его дери моментъ,—а образъ, то есть предметъ али происшествіе, ну тамъ чортъ дери—вотъ почему я и созерцаю, а потомъ мыслю... потому что хвостики, а все не потому, что у меня душа и что я тамъ какой-то образъ и подобіе, все это глупости. Это, братъ, мнѣ Михаилъ еще вчера объяснялъ, и меня точно обожгло. Великолѣпна, Алеша, эта наука! Новый человѣкъ пойдетъ, это-то я понимаю... А всетаки Бога жалко!

— Ну и то хорошо, сказалъ Алеша.

— Что Бога-то жалко? Химія, братъ, химія! Нечего дѣлать, ваше преподобіе, подвиньтесь немножко, химія идетъ! А не любитъ Бога Рабитинъ, ухъ не любитъ! Это у нихъ

самое больное мѣсто у всѣхъ! Но скрываютъ. Лгутъ. Представляютъ. «Что же, будешь это проводить въ отдѣленіи критики», спрашиваю?—«Ну явно-то не дадутъ», говоритъ, смѣется. — Только какъ-же, спрашиваю, послѣ того человѣкъ-то? Безъ Бога-то и безъ будущей жизни? Вѣдь это стало быть теперь все позволено, все можно дѣлать? — «А ты и не зналъ?» говоритъ. Смѣется.—«Умному, говоритъ человѣку все можно, умный человѣкъ умѣетъ раковъ ловить, ну а вотъ ты, говоритъ, убилъ и влопался, и въ тюрьмѣ гниешь!» Это онъ мнѣ-то говоритъ. Свинья естественная! Я такихъ прежде вонъ вышвыривалъ, ну а теперь слушаю. Много вѣдь и дѣльнаго говорить. Умно тоже пишеть. Онъ мнѣ съ недѣлю назадъ статью одну началъ читать, я тамъ три строки тогда нарочно выписалъ, вотъ постой, вотъ здѣсь.

Митя, снѣша, вынулъ изъ жилетнаго кармана бумажку и прочель:

«Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо прежде всего поставить свою личность въ разрѣзъ со своею дѣйствительностью».

— Понимаешь иль нѣтъ?

— Нѣтъ, не понимаю, сказалъ Алеша.

Онъ съ любопытствомъ приглядывался къ Митѣ и слушалъ его.

— И я не понимаю. Темно и не ясно, зато умно. «Всѣ, говоритъ, такъ теперь пишутъ, потому что такая ужь среда...» Среды боятся. Стихи тоже пишеть, подлець, Хохлаговой ножку воспѣлъ, ха-ха-ха!

— Я слышалъ, сказалъ Алеша.

— Слышалъ? А стишонки слышалъ?

— Нѣтъ.

— У меня они есть, вотъ, я прочту. Ты не знаешь, я

тебѣ не рассказывалъ, тутъ цѣлая исторія. Шельма! Три недѣли назадъ меня дразнить вздумалъ: «Ты, вотъ, говорить, влопался какъ дуракъ изъ за трехъ тысячъ, а я полтора ста ихъ тяпну, на вдовицѣ одной женюсь и каменный домъ въ Петербургѣ куплю». И рассказалъ мнѣ что строить куры Хохлаковой, а та и съ молоду умна не была, а въ сорокъ-то лѣтъ и совсѣмъ ума рѣшилась. «Да чувствительна, говорить, ужъ очень, вотъ я ее на томъ и добыю. Женюсь, въ Петербургъ ее отвезу, а тамъ газету издавать начну». И такая у него скверная сладострастная слюна на губахъ, — не на Хохлакову слюна, а на полтора ста эти тысячъ. И увѣрилъ меня, увѣрилъ; все ко мнѣ ходить, каждый день: поддается, говорить. Радостью сіялъ. А тутъ вдругъ его и выгнали: Перхотинъ Петръ Ильичъ взялъ верхъ, молодець! То есть такъ-бы и расцаловалъ эту дурищу за то что его прогнала! Вотъ онъ какъ ходилъ-то ко мнѣ тогда и сочинилъ эти стишонки. «Въ первый разъ, говорить, руки мараю, стихи пишу, для оболъщенія значить, для полезнаго дѣла. Забравъ капиталъ у дурищи, гражданскую пользу потомъ принести могу». У нихъ вѣдь всякой мерзости гражданское оправданіе есть!» «А все таки, говорить, лучше твоего Пушкина написалъ, потому что и въ шутовской стишокъ сьумѣлъ гражданскую скорбь всучить». Это что про Пушкина-то—я понимаю. Чтѣ-же если въ самомъ дѣлѣ способный былъ человѣкъ, а только ножки описывалъ. Да вѣдь гордился-то стишонками какъ! Самолюбіе-то у нихъ, самолюбіе! «На выздоровленіе больной ножки моего предмета» — это онъ такое заглавіе придумалъ, — рѣзвый человѣкъ!

Ужь какая жъ эта ножка,
Ножка вспухшая немножко!
Доктора къ ней ѣздить, лѣчать
И бинтуютъ и калѣчатъ.

Не по ножкамъ я тоскую,—
Пусть ихъ Пушкинъ воспѣваетъ:
По головкѣ я тоскую
Что идей не понимаетъ.

Понимала ужъ немножко,
Да вотъ ножка помѣшала!
Пусть-же выльчнется ножка,
Чтобъ головка понимала.

Свинья, чистая свинья, а игриво у мерзавца вышло! И дѣйствительно «гражданскую»-то всучилъ. А какъ разсердился когда его выгнали. Скрежеталъ!

— Онъ уже отмстилъ, сказалъ Алеша. — Онъ про Хохлакову корреспонденцію написалъ.

И Алеша рассказалъ ему наскоро о корреспонденціи въ газетѣ *Слухи*.

— Это онъ, онъ! подтвердилъ Митя нахмурившись,—это онъ! Эти корреспонденции... я вѣдь знаю... т. е. сколько низостей было уже написано, про Грушу напимѣрь!... И про ту тоже, про Катю... Гм!

Онъ озабоченно прошелся по комнатѣ.

— Братъ, мнѣ нельзя долго оставаться, сказалъ помолчавъ Алеша.—Завтра ужасный, великій день для тебя: Божій судъ надъ тобой совершится... и вотъ я удивляюсь, ходишь ты и вмѣсто дѣла говоришь Богъ знаетъ о чемъ...

— Нѣтъ, не удивляйся, горячо перебилъ Митя.—Что же мнѣ о смердящемъ этомъ псѣ говорить, что-ли? Объ убійцѣ? Довольно мы съ тобой объ этомъ переговорили. Не хочу больше о смердящемъ, сынъ Смердящей! Его Богъ убьетъ, вотъ увидишь, молчи!

Онъ въ волненіи подошелъ къ Алешѣ и вдругъ поцаловалъ его. Глаза его загорѣлись.

— Ракининъ этого не пойметъ, началъ онъ весь какъ-бы въ какомъ-то восторгѣ,—а ты, ты все поймешь. Оттого и жаждалъ тебя. Видишь, я давно хотѣлъ тебѣ многое

здѣсь, въ этихъ облѣзлыхъ стѣнахъ выразить, но молчалъ о главнѣйшемъ: время какъ будто все еще не приходило. Дождался теперь послѣдняго срока чтобы тебѣ душу вылить. Братъ, я въ себѣ въ эти два послѣдніе мѣсяца новаго человѣка ощутилъ, воскресъ во мнѣ новый человѣкъ! Былъ заключенъ во мнѣ, но никогда-бы не явился еслибы не этотъ громъ. Страшно! И чтò мнѣ въ томъ, что въ рудникахъ буду двадцать лѣтъ молоткомъ руду выколачивать, — не боюсь я этого вовсе, а другое мнѣ страшно теперь: чтобы не отошелъ отъ меня воскресшій человѣкъ! Можно найти и тамъ, въ рудникахъ, подъ землею, рядомъ съ собой, въ такомъ же каторжномъ и убійдѣ человѣческое сердце, и сойтись съ нимъ, потому что и тамъ можно жить и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить въ этомъ каторжномъ человѣкѣ замершее сердце, можно ухаживать за нимъ годы и выбить наконецъ изъ вертепа на свѣтъ уже душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя! А ихъ вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось «дитѣ» въ такую минуту? «Отчего бѣднѣ дитѣ?» Это пророчество мнѣ было въ ту минуту! За «дитѣ» и пойду. Потому что всѣ за всѣхъ виноваты. За всѣхъ «дитѣ», потому что есть малыя дѣти и большія дѣти. Всѣ — «дитѣ». За всѣхъ и пойду, потому что надобно же кому нибудь и за всѣхъ пойти. Я не убилъ отца, но мнѣ надо пойти. Принимаю! Мнѣ это здѣсь все пришло... вотъ въ этихъ облѣзлыхъ стѣнахъ. А ихъ вѣдь много, ихъ тамъ сотни, подземныхъ-то, съ молотками въ рукахъ. О, да, мы будемъ въ цѣпяхъ, и не будетъ воли, но тогда, въ великомъ горѣ нашемъ, мы вновь воскреснемъ въ радость, безъ которой человѣку жить невозможно, а Богу быть, ибо Богъ даетъ радость, это его привилегія, великая... Господи, истай человѣкъ въ молитвѣ!

Какъ я буду тамъ подъ землей безъ Бога? Вреть Раки-тинъ: если Бога съ земли изгонять, мы подъ землей его срѣтимъ! Каторжному безъ Бога быть невозможно, невозможно же даже чѣмъ не каторжному! И тогда мы, подземные чело-вѣки, запоемъ изъ вѣдръ земли трагическій гимнъ Богу у котораго радость! Да здравствуетъ Богъ и его радость! Люблю Его!

Митя, произнося свою дикую рѣчь, почти задыхался. Онъ поблѣднѣлъ, губы его вздрагивали, изъ глазъ катились слезы.

— Нѣтъ, жизнь полна, жизнь есть и подъ землею! началъ онъ опять.—Ты не повѣришь, Алексѣй, какъ я те-перь жить хочу, какая жажда существовать и сознавать именно въ этихъ облѣзлыхъ стѣнахъ во мнѣ зародилась! Раки-тинъ этого не понимаетъ, ему-бы только домъ выстроить да жильцовъ пустить, но я ждалъ тебя. Да и чтò такое стра-даніе? Не боюсь его, хотя-бы оно было безчисленно. Теперь не боюсь, прежде боялся. Знаешь, я можетъ быть не буду и отвѣчать на судѣ... И кажется столько во мнѣ этой силы теперь что я все поборю, всѣ страданія, только чтобы сказать и говорить себѣ поминутно: я есмь! Въ тысячѣ мукъ — я есмь, въ пыткѣ корчусь — но есмь! Въ столпѣ сижу, но и я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю что оно есть. А знать что есть солнце — это уже вся жизнь. Алеша, херувимъ ты мой, меня убиваютъ разныя филосо-фіи, чортъ ихъ дери! Братъ Иванъ...

— Чтò братъ Иванъ? перебилъ было Алеша, но Митя не слышалъ.

— Видишь, я прежде этихъ всѣхъ сомнѣній никакихъ не имѣлъ, но все во мнѣ это таилось. Именно можетъ отъ того что идеи бушевали во мнѣ неизвѣстныя я и пьян-ствовалъ, и дрался, и бѣсился. Чтобъ утолить въ себѣ ихъ

дрался, чтобъ ихъ усмирить, сдavitъ. Братъ Иванъ не Ракитинъ, онъ таитъ идею. Братъ Иванъ сфинксъ, и молчитъ, все молчитъ. А меня Богъ мучить. Одно только это и мучить. А чтò какъ Его нѣтъ? Чтò если правъ Ракитинъ что это идея искусственная въ человѣчествѣ? Тогда, если Его нѣтъ, то человѣкъ шефъ земли, мірозданія. Великолѣпно! Только какъ онъ будетъ добродѣтеленъ безъ Бога-то? Вспрось! Я все про это. Ибо кого-же онъ будетъ тогда любить, человѣкъ-то? Кому благодаренъ-то будетъ, кому гимнъ-то воспоеть? Ракитинъ смѣется. Ракитинъ говорить, что можно любить человѣчество и безъ Бога. Ну это сморчекъ сопливый можетъ только такъ утверждать, а я понять не могу. Легко жить Ракитину: «ты, говорить онъ мнѣ сегодня, о расширеніи гражданскихъ правъ человѣка хлопочи лучше, али хоть о томъ чтобы цѣна на говядину не возвысилась; этимъ проще и ближе человѣчеству любовь окажешь чѣмъ философіями.» Я ему на это и отмочилъ: «А ты, говорю, безъ Бога-то, самъ еще на говядину цѣну набьешь, коль подъ руку попадетъ, и наколотитъ рубль на копѣйку.» Разсердился. Ибо чтò такое добродѣтель? Отвѣчай ты мнѣ, Алексѣй. У меня одна добродѣтель, а у Китайца другая—вещь значить относительная. Или нѣтъ? Или не относительная? Вспрось коварный! Ты не засмѣешься, если скажу что я двѣ noci не спалъ отъ этого. Я удивляюсь теперь только тому какъ люди тамъ живутъ и объ этомъ ничего не думаютъ. Суета! У Ивана Бога нѣтъ. У него идея. Не въ моихъ размѣрахъ. Но онъ молчитъ. Я думаю онъ масонъ. Я его спрашивалъ—молчитъ. Въ родникѣ у него хотѣлъ водицы испить—молчитъ. Одинъ только разъ одно словечко сказалъ.

— Что сказалъ? поспѣшно поднялъ Алеша.

— Я ему говорю: стало быть все позволено коли такъ? Онъ нахмурился: «Федоръ Павловичъ, говорить, папенька

нашъ, былъ поросенокъ, но мыслилъ онъ правильно». Вотъ вѣдь что отмочилъ. Только всего и сказалъ. Это уже почище Ракитина.

— Да, горько подтвердилъ Алеша.—Когда онъ у тебя былъ?

— Объ этомъ послѣ, теперь другое. Я объ Иванѣ не говорилъ тебѣ до сихъ поръ почти ничего. Откладывалъ до конца. Когда эта штука моя здѣсь кончится и скажутъ приговоръ, тогда тебѣ кое-что расскажу, все расскажу. Страшное тутъ дѣло одно.... А ты будешь мнѣ судья въ этомъ дѣлѣ. А теперь и не начинай объ этомъ, теперь молчокъ. Вотъ ты говоришь объ завтрашнемъ, о судѣ, а вѣришь ли, я ничего не знаю.

— Ты съ этимъ адвокатомъ говорилъ?

— Что адвокатъ! Я ему про все говорилъ. Мягкая шельма, столичная. Бернаръ! Только не вѣрять мнѣ ни на сломанный грошъ. Вѣрять что я убилъ, вообрази себѣ,—ужь я вижу. «Зачѣмъ же, спрашиваю, въ такомъ случаѣ вы меня защищать пріѣхали?» Наплевать на нихъ. Тоже доктора выписали, сумасшедшимъ хотятъ меня показать. Не позволю! Катерина Ивановна «свой долгъ» до конца исполнить хочетъ. Съ натуги! (Митя горько усмѣхнулся.) Кошка! Жестокое сердце! А вѣдь она знаетъ что я про нее сказалъ тогда въ Мокромъ что она: «великаго гнѣва» женщина! Передали. Да, показанія умножились какъ песокъ морской! Григорій стоитъ на свсемъ. Григорій честень, но дуракъ. Много людей честныхъ благодаря тому что дураки. Это—мысль Ракитина. Григорій мнѣ врагъ. Иного выгоднѣе имѣть въ числѣ враговъ чѣмъ друзей. Говорю это про Катерину Ивановну. Боюсь, охъ, боюсь что она на судѣ расскажетъ про земной поклонъ послѣ четырехъ-то тысячъ пятисотъ! До конца отплатить, послѣдній кадантъ. Не хо-

чу ея жертвы! Устыдятъ они меня на судѣ! Какъ-то вытерплю. Сходи къ ней, Алеша, попроси ее чтобы не говорила этого на судѣ. Аль нельзя? Да чортъ, все равно, вытерплю! А ея не жаль. Сама желаетъ. По дѣломъ вору муча. Я, Алексѣй, свою рѣчь скажу. (Онъ опять горько усмѣхнулся.) Только... только Груша-то, Груша-то, Господи! Она-то за чтò такую муку на себя теперь приметъ!—воскликнулъ онъ вдругъ со слезами.—Убиваетъ меня Груша, мысль о ней убиваетъ меня, убиваетъ! Она давеча была у меня....

— Она мнѣ рассказывала. Она очень была сегодня тобою огорчена.

— Знаю. Чортъ меня дери за характеръ. Приревновалъ! Отпуская раскаялся, цаловалъ ее. Прощенья не попросилъ.

— Почему не попросилъ? воскликнулъ Алеша.

Митя вдругъ почти весело разсмѣялся.

— Боже тебя сохрани, милаго мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощенья просить! У любимой особенно, особенно, какъ-бы ни былъ ты предъ ней виноватъ! Потому женщина—это, братъ, чортъ знаетъ чтò такое, ужъ въ нихъ-то я по крайней мѣрѣ знаю толкъ! Ну попробуй предъ ней сознаться въ винѣ, «виноватъ дескать, прости, извини»: тутъ-то и пойдетъ градъ попрековъ! Ни за чтò не простить прямо и просто, а унижить тебя до тряпки, вычитаетъ чего даже не было, все возьметъ, ничего не забудетъ, своего прибавитъ, и тогда ужъ только простить. И это еще лучшая, лучшая изъ нихъ! Последнія поскребки выскребетъ и все тебѣ на голову сложить—такая я тебѣ скажу живодерность въ нихъ сидитъ, во всѣхъ до единой, въ этихъ ангелахъ-то, безъ которыхъ жить-то намъ невозможно! Видишь, голубчикъ, я откровенно и просто скажу: всякій порядочный человекъ долженъ

быть подъ башмакомъ хоть у какой нибудь женщины. Таково мое убѣжденіе; не убѣжденіе, а чувство. Мущина долженъ быть великодушень, и мушину это не замазываетъ. Героя даже не замазываетъ, Цезаря не замазываетъ! Ну, а прощенія всетаки не проси, никогда и ни за что. Помни правило: преподаль тебѣ его братъ твой Митя, отъ женщинъ погибшій. Нѣтъ, ужъ я лучше безъ прощенія Грушѣ чѣмъ нибудь заслужу. Благоговѣю я предъ ней, Алексѣй, благоговѣю! Не видитъ только она этого, нѣтъ, все ей мало любви. И томить она меня, любовью томить. Чтò прежде! Прежде меня только изгибы inferнальные томили, а теперь я всю ея душу въ свою душу принялъ и черезъ нее самъ человѣкомъ сталъ! Повѣнчаютъ-ли насъ? А безъ того я умру отъ ревности. Такъ и снится что нибудь каждый день... Чтò она тебѣ обо мнѣ говорила?

Алеша повторилъ всѣ давешнія рѣчи Грушеньки. Митя выслушалъ подробно, многое переспросилъ, и остался доволенъ.

— Такъ не сердится что ревную, воскликнулъ онъ.— Прямо женщина! «У меня у самой жестокое сердце». Ухъ, люблю такихъ, жестокихъ-то, хотя и не терплю когда меня ревнуютъ,—не терплю! Драться будсмъ. Но любить—любить ее буду безконечно. Повѣнчаютъ-ли насъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Вопросъ. А безъ нея я жить не могу...

Митя нахмуренно прошелся по комнатѣ. Въ комнатѣ становилось почти темно. Онъ вдругъ сталъ страшно озабоченъ.

— Такъ секретъ, говорить, секретъ? У меня дескать втроемъ противъ нея заговоръ, и «Катька» дескать замѣшана? Нѣтъ, братъ, Грушенька, это не то. Ты тутъ маху дала, своего глупенькаго женскаго маху! Алеша, голубчикъ, эхъ куда ни шло! Открою я тебѣ нашъ секретъ!

Онъ оглянулся во всѣ стороны, быстро вплоть подошелъ къ стоявшему предъ нимъ Алешѣ и зашепталъ ему съ таинственнымъ видомъ, хотя по настоящему ихъ никто не могъ слышать: старикъ сторожъ дремалъ въ углу на лавкѣ, а до караульныхъ солдатъ ни слова не долетало.

— Я тебѣ всю нашу тайну открою! зашепталъ спѣша Митя. — Хотѣлъ потомъ открыть, потому что безъ тебя развѣ могу на чтò рѣшиться? Ты у меня все. Я хоть и говорю, что Иванъ надъ нами высшій, но ты у меня херувимъ. Только твое рѣшеніе рѣшить. Можетъ ты-то и есть высшій человѣкъ, а не Иванъ. Видишь, тутъ дѣло совѣсти, дѣло высшей совѣсти,—тайна столь важная, что я справлюсь самъ не смогу и все отложилъ до тебя. А все таки теперь рано рѣшать, потому надо ждать приговора: приговоръ выйдетъ, тогда ты и рѣшишь судьбу. Теперь не рѣшай; я тебѣ сейчасъ скажу, ты услышишь, но не рѣшай. Стой и молчи. Я тебѣ не все открою. Я тебѣ только идею скажу, безъ подробностей, а ты молчи. Ни вопроса, ни движенія, согласенъ? А впрочемъ, Господи, куда я дѣну глаза твои? Боюсь, глаза твои скажутъ рѣшеніе, хотя бы ты и молчалъ. Ухъ, боюсь! Алеша, слушай: братъ Иванъ мнѣ предлагаетъ *бѣжеть*. Подробностей не говорю: все предупреждено, все можетъ устроиться. Молчи, не рѣшай. Въ Америку съ Грушей. Вѣдь я безъ Груши жить не могу! Ну какъ ее ко мнѣ тамъ не пустятъ? Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? Братъ Иванъ говорить что нѣтъ. А безъ Груши чтò я тамъ подъ землей съ молоткомъ-то? Я себѣ только голову раздроблю этимъ молоткомъ! А съ другой стороны, совѣсть-то? Отъ страданія вѣдь убѣжалъ! Было указаніе—отвергъ указаніе, былъ путь очищенія—поворотилъ налѣво кругомъ. Иванъ говорить, что въ Америкѣ «при добрыхъ наклонно-

стяхъ» можно больше пользы принести, чѣмъ подъ землей. Ну, а гимнъ-то нашъ подземный гдѣ состоится? Америка что, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже, я думаю, много въ Америкѣ-то. Отъ распятыя убѣждалъ! Потому вѣдь говорю тебѣ, Алексѣй, что ты одинъ понять это можешь, а больше никто, для другихъ это глупости, бредъ, вотъ все то что я тебѣ про гимнъ говорилъ. Скажутъ съ ума сошелъ, аль дуракъ. А я не сошелъ съ ума, да и не дуракъ. Понимаетъ про гимнъ и Иванъ, ухъ, понимаетъ, только на это не отвѣчаетъ, молчитъ. Гимну не вѣрить. Не говори, не говори: я вѣдь вижу какъ ты смотришь: Ты ужь рѣшилъ! Не рѣшай, пощади меня, я безъ Груши жить не могу, подожди суда!

Митя кончилъ какъ изступленный. Онъ держалъ Алешу обѣими руками за плечи и такъ и впился въ его глаза своимъ жаждущимъ, воспаленнымъ взглядомъ.

— Каторжныхъ развѣ вѣнчаютъ? повторилъ онъ въ третій разъ, молящимъ голосомъ.

Алеша слушалъ съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и глубоко былъ потрясенъ.

— Скажи мнѣ одно, проговорилъ онъ:—Иванъ очень настаиваетъ, и кто это выдумалъ первый?

— Онъ, онъ выдумалъ, онъ настаиваетъ! Онъ ко мнѣ все не ходилъ, и вдругъ пришелъ недѣлю назадъ и прямо съ этого началъ. Страшно настаиваетъ. Не просить, а велить. Въ послушаніи не сомнѣвается, хотя я ему все мое сердце какъ тебѣ вывернулъ и про гимнъ говорилъ. Онъ мнѣ рассказалъ какъ и устроить, всѣ свѣдѣнія собралъ, но это потомъ. До истерики хочетъ. Главное деньги: десять тысячъ, говорить, тебѣ на побѣгъ, а двадцать тысячъ на Америку, а на десять тысячъ, говорить, мы великолѣпный побѣгъ устроимъ.

— И мнѣ отнюдь не велѣлъ передавать? переспросилъ снова Алеша.

— Отнюдь, никому, а главное тебѣ: тебѣ ни за что! Боится вѣрно, что ты какъ совѣсть предо мной станешь. Не говори ему, что я тебѣ передалъ. Ухъ, не говори!

— Ты правъ, рѣшилъ Алеша, — рѣшить невозможно раньше приговора суда. Послѣ суда самъ и рѣшишь; тогда самъ въ себѣ новаго человѣка найдешь, онъ и рѣшить.

— Новаго человѣка аль Бернара, тотъ и рѣшить по Бернаровски! Потому кажется я и самъ Бернаръ презрѣнный! горько осклабился Митя.

— Но неужели, неужели, братъ, ты такъ ужь совсѣмъ не надѣешься оправдаться?

Митя судорожно вскинулъ вверхъ плечами и отрицательно покачалъ головой.

— Алеша, голубчикъ, тебѣ пора! вдругъ заспѣшилъ онъ. — Смотритель закричалъ на дворѣ, сейчасъ сюда будетъ. Намъ поздно, безпорядокъ. Обними меня поскорѣй, поцалуй, перекрести меня, голубчикъ, перекрести на завтрашній крестъ...

Они обнялись и поцаловались.

— А Иванъ-то, проговорилъ вдругъ Митя, — бѣжать-то предложилъ, а самъ вѣдь вѣрить, что я убилъ!

Грустная усмѣшка выдавилась на его губахъ.

— Ты спрашивалъ его: вѣрить онъ или нѣтъ? спросилъ Алеша.

— Нѣтъ, не спрашивалъ. Хотѣлъ спросить, да не смогъ, силы не хватило. Да все равно я вѣдь по глазамъ вижу. Ну прощай!

Еще разъ поцаловались наскоро, и Алеша уже было вышелъ, какъ вдругъ Митя кликнулъ его опять:

— Становись предо мной, вотъ такъ.

И онъ опять крѣпко схватилъ Алешу обѣими руками за плечи. Лицо его стало вдругъ совсѣмъ блѣдно, такъ что почти въ темнотѣ это было страшно замѣтно. Губы перекошились, взглядъ впился въ Алешу.

— Алеша, говори мнѣ полную правду какъ предъ Господомъ Богомъ: вѣришь ты что я убилъ или не вѣришь? Ты-то, самъ-то ты, вѣришь или нѣтъ? Полную правду, не лги! крикнулъ онъ ему изступленно.

Алешу какъ-бы всего покачнуло, а въ сердцѣ его, онъ слышалъ это, какъ-бы прошло что-то острое.

— Полно, что ты... пролетѣлъ было онъ какъ потерянный.

— Всю правду, всю, не лги! повторилъ Митя.

— Ни единой минуты не вѣрилъ, что ты убійца, вдругъ вырвалось дрожащимъ голосомъ изъ груди Алеши, и онъ поднималъ правую руку вверхъ какъ-бы призывая Бога въ свидѣтели своихъ словъ. Блаженство озарило мгновенно все лицо Мити.

— Спасибо тебѣ! выговорилъ онъ протяжно, точно выпуская вздохъ послѣ обморока.—Теперь ты меня возродилъ... Вѣришь-ли: до сихъ поръ боялся спросить тебя, это тебя-то, тебя! Ну иди, иди! Укрѣпилъ ты меня на завтра, благослови тебя Богъ! Ну, ступай, люби Ивана! вырвалось послѣднимъ словомъ у Мити.

Алеша вышелъ весь въ слезахъ. Такая степень мнительности Мити, такая степень недовѣрія его даже къ нему, къ Алешѣ—все это вдругъ раскрыло предъ Алешей такую бездну безвыходнаго горя и отчаянія въ душѣ его несчастнаго брата какой онъ и не подозрѣвалъ прежде. Глубокое, безконечное состраданіе вдругъ охватило и измучило его мгновенно. Пронзенное сердце его страшно болѣло. «Люби Ивана!» вспомнились ему вдругъ сейчашнія слова Мити.

Да онъ и шелъ къ Ивану. Ему еще утромъ страшно надо было видѣть Ивана. Не менѣе какъ Митя его мучилъ Иванъ, а теперь, послѣ свиданія съ братомъ, болѣе чѣмъ когда нибудь.

У.

Не ты, не ты!

По дорогѣ къ Ивану пришлось ему проходить мимо дома, въ которомъ квартировала Катерина Ивановна. Въ окнахъ былъ свѣтъ. Онъ вдругъ остановился и рѣшилъ войти. Катерину Ивановну онъ не видалъ уже болѣе недѣли. Но ему теперь пришло на умъ, что Иванъ можетъ быть сейчасъ у ней, особенно наканунѣ такого дня. Позвонивъ и войдя на лѣстницу, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, онъ увидалъ спускавшагося сверху человѣка, въ которомъ, поровнявшись, узналъ брата. Тотъ, стало быть, выходилъ уже отъ Катерины Ивановны.

— Ахъ это только ты, сказалъ сухо Иванъ Федоровичъ.—Ну прощай. Ты къ ней?

— Да.

— Не совѣтую, она «въ волненіи», и ты еще пуще ее разстроишь.

— Нѣтъ, нѣтъ! прокричалъ вдругъ голосъ сверху изъ отворившейся мигомъ двери.—Алексѣй Федоровичъ, вы отъ него?

— Да, я былъ у него.

— Мнѣ что нибудь прислалъ сказать? Войдите, Алеша, и вы Иванъ Федоровичъ, непременно, непременно воротитесь. Слы-ши-те!

Въ голосѣ Кати зазвучала такая повелительная нотка,

что Иванъ Ѳедоровичъ, помедливъ одно мгновеніе, рѣшился однакоже подняться опять, вмѣстѣ съ Алешей.

— Подслушивала! раздражительно прошепталъ онъ про себя, но Алеша разслышалъ.

— Позвольте мнѣ остаться въ пальто, проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ, вступая въ залу.—Я и не сяду. Я болѣе одной минуты не останусь.

— Садитесь, Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорила Катерина Ивановна, сама оставаясь стоя. Она измѣнилась мало за это время, но темные глаза ея сверкали зловѣщимъ огнемъ. Алеша помнилъ потомъ, что она показалась ему чрезвычайно хороша собой въ ту минуту.

— Что жъ онъ велѣлъ передать?

— Только одно, сказалъ Алеша, прямо смотря ей въ лицо:—чтобы вы щадили себя и не показывали ничего на судъ о томъ (онъ нѣсколько замялся)... что было между вами... во время самаго перваго вашего знакомства... въ томъ городѣ...

— А, это про земной поклонъ за тѣ деньги! подхватила она горько размѣявшись.—Что жъ, онъ за себя или за меня боится—а? Онъ сказалъ, чтобъ я щадила—кого же? Его или себя? Говорите, Алексѣй Ѳедоровичъ.

Алеша всматривался пристально, стараясь понять ее.

— И себя, и его, проговорилъ онъ тихо.

— То-то, какъ-то злобно отчеканила она и вдругъ покраснѣла.

— Вы не знаете еще меня, Алексѣй Ѳедоровичъ, грозно сказала она,—да и я еще не знаю себя. Можетъ быть вы захотите меня растоптать ногами послѣ завтрашняго допроса.

— Вы покажете честно, сказалъ Алеша,—только этого и надо.

— Женщина часто безчестна, проскрежетала она.—Я еще часъ тому думала, что мнѣ страшно дотронуться до этого изверга... какъ до гада... и вотъ нѣтъ, онъ все еще для меня человѣкъ! Да убилъ ли онъ? Онъ-ли убилъ? воскликнула она вдругъ истерически, быстро обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу. Алеша мигомъ понялъ, что этотъ самый вопросъ она уже задавала Ивану Ѳедоровичу можетъ всего за минуту предъ его приходомъ, и не въ первый разъ, а въ сотый, и что кончили они ссорой.

— Я была у Смердякова... Это ты, ты убѣдилъ меня, что онъ отцеубійца. Я только тебѣ и повѣрила! продолжала она все обращаясь къ Ивану Ѳедоровичу. Тотъ какъ-бы съ натуги усмѣхнулся. Алеша вздрогнулъ, услышавъ это *ты*. Онъ и подозрѣвать не могъ такихъ отношеній.

— Ну, однако довольно, отрѣзаль Иванъ.—Я пойду. Приду завтра. И тотчасъ же повернувшись, вышелъ изъ комнаты и прошелъ прямо на лѣстницу. Катерина Ивановна вдругъ съ какимъ-то повелительнымъ жестомъ схватила Алешу за обѣ руки.

— Ступайте за нимъ! Догоните его! Не оставляйте его одного ни минуты, быстро зашептала она.—Онъ помѣшанный. Вы не знаете что онъ помѣшался? У него горячка, нервная горячка! Мнѣ докторъ говорилъ, идете, бѣгите за нимъ....

Алеша вскочилъ и бросился за Иваномъ Ѳедоровичемъ. Тотъ не успѣлъ отойти и пятидесяти шаговъ.

— Чего тебѣ? вдругъ обернулся онъ къ Алешѣ, видя что тотъ его догоняетъ:—велѣла тебѣ бѣжать за мной, потому что я сумасшедшій. Знаю наизусть, раздражительно прибавилъ онъ.

— Она разумѣется ошибается, но она права, что ты боленъ, сказалъ Алеша. Я сейчасъ смотрѣлъ у ней на твое лицо; у тебя очень больное лицо, очень, Иванъ!

Иванъ шелъ не останавливаясь. Алеша за нимъ.

— А ты знаешь, Алексѣй Федоровичъ, какъ сходятъ съ ума? спросилъ Иванъ совсѣмъ вдругъ тихимъ, совсѣмъ уже не раздражительнымъ голосомъ, въ которомъ внезапно послышалось самое простодушное любопытство.

— Нѣтъ, не знаю; полагаю что много разныхъ видовъ сумасшествія.

— А надъ самимъ собой можно наблюдать что сходишь съ ума?

— Я думаю нельзя ясно слѣдить за собой въ такомъ случаѣ, съ удивленіемъ отвѣчалъ Алеша. Иванъ на полминутки примолкъ.

— Если ты хочешь со мной о чемъ говорить, то перемѣни пожалуста тему, сказалъ онъ вдругъ.

— А вотъ чтобы не забыть, къ тебѣ письмо, робко проговорилъ Алеша и вынувъ изъ кармана протянулъ къ нему письмо Лизы. Они какъ разъ подошли къ фонарю. Иванъ тотчасъ же узналъ руку.

— А, это отъ того бѣсенка! размѣялся онъ злобно, и не распечатавъ конверта, вдругъ разорвалъ его на нѣсколько кусковъ и бросилъ на вѣтеръ. Ключья разлетѣлись.

— Шестнадцати лѣтъ еще нѣтъ, кажется, и ужъ предлагается! презрительно проговорилъ онъ, опять зашагавъ по улицѣ.

— Какъ предлагается? воскликнулъ Алеша.

— Извѣстно, какъ развратныя женщины предлагаются.

— Чтѣ ты, Иванъ, чтѣ ты? горестно и горячо заступился Алеша.—Это ребенокъ, ты обижаешь ребенка! Она больна, она сама очень больна, она тоже можетъ быть съ ума сходить... Я не могъ тебѣ не передать ея письма.... Я напротивъ отъ тебя хотѣлъ чтѣ услышать.... чтобы спасти ее.

— Нечего тебѣ отъ меня слышать. Коль она ребенокъ, то я ей не нянька. Молчи, Алексѣй. Не продолжай. Я объ этомъ даже не думаю.

Помолчали опять съ минутой.

— Она теперь всю ночь молить Божію Матерь будетъ, чтобъ указала ей какъ завтра на судѣ поступить, рѣзко и злобно заговорилъ онъ вдругъ опять.

— Ты... ты объ Катеринѣ Ивановнѣ?

— Да. Спасительницей или губительницей Митеньки ей явиться? О томъ молить будетъ чтобъ озарило ея душу. Сама еще, видите ли, не знаетъ, приготовиться не успѣла. Тоже меня за няньку принимаетъ, хочетъ чтобъ я ее убаюкалъ!

— Катерина Ивановна любитъ тебя, братъ, съ грустнымъ чувствомъ проговорилъ Алеша.

— Можетъ быть. Только я до нея не охотникъ.

— Она страдаетъ. Зачѣмъ же ты ей говоришь... иногда... такія слова что она надѣется? съ робкимъ упрекомъ продолжалъ Алеша:—вѣдь я знаю что ты ей подавалъ надежду, прости, что я такъ говорю, прибавилъ онъ.

— Не могу я тутъ поступить какъ надо, разорвать и ей прямо сказать! раздражительно произнесъ Иванъ.—Надо подождать пока скажутъ приговоръ убійцѣ. Если я разорву съ ней теперь, она изъ мщенія ко мнѣ завтра же погубить этого негодяя на судѣ, потому что его ненавидитъ и знаетъ что ненавидитъ. Тутъ все ложь, ложь на лжи! Теперь же, пока я съ ней не разорвалъ, она все еще надѣется и не станетъ губить этого изверга, зная какъ я хочу вытащить его изъ бѣды. И когда только придетъ этотъ проклятый приговоръ!

Слова «убійца» и «извергъ» больно отозвались въ сердцѣ Алеша.

— Да чѣмъ такимъ она можетъ погубить брата? спросилъ онъ, вдумываясь въ слова Ивана.—Что она можетъ показать такого что прямо могло бы сгубить Митю?

— Ты этого еще не знаешь. У нея въ рукахъ одинъ документъ есть, собственноручный, Митенькинъ, математически доказывающій что онъ убилъ Ѳедора Павловича.

— Этого быть не можетъ! воскликнулъ Алеша.

— Какъ не можетъ? Я самъ читалъ.

— Такого документа быть не можетъ! съ жаромъ повторилъ Алеша.—Не можетъ быть, потому что убійца не онъ. Не онъ убилъ отца, не онъ!

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ остановился.

— Кто же убійца по вашему, какъ-то холодно повидимому спросилъ онъ, и какая-то даже высокомѣрная нотка прозвучала въ тонѣ вопроса.

— Ты самъ знаешь кто, тихо и прониновенно проговорилъ Алеша.

— Кто? Эта басня-то объ этомъ помѣшанномъ идиотѣ эпилептикѣ? Объ Смердяковѣ?

Алеша вдругъ почувствовалъ что весь дрожить.

— Ты самъ знаешь кто, бессильно вырвалось у него. Онъ задыхался.

— Да кто, кто? уже почти свирѣпо вскричалъ Иванъ. Вся сдержанность вдругъ исчезла.

— Я одно только знаю, все также почти шепотомъ проговорилъ Алеша:—Убилъ отца *не ты*.

— «Не ты!» Что такое не ты? остолбенѣлъ Иванъ.

— Не ты убилъ отца, не ты! твердо повторилъ Алеша. Съ полминуты длилось молчаніе.

— Да я и самъ знаю что не я, ты бредишь? блѣдно и искривленно усмѣхнувшись проговорилъ Иванъ. Онъ какъ бы впился глазами въ Алешу. Оба опять стояли у фонаря.

— Нѣтъ, Иванъ, ты самъ себѣ нѣсколько разъ говорилъ что убійца ты.

— Когда я говорилъ?... Я въ Москвѣ былъ.... Когда я говорилъ? совсѣмъ потерянно пролепеталъ Иванъ.

— Ты говорилъ это себѣ много разъ, когда оставался одинъ въ эти страшные два мѣсяца, по прежнему тихо и раздѣльно продолжалъ Алеша. Но говорилъ онъ уже какъ бы внѣ себя, какъ бы не своею волей, повинуюсь какому-то непреодолимому велѣнію.—Ты обвинялъ себя и признавался себѣ, что убійца никто, какъ ты. Но убилъ не ты, ты ошибаешься, не ты убійца, слышишь меня, не ты! Меня Богъ послалъ тебѣ это сказать.

Оба замолчали. Цѣлую длинную минуту протянулось это молчаніе. Оба стояли и все смотрѣли другъ другу въ глаза. Оба были блѣдны. Вдругъ Иванъ весь затрясся и крѣпко схватилъ Алешу за плечо.

— Ты былъ у меня! скрежущимъ шепотомъ проговорилъ онъ. Ты былъ у меня ночью, когда онъ приходилъ... Признавайся.... ты его видѣлъ, видѣлъ?

— Про кого ты говоришь.... про Митю? въ недоумѣніи спросилъ Алеша.

— Не про него, къ чорту изверга! изступленно завопилъ Иванъ. Развѣ ты знаешь что онъ ко мнѣ ходитъ? Какъ ты узналъ, говори!

— Кто онъ? Я не знаю про кого ты говоришь, пролепеталъ Алеша уже въ испугѣ.

— Нѣтъ, ты знаешь.... иначе какже бы ты.... не можетъ быть чтобы ты не зналъ...

Но вдругъ онъ какъ бы сдержалъ себя. Онъ стоялъ и какъ бы что-то обдумывалъ. Странная усмѣшка кривила его губы.

— Братъ, дрожащимъ голосомъ началъ опять Алеша,—

я сказалъ тебѣ это потому, что ты моему слову повѣришь, я знаю это. Я тебѣ на всю жизнь это слово сказалъ: *не ты!* Слышишь, на всю жизнь. И это Богъ положилъ мнѣ на душу тебѣ это сказать, хотя бы ты съ сего часа навсегда возненавидѣлъ меня....

Но Иванъ Ѳедоровичъ повидимому совсѣмъ уже успѣлъ овладѣть собой.

— Алексѣй Ѳедоровичъ, проговорилъ онъ съ холодною усмѣшкой, — я пророковъ и эпилептиковъ не терплю; посланниковъ Божіихъ особенно, вы это слишкомъ знаете. Съ сей минуты я съ вами разрываю и, кажется, навсегда. Прошу сей же часъ, на этомъ же перекресткѣ, меня оставить. Да вамъ и въ квартиру по этому проулку дорога. Особенно поберегитесь заходить ко мнѣ сегодня! Слышите?

Онъ повернулся и, твердо шагая, пошелъ прямо не обращиваясь.

— Братъ, крикнулъ ему вслѣдъ Алеша, — если что-нибудь сегодня съ тобой случится, подумай прежде всего обо мнѣ!...

Но Иванъ не отвѣтилъ. Алеша стоялъ на перекресткѣ у фонаря пока Иванъ не скрылся совсѣмъ во мракѣ. Тогда онъ повернулъ и медленно направился къ себѣ по переулку. И онъ, и Иванъ Ѳедоровичъ квартировали особо, на разныхъ квартирахъ: ни одинъ изъ нихъ не захотѣлъ жить въ опустѣвшемъ домѣ Ѳедора Павловича. Алеша нанималъ меблированную комнату въ семействѣ однихъ мѣщанъ; Иванъ же Ѳедоровичъ жилъ довольно отъ него далеко и занималъ просторное и довольно комфортное помѣщеніе во флигелѣ одного хорошаго дома, принадлежавшаго одной небѣдной вдовѣ-чиновницѣ. Но прислуживала ему въ цѣломъ флигелѣ всего только одна древняя, совсѣмъ глухая старушонка, вся въ ревматизмахъ, ложившаяся въ шесть часовъ вечера и

встававшая въ шесть часовъ утра. Иванъ Ѳедоровичъ сталъ до странности въ эти два мѣсяца нетребователенъ и очень любилъ оставаться совсѣмъ одинъ. Даже комнату, которую занималъ, онъ самъ убиралъ, а въ остальные комнаты своего помѣщенія даже и заходилъ рѣдко. Дойдя до воротъ своего дома и уже взявшись за ручку звонка, онъ остановился. Онъ почувствовалъ что весь еще дрожить злобною дрожью. Вдругъ онъ бросилъ звонокъ, плюнулъ, повернулъ назадъ и быстро пошелъ опять совсѣмъ на другой, противоположный конецъ города, версты за двѣ отъ своей квартиры, въ одинъ крошечный, скосившійся бревенчатый домикъ, въ которомъ квартировала Марья Игнатьевна, бывшая сосѣдка Ѳедора Павловича, приходившая къ Ѳедору Павловичу на кухню за супомъ и которой Смердяковъ пѣлъ тогда свои пѣсни и игралъ на гитарѣ. Превжній домикъ свой она продала и теперь проживала съ матерью почти въ избѣ, а больной, почти умирающій Смердяковъ, съ самой смерти Ѳедора Павловича поселился у нихъ. Вотъ къ нему-то и направился теперь Иванъ Ѳедоровичъ, влекомый однимъ внезапнымъ и непобѣдимымъ соображеніемъ.

VI.

Первое свиданіе со Смердяковымъ.

Это уже въ третій разъ шелъ Иванъ Ѳедоровичъ говорить со Смердяковымъ по возвращеніи своемъ изъ Москвы. Въ первый разъ послѣ катастрофы онъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ сейчасъ же въ первый день своего приѣзда, затѣмъ посѣтилъ его еще разъ двѣ недѣли спустя. Но послѣ этого

второго раза свиданія свои со Смердяковымъ прекратилъ, такъ что теперь слишкомъ мѣсяць, какъ онъ уже не видалъ его и почти ничего не слыхалъ о немъ. Воротился же тогда Иванъ Ѳедоровичъ изъ Москвы уже на пятый только день послѣ смерти родителя, такъ что не засталъ и гроба его: погребеніе совершилось какъ разъ наканунѣ его прїѣзда. Причина замедленія Ивана Ѳедоровича заключалась въ томъ что Алеша, не зная въ точности его московскаго адреса, прибѣгнулъ, для посылки телеграммы, къ Катеринѣ Ивановнѣ, а та, тоже въ невѣдѣніи настоящаго адреса, телеграфировала къ своей сестрѣ и теткѣ, рассчитывая что Иванъ Ѳедоровичъ сейчасъ же по прибытіи въ Москву къ нимъ зайдетъ. Но онъ къ нимъ зашелъ лишь на четвертый день по прїѣздѣ и, прочтя телеграмму, тотчасъ же, конечно, сложивъ голову полетѣлъ къ намъ. У насъ перваго встрѣтилъ Алешу, но, переговоривъ съ нимъ, былъ очень изумленъ что тотъ даже и подозрѣвать не хочетъ Митю, а прямо указываетъ на Смердякова какъ на убійцу, что было въ разрѣзъ всѣмъ другимъ мнѣніямъ въ нашемъ городѣ. Повидавъ затѣмъ исправника, прокурора, узнавъ подробности обвиненія и ареста, онъ еще болѣе удивился на Алешу и приписалъ его мнѣніе лишь возбужденному до послѣдней степени братскому чувству и состраданію его къ Митѣ, котораго Алеша, какъ и зналъ это Иванъ, очень любилъ. Кстати, промолвимъ лишь два слова разъ навсегда о чувствахъ Ивана къ брату Дмитрію Ѳедоровичу: онъ его рѣшительно не любилъ и много-много что чувствовалъ къ нему иногда состраданіе, но и то смѣшанное съ большимъ презрѣніемъ, доходившимъ до гадливости. Митя весь, даже всею своею фигурой былъ ему крайне несимпатиченъ. На любовь къ нему Катерины Ивановны Иванъ смотрѣлъ съ негодованіемъ. Съ подсудимымъ Митей онъ однакоже увп-

дѣлся тоже въ первый день своего прибытія, и это свиданіе не только не ослабило въ немъ убѣжденія въ его виновности, а даже усилило его. Брата онъ нашелъ тогда въ безпокойствѣ, въ болѣзненномъ волненіи. Митя былъ многорѣчивъ, но разсѣянъ и раскидчивъ, говорилъ очень рѣзко, обвинялъ Смердякова и страшно путался. Болѣе всего говорилъ все про тѣ же три тысячи которыя «укралъ» у него покойникъ. «Деньги мои, онѣ были мои, твердилъ Митя; еслибъ я даже укралъ ихъ, то былъ бы правъ». Всѣ улики стоявшія противъ него почти не оспаривалъ, и если толковалъ факты въ свою пользу, то опять-таки очень сбивчиво и нелѣпо,—вообще какъ будто даже и не желая оправдываться вовсе предъ Иваномъ или кѣмъ-нибудь, напротивъ сердился, гордо пренебрегалъ обвиненіями, бранился и кипятился. Надъ свидѣтельствомъ Григорія объ отворенной двери лишь презрительно смѣялся и увѣрялъ что это «чортъ отворилъ». Но никакихъ связныхъ объясненій этому факту не могъ представить. Онъ даже успѣлъ оскорбить въ это первое свиданіе Ивана Ѳедоровича, рѣзко сказавъ ему что не тѣмъ его подозрѣвать и допрашивать которые сами утверждаютъ что «все позволено». Вообще на этотъ разъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ былъ очень недружелюбенъ. Сейчасъ послѣ этого свиданія съ Митей Иванъ Ѳедоровичъ и направился тогда къ Смердякову.

Еще въ вагонѣ, летя изъ Москвы, онъ все думалъ про Смердякова и про послѣдній свой разговоръ съ нимъ вечеромъ наканунѣ отъѣзда. Многое смущало его, многое казалось подозрительнымъ. Но давая свои показанія судебному слѣдователю, Иванъ Ѳедоровичъ до времени умолчалъ о томъ разговорѣ. Все отложилъ до свиданія со Смердяковымъ. Тотъ находился тогда въ городской больницѣ. Докторъ Герценштубе и встрѣтившійся Ивану Ѳедоровичу въ больницѣ

врач Варвинскій на настойчивые вопросы Ивана Ѳедоровича твердо отвѣчали, что падучая болѣзнь Смердякова несомнѣнна, и даже удивились вопросу: «Не притворялся ли онъ въ день катастрофы?» Они дали ему понять что припадокъ этотъ былъ даже необыкновенный, продолжался и повторялся нѣсколько дней, такъ что жизнь пациента была въ рѣшительной опасности, и что только теперь, послѣ принятыхъ мѣръ, можно уже сказать утвердительно, что больной останется въ живыхъ, хотя очень возможно (прибавилъ докторъ Герценштубе) что разумокъ его останется отчасти разстроены, «если не на всю жизнь, то на довольно продолжительное время». На нетерпѣливый спросъ Ивана Ѳедоровича что «стало-быть онъ теперь сумасшедшій?» ему отвѣтили что этого въ полномъ смыслѣ еще нѣтъ, но что замѣчаются нѣкоторыя ненормальности». Иванъ Ѳедоровичъ положилъ самъ узнать какія это ненормальности. Въ больницѣ его тотчасъ же допустили къ свиданію. Смердяковъ находился въ отдѣльномъ помѣщеніи и лежалъ на койкѣ. Тутъ же подлѣ него была еще койка, которую занималъ одинъ разслабленный городской мѣщанинъ, весь распухшій отъ водяной, видимо готовый завтра или послѣзавтра умереть; разговору онъ помѣшать не могъ. Смердяковъ осклабился недовѣрчиво, завидѣвъ Ивана Ѳедоровича, и въ первое мгновеніе какъ будто даже сробѣлъ. Такъ по крайней мѣрѣ мелькнуло у Ивана Ѳедоровича. Но это было лишь мгновеніе, напротивъ во все остальное время Смердяковъ почти поразилъ его своимъ спокойствіемъ. Съ самаго перваго взгляда на него Иванъ Ѳедоровичъ несомнѣнно убѣдился въ полномъ и чрезвычайномъ болѣзненномъ его состояніи: онъ былъ очень слабъ, говорилъ медленно и какъ бы съ трудомъ ворочая языкомъ; очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Во всѣ минутъ двадцать свиданія жаловался на го-

ловную боль и на ломъ во всѣхъ членахъ. Скопческое, сухое лицо его стало какъ будто такимъ маленькимъ, височки были включены, вмѣсто хохолка торчала вверхъ одна только тоненькая прядка волосиковъ. Но прищуренный и какъ бы на что-то намекающій лѣвый глазокъ выдавалъ прежняго Смердякова. «Съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно,» тотчасъ же вспомнилось Ивану Ѳедоровичу. Онъ усѣлся у него въ ногахъ на табуретѣ. Смердяковъ со страданіемъ пошевельнулся всѣмъ тѣломъ на постели, но не заговорилъ первый, молчалъ да и глядѣлъ уже какъ бы не очень любопытно.

— Можешь со мной говорить? спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, — очень не утомлю.

— Очень могу-сь, промямлилъ Смердяковъ слабымъ голосомъ. — Давно пріѣхать изволили? прибавилъ онъ снисходительно, какъ бы поощряя сконфузившагося посѣтителя.

— Да вотъ только сегодня... Кашу вашу здѣшнюю расхлебывать.

Смердяковъ вздохнулъ.

— Чего вздыхаешь, вѣдь ты зналъ? прямо брякнулъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Смердяковъ солидно помолчалъ.

— Какъ же это было не знать-сь? Напередъ ясно было. Только какъ же было и знать-сь что такъ поведутъ?

— Чтò поведутъ? Ты не вилай! Вѣдь вотъ ты же предсказалъ что съ тобой падучая будетъ тотчасъ какъ въ погребъ полѣзешь? Прямо такъ на погребъ и указалъ.

— Вы это уже въ допросѣ показали? спокойно полюбопытствовалъ Смердяковъ.

Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ разсердился.

— Нѣтъ, еще не показалъ, но покажу непременно. Ты

миѣ, братъ, многое разъяснить сейчасъ долженъ, и знай, голубчикъ, что я съ собою играть не позволю!

— А зачѣмъ бы миѣ такая игра-съ, когда на васъ все мое упованіе, единственно какъ на Господа Бога-съ! проговорилъ Смердяковъ все также совсѣмъ спокойно и только на минутку закрывъ глазки.

— Во первыхъ, приступилъ Иванъ Ѳедоровичъ,—я знаю что падучую нельзя напередъ предсказать. Я справлялся, ты не вилай. День и часъ нельзя предсказать. Какъ же ты миѣ тогда предсказалъ и день и часъ, да еще и съ погребомъ? Какъ ты могъ напередъ узнать, что провалишься именно въ этотъ погребъ въ припадкѣ, если не притворился въ падучей нарочно?

— Въ погребъ надлежало и безъ того идти-съ, въ день по нѣскольку даже разъ-съ, не спѣша протянулъ Смердяковъ.—Такъ точно годъ тому назадъ я съ чердака полетѣлъ-съ. Безпремѣнно такъ что падучую нельзя предсказать впередъ днемъ и часомъ, но предчувствіе всегда можно имѣть.

— А ты предсказалъ день и часъ!

— На счетъ моей болѣзни падучей-съ освѣдомьтесь всего лучше, сударь, у докторовъ здѣшнихъ: истинная-ли была со мной, али не истинная, а миѣ и говорить вамъ больше на сей предметъ нечего.

— А погребъ? Погребъ-то какъ ты предузналъ?

— Дался вамъ этотъ самый погребъ! Я тогда какъ въ этотъ погребъ полѣзъ, то въ страхѣ былъ и въ сумлѣніи, потому больше въ страхѣ, что былъ васъ лишимшись и ни отъ кого уже защиты не ждалъ въ цѣломъ мірѣ. Лѣзу я тогда въ этотъ самый погребъ и думаю: «вотъ сейчасъ придетъ, вотъ она ударитъ, провалюсь, али нѣтъ?» и отъ самага этого сумлѣнія вдругъ схватила меня въ горлѣ эта

самая неминуемая спазма-сь... ну и полетѣль. Все это самое и весь разговоръ нашъ предыдущій съ вами-сь, наканунѣ того дня вечеромъ у воротъ-сь, какъ я вамъ тогда мой страхъ сообщилъ, и про погребъ-сь—все это я въ подробности открылъ господину доктору Герценштубе и слѣдователю Николаю Пароеновичу, и все они въ протоколъ записали-сь. А здѣшній докторъ г. Варвинскій такъ предъ всѣми ими особо настаивали, что такъ именно отъ думы оно и произошло, отъ самой то есть той мнительности, «что вотъ дескать упаду аль не упаду?» А она тутъ и подхватила. Такъ и записали-сь, что безпремѣнно этому такъ и надо было произойти, отъ одинаго то есть моего страху-сь.

Проговоривъ это, Смердяковъ, какъ-бы измученный утомленіемъ, глубоко перевелъ дыханіе.

— Такъ ты ужь это объявлялъ въ показаніи? спросилъ нѣсколько опѣшенный Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ именно хотѣлъ было пугнуть его тѣмъ, что объявить про ихъ тогдашній разговоръ, а оказалось, что тотъ ужь и самъ все объявилъ.

— Чего мнѣ бояться? Пускай всю правду истинную запишутъ, твердо произнесъ Смердяковъ.

— И про нашъ разговоръ съ тобой у воротъ все до слова рассказалъ?

— Нѣтъ, не то чтобы все до слова-сь.

— А что представляться въ падучей умѣешь, какъ хвастался мнѣ тогда, тоже сказалъ?

— Нѣтъ, этого тоже не сказалъ-сь.

— Скажи ты мнѣ теперь, для чего ты меня тогда въ Чермашню посылалъ?

— Боялся, что въ Москву уѣдете, въ Чермашню все же ближе-сь.

— Врешь, ты самъ приглашалъ меня уѣхать: уѣзжайте, говорилъ, отъ грѣха долой!

— Это я тогда по единому къ вамъ дружеству и по сердечной моей преданности, предчувствуя въ домѣ бѣдусь, васъ жалѣючи. Только себя больше вашего сожалѣлъ-съ. Потому и говорилъ: уѣзжайте отъ грѣха, чтобы вы поняли, что дома худо будетъ и остались-бы родителя защитить.

— Такъ ты бы прямѣе сказалъ, дуракъ! вспыхнулъ вдругъ Иванъ Федоровичъ.

— Какъ же бы я могъ тогда прямѣе сказать-съ? Одинъ лишь страхъ во мнѣ говорилъ-съ, да и вы могли осердиться. Я, конечно, опасаться могъ, чтобы Дмитрій Федоровичъ не сдѣлали какого скандалу, и самыя эти деньги не унесли, такъ какъ ихъ все равно что за свои почитали, а вотъ кто же зналъ, что такимъ убивствомъ кончится? Думалъ, они просто только похитятъ эти три тысячи рублей, что у барина подъ тюфякомъ лежали-съ, въ пакетъ-съ, а они вотъ убили-съ. Гдѣ же и вамъ угадать было, сударь?

— Такъ если самъ говоришь, что нельзя было угадать, какъ же я могъ догадаться и остаться? Что ты путаешь? вдумываясь проговорилъ Иванъ Федоровичъ.

— А потому и могли догадаться, что я васъ въ Чермашню направляю вмѣсто этой Москвы-съ.

— Да какъ тутъ догадаться!

Смердяковъ казался очень утомленнымъ и опять помолчалъ съ минуту.

— Тѣмъ самымъ-съ догадаться могли-съ, что коли я васъ отъ Москвы въ Чермашню отклоняю, то значитъ присутствія вашего здѣсь желаю ближайшаго, потому что Москва далеко, а Дмитрій Федоровичъ, знавши что вы неда-

леко, не столь ободрены будутъ. Да и меня могли въ большей скорости, въ случаѣ чего, пріѣхать и защитить, ибо самъ я вамъ на болѣзнь Григорія Васильича къ тому-же указывалъ, да и то что падучей боюсь. А объяснивъ вамъ про эти стуки, по которымъ къ покойному можно было войти, и что они Дмитрію Ѳедоровичу черезъ меня всѣ извѣстны, думалъ что вы уже сами тогда догадаетесь, что они что нибудь непременно совершать, и не то что въ Чермашню, а и вовсе останетесь.

«Онъ очень связно говорить, подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ, хоть и мямлитъ; про какое-же Герценштубе говорилъ разстройство способностей?»

— Хитришь ты со мной, чортъ тебя дери! воскликнулъ онъ осердившись.

— А я, признаться, тогда подумалъ, что вы ужъ со-всѣмъ догадались, съ самымъ простодушнымъ видомъ отпарировалъ Смердяковъ.

— Кабы догадался такъ остался-бы! вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ опять вспыхнувъ.

— Ну-съ, а я-то думалъ, что вы обо всемъ догадавшись скорѣе какъ можно уѣзжаете лишь отъ грѣха одного, чтобы только убѣжать куда нибудь, себя спасая отъ страху-съ.

— Ты думалъ, что всѣ такіе же трусы какъ ты?

— Простите-съ, подумалъ, что и вы какъ и я.

— Конечно, надо было догадаться, волновался Иванъ, — да я и догадывался объ чемъ нибудь мерзкомъ съ твоей стороны... Только ты врешь, опять врешь, — вскричалъ онъ вдругъ припомнивъ: — Помнишь какъ ты къ тарантасу тогда подошелъ и мнѣ сказалъ: «съ умнымъ человѣкомъ и поговорить любопытно». Значить радъ былъ, что я уѣзжаю коль похвалилъ?

Смердяковъ еще и еще разъ вздохнулъ. Въ лицѣ его какъ-бы показалась краска.

— Если былъ радъ, произнесъ онъ нѣсколько задыхаясь,—то тому единственно, что не въ Москву, а въ Чермашню согласились. Потому все же ближе; а только я вамъ тѣ самыя слова не въ похвалу тогда произнесъ, а въ попрекъ-съ. Не разобрали вы этого-съ.

— Въ какой попрекъ?

— А то что, предчувствуя такую бѣду, собственнаго родителя оставляете-съ и насъ защитить не хотите, потому что меня за эти три тысячи всегда могли притянуть, что я ихъ укралъ-съ.

— Чортъ тебя дери! опять обругался Иванъ.—Стой: ты про знаки, про стуки эти, слѣдователю и прокурору объявилъ?

— Все какъ есть объявилъ-съ.

Иванъ Ѳедоровичъ опять про себя удивился.

— Если я подумалъ тогда объ чемъ, началъ онъ опять,—то это про мерзость какую нибудь единственно съ твоей стороны. Дмитрій могъ убить, но что онъ украдетъ—я тогда не вѣрилъ... А съ твоей стороны всякой мерзости ждалъ. Самъ же ты мнѣ сказалъ, что притворяться въ падучей умѣешь,—для чего ты это сказалъ?

— По единому моему простодушію. Да и никогда я въ жизни не представлялся въ падучей нарочно, а такъ только, чтобъ похвалиться предъ вами сказалъ. Одна глупость-съ. Полюбилъ я васъ тогда очень и былъ съ вами по всей простотѣ.

— Братъ прямо тебя обвиняетъ, что ты убилъ и что ты укралъ.

— Да имъ что же больше остается? горько ослабился Смердяковъ,—и кто же имъ повѣритъ послѣ всѣхъ тѣхъ

уликъ? Дверь-то Григорій Васильевичъ отпертую видѣли-сь, послѣ этого какъ же-сь. Да что ужь, Богъ съ ними! Себя спасая дрожать...

Онъ тихо помолчалъ и вдругъ какъ-бы сообразивъ прибавилъ:

— Вѣдь вотъ-сь, опять это самое: они на меня свалить желаютъ, что это моихъ рукъ дѣло-сь,—это я уже слышалъ-сь,—а вотъ хоть-бы это самое, что я въ падучей представляться мастеръ: ну сказалъ-ли бы я вамъ напередъ, что представляться умѣю, еслибъ у меня въ самомъ дѣлѣ какой замыселъ тогда былъ на родителя вашего? Бѣль такое убивство ужь я замыслилъ, то можно-ли быть столь дуракомъ, чтобы впередъ на себя такую улику сказать, да еще сыну родному, помилуйте-сь?! Похоже это на вѣроятіе? Это, чтобы это могло быть-сь, такъ напротивъ совсѣмъ никогда-сь. Вотъ теперь этого нашего съ вами разговору никто не слышитъ, кромѣ самого этого Провидѣнія-сь, а еслибы вы сообщили прокурору и Николаю Паренновичу, такъ тѣмъ самымъ могли-бы меня въ конецъ защитить-сь: ибо что за злодѣй за такой коли заранѣе столь простодушенъ? Всѣ это разсудить очень могутъ.

— Слушай, всталъ съ мѣста Иванъ Федоровичъ, пораженный послѣднимъ доводомъ Смердякова и прерывая разговоръ,—я тебя вовсе не подозрѣваю и даже считаю смѣшнымъ обвинять... напротивъ, благодаренъ тебѣ, что ты меня успокоилъ. Теперь иду, но опять зайду. Пока прощай, выздоравливай. Не нуждаешься-ли въ чемъ?

— Во всемъ благодаренъ-сь. Марѳа Игнатьевна не забываетъ меня-сь и во всемъ способствуетъ, коли что мнѣ надо, по прежней своей добротѣ. Ежедневно навѣщаютъ добрые люди.

— До свиданія. Я впрочемъ про то, что ты притво-

риться умѣешь не скажу... да и тебѣ совѣтую не показывать, проговорилъ вдругъ почему-то Иванъ.

— Очень понимаю-сь. А коли вы этого не покажете, то и я-сь всего нашего съ вами разговору тогда у воротъ не объявлю...

Тутъ случилось такъ, что Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ вышелъ и, только пройдя уже шаговъ десять по корридору, вдругъ почувствовалъ, что въ послѣдней фразѣ Смердякова заключался какой-то обидный смыслъ. Онъ хотѣлъ было уже вернуться, но это только мелькнуло, и проговоривъ: «глупости!»—онъ поскорѣе пошелъ изъ больницы. Главное, онъ чувствовалъ, что дѣйствительно былъ успокоенъ, и именно тѣмъ обстоятельствомъ, что виновенъ не Смердяковъ, а братъ его Митя, хотя казалось бы должно было выйти напротивъ. Почему такъ было—онъ не хотѣлъ тогда разбирать, даже чувствовалъ отвращеніе копаться въ своихъ ощущеніяхъ. Ему поскорѣе хотѣлось какъ бы что-то забыть. Затѣмъ въ слѣдующіе нѣсколько дней онъ уже совсѣмъ убѣдился въ виновности Мити, когда ближе и основательнѣе ознакомился со всѣми удручавшими того уликами. Были показанія самыхъ ничтожныхъ людей, но почти потрясающія, напримѣръ Ѳени и ея матери. Про Перхотина, про трактиръ, про лавку Плотниковыхъ, про свидѣтелей въ Мокромъ и говорить было нечего. Главное, удручали подробности. Извѣстіе о тайныхъ «стукахъ» поразило слѣдователя и прокурора почти въ той же степени, какъ и показаніе Григорія объ отворенной двери. Жена Григорія, Марѳа Игнатьевна, на спросъ Ивана Ѳедоровича прямо заявила ему, что Смердяковъ всю ночь лежалъ у нихъ за перегородкой, «трехъ шаговъ отъ нашей постели не было,» и что хоть и спала она сама вѣрно, но много разъ пробуждалась, слыша какъ онъ тутъ стонетъ: «все время сто-

наль, непрерывно стоналъ». Поговоривъ съ Герценштубе и сообщивъ ему свое сомнѣніе о томъ, что Смердяковъ во все не кажется ему помѣшаннымъ, а только слабымъ, онъ только вызвалъ у старика тоненькую улыбочку. «А вы знаете чѣмъ онъ теперь особенно занимается?» спросилъ онъ Ивана Ѳедоровича, «французскія вокабулы наизусть учить; у него подъ подушкой тетрадка лежитъ и французскія слова русскими буквами гѣмъ-то записаны, хе-хе-хе!» Иванъ Ѳедоровичъ оставилъ наконецъ всѣ сомнѣнія. О братѣ Дмитріѣ онъ уже и подумать не могъ безъ омерзѣнія. Одно было всетаки странно: что Алеша упорно продолжалъ стоять на томъ, что убилъ не Дмитрій, а «по всей вѣроятности» Смердяковъ. Иванъ всегда чувствовалъ, что мнѣніе Алеши для него высоко, а потому теперь очень недоумѣвалъ на него. Странно было и то, что Алеша не искалъ съ нимъ разговоровъ о Митѣ и самъ не начиналъ никогда, а лишь отвѣчалъ на вопросы Ивана. Это тоже сильно замѣтилъ Иванъ Ѳедоровичъ. Впрочемъ, въ то время онъ очень былъ развлеченъ однимъ совсѣмъ постороннимъ обстоятельствомъ: пріѣхавъ изъ Москвы, онъ въ первые же дни весь и безповоротно отдался пламенной и безумной страсти своей къ Катеринѣ Ивановнѣ. Здѣсь не мѣсто начинать объ этой новой страсти Ивана Ѳедоровича, отразившейся потомъ на всей его жизни: это все могло бы послужить канвой уже иного рассказа, другаго романа, который и не знаю предприму ли еще когда нибудь. Но все же не могу умолчать и теперь о томъ, что когда Иванъ Ѳедоровичъ, идя, какъ уже описалъ я, ночью съ Алешей отъ Катерины Ивановны сказалъ ему: «я-то до нея не охотникъ»,—то страшно лгалъ въ ту минуту: онъ безумно любилъ ее, хотя правда и то, что временами ненавидѣлъ ее до того, что могъ даже убить. Тутъ сходялось много причинъ: вся потрясенная событіемъ

съ Митей, она бросилась къ возвратившемуся къ ней опять Ивану Ѳедоровичу какъ бы къ какому своему спасителю. Она была обижена, оскорблена, унижена въ своихъ чувствахъ. И вотъ явился опять человѣкъ, который ее и прежде такъ любилъ,—о, она слишкомъ это знала,—и котораго умъ и сердце она всегда ставила столь высоко надъ собой. Но строгая дѣвушка не отдала себя въ жертву всю, несмотря на весь Карамазовскій безудержъ желаній своего влюбленнаго и на все обаяніе его на нее. Въ то же время мучилась непрерывно раскаяніемъ, что измѣнила Митѣ, и въ грозныя, ссорныя минуты съ Иваномъ (а ихъ было много) прямо высказывала это ему. Это то и называлъ онъ, говоря съ Алешей: «ложью на лжи». Тутъ, конечно, было и въ самомъ дѣлѣ много лжи, и это всего болѣе раздражало Ивана Ѳедоровича... но все это потомъ. Словомъ, онъ на время почти забылъ о Смердяковѣ. И однако, двѣ недѣли спустя послѣ перваго къ нему посѣщенія начали его опять мучить все тѣ же странныя мысли, какъ и прежде. Довольно сказать, что онъ непрерывно сталъ себя спрашивать: для чего онъ тогда, въ послѣднюю свою ночь, въ домѣ Ѳедора Павловича, предъ отъѣздомъ своимъ, сходилъ тихонько какъ воръ на лѣстницу и прислушивался, что дѣлаетъ внизу отецъ? Почему съ отвращеніемъ вспоминалъ это потомъ, почему на другой день утромъ въ дорогѣ такъ вдругъ затосковалъ, а въѣзжая въ Москву сказалъ себѣ: „я подлецъ!“ И вотъ теперь ему однажды подумалось, что изъ за всѣхъ этихъ мучительныхъ мыслей онъ, пожалуй готовъ забыть даже и Катерину Ивановну, до того онъ сильно имъ вдругъ опять овладѣли! Какъ разъ, подумавъ это, онъ встрѣтилъ Алешу на улицѣ. Онъ тотчасъ остановилъ его и вдругъ задалъ ему вопросъ:

— Помнишь ты, когда послѣ обѣда Дмитрій ворвался

въ домъ и избилъ отца, и я потомъ сказалъ тебѣ на дворѣ, что «право желаній» оставляю за собой,—скажи, подумалъ ты тогда, что я желаю смерти отца или нѣтъ?

— Подумалъ, тихо отвѣтилъ Алеша.

— Оно, впрочемъ такъ и было, тутъ и угадывать было нечего. Но не подумалось ли тебѣ тогда и то, что я именно желаю чтобъ «одинъ гадъ съѣлъ другую гадину», т. е. чтобъ именно Дмитрій отца убилъ, да еще поскорѣе... и что и самъ я поспособствовать даже не прочь?

Алеша слегка поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ въ глаза брату.

— Говори же! воскликнулъ Иванъ.—Я изо всей силы хочу знать, что ты тогда подумалъ. Мнѣ надо; правду, правду! Онъ тяжело перевелъ духъ, уже заранѣе съ какою-то злобой смотря на Алешу.

— Прости меня, я и это тогда подумалъ, прошептала Алеша и замолчала, не прибавивъ ни одного «облегчающаго обстоятельства».

— Спасибо! отрѣзалъ Иванъ и, бросивъ Алешу, быстро пошелъ своею дорогой. Съ тѣхъ поръ Алеша замѣтилъ, что братъ Иванъ какъ-то рѣзко началъ отъ него отдаляться и даже какъ бы не взлюбилъ его, такъ что потомъ и самъ онъ уже пересталъ ходить къ нему. Но въ ту минуту, сейчасъ послѣ той съ нимъ встрѣчи, Иванъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, вдругъ направился опять къ Смердякову.

VII.

Второй визитъ къ Смердякову.

Смердяковъ къ тому времени уже выписался изъ больницы. Иванъ Ѳедоровичъ зналъ его новую квартиру: имен-

но въ этомъ перекосившемся бревенчатомъ маленькомъ домишкѣ въ двѣ избы, раздѣленные сѣнями. Въ одной избѣ помѣстилась Марья Кондратьевна съ матерью, а въ другой Смердяковъ, особливо. Богъ знаетъ на какихъ основаніяхъ онъ у нихъ поселился: даромъ ли проживалъ или за деньги? Впослѣдствіи полагали, что поселился онъ у нихъ въ качествѣ жениха Марьи Кондратьевны и проживалъ пока даромъ. И мать и дочь его очень уважали и смотрѣли на него какъ на высшаго предъ ними человѣка. Достучавшись, Иванъ Ѳедоровичъ вступилъ въ сѣни, и по указанію Марьи Кондратьевны, прошелъ прямо на лѣво въ «бѣлую избу», занимаемую Смердяковымъ. Въ этой избѣ печь стояла изразцовая и была сильно натоплена. По стѣнамъ красовались голубые обои, правда всѣ изодранные, а подъ ними въ трещинахъ копошились тараканы-прусаки въ страшномъ количествѣ, такъ что стоялъ неумолгаемый шорохъ. Мебель была ничтожная: двѣ скамьи по обѣимъ стѣнамъ и два стула подлѣ стола. Столъ же, хоть и просто деревянный, былъ накрытъ одною скатертью съ розовыми разводами. На двухъ маленькихъ окошгахъ помѣщалось на каждомъ по горшку съ геранями. Въ углу кіотъ съ образами. На столѣ стоялъ небольшой, сильно помятый мѣдный самоварчикъ и подносъ съ двумя чашками. Но чай Смердяковъ уже отпилъ, и самоваръ погасъ... Самъ онъ сидѣлъ за столомъ на лавкѣ и смотря въ тетрадь что-то чертилъ перомъ. Пузырекъ съ чернилами находился подлѣ, равно какъ и чугунный низенькій подсвѣчникъ со стеариновой впрочемъ свѣчкой. Иванъ Ѳедоровичъ тотчасъ заключилъ по лицу Смердякова, что оправился онъ отъ болѣзни вполне. Лицо его было свѣжѣе, полнѣе, хохлакъ взбитъ, височки примазаны. Сидѣлъ онъ въ пестромъ ватномъ халатѣ, очень однако затасканномъ и порядочно истрепанномъ. На носу его были очки, которыхъ Иванъ

Федоровичъ не видывалъ у него прежде. Это пустѣйшее обстоятельство вдругъ какъ-бы вдвое даже озлило Ивана Федоровича: «этакая тварь, да еще въ очкахъ!» Смердяковъ медленно поднималъ голову и пристально посматрѣлъ въ очки на вошедшаго; затѣмъ тихо ихъ снялъ и самъ приподнялся на лавкѣ, но какъ-то совсѣмъ не столь почтительно, какъ-то даже лѣниво, единственно чтобы соблюсти только лишь самую необходимѣйшую учтивость, безъ которой уже нельзя почти обойтись. Все это мигомъ мелькнуло Ивану и все это онъ сразу обхватилъ и замѣтилъ, а главное — взгляды Смердякова, рѣшительно злобный, непривѣтливый и даже падменный: «чего дескать шляешься, обо всемъ вѣдь тогда сговорились, зачѣмъ-же опять пришелъ?» Иванъ Федоровичъ едва сдержалъ себя:

— Жарко у тебя, сказалъ онъ еще стоя и растегнулъ пальто.

— Снимите-съ, позволилъ Смердяковъ.

Иванъ Федоровичъ снялъ пальто и бросилъ его на лавку, дрожащими руками взялъ стулъ, быстро придвинулъ его къ столу и сѣлъ. Смердяковъ успѣлъ опуститься на свою лавку раньше его.

— Во первыхъ, одни-ли мы? строго и стремительно спросилъ Иванъ Федоровичъ.— Не услышать насъ оттуда?

— Никто ничего не услышитъ-съ. Сами видѣли: сѣни.

— Слушай, голубчикъ: что ты такое тогда сморозилъ, когда я уходилъ отъ тебя изъ больницы, что если я промолчу о томъ, что ты мастеръ представляться въ падучей, то и ты де не объявишь всего слѣдователю о нашемъ разговорѣ съ тобой у воротъ? Что это такое *всего*? Что ты могъ тогда разумѣть? Угрожалъ ты мнѣ что-ли? Что я въ союзъ что-ли въ какой съ тобою вступалъ, боюсь тебя что-ли?

Иванъ Федоровичъ проговорилъ это совсѣмъ въ ярости,

видимо и нарочно давая знать что презираетъ всякій обинякъ и всякій подходъ и играетъ въ открытую. Глаза Смердякова злобно сверкнули, лѣвый глазокъ замигалъ, и онъ тотчасъ-же, хотя по обычаю своему сдержанно и мѣрно, далъ и свой отвѣтъ: «Хочешь дескать на чистоту, такъ вотъ тебѣ и эта самая чистота»:

— А то самое я тогда разумѣлъ и для того я тогда это произносилъ, что вы, знавши напередъ про это убивство роднаго родителя вашего, въ жертву его тогда оставили, и чтобы не заключили послѣ сего люди чего дурнаго объ вашихъ чувствахъ, а можетъ и объ чемъ иномъ прочемъ, — вотъ что тогда обѣщался я начальству не объявлять.

Проговорилъ Смердяковъ хоть и не спѣша и обладая собою повидимому, но ужъ въ голосѣ его даже послышалось нѣчто твердое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее. Дерзко уставился онъ въ Ивана Федоровича, а у того въ первую минуту даже въ глазахъ зарябило:

— Какъ? Что? Да ты въ умѣ али нѣтъ?

— Совершенно въ полномъ своемъ умѣ-съ.

— Да развѣ я *зналъ* тогда про убійство? вскричалъ наконецъ Иванъ Федоровичъ и крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.—Что значить: «объ чемъ иномъ прочемъ?»—говори, подлець!

Смердяковъ молчалъ и все тѣмъ-же наглымъ взглядомъ продолжалъ осматривать Ивана Федоровича.

— Говори, смердящая шельма, объ чемъ «иномъ прочемъ?» завопилъ тотъ.

— А объ томъ «иномъ прочемъ» я сею минутой разумѣлъ что вы, пожалуй, и сами очень желали тогда смерти родителя вашего.

Иванъ Федоровичъ вскочилъ и изо всей силы ударилъ

его кулакомъ въ плечо, такъ что тотъ откачнулся къ стѣнѣ. Въ одинъ мигъ все лицо его облилось слезами, проговоривъ: «Стыдно, сударь, слабаго человѣка бить!» онъ вдругъ закрылъ глаза своимъ бумажнымъ съ синими клѣточками и совершенно засморканнымъ носовымъ платкомъ и погрузился въ тихій слезный плачь. Прошло съ минуту.

— Довольно! Перестань! повелительно сказалъ наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ, садясь опять на стулъ. — Не выводи меня изъ послѣдняго терпѣнія.

Смердяковъ отнялъ отъ глазъ свою тряпочку. Всякая черточка его сморщенного лица выражала только что перенесенную обиду.

— Такъ ты, подлець, подумалъ тогда что я заодно съ Дмитріемъ хочу отца убить?

— Мыслей вашихъ тогдашнихъ не зналъ-съ, обиженно проговорилъ Смердяковъ, — а потому и останвилъ васъ тогда, какъ вы входили въ ворота, чтобы васъ на этомъ самомъ пунктѣ испытать-съ.

— Что испытать? Что?

— А вотъ именно это самое обстоятельство: хочется или не хочется вамъ чтобы вашъ родитель былъ поскорѣе убитъ!

Всего болѣе возмущалъ Ивана Ѳедоровича этотъ настойчивый наглый тонъ, отъ котораго упорно не хотѣлъ отступить Смердяковъ.

— Это ты его убилъ! воскликнулъ онъ вдругъ.

Смердяковъ презрительно усмѣхнулся.

— Что не я убилъ, это вы знаете сами доподлинно. И думалъ я, что умному человѣку и говорить о семъ больше нечего.

— Но почему, почему у тебя явилось тогда такое на меня подозрѣніе!

— Какъ ужь извѣстно вамъ, отъ одинаго страху-сь. Ибо въ такомъ былъ тогда положеніи, что въ страхѣ со-трясаясь всѣхъ подозрѣвалъ. Васъ тоже положилъ испы-тать-сь, ибо если и вы, думаю, того-же самаго желаете что и братецъ вашъ, то и конецъ тогда всякому этому дѣлу, а самъ пропаду заодно какъ муха.

— Слушай, ты двѣ недѣли назадъ не то говорилъ.

— Тоже самое и въ больницѣ говоря съ вами разумѣлъ, а только полагалъ, что вы и безъ лишнихъ словъ поймете, и прямого разговора не желаете сами, какъ самый умный человѣкъ-сь.

— Ишь вѣдь! Но отвѣчай, отвѣчай, я настаиваю: съ чего именно, чѣмъ именно я могъ вселить тогда въ твою подлую душу такое низкое для меня подозрѣніе!

— Чтобъ убить — это вы сами ни за что не могли-сь, да и не хотѣли, а чтобы хотѣть, чтобы другой кто убилъ, это вы хотѣли.

— И какъ спокойно, какъ спокойно вѣдь говорить! Да съ чего мнѣ хотѣть, на кой лядъ мнѣ было хотѣть?

— Какъ это такъ на кой лядъ-сь? А наслѣдство то-сь? ядовито и какъ-то даже отмстительно подхватилъ Смердяковъ:—Вѣдь вамъ тогда послѣ родителя вашего на каждаго изъ трехъ братцевъ безъ малаго по сорока тысячъ могло придтись, а можетъ и того больше-сь, а женись тогда Фе-доръ Павловичъ на этой самой госпожѣ-сь, Аграфенѣ Алек-сандровнѣ, такъ ужь та весь-бы капиталъ тотчасъ-же послѣ вѣнца на себя перевела, ибо онѣ очень не глупыя-сь, такъ что вамъ всѣмъ троимъ братцамъ и двухъ рублей не до-сталось-бы послѣ родителя. А многоль тогда до вѣнца-то оставалось? Одинъ волосокъ-сь: стоило этой барынѣ ветъ такъ только мизинчикомъ предъ ними сдѣлать, и они-бы тотчасъ въ церковь за ними высуня языкъ побѣжали.

Иванъ Ѳедоровичъ со страданіемъ сдержалъ себя.

— Хорошо, проговорилъ онъ наконецъ,—ты видишь, я не вскочилъ, не избилъ тебя, не убилъ тебя. Говори дальше: стало быть я по твоему брата Дмитрія къ тому и предназначалъ, на него и рассчитывалъ?

— Какже вамъ на нихъ не рассчитывать было-съ; вѣдь убей они, тѣ тогда всѣхъ правъ дворянства лишатся, чиновъ и имущества, и въ ссылку пойдутъ-съ. Такъ вѣдь тогда ихняя часть-съ послѣ родителя вамъ съ братцемъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ останется, по ровну-съ, значить уже не по сороку, а по шестидесяти тысячъ вамъ пришлось бы каждому-съ. Это вы на Дмитрія Ѳедоровича безпремѣнно тогда рассчитывали!

— Ну, терплю же я отъ тебя! Слушай, негодяй: еслибъ я и рассчитывалъ тогда на кого нибудь, такъ ужь конечно-бы на тебя, а не на Дмитрія, и, клянусь, предчувствовалъ даже отъ тебя какой нибудь мерзости... тогда... я помню мое впечатлѣніе!

— И я тоже подумалъ тогда, минутку одну, что и на меня тоже рассчитываете, насмѣшливо ослабился Смердяковъ,—такъ что тѣмъ самымъ еще болѣе тогда себя предомной обличили, ибо если предчувствовали на меня и въ тоже самое время уѣзжали, значить мнѣ тѣмъ самымъ точно какъ-бы сказали: это ты можешь убить родителя, а я не препятствую.

— Подлецъ! Ты такъ понял!

— А все чрезъ эту самую Чермашню-съ. Помилосердуйте! Собираетесь въ Москву, и на всѣ просьбы родителя ѣхать въ Чермашню отказались-съ! И по одному только глупому моему слову вдругъ согласились-съ! И на чтѣ вамъ было тогда соглашаться на эту Чермашню? Коли не въ Москву, а поѣхали въ Чермашню безъ причины, по единому

моему слову, то стало быть чего либо отъ меня ожидали.

— Нѣтъ, клянусь, нѣтъ! завопилъ скрежеща зубами Иванъ.

— Какже это нѣтъ-съ? Слѣдовало, напротивъ, за такія мои тогдашнія слова вамъ, сыну родителя вашего, меня первымъ дѣломъ въ часть представить и выдрать-съ.... по крайности по мордасамъ тутъ же на мѣстѣ отколотить, а вы, помилуйте-съ, напротивъ, не мало не разсердимшись, тотчасъ дружелюбно исполняете въ точности по моему весьма глупому слову-съ и ѣдете, что было вовсе нелѣпо-съ, ибо вамъ слѣдовало оставаться чтобы хранить жизнь родителя.... Какже мнѣ было не заключить?

Иванъ сидѣлъ накупившись, конвульсивно опершись обоими кулаками въ свои колѣна.

— Да, жаль что не отколотилъ тебя по мордасамъ, горько усмѣхнулся онъ.—Въ часть тогда тебя тащить нельзя было: кто жъ бы мнѣ повѣрилъ и на что я могъ указать, ну а по мордасамъ.... ухъ, жаль не догадался; хоть и запрещены мордасы, а сдѣлалъ бы я изъ твоей хари кашу.

Смердяковъ почти съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него.

— Въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, проговорилъ онъ тѣмъ самодовольно-доктринерскимъ тономъ съ которымъ спорилъ нѣкогда съ Григоріемъ Васильевичемъ о вѣрѣ и дразнилъ его стоя за столомъ Федора Павловича,—въ обыкновенныхъ случаяхъ жизни мордасы нонѣ дѣйствительно запрещены по закону, и всѣ перестали бить-съ, ну а въ отличительныхъ случаяхъ жизни, такъ не то что у насъ, а и на всемъ свѣтѣ, будь хоша бы самая полная французская республика, все одно продолжаютъ бить какъ и при Адамѣ и Евѣ-съ, да и никогда того не перестанутъ-съ, а вы и въ отличительномъ случаѣ тогда не посмѣли-съ.

— Что это ты французскія вогабулы учишь? кивнулъ Иванъ на тетрадку лежавшую на столѣ.

— А почему же бы мнѣ ихъ не учить-сь, чтобы тѣмъ образованію моему способствовать, думая что и самому мнѣ когда въ тѣхъ счастливыхъ мѣстахъ Европы можетъ придется быть.

— Слушай, извергъ, засверкалъ глазами Иванъ и весь затрясся,—я не боюсь твоихъ обвиненій, показывай на меня что хочешь, и если не избилъ тебя сейчасъ до смерти, то единственно потому что подозрѣваю тебя въ этомъ преступленіи и притяну къ суду. Я еще тебя обнаружу!

— А по моему лучше молчите-сь. Ибо что можете вы на меня объявить въ моей совершенной невинности, и кто вамъ повѣритъ? А только если начнете, то и я все расскажу-сь, ибо какъ же бы мнѣ не защитить себя?

— Ты думаешь я тебя теперь боюсь?

— Пусть этимъ всѣмъ моимъ словамъ, что вамъ теперь говорилъ, въ судѣ не повѣрятъ-сь, зато въ публикѣ повѣрятъ-сь, и вамъ стыдно станетъ-сь.

— Это значитъ опять-таки что: «съ умнымъ человекомъ и поговорить любопытно»,—а? проскрежеталъ Иванъ.

— Въ самую точку изволили-сь. Умнымъ и будьте-сь.

Иванъ Федоровичъ всталъ, весь дрожа отъ негодованія, надѣлъ пальто, и не отвѣчая болѣе Смердякову, даже не глядя на него, быстро вышелъ изъ избы. Свѣжій вечерній воздухъ освѣжилъ его. На небѣ ярко свѣтила луна. Страшный кошмаръ мыслей и ощущеній кипѣлъ въ его душѣ. «Идти объявить сейчасъ на Смердякова? Но что же объявить: онъ всетаки невиненъ. Онъ, напротивъ, меня же обвинить. Въ самомъ дѣлѣ, для чего я тогда поѣхалъ въ Чермашню? Для чего, для чего? спрашивалъ Иванъ Федоровичъ. Да, конечно я чего-то ожидалъ, и онъ правъ...»

И ему опять въ сотый разъ припомнилось какъ онъ въ послѣднюю ночь у отца подслушивалъ къ нему съ лѣстницы, но съ такимъ уже страданіемъ теперь припомнилось что онъ даже остановился на мѣстѣ какъ пронзенный: «Да, я этого тогда ждалъ, это правда! Я хотѣлъ, я именно хотѣлъ убійства! Хотѣлъ ли я убійства, хотѣлъ-ли?... Надо убить Смердякова!... Если я не смѣю теперь убить Смердякова, то не стѣитъ и жить!...» Иванъ Ѳедоровичъ, не заходя домой, прошелъ тогда прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ и испугалъ ее своимъ появленіемъ: онъ былъ какъ безумный. Онъ передалъ ей весь свой разговоръ со Смердяковымъ, весь до черточки. Онъ не могъ успокоиться, сколько та ни уговаривала его, все ходилъ по комнатѣ и говорилъ отрывисто, странно. Наконецъ сѣлъ, облокотился на столъ, уперъ голову въ обѣ руки и вымолвилъ странный афоризмъ:

— Еслибъ убилъ не Дмитрій, а Смердяковъ, то, конечно, я тогда съ нимъ солидаренъ, ибо я подбивалъ его. Подбивалъ-ли я его—еще не знаю. Но если только онъ убилъ, а не Дмитрій, то конечно убійца и я.

Выслушавъ это, Катерина Ивановна молча встала съ мѣста, пошла къ своему письменному столу, отперла стоящую на немъ шкатулку, вынула какую-то бумажку и положила ее предъ Иваномъ. Эта бумажка была тотъ самый документъ о которомъ Иванъ Ѳедоровичъ потомъ объявилъ Алешѣ какъ о «математическомъ доказательствѣ», что убилъ отца братъ Дмитрій. Это было письмо написанное Митей въ пьяномъ видѣ къ Катеринѣ Ивановнѣ, въ тотъ самый вечеръ, когда онъ встрѣтился въ полѣ съ Алешей уходившимъ въ монастырь, послѣ сцены въ домѣ Катерины Ивановны, когда ее оскорбила Грушенька. Тогда, разставшись съ Алешей, Митя бросился было къ Грушенькѣ: неизвѣстно видѣлъ ли ее, но къ ночи очутился въ

трактирѣ «Столичный городъ», гдѣ какъ слѣдуетъ и напился. Пьяный онъ потребовалъ перо и бумагу и начерталъ важный на себя документъ. Это было изстуженное, многоорѣчивое и безсвязное письмо, именно «пьяное». Похоже было на то, когда пьяный человѣкъ, воротясь домой, начинаетъ съ необычнымъ жаромъ рассказывать женѣ или кому изъ домашнихъ, какъ его сейчасъ оскорбили, какой подлець его оскорбилъ, какой онъ самъ, напротивъ, прекрасный человѣкъ и какъ онъ тому подлецу задастъ—и все это длинно-длинно, безсвязно и возбужденно, со стукомъ кулаками по столу, съ пьяными слезами. Бумага для письма, которую ему подали въ трактирѣ, была грязневѣкій клочекъ обыкновенной письменной бумаги, плохого сорта и на обратной сторонѣ котораго былъ написанъ какой-то счетъ. Пьяному многоорѣчию очевидно не достало мѣста, и Митя уписалъ не только всѣ поля, но даже послѣднія строчки были написаны накрестъ уже по написанному. Письмо было слѣдующаго содержанія: «Роковая Катя! Завтра достану деньги и отдамъ тебѣ твои три тысячи, и прощай—великаго гнѣва женщина, но прощай и любовь моя! Кончимъ! Завтра буду доставать у всѣхъ людей, а не достану у людей, то даю тебѣ честное слово, пойду къ отцу и проломлю ему голову и возьму у него подъ подушкой, только бы уѣхалъ Иванъ. Въ каторгу пойду, а три тысячи отдамъ. А сама прощай. Кланяюсь до земли, ибо предъ тобой подлець. Прости меня. Нѣтъ, лучше не прощай: легче и мнѣ и тебѣ! Лучше въ каторгу, чѣмъ твоя любовь, ибо другую люблю, а ее слишкомъ сегодня узнала, какъ же ты можешь простить? Убью вора моего! Отъ всѣхъ васъ уйду на Востокъ, чтобъ никого не знать. Ее тоже, ибо не ты одна мучительница, а и она. Прощай!

Р. С. Проклятiе пишу, а тебя обожаю! Слышу въ гру-

ди моей. Осталась струна и звенить. Лучше сердце пополамъ! Убью себя, а сначала всетаки пса. Вырву у него три и брошу тебѣ. Хоть подлець предъ тобой, а не воръ! Жди трехъ тысячъ. У пса подъ тюфякомъ, розовая ленточка. Не я воръ, а вора моего убью. Катя, не гляди презрительно: Димитрій не воръ, а убійца! Отца убилъ и себя погубилъ чтобы стоять и гордости твоей не выносить. И тебя не любить.

«PP. S. Ноги твои цалую, прощай!

«PP. SS. Катя, моли Бога чтобы дали люди деньги. Тогда не буду въ крови, а не дадутъ—въ крови! Убей меня!

«Рабъ и врагъ

«Д. Карамазовъ.»

Когда Иванъ прочелъ «документъ,» то всталъ убѣжденный. Значить убилъ братъ, а не Смердяковъ. Не Смердяковъ, то стало-быть и не онъ, Иванъ. Письмо это вдругъ получило въ глазахъ его смыслъ математическій. Никакихъ сомнѣній въ виновности Мити быть для него не могло уже болѣе. Кстати, подозрѣнія о томъ что Митя могъ убить вмѣстѣ со Смердяковымъ у Ивана никогда не было, да это не вязалось и съ фактами. Иванъ былъ вполне успокоенъ. На другое утро онъ лишь съ презрѣніемъ вспоминалъ о Смердяковѣ и о насмѣшкахъ его. Черезъ нѣсколько дней даже удивлялся, какъ могъ онъ такъ мучительно обидѣться его подозрѣніями. Онъ рѣшился презрѣть его и забыть. Такъ прошелъ мѣсяць. О Смердяковѣ онъ не спрашивалъ больше ни у кого, но слышалъ мелькомъ, раза два, что тотъ очень боленъ и не въ своемъ разсудкѣ. «Кончить сумасшествіемъ», сказалъ разъ про него молодой врачъ Варвинскій, и Иванъ это запомнилъ. Въ послѣднюю недѣлю этого мѣсяца Иванъ самъ началъ чувствовать себя очень

худо. Съ пріѣхавшимъ предъ самымъ судомъ докторомъ изъ Москвы, котораго выписала Катерина Ивановна, онъ уже ходилъ совѣтоваться. И именно въ это же время отношенія его къ Катеринѣ Ивановнѣ обострились до крайней степени. Это были какіе-то два влюбленные другъ въ друга врага. Возвраты Катерины Ивановны къ Митѣ, мгновенные, но сильные, уже приводили Ивана въ совершенное изступленіе. Странно, что до самой послѣдней сцены описанной нами у Катерины Ивановны, когда пришелъ къ ней отъ Мити Алеша, онъ, Иванъ, не слыхалъ отъ нея ни разу во весь мѣсяцъ сомнѣній въ виновности Мити, не смотря на всѣ ея «возвраты» къ нему, которые онъ такъ ненавидѣлъ. Замѣчательно еще и то, что онъ, чувствуя что ненавидитъ Митю съ каждымъ днемъ все больше и больше, понималъ въ тоже время, что не за «возвраты» къ нему Кати ненавидѣлъ его, а именно *за то что онъ убилъ отца!* Онъ чувствовалъ и сознавалъ это самъ вполне. Тѣмъ не менѣе дней за десять предъ судомъ онъ ходилъ къ Митѣ и предложилъ ему планъ бѣгства—планъ очевидно еще задолго задуманный. Тутъ, кромѣ главной причины, побудившей его къ такому шагу, виновата была и нѣкоторая незаживавшая въ сердцѣ его царапина отъ одного словечка Смердякова, что будто бы ему, Ивану, выгодно чтобъ обвинили брата, ибо сумма по наслѣдству отъ отца возвысится тогда для него съ Алешей съ сорока на шестьдесятъ тысячъ. Онъ рѣшился пожертвовать тридцатью тысячами съ одной своей стороны, чтобъ устроить побѣгъ Мити. Возвращаясь тогда отъ него, онъ былъ страшно грустенъ и смущенъ: ему вдругъ начало чувствоваться что онъ хочетъ побѣга не для того только чтобы пожертвовать на это тридцать тысячъ и заживить царапину, а и почему-то другому. «Потому-ли что въ душѣ и я такой-же убійца?» спросилъ было онъ себя. Что-

то отдаленное, но жгучее язвило его душу. Главное же, во весь этот мѣсяцъ страшно страдала его гордость, но объ этомъ потомъ... Взвѣсившись за звонокъ своей квартиры послѣ разговора съ Алешей и порѣшивъ вдругъ идти къ Смердякову, Иванъ Ѳедоровичъ повиновался одному особливому, внезапно вскипѣвшему въ груди его негодованію. Онъ вдругъ вспомнилъ какъ Катерина Ивановна сейчасъ только воскликнула ему при Алешѣ: „Это ты, только ты одинъ увѣрилъ меня что онъ (то есть Митя) убійца!“ Вспомнивъ это, Иванъ даже остолбенѣлъ: никогда въ жизни не увѣрялъ онъ ее что убійца Митя, напротивъ, еще себя подозрѣвалъ тогда предъ нею, когда воротился отъ Смердякова. Напротивъ, это *она*, она ему выложила тогда „документъ“ и доказала виновность брата! И вдругъ она же теперь восклицаетъ: „Я сама была у Смердякова!“ Когда была? Иванъ ничего не зналъ объ этомъ. Значить она совсѣмъ не такъ увѣрена въ виновности Мити! И что могъ ей сказать Смердяковъ? Чтѣ, чтѣ именно онъ ей сказалъ? Страшный гнѣвъ загорѣлся въ его сердцѣ. Онъ не понималъ какъ могъ онъ полчаса назадъ пропустить ей эти слова и не закричать тогда-же. Онъ бросилъ звонокъ и пустился къ Смердякову. „Я убью его можетъ быть въ этотъ разъ“ подумалъ онъ дорогой.

VIІ.

Третье и послѣднее свиданіе со Смердяковымъ.

Еще на полпути поднялся острый, сухой вѣтеръ, такой же какъ былъ въ этотъ день рано утромъ, и посыпалъ мелкій, густой, сухой снѣгъ. Онъ падалъ на землю не прилипая къ ней, вѣтеръ крутилъ его, и вскорѣ поднялась

совершенная мятель. Въ той части города гдѣ жилъ Смердяковъ у насъ почти и нѣтъ фонарей. Иванъ Ѳедоровичъ шагаль во мракѣ не замѣчая метели, инстинктивно разбирая дорогу. У него болѣла голова и мучительно стучало въ вискахъ. Въ кистяхъ рукъ, онъ чувствовалъ это, были судороги. Нѣсколько не доходя до домишка Марьи Кондратьевны, Иванъ Ѳедоровичъ вдругъ повстрѣчалъ одинокаго пьянаго, маленькаго ростомъ мужиченка, въ заплатанномъ зипунишкѣ, шагавшаго зигзагами, ворчавшаго и бранившагося и вдругъ бросавшаго браниться и начинавшаго силнымъ пьянымъ голосомъ пѣсню:

„Ахъ поѣхаль Ванька въ Питерь,
„Я не буду его ждать!“

Но онъ все прерывалъ на этой второй строчкѣ и опять начиналъ кого-то бранить, затѣмъ опять вдругъ затягивалъ ту-же пѣсню. Иванъ Ѳедоровичъ давно уже чувствовалъ страшную къ нему ненависть, объ немъ еще совсѣмъ не думая, и вдругъ его осмыслилъ. Тотчасъ-же ему неотразимо захотѣлось пришибить сверху кулакомъ мужиченку. Какъ разъ въ это мгновеніе они поверстались рядомъ, и мужиченко, сильно качнувшись, вдругъ ударился изо всей силы объ Ивана. Тотъ бѣшено оттолкнулъ его. Мужиченко отлетѣлъ и шлепнулся какъ колода объ мерзлую землю, болѣзненно простонавъ только одинъ разъ: о-о! и замолкъ. Иванъ шагнулъ къ нему. Тотъ лежалъ навзничъ, совсѣмъ неподвижно, безъ чувствъ: „Замерзнуть!“ подумалъ Иванъ и шагаль опять къ Смердякову.

Еще въ снѣгахъ Марья Кондратьевна, выбѣжавшая отворить со свѣчкой въ рукахъ, зашептала ему что Павелъ Ѳедоровичъ (то есть Смердяковъ) очень больны-сь, не то что лежать-сь, а почти какъ не въ своемъ умѣ-сь и даже чай велѣли убрать, пить не захотѣли.

— Что-жь онъ буйнить что ли, грубо спросилъ Иванъ Федоровичъ.

— Какое, напротивъ, совсѣмъ тихіе-съ, только вы съ ними не очень долго разговаривайте.... попросила Марья Кондратьевна.

Иванъ Федоровичъ отворилъ дверь и шагнулъ въ избу.

Натоплено было также какъ и въ прежній разъ, но въ комнатѣ замѣтны были нѣкоторыя перемѣны: одна изъ боковыхъ лавокъ была вынесена и на мѣсто ея явился большой старый кожаный диванъ подъ красное дерево. На немъ была постлана постель съ довольно чистыми бѣлыми подушками. На постели сидѣлъ Смердяковъ все въ томъ же своемъ халатѣ. Столъ перенесенъ былъ предъ диванъ, такъ что въ комнатѣ стало очень тѣсно. На столѣ лежала какая-то толстая въ желтой оберткѣ книга, но Смердяковъ не читалъ ея, онъ кажется сидѣлъ и ничего не дѣлалъ. Длиннымъ, молчаливымъ взглядомъ встрѣтилъ онъ Ивана Федоровича и повидимому нисколько не удивился его прибытію. Онъ очень измѣнился въ лицѣ, очень похудѣлъ и пожелтѣлъ. Глаза впали, нижнія вѣки посинѣли.

— Да ты и впрямь боленъ? остановился Иванъ Федоровичъ.—Я тебя долго не задержу и пальто даже не сниму. Гдѣ у тебя сѣсть-то?

Онъ зашелъ съ другаго конца стола, придвинулъ къ столу стулъ и сѣлъ.

-- Что смотришь и молчишь? Я съ однимъ только вопросомъ, и клянусь не уйду отъ тебя безъ отвѣта: была у тебя барыня, Катерина Ивановна?

Смердяковъ длинно помолчалъ, по прежнему все тихо смотря на Ивана, но вдругъ махнулъ рукой и отвернулъ отъ него лицо.

— Чего ты? воскликнулъ Иванъ.

— Ничего.

— Что ничего?

— Ну была, ну и все вамъ равно. Отстаньте-съ.

— Нѣтъ не отстану! Говори, когда была?

— Да я и помнить объ ней забылъ, презрительно усмѣхнулся Смердяковъ, и вдругъ опять, оборотя лицо къ Ивану, уставился на него съ какимъ-то изступленно ненавистнымъ взглядомъ, тѣмъ самымъ взглядомъ какимъ глядѣлъ на него въ то свиданіе, мѣсяць назадъ.

— Сами кажись больны, ишь осунулись, лица на васъ нѣтъ, проговорилъ онъ Ивану.

— Оставь мое здоровье, говори объ чемъ спрашиваютъ.

— А чего у васъ глаза пожелтѣли, совсѣмъ бѣлки желтые. Мучаетесь что-ли очень?

Онъ презрительно усмѣхнулся и вдругъ совсѣмъ ужъ разсмѣялся.

— Слушай, я сказалъ, что не уйду отъ тебя безъ отвѣта! въ страшномъ раздраженіи крикнулъ Иванъ.

— Чего вы ко мнѣ пристааете-съ? Чего меня мучите? со страданіемъ проговорилъ Смердяковъ.

— Э, чортъ! Мнѣ до тебя нѣтъ и дѣла. Отвѣтъ на вопросъ, и я тотчасъ уйду.

— Нечего мнѣ вамъ отвѣчать! опять потунился Смердяковъ.

— Увѣряю тебя, что я заставлю тебя отвѣчать!

— Чего вы все беспокоитесь? вдругъ уставился на него Смердяковъ, но не то что съ презрѣніемъ, а почти съ какою-то уже гадливостью, — это что судъ-то завтра начнется? Такъ вѣдь ничего вамъ не будетъ, увѣрьтесь-же наконецъ! Ступайте домой, ложитесь спокойно спать, ничего не опасайтесь.

— Не понимаю я тебя... чего мнѣ бояться завтра? удивленно выговорилъ Иванъ, и вдругъ въ самомъ дѣлѣ какой-то испугъ холодомъ пахнулъ на его душу. Смердяковъ обмѣрилъ его глазами.

— Не по-ни-маете? протянулъ онъ укоризненно.— Охота же умному человѣку этакую комедь изъ себя представлять!

Иванъ молча глядѣлъ на него. Одинъ ужъ этотъ неожиданный тонъ, совсѣмъ какой-то небывало высокомерный, съ которымъ этотъ бывший его лакей обращался теперь къ нему, былъ необыченъ. Такого тона всетаки не было даже и въ прошлый разъ.

— Говорю вамъ, нечего вамъ бояться. Ничего на васъ не покажу, нѣтъ уликъ. Ишь руки трясутся. Съ чего у васъ пальцы-то ходятъ? Идите домой, *не вы убили*.

Иванъ вздрогнулъ, ему вспомнился Алеша.

— Я знаю что не я... пролепеталъ было онъ.

— Зна-е-те? опять подхватилъ Смердяковъ.

Иванъ вскочилъ и схватилъ его за плечо:

— Говори все, гадина! Говори все!

Смердяковъ нисколько не испугался. Онъ только съ безумною ненавистью приковался къ нему глазами:

— Ахъ вотъ вы-то и убили, коль такъ, яростно прошепталъ онъ ему.

Иванъ опустился на стулъ, какъ бы что разсудивъ. Онъ злобно усмѣхнулся.

— Это ты все про тогдашнее? Про то что и въ прошлый разъ?

— Да и въ прошлый разъ стояли предо мной и все понимали, понимаете и теперь.

— Понимаю только что ты сумасшедшій.

— Не надоѣсть-же человѣку! Съ глазу на глазъ си-

димъ, чего-бы кажется другъ-то друга морочить, комедь играть? Али все еще свалить на одного меня хотите, мнѣ же въ глаза? Вы убили, вы главный убивецъ и есть, а я только вашимъ приспѣшникомъ былъ, слугой Личардой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ.

— Совершилъ? Да развѣ ты убилъ? похолодѣлъ Иванъ.

Что-то какъ-бы сотряслось въ его мозгу и весь онъ задрожалъ мелкою холодною дрожью. Тутъ ужъ Смердяковъ самъ удивленно посмотрѣлъ на него: вѣроятно его наконецъ поразила своею искренностью испугъ Ивана.

— Да неужто-жь вы вправду ничего не знали? пролепеталъ онъ недовѣрчиво, криво усмѣхаясь ему въ глаза.

Иванъ все глядѣлъ на него, у него какъ-бы отнялся языкъ.

„Ахъ поѣхалъ Ванька въ Питеръ,
„Я не буду его ждать.“

прозвенѣло вдругъ въ его головѣ.

— Знаешь чтѣ: я боюсь что ты сонъ, что ты призракъ предо мной сидишь? пролепеталъ онъ.

— Никакого тутъ призрака нѣтъ-съ, кромѣ насъ обоихъ-съ, да еще нѣкотораго третьяго. Безъ сумлѣнія тутъ онъ теперь, третій этотъ, находится, между нами двумя.

— Кто онъ? Кто находится? Кто третій? испуганно проговорилъ Иванъ Федоровичъ, озираясь кругомъ и поспѣшно ища глазами кого-то по всѣмъ угламъ.

— Третій этотъ Богъ-съ, самое это Провидѣніе-съ, тутъ оно теперь подлѣ насъ-съ, только вы не ищите его, не найдете.

— Ты солгалъ что ты убилъ! бѣшено завопилъ Иванъ.— Ты или сумасшедшій, или дразнишь меня какъ и въ прошлый разъ!

Смердяковъ, какъ и давеча, совсѣмъ не пугаясь, все

пытливо слѣдилъ за нимъ. Все еще онъ никакъ не могъ побѣдить своей недовѣрчивости, все еще казалось ему, что Иванъ «все знаетъ», а только такъ представляется чтобъ «ему же въ глаза на него одного свалить».

— Подождите-съ, проговорилъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ, и вдругъ, вытащивъ изъ подъ стола свою лѣвую ногу, началъ завертывать на ней на верхъ панталоны. Нога оказалась въ длинномъ бѣломъ чулкѣ и обута въ туфлю. Не торопясь Смердяковъ снялъ подвязку и запустилъ въ чулокъ глубоко свои пальцы. Иванъ Ѳедоровичъ глядѣлъ на него и вдругъ затрясся въ конвульсивномъ испугѣ.

— Сумасшедшій! завопилъ онъ и быстро вскочивъ съ мѣста, откатнулся назадъ, такъ что стукнулся спиной объ стѣну и какъ будто прилипъ къ стѣнѣ, весь вытянувшись въ нитку. Онъ въ безумномъ ужасѣ смотрѣлъ на Смердякова. Тотъ не мало не смутившись его испугомъ все еще копался въ чулкѣ, какъ будто все силясь пальцами что-то въ немъ ухватить и вытащить. Наконецъ ухватилъ и сталъ тащить. Иванъ Ѳедоровичъ видѣлъ что это были какія-то бумаги или какая-то пачка бумагъ. Смердяковъ вытащилъ ее и положилъ на стулъ.

— Вотъ-съ! сказалъ онъ тихо.

— Чтò? отвѣтилъ трясясь Иванъ.

— Извольте взглянуть-съ, также тихо произнесъ Смердяковъ.

Иванъ шагнулъ къ столу, взялся было за пачку и сталъ ее развертывать, но вдругъ отдернулъ пальцы какъ будто отъ прикосновенія какого-то отвратительнаго, страшнаго гада.

— Пальцы-то у васъ все дрожать-съ, въ судорогѣ, замѣтилъ Смердяковъ и самъ не спѣша развернулъ бумагу. Подъ оберткой оказались три пачки сторублевыхъ радужныхъ кредитокъ.

— Всѣ здѣсь-съ, всѣ три тысячи, хоть не считайте. Примите-съ, пригласилъ онъ Ивана, кивая на деньги. Иванъ опустился на стулъ. Онъ былъ блѣденъ какъ платокъ.

— Ты меня испугалъ... съ этимъ чулкомъ... проговорилъ онъ какъ-то странно ухмыляясь.

— Неужто-же, неужто вы до сихъ поръ не знали? спросилъ еще разъ Смердяковъ.

— Нѣтъ, не зналъ. Я все на Дмитрія думалъ. Братъ! Братъ! Ахъ! Онъ вдругъ схватилъ себя за голову обѣими руками.—Слушай: ты одинъ убилъ? Безъ брата или съ братомъ?

— Всего только вмѣстѣ съ вами-съ; съ вами вмѣстѣ убилъ-съ, а Дмитрій Ѳедоровичъ какъ есть безвинны-съ.

— Хорошо, хорошо... Обо мнѣ потомъ. Чего это я все дрожу... Слова не могу выговорить.

— Все тогда смѣлы были-съ, «все дескать позволено», говорили-съ, а теперь вотъ такъ испугалкъ! пролепеталъ дивясь Смердяковъ.—Лимонаду не хотите-ли, сейчасъ прикажу-съ. Очень освѣжить можетъ. Только вотъ это-бы прежде накрыть-съ.

И онъ опять кивнулъ на пачки. Онъ двинулся было встать кликнуть въ дверь Марью Кондратьевну чтобы та сдѣлала и принесла лимонаду, но отыскивая чѣмъ-бы накрыть деньги, чтобы та не увидѣла ихъ, вынулъ было сперва платокъ, но такъ какъ тотъ опять оказался со-всѣмъ засморканнымъ, то взялъ со стола ту единственную лежавшую на немъ толстую желтую книгу, которую замѣтилъ войдя Иванъ, и придавилъ ею деньги. Названіе книги было: *Святаго отца нашего Исаака Сирина слова*. Иванъ Ѳедоровичъ успѣлъ машинально прочесть заглавіе.

— Не хочу лимонаду, сказалъ онъ.—Обо мнѣ потомъ. Садись и говори: какъ ты это сдѣлалъ? Все говори...

— Вы бы пальто хоть сняли-сь, а то весь взопрѣете.

Иванъ Федоровичъ, будто теперь только догадавшись, сорвалъ пальто и бросилъ его не сходя со стула на лавку.

— Говори-же, пожалуста говори!

Онъ какъ бы утихъ. Онъ увѣренно ждалъ что Смердяковъ *все* теперь скажетъ.

— Объ томъ какъ это было сдѣлано-сь? вздохнулъ Смердяковъ.—Самымъ естественнымъ манеромъ сдѣлано было-сь, съ вашихъ тѣхъ самыхъ словъ...

— Объ моихъ словахъ потомъ, прервалъ опять Иванъ, но уже не крича какъ прежде, твердо выговаривая слова и какъ-бы совсѣмъ овладѣвъ собою.— Расскажи только въ подробности, какъ ты это сдѣлалъ. Все по порядку. Ничего не забудь. Подробности, главное подробности. Прошу.

— Вы уѣхали, я упалъ тогда въ погребъ-сь...

— Въ падучей или притворился?

— Понятно что притворился-сь. Во всемъ притворился. Съ лѣстницы спокойно сошелъ-сь, въ самый низъ-сь, и спокойно легъ-сь, а какъ легъ, тутъ и завопилъ. И бился пока вынесли.

— Стой! И все время, и потомъ, и въ больницѣ все притворялся?

— Никакъ нѣтъ-сь. На другой-же день, на утро, до больницы еще, ударила настоящая и столь сильная, что уже много лѣтъ таковой не бывало. Два дня былъ въ совершенномъ безпамятствѣ.

— Хорошо, хорошо. Продолжай дальше.

— Положили меня на эту койку-сь, я такъ и зналъ что за перегородку-сь, потому Марѳа Игнатьевна во всѣ разы какъ я боленъ всегда меня на ночь за эту самую перегородку у себя въ помещеніи клали-сь. Нѣжныя онѣ всегда

ко мнѣ были съ самаго моего рожденія-сь. Ночью стоналъ-сь, только тихо. Все ожидалъ Дмитрія Ѳедоровича.

— Какъ ждалъ, къ себѣ?

— Зачѣмъ ко мнѣ. Въ домъ ихъ ждалъ, потому сумлѣнія для меня уже не было никакого въ томъ, что они въ эту самую ночь придутъ, ибо имъ, меня лишившись и никакихъ свѣдѣній не имѣвши, безпремѣнно приходилось самимъ въ домъ влѣзть черезъ заборъ-сь, какъ они умѣли-сь, и что ни есть совершить.

— А еслибы не пришелъ?

— Тогда ничего-бы и не было-сь. Безъ нихъ не рѣшился-бы.

— Хорошо, хорошо... говори понятнѣе, не торопись, главное—ничего не пропускай!

— Я ждалъ, что они Ѳедора Павловича убьютъ-сь... это навѣрно-сь. Потому я ихъ уже такъ приготовилъ... въ послѣдніе дни-сь... а главное—тѣ знаки имъ стали извѣстны. При ихней мнительности и ярости, что въ нихъ за эти дни накопилась, безпремѣнно черезъ знаки въ самый домъ должны были проникнуть-сь. Это безпремѣнно. Я такъ ихъ и ожидалъ-сь.

— Стой, прервалъ Иванъ,—вѣдь еслибъ онъ убилъ, то взялъ-бы деньги и унесъ; вѣдь ты именно такъ долженъ былъ разсуждать? Что-жь тебѣ-то досталось-бы послѣ него? Я не вижу.

— Такъ вѣдь деньги-то бы они никогда и не нашли-сь. Это вѣдь ихъ только я научилъ что деньги подъ тюфякомъ. Только это была не правда-сь. Прежде въ шкатулкѣ лежали, вотъ какъ было-сь. А потомъ я Ѳедора Павловича, такъ какъ они мнѣ единственно во всемъ человѣчествѣ одному довѣряли, научилъ пакетъ этотъ самый съ деньгами въ уголъ за образа перенести, потому что тамъ совсѣмъ никто не

догадается, особенно коли спѣша придетъ. Такъ онъ тамъ, пакетъ этотъ, у нихъ въ углу за образами и лежалъ-съ. А подъ тюфякомъ такъ и смѣшно-бы ихъ было держать вовсе, въ шкатункѣ по фрайней мѣрѣ подъ ключомъ. А здѣсь всѣ теперь повѣрили что будто-бы подъ тюфякомъ лежали. Глупое разсужденіе-съ. Такъ вотъ еслибы Дмитрій Ѳедоровичъ совершили это самое убивство, то ничего не найдя или-бы убѣжали-съ послѣшно, всякаго шороху боясь, какъ и всегда бываетъ съ убивцами, или-бы арестованы были-съ. Такъ я тогда всегда могъ-съ, на другой день, али даже въ ту же самую ночь-съ за образа слазить и деньги эти самыя унести-съ, все-бы на Дмитрія Ѳедоровича и свалилось. Это я всегда могъ надѣяться.

— Ну, а еслибъ онъ не убилъ, а только избилъ?

— Еслибы не убилъ, то я бы денегъ, конечно, взять не посмѣлъ и осталось бы втунѣ. Но былъ и такой расчетъ, что избобьютъ до безчувствія, а я въ то время и послѣю взять, а тамъ потомъ Ѳедору-то Павловичу отлепартую, что это никто какъ Дмитрій Ѳедоровичъ, ихъ избимши, деньги похитили.

— Стой... я путаюсь. Стало быть все же Дмитрій убилъ, а ты только деньги взялъ?

— Нѣтъ, это не они убили-съ. Чтò жъ, я бы могъ вамъ и теперь сказать, что убивцы они... да не хочу я теперь предъ вами лгать, потому... потому что если вы дѣйствительно, какъ самъ вижу, не понимали ничего доселѣва и не притворялись предо мной, чтобъ явную вину свою на меня же въ глаза свалить, то все же вы виновны во всемъ-съ, ибо про убивство вы знали-съ и мнѣ убить поручили-съ, а сами все знавши уѣхали. Потому и хочу вамъ въ сей вечеръ это въ глаза доказать, что главный убивецъ во всемъ здѣсь единый вы-съ, а я только самый не глав-

ный, хоть это и я убилъ. А вы самый законный убивецъ и есть!

— Почему, почему я убійца? О Боже! не выдержалъ наконецъ Иванъ, забывъ что все о себѣ отложилъ подъ конецъ разговора.— Это все та же Чермашня-то? Стой, говори, зачѣмъ тебѣ было надо мое согласіе, если ужъ ты принялъ Чермашню за согласіе? Какъ ты теперь - то растолкуешь?

— Увѣренный въ вашемъ согласіи я ужъ зналъ бы, что вы за потерянные эти три тысячи, возвратясь, вопля не подымете, если бы почему нибудь меня вмѣсто Дмитрія Ѳедоровича начальство заподозрило, али съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ въ товарищахъ; напротивъ, отъ другихъ защитили бы... А наслѣдство получивъ, такъ и потомъ когда могли меня наградить, во всю слѣдующую жизнь, потому что все же вы черезъ меня наслѣдство это получить изволили, а то женившись на Аграфенѣ Александровнѣ вышелъ бы вамъ одинъ только шишъ.

— А! Такъ ты намѣревался меня и потомъ мучить, всю жизнь! проскрежеталъ Иванъ.— А что, еслибъ я тогда не уѣхалъ, а на тебя заявилъ?

— А что же бы вы могли тогда заявить? Что я васъ въ Чермашню-то подговаривалъ? Такъ вѣдь это глупости-съ. Къ тому же вы послѣ разговора нашего поѣхали бы али остались. Еслибъ остались, то тогда бы ничего и не произошло, я бы такъ и зналъ-съ, что вы дѣла этого не хотите, и ничего бы не предпринималъ. А если ужъ поѣхали, то ужъ меня значитъ завѣрили въ томъ, что на меня въ судъ заявить не посмѣете и три эти тысячи мнѣ простите. Да и не могли вы меня потомъ преслѣдовать вовсе, потому что я тогда все и рассказалъ бы на судѣ-съ, то есть не то что я укралъ аль убилъ,—этого бы я не сказалъ-съ,—а

то, что вы меня сами подбивали къ тому, чтобъ украсть и убить, а я только не согласился. Потому-то мнѣ и надо было тогда ваше согласіе, чтобы вы меня ничѣмъ не могли припереть-съ, потому что гдѣ же у васъ къ тому доказательство, я же васъ всегда могъ припереть-съ, обнаруживъ какую вы жажду имѣли къ смерти родителя, и вотъ вамъ слово—въ публикѣ всѣ бы тому повѣрили и вамъ было бы стыдно на всю вашу жизнь.

— Такъ имѣлъ, такъ имѣлъ я эту жажду, имѣлъ? проскрежеталъ опять Иванъ.

— Несомнѣнно имѣли-съ и согласіемъ своимъ мнѣ это дѣло молча тогда разрѣшили-съ, твердо поглядѣлъ Смердяковъ на Ивана. Онъ былъ очень слабъ и говорилъ тихо и устало, но что-то внутреннее и затаенное поджигало его, у него очевидно было какое-то намѣреніе. Иванъ это предчувствовалъ.

— Продолжай дальше, сказалъ онъ ему, — продолжай про ту ночь.

— Дальше что же-съ! Вотъ я лежу и слышу какъ будто вскрикнулъ баринъ. А Григорій Васильичъ предъ тѣмъ вдругъ поднялись и вышли, и вдругъ завопили, а потомъ все тихо, мракъ. Лежу это я, жду, сердце бьется, вытерпѣть не могу. Всталъ наконецъ и пошелъ-съ, — вижу налѣво окно въ садъ у нихъ отперто, я и еще шагнулъ налѣво-то-съ, чтобы прислушаться живы ли они тамъ сидятъ или нѣтъ, и слышу, что баринъ мечется и охаетъ, стало быть живъ-съ. Эхъ, думаю! Подошелъ къ окну, крикнулъ барину: «Это я дескать». А онъ мнѣ: «Быль, быль, убѣжалъ!» То есть Дмитрій Ѳедоровичъ значитъ были-съ.— «Григорія убилъ!»—«Гдѣ?» шепчу ему.—«Тамъ, въ углу», указываетъ, самъ тоже шепчетъ.—«Подождите», говорю. Пошелъ я въ уголъ искать и у стѣны на Григорія Ва-

сильевича лежащаго и наткнулся, весь въ крови лежитъ, въ безчувствіи. Стало быть вѣрно что былъ Дмитрій Ѳеодоровичъ, вскочило мнѣ тотчасъ въ голову и тотчасъ тутъ же порѣшилъ все это покончить внезапно-съ, такъ какъ Григорій Васильевичъ если и живы еще, то лежатъ въ безчувствіи пока ничего не увидятъ. Одинъ только рискъ и былъ-съ, что вдругъ проснется Марѳа Игнатьевна. Почувствовалъ я это въ ту минуту, только ужъ жажда эта меня всего захватила, ажно духъ занялся. Пришелъ опять подъ окно къ барину и говорю: «Она здѣсь, пришла, Аграфена Александровна пришла, просится». Такъ вѣдь и вздрогнулъ весь какъ младенецъ:—«Гдѣ здѣсь? Гдѣ?» такъ и охаетъ, а самъ еще не вѣритъ.—«Тамъ, говорю, стоитъ, отоприте!» Глядитъ на меня въ окно-то, и вѣритъ и не вѣритъ, а отпереть боится, это ужъ меня-то боится, думаю. И смѣшно же: вдругъ я эти самые знаки вздумалъ имъ тогда по рамѣ простучать, что Грушенька дескать пришла, при нихъ же въ глазахъ: словамъ-то какъ бы не вѣрилъ, а какъ знаки я простучалъ такъ тотчасъ же и побѣжали дверь отворить. Отворили. Я вошелъ было, а онъ стоитъ, тѣломъ-то меня и не пускаетъ всего:—«Гдѣ она, Гдѣ она?»— смотритъ на меня и трепещетъ. Ну, думаю: ужъ коль меня такъ боится—плохо! и тутъ у меня даже ноги ослабѣли отъ страху у самого, что не пустить онъ меня въ комнаты-то, или крикнетъ, али Марѳа Игнатьевна прибѣжитъ, али что ни есть выйдетъ, я ужъ не помню, тогда, самъ должно быть блѣденъ предъ нимъ стоялъ. Шепчу ему:—«Да тамъ, тамъ она подъ окномъ, какъ же вы говорю, не видѣли?»—«А ты ее приведи, а ты ее приведи!»—«Да боится, говорю, крику испугалась, въ кустъ спряталась, подите крикните, говорю, сами изъ кабинета». Побѣжалъ онъ, подошелъ къ окну, свѣчку на окно поставилъ:—«Грушенька,

кричить, Грушенька, здѣсь ты?» Самъ-то это кричить, а въ окно-то нагнуться не хочетъ, отъ меня отойти не хочетъ, отъ самага этого страху, потому забоялся меня ужь очень, а потому отойти отъ меня не смѣеть. «Да вонъ она, говорю (подошелъ я къ окну, самъ весь высунулся), вонъ она въ кустѣ-то, смѣется вамъ, видите?» Повѣрилъ вдругъ онъ, такъ и затрясся, больно ужь они влюблены въ нее были-съ, да весь и высунулся въ окно. Я тутъ схватилъ это самое преспапье чугунное, на столѣ у нихъ, помните-съ, фунта три вѣдь въ немъ будетъ, размахнулъ, да сзади его въ самое темя угломъ. Не крикнулъ даже. Только внизъ вдругъ осѣлъ, а я въ другой разъ и въ третій. На третьемъ-то почувствовалъ что проломилъ. Они вдругъ навзничь и повалились, лицомъ къ верху, всѣ-то въ крови. Осмотрѣлъ я: нѣтъ на мнѣ крови, не брызнуло, преспапье обтеръ, положилъ, за образа сходилъ, изъ пакета деньги вынулъ, а пакетъ бросилъ на полъ, и ленточку эту самую розовую подлѣ. Сошелъ въ садъ весь трясуся. Прямо къ той яблонкѣ, что съ дупломъ,—вы дупло-то это знаете, а я его ужь давно наглядѣлъ, въ немъ ужь лежала тряпочка и бумага, давно заготовилъ; обернулъ всю сумму въ бумагу, а потомъ въ тряпку и заткнулъ глубоко. Такъ она тамъ слишкомъ двѣ недѣли оставалась, сумма-то эта самая-съ, потомъ ужь послѣ больницы вынулъ. Воротился къ себѣ на кровать, легъ, да и думаю въ страхъ: «вотъ коли убить Григорій Васи~~ль~~евичъ совсѣмъ, такъ тѣмъ самымъ очень худо можетъ произойти, а коли не убить и очнется, то очень хорошо это произойдетъ, потому они будутъ тогда свидѣтелемъ, что Дмитрій Ѳедоровичъ приходили, а стало быть они и убили и деньги унесли-съ». Началъ я тогда отъ сумлѣнія и нетерпѣнія стонать, чтобы Марѳеу Игнатьевну разбудить поскорѣй. Встала она наконецъ, бросилась

было ко мнѣ, да какъ увидала вдругъ, что нѣтъ Григорія Васильевича—выбѣжала и слышу завопила въ саду. Ну тутъ-съ все это и пошло на всю ночь, я ужь во всемъ успокоенъ былъ.

Разскащикъ остановился. Иванъ все время слушалъ его въ мертвенномъ молчаніи, не шевелясь, не спуская съ него глазъ. Смердяковъ же, рассказывая, лишь изрѣдка на него поглядывалъ, но больше косился въ сторону. Кончивъ разсказъ, онъ видимо самъ взволновался и тяжело переводилъ духъ. На лицѣ его показался потъ. Нельзя было однако угадать чувствуетъ ли онъ раскаяніе или чтò.

— Стой, подхватилъ соображая Иванъ. — А дверь-то? Если отворилъ онъ дверь только тебѣ, то какъ же могъ видѣть ее прежде тебя Григорій отворенною? Потому вѣдь Григорій видѣлъ прежде тебя?

Замѣчательно, что Иванъ спрашивалъ самымъ мирнымъ голосомъ, даже совсѣмъ какъ будто другимъ тономъ, совсѣмъ не злобнымъ, такъ что еслибы кто-нибудь отворилъ къ нимъ теперь дверь и съ порога взглянулъ на нихъ, то непременно заключилъ бы что они сидятъ и миролюбиво разговариваютъ о какомъ-нибудь обыкновенномъ, хотя и интересномъ предметѣ.

— На счетъ этой двери и что Григорій Васильевичъ будто бы видѣлъ что она отперта, то это ему только такъ почудилось, искривленно усмѣхнулся Смердяковъ. — Вѣдь это, я вамъ скажу, не человѣкъ-съ, а все равно чтò упрямый меринъ: и не видалъ, а почудилось ему что видѣлъ—вотъ его ужь и не совете-съ. Это ужь намъ съ вами счастье такое выпало что онъ это придумалъ, потому что Дмитрія Федоровича несомнѣнно послѣ того въ конецъ уличать.

— Слушай, проговорилъ Иванъ Федоровичъ словно опять начиная теряться и что-то усиливаясь сообразить,—слу-

най... Я много хотѣлъ спросить тебя еще, но забылъ.... Я все забываю и путаюсь.... Да! Скажи ты мнѣ хоть это одно: зачѣмъ ты пакетъ распечаталъ и тутъ же на полу оставилъ? Зачѣмъ не просто въ пакетѣ унесъ.... Ты когда рассказывалъ, то мнѣ показалось что будто ты такъ говорилъ про этотъ пакетъ что такъ и надо было поступить.... а почему такъ надо не могу понять....

— А это я такъ сдѣлалъ по нѣкоторой причинѣ-съ. Ибо будь человѣкъ знающій и привычный, вотъ какъ я на примѣръ, который эти деньги самъ видѣлъ раньше и можетъ ихъ самъ же въ тотъ пакетъ ввертывалъ и собственными глазами смотрѣлъ какъ его запечатывали и надписывали, то такой человѣкъ-съ съ какой же бы стати, если примѣрно это онъ убилъ, сталъ бы тогда, послѣ убивства, этотъ пакетъ распечатывать, да еще въ такихъ попыхахъ, зная и безъ того совсѣмъ ужъ навѣрно, что деньги эти въ томъ пакетѣ безпремѣнно лежать-съ? Напротивъ, будь это похититель какъ бы я на примѣръ, то онъ бы просто сунулъ этотъ пакетъ въ карманъ, нисколько не распечатывая, и съ нимъ поскорѣе утекъ-съ. Совсѣмъ другое тутъ Дмитрій Федоровичъ: они объ пакетѣ только по наслышкѣ знали, его самого не видѣли, и вотъ какъ достали его примѣрно будто изъ подъ тюфяка, то поскорѣе распечатали его тутъ же чтобы справиться: есть ли въ немъ въ самомъ дѣлѣ эти самыя деньги? А пакетъ тутъ же бросили, уже не успѣвъ разсудить что онъ уликой имъ послѣ нихъ останется, потому что они воръ непривычный-съ, и прежде никогда ничего явно не крали, ибородовые дворяне-съ, а если теперь украсть и рѣшились, то именно какъ бы не украсть, а свое собственное только взять обратно пришли, такъ какъ всему городу объ этомъ предварительно повѣстили и даже похвалялись раньше вслухъ предъ всѣми что пойдуть и

собственность свою отъ Ѳедора Павловича отберутъ. Я эту самую мысль прокурору въ опросѣ моемъ не то что ясно сказалъ, а напротивъ какъ будто намекомъ подвелъ-съ, точно какъ бы самъ не понимаючи, и точно какъ бы это они сами выдумали, а не я имъ подсказалъ-съ,—такъ у господина прокурора отъ этого самаго намека моего даже слюнки потекли-съ...

— Такъ неужели, неужели ты все это тогда же такъ на мѣстѣ и обдумалъ? воскликнулъ Иванъ Ѳедоровичъ внѣ себя отъ удивленія. Онъ опять глядѣлъ на Смердякова въ испугѣ.

-- Помилосердуйте, да можно ли это все выдумать въ такихъ попыхахъ-съ? Заранѣе все обдуманно было.

— Ну... ну, тебѣ значить самъ чортъ помогалъ! воскликнулъ опять Иванъ Ѳедоровичъ.—Нѣтъ, ты не глупъ, ты гораздо умнѣй чѣмъ я думалъ...

Онъ всталъ съ очевиднымъ намѣреніемъ пройтись по комнатѣ. Онъ былъ въ страшной тоскѣ. Но такъ какъ столъ загораживалъ дорогу и мимо стола и стѣны почти приходилось пролѣзать, то онъ только повернулся на мѣстѣ и сѣлъ опять. То что онъ не успѣлъ пройтись можетъ быть вдругъ и раздражило его, такъ что онъ почти въ прежнеемъ изступленіи вдругъ завопилъ:

— Слушай, несчастный, презрѣнный ты человѣкъ! Неужели ты не понимаешь что если я еще не убилъ тебя до сихъ поръ, то потому только что берегу тебя на завтрашній отвѣтъ на судѣ. Богъ видитъ (поднялъ Иванъ руку къверху)—можетъ быть и я былъ виновенъ, можетъ быть дѣйствительно я имѣлъ тайное желаніе чтобъ.... умеръ отецъ, но клянусь тебѣ, я не столь былъ виновенъ какъ ты думаешь и, можетъ быть, не подбивалъ тебя вовсе. Нѣтъ, нѣтъ, не подбивалъ! Но все равно, я покажу на себя самъ,

завтра же, на судѣ, я рѣшилъ! Я все скажу, все. Но мы явимся вмѣстѣ съ тобою! И что бы ты ни говорилъ на меня на судѣ, что бы ты ни свидѣтельствовалъ—принимаю и не боюсь тебя; самъ все подтвержу! Но и ты долженъ предъ судомъ сознаться! Долженъ, долженъ, вмѣстѣ пойдемъ! Такъ и будетъ!

Иванъ проговорилъ это торжественно и энергично, и видно было уже по одному сверкающему взгляду его что такъ и будетъ.

— Больны вы, я вижу-съ, совсѣмъ больны-съ. Желтые у васъ совсѣмъ глаза-съ, произнесъ Смердяковъ, но совсѣмъ безъ насмѣшки, даже какъ-будто соболѣзнуя.

— Вмѣстѣ пойдемъ! повторилъ Иванъ,—а не пойдешь, все равно я одинъ сознаюсь.

Смердяковъ помолчалъ какъ бы вдумываясь.

— Ничего этого не будетъ-съ, и вы не пойдете-съ, рѣшилъ онъ наконецъ безапелляціонно.

— Не понимаешь ты меня! угоризненно воскликнулъ Иванъ.

— Слишкомъ стыдно вамъ будетъ-съ если на себя во всемъ признаетесь. А пуще того бесполезно будетъ, совсѣмъ-съ, потому я прямо вѣдь скажу, что ничего такого я вамъ не говорилъ-съ никогда, а что вы или въ болѣзни какой (а на то и похоже-съ), али ужь брата такъ своего пожалѣли что собой пожертвовали, а на меня выдумали, такъ какъ все равно меня какъ за мошгу считали всю вашу жизнь, а не за человѣка. Ну и кто жь вамъ повѣритъ, ну и какое у васъ есть хоть одно доказательство?

— Слушай, эти деньги ты показалъ мнѣ теперь конечно чтобы меня убѣдить.

Смердяковъ снялъ съ пачекъ Исаака Сирина и отложилъ въ сторону.

— Эти деньги съ собою возьмите-съ и унесите, вздохнулъ Смердяковъ.

— Конечно унесу! Но почему же ты мнѣ отдаешь если изъ за нихъ убилъ? съ большимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него Иванъ.

— Не надо мнѣ ихъ вовсе-съ, дрожащимъ голосомъ проговорилъ Смердяковъ, махнувъ рукой. — Была такая прежняя мысль-съ что съ такими деньгами жизнь начну, въ Москвѣ, али пуще того за границей, такая мечта была-съ, а пуще все потому что «все позволено». Это вы вправду меня учили-съ, ибо много вы мнѣ тогда этого говорили: ибо коли Бога безконечнаго нѣтъ, то и нѣтъ никакой добродѣтели, да и не надобно ея тогда вовсе. Это вы вправду. Такъ я и разсудилъ.

— Своимъ умомъ дошелъ? криво усмѣхнулся Иванъ.

— Вашимъ руководствомъ-съ.

— А теперъ стало быть въ Бога увѣровалъ, коли деньги назадъ отдаешь?

— Нѣтъ-съ не увѣровалъ-съ, прошепталъ Смердяковъ.

— Такъ зачѣмъ отдаешь?

— Полноте... нечего-съ! махнулъ опять Смердяковъ рукой. — Вы вотъ сами тогда все говорили что все позволено, а теперъ-то почему такъ встревожены, сами-то-съ? Показывать на себя даже хотите идти... Только ничего того не будетъ! Не пойдете показывать! твердо и убѣжденно рѣшилъ опять Смердяковъ.

— Увидишь! проговорилъ Иванъ.

— Не можетъ того быть. Умны вы очень-съ. Деньги любите, это я знаю-съ, почетъ тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а пуще всего въ покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться,—это пуще всего-съ. Не захотите вы жизнь на

вѣки испортить такой стыдъ на судѣ принявъ. Вы какъ Ѳедоръ Павловичъ, наиболѣе-съ, изо всѣхъ дѣтей наиболѣе на него похожи вышли, съ одною съ ними душой-съ.

— Ты не глупъ, проговорилъ Иванъ какъ бы пораженный; кровь ударила ему въ лицо:—я прежде думалъ что ты глупъ. Ты теперь серіозенъ! замѣтилъ онъ какъ-то вдругъ по новому глядя на Смердякова.

— Отъ гордости вашей думали что я глупъ. Примите деньги-то-съ.

Иванъ взялъ всѣ три пачки кредитокъ и сунулъ въ карманъ не обертывая ихъ ничѣмъ.

— Завтра ихъ на судѣ покажу, сказалъ онъ.

— Никто вамъ тамъ не повѣритъ-съ, благо дснегъ-то у васъ и своихъ теперь довольно, взяли изъ штатунки да и принесли-съ.

Иванъ всталъ съ мѣста:

— Повторяю тебѣ, если не убилъ тебя, то единственно потому что ты мнѣ на завтра нуженъ, помни это, не забывай!

— А что жь, убейте-съ. Убейте теперь, вдругъ странно проговорилъ Смердяковъ, странно смотря на Ивана. Не посмѣете и этого-съ, прибавилъ онъ горько усмѣхнувшись, — ничего не посмѣете, прежній смѣлый человекъ-съ!

— До завтра! крикнулъ Иванъ и двинулся идти.

— Пойдите... покажите мнѣ ихъ еще разъ.

Иванъ вынулъ кредитки и показалъ ему. Смердяковъ поглядѣлъ на нихъ секундъ десять.

— Ну, ступайте, проговорилъ онъ, махнувъ рукой.— Иванъ Ѳедоровичъ! крикнулъ онъ вдругъ ему вслѣдъ опять.

— Чего тебѣ? обернулся Иванъ уже на ходу.

— Прощайте-съ!

— До завтра! крикнулъ опять Иванъ, и вышелъ изъ

избы. Метель все еще продолжалась. Первые шаги прошелъ онъ бодро, но вдругъ какъ бы сталъ шататься. «Это что-то физическое», подумалъ онъ усмѣхнувшись. Какая-то словно радость сошла теперь въ его душу. Онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то безконечную твердость: конецъ колебаніямъ его столь ужасно его мучившимъ все послѣднее время! Рѣшеніе было взято «и уже не измѣнится», со счастьемъ подумалъ онъ. Въ это мгновеніе онъ вдругъ на что-то споткнулся и чуть не упалъ. Остановясь, онъ различилъ въ ногахъ своихъ поверженнаго имъ мужиченку все также лежавшаго на томъ же самомъ мѣстѣ, безъ чувствъ и безъ движенія. Метель уже засыпала ему почти все лицо. Иванъ вдругъ схватилъ его и потащилъ на себѣ. Увидавъ направо въ домишгѣ свѣтъ, подошелъ, постучался въ ставни, и откликнувшася мѣщанина, которому принадлежалъ домишко, попросилъ помочь ему дотащить мужика въ частный домъ, обѣщая тутъ же дать за то три рубля. Мѣщанинъ собрался и вышелъ. Не стану въ подробности описывать какъ удалось тогда Ивану Федоровичу достигнуть цѣли и пристроить мужика въ части съ тѣмъ чтобы сейчасъ же учинить и осмотръ его докторомъ, причемъ онъ опять выдалъ и тутъ щедрою рукой «на расходы». Скажу только что дѣло взяло почти цѣлый часъ времени. Но Иванъ Федоровичъ остался очень доволенъ. Мысли его раскидывались и работали: «если бы не было взято такъ твердо рѣшеніе мое на завтра», подумалъ онъ вдругъ съ наслажденіемъ, — «то не остановился бы я на цѣлый часъ пристраивать мужиченку, а прошелъ бы мимо его и только плюнулъ бы на то что онъ замерзнетъ... Однако какъ я въ силахъ наблюдать за собой?» подумалъ онъ въ ту же минуту еще съ бѣльшимъ наслажденіемъ: «а они-то рѣшили тамъ что я съ ума схожу!» Дойдя до своего дома, онъ вдругъ остановился подъ внезап-

нымъ вопросомъ: «а не надо ль сейчасъ, теперь же пойти къ прокурору и все объявить?» Вопросъ оный рѣшилъ, поворотивъ опять къ дому: «завтра все вмѣстѣ!» прошепталъ оный про себя, и странно, почти вся радость, все довольство его собою прошли въ одинъ мигъ. Когда же оный вступилъ въ свою комнату что-то ледяное прикоснулось вдругъ къ его сердцу, какъ будто воспоминаніе, вѣрнѣе, напоминаніе о чемъ-то мучительномъ и отвратительномъ, находящемся именно въ этой комнатѣ теперь, сейчасъ, да и прежде бывшемъ. Оный устало опустился на свой диванъ. Старуха принесла ему самоваръ, оный заварилъ чай, но не прикоснулся къ нему: старуху отослалъ до завтра. Оный сидѣлъ на диванѣ и чувствовалъ головокруженіе. Оный чувствовалъ, что боленъ и безсиленъ. Сталъ, было, засыпать, но въ безпокойствѣ всталъ и прошелся по комнатѣ, чтобы прогнать сонъ. Минутами мерещилось ему, что какъ будто оный бредитъ. Но не болѣзнь занимала его всего болѣе; усѣвшись опять оный началъ изрѣдка оглядываться кругомъ, какъ будто что-то высматривая. Такъ было нѣсколько разъ. Наконецъ взглядъ его пристально направился въ одну точку. Иванъ усмѣхнулся, но краска гнѣва залила его лицо. Оный долго сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, крѣпко подперевъ обѣими руками голову и всетаки кося глазами на прежнюю точку, на стоявшій у противоположной стѣны диванъ. Его видимо что-то тамъ раздражало, какой-то предметъ, безпокоило, мучило.

IX.

Чортъ. Кошмаръ Ивана Федоровича.

Я не докторъ, а между тѣмъ чувствую, что пришла минута когда мнѣ рѣшительно необходимо объяснить хоть что-

нибудь въ свойствѣ болѣзни Ивана Ѳедоровича читателю. Забѣгая впередъ, скажу лишь одно: онъ былъ теперь, въ этотъ вечеръ, именно какъ разъ наканунѣ бѣлой горячки, которая наконецъ уже вполнѣ овладѣла его издавна разстроеннымъ, но упорно сопротивлявшимся болѣзни организмомъ. Не зная ничего въ медицинѣ, рискну высказать предположеніе, что дѣйствительно можетъ быть ужаснымъ напряженіемъ воли своей онъ успѣлъ на время отдалить болѣзнь, мечтая разумѣется совсѣмъ преодолѣть ее. Онъ зналъ что нездоровъ, но ему съ отвращеніемъ не хотѣлось быть больнымъ въ это время, въ эти наступающія роковыя минуты его жизни, когда надо было быть на лицо, высказать свое слово смѣло и рѣшительно и самому «оправдать себя предъ собою». Онъ впрочемъ сходилъ однажды къ новому прибывшему изъ Москвы доктору выписанному Катериной Ивановной вслѣдствіе одной ея фантазіи, о которой я уже упоминалъ выше. Докторъ, выслушавъ и осмотрѣвъ его, заключилъ что у него въ родѣ даже какъ бы разстройства въ мозгу, и нисколько не удивился нѣкоторому признанію, которое тотъ съ отвращеніемъ однако сдѣлалъ ему. «Галлюцинаціи въ вашемъ состояніи очень возможны, рѣшилъ докторъ, хотя надо бы ихъ и провѣрить... вообще же необходимо начать лѣченіе серіозно, не теряя ни минуты, не то будетъ плохо.» Но Иванъ Ѳедоровичъ, выйдя отъ него, благоразумнаго совѣта не исполнилъ и лечь лѣчиться пренебрегъ: «Хожу вѣдь, силы есть пока, свалюсь, — дѣло другое, тогда пусть лѣчитъ кто хочетъ», рѣшилъ онъ махнувъ рукой. Итакъ, онъ сидѣлъ теперь почти сознавая самъ что въ бреду и, какъ уже и сказалъ я, упорно приглядывался къ какому-то предмету у противоположной стѣны на диванѣ. Тамъ вдругъ оказался сидящимъ нѣкто Богъ знаетъ какъ вошедшій, потому что его еще не было въ

комнатѣ, когда Иванъ Ѳедоровичъ, возвратясь отъ Смердякова, вступилъ въ нее. Это былъ какой-то господинъ или лучше сказать извѣстнаго сорта русскій джентльменъ, лѣтъ уже не молодыхъ, «qui frisait la cinquantaine, какъ говорятъ Французы, съ не очень сильною просѣдью въ темныхъ, довольно длинныхъ и густыхъ еще волосахъ и въ стриженной бородкѣ клиномъ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то коричневый пиджакъ, очевидно отъ лучшаго портнаго, но уже поношенный, сшитый примѣрно еще третьяго года и совершенно уже вышедшій изъ моды, такъ что изъ свѣтскихъ достаточныхъ людей такихъ уже два года никто не носилъ. Бѣлье, длинный галстухъ въ видѣ шарфа, все было такъ какъ и у всѣхъ шиковатыхъ джентльменовъ, но бѣлье, если взглянуть ближе, было грязновато, а широкій шарфъ очень потертъ. Клѣтчатыя панталоны гостя сидѣли превосходно, но были опять-таки слишкомъ свѣтлы и какъ-то слишкомъ узки, какъ теперь уже перестали носить, равно какъ и мягкая бѣлая пуховая шляпа, которую уже слишкомъ не по сезону притащилъ съ собою гость. Словомъ, былъ видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ. Похоже было на то что джентльменъ принадлежитъ къ разряду бывшихъ бѣлоручекъ-помѣщиковъ процвѣтавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ; очевидно выдавшій свѣтъ и порядочное общество, имѣвшій когда-то связи и сохранившій ихъ пожалуй и до сихъ поръ, но мало по малу съ обѣдненіемъ послѣ веселой жизни въ молодости и недавней отѣны крѣпостнаго права обратившійся въ родѣ какъ бы въ приживальщика хорошаго тона, скитающагося по добрымъ старымъ знакомымъ которые принимаютъ его за уживчивый складный характеръ, да еще и въ виду того что все же порядочный человѣкъ, котораго даже и при комъ угодно можно посадить у себя за столъ, хотя конечно на

скромное мѣсто. Такіе приживальщики, складнаго характера джентльмены, умѣющіе поразсказать, составить партію въ карты и рѣшительно не любящіе никакихъ порученій, если ихъ имъ навязываютъ,—обыкновенно одиноки, или холостяки или вдовцы, можетъ быть и имѣющіе дѣтей, но дѣти ихъ воспитываются всегда гдѣ-то далеко, у какихъ-нибудь тетокъ, о которыхъ джентльменъ никогда почти не упоминаетъ въ порядочномъ обществѣ, какъ бы нѣсколько стыдяся такого родства. Отъ дѣтей же отвыкаетъ мало по малу совсѣмъ, изрѣдка получая отъ нихъ къ своимъ именинамъ и къ Рождеству поздравительныя письма и иногда даже отвѣчая на нихъ. Физиономія неожиданнаго гостя была не то чтобы добродушная, а опять-таки складная и готовая, судя по обстоятельствамъ, на всякое любезное выраженіе. Часовъ на немъ не было, но былъ черепаховый лорнетъ на черной лентѣ. На среднемъ пальцѣ правой руки красовался массивный золотой перстень съ недорогимъ опаломъ. Иванъ Федоровичъ злобно молчалъ и не хотѣлъ заговаривать. Гость ждалъ и именно сидѣлъ какъ приживальщикъ только что сошедшій съ верху изъ отведенной ему комнаты внизъ къ чаю, составить хозяину компанію, но смиренно молчавшій въ виду того, что хозяинъ занятъ и объ чемъ-то нахмуренно думаетъ; готовый однако ко всякому любезному разговору, только лишь хозяинъ начнетъ его. Вдругъ лицо его выразило какъ бы нѣкоторую внезапную озабоченность.

— Послушай, началъ онъ Ивану Федоровичу, — ты извини, я только чтобы напомнить: ты вѣдь къ Смердякову пошелъ съ тѣмъ чтобы узнать про Катерину Ивановну, а ушелъ ничего объ ней не узнавъ, вѣрно забылъ...

— Ахъ да! вырвалось вдругъ у Ивана, и лицо его омрачилось заботой, — да, я забылъ... Впрочемъ теперь все равно, все до завтра, пробормоталъ онъ про себя. — А ты,

раздражительно обратился онъ къ гостю,—это я самъ сейчасъ долженъ былъ вспомнить, потому что именно объ этомъ томило тоской! Что ты выскочилъ такъ я тебѣ и повѣрю что это ты подсказалъ, а не я самъ вспомнилъ?

— А не вѣрь, ласково усмѣхнулся джентльменъ.—Что за вѣра насиліемъ? Притомъ-же въ вѣрѣ никакія доказательства не помогаютъ, особенно матеріальныя. Ома повѣрилъ не потому что увидѣлъ воскресшаго Христа, а потому что еще прежде желалъ повѣрить. Вотъ напримѣръ спириты... я ихъ очень люблю... вообрази, они полагаютъ что полезны для вѣры, потому что имъ черти съ того свѣта рожки показываютъ. «Это дескать доказательство уже такъ сказать матеріальное, что есть тотъ свѣтъ.» Тотъ свѣтъ и матеріальныя доказательства, ай люли! И наконецъ, если доказанъ чортъ, то еще неизвѣстно доказанъ-ли Богъ? Я хочу въ идеалистическое общество записаться, оппозицію у нихъ буду дѣлать: «дескать реалистъ, а не матеріалистъ, хе хе!»

— Слушай, всталъ вдругъ изъ за стола Иванъ Федоровичъ.—Я теперь точно въ бреду... и ужь, конечно, въ бреду... ври что хочешь, мнѣ все равно! Ты меня не приведешь въ изступленіе какъ въ прошлый разъ. Мнѣ только чего-то стыдно... Я хочу ходить по комнатѣ... Я тебя иногда не вижу и голоса твоего даже не слышу, какъ въ прошлый разъ, но всегда угадываю то что ты мелешь, потому что *это я, я самъ говорю, а не ты!* Не знаю только спалъ-ли я въ прошлый разъ или видѣлъ тебя на яву? Вотъ я обмочу полотенце холодною водою и приложу къ головѣ и, авось, ты испаришься.

Иванъ Федоровичъ прошелъ въ уголокъ, взялъ полотенце, исполнилъ какъ сказалъ и съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Мнѣ нравится что мы съ тобой прямо стали на *ты*, началъ было гость.

— Дуракъ, засмѣялся Иванъ,—что жъ я *вы* что-ли стану тебѣ говорить. Я теперь веселъ, только въ вискъ болить... и темя... только пожалуста не философствуй какъ въ прошлый разъ. Если не можешь убратъся, то ври что нибудь веселое. Сплетничай, вѣдь ты приживальщикъ, такъ сплетничай. Навяжется же такой кошмаръ! Но я не боюсь тебя. Я тебя преодолѣю. Не свезутъ въ сумасшедшій домъ!

— *C'est charmant* приживальщикъ. Да я именно въ своемъ видѣ. Кто-жъ я на землѣ какъ не приживальщикъ? Кстати, я вѣдь слушаю тебя и немножко дивлюсь: ей Богу ты меня какъ будто уже начинаешь помаленьку принимать за нѣчто и въ самомъ дѣлѣ, а не за твою только фантазію, какъ стоялъ на томъ въ прошлый разъ...

— Ни одной минуты не принимаю тебя за реальную правду, какъ-то яростно даже вскричалъ Иванъ.—Ты ложь, ты болѣзнь моя, ты призракъ. Я только не знаю чѣмъ тебя истребить и вижу, что нѣкоторое время надобно протрадать. Ты моя галлюцинація. Ты воплощеніе меня самого, только одной, впрочемъ моей стороны... моихъ мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ. Съ этой стороны ты могъ-бы быть даже мнѣ любопытенъ, еслибы только мнѣ было время съ тобой возиться...

— Позволь, позволь, я тебя уличу: давеча у фонаря, когда ты вскинулся на Алешу и закричалъ ему: «ты отъ него узналъ! Почему ты узналъ, что *онъ* ко мнѣ ходитъ?» Это вѣдь ты про меня вспоминалъ. Стало быть одно маленькое мгновеньице вѣдь вѣрилъ же, вѣрилъ что я дѣйствительно есмь, мягко засмѣялся джентльменъ.

— Да, это была слабость природы... но я не могъ тебѣ

вѣрить. Я не знаю спалъ-ли я или ходилъ прошлый разъ. Я можетъ быть тогда тебя только во снѣ видѣлъ, а вовсе не на яву....

— А зачѣмъ ты давеча съ нимъ такъ сурово, съ Алешей-то? Онъ милый; я предъ нимъ за старца Зосиму виноватъ.

— Молчи про Алешу! Какъ ты смѣешь, лакей! опять засмѣялся Иванъ.

— Бранишься, а самъ смѣешься,—хорошій знакъ. Ты впрочемъ сегодня гораздо со мной любезнѣе чѣмъ въ прошлый разъ, и я понимаю отчего: это великое рѣшеніе...

— Молчи про рѣшеніе! свирѣпо вскричалъ Иванъ.

— Понимаю, понимаю, *c'est noble, c'est charmant*, ты идешь защищать завтра брата и приносишь себя въ жертву... *c'est chevaleresque*.

— Молчи, я тебѣ пинковъ надаю!

— Отчасти буду радъ, ибо тогда моя цѣль достигнута: коли пинки, значитъ вѣришь въ мой реализмъ, потому что призраку не даютъ пинковъ. Шутки въ сторону: мнѣ, вѣдь все равно, бранись коли хочешь, но все же лучше быть хоть каплю повѣжливѣе, хотя-бы даже со мной. А то дуракъ да лакей, ну что за слова!

— Браня тебя себя браню! опять засмѣялся Иванъ, ты—я, самъ я, только съ другою рожей. Ты именно говоришь то, что я уже мыслю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ новаго!

— Если я схожусь съ тобою въ мысляхъ, то это дѣлаетъ мнѣ только честь, съ деликатностью и достоинствомъ проговорилъ джентльменъ.

— Только все скверныя мои мысли берешь, а главное—глупыя. Ты глупъ и пошлъ. Ты ужасно глупъ. Нѣтъ, я тебя не вынесу! Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! проскрежеталъ Иванъ.

— Другъ мой, я всетаки хочу быть джентльменомъ и чтобы меня такъ и принимали,—въ припадкѣ нѣкоторой чисто приживальщицкой и уже впередъ уступчивой и добродушной амбиціи началъ гость.—Я бѣденъ, но... не скажу, что очень честенъ, но... обыкновенно въ обществѣ принято за аксіому, что я падшій ангелъ. Ей Богу, не могу представить какимъ образомъ я могъ быть когда нибудь ангеломъ. Если и былъ когда, то такъ давно, что не грѣшно и забыть. Теперь я дорожу лишь репутаціей порядочнаго человѣка и живу какъ придется, стараясь быть пріятнымъ. Я людей люблю искренно,—о, меня во многомъ оклеветали! Здѣсь, когда временами я къ вамъ переселяюсь, моя жизнь протекаетъ въ родѣ чего-то какъ-бы и въ самомъ дѣлѣ, и это мнѣ болѣе всего нравится. Вѣдь я и самъ, какъ и ты же, страдаю отъ фантастическаго, а потому и люблю вашу земной реализмъ. Тутъ у васъ все очерчено, тутъ формула, тутъ геометрія, а у насъ все какія то неопредѣленныя уравненія! Я здѣсь хожу и мечтаю. Я люблю мечтать. Къ тому же на землѣ я становлюсь суевѣренъ,—не смѣйся пожалуйста: мнѣ именно это-то и нравится, что я становлюсь суевѣренъ. Я здѣсь всѣ ваши привычки принимаю: я въ баню торговую полюбилъ ходить, можешь ты это представить, и люблю съ купцами и попами париться. Моя мечта это—воплотиться, но чтобы ужъ окончательно, безвозвратно, въ какую нибудь толстую семипудовую купчиху и всему повѣрить, во что она вѣрить. Мой идеаль—войти въ церковь и поставить свѣчку отъ чистаго сердца, ей Богу такъ. Тогда предѣлъ моимъ страданіямъ. Вотъ тоже лѣчиться у васъ полюбилъ: весной оспа пошла, я пошелъ и въ воспитательномъ домѣ себѣ оспу привилъ,—еслибъ ты зналъ какъ я былъ въ тотъ день доволенъ: на братьевъ Славянъ десять рублей пожертвовалъ!... Да ты не слушаешь. Знаешь,

ты что-то очень сегодня не по себѣ, помолчалъ немного джентльменъ. — Я знаю, ты ходилъ вчера къ тому доктору... ну, какъ твое здоровье? Что тебѣ докторъ сказалъ?

— Дуракъ! отрѣзалъ Иванъ.

— Зато ты-то какъ уменъ. Ты опять бранишься? Я вѣдь не то чтобъ изъ участія, а такъ. Пожалуй, не отвѣчай. Теперь вотъ ревматизмы опять пошли...

— Дуракъ, повторилъ опять Иванъ.

— Ты все свое, а я вотъ такой ревматизмъ прошлаго года схватилъ, что до сихъ поръ вспоминаю.

— У чорта ревматизмъ?

— Почему же и нѣтъ, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, такъ и принимаю послѣдствія. Сатана sum et nihil humanum a me alienum puto.

— Какъ, какъ? Сатана sum et nihil humanum... это не глупо для чорта!

— Радъ что наконецъ угодилъ.

— А вѣдь это ты взялъ не у меня, остановился вдругъ Иванъ какъ-бы пораженный, — это мнѣ никогда въ голову не приходило, это странно...

— C'est du nouveau n'est ce pas? На этотъ разъ я поступлю честно и объясню тебѣ. Слушай: въ снахъ, и особенно въ кошмарахъ, ну, тамъ отъ расстройства желудка или чего нибудь, иногда видить человѣкъ такіе художественные сны, такую сложную и реальную дѣйствительность, такія событія или даже цѣлый міръ событій, связанный такою интригой, съ такими неожиданными подробностями, начиная съ высшихъ вашихъ проявленій до послѣдней пуговицы на манишкѣ, что, вглянусь тебѣ, Левъ Толстой не сочинить, а между тѣмъ видятъ такіе сны иной разъ вовсе не сочинители, совсѣмъ самые заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы... На счетъ этого даже цѣлая задача:

одинъ министръ такъ даже мнѣ самъ признавался, что всѣ лучшія идеи его приходятъ къ нему когда онъ спитъ. Ну вотъ такъ и теперь. Я хоть и твоя галлюцинація, но, какъ и въ кошмарѣ, я говорю вещи оригинальныя, какія тебѣ до сихъ поръ въ голову не приходили, такъ что уже вовсе не повторяю твоихъ мыслей, а между тѣмъ я только твой кошмаръ и больше ничего.

— Лжешь. Твоя цѣль именно увѣрить, что ты самъ по себѣ, а не мой кошмаръ, и вотъ ты теперь подтверждаешь самъ что ты сонъ.

— Другъ мой, сегодня я взялъ особую методу, я потому тебѣ растолкую. Пстой, гдѣ же я остановился? Да, вотъ я тогда простудился, только не у васъ, а еще тамъ...

— Гдѣ тамъ? Скажи, долго-ли ты у меня пробудешь, не можешь уйти? почти въ отчаяніи воскликнулъ Иванъ. Онъ оставилъ ходить, сѣлъ на диванъ, опять облокотился на столъ и стиснулъ обѣими руками голову. Онъ сорвалъ съ себя мокрое полотенце и съ досадою отбросилъ его: очевидно не помогало.

— У тебя разстроены нервы, замѣтилъ джентльменъ съ развязно-небрежнымъ, но совершенно дружелюбнымъ однако видомъ,—ты сердисься на меня даже за то что я могъ простудиться, а между тѣмъ произошло оно самымъ естественнымъ образомъ. Я тогда послѣшалъ на одинъ дипломатическій вечеръ къ одной высшей петербургской дамѣ, которая мѣтила въ министры. Ну, фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки, и однако я былъ еще Богъ знаетъ гдѣ, и чтобы попасть къ вамъ на землю предстояло еще перелетѣть пространство... конечно это одинъ только мигъ, но вѣдь и лучъ свѣта отъ солнца идетъ цѣлыхъ восемь минутъ, а тутъ, представь, во фракѣ и въ открытомъ жилетѣ. Духи не замерзаютъ, но ужъ когда воплотился, то... словомъ, свѣтрен-

ничаль, и пустился, а вѣдь въ пространствахъ-то этихъ, въ эфирѣ-то, въ водѣ-то этой, яже бѣ надъ твердію, — вѣдь это такой морозъ... то есть какое морозъ, — это ужь и морозомъ назвать нельзя, можешь представить: сто пятьдесятъ градусовъ ниже нуля! Извѣстна забава деревенскихъ дѣвокъ: на тридцати-градусномъ морозѣ предлагаютъ новичку лизнуть топоръ; языкъ мгновенно примерзаетъ и олухъ въ кровь сдираетъ съ него кожу; такъ вѣдь это только на тридцати градусахъ, а на ста-то пятидесяти, да тутъ только палець, я думаю, приложить къ топору, и его какъ не бывало еслибы... только тамъ могъ случиться топоръ...

— А тамъ можетъ случиться топоръ? разсѣянно и гадливо перебилъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ. Онъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ, чтобы не повѣрить своему бреду и не впасть въ безуміе окончательно.

— Топоръ? переспросилъ гость въ удивленіи.

— Ну да, чтò станется тамъ съ топоромъ? съ какимъ-то свирѣпымъ и настойчивымъ упорствомъ вдругъ вскричалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Чтò станется въ пространствѣ съ топоромъ? *Quelle idée!* Если куда попадетъ подальше, то примется, я думаю, летать вокругъ земли, самъ не зная зачѣмъ, въ видѣ спутника. Астрономы вычисляютъ восхождение и захожденіе топора, Гатцукъ внесетъ въ календарь, вотъ и все.

— Ты глупъ, ты ужасно глупъ! строптиво сказалъ Иванъ, — ври умнѣе, а то я не буду слушать. Ты хочешь побороть меня реализмомъ, увѣрить меня, что ты есь, но я не хочу вѣрить что ты есь! Не повѣрю!!

— Да я и не вру, все правда; къ сожалѣнію правда почти всегда бываетъ неостроумна. Ты, я вижу, рѣшительно ждешь отъ меня чего-то великаго, а можетъ быть и

прекраснаго. Это очень жаль, потому что я даю лишь то что могу...

— Не философствуй, осель!

— Какая тутъ философія, когда вся правая сторона отнялась, кряхчу и мычу. Былъ у всей медицины: распознать умѣютъ отлично, всю болѣзнь расскажутъ тебѣ какъ по пальцамъ, ну а вылѣчить не умѣютъ. Студентикъ тутъ одинъ случился восторженный: если вы, говорить, и умрете, то за то будете вполнѣ знать отъ какой болѣзни умерли! Опять-таки эта ихъ манера отсылать къ спеціалистамъ: мы дескать только распознаемъ, а вотъ поѣзжайте къ такому-то спеціалисту, онъ уже вылѣчитъ. Совсѣмъ, совсѣмъ, я тебѣ скажу, исчезъ прежній докторъ, который ото всѣхъ болѣзней лѣчилъ, теперь только одни спеціалисты и все въ газетахъ публикуются. Заболи у тебя носъ, тебя шлютъ въ Парижъ: тамъ дескать европейскій спеціалистъ носы лѣчитъ. Приѣдешь въ Парижъ, онъ осмотритъ носъ: я вамъ, скажетъ, только правую ноздрю могу вылѣчить, потому что лѣвыхъ ноздрей не лѣчу, это не моя спеціальность, а поѣзжайте послѣ меня въ Вѣну, тамъ вамъ особый спеціалистъ лѣвую ноздрю долѣчитъ. Что будешь дѣлать? Прибѣгнулъ къ народнымъ средствамъ, одинъ нѣмецъ-докторъ посоветовалъ въ банѣ на полкѣ медомъ съ солью вытереться. Я единственно чтобы только въ баню лишній разъ сходить пошелъ: выпачкался весь, и никакой пользы. Съ отчаянія графу Маттеи въ Миланъ написалъ; прислалъ книгу и капли, Богъ съ нимъ. И вообрази: мальць-экстрактъ Гоффа помогъ! Купилъ нечаянно, выпилъ полторы стклянки, и хотъ танцовать, все какъ рукой сняло. Непремѣнно положилъ ему «спасибо» въ газетахъ напечатать, чувство благодарности заговорило, и вотъ вообрази, тутъ уже другая исторія пошла: ни въ одной-то редакціи не принимаютъ! «Ретроградно

очень будетъ, говорятъ, никто не повѣритъ, le diable n'existe point. Вы, совѣтуютъ, напечатайте анонимно». Ну какое же «спасибо» если анонимно. Смѣюсь съ конторщиками: «это въ Бога, говорю, въ нашъ вѣкъ ретроградно вѣрить, а вѣдь я чортъ, въ меня можно». — «Понимаемъ, говорятъ, кто же въ чорта не вѣритъ, а всетаки нельзя, направленію повредить можетъ. Развѣ въ видѣ шутки?» Ну въ шутку-то, подумаль, будетъ неостроумно. Такъ и не напечатали. И вѣришь ли, у меня даже на сердцѣ это осталось. Самыя лучшія чувства мои, какъ напимѣръ, благодарность, мнѣ формально запрещены единственно социальнымъ моимъ положеніемъ.

— Опять въ философію вѣхалъ! ненавистно проскрежеталъ Иванъ.

— Боже меня убереги, но вѣдь нельзя же иногда не пожаловаться. Я человекъ облеветанный. Вотъ ты поминутно мнѣ что я глухъ. Такъ и видно молодаго человека. Другъ мой, не въ одномъ умѣ дѣло! У меня отъ природы сердце доброе и веселое, «я вѣдь тоже разные водевильчики». Ты кажется рѣшительно принимаешь меня за посѣдѣлаго Хлестакова, и однако судьба моя гораздо серіознѣе. Какимъ-то тамъ довременнымъ назначеніемъ, котораго я никогда разобрать не могъ, я опредѣленъ «отрицать», между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію совсѣмъ неспособенъ. «Нѣтъ, ступай отрицать, безъ отрицанія де не будетъ критики, а какой же журналъ если нѣтъ «отдѣленія критики»? Безъ критики будетъ одна «осанна». Но для жизни мало одной «осанны», надо чтобъ «осанна»-то эта переходила черезъ горнило сомнѣній, ну и такъ далѣе, въ этомъ родѣ. Я, впрочемъ, во все это не ввязываюсь, не я сотворялъ, не я и въ отвѣтъ. Ну и выбрали козла отпущенія, заставили писать въ отдѣленіи критики, и получилась жизнь. Мы эту

комедию понимаемъ: я напимѣрь прямо и просто требую себѣ уничтоженія. Нѣтъ, живи, говорятъ, потому что безъ тебя ничего не будетъ. Еслибы на землѣ было все благо-разумно, то ничего бы и не произошло. Безъ тебя не бу-детъ никакихъ происшествій, а надо чтобы были происше-ствія. Вотъ и служу, скрѣпя сердце, чтобы были проис-шествія, и творю неразумное по приказу. Люди принимаютъ всю эту комедию за нѣчто серьезное, даже при всемъ своемъ безспорномъ умѣ. Въ этомъ ихъ и трагедія. Ну и страдаютъ, конечно, но... все же зато живутъ, живутъ реально, не фан-тастически; ибо страданіе-то и есть жизнь. Безъ страданія какое было бы въ ней удовольствіе: все обратилось бы въ одинъ безконечный молебень: оно свято, но скучновато. Ну а я? Я страдаю, а все же не живу. Я иксъ въ неопредѣ-ленномъ уравненіи. Я какой-то призракъ жизни, который потерялъ всѣ концы и начала, и даже самъ позабылъ на-конецъ какъ и назвать себя. Ты смѣешься... нѣтъ, ты не смѣешься, ты опять сердишься. Ты вѣчно сердишься, тебѣ бы все только ума, а я опять-таки повторяю тебѣ что я отдалъ бы всю эту надзвѣздную жизнь, всѣ чины и по-чести за то только, чтобы воплотиться въ душу семипудовой купчихи и Богу свѣчки ставить.

— Ужь и ты въ Бога не вѣришь? ненавистно усмѣх-нулся Иванъ.

— Тоестъ какъ тебѣ это сказать, если ты только серьезно...

— Есть Богъ или нѣтъ? опять со свирѣпою настойчи-востью крикнулъ Иванъ.

— А, такъ ты серьезно? Голубчикъ мой, ей Богу не знаю, вотъ великое слово сказалъ

— Не знаешь, а Бога видишь? Нѣтъ, ты не самъ по себѣ, ты я, ты есть я и болѣе ничего! Ты дрянь, ты моя фантазія!

— То есть, если хочешь, я одной съ тобой философіи, вотъ это будетъ справедливо. Je pense donc je suis, это я знаю навѣрно, остальное же все что кругомъ меня, всѣ эти міры, Богъ и даже самъ сатана, — все это для меня не доказано, существуетъ ли оно само по себѣ, или есть только одна моя эманация, послѣдовательное развитіе моего я, существующаго до времени и единолично... словомъ, я быстро прерываю, потому что ты, кажется, сейчасъ драться вскочишь.

— Лучше бы ты какой анекдотъ! болѣзненно проговорилъ Иванъ.

— Анекдотъ есть и именно на нашу тему, то есть это не анекдотъ, а такъ, легенда. Ты вотъ укоряешь меня въ невѣріи: «видишь де, а не вѣришь». Нэ, другъ мой, вѣдь не я же одинъ таковъ, у насъ тамъ всѣ теперь помутились и все отъ вашихъ наукъ. Еще пока были атомы, пять чувствъ, четыре стихіи, ну тогда все кое-какъ клеилось. Атомы-то и въ древнемъ мірѣ были. А вотъ какъ узнали у насъ что вы тамъ открыли у себя «химическую молекулу», да «протоплазму», да чертъ знаетъ что еще, — такъ у насъ и поджали хвосты. Просто сумбуръ начался; главное — суевѣріе, сплетни; сплетень вѣдь и у насъ столько же сколько у васъ, даже капельку больше, а наконецъ и доносы, у насъ вѣдь тоже есть такое одно отдѣленіе гдѣ принимаютъ извѣстныя «свѣдѣнія». Такъ вотъ эта дикая легенда, еще среднихъ нашихъ вѣковъ, — не вашихъ, а нашихъ, — и никто-то ей не вѣритъ даже и у насъ, кромѣ семипудовыхъ купчихъ, то есть опять-таки не вашихъ, а нашихъ купчихъ. Все что у васъ есть — есть и у насъ, это я ужъ тебѣ по дружбѣ одну тайну нашу открываю, хоть и запрещено. Легенда-то эта объ раѣ. Былъ дескать здѣсь у васъ на землѣ одинъ такой мыслитель и философъ, «все

отвергалъ, законы, совѣсть, вѣру», а главное—будущую жизнь. Померъ, думалъ, что прямо во мракъ и смерть, анъ передъ нимъ — будущая жизнь. Изумился и вознегодовалъ: «Это, говоритъ, противорѣчитъ моимъ убѣжденіямъ». Вотъ его за это и присудили... тоестъ видишь, ты меня извини, я вѣдь передаю самъ чтò слышалъ, это только легенда... присудили, видишь, его чтобы прошелъ во мракъ квадриліонъ километровъ (у насъ вѣдь теперь на километры), и когда кончить этотъ квадриліонъ, то тогда ему отворять райскія двери и все простятъ...

— А какія муки у васъ на томъ свѣтѣ кромѣ-то квадриліона? съ какимъ-то страннымъ оживленіемъ прервалъ Иванъ.

— Какія муки? Ахъ и не спрашивай: прежде было и такъ и сякъ, а нынѣ все больше нравственныя пошлы, «угрызенія совѣсти» и весь этотъ вздоръ. Это тоже отъ васъ завелось, отъ «смягченія вашихъ нравовъ». Ну и кто же выигралъ, выиграли одни безсовѣстные, потому чтò жъ ему за угрызенія совѣсти, когда и совѣсти-то нѣтъ вовсе. Зато пострадали люди порядочные, у которыхъ еще оставалась совѣсть и честь... То-то вотъ реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанныя съ чужихъ учреждений,— одинъ только вредъ! Древній огонекъ-то лучше бы. Ну, такъ вотъ этотъ осужденный на квадриліонъ постоялъ, посмотрѣлъ и легъ поперекъ дороги: «не хочу идти, изъ принципа не пойду!» Возьми душу русскаго просвѣщеннаго атеиста и смѣшай съ душой пророка Іоны, будировавшаго во чревѣ китовѣ три дня и три ночи, — вотъ тебѣ характеръ этого улегшагося на дорогѣ мыслителя.

— На чемъ же онъ тамъ улегся?

— Ну, тамъ вѣрно было на чемъ. Ты не смѣешься?

— Молодецъ! крикнулъ Иванъ, все въ томъ же стран-

номъ оживленіи. Теперь онъ слушалъ съ какимъ-то неожиданнымъ любопытствомъ.—Ну что жь, и теперь лежитъ?

— То-то и есть что нѣтъ. Онъ пролежалъ почти тысячу лѣтъ, а потомъ всталъ и пошелъ.

— Вотъ осель-то! воскликнулъ Иванъ нервно захохотавъ, все какъ бы что-то усиленно соображая.—Не все ли равно лежать ли вѣчно или идти квадриліонъ верстъ? Вѣдь это биліонъ лѣтъ ходу?

— Даже гораздо больше, вотъ только нѣтъ карандашика и бумажки, а то бы рассчитать можно. Да вѣдь онъ давно уже дошелъ, и тутъ-то и начинается анекдотъ.

— Какъ дошелъ! Да гдѣ жь онъ биліонъ лѣтъ взялъ?

— Да вѣдь ты думаешь все про нашу теперешнюю землю! Да вѣдь теперешняя земля можетъ сама-то биліонъ разъ повторяться; ну отживала, леденѣла, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составныя начала, опять вода яже бѣ надъ твердію, потомъ опять комета, опять солнце, опять изъ солнца земля, — вѣдь это развитіе можетъ уже безконечно разъ повторяться, и все въ одномъ и томъ же видѣ, до черточки. Скучища неприличнѣйшая...

— Ну-ну, что же вышло когда дошелъ?

— А только что ему отворили въ рай и онъ вступилъ, то не пробывъ еще двухъ секундъ—и это по часамъ, по часамъ (хотя часы его, по моему, давно должны были бы разложиться на составные элементы у него въ карманѣ дорогой)—не пробывъ двухъ секундъ, воскликнулъ что за эти двѣ секунды не только квадриліонъ, но квадриліонъ квадриліоновъ пройти можно, да еще возвысивъ въ квадриліонную степень! Словомъ пропѣлъ «осанну», да и пересолилъ, такъ что иные тамъ, съ образомъ мыслей поблагороднѣе, такъ даже руки ему не хотѣли подать на первыхъ порахъ: слишкомъ де ужь стремительно въ консерваторы

перескочилъ. Русская натура. Повторяю: легенда. За что купилъ за то и продалъ. Такъ вотъ еще какія тамъ у насъ обо всѣхъ этихъ предметахъ понятія ходятъ.

— Я тебя поймалъ! вскричалъ Иванъ съ какою-то почти дѣтскою радостью, какъ-бы уже окончательно что-то припомнивъ: этотъ анекдотъ о квадриліонѣ лѣтъ,—это я самъ сочинилъ! Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, я былъ въ гимназіи... я этотъ анекдотъ тогда сочинилъ и рассказалъ одному товарищу, фамилія его Коровкинъ, это было въ Москвѣ... Анекдотъ этотъ такъ характеренъ что я не могъ его ни откуда взять. Я его было забылъ... но онъ мнѣ припомнился теперь безсознательно,—мнѣ самому, а не ты рассказалъ! Какъ тысячи вещей припоминаются иногда безсознательно даже когда казнить везуть... во снѣ припомнился. Вотъ ты и есть этотъ сонъ! Ты сонъ, и не существуешь!

— По азарту съ какимъ ты отвергаешь меня, засмѣялся джентльменъ,—я убѣждаюсь, что ты всетаки въ меня вѣришь.

— Ни мало! На сотую долю не вѣрю!

— Но на тысячную вѣришь. Гомеопатическія-то доли вѣдь самыя можетъ быть сильныя. Признайся что вѣришь, ну на десятитысячную...

— Ни одной минуты! яростно вскричалъ Иванъ. — Я впрочемъ желалъ-бы въ тебя повѣрить! странно вдругъ прибавилъ онъ.

— Эге! Вотъ однако признаніе! Но я добръ, я тебѣ и тутъ помогу. Слушай: это я тебя поймалъ, а не ты меня! Я нарочно тебѣ твой-же анекдотъ рассказалъ который ты уже забылъ, чтобы ты окончательно во мнѣ разувѣрился.

— Лжешь! Цѣль твоего появленія увѣрить меня что ты есь.

— Именно. Но колебанія, но безпокойство, но борьба

вѣры и невѣрія, — это вѣдь такая иногда мука для совѣстливаго человѣка, вотъ какъ ты, что лучше повѣситься. Я именно, зная что ты капельку вѣришь въ меня, подпустилъ тебѣ невѣрія уже окончательно, рассказавъ этотъ анекдотъ. Я тебя вожу между вѣрой и безвѣріемъ попеременно, и тутъ у меня своя цѣль. Новая метода-съ: Вѣдь когда ты во мнѣ совсѣмъ разувѣришься, то тотчасъ меня же въ глаза начнешь увѣрять что я не сонъ, а есмь въ самомъ дѣлѣ, я тебя ужъ знаю: вотъ я тогда и достигну цѣли. А цѣль моя благородная. Я въ тебя только крохотное сѣмечко вѣры брошу, а изъ него выростетъ дубъ, — да еще такой дубъ, что ты, сидя на дубѣ-то, въ «отцы пустынники и въ жены непорочны» пожелаешь вступить; ибо тебѣ очень, очень того въ тайнѣ хочется, акриды кушать будешь, спастись въ пустыню потащишься!

— Такъ ты, негодяй, для спасенія моей души стараешься?

— Надо-же хоть когда нибудь доброе дѣло сдѣлать. Злишься-то ты, злишься, какъ я погляжу!

— Шутъ! А искушалъ ты когда нибудь вотъ этакихъ-то, вотъ что акриды-то ѣдятъ, да по семнадцати лѣтъ въ голой пустынѣ молятся, мохомъ обросли?

— Голубчикъ мой, только это и дѣлалъ. Весь міръ и міры забудешь, а къ одному этакому прилѣпишься, потому что бриллиантъ-то ужъ очень драгоцѣненъ; одна вѣдь такая душа стѣбитъ иной разъ цѣлаго созвѣздія, — у насъ вѣдь своя ариѳметика. Побѣда-то драгоцѣнна! А вѣдь иные изъ нихъ, ей Богу, не ниже тебя по развитію, хоть ты этому и не повѣришь: такія бездны вѣры и невѣрія могутъ созерцать въ одинъ и тотъ-же моментъ, что право иной разъ кажется только-бы еще одинъ волосокъ — и полетитъ человекъ «вверхъ тормашки», какъ говоритъ актеръ Горбуновъ.

— Ну и что жь, отходилъ съ носомъ?

— Другъ мой, замѣтилъ сентенціозно гость, — съ носомъ все же лучше отойти чѣмъ иногда совсѣмъ безъ носа, какъ недавно еще изрекъ одинъ болящій маркизь (должно быть специалистъ лѣчилъ) на исповѣди своему духовному отцу-іезуиту. Я присутствовалъ—просто прелесть. «Возвратите мнѣ, говоритъ, мой носъ!» И бьетъ себя въ грудь.— «Сынъ мой, виляетъ патеръ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія все восполняется и видимая бѣда влечетъ иногда за собою, чрезвычайную, хотя и невидимую выгоду. Если строгая судьба лишила васъ носа, то выгода ваша въ томъ что уже никто во всю вашу жизнь не осмѣлится вамъ сказать что вы остались съ носомъ.»— «Отецъ святой, это не утѣшеніе!» восклицаетъ отчаянный, «я былъ бы напротивъ въ восторгѣ всю жизнь каждый день оставаться съ носомъ, только-бы онъ былъ у меня на надлежащемъ мѣстѣ!»— «Сынъ мой, вздыхаетъ патеръ, всѣхъ благъ нельзя требовать разомъ, и это уже ропотъ на Провидѣніе, которое даже и тутъ не забыло васъ; ибо если вы вопіете, какъ возопили сейчасъ, что съ радостью готовы-бы всю жизнь оставаться съ носомъ, то и тутъ уже косвенно исполнено желаніе ваше: ибо, потерявъ носъ, вы тѣмъ самымъ все же какъ-бы остались съ носомъ»...

— Фу, какъ глупо! крикнулъ Иванъ.

— Другъ мой, я хотѣлъ только тебя размѣшить, но влянусь, это настоящая іезуитская казуистика, и влянусь, все это случилось буква въ букву, какъ я изложилъ тебѣ. Случай этотъ недавній и доставилъ мнѣ много хлопотъ. Несчастный молодой человѣкъ, возвратясь домой, въ ту же ночь застрѣлился; я былъ при немъ неотлучно до послѣдняго момента... Что же до исповѣдальныхъ этихъ іезуитскихъ будочекъ, то это воистину самое милое мое

развлеченіе въ грустныя минуты жизни. Вотъ тебѣ еще одинъ случай, совсѣмъ ужь на дняхъ. Приходитъ къ старику патеру блондиночка, Норманочка, лѣтъ двадцати, дѣвушка. Красота, тѣлеса, натура, — слюнки текутъ. Нагнулась, шепчетъ патеру въ дырочку свой грѣхъ. — «Что вы, дочь моя, неужели вы опять уже пали?...» восклицаетъ патерьъ. «О, Sancta Maria, что я слышу: уже не съ тѣмъ. Но доколѣ же это продолжится, и какъ вамъ это не стыдно!» — «Ah mon père», отвѣчаетъ грѣшница, вся въ покаянныхъ слезахъ: «Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine!» Ну, представь себѣ такой отвѣтъ! Тутъ ужь и я отступился: это крикъ самой природы, это, если хочешь, лучше самой невинности! Я тутъ же отпустилъ ей грѣхъ и повернулся было идти, но тотчасъ же принужденъ былъ и воротиться: слышу, патерьъ въ дырочку ей назначаетъ вечеромъ свиданіе, — а вѣдь старикъ — бремень, и вотъ палъ въ одно мгновеніе! Природа-то, правда-то природы взяла свое! Что, опять воротить носъ, опять сердиться? Не знаю ужь чѣмъ и угодить тебѣ...

— Оставь меня, ты стучишь въ моемъ мозгу, какъ неотвязный кошмаръ, болѣзненно простоналъ Иванъ, въ безсиліи предъ своимъ видѣніемъ, — мнѣ скучно съ тобою, невыносимо и мучительно! Я бы много далъ еслибы могъ прогнать тебя!

— Повторяю, умѣрь свои требованія, не требуй отъ меня «всего великаго и прекраснаго», и увидишь какъ мы дружно съ тобой уживемся, внушительно проговорилъ джентльменъ. — Во истину ты злишься на меня за то, что я не явился тебѣ какъ нибудь въ красномъ сіяніи, «гремя и блистая», съ опаленными крыльями, а предсталъ въ такомъ скромномъ видѣ. Ты оскорбленъ, во первыхъ, въ эстетическихъ чувствахъ твоихъ, а во вторыхъ, въ гордости:

какъ дескать, къ такому великому человѣку могъ войти такой пошлый чортъ? Нѣтъ, въ тебѣ таки есть эта романтическая струйка, столь осмѣянная еще Бѣлинскимъ. Что дѣлать, молодой человѣкъ. Я вотъ думалъ давеча, собираясь къ тебѣ, для шутки предстать въ видѣ отставнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, служившаго на Кавказѣ, со звѣздой Льва и Солнца на фракѣ, но рѣшительно побоялся, потому ты избилъ-бы меня только за то какъ я смѣлъ прицѣпить на фракѣ Льва и Солнце, а не прицѣпилъ по крайней мѣрѣ Полярную Звѣзду али Сириуса. И все ты о томъ что я глупъ. Но Богъ мой, я и претензій не имѣю равняться съ тобой умомъ. Мефистофель, явившись къ Фаусту, засвидѣтельствовалъ о себѣ что онъ хочетъ зла, а дѣлаетъ лишь добро. Ну, это какъ ему угодно, я же совершенно напротивъ. Я можетъ быть единственный человѣкъ во всей природѣ который любитъ истину и искренно желаетъ добра. Я былъ при томъ когда умершее на крестѣ Слово восходило въ небо, неся на персяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ радостные взвизги херувимовъ поющихъ и вопіющихъ: «осанна», и громовый вопль восторга серафимовъ, отъ котораго потряслось небо и все мірозданіе. И вотъ, клянусь-же всѣмъ что есть свято, я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми «осанна!» Уже слетало, уже рвалось изъ груди... я вѣдь, ты знаешь, очень чувствителенъ и художественно воспримчивъ. Но здравый смыслъ,—о, самое несчастное свѣйство моей природы,—удержалъ меня и тутъ въ должныхъ границахъ, и я пропустилъ мгновеніе! Ибо что-же, подумалъ я въ ту же минуту,—что-же бы вышло послѣ моей-то «осанны?» Тотчасъ бы все угасло на свѣтѣ и не стало бы случаться никакихъ происшествій. И вотъ единственно по долгу службы и по соціальному моему положенію я принужденъ былъ зада-

вить въ себѣ хорошій моментъ и остаться при пакостяхъ. Честь добра кто-то беретъ всю себѣ, а мнѣ оставлены въ удѣлъ только пакости. Но я не завидую чести жить на шаромыжку, я не честолюбивъ. Почему изо всѣхъ существъ въ мірѣ только я лишь одинъ обреченъ на проклятія ото всѣхъ порядочныхъ людей и даже на пинки сапогами, ибо, воплощаясь, долженъ принимать иной разъ и такія послѣдствія? Я вѣдь знаю, тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за чтò не хотятъ открыть, потому что я пожалуй тогда, догадавшись въ чемъ дѣло, рявкну «осанну», и тотчасъ исчезнетъ необходимый минусъ и начнется во всемъ мірѣ благоразуміе, а съ нимъ разумѣется и конецъ всему, даже газетамъ и журналамъ, потому что кто-жъ на нихъ тогда станетъ подписываться. Я вѣдь знаю, въ концѣ концовъ я помирюсь, дойду и я мой квадриліонъ, и узнаю секретъ. Но пока это произойдетъ, будирую, и скрѣпя сердце, исполняю мое назначеніе: губить тысячи чтобы спасся одинъ. Сколько, напримѣръ, надо было погубить душъ и опозорить честныхъ репутацій чтобы получить одного только праведнаго Іова, на которомъ меня такъ зло поддѣли во время дно! Нѣтъ, пока не открытъ секретъ, для меня существуютъ двѣ правды: одна тамошняя, ихняя, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя. И еще неизвѣстно которая будетъ почище... Ты заснулъ?

— Еще бы, злобно простоналъ Иванъ,—все чтò ни есть глупаго въ природѣ моей, давно уже пережитаго, перемолотаго въ умѣ моемъ, отброшеннаго какъ падалъ,—ты мнѣ же подносишь какъ какую-то новость!

— Не потрафилъ и тутъ! А я-то думалъ тебя даже литературнымъ изложеніемъ прельстить: Эта «осанна» то въ небѣ право недурно вѣдь у меня вышло? Затѣмъ сейчасъ этотъ саркастическій тонъ à la Гейне, а, не правда ли?

— Нѣтъ, я никогда не былъ такимъ лакеемъ! Почему же душа моя могла породить такого лакея какъ ты?

— Другъ мой, я знаю одного прелестнѣйшаго и милѣйшаго русскаго барченка: молодого мыслителя и большого любителя литературы и изящныхъ вещей, автора поэмы которая общается, подъ названіемъ: «Великій Инквизиторъ»... Я его только имѣлъ въ виду!

— Я тебѣ запрещаю говорить о «Великомъ Инквизиторѣ» воскликнулъ Иванъ весь покраснѣвъ отъ стыда.

— Ну, а «геологическій-то переворотъ»? Помнишь? Вотъ это такъ ужъ поэмка!

— Молчи, или я убью тебя!

— Это меня-то убьешь? Нѣтъ ужъ извини, выскажу. Я и пришелъ чтобъ угостить себя этимъ удовольствіемъ. О, я люблю мечты пылкихъ, молодыхъ трепещущихъ жаждой жизни друзей моихъ! «Тамъ новые люди,» рѣшилъ ты еще прошлою весной, сюда собираясь, «они полагаютъ разрушить все и начать съ антропофагіи. Глупцы, меня не спросились! По моему и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ, вотъ съ чего надо приняться за дѣло! Съ этого, съ этого надобно начинать,—о слѣпцы ничего не понимающіе! Разъ человѣчество отречется поголовно отъ Бога (а я вѣрю что этотъ періодъ, параллель геологическимъ періодамъ, совершится), то само собою, безъ антропофагіи, падетъ все прежнее міровоззрѣніе и, главное, вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди совокупятся чтобы взять отъ жизни все что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣко-богъ. Ежечасно побѣждая уже безъ границъ природу, волею своею и наукой, человѣкъ тѣмъ са-

мымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ что ему нечего роптать за то что жизнь есть мгновеніе и возлюбитъ брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять лишь мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную».... ну и прочее, и прочее, въ томъ же родѣ. Премило!

Иванъ сидѣлъ зажавъ себѣ уши руками и смотря въ землю, но началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Голосъ продолжалъ.

— Вопросъ теперь въ томъ, думалъ мой юный мыслитель: возможно ли чтобы такой періодъ наступилъ когда-нибудь или нѣтъ? Если наступитъ, то все рѣшено, и человѣчество устроится окончательно. Но такъ какъ, въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, это, пожалуй еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому сознающему уже и теперь истину позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему «все позволено». Мало того: если даже періодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать чело-вѣко-богомъ, даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и ужь конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто.... «все дозволено» и шабашъ! Все это очень мило; только если захо-

тѣлъ мошенничать, зачѣмъ бы еще кажется санкція истины? Но ужь таковъ нашъ русскій современный человѣчекъ: безъ санкціи и смошенничать не рѣшится, до того ужь истину возлюбилъ....

Гость говорилъ очевидно увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и насмѣшливо поглядывая на хозяина; но ему не удалось докончить: Иванъ вдругъ схватилъ со стола стаканъ и съ размаху пустилъ въ оратора.

— Ah mais c'est bête enfin! воскликнулъ тотъ, вскакивая съ дивана и смахивая пальцами съ себя брызги чаю,— вспомнилъ Лютерову чернильницу! Самъ же меня считаетъ за сонъ и кидается стаканами въ сонъ! Это по женски! А вѣдь я такъ и подозрѣвалъ, что ты дѣлалъ только видъ что заткнулъ свои уши, а ты слушалъ....

Въ раму окна вдругъ раздался со двора твердый и настойчивый стукъ. Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ съ дивана.

— Слышишь, лучше отвори, вскричалъ гость, — это братъ твой Алеша съ самымъ неожиданнымъ и любопытнымъ извѣстіемъ, ужь я тебѣ отвѣчаю!

— Молчи, обманщикъ, я прежде тебя зналъ, что это Алеша, я его предчувствовалъ, и ужь конечно онъ не даромъ, конечно съ «извѣстіемъ»,!... воскликнулъ изступленно Иванъ.

— Отопри же, отопри ему. На дворѣ метель, а онъ братъ твой. *Mr. sait-il le temps qu'il fait? C'est à ne pas mettre un chien dehors...*

Стукъ продолжался. Иванъ хотѣлъ было кинуться къ окну; но что-то какъ бы вдругъ связало ему ноги и руки. Изъ всѣхъ силъ онъ напрягался какъ бы порвать свои путы, но тщетно. Стукъ въ окно усиливался все больше и громче. Наконецъ вдругъ порвались путы, и Иванъ Ѳедоровичъ вскочилъ на диванъ. Онъ дико осмотрѣлся. Обѣ

свѣчки почти догорѣли, стаканъ, который онъ только что бросилъ въ своего гостя, стоялъ предъ нимъ на столѣ, а на противоположномъ диванѣ никого не было. Стукъ въ оконную раму хотя и продолжался настойчиво, но совсѣмъ не такъ громко какъ сейчасъ только мерещилось ему во снѣ, напротивъ, очень сдержанно.

— Это не сонъ! Нѣтъ, клянусь, это былъ не сонъ, это все сейчасъ было! вскричалъ Иванъ Федоровичъ, бросился къ окну и отворилъ форточку.

— Алеша, я вѣдь не велѣлъ приходить! свирѣпо крикнулъ онъ брату.—Въ двухъ словахъ: чего тебѣ надо? Въ двухъ словахъ, слышишь?

— Часъ тому назадъ повѣсился Смердяковъ, отвѣтилъ со двора Алеша.

— Пройди на крыльцо, сейчасъ отворю тебѣ, сказалъ Иванъ, и пошелъ отворять Алешѣ.

Х.

«Это онъ говорилъ»!

Алеша, войдя, сообщилъ Ивану Федоровичу что часъ съ небольшимъ назадъ прибѣжала къ нему на квартиру Марья Кондратьевна и объявила что Смердяковъ лишилъ себя жизни. «Вхожу этта къ нему самоваръ прибрать, а онъ у стѣнки на гвоздочкѣ висить». На вопросъ Алеши: «заявила ль она кому слѣдуетъ?» отвѣтила что никому не заявляла, а «прямо бросилась къ вамъ къ первому и всю дорогу бѣжала бѣгомъ». Она была какъ помѣшанная, передавалъ Алеша, и вся дрожала какъ листъ. Когда же Алеша прибѣжалъ вмѣстѣ съ ней въ ихъ избу, то засталъ Смердякова все еще висѣвшимъ. На столѣ лежала записка: «Истребляю свою

жизнь своею собственною волей и охотой чтобы никого не винить». Алеша такъ и оставилъ эту записку на столѣ и пошелъ прямо къ исправнику, у него обо всемъ заявилъ, «а оттуда прямо къ тебѣ», заключилъ Алеша пристально вглядываясь въ лицо Ивана. И все время пока онъ рассказывалъ, онъ не отводилъ отъ него глазъ, какъ бы чѣмъ-то очень пораженный въ выраженіи его лица.

— Братъ, вскричалъ онъ вдругъ,—ты вѣрно ужасно боленъ! Ты смотришь и какъ будто не понимаешь, что я говорю.

— Это хорошо что ты пришелъ, проговорилъ какъ бы задумчиво Иванъ и какъ бы вовсе не слыхавъ восклицанія Алеши.—А вѣдь я зналъ что онъ повѣсился.

— Отъ кого же?

— Не знаю отъ кого. Но я зналъ. Зналъ ли я? Да, онъ мнѣ сказалъ. Онъ сейчасъ еще мнѣ говорилъ....

Иванъ стоялъ среди комнаты и говорилъ все также задумчиво и смотря въ землю.

— Кто онъ? спросилъ Алеша, невольно оглядѣвшись кругомъ.

— Онъ улизнулъ.

Иванъ поднималъ голову и тихо улыбнулся:

— Онъ тебя испугался, тебя, голубя. Ты «чистый херувимъ». Тебя Дмитрій херувимомъ зоветъ. Херувимъ... Громовый вопль восторга серафимовъ! Что такое серафимъ? Можетъ быть цѣлое созвѣздіе. А можетъ быть все то созвѣздіе есть всего только какая нибудь химическая молекула... Есть созвѣздіе Льва и Солнца, не знаешь ли?

— Братъ, сядь! проговорилъ Алеша въ испугѣ,—сядь, ради Бога, на диванъ. Ты въ бреду, прилягъ на подушку, вотъ такъ. Хочешь полотенце мокрое къ головѣ? Можетъ лучше станетъ?

— Дай полотенце, вотъ тутъ на стулѣ, я давеча сюда бросилъ.

— Тутъ нѣтъ его. Не безпокойся, я знаю гдѣ лежитъ; вотъ оно, сказалъ Алеша, сыскавъ въ другомъ углу комнаты, у туалетнаго столика Ивана, чистое, еще сложенное и не употребленное полотенце. Иванъ странно посмотрѣлъ на полотенце; память какъ бы въ мигъ воротилась къ нему.

— Постой, привсталъ онъ съ дивана,—я давеча, часъ назадъ, это самое полотенце взялъ оттуда же и смочилъ водой. Я прикладывалъ къ головѣ и бросилъ сюда... какже оно сухое? Другаго не было.

— Ты прикладывалъ это полотенце къ головѣ? спросилъ Алеша.

Да, и ходилъ по комнатѣ часъ назадъ... Почему такъ свѣчки сгорѣли? Который часъ?

— Скоро двѣнадцать.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ вдругъ Иванъ, —это былъ не сонъ! Онъ былъ, онъ тутъ сидѣлъ, вонъ на томъ диванѣ. Когда ты стучалъ въ окно, я бросилъ въ него стаканъ... вотъ этотъ... Постой, я и прежде спалъ, но этотъ сонъ не сонъ. И прежде было. У меня, Алеша, теперь бываютъ сны... но онѣ не сны, а на яву: я хожу, говорю и вижу... а сплю. Но онъ тутъ сидѣлъ, онъ былъ, вотъ на этомъ диванѣ... Онъ ужасно глупъ, Алеша, ужасно глупъ, засмѣялся вдругъ Иванъ и принялся шагать по комнатѣ.

— Кто глупъ? Про кого ты говоришь, братъ? опять тоскливо спросилъ Алеша.

— Чортъ! Онъ ко мнѣ повадился. Два раза былъ, даже почти три. Онъ дразнилъ меня тѣмъ, будто я сержусь, что онъ просто чортъ, а не сатана съ опаленными крыльями, въ громъ и блескъ. Но онъ не сатана, это онъ лжетъ. Онъ

самозванецъ. Онъ просто чортъ, дрянной, мелкій чортъ. Онъ въ баню ходитъ. Раздѣнь его и навѣрно отыщешь хвостъ, длинный, гладкій, какъ у датской собаки, въ аршинъ длинной, бурый... Алеша, ты озябъ, ты въ снѣгу былъ, хочешь чаю? Что? холодный? Хочешь велю поставить? *C'est à ne pas mettre un chien dehors...*

Алеша быстро сбѣгалъ къ рукомойнику, намочилъ полотенце, уговорилъ Ивана опять сѣсть и обложилъ ему мокрымъ полотенцемъ голову. Самъ сѣлъ подлѣ него.

— Чтò ты мнѣ давеча говорилъ про Лизу? началъ опять Иванъ. — (Онъ становился очень словоохотливъ). Мнѣ нравится Лиза. Я сказалъ про нее тебѣ что-то скверное. Я солгалъ, мнѣ она нравится... Я боюсь завтра за Катю, больше всего боюсь. За будущее. Она завтра броситъ меня и растопчетъ ногами. Она думаетъ, что я изъ ревности къ ней гублю Митю! Да, она это думаетъ! Такъ вотъ нѣтъ же! Завтра крестъ, но не висѣлица. Нѣтъ, я не повѣшусь. Знаешь ли ты, что я никогда не могу лишиться себя жизни, Алеша! Отъ подлости что ли? Я не трусь. Отъ жажды жить! Почему это я зналъ, что Смердяковъ повѣсился? Да, это *онъ* мнѣ сказалъ...

— И ты твердо увѣренъ, что кто-то тутъ сидѣлъ? спросилъ Алеша.

— Вонъ на томъ диванѣ, въ углу. Ты бы его прогналъ. Да ты же его и прогналъ: онъ исчезъ какъ ты явился. Я люблю твое лицо, Алеша. Зналъ ли ты, что я люблю твое лицо? А *онъ*—это я, Алеша, я самъ. Все мое низкое, все мое подлое и презрѣнное! Да, я «романтикъ», онъ это подмѣтилъ... хоть это и клевета. Онъ ужасно глупъ, но онъ этимъ беретъ. Онъ хитеръ, животное хитеръ, онъ зналъ чѣмъ взбѣситъ меня. Онъ все дразнилъ меня, что я въ него вѣрю и тѣмъ заставилъ меня его слушать. Онъ надулъ

меня какъ мальчишку. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ про меня много правды. Я бы никогда этого не сказалъ себѣ. Знаешь, Алеша, знаешь,—ужасно серьезно и какъ бы конфиденціально прибавилъ Иванъ,—я бы очень желалъ, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ *онъ*, а не я!

— Онъ тебя измучилъ, сказалъ Алеша, съ состраданіемъ смотря на брата.

— Дразнилъ меня! И знаешь, ловко, ловко: «Совѣсть! Чтò совѣсть? Я самъ ее дѣлаю. Зачѣмъ же я мучаюсь? По привычкѣ. По всемірной человѣческой привычкѣ за семь тысячъ лѣтъ. Такъ отвыкнемъ и будемъ боги».—Это онъ говорилъ, это онъ говорилъ!

— А не ты, не ты? ясно смотря на брата неудержимо вскричалъ Алеша.—Ну и пусть его, брось его и забудь о немъ! Пусть онъ унесетъ съ собою все чтò ты теперь проклинаешь и никогда не приходитъ!

— Да, но онъ золъ. Онъ надо мной смѣялся. Онъ былъ дерзокъ, Алеша, съ содроганіемъ обиды проговорилъ Иванъ.— Но онъ клеветалъ на меня, онъ во многомъ клеветалъ. Лгалъ мнѣ же на меня же въ глаза. «О, ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, объявишь, что убилъ отца, что лакей по твоему наущенію убилъ отца»...

— Братъ, прервалъ Алеша,—удержись: не ты убилъ. Это неправда!

— Это онъ говоритъ, онъ, а онъ это знаетъ. «Ты идешь совершить подвигъ добродѣтели, а въ добродѣтель-то и не вѣришь—вотъ чтò тебя злитъ и мучить, вотъ отчего ты такой мстительный».—Это онъ мнѣ про меня говорилъ, а онъ знаетъ чтò говорить...

— Это ты говоришь, а не онъ! горестно воскликнулъ Алеша,—и говоришь въ болѣзни, въ бреду, себя мучая!

— Нѣтъ, онъ знаетъ чтò говорить. Ты, говоришь, изъ гордости

идешь, ты станешь и скажешь: это я убилъ, и чего вы корчитесь отъ ужаса, вы лжете! Мнѣніе ваше презираю, ужасъ вашъ презираю»:—Это онъ про меня говорить, и вдругъ говорить: «А знаешь, тебѣ хочется чтобъ они тебя похвалили: «Преступникъ, дескать, убійца, но какія у него великодушныя чувства, брата спасти захотѣлъ и признался!» Вотъ это такъ ужъ ложь, Алеша! вскричалъ вдругъ Иванъ, за-свергавъ глазами.—Я не хочу чтобы меня смерды хвалили! Это онъ солгалъ, Алеша, солгалъ, клянусь тебѣ! Я бросилъ въ него за это стаканомъ, и онъ расшибся объ его морду.

— Братъ, успокойся, перестань! упрасивалъ Алеша.

— Нѣтъ, онъ умѣетъ мучить, онъ жестокъ, продолжалъ, не слушая, Иванъ.—Я всегда предчувствовалъ зачѣмъ онъ приходитъ. «Пусть, говорить, ты шель изъ гордости, но вѣдь все же была и надежда, что уличать Смердякова и сошлютъ въ каторгу, что Митю оправдаютъ, а тебя осудятъ лишь *нравственно*—(слышишь, онъ тутъ смѣялся!)—а другіе такъ и похвалятъ. Но вотъ умеръ Смердяковъ, повѣсился,—ну и кто жъ тебѣ тамъ на судѣ теперь-то одному повѣрить? А вѣдь ты идешь, идешь, ты все-таки пойдешь, ты рѣшилъ, что пойдешь. Для чего же ты идешь послѣ этого? «Это страшно, Алеша, я не могу выносить такихъ вопросовъ. Кто смѣетъ мнѣ задавать такіе вопросы!»

— Братъ, прервалъ Алеша, замирая отъ страха, но все еще какъ бы надѣясь образумить Ивана, — какъ же могъ онъ говорить тебѣ про смерть Смердякова до моего прихода, когда еще никто и не зналъ о ней, да и времени не было никому узнать?

— Онъ говорилъ, твердо произнесъ Иванъ, недопуская и сомнѣнія.—Онъ только про это и говорилъ, если хочешь. «И добро бы ты, говорить, въ добродѣтель вѣрилъ: пусть

не повѣрятъ мнѣ, для принципа иду. Но вѣдь ты поросенокъ какъ Федоръ Павловичъ, и что тебѣ добродѣтель? Для чего же ты туда потащишься, если жертва твоя ни къ чему не послужитъ? А потому что ты самъ не знаешь для чего идешь! О ты бы много далъ, чтобъ узнать самому для чего идешь! И будто ты рѣшился? Ты еще не рѣшился. Ты всю ночь будешь сидѣть и рѣшать: идти или нѣтъ? Но ты все-таки пойдешь и знаешь, что пойдешь, самъ знаешь, что какъ бы ты ни рѣшался, а рѣшеніе ужъ не отъ тебя зависитъ. Пойдешь, потому что не смѣешь не пойти. Почему не смѣешь,—это ужъ самъ угадай, вотъ тебѣ загадка!» Всталъ и ушелъ. Ты пришелъ, а онъ ушелъ. Онъ меня трусомъ назвалъ, Алеша! *Le mot de l'énigme*, что я трусъ! «Не такимъ орламъ воспарять надъ землей!» Это онъ прибавилъ, это онъ прибавилъ! И Смердяковъ это же говорилъ. Его надо убить! Катя меня презираетъ, я уже мѣсяцъ это вижу, да и Лиза презирать начнетъ! «Идешь чтобъ тебя похвалили»—это звѣрская ложь! И ты тоже презираешь меня, Алеша. Теперь я тебя опять возненавижу. И изверга ненавижу, и изверга ненавижу! Не хочу спасать изверга, пусть сгниетъ въ каторгѣ! Гимнъ запѣлъ! О, завтра я пойду, стану предъ ними, и плюну имъ всѣмъ въ глаза!

Онъ вскочилъ въ изступленіи, сбросилъ съ себя полотенце и принялся снова шагать по комнатѣ. Алеша вспомнилъ давешнія слова его: «Какъ будто я сплю на яву... Хожу, говорю и вижу, а сплю». Именно какъ будто это совершалось теперь. Алеша не отходилъ отъ него. Мелькнула было у него мысль бѣжать къ доктору и привести того, но онъ побоялся оставить брата одного; поручить его совсѣмъ не кому было. Наконецъ, Иванъ мало по малу сталъ совсѣмъ лишаться памяти. Онъ все продолжалъ говорить, го-

ворилъ не умолкая, но уже совсѣмъ нескладно. Даже плохо выговаривалъ слова и вдругъ сильно покачнулся на мѣстѣ. Но Алеша успѣлъ поддержать его. Иванъ далъ себя довести до постели, Алеша кое-какъ раздѣлъ его и уложилъ. Самъ просидѣлъ надъ нимъ еще часа два. Больной спалъ крѣпко, безъ движенія, тихо и ровно дыша. Алеша взялъ подушку и легъ на диванѣ не раздѣваясь. Засыпая помолился о Митѣ и объ Иванѣ. Ему становилась понятною болѣзнь Ивана: «Муки гордаго рѣшенія, глубокая совѣсть!» Богъ, которому онъ не вѣрилъ, и правда Его одолевали сердце все еще не хотѣвшее подчиниться. «Да,—неслось въ головѣ Алеши, уже лежавшей на подушкѣ,—да, коль Смердяковъ умеръ, то показанію Ивана никто уже не повѣритъ; но онъ пойдетъ и покажетъ!» Алеша тихо улыбнулся: «Богъ побѣдитъ!» подумалъ онъ. «Или возстанетъ въ свѣтѣ правды, или... погибнетъ въ ненависти, мстя себѣ и всѣмъ за то, что послужилъ тому во что не вѣритъ», горько прибавилъ Алеша и опять помолился за Ивана.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СУДЕБНАЯ ОШИБКА.

І.

Роковой день.

На другой день послѣ описанныхъ мною событій, въ десять часовъ утра, открылось засѣданіе нашего окружнаго суда, и начался судъ надъ Дмитріемъ Карамазовымъ.

Скажу впередъ и скажу съ настойчивостью: я далеко не считаю себя въ силахъ передать все то что произошло

на судѣ, и не только въ надлежащей полнотѣ, но даже и въ надлежащемъ порядкѣ. Мнѣ все кажется что еслибы все припомнить и все какъ слѣдуетъ разъяснить, то потребуетъ ся цѣлая книга и даже пребольшая. А потому пусть не посѣтуютъ на меня что я передамъ лишь то что меня лично поразило и что я особенно запомнилъ. Я могъ принять второстепенное за главнѣйшее, даже совсѣмъ упустить самыя рѣзкія необходимѣйшія черты... А впрочемъ вижу что лучше не извиняться. Сдѣлаю какъ умѣю, и читатели сами поймутъ что я сдѣлалъ лишь, какъ умѣлъ.

И во первыхъ, прежде чѣмъ мы войдемъ въ залу суда, упомяну о томъ что меня въ этотъ день особенно удивило. Впрочемъ удивило не одного меня, а, какъ оказалось впоследствии, и всѣхъ. Именно: всѣ знали что дѣло это заинтересовало слишкомъ многихъ, что всѣ сгорали отъ нетерпѣнія, когда начнется судъ, что въ обществѣ нашемъ много говорили, предполагали, восклицали, мечтали уже цѣлые два мѣсяца. Всѣ знали тоже что дѣло это получило всероссійскую огласку, но всетаки не представляли себѣ, что оно до такой уже жгучей, до такой раздражительной степени потрясло всѣхъ и каждаго, да и не у насъ только, а повсемѣстно, какъ оказалось это на самомъ судѣ въ этотъ день. Къ этому дню къ намъ съѣхались гости не только изъ нашего губернскаго города, но и изъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ Россіи, а наконецъ изъ Москвы и изъ Петербурга. Пріѣхали юристы, пріѣхало даже нѣсколько знатныхъ лицъ, а также и дамы. Всѣ билеты были расхвачаны. Для особенно почетныхъ и знатныхъ посѣтителей изъ мужчинъ отведены были даже совсѣмъ уже необыкновенныя мѣста сзади стола за которымъ помѣщался судъ; тамъ появился цѣлый рядъ занятыхъ разными особами креселъ, чего никогда у насъ прежде не допускалось. Особенно мно-

го оказалось дамъ,—нашихъ и пріѣзжихъ, я думаю даже не менѣе половины всей публики. Однихъ только съѣхавшихся отовсюду юристовъ оказалось такъ много, что даже не знали ужъ гдѣ ихъ и помѣстить, такъ какъ всѣ билеты давно уже были розданы, выпрошены и вымолены. Я видѣлъ самъ какъ въ концѣ залы, за эстрадой, была временно и наскоро устроена особая загородка, въ которую впустили всѣхъ этихъ съѣхавшихся юристовъ, и они почли себя даже счастливыми что могли тутъ хоть стоять, потому что стулья, чтобы выгадать мѣсто, были изъ этой загородки совсѣмъ вынесены, и вся набравшаяся толпа простояла все «дѣло» густо сомкнувшеюся кучей, плечомъ къ плечу. Нѣкоторыя изъ дамъ, особенно изъ пріѣзжихъ, явились на хорахъ залы чрезвычайно разряженные, но большинство дамъ даже и о нарядахъ забыло. На ихъ лицахъ читалось истерическое, жадное, болѣзненное почти любопытство. Одна изъ характернѣйшихъ особенностей всего этого собравшагося въ залѣ общества, и которую необходимо отмѣтить, состояла въ томъ что, какъ и оправдалось потомъ по многимъ наблюденіямъ, почти всѣ дамы, по крайней мѣрѣ огромнѣйшее большинство ихъ, стояли за Митю и за оправданіе его. Можетъ быть, главное, потому что о немъ составилось представленіе какъ о покорителѣ женскихъ сердець. Знали, что явятся двѣ женщины-соперницы. Одна изъ нихъ, то-есть Катерина Ивановна, особенно всѣхъ интересовала; про нее рассказывалось чрезвычайно много необыкновеннаго, про ея страсть къ Митѣ, не смотря даже на его преступленіе, рассказывались удивительные анекдоты. Особенно упоминалось объ ея гордости (она почти никому въ нашемъ городѣ не сдѣлала визитовъ), объ «аристократическихъ связяхъ». Говорили что она намѣрена просить правительство чтобъ ей позволили сопровождать преступника

на каторгу и обвѣнчаться съ нимъ гдѣ-нибудь въ рудникахъ подъ землей. Съ меньшимъ волненіемъ ожидали появленія на судѣ и Грушеньки, какъ соперницы Катерины Ивановны. Съ мучительнымъ любопытствомъ ожидали встрѣчи предъ судомъ двухъ соперницъ—аристократической гордой дѣвушки и «гетеры»; Грушенька, впрочемъ была извѣстнѣе нашимъ дамамъ чѣмъ Катерина Ивановна. Ее, «погубительницу Федора Павловича и несчастнаго сына его», видали наши дамы и прежде, и всѣ, почти до единой, удивлялись какъ въ такую «самую обыкновенную, совсѣмъ даже не красивую собой русскую мѣщанку» могли до такой степени влюбиться отецъ и сынъ. Словомъ, толковъ было много. Мнѣ положительно извѣстно что собственно въ нашемъ городѣ произошло даже нѣсколько серьезныхъ семейныхъ ссоръ изъ за Мити. Многія дамы горячо поссорились со своими супругами за разность взглядовъ на все это ужасное дѣло, и естественно послѣ того что всѣ мужья этихъ дамъ явились въ залу суда уже не только нерасположенными къ подсудимому, но даже озлобленными противъ него. И вообще положительно можно было сказать что, въ противоположность дамскому, весь мужской элементъ былъ настроенъ противъ подсудимаго. Виднѣлись строгія, нахмуренныя лица, другія даже совсѣмъ злобныя, и это во множествѣ. Правда и то, что Митя многихъ изъ нихъ счумѣлъ оскорбить лично во время своего у насъ пребыванія. Конечно иные изъ посѣтителей были почти даже веселы и весьма безучастны собственно къ судьбѣ Мити, но все же опять-таки не къ рассматриваемому дѣлу; всѣ были заняты исходомъ его, и большинство мушницъ рѣшительно желало кары преступнику, кромѣ развѣ юристовъ, которымъ дорога была не нравственная сторона дѣла, а лишь такъ сказать современно-юридическая. Всѣхъ волновалъ пріѣздъ

знаменитаго Оетюковича. Талантъ его былъ извѣстенъ повсемѣстно, и это уже не въ первый разъ что онъ являлся въ провинціи защищать громкія уголовныя дѣла. И послѣ его защиты таковыя дѣла всегда становились знаменитыми на всю Россію и надолго памятными. Ходило нѣсколько анекдотовъ и о нашемъ прокурорѣ и о предсѣдателѣ суда. Рассказывалось, что нашъ прокуроръ трепеталъ встрѣчи съ Оетюковичемъ, что это были старинные враги еще съ Петербурга, еще съ начала ихъ карьеры, что самолюбивый нашъ Ипполитъ Кирилловичъ, считавшій себя постоянно кѣмъ-то обиженнымъ еще съ Петербурга, за то что не были надлежаще оцѣнены его таланты, воскресъ было духомъ надъ дѣломъ Карамазовыхъ и мечталъ даже воскресить этимъ дѣломъ свое увядшее поприще, но что пугаль его лишь Оетюковичъ. Но на счетъ трепета предъ Оетюковичемъ сужденія были не совсѣмъ справедливы. Прокуроръ нашъ былъ не изъ такихъ характеровъ, которые падаютъ духомъ предъ опасностью, а напротивъ изъ тѣхъ, чье самолюбіе выростаетъ и окрыляется именно по мѣрѣ возростанія опасности. Вообще же надо замѣтить, что прокуроръ нашъ былъ слишкомъ горячъ и болѣзненно воспріимчивъ. Въ иное дѣло онъ клалъ всю свою душу и велъ его такъ какъ бы отъ рѣшенія его зависѣла вся его судьба и все его достояніе. Въ юридическомъ мірѣ надъ этимъ нѣсколько смѣялись, ибо нашъ прокуроръ именно этимъ качествомъ своимъ заслужилъ даже нѣкоторую извѣстность, если далеко не повсемѣстно, то гораздо болѣшую чѣмъ можно было предположить въ виду его скромнаго мѣста въ нашемъ судѣ. Особенно смѣялись надъ его страстью къ психологіи. По моему, всѣ ошибались: нашъ прокуроръ, какъ человекъ и характеръ, кажется мнѣ, былъ гораздо серіознѣе чѣмъ многіе о немъ думали. Но ужъ такъ не умѣлъ поставить

себя этотъ болѣзненный человѣкъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ еще въ началѣ поприща, а затѣмъ и во всю свою жизнь.

Что же до предсѣдателя нашего суда, то о немъ можно сказать лишь то, что это былъ человѣкъ образованный, гуманный, практически знающій дѣло и самыхъ современныхъ идей. Былъ онъ довольно самолюбивъ, но о карьерѣ своей не очень заботился. Главная цѣль его жизни заключалась въ томъ чтобы быть передовымъ человѣкомъ. Притомъ имѣлъ связи и состояніе. На дѣло Карамазовыхъ, какъ оказалось потомъ, онъ смотрѣлъ довольно горячо, но лишь въ общемъ смыслѣ. Его занимало явленіе, классификація его, взглядъ на него какъ на продуктъ нашихъ социальныхъ основъ, какъ на характеристику русскаго элемента, и проч., и проч. Къ личному же характеру дѣла, къ трагедіи его, равно какъ и къ личностямъ участвующихъ лицъ, начиная съ подсудимаго, онъ относился довольно безразлично и отвлеченно, какъ впрочемъ можетъ быть и слѣдовало.

Задолго до появленія суда зала была уже набита биткомъ. У насъ зала суда лучшая въ городѣ, обширная, высокая, звучная. Направо отъ членовъ суда, помѣщавшихся на нѣкоторомъ возвышеніи, былъ приготовленъ столъ и два ряда креселъ для присяжныхъ засѣдателей. Налѣво было мѣсто подсудимаго и его защитника. На срединѣ залы близъ помѣщенія суда стоялъ столъ съ «вещественными доказательствами». На немъ лежали окровавленный шелковый бѣлый халатъ Федора Павловича, роковой мѣдный пестикъ, коимъ было совершено предполагаемое убійство, рубашка Мити съ запачканнымъ кровью рукавомъ, его сюртукъ весь въ кровавыхъ пятнахъ сзади на мѣстѣ кармана, въ который онъ сунулъ тогда свой весь мокрый отъ крови платокъ, самый платокъ весь заскорузлый отъ крови, те-

перь уже совсѣмъ пожелтѣвшій, пистолеть заряженный для самоубійства Митей у Перхотина и отобранный у него тихонько въ Мокромъ Трифономъ Борисовичемъ, конвертъ съ надписью въ которомъ были приготовлены для Грушеньки три тысячи и розовая тоненькая ленточка, которою онъ былъ обвязанъ, и прочіе многіе предметы которыхъ и не упомяну. На нѣкоторомъ разстояніи дальше, въ глубь залы, начинались мѣста для публики, но еще предъ балюстрадой стояло нѣсколько кресель для тѣхъ свидѣтелей, уже давшихъ свое показаніе, которые будутъ оставлены въ залѣ. Въ десять часовъ появился судъ въ составѣ предсѣдателя, одного члена и одного почетнаго мирового судьи. Разумѣется, тотчасъ же появился и прокуроръ. Предсѣдатель былъ плотный, коренастый человѣкъ, ниже средняго роста, съ геморoidalнымъ лицомъ, лѣтъ пятидесяти, съ темными съ просѣдью волосами коротко обстриженными, и въ красной лентѣ — не помню ужъ какого ордена. Прокуроръ же показался мнѣ, — да и не мнѣ, а всѣмъ, очень ужъ какъ-то блѣднымъ, почти съ зеленымъ лицомъ, почему-то какъ бы внезапно похудѣвшимъ въ одну можетъ быть ночь, потому что я всего только третьяго дня видѣлъ его совсѣмъ еще въ своемъ видѣ. Предсѣдатель началъ съ вопроса судебному приставу: всѣ ли явились присяжные засѣдатели?... Вижу однако что такъ болѣе продолжать не могу, уже потому даже что многого не разлышалъ, въ другое пропустилъ вникнуть, третье забылъ упомянуть, а главное потому что, какъ уже и сказалъ я выше, если все припоминать, что было сказано и что произошло, то буквально не достанетъ у меня ни времени, ни мѣста. Знаю только что присяжныхъ засѣдателей, тою и другою стороной, то есть защитникомъ и прокуроромъ, отведено было не очень много. Составъ же двѣнадцати присяжныхъ запо-

нилъ: четыре нашихъ чиновника, два купца и шесть крестьянъ и мѣщанъ нашего города. У насъ въ обществѣ, я помню, еще за долго до суда, съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашивали, особенно дамы: «Неужели такое тонкое, сложное и психологическое дѣло будетъ отдано на роковое рѣшеніе какимъ-то чиновникамъ и наконецъ мужикамъ, и что де пойметъ тутъ какойнибудь такой чиновникъ, тѣмъ болѣе мужикъ?» Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти четыре чиновника, попавшіе въ составъ присяжныхъ, были люди мелкіе, малочиновные, сѣдые, — одинъ только изъ нихъ былъ нѣсколько помоложе, — въ обществѣ нашемъ малоизвѣстные, прозябавшіе на мелкомъ жалованьѣ, имѣвшіе должно быть старыхъ женъ, которыхъ никуда нельзя показать, и по кучѣ дѣтей, можетъ быть даже босоногихъ, много-много что развлекавшіе свой досугъ гдѣнибудь картишками и ужь разумѣется никогда не прочитавшіе ни одной книги. Два же купца имѣли хоть и степенный видъ, но были какъ то странно молчаливы и неподвижны; одинъ изъ нихъ брилъ бороду и былъ одѣтъ по нѣмецки; другой съ сѣденькою бородкой, имѣлъ на шеѣ, на красной лентѣ, баковую медаль. Про мѣщанъ и крестьянъ и говорить нечего. Наши скотопригоньевскіе мѣщане почти тѣ же крестьяне, даже пашутъ. Двое изъ нихъ были тоже въ нѣмецкомъ платьѣ и оттого-то можетъ быть, грязнѣе и непригляднѣе на видъ чѣмъ остальные четверо. Такъ что дѣйствительно могла зайти мысль, какъ зашла и мнѣ, напримѣръ, только что я ихъ разсмотрѣлъ: «что могутъ такіе постичь въ такомъ дѣлѣ?» Тѣмъ не менѣе лица ихъ производили какое то странно внушительное и почти грозящее впечатлѣніе, были строги и нахмурены.

Наконецъ, предсѣдатель объявилъ къ слушанію дѣло объ убійствѣ отставнаго титулярнаго совѣтника Федора Павло-

вича Карамазова,—не помню вполне, какъ онъ тогда выразился. Судебному приставу велѣно было ввести подсудимаго, и вотъ появился Митя. Все затихло въ залѣ, муху можно было услышать. Не знаю какъ на другихъ, но видъ Мити произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе. Главное, онъ явился ужаснымъ франтомъ, въ новомъ съ иголки сюртукѣ. Я узналъ потомъ что онъ нарочно заказалъ къ этому дню себѣ сюртукъ въ Москвѣ, прежнему портному, у котораго сохранилась его мѣрка. Былъ онъ въ новешенькихъ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ и въ щегольскомъ бѣльѣ. Онъ прошелъ своими длинными аршинными шагами, прямо до неподвижности смотря предъ собою, и сѣлъ на свое мѣсто съ самымъ безтрепетнымъ видомъ. Тутъ же, сейчасъ же явился и защитникъ знаменитый Оетюковичъ, и какъ бы какой то подавленный гулъ пронесся въ залѣ. Это былъ длинный, сухой человекъ, съ длинными, тонкими ногами, съ чрезвычайно длинными, блѣдными, тонкими пальцами, съ обритымъ лицомъ, со скромно причесанными, довольно короткими волосами, съ тонкими изрѣдка кривившимися, не то насмѣшкой, не то улыбкой губами. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Лицо его было бы и пріятнымъ, еслибы не глаза его, сами по себѣ небольшіе и не выразительные, но до рѣдкости близко одинъ отъ другаго поставленные, такъ что ихъ раздѣляла всего только одна тонкая косточка его продолговатаго тонкаго носа. Словомъ, физіономія эта имѣла въ себѣ что то рѣзко птичье, что поражало. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Помню первый вопросъ Мити председателемъ, то есть объ имени, званіи и пр. Митя отвѣтилъ рѣзко, но какъ то неожиданно громко, такъ что председатель встряхнулъ даже головой и почти съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ вызванныхъ къ судебному слѣд-

ствію, то есть свидѣтелей и экспертовъ. Списокъ былъ длинный; четверо изъ свидѣтелей не явились: Міусовъ, бывшій въ настоящее время уже въ Парижѣ, но показаніе котораго имѣлось еще въ предварительномъ слѣдствіи, г-жа Хохлакова и помѣщикъ Максимовъ по болѣзни и Смердяковъ за внезапную смертью, причемъ было представлено свидѣтельство отъ полиціи. Извѣстіе о Смердяковѣ вызвало сильное шевеленіе и шепотъ въ залѣ. Конечно, въ публикѣ многіе еще вовсе не знали объ этомъ внезапномъ эпизодѣ самоубійства. Но что особенно поразило, это—внезапная выходка Мити: только что донесли о Смердяковѣ, какъ вдругъ онъ со своего мѣста воскликнулъ на всю залу:

— Собакѣ собачья смерть!

Помню какъ бросился къ нему его защитникъ и какъ предсѣдатель обратился къ нему съ угрозой принять строгія мѣры если еще разъ повторится подобная этой выходка. Митя отрывисто и кивая головой, но какъ будто совсѣмъ не раскаяваясь, нѣсколько разъ повторилъ вполголоса защитнику:

— Не буду, не буду! Сорвалось! Больше не буду!

И ужь конечно этотъ коротенькій эпизодъ послужилъ не въ его пользу во мнѣніи присяжныхъ и публики. Объявлялся характеръ и рекомендовалъ себя самъ. Подъ этимъ то впечатлѣніемъ былъ прочитанъ секретаремъ суда обвинительный актъ.

Онъ былъ довольно кратокъ, но обстоятеленъ. Излагались лишь главнѣйшія причины почему привлеченъ такой то, почему его должно было предать суду, и такъ далѣе. Тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Секретарь прочелъ четко, звучно, отчетливо. Вся эта трагедія какъ бы вновь появилась предъ всѣми вышугло, концентрично, освѣщенная роковымъ, неумолимымъ свѣтомъ.

Помню какъ сейчасъ же по прочтеніи предсѣдатель громко и внушительно спросилъ Митю:

— Подсудимый, признаете ли вы себя виновнымъ?

Митя вдругъ всталъ съ мѣста:

— Признаю себя виновнымъ въ пьянствѣ и развратѣ, воскликнулъ онъ какимъ-то опять таки неожиданнымъ, почти изступленнымъ голосомъ,—въ лѣни и въ дебоширствѣ. Хотѣлъ стать на вѣки честнымъ человѣкомъ именно въ ту секунду когда подсѣкла судьба! Но въ смерти старика, врага моего и отца—не виновенъ! Но въ ограбленіи его — нѣтъ, нѣтъ, не виновенъ, да и не могу быть виновнымъ: Дмитрій Карамазовъ подлець, но не воръ!

Прогричавъ это, онъ сѣлъ на мѣсто, видимо весь дрожа. Предсѣдатель снова обратился къ нему съ краткимъ, но назидательнымъ увѣщаніемъ отвѣчать лишь на вопросы, а не вдаваться въ постороннія и изступленныя восклицанія. Затѣмъ велѣлъ приступить къ судебному слѣдствію. Ввели всѣхъ свидѣтелей для присяги. Тутъ я увидѣлъ ихъ всѣхъ разомъ. Впрочемъ, братья подсудимаго были допущены къ свидѣтельству безъ присяги. Послѣ увѣщанія священника и предсѣдателя, свидѣтелей увели и разсадили по возможности порознь. Затѣмъ стали вызывать ихъ по одному.

II.

Опасные свидѣтели.

Не знаю были ли свидѣтели прокурорскіе и отъ защиты раздѣлены предсѣдателемъ какъ нибудь на группы и въ какомъ именно порядкѣ предположено было вызывать ихъ. Должно быть все это было. Знаю только что первыми стали вызывать свидѣтелей прокурорскихъ. Повторяю, я не намѣ-

ренъ описывать всѣ допросы и шагъ за шагомъ. Къ тому же мое описаніе вышло бы отчасти и лишнимъ, потому что въ рѣчахъ прокурора и защитника, когда приступили къ преніямъ, весь ходъ и смыслъ всѣхъ данныхъ и выслушанныхъ показаній были сведены какъ бы въ одну точку съ яркимъ и характернымъ освѣщеніемъ, а эти двѣ замѣчательныя рѣчи я по крайней мѣрѣ мѣстами записалъ въ полнотѣ и передамъ въ свое время, равно какъ и одинъ чрезвычайный и совсѣмъ неожиданный эпизодъ процесса, разыгравшійся внезапно еще до судебныхъ преній и несомнѣнно повліявшій на грозный и роковой исходъ его. За-мѣчу только, что съ самыхъ первыхъ минутъ суда выступила ярко нѣкоторая особая характерность этого «дѣла», всѣми замѣченная, именно: необыкновенная сила обвиненія сравнительно со средствами какія имѣла защита. Это всѣ поняли въ первый мигъ, когда въ этой грозной залѣ суда начали, концентрируясь, группироваться факты и стали постепенно выступать весь этотъ ужасъ и вся эта кровь наружу. Всѣмъ можетъ быть стало понятно еще съ самыхъ первыхъ шаговъ, что это совсѣмъ даже и не спорное дѣло, что тутъ нѣтъ сомнѣній, что въ сущности никакихъ бы и преній не надо, что пренія будутъ лишь только для формы, а что преступникъ виновенъ, виновенъ явно, виновенъ окончательно. Я думаю даже, что и всѣ дамы, всѣ до единой, съ такимъ нетерпѣніемъ жаждавшія оправданія интереснаго подсудимаго, были въ то же время совершенно увѣрены въ полной его виновности. Мало того, мнѣ кажется, онѣ бы даже огорчились, если бы виновность его не столь подтвердилась, ибо тогда не было бы такого эффекта въ развязкѣ, когда оправдаютъ преступника. А что его оправдаютъ—въ этомъ, странное дѣло, всѣ дамы были окончательно убѣждены почти до самой послѣд-

ней минуты: «виновень, но оправдаютъ изъ гуманности, изъ новыхъ идей, изъ новыхъ чувствъ, которыя теперь пошли», и проч., и проч. Для того-то онъ и сбѣжались сюда съ такимъ нетерпѣніемъ. Мушныны же наиболѣе интересовались борьбой прокурора и славнаго Ѳетюковича. Всѣ удивлялись и спрашивали себя: что можетъ сдѣлать изъ такого потеряннаго дѣла, изъ такого выѣденнаго яйца даже и такой талантъ, какъ Ѳетюковичъ? а потому съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили шагъ за шагомъ за его подвигами. Но Ѳетюковичъ до самаго конца, до самой рѣчи своей остался для всѣхъ загадкой. Опытные люди предчувствовали, что у него есть система, что у него уже нѣчто составилось, что впереди у него есть цѣль, но какая она—угадать было почти невозможно. Его увѣренность и самонадѣянность бросались однако-же въ глаза. Кромѣ того, всѣ съ удовольствіемъ сейчасъ-же замѣтили, что онъ, въ такое краткое пребываніе у насъ, всего въ какіе-нибудь три дня можетъ быть, съумѣлъ удивительно ознакомиться съ дѣломъ и «до тонкости изучилъ его». Съ наслажденіемъ рассказывали на примѣръ, потомъ, какъ онъ всѣхъ прокурорскихъ свидѣтелей съумѣлъ вовремя «подвести» и по возможности сбить, а главное, подмарать ихъ нравственную репутацію, а стало быть само собой подмарать и ихъ показанія. Полагали впрочемъ, что онъ дѣлаетъ это много-много что для игры, такъ сказать для нѣкотораго юридическаго блеска, чтобъ ужъ ничего не было забыто изъ принятыхъ адвокатскихъ пріемовъ: ибо всѣ были убѣждены, что какой-нибудь большой и окончательной пользы онъ всѣми этими «подмарываніями» не могъ достигъ, и вѣроятно это самъ лучше всѣхъ понимаетъ, имѣя какую-то свою идею въ запасѣ, какое-то еще пока припрятанное оружіе защиты, которое вдругъ и обнаружитъ когда придетъ срокъ. Но пока все таки сознавая свою силу,

онъ какъ бы игралъ и рѣзвился. Такъ на примѣръ, когда опрашивали Григорія Васильева, бывшаго камердинера Ѳедора Павловича, дававшаго самое капитальное показаніе объ «отворенной въ садъ двери», защитникъ такъ и вцѣпилъ въ него, когда ему, въ свою очередь, пришлось предлагать вопросы. Надо замѣтить, что Григорій Васильевичъ предсталъ въ залу не смутившись ни мало ни величіемъ суда, ни присутвіемъ огромной слушавшей его публики, съ видомъ спокойнымъ и чуть не величавымъ. Онъ давалъ свои показанія съ такою увѣренностью, какъ если бы бесѣдовалъ наединѣ со своею Марѳой Игнатьевной, только развѣ почтительнѣе. Сбить его было невозможно. Его сначала долго спрашивалъ прокуроръ о всѣхъ подробностяхъ семейства Карамзовыхъ. Семейная картина ярко выставилась наружу. Слышалось, видѣлось, что свидѣтель былъ простодушенъ и безпристрастенъ. При всей глубочайшей почтительности къ памяти своего бывшаго барина, онъ все таки, на примѣръ, заявилъ, что тотъ былъ къ Митѣ несправедливъ и «не такъ воспиталъ дѣтей. Его, малаго мальчика, безъ меня вши бы заѣли», прибавилъ онъ, повѣствуя о дѣтскихъ годахъ Мити. «Тоже не годилось отцу сына въ имѣніи его материнскомъ, родовомъ, обижать.» На вопросъ же прокурора о томъ, какія у него основанія утверждать, что Ѳедоръ Павловичъ обидѣлъ въ расчетѣ сына, Григорій Васильевичъ, къ удивленію всѣхъ, основательныхъ данныхъ совсѣмъ никакихъ не представилъ, но все таки стоялъ на томъ, что расчетъ съ сыномъ былъ «неправильный» и что это точно ему «нѣсколько тысячъ слѣдовало доплатить». Замѣчу кстати, что этотъ вопросъ—дѣйствительно-ли Ѳедоръ Павловичъ не доплатилъ чего Митѣ, прокуроръ съ особенною настойчивостью предлагалъ потомъ и всѣмъ тѣмъ свидѣтелямъ, которымъ могъ его предложить, не исключая ни Алеши, ни

Ивана Федоровича, но ни отъ кого изъ свидѣтелей не получилъ никакого точнаго свѣдѣнія; всѣ утверждали фактъ и никто не могъ представить хоть сколько-нибудь яснаго доказательства. Послѣ того какъ Григорій описалъ сцену за столомъ, когда ворвался Дмитрій Федоровичъ и избилъ отца, угрожая воротиться убить его, — мрачное впечатлѣніе пронеслось по залѣ, тѣмъ болѣе, что старый слуга рассказывалъ спокойно, безъ лишнихъ словъ, своеобразнымъ языкомъ, а вышло страшно краснорѣчиво. За обиду свою Митей, ударившимъ его тогда по лицу и сбившимъ его съ ногъ, онъ замѣтилъ, что не сердится и давно простилъ. О покойномъ Смердяковѣ выразился, перекрестясь, что малый былъ со способностью, да глупъ и болѣзнью угнетенъ, а пуще безбожникъ, и что его безбожеству Федоръ Павловичъ и старшій сынъ учили. Но о честности Смердякова подтвердилъ почти съ жаромъ и тутъ же передалъ, какъ Смердяковъ, во время ѡно, найдя оброненныя барскія деньги, не утаилъ ихъ, а принесъ барину, и тотъ ему за это «золотой подарилъ» и впредь во всемъ довѣрять началъ. Отворенную же дверь въ садъ подтвердилъ съ упорною настойчивостью. Впрочемъ, его такъ много разспрашивали, что я всего и припомнить не могу. Наконецъ опросы перешли къ защитнику, и тотъ первымъ дѣломъ началъ узнавать о пакетѣ, въ которомъ «будто бы» спрятаны были Федоромъ Павловичемъ три тысячи рублей для «извѣстной особы». «Видѣли ли вы его сами—вы, столь многолѣтне-приближенный къ вашему барину человекъ?» Григорій отвѣтилъ, что не видѣлъ, да и не слыхалъ о такихъ деньгахъ вовсе ни отъ кого, «до самыхъ тѣхъ поръ какъ вотъ зачали теперь всѣ говорить». Этотъ вопросъ о пакетѣ Оетюковичъ со своей стороны тоже предлагалъ всѣмъ кого могъ объ этомъ спросить изъ свидѣтелей съ такою же настойчивостью какъ

и прокуроръ свой вопросъ о раздѣлѣ имѣнія, и ото всѣхъ тоже получалъ лишь одинъ отвѣтъ, что пакета никто не видалъ, хотя очень многіе о немъ слышали. Эту настойчивость защитника на этомъ вопросѣ всѣ съ самаго начала замѣтили.

— Теперь могу ли обратиться къ вамъ съ вопросомъ, если только позволите, вдругъ и совсѣмъ неожиданно спросилъ Ѳетюковичъ,—изъ чего состоялъ тотъ бальзамъ, или такъ сказать та настойка, посредствомъ которой вы въ тотъ вечеръ, передъ сномъ, какъ извѣстно изъ предварительнаго слѣдствія, вытерли вашу страдающую поясницу, надѣясь тѣмъ излѣчиться?

Григорій тупо посмотрѣлъ на опросчика и помолчавъ нѣсколько, пробормоталъ: «былъ шалфѣй положенъ».

— Только шалфѣй? Не припомните-ли еще чего-нибудь?

— Подорожникъ былъ тоже.

— И перецъ можетъ быть? любопытствовалъ Ѳетюковичъ.

— И перецъ былъ.

— И такъ далѣе. И все это на водочкѣ?

— На спирту.

Въ залѣ чуть-чуть пронесся смѣшокъ.

— Видите, даже и на спирту. Вытерши спину, вы вѣдь остальное содержаніе бутылки, съ нѣкою благочестивою молитвою, извѣстной лишь вашей супругѣ, изволили выпить, вѣдь такъ?

— Выпилъ.

— Много-ли примѣрно выпили? Примѣрно? Рюмочку, другую?

— Со стаканъ будетъ.

— Даже и со стаканъ. Можетъ быть и полтора стаканчика?

Григорій замогъ. Онъ какъ-бы что-то понялъ.

— Стаканчика полтора чистенькаго спиртику—оно вѣдь очень недурно, какъ вы думаете? Можно и «райскія двери отверзты» увидѣть, не то что дверь въ садъ?

Григорій все молчалъ. Опять прошелъ смѣшокъ въ залѣ. Предсѣдатель пошевелился.

— Не знаете ли вы навѣрно, впивался все болѣе и болѣе Оетюковичъ:—почивали вы или нѣтъ въ ту минуту, когда увидѣли отворенную въ садъ дверь?

— На ногахъ стоялъ.

— Это еще не доказательство, что не почивали (еще и еще смѣшокъ въ залѣ). Могли ли на примѣръ отвѣтить въ ту минуту, если-бы васъ кто спросилъ о чемъ,—ну на примѣръ о томъ, который у насъ теперь годъ?

— Этого не знаю.

— А который у насъ теперь годъ, нашей эры, отъ Рождества Христова, не знаете-ли?

Григорій стоялъ со сбитымъ видомъ, въ упоръ смотря на своего мучителя. Странно это, казалось, повидимому, что онъ дѣйствительно не знаетъ какой теперь годъ.

— Можетъ быть знаете, однако, сколько у васъ на рукѣ пальцевъ?

— Я человекъ подневольный, вдругъ громко и раздѣльно проговорилъ Григорій,—коли начальству угодно над мною надсмѣхаться, такъ я снести долженъ.

Оетюковича какъ бы немножко осадило, но ввязался и предсѣдатель и назидательно напомнилъ защитнику, что слѣдуетъ задавать болѣе подходящіе вопросы. Оетюковичъ, выслушавъ, съ достоинствомъ поклонился и объявилъ, что разспросы свои кончилъ. Конечно и въ публикѣ, и у присяжныхъ могъ остаться маленькій червячекъ сомнѣнія въ показаніи человека, имѣвшаго возможность «видѣть райскія две-

ри» въ извѣстномъ состояніи лѣченія, и кромѣ того даже невѣдующаго какой нынче годъ отъ Рождества Христова; такъ что защитникъ своей цѣли всетаки достигъ. Но предъ уходомъ Григорія произошелъ еще эпизодъ. Предсѣдатель, обратившись къ подсудимому, спросилъ: не имѣеть-ли онъ чего замѣтить по поводу данныхъ показаній?

— Кромѣ двери во всемъ правду сказалъ, громко крикнулъ Митя.—Что вшей мнѣ вычесывалъ—благодарю, что побои мнѣ простилъ—благодарю; старикъ былъ честенъ всю жизнь и вѣренъ отцу, какъ семьсотъ пуделей.

— Подсудимый, выбирайте ваши слова, строго проговорилъ предсѣдатель.

— Я не пудель, проворчалъ и Григорій.

— Ну такъ это я пудель, я! крикнулъ Митя.—Если обидно, то на себя принимаю, а у него прощенія прошу: былъ звѣрь и съ нимъ жестоко! Съ Езопомъ тоже былъ жестоко.

— Съ какимъ Езопомъ? строго поднялъ опять предсѣдатель.

— Ну съ Пьеро... съ отцомъ, съ Федоромъ Павловичемъ.

Предсѣдатель опять и опять внушительно и строжайше уже подтвердилъ Митѣ, чтобъ онъ осторожнѣе выбиралъ свои выраженія.

— Вы сами вредите себѣ тѣмъ во мнѣніи судей вашихъ.

Точно также весьма ловко распорядился защитникъ и при спросѣ свидѣтеля Ракитина. Замѣчу, что Ракитинъ былъ изъ самыхъ важныхъ свидѣтелей, и которымъ несомнѣнно дорожилъ прокуроръ. Оказалось, что онъ все зналъ, удивительно много зналъ, у всѣхъ-то онъ былъ, все-то видѣлъ, со всѣми-то говорилъ, подробнѣйшимъ образомъ зналъ

біографію Федора Павловича и всѣхъ Карамазовыхъ. Правда, про пакетъ съ тремя тысячами тоже слышалъ лишь отъ самого Мити. Зато подробно описалъ подвиги Мити въ трактирѣ «Столичный городъ», всѣ компрометирующія того слова и жесты и передалъ исторію о «мочалкѣ» штабсъ-капитана Снегирева. На счетъ-же того особаго пункта, остался-ли что нибудь долженъ Федоръ Павловичъ Митѣ при расчетѣ по имѣнію — даже самъ Ракитинъ не могъ ничего указать и отдѣлался лишь общими мѣстами презрительнаго характера: «кто дескать могъ-бы разобрать изъ нихъ виноватаго и сосчитать кто кому остался долженъ при безтолковой Карамазовщинѣ, въ которой никто себя не могъ ни понять, ни опредѣлить?» Всю трагедію судимаго преступленія онъ изобразилъ какъ продуктъ застарѣлыхъ нравовъ крѣпостнаго права и погруженной въ безпорядокъ Россіи страдающей безъ соотвѣтственныхъ учрежденій. Словомъ, ему дали кое что высказать. Съ этого процесса господинъ Ракитинъ въ первый разъ заявилъ себя и сталъ замѣтенъ; прокуроръ зналъ, что свидѣтель готовитъ въ журналъ статью о настоящемъ преступленіи и потомъ уже въ рѣчи своей (что увидимъ ниже) цитовалъ нѣсколько мыслей изъ этой статьи, значить уже былъ съ нею знакомъ. Картина изображенная свидѣтелемъ вышла мрачною и роковою и сильно подкрѣпила «обвиненіе». Вообще-же изложеніе Ракитина плѣнило публику независимостію мысли и необыкновеннымъ благородствомъ ея полета. Послышались даже два, три внезапно сорвавшіяся рукоплесканія, именно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ говорилось о крѣпостномъ правѣ и о страдающей отъ безурядицы Россіи. Но Ракитинъ, все-же какъ молодой человекъ, сдѣлалъ маленькій промахъ, которымъ тотчасъ-же отмѣнно успѣлъ воспользоваться защитникъ. Отвѣчая на извѣстные вопросы на счетъ Грушеньки, онъ, увлеченный

своимъ успѣхомъ, который конечно уже самъ сознавалъ, и тою высотой благородства, на которую воспарилъ, позволилъ себѣ выразиться объ Аграфенѣ Александровнѣ нѣсколько презрительно, какъ о «содержанкѣ купца Самсонова». Дорого далъ-бы онъ потомъ, чтобы воротить свое словечко, ибо на немъ-то и поймалъ его тотчасъ-же Оетюковичъ. И все потому что Ракитинъ совсѣмъ не рассчитывалъ что тотъ въ такой короткій срокъ могъ до такихъ интимныхъ подробностей ознакомиться съ дѣломъ.

— Позвольте узнать, началъ защитникъ съ самою любезною и даже почтительною улыбкой, когда пришлось ему въ свою очередь задавать вопросы,—вы конечно тотъ самый и есть г. Ракитинъ, котораго брошюру изданную епархіальнымъ начальствомъ, *Житіе въ Бозѣ почившаго старца отца Зосимы*, полную глубокихъ и религіозныхъ мыслей, съ превосходнымъ и благочестивымъ посвященіемъ преосвященному, я недавно прочелъ съ такимъ удовольствіемъ.

— Я написалъ не для печати... это потомъ напечатали, пробормоталъ Ракитинъ какъ-бы вдругъ чѣмъ-то опѣшенный и почти со стыдомъ.

— О, это прекрасно! Мыслитель, какъ вы, можетъ и даже долженъ относиться весьма широко ко всякому общественному явленію. Покровительствомъ преосвященнаго ваша полезнѣйшая брошюра разошлась и доставила относительную пользу... Но я вотъ о чемъ, главное, желалъ-бы у васъ полюбопытствовать: вы только что заявили, что были весьма близко знакомы съ г-жой Свѣтловой? (Nota bene. Фамилія Грушеньки оказалась «Свѣтлова». Это я узналъ въ первый разъ только въ этотъ день, во время хода процесса.)

— Я не могу отвѣчать за всѣ мои знакомства... Я мо-

лодой человѣкъ... и кто же можетъ отвѣчать за всѣхъ тѣхъ кого встрѣчаетъ, такъ и вспыхнулъ весь Ракинъ.

— Понимаю, слишкомъ понимаю! воскликнулъ Оетюковичъ какъ-бы самъ сконфуженный и какъ-бы стремительно спѣша извиниться,—вы, какъ и всякій другой, могли быть въ свою очередь заинтересованы знакомствомъ молодой и красивой женщины, охотно принимавшей къ себѣ цвѣтъ здѣшной молодежи, но... я хотѣлъ лишь освѣдомиться: намъ извѣстно, что Свѣтлова мѣсяца два назадъ чрезвычайно желала познакомиться съ младшимъ Карамазовымъ, Алексѣемъ Оедоровичемъ, и только за то, чтобы вы привели его къ ней, и именно въ его тогдашнемъ монастырскомъ костюмѣ, она пообѣщала вамъ выдать двадцать пять рублей, только что вы его къ ней приведете. Это, какъ и извѣстно, состоялось именно въ вечеръ того дня который закончился трагическою катастрофой, послужившею основаніемъ настоящему дѣлу. Вы привели Алексѣя Карамазова къ госпожѣ Свѣтловой и—получили вы тогда эти двадцать пять рублей наградныхъ отъ Свѣтловой, вотъ что я желалъ-бы отъ васъ услышать?

— Это была шутка... Я не вижу почему васъ это можетъ интересовать. Я взялъ для шутки... и чтобы потомъ отдать...

— Стало быть взяли. Но вѣдь не отдали же и до сихъ поръ... или отдали?

— Это пустое... бормоталъ Ракинъ,—я не могу на такіе вопросы отвѣчать... Я конечно отдамъ.

Вступился предсѣдатель, но защитникъ возвѣстилъ, что онъ свои вопросы г. Ракину кончилъ. Г. Ракинъ сошелъ со сцены нѣсколько подсаженный. Впечатлѣніе отъ высшаго благородства его рѣчи было таки испорчено, и Оетюковичъ, провожая его глазами, какъ-бы говорилъ, ука-

зывая публикѣ: «вотъ дескать каковы ваши благородные обвинители!» Помню, не прошло и тутъ безъ эпизода со стороны Мити: взбѣшенный тономъ съ какимъ Ракинъ выразился о Грушенькѣ, онъ вдругъ закричалъ со своего мѣста: «Бернаръ!» Когда же председатель, по окончаніи всего опроса Ракина, обратился къ подсудимому: не желаетъ-ли онъ чего замѣтить со своей стороны, то Митя зычно крикнулъ.

— Онъ у меня уже у подсудимаго деньги таскалъ займы! Бернаръ презрѣнный и карьеристъ, и въ Бога не вѣруеть, преосвященнаго надулъ!

Митю, конечно, опять образумили за неистовство выражений, но г. Ракинъ былъ доконченъ. Не повезло и свидѣтельству штабсъ-капитана Снегирева, но уже совсѣмъ отъ другой причины. Онъ предсталъ весь изорванный, въ грязной одеждѣ, въ грязныхъ сапогахъ, и не смотря на всѣ предосторожности и предварительную «экспертизу», вдругъ оказался совсѣмъ пьяненькимъ. На вопросы объ обидѣ нанесенной ему Митей вдругъ отказался отвѣчать.

— Богъ съ ними-съ. Илюшечка не велѣлъ. Мнѣ Богъ тамъ заплатитъ-съ.

— Кто вамъ не велѣлъ говорить? Про кого вы упоминаете?

— Илюшечка, сыночекъ мой: «Папочка, папочка какъ онъ тебя унизилъ!» У камушка произнесъ. Теперь помираеть-съ...

Штабсъ-капитанъ вдругъ зарыдалъ и съ размаху бухнулся въ ноги председателю. Его поскорѣ вывели, при смѣхѣ публики. Подготовленное прокуроромъ впечатлѣніе не состоялось вовсе.

Защитникъ-же продолжалъ пользоваться всѣми средствами и все болѣе и болѣе удивлялъ своимъ ознакомле-

ніемъ съ дѣломъ до мельчайшихъ подробностей. Такъ на-
примѣръ, показаніе Трифона Борисовича произвело было
весьма сильное впечатлѣніе и ужь конечно было чрезвы-
чайно неблагопріятно для Мити. Онъ именно, чуть не по
пальцамъ, высчиталъ, что Митя, въ первый пріѣздъ свой
въ Мокрое, за мѣсяць почти предъ катастрофой, не могъ
истратить менѣе трехъ тысячъ или «развѣ безъ самаго
только малаго. На однѣхъ этихъ Цыганокъ сколько раски-
дано! Нашимъ-то шивымъ мужикамъ не то что «полтиною
по улицѣ шибали», а по меньшей мѣрѣ двадцатипятирубле-
выми бумажками дарили, меньше не давали. А сколько у
нихъ тогда просто украли-сь! Вѣдь кто украсть, тотъ руки
своей не оставилъ, гдѣ же его поймать, вора-то-сь, когда
сами зря разбрасывали! Вѣдь у насъ народъ разбойникъ,
душу свою не хранять. А дѣвкамъ-то, дѣвкамъ-то нашимъ
деревенскимъ что пошло! Разбогатѣли у насъ съ той поры,
вотъ что-сь, прежде бѣдность была.» Словомъ, онъ при-
помнилъ всякую издержку и вывелъ все точно на счетахъ.
Такимъ образомъ предположеніе о томъ, что истрачены были
лишь полторы тысячи, а другія отложены въ ладонку, ста-
новилось невысказаннымъ. «Самъ видѣлъ, въ рукахъ у нихъ
видѣлъ три тысячи какъ одну копѣечку, глазами созерцалъ,
ужь намъ-ли счету не понимать-сь!» восклицалъ Трифонъ
Борисовичъ, изо всѣхъ силъ желая угодить «начальству».
Но когда опросъ перешелъ къ защитнику, тотъ, почти и не
пробуя опровергать показаніе, вдругъ завелъ рѣчь о томъ,
что ямщикъ Тимошей и другой мужикъ Акимъ подняли въ
Мокромъ, въ этотъ первый кутежъ, еще за мѣсяць до ареста,
сто рублей въ сѣняхъ на полу, оброненные Митей въ хмѣль-
номъ видѣ, и представили ихъ Трифону Борисовичу, а тотъ
далъ имъ за это по рублю. «Ну такъ возвратили вы тогда
эти сто рублей г. Карамазову или нѣтъ?» Трифонъ Бори-

вичъ какъ ни вилялъ, но послѣ допроса мужиковъ въ найденной сторублевой сознался, прибавивъ только, что Дмитрію Ѳедоровичу тогда же свято все возвратилъ и вручилъ «по самой честности, и что вотъ только онѣ сами будучи въ то время совсѣмъ пьяными-съ врядъ-ли это могутъ припомнить». Но такъ какъ онъ всетаки до призыва свидѣтелей-мужиковъ въ находкѣ ста рублей отрицался, то и показаніе его о возвратѣ суммы хмѣльному Митѣ естественно подверглось большому сомнѣнію. Такимъ образомъ одинъ изъ опаснѣйшихъ свидѣтелей, выставленныхъ прокуратурой, ушелъ опять таки заподозрѣннымъ и въ репутаціи своей сильно осаленнымъ. Тоже приключилось и съ Поляками: тѣ явились гордо и независимо. Громко засвидѣтельствовали что, во первыхъ, оба «служили коронѣ» и что «панъ Митя» предлагалъ имъ три тысячи, чтобы купить ихъ честь, и что они сами видѣли большія деньги въ рукахъ его. Панъ Муссяловичъ вставлялъ страшно много польскихъ словъ въ свои фразы и видя, что это только возвышаетъ его въ глазахъ предсѣдателя и прокурора, возвысилъ наконецъ свой духъ окончательно и сталъ уже совсѣмъ говорить по польски. Но Ѳетюковичъ поймалъ и ихъ въ свои тенета: какъ ни вилялъ позванный опять Трифонъ Борисовичъ, а всетаки долженъ былъ сознаться, что его колода картъ была подмѣнена паномъ Врублевскимъ своею, а что панъ Муссяловичъ, меча банкъ, передернулъ карту. Это уже подтвердилъ Калгановъ, давая въ свою очередь показаніе, и оба пана удалились съ нѣкоторымъ срамомъ, даже при смѣхѣ публики.

Затѣмъ точно такъ произошло почти со всѣми наиболѣе опаснѣйшими свидѣтелями. Каждого-то изъ нихъ сдумѣлъ Ѳетюковичъ нравственно размарать и отпустить съ нѣкоторымъ носомъ. Любители и юристы только любовались и

лишь недоумѣвали опять таки къ чему такому большому и окончательному все это могло-бы послужить, ибо, повторяю, всѣ чувствовали неотразимость обвиненія, все болѣе и трагичнѣе нарастававшего. Но по увѣренности «великаго мага» видѣли, что онъ былъ спокоенъ, и ждали: не даромъ-же пріѣхалъ изъ Петербурга «таковъ человекъ», не таковъ и человекъ, чтобы ни съ чѣмъ назадъ воротиться.

III.

Медицинская экспертиза и одинъ фунтъ орѣховъ.

Медицинская экспертиза тоже не очень помогла подсудимому. Да и самъ Оетюковичъ кажется не очень на нее рассчитывалъ, что и оказалось впоследствии. Въ основаніи своемъ она произошла единственно по настоянію Катерины Ивановны, вызвавшей нарочно знаменитаго доктора изъ Москвы. Защита, конечно, ничего не могла черезъ нее проиграть, а въ лучшемъ случаѣ могла что нибудь и выиграть. Впрочемъ, отчасти вышло даже какъ-бы нѣчто комическое, именно по нѣкоторому разногласію докторовъ. Экспертами явились—пріѣхавшій знаменитый докторъ, затѣмъ нашъ докторъ Герценштубе и наконецъ молодой врачъ Варвинскій. Оба послѣдніе фигурировали тоже и какъ просто свидѣтели вызванные прокуроромъ. Первымъ спрошенъ былъ въ качествѣ эксперта докторъ Герценштубе. Это былъ семидесятилѣтній старикъ, сѣдой и плѣшивый, средняго роста, крѣпкаго сложенія. Его всѣ у насъ въ городѣ очень цѣнили и уважали. Былъ онъ врачъ добросовѣстный, человекъ прекрасный и благочестивый, какой-то гернгутерь или «Моравскій братъ» — ужь не знаю навѣрно. Жилъ у насъ уже очень давно и дер-

жалъ себя съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Онъ былъ добръ и челоѡколюбивъ, лѣчилъ бѣдныхъ больныхъ и крестьянъ даромъ, самъ ходилъ въ ихъ вонуры и избы и оставлялъ деньги на лекарство, но при томъ былъ и упрямъ какъ мулъ. Сбить его съ его идеи, если она засѣла у него въ головѣ, было невозможно. Кстати, уже всѣмъ почти было извѣстно въ городѣ что прїѣзжій знаменитый врачъ въ какіе нибудь два-три дня своего у насъ пребыванія позволилъ себѣ нѣсколько чрезвычайно обидныхъ отзыововъ на счетъ дарованій доктора Герценштубе. Дѣло въ томъ, что хотъ московскій врачъ и бралъ за визиты не менѣе двадцати пяти рублей, но все же нѣкоторые въ нашемъ городѣ обрадовались случаю его прїѣзда, не пожалѣли денегъ и кинулись къ нему за совѣтами. Всѣхъ этихъ больныхъ лѣчилъ до него конечно докторъ Герценштубе, и вотъ знаменитый врачъ съ необычайною рѣзкостью окритиковалъ вездѣ его лѣченіе. Подъ конецъ даже, являясь къ больному, прямо спрашивалъ: «Ну, кто васъ здѣсь пачкалъ, Герценштубе? Хе-хе!» Докторъ Герценштубе конечно все это узналъ. И вотъ всѣ три врача появились одинъ за другимъ для опроса. Докторъ Герценштубе прямо заявилъ что «ненормальность умственныхъ способностей подсудимаго усматривается сама собой». Затѣмъ, представивъ свои соображенія, которыя я здѣсь опускаю, онъ прибавилъ что ненормальность эта усматривается, главное, не только изъ прежнихъ многихъ поступковъ подсудимаго, но и теперь въ сію даже минуту, и когда его попросили объяснить въ чемъ же усматривается теперь, въ сію то минуту, то старикъ-докторъ со всею прямою своего простодушія указалъ на то, что подсудимый, войдя въ залу, «имѣлъ необыкновенный и чудный по обстоятельствамъ видъ, шагаль впередъ какъ солдатъ и держалъ глаза впереди себя, упираясь, тогда какъ

вѣрнѣе было ему смотрѣть налѣво, гдѣ въ публикѣ сидятъ дамы, ибо онъ былъ большой любитель прекраснаго пола и долженъ былъ очень много думать о томъ что теперь о немъ скажутъ дамы,» заключилъ старичокъ своимъ своеобразнымъ языкомъ. Надо прибавить что онъ говорилъ по русски много и охотно, но какъ то у него каждая фразы выходила на нѣмецкій манеръ, что впрочемъ никогда не смущало его, ибо онъ всю жизнь имѣлъ слабость считать свою русскую рѣчь за образцовую, «за лучшую чѣмъ даже у Русскихъ», и даже очень любилъ прибѣгать къ русскимъ пословицамъ, увѣряя каждый разъ что русскія пословицы лучшія и выразительнѣйшія изъ всѣхъ пословицъ въ мірѣ. Замѣчу еще что онъ, въ разговорѣ, отъ разсѣянности ли какой, часто забывалъ слова самыя обычныя, которыя отлично зналъ, но которыя вдругъ почему-то у него изъ ума выскакивали. Тоже самое впрочемъ бывало когда онъ говорилъ по нѣмецки, и при этомъ всегда махалъ рукой предъ лицомъ своимъ какъ бы ища ухватить потерянное словечко, и ужъ никто не могъ бы принудить его продолжать начатую рѣчь прежде чѣмъ онъ не отыщетъ пропавшаго слова. Замѣчаніе его на счетъ того что подсудимый войдя долженъ было-бы посмотрѣть на дамъ вызвало игривый шепотъ въ публикѣ. Старичка нашего очень у насъ любили всѣ дамы, знали тоже что онъ, холостой всю жизнь человѣкъ, благочестивый и цѣломудренный, на женщинъ смотрѣлъ какъ на высшія и идеальныя существа. А потому неожиданное замѣчаніе его всѣмъ показалось ужасно страннымъ.

Московскій докторъ, спрошенный въ свою очередь, рѣзко и настойчиво подтвердилъ что считаетъ умственное состояніе подсудимаго за ненормальное, «даже въ высшей степени». Онъ много и умно говорилъ про «афектъ» и «манію»

и выводилъ, что по всѣмъ собраннымъ даннымъ подсудимый предъ своимъ арестомъ за нѣсколько еще дней находился въ несомнѣнномъ болѣзненномъ афектѣ, и если совершилъ преступленіе, то хотя и сознавая его, но почти невольно совсѣмъ не имѣя силъ бороться съ болѣзненнымъ нравственнымъ влеченіемъ имъ овладѣвшимъ. Но кромѣ афекта, докторъ усматривалъ и манію, что уже пророчило впереди, по его словамъ, прямую дорогу къ совершенному уже помѣшательству. (NB. Я передаю своими словами, докторъ же изъяснялся очень ученымъ и спеціальнымъ языкомъ.) «Всѣ дѣйствія его наоборотъ здравому смыслу и логикѣ,» продолжалъ онъ. «Уже не говорю о томъ, чего не видалъ, то есть о самомъ преступленіи и всей этой катастрофѣ, но даже третьяго дня, во время разговора со мной, у него былъ необъяснимый неподвижный взглядъ. Неожиданный смѣхъ, когда вовсе его не надо. Непонятное постоянное раздраженіе, странныя слова: «Бернаръ, ээика и другія, которыхъ не надо». Но особенно усматривалъ докторъ эту манію въ томъ, что подсудимый даже не можетъ и говорить о тѣхъ трехъ тысячахъ рублей, въ которыхъ считаетъ себя обманутымъ, безъ какого то необычайнаго раздраженія, тогда какъ обо всѣхъ другихъ неудачахъ и обидахъ своихъ говорить и вспоминаетъ довольно легко. Наконецъ, по справкамъ, онъ точно также и прежде, всякій разъ когда касалось этихъ трехъ тысячъ, приходилъ въ какое-то почти изступленіе, а между тѣмъ свидѣтельствуютъ о немъ что онъ безкорыстенъ и нестяжателенъ. «На счетъ же мнѣнія ученаго собрата моего,— иронически присовокупилъ московскій докторъ, заканчивая свою рѣчь,—что подсудимый, входя въ залу, долженъ былъ смотрѣть на дамъ, а не прямо предъ собою, скажу лишь то что, кромѣ игривости подобнаго заключенія, оно сверхъ того и радикально ошибочно; ибо, хотя я впол-

нѣ соглашаюсь что подсудимый, входя въ залу суда, въ которой рѣшается его участь, не долженъ былъ такъ неподвижно смотрѣть предъ собой и что это дѣйствительно могло бы считаться признакомъ его ненормальнаго душевнаго состоянія въ данную минуту, но въ тоже время я утверждаю что онъ долженъ былъ смотрѣть не налево на дамъ, а напротивъ именно направо, ища глазами своего защитника, въ помощи котораго вся его надежда и отъ защиты котораго зависитъ теперь вся его участь». Мнѣніе свое докторъ выразилъ рѣшительно и настоятельно. Но особенный комизмъ разногласію обоихъ ученыхъ экспертовъ придалъ неожиданный выводъ врача Варвинскаго, сиротеннаго послѣ всѣхъ. На его взглядъ подсудимый какъ теперь, такъ и прежде находится въ совершенно нормальномъ состояніи, и хотя дѣйствительно онъ долженъ былъ предъ арестомъ находиться въ положеніи нервномъ и чрезвычайно возбужденномъ, но это могло происходить отъ многихъ самыхъ очевидныхъ причинъ: отъ ревности, гнѣва, непрерывно пьянаго состоянія и проч. Но это нервное состояніе не могло заключать въ себѣ никакого особеннаго «аффекта», о которомъ сейчасъ говорилось. Что же до того, налево или направо долженъ былъ смотрѣть подсудимый, входя въ залу, то, «по его скромному мнѣнію», подсудимый именно долженъ былъ, входя въ залу, смотрѣть прямо предъ собой, какъ и смотрѣлъ въ самомъ дѣлѣ, ибо прямо предъ нимъ сидѣли предсѣдатель и члены суда, отъ которыхъ зависитъ теперь вся его участь, «такъ что, смотря прямо предъ собой, онъ именно тѣмъ самымъ и доказалъ совершенно нормальное состояніе своего ума въ данную минуту», съ нѣкоторымъ жаромъ заключилъ молодой врачъ свое «скромное» показаніе.

— Bravo, лѣкарь! крикнулъ Митя со своего мѣста,— именно такъ!

Митю конечно остановили, но мнѣніе молодаго врача имѣло самое рѣшающее дѣйствіе какъ на судъ, такъ и на публику, ибо какъ оказалось потомъ, всѣ съ нимъ согласились. Впрочемъ, докторъ Герценштубе, спрошенный уже какъ свидѣтель, совершенно неожиданно вдругъ послужилъ въ пользу Мити. Какъ старожилъ города, издавна знающій семейство Карамазовыхъ, онъ далъ нѣсколько показаній весьма интересныхъ для «обвиненія», и вдругъ, какъ бы что-то сообразивъ, присовокупилъ:

— И, однако, бѣдный молодой человекъ могъ получить безъ сравненія лучшую участь, ибо былъ хорошаго сердца и въ дѣтствѣ и послѣ дѣтства, ибо я знаю это. Но русская пословица говоритъ: «если есть у кого одинъ умъ, то это хорошо, а если придетъ въ гости еще умный человекъ, то будетъ еще лучше ибо тогда будетъ два ума, а не одинъ только...»

— Умъ хорошо а два—лучше, въ нетерпѣніи подсказалъ прокуроръ, давно уже знавшій обычай старичка говорить медленно, растянуто, не смущаясь производимымъ впечатлѣніемъ и тѣмъ что заставляетъ себя ждать, а, напротивъ, еще весьма цѣня свое тугое, картофельное и всегда радостно самодовольное нѣмецкое остроуміе. Старичокъ же любилъ острить.

— О д-да, и я тоже говорю, упрямо подхватилъ онъ:— одинъ умъ хорошо, а два гораздо лучше. Но къ нему другой съ умомъ не пришелъ, а онъ и свой пустилъ... Какъ это, куда онъ его пустилъ? Это слово—куда онъ пустилъ свой умъ, я забылъ,—продолжалъ онъ вертя рукой предъ своими глазами,—ахъ да, шпациренъ.

— Гулять?

— Ну да, гулять, и я тоже говорю. Вотъ умъ его и пошелъ прогуливаться и пришелъ въ такое глубокое мѣсто

въ которомъ и потерялъ себя. А между тѣмъ это былъ благодарный и чувствительный юноша, о, я очень помню его еще вотъ такимъ малюткой, брошеннымъ у отца въ задній дворъ, когда онъ бѣгалъ по землѣ безъ сапожекъ и съ панталончиками на одной пуговкѣ...

Какая-то чувствительная и проникновенная нотка послышалась вдругъ въ голосѣ честнаго старичка. Оетюковичъ такъ и вздрогнулъ, какъ бы что-то предчувствуя, и мигомъ привязался.

— О, да, я самъ былъ тогда еще молодой человѣкъ... Мнѣ... ну да, мнѣ было тогда сорокъ пять лѣтъ, а я только-что сюда пріѣхалъ. И мнѣ стало тогда жаль мальчика, и я спросилъ себя: почему я не могу купить ему одинъ фунтъ... Ну да, чего фунтъ? Я забылъ какъ это называется... фунтъ того что дѣти очень любятъ, какъ это,—ну какъ это...—замахалъ опять докторъ руками,—это на деревѣ растетъ, и его собираютъ и всѣмъ дарятъ...

— Яблоки?

— О н-нѣ-ѣ-ѣтъ! Фунтъ, фунтъ, яблоки десятокъ, а не фунтъ... нѣтъ, ихъ много и все маленькіе, кладутъ въ ротъ и кр-р-рахъ!...

— Орѣхи?

— Ну да, орѣхи, и я тоже говорю, самымъ спокойнымъ образомъ, какъ бы вовсе и не искалъ слова, подтвердилъ докторъ,—и я принесъ ему одинъ фунтъ орѣховъ, ибо мальчику никогда и никто еще не приносилъ фунтъ орѣховъ, и я поднялъ мой палецъ и сказалъ ему: Мальчикъ! Gott der Vater, онъ засмѣялся и говоритъ: Gott der Vater.—Gott der Sohn. Онъ еще засмѣялся и лепеталъ: Gott der Sohn.—Gott der heilige Geist. Тогда онъ еще засмѣялся и проговорилъ сколько могъ: Gott der heilige Geist. А я ушелъ. На третій день иду мимо, а онъ кричитъ мнѣ самъ:

«Дядя, Gott der Vater, Gott der Sohn, и только забылъ Gott der heilige Geist, но я ему вспомнилъ, и мнѣ опять стало очень жаль его. Но его увезли, и я болѣе не видалъ его. И вотъ прошло двадцать три года, я сижу въ одно утро въ моемъ кабинетѣ уже съ бѣлою головой, и вдругъ входитъ цвѣтущій молодой человѣкъ, котораго я никакъ не могу узнать, но онъ поднялъ палецъ и смѣясь говоритъ: «Gott der Vater, Gott der Sohn und Gott der heilige Geist! Я сейчасъ приѣхалъ и пришелъ васъ благодарить за фунтъ орѣховъ; ибо мнѣ никто никогда не покупалъ тогда фунтъ орѣховъ, а вы одинъ купили мнѣ фунтъ орѣховъ». И тогда я вспомнилъ мою счастливую молодость и бѣднаго мальчика на дворѣ безъ сапожекъ, и у меня повернулось сердце, и я сказалъ: Ты благодарный молодой человѣкъ, ибо всю жизнь помнилъ тотъ фунтъ орѣховъ, который я тебѣ принесъ въ твоемъ дѣтствѣ. И я обнялъ его и благословилъ. И я заплакалъ. Онъ смѣялся, но онъ и плакалъ... ибо Русскій весьма часто смѣется тамъ, гдѣ надо плакать. Но онъ и плакалъ, я видѣлъ это. А теперь, увы!...

— И теперь плачу, Нѣмецъ, и теперь плачу, Божій ты человѣкъ! крикнулъ вдругъ Митя со своего мѣста.

Какъ бы тамъ ни было, а анекдотикъ произвелъ въ публикѣ нѣкоторое благопріятное впечатлѣніе. Но главный эффектъ въ пользу Мити произведенъ былъ показаніемъ Катерины Ивановны, о которомъ сейчасъ скажу. Да и вообще, когда начались свидѣтели à charge, то есть вызванные защитникомъ, то судьба какъ бы вдругъ и даже серьезно улыбнулась Митѣ и что всего замѣчательнѣе—неожиданно даже для самой защиты. Но еще прежде Катерины Ивановны спрошенъ былъ Алеша, который вдругъ припомнилъ одинъ фактъ, имѣвшій видъ даже какъ будто положительнаго уже свидѣтельства противъ одного важнѣйшаго пункта обвиненія.

IV.

Счастіе улыбается Митѣ.

Случилось это вовсе нечаянно даже для самого Алеши. Онъ вызванъ былъ безъ присяги, и я помню, что къ нему всѣ стороны отнеслись съ самыхъ первыхъ словъ вопроса чрезвычайно мягко и симпатично. Видно было, что ему предшествовала добрая слава. Алеша показывалъ скромно и сдержанно, но въ показаніяхъ его явно прорывалась горячая симпатія къ несчастному брату. Отвѣчая по одному вопросу, онъ очертилъ характеръ брата какъ человѣка можетъ быть и неистоваго и увлеченнаго страстями, но тоже и благороднаго, гордаго и великодушнаго, готоваго даже на жертву, еслибъ отъ него потребовали. Сознавался, впрочемъ, что братъ былъ въ послѣдніе дни, изъ-за страсти къ Грушенькѣ, изъ за соперничества съ отцомъ, въ положеніи невыносимомъ. Но онъ съ негодованіемъ отвергъ даже предположеніе о томъ, что братъ могъ убить съ цѣлью грабежа, хотя и сознался, что эти три тысячи обратились въ умѣ Мити въ какую-то почти манію, что онъ считалъ ихъ за недоданное ему, обманомъ отца, наслѣдство, и что будучи вовсе не корыстолюбивымъ, даже не могъ заговорить объ этихъ трехъ тысячахъ безъ изступленія и бѣшенства. Про соперничество же двухъ «особь», какъ выразился прокуроръ, то есть Грушеньки и Кати, отвѣчалъ уклончиво и даже на одинъ или два вопроса совсѣмъ не пожелалъ отвѣчать.

— Говорилъ ли вамъ, по крайней мѣрѣ, братъ вашъ, что намѣренъ убить своего отца? спросилъ прокуроръ. — Вы можете не отвѣчать, если найдете это нужнымъ, прибавилъ онъ.

— Прямо не говорилъ, отвѣтилъ Алеша.

— Какже? Косвенно?

— Онъ говорилъ мнѣ разъ о своей личной ненависти къ отцу и что боится что... въ крайнюю минуту... въ минуту омерзѣнія... можетъ быть и могъ бы убить его.

— И вы, услышавъ повѣрили тому?

— Боюсь сказать что повѣрилъ. Но я всегда былъ убѣжденъ, что нѣкоторое высшее чувство всегда спасетъ его въ роковую минуту, какъ и спасло въ самомъ дѣлѣ, потому что *не онъ* убилъ отца моего, твердо закончилъ Алеша громкимъ голосомъ и на всю залу. Прокуроръ вздрогнулъ, какъ боевой конь слышавшій трубный сигналъ.

— Будьте увѣрены что я совершенно вѣрю самой полной искренности убѣжденія вашего, не обусловливая и не ассимилируя его нисколько съ любовью къ вашему несчастному брату. Своеобразный взглядъ вашъ на весь трагическій эпизодъ разыгравшійся въ вашемъ семействѣ уже извѣстенъ намъ по предварительному слѣдствию. Не скрою отъ васъ что онъ въ высшей степени особливъ и противорѣчитъ всѣмъ прочимъ показаніямъ, полученнымъ прокуратурою. А потому и нахожу нужнымъ спросить васъ уже съ настоячивостью: какія именно данныя руководили мысль вашу и направили ее на окончательное убѣжденіе въ невинности брата вашего, и напротивъ, въ виновности другаго лица, на котораго вы уже указали прямо на предварительномъ слѣдствіи?

— На предварительномъ слѣдствіи я отвѣчалъ лишь на вопросы, тихо и спокойно проговорилъ Алеша,—а не шель самъ съ обвиненіемъ на Смердякова.

— И все же на него указали?

— Я указалъ со словъ брата Дмитрія. Мнѣ еще до вопроса рассказали о томъ, что произошло при арестѣ его и какъ онъ самъ показалъ тогда на Смердякова. Я вѣрю вполне, что братъ невиновенъ. А если убилъ не онъ, то...

— То Смердяковъ? Почему же именно Смердяковъ? И почему именно вы такъ окончательно убѣдились въ невиновности вашего брата?

— Я не могъ не повѣрить брату. Я знаю что онъ мнѣ не солжетъ. Я по лицу его видѣлъ что онъ мнѣ не лжетъ.

— Только по лицу? Въ этомъ всѣ ваши доказательства?

— Болѣе не имѣю доказательствъ.

— И о виновности Смердякова тоже не основываетесь ни на малѣйшемъ иномъ доказательствѣ кромѣ лишь словъ вашего брата и выраженія лица его?

— Да, не имѣю иного доказательства.

На этомъ прокуроръ прекратилъ разспросы. Отвѣты Алеши произвели было на публику самое разочаровывающее впечатлѣніе. О Смердяковѣ у насъ уже поговаривали еще до суда, кто-то что-то слышалъ, кто-то на что-то указывалъ, говорили про Алешу что онъ накопилъ какія-то чрезвычайныя доказательства въ пользу брата и въ виновности лакея, и вотъ —ничего, никакихъ доказательствъ, кромѣ какихъ-то нравственныхъ убѣжденій, столь естественныхъ въ его качествѣ роднаго брата подсудимаго.

Но началъ спрашивать и Оетюковичъ. На вопросъ о томъ: когда именно подсудимый говорилъ ему, Алешѣ, о своей ненависти къ отцу и о томъ что онъ могъ бы убить его, и что слышалъ ли онъ это онъ него напимѣръ при послѣднемъ свиданіи предъ катастрофой, Алеша, отвѣчая, вдругъ какъ бы вздрогнулъ, какъ бы нѣчто только теперь припомнивъ и сообразивъ:

— Я припоминаю теперь одно обстоятельство, о которомъ я было совсѣмъ и самъ позабылъ, но тогда оно было мнѣ такъ не ясно, а теперь...

И Алеша съ увлеченіемъ, видимо самъ только-что теперь внезапно попавъ на идею, припомнилъ какъ въ по-

слѣднемъ свиданіи съ Митей, вечеромъ, у дерева, по дороге къ монастырю, Митя, ударяя себя въ грудь, «въ верхнюю часть груди», нѣсколько разъ повторилъ ему, что у него есть средство возстановить свою честь, что средство это здѣсь, вотъ тутъ, на его груди... «Я подумалъ тогда что онъ, ударяя себя въ грудь, говорилъ о своемъ сердцѣ», продолжалъ Алеша, — «о томъ что въ сердцѣ своемъ могъ бы отыскать силы, чтобы выйти изъ одного какого-то ужаснаго позора, который предстоялъ ему и о которомъ онъ даже мнѣ не смѣлъ признаться. Признаюсь, я именно подумалъ тогда, что онъ говоритъ объ отцѣ и что онъ содрогается какъ отъ позора при мысли пойти къ отцу и совершить съ нимъ какое-нибудь насиліе, а между тѣмъ онъ именно тогда какъ бы на что-то указывалъ на своей груди, такъ что, помню, у меня мелькнула именно тогда же какая-то мысль, что сердце совсѣмъ не въ той сторонѣ груди, а ниже, а онъ ударяетъ себя гораздо выше, вотъ тутъ, сейчасъ ниже шеи, и все указываетъ въ это мѣсто. Моя мысль мнѣ показалась тогда глупою, а онъ именно можетъ быть тогда указывалъ на эту ладонку въ которой защиты были эти полторы тысячи!...»

— Именно! крикнулъ вдругъ Митя съ мѣста.— Это такъ, Алеша, такъ, я тогда объ нее стучалъ кулакомъ!

Оетюковичъ бросился къ нему впопыхахъ, умоляя успокоиться, и въ тотъ же мигъ такъ и вцѣпился въ Алешу. Алеша, самъ увлеченный своимъ воспоминаніемъ, горячо высказалъ свое предположеніе, что позоръ этотъ вѣроятно же всего состоялъ именно въ томъ, что, имѣя на себѣ эти тысячу пятьсотъ рублей, которые бы могъ возратить Катеринѣ Ивановнѣ, какъ половину своего ей долга, онъ все-таки рѣшилъ не отдать ей этой половины и употребить на другое, то есть на увозъ Грушеньки, еслибъ она согласилась...

— Это такъ, это именно такъ, восклицалъ во внезапномъ возбужденіи Алеша, — братъ именно восклицалъ мнѣ тогда, что половину, половину позора (онъ нѣсколько разъ выговорилъ: *половину!*), онъ могъ бы сейчасъ снять съ себя, но что до того несчастенъ слабостью своего характера что этого не сдѣлаетъ... знаетъ заранѣе что этого не можетъ и не въ силахъ сдѣлать!

— И вы твердо, ясно помните что онъ ударялъ себя именно въ это мѣсто груди? жадно допрашивалъ Оетюковичъ.

— Ясно и твердо, потому что именно мнѣ подумалось тогда: зачѣмъ это онъ ударяетъ такъ высоко, когда сердце ниже, и мнѣ тогда же показалась моя мысль глупою... я это помню что показалась глупою... это мелькнуло. Вотъ потому-то я сейчасъ теперь и вспомнилъ. И какъ я могъ позабыть это до самыхъ этихъ поръ! Именно онъ на эту ладонку указывалъ какъ на то, что у него есть средства, но что онъ не отдастъ эти полторы тысячи! А при арестѣ, въ Мокромъ, онъ именно кричалъ, —я это знаю, мнѣ передавали, — что считаетъ самымъ позорнымъ дѣломъ всей своей жизни, что имѣя средства отдать половину (именно половину!) долга Катеринѣ Ивановнѣ и стать предъ ней не воромъ, онъ всетаки не рѣшился отдать и лучше захотѣлъ остаться въ ея глазахъ воромъ чѣмъ разстаться съ деньгами! А какъ онъ мучился, какъ онъ мучился этимъ долгомъ! закончилъ, восклицая, Алеша.

Разумѣется ввязался и прокуроръ. Онъ попросилъ Алешу еще разъ описать какъ это все было, и нѣсколько разъ настаивалъ спрашивая: точно ли подсудимый, бія себя въ грудь, какъ бы на что-то указывалъ? Можетъ быть просто билъ себя кулакомъ по груди?

— Да и не кулакомъ! восклицалъ Алеша, — а именно

указывалъ пальцами, и указывалъ сюда, очень высоко... Но какъ я могъ это такъ совсѣмъ забыть до самой этой минуты!

Предсѣдатель обратился къ Митѣ съ вопросомъ, что можетъ онъ сказать на счетъ даннаго показанія. Митя подтвердилъ что именно все такъ и было, что онъ именно указывалъ на свои полторы тысячи, бывшія у него на груди, сейчасъ пониже шеи, и что конечно это былъ позоръ,— «позоръ отъ котораго не отрекаюсь, позорнѣйшій актъ во всей моей жизни!» вскричалъ Митя. «Я могъ отдать и не отдалъ. Захотѣлъ лучше остаться въ ея глазахъ воромъ, но не отдалъ, а самый главный позоръ былъ въ томъ что и впередъ зналъ что не отдамъ! Правъ Алеша! Спасибо Алеша!»

Тѣмъ кончился допросъ Алеши. Важно и характерно было именно то обстоятельство что отыскался хоть одинъ лишь фактъ, хоть одно лишь, положимъ, самое мелкое доказательство, почти только намекъ на доказательство, но которое все же хоть капельку свидѣтельствовало, что дѣйствительно существовала эта ладонка, что были въ ней полторы тысячи, и что подсудимый не лгалъ на предварительномъ слѣдствіи, когда въ Мокромъ объявилъ что эти полторы тысячи «были мои». Алеша былъ радъ; весь раскраснѣвшись, онъ прослѣдовалъ на указанное ему мѣсто. Онъ долго еще повторялъ про себя: «Какъ это я забылъ! Какъ могъ я это забыть! И какъ это такъ вдругъ только теперь припомнилось!»

Начался допросъ Катерины Ивановны. Только что она появилась въ залѣ пронеслось нѣчто необыкновенное. Дамы схватились за лорнеты и бинокли, мушкетеры зашевелились, иные вставали съ мѣстъ чтобы лучше видѣть. Всѣ утверждали потомъ что Митя вдругъ поблѣднѣлъ «какъ платокъ»

только что она вошла. Вся въ черномъ, скромно и почти робко приблизилась она къ указанному ей мѣсту. Нельзя было угадать по лицу ея что она была взволнована, но рѣшимость сверкала въ ея темномъ, сумрачномъ взглядѣ. Надо замѣтить, потомъ весьма многіе утверждали что она была удивительно хороша собой въ ту минуту. Заговорила она тихо, но ясно, на всю залу. Выражалась чрезвычайно спокойно или по крайней мѣрѣ усиливаясь быть спокойною. Предсѣдатель началъ вопросы свои осторожно, чрезвычайно почтительно, какъ бы боясь коснуться «иныхъ струнъ» и уважая великое несчастье. Но Катерина Ивановна сама, съ самыхъ первыхъ словъ, твердо объявила на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ что она была помсвлленно невѣстой подсудимаго «до тѣхъ поръ пока онъ самъ меня не оставилъ»... тихо прибавила она. Когда ее спросили о трехъ тысячахъ, ввѣренныхъ Митѣ для отсылки на почту ея родственникамъ, она твердо проговорила: «Я дала ему не прямо на почту; я тогда предчувствовала что ему очень нужны деньги... въ ту минуту... Я дала ему эти три тысячи подъ условіемъ чтобъ онъ отослалъ ихъ, если хочетъ, въ теченіе мѣсяца. Напрасно онъ такъ потомъ себя мучилъ изъ за этого долга...»

Я не передаю всѣхъ вопросовъ и въ точности всѣхъ ея отвѣтовъ, я только передаю существенный смыслъ ея показаній.

— Я твердо была увѣрена что онъ всегда успѣетъ переслать эти три тысячи, только-что получить отъ отца, продолжала она, отвѣчая на вопросы.—Я всегда была увѣрена въ его безкорыстїи и въ его честности... высокой честности... въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ твердо былъ увѣренъ что получить отъ отца три тысячи рублей и нѣсколь-ко разъ мнѣ говорилъ про это. Я знала что у него съ

отцомъ распря, и всегда была и до сихъ поръ тоже увѣрена что онъ былъ обиженъ отцомъ. Я не помню никакихъ угрозъ отцу съ его стороны. При мнѣ по крайней мѣрѣ онъ ничего не говорилъ никакихъ угрозъ. Еслибъ онъ пришелъ тогда ко мнѣ, я тотчасъ успокоила бы его тревогу изъ за должныхъ мнѣ имъ этихъ несчастныхъ трехъ тысячъ, но онъ не приходилъ ко мнѣ болѣе... а я сама... я была поставлена въ такое положеніе... что не могла его звать къ себѣ... Да я и никакого права не имѣла быть къ нему требовательною за этотъ долгъ, — прибавила она вдругъ и что-то рѣшительное зазвенѣло въ ея голосѣ, — я сама однажды получила отъ него денежное одолженіе еще болѣе чѣмъ въ три тысячи, и приняла его не смотря на то что и предвидѣть еще тогда не могла что хоть когда нибудь въ состояніи буду заплатить ему долгъ мой...

Въ тонѣ голоса ея какъ бы почувствовался какой-то вызовъ. Именно въ эту минуту вопросы перешли къ Оетюковичу.

— Это было еще не здѣсь, а въ началѣ вашего знакомства? осторожно подходя подхватилъ Оетюковичъ, въ мигъ запредчувствовавъ нѣчто благопріятное. (Замѣчу въ скобкахъ что онъ, не смотря на то что былъ вызванъ изъ Петербурга отчасти и самою Катериною Ивановной, — все таки не зналъ ничего объ эпизодѣ о пяти тысячахъ данныхъ ей Митей еще въ томъ горѣдѣ и о «земномъ поклонѣ». Она этого не сказала ему и скрыла! И это было удивительно. Можно съ увѣренностію предположить что она сама, до самой послѣдней минуты, не знала: расскажетъ она этотъ эпизодъ на судѣ или нѣтъ, и ждала какаго-то вдохновенія).

Нѣтъ, никогда я не могу забыть этихъ минутъ! Она начала рассказывать, она *все* рассказала, весь этотъ эпизодъ, повѣданный Митей Алешѣ, и «земной поклонъ», и причи-

ны, и про отца своего, и появленіе свое у Мити, и ни словомъ, ни единымъ намекомъ не упомянула о томъ что Митя, чрезъ сестру ея, самъ предложилъ «прислать къ нему Катерину Ивановну за деньгами». Это она великодушно утаила и не устыдилась выставить наружу что это она, она сама, прибѣжала тогда къ молодому офицеру, своимъ собственнымъ порывомъ, надѣясь на что-то... чтобы выпросить у него денегъ. Это было нѣчто потрясающее. Я холодѣлъ и дрожалъ слушая, зала замерла, ловя каждое слово. Тутъ было что-то безпримѣрное, такъ что даже и отъ такой самовластной и презрительно гордой дѣвушки, какъ она, почти невозможно было ожидать такого высоко-откровеннаго показанія, такой жертвы, такого самозакланія. И для чего, для кого? Чтобы спасти своего измѣнника и обидчика, чтобы послужить хоть чѣмъ-нибудь, хоть малымъ, къ спасенію его, произведя въ его пользу хорошее впечатлѣніе! И въ самомъ дѣлѣ: образъ офицера отдающаго свои послѣднія пять тысячъ рублей, — все что у него оставалось въ жизни, — и почтительно преклонившагося предъ невинною дѣвушкой, выставился весьма симпатично и привлекательно, но... у меня больно сжалось сердце! Я почувствовалъ что можетъ выйти потомъ (да и вышла потомъ, вышла!) клевета! Со злобнымъ смѣшкомъ говорили потомъ во всемъ городѣ, что рассказъ можетъ быть не совсѣмъ былъ точенъ, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ офицеръ отпустилъ отъ себя дѣвицу «будто-бы только съ почтительнымъ поклономъ». Намекали что тутъ нѣчто «пропущено». «Да еслибъ и не было пропущено, еслибъ и все правда была, говорили даже самыя почтенныя наши дамы, — то и тогда еще неизвѣстно: очень-ли благородно такъ поступить было дѣвушкѣ, даже хоть-бы спасая отца?» И неужели Катерина Ивановна, съ ея умомъ, съ ея болѣзненною проникатель-

ностью, не предчувствовала заранее что такъ заговорятъ? Непремѣнно предчувствовала, и вотъ рѣшилась-же сказать все! Разумѣется, всѣ эти грязненькія сомнѣнія въ правдѣ разсказа начались лишь потомъ, а въ первую минуту все и всѣ были потрясены. Что же до членовъ суда, то Катерину Ивановну выслушали въ благоговѣйномъ, такъ сказать даже стыдливомъ молчаніи. Прокуроръ не позволилъ себѣ ни одинаго дальнѣйшаго вопроса на эту тему. Оетюковичъ глубоко поклонился ей. О, онъ почти торжествовалъ. Многое было приобрѣтено: человѣкъ отдающій, въ благородномъ порывѣ, послѣднія пять тысячъ, и потомъ тотъ же человѣкъ убивающій отца ночью съ цѣлью ограбить его на три тысячи, — это было нѣчто отчасти и несвязуемое. По крайней мѣрѣ хоть грабежъ-то могъ теперь устранить Оетюковичъ. «Дѣло» вдругъ облилось какимъ-то новымъ свѣтомъ. Что-то симпатичное пронеслось въ пользу Мити. Онъ же... про него разсказывали, что онъ разъ или два во время показанія Катерины Ивановны вскочилъ было съ мѣста, потомъ упалъ опять на скамью и закрылъ обѣими ладонями лицо. Но когда она кончила, онъ вдругъ рыдающимъ голосомъ воскликнулъ, простирая къ ней руки:

— Кэтя, зачѣмъ меня погубила!

И громко зарыдалъ было на всю залу. Впрочемъ мигомъ сдержалъ себя и опять прокричалъ:

— Теперь я приговоренъ!

А затѣмъ какъ-бы закоченѣлъ на мѣстѣ, стиснувъ зубы и сжавъ крестомъ на груди руки. Катерина Ивановна осталась въ залѣ и сѣла на указанный ей стулъ. Она была блѣдна и сидѣла потупившись. Разсказывали бывшіе близь нея что она долго вся дрожала какъ въ лихорадкѣ. Къ допросу явилась Грушенька.

Я подхожу близко къ той катастрофѣ которая, разра-

жившись внезапно, дѣйствительно можетъ быть погубила Митю. Ибо я увѣренъ, да и всѣ тоже, всѣ юристы послѣ такъ говорили, что не явись этого эпизода, преступнику по крайней мѣрѣ дали-бы снисхожденіе. Но объ этомъ сейчасъ. Два слова лишь прежде о Грушенькѣ.

Она явилась въ залу тоже вся одѣтая въ черное, въ своей прекрасной черной шали на плечахъ. Плавню, своею неслышною походкой, съ маленькою раскачкой, какъ ходятъ иногда полныя женщины, приблизилась она къ балюстрадѣ, пристально смотря на предсѣдателя и ни разу не взглянувъ ни направо, ни налево. По моему, она была очень хороша собой въ ту минуту и вовсе не блѣдна, какъ увѣряли потомъ дамы. Увѣряли тоже, что у ней было какое-то сосредоточенное и злое лицо. Я думаю только что она была раздражена и тяжело чувствовала на себѣ презрительно-любопытные взгляды жадной къ скандалу нашей публики. Это былъ характеръ гордый, не выносящій презрѣнія, одинъ изъ такихъ которые, чуть лишь заподозрять отъ кого презрѣніе — тотчасъ воспаляются гнѣвомъ и жаждой отпора. При этомъ была конечно и робость, и внутренній стыдъ за эту робость, такъ что не мудрено, что разговоръ ея былъ неровень, — то гнѣвливъ, то презрительно и усиленно грубъ, то вдругъ звучала искренняя сердечная нотка самоосужденія, самообвиненія. Иногда же говорила такъ какъ будто летѣла въ какую-то пропасть: «все де равно, что бы не вышло, а я всетаки скажу...» На счетъ знакомства своего съ Федоромъ Павловичемъ она рѣзко замѣтила: «Все пустяки, развѣ я виновата что онъ ко мнѣ привязался?» А потомъ черезъ минуту прибавила: «Я во всемъ виновата, я смѣялась надъ тѣмъ и другимъ,—и надъ старикомъ, и надъ этимъ,—и ихъ обоихъ до того довела. Изъ за меня все произошло». Какъ-то коснулось дѣло до

Самсонова: «Какое кому дѣло,—съ какимъ-то наглымъ вызовомъ тотчасъ-же огрызнулась она,—онъ былъ мой благодѣтель, онъ меня босоногую взялъ, когда меня родные изъ избы вышвырнули». Предсѣдатель, впрочемъ весьма вѣжливо, напомнилъ ей что надо отвѣчать прямо на вопросы, не вдаваясь въ излишнія подробности. Грушенька покраснѣла и глаза ея сверкнули.

Пакета съ деньгами она не видала, а только слыхала отъ «злодѣя» что есть у Федора Павловича какой-то пакетъ съ тремя тысячами. «Только это все глупости, я смѣялась, и ни за что бы туда не пошла...»

— Про кого вы сейчасъ упомянули какъ о «злодѣѣ?» освѣдомился прокуроръ.

— А про лакея, про Смердякова, что барина своего убилъ, а вчера повѣсился.

Конечно, ее мигомъ спросили: какія же у ней основанія для такого рѣшительнаго обвиненія, но основаній не оказалось тоже и у ней никакихъ.

— Такъ Дмитрій Федоровичъ мнѣ самъ говорилъ, ему и вѣрьте. Разлучница его погубила, вотъ что, всему одна она причиной, вотъ что, — вся какъ будто содрогаясь отъ ненависти прибавила Грушенька и злобная нотка зазвенѣла въ ея голосѣ.

Освѣдомились на кого она опять намекаетъ.

— А на барышню, на эту вотъ Катерину Ивановну. Къ себѣ меня тогда зазвала, шоколатомъ подчивала, прельстить хотѣла. Стыда въ ней мало истиннаго, вотъ что...

Тутъ предсѣдатель уже строго остановилъ ее, прося умѣрить свои выраженія. Но сердце ревнивой женщины уже разгорѣлось, она готова была полетѣть хоть въ бездну...

— При арестѣ въ селѣ Мокромъ, припоминая спросилъ прокуроръ, — всѣ видѣли и слышали какъ вы, выбѣжавъ

изъ другой комнаты, закричали: «Я во всемъ виновата, вмѣстѣ въ каторгу поидемъ!» Стало быть была уже и у васъ въ ту минуту увѣренность, что онъ отцеубійца?

— Я чувствъ моихъ тогдашнихъ не помню, отвѣтила Грушенька,—всѣ тогда закричали что онъ отца убилъ, я и почувствовала что это я виновата, и что изъ за меня онъ убилъ. А какъ онъ сказалъ что неповинень, я ему тотчасъ повѣрила, и теперь вѣрю, и всегда буду вѣрить: не таковъ человѣкъ чтобы солгалъ.

Вопросы перешли къ Ѳетюковичу. Между прочимъ, я помню, онъ спросилъ про Ракитина и про двадцать пять рублей «за то что привелъ къ вамъ Алексѣя Ѳедоровича Карамазова».

— А что жь удивительнаго что онъ деньги взялъ, съ презрительною злобой усмѣхнулась Грушенька,—онъ и все ко мнѣ приходилъ деньги канючить, рублей по тридцати бывало въ мѣсяцъ выбереть, все больше на баловство: пить-ѣсть ему было на что и безъ моего.

— На какомъ же основаніи вы были такъ щедры къ г. Ракитину? подхватилъ Ѳетюковичъ, не смотря на то что предсѣдатель сильно шевелился.

— Да вѣдь онъ же мнѣ двоюродный братъ. Моя мать съ его матерью родныя сестры. Онъ только все молилъ меня никому про то здѣсь не сказывать, стыдился меня ужь очень.

Этотъ новый фактъ оказался совершенною неожиданностью для всѣхъ, никто про него до сихъ поръ не зналъ во всемъ городѣ, даже въ монастырѣ, даже не зналъ Митя. Рассказывали, что Ракитинъ побагровѣлъ отъ стыда на своемъ стулѣ. Грушенька еще до входа въ залу какъ-то узнала, что онъ показалъ противъ Мити, а потому и озлилась. Вся давешняя рѣчь г. Ракитина, все благородство ея, всѣ

выходки на крѣпостное право, на гражданское неустройство Россіи,—все это уже окончательно на этотъ разъ было похерепо и уничтожено въ общемъ мнѣніи. Оетюковичъ былъ доволенъ: опять Богъ на шапку послалъ. Вообще же Грушеньку допрашивали не очень долго, да и не могла она конечно сообщить ничего особенно новаго. Оставила она въ публикѣ весьма непріятное впечатлѣніе. Сотни презрительныхъ взглядовъ устремились на нее, когда она, кончивъ показаніе, усѣлась въ залѣ довольно далеко отъ Катерины Ивановны. Все время, пока ее спрашивали, Митя молчалъ какъ бы окаменѣвъ, опустивъ глаза въ землю.

Появился свидѣтелемъ Иванъ Оедоровичъ.

У.

Внезапная катастрофа.

Замѣчу, что его вызвали было еще до Алеши. Но судебный приставъ доложилъ тогда предсѣдателю что, по внезапному нездоровью или какому-то припадку, свидѣтель не можетъ явиться сейчасъ, но только-что справится, то когда угодно готовъ будетъ дать свое показаніе. Этого впрочемъ какъ-то никто не слыхалъ и узнали уже впослѣдствіи. Появленіе его въ первую минуту было почти не замѣчено: главные свидѣтели, особенно двѣ соперницы, были уже допрошены; любопытство было пока удовлетворено. Въ публикѣ чувствовалось даже утомленіе. Предстояло еще выслушать нѣсколько свидѣтелей, которые вѣроятно ничего особеннаго не могли сообщить въ виду всего что было уже сообщено. Время же уходило. Иванъ Оедоровичъ приблизился какъ-то удивительно медленно, ни на кого не глядя и опустивъ даже голову, точно о чемъ-то нахмуренно

соображая. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, но лицо его на меня по крайней мѣрѣ произвело болѣзненное впечатлѣніе: было въ этомъ лицѣ что-то какъ-бы тронутое землей, что-то похожее на лицо помирающаго человѣка. Глаза были мутны; онъ поднялъ ихъ и медленно обвелъ ими залу. Алеша вдругъ вскочилъ было со своего стула и простоналъ: ахъ! Я помню это. Но и это мало кто уловилъ.

Предсѣдатель началъ было съ того, что онъ свидѣтель безъ присяги, что онъ можетъ показывать или умолчать, но что конечно все показанное должно быть по совѣсти, и т. д., и т. д. Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ и мутно глядѣлъ на него; но вдругъ лицо его стало медленно раздвигаться въ улыбку, и только-что предсѣдатель, съ удивленіемъ на него смотрѣвшій, кончилъ говорить, онъ вдругъ разсмѣялся.

— Ну и что же еще? громко спросилъ онъ.

Все затихло въ залѣ, что-то какъ бы почувствовалось. Предсѣдатель забезпокоился.

— Вы... можетъ-быть еще не такъ здоровы? проговорилъ онъ было ища глазами судебного пристава.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, я достаточно здоровъ и могу вамъ кое-что рассказать любопытное, отвѣтилъ вдругъ совсѣмъ спокойно и почтительно Иванъ Ѳедоровичъ.

— Вы имѣете предъявить какое-нибудь особое сообщеніе? все еще съ недовѣрчивостью продолжалъ предсѣдатель.

Иванъ Ѳедоровичъ потупился, помедлилъ нѣсколько секундъ и, поднявъ снова голову, отвѣтилъ какъ бы заикаясь:

— Нѣтъ... не имѣю. Не имѣю ничего особеннаго.

Ему стали предлагать вопросы. Онъ отвѣчалъ совсѣмъ какъ-то нехотя, какъ-то усиленно кратко, съ какимъ-то

даже отвращеніемъ все болѣе и болѣе нараставшимъ, хотя впрочемъ отвѣчалъ всетаки толково. На многое отговорился незнаніемъ. Про счеты отца съ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ ничего не зналъ. «И не занимался этимъ», произнесъ онъ. Объ угрозахъ убить отца слышалъ отъ подсудимаго. Про деньги въ пакетѣ слышалъ отъ Смердякова...

— Все одно и тоже, прервалъ онъ вдругъ съ утомленнымъ видомъ:—я ничего не могу сообщить суду особеннаго.

— Я вижу, вы нездоровы, и понимаю ваши чувства... началъ было предсѣдатель.

Онъ обратился было къ сторонамъ, къ прокурору и защитнику, приглашая ихъ, если найдутъ нужнымъ, предложить вопросы, какъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ изнеможеннымъ голосомъ попросилъ:

— Отпустите меня, ваше превосходительство, я чувствую себя очень нездоровымъ.

И съ этимъ словомъ, не дожидаясь позволенія, вдругъ самъ повернулся и пошелъ было изъ залы. Но, пройдя, шага четыре остановился, какъ бы что-то вдругъ обдумавъ, тихо усмѣхнулся и воротился опять на прежнее мѣсто.

— Я, ваше превосходительство, какъ та крестьянская дѣвка... знаете какъ это: «Захоцу — вскоцу, захоцу — не вскоцу», за ней ходятъ съ сарафаномъ али съ паневой что ли, чтобъ она вскочила чтобы завязать и вѣнчать везти, а она говоритъ: «Захоцу—вскоцу, захоцу—не вскоцу»... Это въ какой-то нашей народности...

— Чтò вы этимъ хотите сказать? строго спросилъ предсѣдатель.

— А вотъ, вынулъ вдругъ Иванъ Ѳедоровичъ пачку денегъ,—вотъ деньги... тѣ самыя которыя лежали вотъ въ томъ пакетѣ (онъ кивнулъ на столъ съ вещественными до-

казательствами) и изъ за которыхъ убили отца. Куда положить? Господинъ судебный приставъ, передайте.

Судебный приставъ взялъ всю пачку и передалъ председателю.

— Какимъ образомъ могли эти деньги очутиться у васъ... если это тѣ самыя деньги? въ удивленіи проговорилъ председатель.

— Получилъ отъ Смердякова, отъ убійцы, вчера. Былъ у него предъ тѣмъ какъ онъ повѣсилъ. Убилъ отца онъ, а не братъ. Онъ убилъ, а я его научилъ убить... Кто не желаетъ смерти отца?...

— Вы въ умѣ или нѣтъ? вырвалось невольно у председателя.

— То-то и есть что въ умѣ... и въ подломъ умѣ, въ такомъ же какъ и вы, какъ и всѣ эти... р—рожи! обернулся онъ вдругъ на публику.—Убили отца, а притворяются что испугались,—проскрежеталъ онъ съ злостнымъ презрѣніемъ.— Другъ предъ другомъ кривляются. Лгуны! Всѣ желаютъ смерти отца. Одинъ гадъ съѣдаетъ другую гадину... Не будь отцеубійства—всѣ бы они разсердились и разошлись злые... Зрѣлицъ! «Хлѣба и зрѣлицъ!» Впрочемъ вѣдь и я хорошъ! Есть у васъ вода или нѣтъ, дайте напиться Христа ради! схватилъ онъ вдругъ себя за голову.

Судебный приставъ тотчасъ къ нему приблизился. Алеша вдругъ вскочилъ и закричалъ: «Онъ боленъ, не вѣрьте ему, онъ въ бѣлой горячкѣ!» Катерина Ивановна стремительно встала со своего стула и, неподвижная отъ ужаса, смотрѣла на Ивана Ѳедоровича. Митя поднялся и съ какою-то дикою искривленною улыбки жадно смотрѣлъ и слушалъ брата.

— Успокойтесь, не помѣшанный, я только убійца! на-

чалъ опять Иванъ. — Съ убійцы нельзя же спрашивать краснорѣчія... прибавилъ онъ вдругъ для чего-то и искривленно засмѣялся.

Прокуроръ въ видимомъ смятеніи нагнулся къ председателю. Члены суда суетливо шептались между собой. Оेतюговичъ весь наострилъ уши, прислушиваясь. Зала замерла въ ожиданіи. Председатель вдругъ какъ бы опомнился.

— Свидѣтель, ваши слова непонятны и здѣсь невозможны. Успокойтесь, если можете, и расскажите... если вправду имѣете что сказать. Чѣмъ вы можете подтвердить такое признаніе... если вы только не бредите?

— То-то и есть что не имѣю свидѣтелей. Собака Смердяковъ не пришлетъ съ того свѣта вамъ показаніе... въ пакетѣ. Вамъ бы все пакетовъ, довольно и одного. Нѣтъ у меня свидѣтелей... Кромѣ только развѣ одного,—задумчиво усмѣхнулся онъ.

— Кто вашъ свидѣтель?

— Съ хвостомъ, ваше превосходительство, не по формѣ будетъ! *Le diable n' existe point!* Не обращайтесь вниманія, дрянной, мелкій чортъ,—прибавилъ онъ, вдругъ переставъ смѣяться и какъ бы конфиденціально:—онъ навѣрно здѣсь гдѣ-нибудь, вотъ подъ этимъ столомъ съ вещественными доказательствами, гдѣ жъ ему сидѣть какъ не тамъ? Видите, слушайте меня: я ему сказалъ: не хочу молчать, а онъ про геологическій переворотъ... глупости! Ну, освободите же изверга... онъ гимнъ запѣлъ, это потому что ему легко! Все равно, что пьяная каналья загорланить какъ «поѣхалъ Ванька въ Питеръ», а я за двѣ секунды радости отдалъ бы квадриліонъ квадриліоновъ. Не знаете вы меня! О, какъ это все у васъ глупо! Ну, берите же меня вмѣсто него! Для чего же нибудь я пришелъ... Отчего, отчего это все что ни есть такъ глупо!...

И онъ опять сталъ медленно и какъ бы въ задумчивости оглядывать залу. Но уже все заволновалось. Алеша кинулся-было къ нему со своего мѣста, но судебный приставъ уже схватилъ Ивана Ѳедоровича за руку.

— Это что еще такое? вскричалъ тотъ вглядываясь въ упоръ въ лицо пристава, и вдругъ, схвативъ его за плечи, яростно ударилъ объ полъ. Но стража уже подоспѣла, его схватили, и тутъ онъ завопилъ неистовымъ воплемъ. И все время, пока его уносили, онъ вопилъ и выкрикивалъ что-то несвязное.

Поднялась суматоха. Я не упомяну всего въ порядкѣ, самъ былъ взволнованъ и не могъ услѣдить. Знаю только что потомъ, когда уже все успокоилось и всѣ поняли въ чемъ дѣло, судебному приставу таки досталось, хотя онъ и основательно сбѣяснилъ начальству, что свидѣтель былъ все время здоровъ, что его видѣлъ докторъ, когда часъ предъ тѣмъ съ нимъ сдѣлалась легкая дурнота, но что до входа въ залу онъ все говорилъ связно, такъ что предвидѣть было ничего невозможно; что онъ самъ, напротивъ, настаивалъ и непременно хотѣлъ дать показаніе. Но прежде чѣмъ хоть сколько-нибудь успокоились и пришли въ себя, сейчасъ же вслѣдъ за этою сценой разразилась и другая: съ Катериной Ивановной сдѣлалась истерика. Она громко взвизгивая зарыдала, но не хотѣла уйти, рвалась, молила чтобъ ее не уводили и вдругъ закричала предсѣдателю:

— Я должна сообщить еще одно показаніе, немедленно... немедленно!... Вотъ бумага, письмо... возьмите, прочтите скорѣе, скорѣе! Это письмо этого изверга, вотъ этого, этого! она указывала на Митю. Это онъ убилъ отца, вы увидите сейчасъ, онъ мнѣ пишетъ какъ онъ убьетъ отца! А тотъ больной, больной, тотъ въ бѣлой горячкѣ! Я уже три дня вижу, что онъ въ горячкѣ!

Такъ вскрикивала она внѣ себя. Судебный приставъ взялъ бумагу, которую она протягивала председателю, а она, упавъ на свой стулъ и закрывъ лицо, начала конвульсивно и беззвучно рыдать, вся сотрясаясь и подавляя малѣйшій стонъ въ боязни что ее вышлютъ изъ залы. Бумага подаваемая ею была то самое письмо Мити изъ трактира «Столичный Городъ», которое Иванъ Федоровичъ называлъ «математической» важности документомъ. Увы! за нимъ именно признали эту математичность, и не будь этого письма, можетъ быть и не погибъ бы Митя, или по крайней мѣрѣ не погибъ бы такъ ужасно! Повторяю, трудно было услѣдить за подробностями. Мнѣ и теперь все это представляется въ такой суматохѣ. Должно быть председатель тутъ же сообщилъ новый документъ суду, прокурору, защитнику, присяжнымъ. Я помню только какъ свидѣтельница начали спрашивать. На вопросъ: успокоилась ли она? мягко обращенный къ ней председателемъ, Катерина Ивановна стремительно воскликнула:

— Я готова, готова! Я совершенно въ состояніи вамъ отвѣчать, прибавила она, видимо все еще ужасно боясь что ее почему нибудь не выслушаютъ. Ее попросили объяснить подробнѣе: какое это письмо и при какихъ обстоятельствахъ она его получила?

— Я получила его наканунѣ самаго преступленія, а писалъ онъ его еще за день изъ трактира, стало быть за два дня до своего преступленія,—посмотрите, оно написано на какомъ-то счетѣ—прокричала она задыхаясь.—Онъ меня тогда ненавидѣлъ, потому что самъ сдѣлалъ подлый поступокъ и пошелъ за этою тварью... и потому еще что долженъ былъ мнѣ эти три тысячи... О, ему было обидно за эти три тысячи изъ за своей же низости! Эти три тысячи вотъ какъ были—я васъ прошу, я васъ умоляю меня

выслушать: еще за три недѣли до того какъ убилъ отца, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ. Я знала что ему надо деньги и знала на что,—вотъ, вотъ именно на то чтобы соблазнить эту тварь и увезти съ собой. Я знала тогда что ужь онъ мнѣ измѣнилъ и хочетъ бросить меня, и я, я сама протянула тогда ему эти деньги, сама предложила будто бы для того чтобъ отослать моей сестрѣ въ Москвѣ,—и когда отдавала, то посмотрѣла ему въ лицо и сказала что онъ можетъ когда хочетъ послать «хоть еще черезъ мѣсяць». Ну какъ же, какъ же бы онъ не понялъ что я въ глаза ему прямо говорила: тебѣ надо денегъ для измѣны мнѣ съ твоею тварью, такъ вотъ тебѣ эти деньги, я сама тебѣ ихъ даю, возьми если ты такъ безчестенъ что возьмешь!» Я уличить его хотѣла, и что же? Онъ взялъ, онъ ихъ взялъ, и унесъ, и истратилъ ихъ съ этою тварью тамъ, въ одну ночь.... Но онъ понялъ, онъ понялъ, что я все знаю, увѣряю васъ, что онъ тогда понялъ и то что я, отдавая ему деньги, только пытаю его: будетъ ли онъ такъ безчестенъ что возьметъ отъ меня или нѣтъ? Въ глаза ему глядѣла, и онъ мнѣ глядѣлъ въ глаза и все понималъ, все понималъ, и взялъ, и взялъ и унесъ мои деньги!

— Правда, Катя! завопилъ вдругъ Митя, — въ глаза смотрѣлъ и понималъ что безчестишь меня и всетаки взялъ твои деньги! Презирайте подлеца, презирайте всѣ, заслужилъ!

— Подсудимый, вскричалъ предсѣдатель,—еще слово— я васъ веду вывести.

— Эти деньги его мучили, продолжала судорожно топясь Катя,—онъ хотѣлъ мнѣ ихъ отдать, онъ хотѣлъ, это правда, но ему деньги нужны были и для этой твари. Вотъ онъ и убилъ отца, а денегъ всетаки мнѣ не отдалъ, а уѣхалъ съ ней въ ту деревню гдѣ его схватили. Тамъ онъ

опять прокутилъ эти деньги, которыя укралъ у убитаго имъ отца. А за день до того какъ убилъ отца, и написалъ мнѣ это письмо, написалъ пьяный, я сейчасъ тогда увидѣла, написалъ изъ злобы и зная, навѣрно зная что я никому не покажу этого письма, даже еслибъ онъ и убилъ. А то бы онъ не написалъ. Онъ зналъ что я не захочу ему мстить и его погубить! Но прочтите, прочтите внимательно, пожалуста внимательноѣе, и вы увидите что онъ въ письмѣ все описалъ, все заранѣе: какъ убьетъ отца и гдѣ у того деньги лежать. Посмотрите, пожалуста не пропустите, тамъ есть одна фраза: «убью, только бы уѣхалъ Иванъ». Значить онъ заранѣе ужъ обдумалъ какъ онъ убьетъ,—злорадно и ехидно подсказывала суду Катерина Ивановна. О, видно было что она до тонкости вчиталась въ это роковое письмо и изучила въ немъ каждую черточку.—Не пьяный онъ бы мнѣ не написалъ, но посмотрите, тамъ все описано впередъ, все точь въ точь, какъ онъ потомъ убилъ, вся программа!

Такъ восклицала она видя себя и ужъ конечно презирая всѣ для себя послѣдствія, хотя разумѣется ихъ предвидѣла еще можетъ за мѣсяць тому, потому что и тогда еще можетъ быть, содрогаясь отъ злобы, мечтала: «не прочесть ли это суду?» Теперь же какъ бы полетѣла съ горы. Помню, кажется именно тутъ же письмо было прочитано вслухъ секретаремъ, и произвело потрясающее впечатлѣніе. Обратились къ Митѣ съ вопросомъ: признаетъ ли онъ это письмо?

— Мое, мое! воскликнулъ Митя. — Не пьяный бы не написалъ!... За многое мы другъ друга ненавидѣли, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и ненавидя любилъ, а ты меня—нѣтъ!

Онъ упалъ на свое мѣсто, ломая руки въ отчаяніи. Про-

куроръ и защитникъ стали предлагать перекрестные вопросы, главное въ томъ смыслѣ: «что дескать побудило васъ давеча утаить такой документъ и показывать прежде совершенно въ другомъ духѣ и тонѣ?»

— Да, да, я давеча солгала, все лгала, противъ чести и совѣсти, но я хотѣла давеча спасти его, потому что онъ меня такъ ненавидѣлъ и такъ презиралъ, какъ безумная восплигнула Катя.—О, онъ презиралъ меня ужасно, презиралъ всегда, и знаете, знаете—онъ презиралъ меня съ самой той минуты когда я ему тогда въ ноги за эти деньги поклонилась. Я увидала это... Я сейчасъ тогда же это почувствовала, но я долго себѣ не вѣрила. Сколько разъ я читала въ глазахъ его: «всетаки ты сама тогда ко мнѣ пришла». О, онъ не понималъ, онъ не понималъ ничего, зачѣмъ я тогда приближала, онъ способенъ подозрѣвать только низость! Онъ мѣрилъ на себя, онъ думалъ, что и всѣ такіе какъ онъ,—яростно проскрежетала Катя совсѣмъ уже въ изступленіи.—А жениться онъ на мнѣ захотѣлъ потому только, что я получила наслѣдство, потому, потому! Я всегда подозрѣвала что потому! О, это звѣрь! Онъ всю жизнь былъ увѣренъ что я всю жизнь буду предъ нимъ трепетать отъ стыда за то что тогда приходила, и что онъ можетъ вѣчно за это презирать меня, а потому первенствовать,—вотъ почему онъ на мнѣ захотѣлъ жениться! Это такъ, это все такъ! Я пробовала побѣдить его моею любовью, любовью безъ конца, даже измѣну его хотѣла снести, но онъ ничего, ничего не понималъ. Да развѣ онъ можетъ что нибудь понять! Это извергъ! Это письмо я получила только на другой день вечеромъ, мнѣ изъ трактира принесли, а еще утромъ, еще утромъ въ тотъ день, я хотѣла было все простить ему, все, даже его измѣну!

Конечно предсѣдатель и прокуроръ ее успокоивали. Я

увѣренъ что имъ всѣмъ было даже можетъ быть самимъ стыдно такъ пользоваться ея изступленіемъ и выслушивать такія признанія. Я помню, я слышалъ какъ они говорили ей: «Мы понимаемъ какъ вамъ тяжело, повѣрьте мы способны чувствовать», и проч., и проч.,—а показанія-то все таки вытянули отъ обезумѣвшей женщины въ истерикѣ. Она наконецъ описала съ чрезвычайною ясностью, которая такъ часто, хотя и мгновенно, мелькаетъ даже въ минуты такого напряженнаго состоянія, какъ Иванъ Федоровичъ почти сходилъ съ ума во всѣ эти два мѣсяца на томъ чтобы спасти «изверга и убійцу», своего брата.

— Онъ себя мучилъ, восклицала она,—онъ все хотѣлъ уменьшить его вину, признаваясь мнѣ что онъ и самъ не любилъ отца и можетъ быть самъ желалъ его смерти. О, это глубокая, глубокая совѣсть! Онъ замучилъ себя совѣстью! Онъ все мнѣ открывалъ, все, онъ приходилъ ко мнѣ и говорилъ со мной каждый день какъ съ единственнымъ другомъ своимъ. Я имѣю честь быть его единственнымъ другомъ!—воскликнула она вдругъ, точно какъ бы съ какимъ-то вызовомъ, засверкавъ глазами.—Онъ ходилъ къ Смердякову два раза. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ и говорить: если убилъ не братъ, а Смердяковъ (потому что эту басню пустили здѣсь всѣ что убилъ Смердяковъ), то можетъ быть виновенъ и я, потому что Смердяковъ зналъ что я не люблю отца и можетъ быть думалъ что я желаю смерти отца. Тогда я вынула это письмо и показала ему, и онъ ужь совсѣмъ убѣдился, что убилъ братъ, и это уже совсѣмъ сразило его. Онъ не могъ снести, что его родной братъ—отцеубійца! Еще недѣлю назадъ я видѣла, что онъ отъ этого боленъ. Въ послѣдніе дни онъ, сидя у меня, бредилъ. Я видѣла что онъ мѣшается въ умѣ. Онъ ходилъ и бредилъ, его видѣли такъ по улицамъ. Пріѣзжій докторъ,

по моей просьбѣ, его осматривалъ третьяго дня и сказалъ мнѣ что онъ близокъ къ горячкѣ, — все чрезъ него, все чрезъ изверга! А вчера онъ узналъ что Смердяковъ умеръ — это его такъ поразило что онъ сошелъ съ ума... и все отъ изверга, все на томъ чтобы спасти изверга!

О, разумѣтся, такъ говорить и такъ признаваться, можно только какой-нибудь разъ въ жизни, — въ предсмертную минуту наприимѣръ, всходя на эшафотъ. Но Катя именно была въ своемъ характерѣ и въ своей минутѣ. Это была та же самая стремительная Катя, которая кинулась тогда къ молодому развратнику чтобы спасти отца; та же самая Катя которая давеча, предъ всею этою публикой, гордая и цѣломудренная, принесла себя и дѣвичій стыдъ свой въ жертву, рассказавъ про «благородный поступокъ Мити», чтобы только лишь сколько-нибудь смягчить ожидавшую его участь. И вотъ теперь точно также она тоже принесла себя въ жертву, но уже за другаго, и можетъ быть только лишь теперь, только въ эту минуту, впервые почувствовавъ и осмысливъ вполне какъ дорогъ ей этотъ другой человекъ! Она пожертвовала собою въ испугѣ за него, вдругъ вообразивъ что онъ погубилъ себя своимъ показаніемъ что это онъ убилъ, а не братъ, пожертвовала чтобы спасти его, его славу, его репутацію! И однако промелькнула страшная вещь: лгала ли она на Митю, описывая бывшія свои къ нему отношенія, — вотъ вопросъ. Нѣтъ, нѣтъ, она не клеветала намѣренно, крича что Митя презиралъ ее за земной поклонъ! Она сама вѣрила въ это, она была глубоко убѣждена, съ самага можетъ быть этого поклона, что простодушный, обожавшій ее еще тогда Митя смѣется надъ ней и презираетъ ее. И только изъ гордости она сама привязалась къ нему тогда любовью, истерическою и надорванною, изъ уязвленной гордости, и эта любовь походила не

на любовь, а на мщениі. О, можетъ быть эта надорванная любовь и выродилась бы въ настоящую, можетъ Катя ничего и не желала какъ этого, но Митя оскорбилъ ее измѣной до глубины души, и душа не простила. Минута же мщениія слетѣла неожиданно, и все такъ долго и больно скоплявшееся въ груди обиженной женщины разомъ, и опять таки неожиданно, вырвалось наружу. Она предала Митю, но предала и себя! И разумѣется, только-что успѣла высказаться, напряженіе порвалось и стыдъ подавилъ ее. Опять началась истерика, она упала, рыдая и выкрикивая. Ее унесли. Въ ту минуту когда ее выносили, съ воплемъ бросилась къ Митѣ Грушенька со своего мѣста, такъ что ее и удержать не успѣли:

— Митя! завопила она, — погубила тебя твоя змѣя! Вонъ она вамъ себя показала! прокричала она, сотрясаясь отъ злобы суду. По мановенію предсѣдателя ее схватили и стали выводить изъ залы. Она не давалась, билась и рвалась назадъ къ Митѣ. Митя завопилъ и тоже рванулся къ ней. Имъ овладѣли.

Да, полагаю, что наши зрительницы дамы остались довольны: зрѣлище было богатое. Затѣмъ помню какъ появился пріѣзжій московскій докторъ. Кажется предсѣдатель еще и прежде того посылалъ пристава чтобы распорядиться оказать Ивану Федоровичу пособіе. Докторъ доложилъ суду, что больной въ опаснѣйшемъ припадкѣ горячки и что слѣдовало бы немедленно его увезти. На вопросы прокурора и защитника подтвердилъ, что пациентъ самъ приходилъ къ нему третьяго дня и что онъ предрекъ ему тогда же скорую горячку, но что лѣчиться онъ не захотѣлъ. «Былъ же онъ положительно не въ здоровомъ состояніи ума, самъ мнѣ признавался, что на яву видитъ видѣнія, встрѣчаетъ на улицѣ разныхъ лицъ, которыя уже померли, и что къ нему каж-

дый вечеръ ходитъ въ гости сатана», заключилъ докторъ. Давъ своепоказаніе, знаменитый врачъ удалился. Представленное Катериной Ивановной письмо было присоединено къ вещественнымъ доказательствамъ. По совѣщаніи судъ постановилъ: продолжать судебное слѣдствіе, а оба неожиданныя показанія (Катерины Ивановны и Ивана Ѳедоровича) занести въ протоколъ.

Но уже не буду описывать дальнѣйшаго судебного слѣдствія. Да и показанія остальныхъ свидѣтелей были лишь повтореніемъ и подтвержденіемъ прежнихъ, хотя всѣ со своими характерными особенностями. Но повторяю, все сведется въ одну точку въ рѣчи прокурора, къ которой и перейду сейчасъ. Всѣ были въ возбужденіи, всѣ были наэлектризованы послѣднею катастрофой и со жгучимъ нетерпѣніемъ ждали поскорѣе лишь развязки, рѣчей сторонъ и приговора. Ѳетюковичъ былъ видимо потрясенъ показаніями Катерины Ивановны. Зато торжествовалъ прокуроръ. Когда кончилось судебное слѣдствіе, былъ объявленъ перерывъ засѣданія, продолжавшійся почти часъ. Наконецъ предсѣдатель открылъ судебныя пренія. Кажется было ровно восемь часовъ вечера когда нашъ прокуроръ, Ипполитъ Кирилловичъ, началъ свою обвинительную рѣчь.

VI.

Рѣчь прокурора. Характеристика.

Началъ Ипполитъ Кирилловичъ свою обвинительную рѣчь весь сотрясаясь нервною дрожью, съ холоднымъ, болѣзненнымъ потомъ на лбу и вискахъ, чувствуя ознобъ и жаръ

во всемъ тѣлѣ попереми́нно. Онъ самъ такъ потомъ рассказывалъ. Онъ считалъ эту рѣчь за свой *chef d'oeuvre*, за *chef d'oeuvre* всей своей жизни, за лебединую пѣснь свою. Правда, девять мѣсяцевъ спустя онъ и померъ отъ злой чахотки, такъ что дѣйствительно, какъ оказалось, имѣлъ-бы право сравнить себя съ лебедемъ, поющимъ свою послѣднюю пѣснь, еслибы предчувствовалъ свой конецъ заранѣе. Въ эту рѣчь онъ вложилъ все свое сердце и все сколько было у него ума и неожиданно доказалъ, что въ немъ таились и гражданское чувство, и «проклятые» вопросы, по крайней мѣрѣ, поскольку нашъ бѣдный Ипполитъ Кирилловичъ могъ ихъ вмѣстить въ себѣ. Главное, тѣмъ взяло его слово, что было искренно: онъ искренно вѣрилъ въ виновность подсудимаго; не на заказъ, не по должности только обвинялъ его, и зывая къ «отмщенію» дѣйствительно сотрясался желаніемъ «спасти общество». Даже дамская наша публика, въ концѣ концовъ враждебная Ипполиту Кирилловичу, сознавалась однако въ чрезвычайномъ вынесенномъ впечатлѣніи. Началъ онъ надтреснутымъ, срывающимся голосомъ, но потомъ очень скоро голосъ его окрѣпъ и зазвенѣлъ на всю залу, и такъ до конца рѣчи. Но только что кончилъ ее, то чуть не упалъ въ обморокъ.

«Господа присяжные засѣдатели, началъ обвинитель—настоящее дѣло прогремѣло по всей Россіи. Но чему-бы кажется удивляться, чего такъ особенно ужасаться? Намъ-то, намъ-то особенно? Вѣдь мы такіе привычные ко всему этому люди! Въ томъ и ужасъ нашъ, что такія мрачныя дѣла почти перестали для насъ быть ужасными! Вотъ чему надо ужасаться, привычкѣ нашей, а не единичному злодѣянію того или другаго индивидуума. Гдѣ же причины нашего равнодушія, нашего чуть тепленькаго отношенія къ такимъ дѣламъ, къ такимъ знаменіямъ времени, пророчествующимъ

намъ незавидную будущность? Въ цинизмѣ-ли нашемъ, въ раннемъ-ли истощеніи ума и воображенія столь молодого еще нашего общества, но столь безвременно одряхлѣвшаго? Въ расшатанныхъ-ли до основанія нравственныхъ началахъ нашихъ, или въ томъ наконецъ, что этихъ нравственныхъ началъ можетъ быть у насъ совсѣмъ даже и не имѣется. Не разрѣшаю эти вопросы, тѣмъ не мевѣ они мучительны, и всякій гражданинъ, не то что долженъ, а обязанъ страдать ими. Наша начинающаяся, робкая еще наша пресса, оказала уже однако обществу нѣкоторыя услуги, ибо никогда бы мы безъ нея не узнали, сколько нибудь въ полнотѣ, про тѣ ужасы разнузданной воли и нравственнаго паденія, которые непрерывно передаетъ она на своихъ страницахъ уже всѣмъ, не однимъ только посѣщающимъ залы новаго гласнаго суда, дарованнаго намъ въ настоящее царствованіе. И чтò же мы читаемъ почти повседневно? О, про такія вещи поминутно, предъ которыми даже теперешнее дѣло блѣднѣетъ и представляется почти чѣмъ-то уже обыкновеннымъ. Но важнѣе всего то, что множество нашихъ русскихъ, національныхъ нашихъ уголовныхъ дѣлъ, свидѣтельствуютъ именно о чемъ-то всеобщемъ, о какой-то общей бѣдѣ, прижившейся съ нами и съ которой, какъ со всеобщимъ зломъ, уже трудно бороться. Вотъ тамъ молодой блестящій офицеръ высшаго общества, едва начинающій свою жизнь и карьеру, подло, въ тиши, безо всякаго угрызенія совѣсти зарѣзываетъ мелкаго чиновника, отчасти бывшаго своего благодѣтеля, и служанку его, чтобы похитить свой долговой документъ, а вмѣстѣ и остальные денежки чиновника: «пригодятся, де, для великосвѣтскихъ моихъ удовольствій и для карьеры моей впереди». Зарѣзавъ обонхъ, уходитъ, подложивъ обоимъ мертвецамъ подъ головы подушки. Тамъ молодой герой, обвѣшанный крестами за храбрость, разбойни-

чески умерщвляетъ на большой дорогѣ мать своего вождя и благодѣтеля, и, подговаривая своихъ товарищей, увѣряетъ что «она любить его какъ роднаго сына и потому послѣдуетъ всѣмъ его совѣтамъ и не приметъ предосторожностей.» Пусть это извергъ, но я теперь, въ наше время, не смѣю уже сказать, что это только единичный извергъ. Другой и не зарѣжетъ, но подумаетъ и почувствуетъ точно также какъ онъ, въ душѣ своей безчестенъ точно также какъ онъ. Въ тиши, наединѣ со своею совѣстью, можетъ быть спрашиваетъ себя. «Да чтò такое честь и не предразсудокъ-ли кровь?» Можетъ быть крикнуть противъ меня и скажутъ, что я человекъ болѣзненный, истерическій, клевету чудовищно, брежу, преувеличиваю. Пусть, пусть,—и Боже какъ-бы я былъ радъ тому первый! О, не вѣрьте мнѣ, считайте меня за больного, но всетаки запомните слова мои: вѣдь если только хоть десятая, хоть двадцатая доли въ словахъ моихъ правда,—то вѣдь и тогда ужасно! Посмотрите, господа, посмотрите какъ у насъ застрѣливаются молодые люди: О, безъ малѣйшихъ гамлетовскихъ вопросовъ о томъ: «Чтò будетъ тамъ?» безъ признаковъ этихъ вопросовъ, какъ будто эта статья о духѣ нашемъ и о всемъ, чтò ждетъ насъ за гробомъ, давно похерена въ ихъ природѣ, похоронена и пескомъ засыпана. Посмотрите, наконецъ, на нашъ развратъ, на нашихъ сладострастниковъ. Федоръ Павловичъ, несчастная жертва текущаго процесса, есть предъ иными изъ нихъ почти невинный младенецъ. А вѣдь мы всѣ его знали, «онъ между нами жилъ»... Да, психологіей русскаго преступленія займутся, можетъ быть, когда нибудь первенствующие умы, и наши и европейскіе, ибо тема стѣдитъ того. Но это изученіе произойдетъ когда нибудь послѣ, уже на досугѣ, и когда вся трагическая безалаберщина нашей настоящей минуты отойдетъ на болѣе от-

даленный планъ, такъ что ее уже можно будсть размотрѣть и умнѣе и безпристрастнѣе чѣмъ, напримѣръ, люди какъ я, могутъ сдѣлать. Теперь же мы или ужасаемся, или притворяемся, что ужасаемся, а сами, напротивъ, смакуемъ зрѣлище какъ любители ощущеній сильныхъ, эксцентрическихъ, шевелящихъ нашу цинически-лѣнивую праздность, или, наконецъ, какъ малыя дѣти, отмахиваемъ отъ себя руками страшные призракы и прячемъ голову въ подушку пока пройдетъ страшное видѣнiе съ тѣмъ, чтобы потомъ тотчасъ же забыть его въ веселiи и играхъ. Но когда ни-будь надо же и намъ начать нашу жизнь трезво и вдумчиво, надо же и намъ бросить взглядъ на себя какъ на общество, надо же и намъ хоть что ни-будь въ нашемъ общественномъ дѣлѣ осмыслить или только хоть начать осмысленiе наше. Великiй писатель предшествовавшей эпохи, въ финалѣ величайшаго изъ произведенiй своихъ, олицетворяя всю Россiю въ видѣ скачущей къ невѣдомой цѣли удалой русской тройки восклицаетъ: «Ахъ тройка, птица тройка, кто тебя выдумалъ!»—и въ гордомъ восторгѣ прибавляетъ, что предъ скачущею сломя голову тройкой почтительно сторонятся всѣ народы. Такъ господа, это пусть, пусть сторонятся, почтительно или нѣтъ, но на мой грѣшный взглядъ генiальный художникъ закончилъ такъ или въ припадкѣ младенчески невиннаго прекрасномыслия, или просто боясь тогдашней цензуры. Ибо, если въ его тройку впрячь только его же героевъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и Чичиковыхъ, то кого-бы ни посадить ямщикомъ, ни до чего путнаго на такихъ коняхъ не доѣдешь! А это только еще прежнiе кони, которымъ далеко до теперешнихъ, у насъ почище...»

Здѣсь рѣчь Ипполита Кирилловича была прервана рукоплесканiями. Либерализмъ изображенiя русской тройки понравился. Правда, сорвалось лишь два, три клака, такъ

что председатель не нашелъ даже пужнымъ обратиться къ публикѣ съ угрозою «очистить залу» и лишь строго поглядѣлъ въ сторону блакеровъ. Но Ипполитъ Кирилловичъ былъ ободренъ: никогда-то ему до сихъ поръ не аплодировали! Человѣка столько лѣтъ не хотѣли слушать и вдругъ возможность на всю Россію высказаться!

«Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, что такое это семейство Карамазовыхъ, заслужившее вдругъ такую печальную извѣстность по всей даже Россіи? Можетъ быть я слишкомъ преувеличиваю, но мнѣ кажется что въ картинѣ этой семейки какъ бы мелькаютъ нѣкоторые общіе основные элементы нашего современнаго интеллигентнаго общества,—о, не всѣ элементы, да и мелькнуло лишь въ микроскопическомъ видѣ «какъ солнце въ малой каплѣ воды,» но все же нѣчто отразилось, все же нѣчто сказалось. Посмотрите на этого несчастнаго, разнузданнаго и развратнаго старика, этого «отца семейства», столь печально покончившаго свое существованіе. Родовой дворянинъ, начавшій карьеру бѣдненькимъ приживальщикомъ, чрезъ нечаянную и неожиданную женитьбу схватившій въ приданое небольшой капиталчикъ, въ началѣ мелкій плутъ и льстивый шутъ, съ зародышемъ умственныхъ способностей довольно, впрочемъ, не слабыхъ, и прежде всего ростовщикъ. Съ годами, то есть съ нарастаніемъ капиталчика онъ ободряется. Приниженность и заискиваніе исчезаютъ, остается лишь насмѣшливый и злой циникъ и сладострастникъ. Духовная сторона вся похере-на, а жажда жизни чрезвычайная. Свелось на то, что кромѣ сладострастныхъ наслажденій онъ ничего въ жизни и не видитъ, такъ учить и дѣтей своихъ. Отеческихъ духовныхъ какнхъ нибудь обязанностей — никакихъ. Онъ надъ ними смѣется, онъ воспитываетъ своихъ маленькихъ дѣтей на заднемъ дворѣ и радъ, что ихъ отъ него увозятъ. Забыва-

еть объ нихъ даже вовсе. Всѣ нравственныя правила старика—après moi le déluge. Все что есть обратнаго понятію о гражданствѣ, полнѣйшее, даже враждебное отъединеніе отъ общества: «Гори хоть весь свѣтъ огнемъ, было бы одному мнѣ хорошо.» И ему хорошо, онъ вполне доволенъ, онъ жаждетъ прежить такъ еще двадцать—тридцать лѣтъ. Онъ обсчитываетъ роднаго сына, и на его же деньги, на наследство матери его, которыя не хочетъ отдать ему, отбиваетъ у него, у сына же своего, любовницу. Нѣтъ, я не хочу уступать защиту подсудимаго высокоталантливому защитнику прибывшему изъ Петербурга. Я и самъ скажу правду, я и самъ понимаю ту сумму негодованія которую онъ накопилъ въ сердцѣ своего сына. Но довольно, довольно объ этомъ несчастномъ старикѣ, онъ получилъ свою мзду. Вспомнимъ, однако что это отецъ и одинъ изъ современныхъ отцовъ. Обижу ли я общество сказавъ что это одинъ даже изъ многихъ современныхъ отцовъ? Увы, столь многіе изъ современныхъ отцовъ лишь не высказываются столь цинически какъ этотъ, ибо лучше воспитаны, лучше образованы, а въ сущности — почти такой же какъ и онъ философін. Но пусть я пессимистъ, пусть. Мы ужь условились что вы меня прощаете. Уговоримся заранѣе: вы мнѣ не вѣрьте, не вѣрьте, я буду говорить, а вы не вѣрьте. Но всетаки дайте мнѣ высказаться, всетаки кое что изъ моихъ словъ не забудьте. Но вотъ однако дѣти этого старика, этого отца семейства: одинъ предъ нами на скамьѣ подсудимыхъ, объ немъ вся рѣчь впереди; про другихъ скажу лишь вскользь. Изъ этихъ другихъ, старшій—есть одинъ изъ современныхъ молодыхъ людей съ блестящимъ образованіемъ, съ умомъ довольно сильнымъ, уже ни во что, однако, не вѣрующимъ, многое, слишкомъ уже многое въ жизни отвергшимъ и похерившимъ, точь въ точь какъ и

родитель его. Мы всё его слышали, онъ въ нашемъ обществѣ былъ принятъ дружелюбно. Мнѣнїй своихъ онъ не скрывалъ, даже напротивъ, совсѣмъ напротивъ, что и даётъ мнѣ смѣлость говорить теперь о немъ нѣсколько откровенно, конечно не какъ о частномъ лицѣ, а лишь какъ о членѣ семьи Карамазовыхъ. Здѣсь умеръ вчера, самоубійствомъ, на краю города одинъ болѣзненный идиотъ, сильно привлеченный къ настоящему дѣлу, бывшій слуга и, можетъ быть, побочный сынъ Ѳедора Павловича, Смердяковъ. Онъ съ истерическими слезами рассказывалъ мнѣ на предварительномъ слѣдствїи, какъ этотъ молодой Карамазовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, ужаснулъ его своимъ духовнымъ безудержемъ: «Все дескать, по ихнему, позволено чтѣ ни есть въ мїрѣ, и ничего впредь не должно быть запрещено,—вотъ они чему меня все учили». Кажется идиотъ на этомъ тезисѣ, которому обучили его, и сошелъ съ ума окончательно, хотя, конечно, повліяли на умственное разстройство его и падающая болѣзнь, и вся эта страшная, разразившаяся въ ихъ домѣ ватастрофа. Но у этого идиота промелькнуло одно весьма и весьма любопытное замѣчаніе, сдѣлавшее бы честь и поумнѣе его наблюдателю, вотъ почему даже я объ этомъ и заговорилъ: «Если есть, сказалъ онъ мнѣ, который изъ сыновей болѣе похожій на Ѳедора Павловича по характеру, такъ это онъ, Иванъ Ѳедоровичъ!» На этомъ замѣчанїи я прерываю начатую характеристику, не считая деликатнымъ продолжать далѣе. О, я не хочу выводить дальнѣйшихъ заключеній и какъ воронъ каркать молодой судьбѣ одну только гибель. Мы видѣли еще сегодня здѣсь, въ этой залѣ, что непосредственная сила правды еще живетъ въ его молодомъ сердцѣ, что еще чувства семейной привязанности не заглушены въ немъ безвѣріемъ и нравственнымъ цинизмомъ, прїобрѣтеннымъ больше по наслѣдству, чѣмъ истиннымъ

страданіемъ мысли. Затѣмъ другой сынъ, о, это еще юноша, благочестивый и смиренный, въ противоположность мрачному растлѣвающему міровоззрѣнію его брата, ищущій прилѣпиться, такъ сказать, къ «народнымъ началамъ», или къ тому что у насъ называютъ этимъ мудренымъ словечкомъ въ иныхъ теоретическихъ углахъ мыслящей интеллигенціи нашей. Онъ, видите ли, прилѣпился къ монастырю; онъ чуть было самъ не постригся въ монахи. Въ немъ, кажется мнѣ, какъ бы безсознательно, и такъ рано, выразилось то робкое отчаяніе, съ которымъ столь многіе теперь въ нашемъ бѣдномъ обществѣ, убоясь цинизма и разврата его, и, ошибочно приписывая все зло европейскому просвѣщенію, бросаются, какъ говорятъ они, къ «родной почвѣ», такъ сказать, въ материнскія объятія родной земли, какъ дѣти напуганныя призраками и у изсохшей груди разслабленной матери жаждутъ хотя бы только спокойно заснуть и даже всю жизнь проспять, лишь бы не видѣть ихъ пугающихъ ужасовъ. Съ моей стороны я желаю доброму и даровитому юношѣ всего лучшаго, желаю, чтобъ его юное прекраснодушіе и стремленіе къ народнымъ началамъ не обратилось въ послѣдствіи, какъ столь часто оно случается, со стороны нравственной въ мрачный мистицизмъ, а со стороны гражданской въ тупой шовинизмъ—два качества грозящія, можетъ быть, еще большимъ зломъ націи, чѣмъ даже раннее растлѣніе отъ ложно понятаго и даромъ добытаго европейскаго просвѣщенія, какимъ страдаетъ старшій братъ его.»

За шовинизмъ и мистицизмъ, опять раздалось было дватри клака. И ужь конечно Ипполитъ Кирилловичъ увлекся, да и все это мало подходило къ настоящему дѣлу, не говоря уже о томъ, что вышло довольно неясно, но ужь слишкомъ захотѣлось высказаться чахоточному и озлобленному

человѣку хоть разъ въ своей жизни. У насъ потомъ говорили что въ характеристикѣ Ивана Федоровича онъ руководился чувствомъ даже неделикатнымъ, потому что тотъ разъ или два публично осадилъ его въ спорахъ, и Ипполитъ Кирилловичъ, помня это, захотѣлъ теперь отомстить. Но не знаю можно ли было такъ заключить. Во всякомъ случаѣ все это было только введеніемъ; затѣмъ рѣчь пошла прямѣе и ближе къ дѣлу.

«Но вотъ третій сынъ отца современнаго семейства, продолжалъ Ипполитъ Кирилловичъ, онъ на скамьѣ подсудимыхъ, онъ передъ нами. Передъ нами и его подвиги, его жизнь и дѣла его: пришелъ срокъ и все развернулось, все обнаружилось. Въ противоположность «европеизму» и «народнымъ началамъ» братьевъ своихъ, онъ какъ бы изображаетъ собою Россію непосредственную,—о, не всю, не всю, и Боже сохрани, еслибы всю! И однакоже тутъ она, наша Россейка, пахнетъ ею, слышится она матушка. О, мы непосредственны, мы зло и добро въ удивительнѣйшемъ смѣшеніи, мы любители просвѣщенія и Шиллера, и въ тоже время мы бушуемъ по трактирамъ и вырываемъ у пьянчужекъ собутыльниковъ нашихъ бороденки. О, и мы бываемъ хороши и прекрасны, но только тогда когда намъ самимъ хорошо и прекрасно. Напротивъ, мы даже обуреваемы,—именно обуреваемы,—благороднѣйшими идеалами, но только съ тѣмъ условіемъ чтобъ они достигались сами собою, упадали бы къ намъ на столъ съ неба и, главное, чтобы даромъ, даромъ, чтобы за нихъ ничего не платить. Платить мы ужасно не любимъ, зато получать очень любимъ, и это во всемъ. О дайте, дайте намъ всевозможныя блага жизни (именно всевозможныя, дешевле не помиримся) и особенно не препятствуйте нашему нраву ни въ чемъ, и тогда и мы докажемъ что можемъ быть хороши и прекрасны. Мы не жадны, нѣтъ,

но однакоже подавайте намъ денегъ, больше, больше, какъ можно больше денегъ, и вы увидите какъ великодушно, съ какимъ презрѣніемъ къ презрѣнному металлу мы разбросаемъ ихъ въ одну ночь въ безудержномъ кутежѣ. А не дадутъ намъ денегъ, такъ мы покажемъ какъ мы ихъ съумѣемъ достать, когда намъ очень того захочется. Но объ этомъ послѣ, будемъ слѣдить по порядку. Прежде всего предъ нами бѣдный заброшенный мальчикъ, «на заднемъ дворѣ безъ сапожекъ», какъ выразился давеча нашъ почтенный и уважаемый согражданинъ, увы, происхожденія иностраннаго! Еще разъ повторю, — никому не уступлю защиту подсудимаго! Я обвинитель, я и защитникъ. Да-съ, и мы люди, и мы человѣки, и мы съумѣемъ взвѣсить то какъ могутъ повліять на характеръ первыя впечатлѣнія дѣтства и роднаго гнѣздышка. Но вотъ мальчикъ уже юноша, уже молодой человѣкъ, офицеръ; за буйные поступки и за вызовъ на поединокъ ссылаютъ его въ одинъ изъ отдаленныхъ пограничныхъ городковъ нашей благодатной Россіи. Тамъ онъ служитъ, тамъ и кутитъ, и конечно—большому кораблю большое и плаваніе. Намъ надо средствъ-съ, средствъ прежде всего, и вотъ, послѣ долгихъ споровъ, порѣшено у него съ отцомъ на послѣднихъ шести тысячахъ рубляхъ и ихъ ему высылаютъ. Замѣтьте, онъ выдалъ документъ и существуетъ письмо его, въ которомъ онъ отъ остальнаго почти отрекается и этими шестью тысячами препираніе съ отцомъ по наслѣдству оканчиваетъ. Тутъ происходитъ его встрѣча съ молодою, высокаго характера и развитія дѣвушкой. О, я не смѣю повторять подробностей, вы ихъ только что слышали: тутъ честь, тутъ самоотверженіе, и я умолкаю. Образъ молодого человѣка, легкомысленнаго и развратнаго, но склонившагося предъ истиннымъ благородствомъ, предъ высшею идеей, мелькнулъ передъ нами чрезвычайно симпатично. Но вдругъ

послѣ того, въ этой же самой залѣ суда послѣдовала совсѣмъ неожиданно и обратная сторона медали. Опять таки не смѣю пускаться въ догадки и удержусь анализировать — почему такъ послѣдовало. Но однако были-же причины — почему такъ послѣдовало. Эта же самая особа, вся въ слезахъ негодованія, долго таившагося, объявляетъ намъ, что онъ-же, онъ-же первый и презиралъ ее за ея неосторожный, безудержный, можетъ быть, порывъ, но все-же возвышенный, все-же великодушный. У него-же, у жениха этой дѣвушки, и промелькнула прежде всѣхъ та насмѣшливая улыбка, которую она лишь отъ него одного не могла снести. Зная, что онъ уже измѣнилъ ей (измѣнилъ въ убѣжденіи, что она уже все должна впередъ сносить отъ него, даже измѣну его), зная это, она нарочно предлагаетъ ему три тысячи рублей и ясно, слишкомъ ясно даетъ ему при этомъ понять, что предлагаетъ ему деньги на измѣну ей же: «Что жъ, примешь или нѣтъ, будешь-ли столь циниченъ», говоритъ она ему молча своимъ судящимъ и испытующимъ взглядомъ. Онъ глядитъ на нее, понимаетъ ея мысли совершенно (онъ вѣдь самъ сознался здѣсь при васъ что онъ все понималъ) и безусловно присвоитъ себѣ эти три тысячи и прокучиваетъ ихъ въ два дня съ своею новою возлюбленною! Чему-же вѣрить? Первой-ли легендѣ — порыву-ли высокаго благородства, отдающаго послѣднія средства для жизни и преклоняющагося предъ добродѣтелью, или обратной стороной медали, столь отвратительной? Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что при двухъ противоположностяхъ правду надо искать по срединѣ; въ настоящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятнѣе всего, что въ первомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ случаѣ также искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому, что мы натуры широкаго, Карамазовскія, — я вѣдь къ тому и веду, — способныя вмѣщать всевоз-

можныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго паденія. Вспомните блестящую мысль высказанную давеча молодымъ наблюдателемъ, глубоко и близко созерцавшимъ всю семью Карамазовыхъ, г. Ракитинымъ: «Ощущеніе низости паденія также необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ натурамъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства»—и это правда: именно имъ нужна эта неестественная смѣсь постоянно и непрерывно. Двѣ бездны, двѣ бездны, господа, въ одинъ и тотъ же моментъ,—безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существованіе наше не полно. Мы широки, широки какъ вся наша матушка Россія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ уживемся! Кстати, господа присяжные засѣдатели, мы коснулись теперь этихъ трехъ тысячъ рублей, и я позволю себѣ нѣсколько забѣжать впередъ. Вообразите только что онъ, этотъ характеръ, получивъ тогда эти деньги, да еще такимъ образомъ, чрезъ такой стыдъ, чрезъ такой позоръ, чрезъ послѣдней степени униженіе,—вообразите только что онъ въ тотъ-же день возмогъ будто-бы опредѣлить изъ нихъ половину; зашить въ ладонку и цѣлый мѣсяць потомъ имѣть твердость носить ихъ у себя на шеѣ, не смотря на всѣ соблазны и чрезвычайныя нужды! Ни въ пьяномъ кутежѣ по трактирамъ, ни тогда когда ему пришлось летѣть изъ города доставать Богъ знаетъ у кого деньги, необходимѣйшія ему, чтобъ увезть свою возлюбленную отъ соблазновъ соперника отца своего,—онъ не осмѣливается притронуться къ этой ладонкѣ. Да хотъ именно для того только чтобы не оставлять свою возлюбленную на соблазны старика, къ которому онъ такъ ревновалъ, онъ долженъ-бы былъ распечатать свою ладонку и остаться дома неотступнымъ сторожемъ своей возлюбленной, ожидая той минуты, когда она скажетъ ему

наконецъ: «Я твоя», чтобъ летѣть съ нею куда нибудь подалше изъ теперешней роковой обстановки. Но нѣтъ, онъ не касается своего талисмана и подъ какимъ-же предлогомъ? Первоначальный предлогъ, мы сказали, былъ именно тотъ, что когда ему скажутъ: «я твоя, вези меня куда хочешь»,— то было-бы на чтò увезти. Но этотъ первый предлогъ, по собственнымъ словамъ подсудимаго, поблѣднѣлъ передъ вторымъ. Поколь дескать я ношу на себѣ эти деньги— «я подлець, но не воръ», ибо всегда могу пойти къ оскорбленной мною невѣстѣ и, выложивъ предъ нею эту половину всей обманно присвоенной отъ нея суммы, всегда могу ей сказать: «Видишь, я прокутилъ половину твоихъ денегъ и доказалъ тѣмъ, что я слабый и безнравственный человѣкъ и, если хочешь, подлець (я выражаюсь языкомъ самаго подсудимаго),—но, хоть и подлець, а не воръ, ибо еслибы былъ воромъ, то не принесъ-бы тебѣ этой половины оставшихся денегъ, а присвоилъ-бы и ее какъ и первую половину». Удивительное объясненіе факта! Этотъ самый бѣшеный, но слабый человѣкъ, не могшій отказаться отъ соблазна принять три тысячи рублей при такомъ позорѣ,—этотъ самый человѣкъ ощущаетъ вдругъ въ себѣ такую стоическую твердость и носить на своей шеѣ тысячи рублей, не смѣя до нихъ дотронуться! Сообразно-ли это хоть сколько нибудь съ разбираемымъ нами характеромъ? Нѣтъ, и я позволю себѣ вамъ рассказать, какъ-бы поступилъ въ такомъ случаѣ настоящій Дмитрій Карамазовъ, еслибы даже и въ самомъ дѣлѣ рѣшился зашить свои деньги въ ладонку. При первомъ-же соблазнѣ,—ну хоть чтобъ опять чѣмъ потѣшить ту же новую возлюбленную, съ которой уже прокутилъ первую половину этихъ-же денегъ, онъ-бы расшилъ свою ладонку и отдѣлилъ отъ нея,—ну положимъ на первый случай, хоть только сто рублей,—ибо къ чему де не-

премѣнно относить половину, то есть полторы тысячи, довольно и тысячи четырехсотъ рублей;—вѣдь все тоже выйдетъ: «подлецъ дескать, а не воръ, потому что все же хоть тысячу четыреста рублей да принесъ назадъ, а воръ-бы всѣ взялъ и ничего не принесъ». Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени опять расшилъ-бы ладонку и опять вынулъ уже вторую сотню, затѣмъ третью, затѣмъ четвертую, и не далѣе какъ къ концу мѣсяца вынулъ-бы наконецъ предпоследнюю сотню: дескать и одну сотню принесу назадъ все тоже вѣдь выйдетъ: подлецъ, а не воръ. Двадцать девять сотенъ прокутилъ, а все-же одну возвратилъ, воръ-бы и ту не возвратилъ». И наконецъ уже, прокутивъ эту предпоследнюю сотню, посмотрѣлъ-бы на последнюю и сказалъ-бы себѣ: «А вѣдь и впрямь не стѣдуетъ относить одну сотню,—давай и ту прокучу!» Вотъ какъ-бы поступилъ настоящій Дмитрій Карамазовъ, какого мы знаемъ! Легенда-же объ ладонкѣ—это такое противорѣчіе съ дѣйствительностью, какого болѣе и представить нельзя. Можно предположить все, а не это. Но мы къ этому еще вернемся».

Обозначивъ въ порядкѣ все что извѣстно было судебному слѣдствію объ имущественныхъ спорахъ и семейныхъ отношеніяхъ отца съ сыномъ и еще, и еще разъ выведя заключеніе, что по извѣстнымъ даннымъ нѣтъ ни малѣйшей возможности опредѣлить въ этомъ вопросѣ о дѣлѣжѣ наслѣдства кто кого обсчиталъ или кто на кого насчиталъ, Ипполитъ Кирилловичъ по поводу этихъ трехъ тысячъ рублей, засѣвшихъ въ умѣ Мити какъ неподвижная идея, упомянулъ объ медицинской экспертизѣ.

VII.

Обзоръ историческій.

«Экспертиза медиковъ стремилась доказать намъ, что подсудимый не въ своемъ умѣ и маньякъ. Я утверждаю, что онъ именно въ своемъ умѣ, но что это-то и всего хуже: былъ-бы не въ своемъ, то оказался-бы можетъ быть гораздо умнѣе. Что же до того, что онъ маньякъ, то съ этимъ я бы и согласился, но именно въ одномъ только пунктѣ, — въ томъ самомъ, на который и экспертиза указывала, именно во взглядѣ подсудимаго на эти три тысячи, будто-бы недоплаченныя ему отцомъ. Тѣмъ не менѣе, можетъ быть, можно найти несравненно ближайшую точку зрѣнія, чтобъ объяснить это всегдашнее изступленіе подсудимаго по поводу этихъ денегъ, чѣмъ наклонность его къ помѣшательству. Съ своей стороны я вполне согласенъ съ мнѣніемъ молодаго врача, находившаго, что подсудимый пользуется и пользовался полными и нормальными умственными способностями, а былъ лишь раздраженъ и озлобленъ. Вотъ въ этомъ и дѣло: не въ трехъ тысячахъ, не въ суммѣ собственно заключался предметъ постояннаго и изступленнаго озлобленія подсудимаго, а въ томъ, что была тутъ особая причина, возбуждавшая его гнѣвъ. Причина эта—ревность!»

Здѣсь Ипполитъ Кирилловичъ пространно развернулъ всю картину роковой страсти подсудимаго къ Грушенькѣ. Началъ онъ съ самаго того момента, когда подсудимый отправился къ «молодой особѣ», чтобъ «избить ее», — выражаясь его собственными словами, пояснилъ Ипполитъ Кирилловичъ, — но вмѣсто того чтобъ избить, остался у ногъ ея, — вотъ начало этой любви. Въ тоже время бросаетъ взглядъ на ту же особу и старикъ, отецъ подсудимаго, — совпаденіе удивительное и роковое, ибо оба сердца зажглись

вдругъ, въ одно время, хотя прежде и тотъ и другой знали-же и встрѣчали эту особу, — и зажглись эти оба сердца самую безудержною, самую Карамазовскою страстью. Тутъ мы имѣемъ ея собственное признаніе: «Я, говоритъ, она смѣялась надъ тѣмъ и другимъ». Да, ей захотѣлось вдругъ посмѣяться надъ тѣмъ и другимъ, прежде не хотѣлось, а тутъ вдругъ влетѣло ей въ умъ это намѣреніе, — и кончилось тѣмъ, что оба пали передъ ней побѣжденные. Старикъ, поклонявшійся деньгамъ какъ Богу; тотчасъ же приготовилъ три тысячи рублей лишь за то только, чтобъ она посѣтила его обитель, но вскорѣ доведенъ былъ и до того, что за счастье почелъ бы положить къ ногамъ ея свое имя и все свое состояніе, лишь-бы согласилась стать законною супругой его. На это мы имѣемъ свидѣтельства твердыя. Что-же до подсудимаго, то трагедія его очевидна, она предъ нами. Но такова была «игра» молодой особы. Несчастному молодому человѣку оболъстительница не подавала даже и надежды, ибо надежда, настоящая надежда была ему подана лишь только въ самый послѣдній моментъ, когда онъ, стоя передъ своею мучительницей на колѣняхъ, простиралъ къ ней уже обгащенные кровью своего отца и соперника руки: въ этомъ именно положеніи онъ и былъ арестованъ. «Меня, меня вмѣстѣ съ нимъ въ каторгу пошлите, я его до того довела, я больше всѣхъ виновата!» восклицала эта женщина сама, уже въ искреннемъ раскаяніи, въ минуту его ареста. Талантливый молодой человѣкъ, взявшій на себя описать настоящее дѣло, — все тотъ же г. Ракитинъ, о которомъ я уже упоминалъ, — въ нѣсколькихъ сжатыхъ и характерныхъ фразахъ опредѣляетъ характеръ этой героини: «Раннее разочарованіе, ранній обманъ и паденіе, измѣна оболъстителя-жениха, ес бросившаго, затѣмъ бѣдность, проклятіе честной семьи и наконецъ покровительство одного

богатаго старика, котораго она впрочемъ сама считаетъ и теперь своимъ благодѣтелемъ. Въ молодомъ сердцѣ, можетъ быть заключавшемъ въ себѣ много хорошаго, затаился гнѣвъ еще слишкомъ съ ранней поры. Образовался характеръ расчетливый, копящій капиталъ. Образовалась насмѣшливость и мстительность обществу». Послѣ этой характеристики понятно, что она могла смѣяться надъ тѣмъ и другимъ единственно для игры, для злобной згры. И вотъ въ этотъ мѣсяцъ: безнадежной любви, нравственныхъ паденій, измѣны своей невѣстѣ, присвоенія чужихъ денегъ, ввѣренныхъ его чести,—подсудимый кромѣ того доходитъ почти до изступленія, до бѣшенства, отъ непрерывной ревности, и къ кому же, къ своему отцу! И главное, безумный старикъ сманиваетъ и прельщаетъ предметъ его страсти—этими-же самими тремя тысячами, которыя сынъ его считаетъ своими родовыми, наслѣдствомъ матери, въ которыхъ укоряетъ отца. Да, я согласенъ, это было тяжело перенести! Тутъ могла явиться даже и манія. Не въ деньгахъ было дѣло, а въ томъ, что этими-же деньгами съ такимъ омерзительнымъ цинизмомъ разбивалось счастье его!»

Затѣмъ Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ къ тому, какъ постепенно зарождалась въ подсудимомъ мысль отцеубійства и прослѣдилъ ее по фактамъ.

«Сначала мы только кричимъ по трактирамъ,—весь этотъ мѣсяцъ кричимъ. О, мы любимъ жить на людяхъ и тотчасъ-же сообщать этимъ людямъ всѣ, даже самыя inferнальныя и опасныя наши идеи, мы любимъ дѣлиться съ людьми, и, неизвѣстно почему, тутъ-же, сейчасъ-же и требуемъ, чтобъ эти люди тотчасъ-же отвѣчали намъ полнѣйшею симпатіей, входили во всѣ наши заботы и тревоги, намъ поддакивали и нраву нашему не препятствовали. Не то мы озлимся и разнесемъ весь трактиръ. (Слѣдовалъ анек-

доть о штабсъ-капитанѣ Снегиревѣ). Видѣвшіе и слышавшіе подсудимаго въ этотъ мѣсяцъ почувствовали наконецъ, что тутъ уже могутъ быть не одни крики и угрозы отцу, но что при такомъ изступленіи угрозы пожалуй перейдутъ и въ дѣло. (Тутъ прокуроръ описалъ семейную встрѣчу въ монастырѣ, разговоры съ Алешей и безобразную сцену насилія въ домѣ отца, когда подсудимый ворвался къ нему послѣ обѣда). Не думаю настойчиво утверждать, продолжалъ Ипполитъ Кирилловичъ, что до этой сцены подсудимый уже обдуманно и преднамѣренно положилъ покончить съ отцомъ своимъ убійствомъ его. Тѣмъ не менѣе идея эта уже нѣсколько разъ предстояла ему и онъ обдуманно созерцалъ ее—на это мы имѣемъ факты, свидѣтелей и собственное сознаніе его. Признаюсь, господа присяжные засѣдатели, при совокупилъ Ипполитъ Кирилловичъ, я даже до сегодня колебался оставить за подсудимымъ полное и сознательное преднамѣреніе напрашивавшагося къ нему преступленія. Я твердо былъ убѣжденъ, что душа его уже многократно созерцала роковой моментъ впереди, но лишь созерцала, опредѣляла его себѣ лишь въ возможности, но еще не представляла ни срока исполненія, ни обстоятельство. Но я колебался лишь до сегодня, до этого роковаго документа, представленнаго сегодня суду г-жею Верховцевой. Вы сами слышали, господа, ея восклицаніе: «Это планъ, это программа убійства!»—вотъ какъ опредѣляла она несчастное «пьяное» письмо несчастнаго подсудимаго. И дѣйствительно, за письмомъ этимъ все значеніе программы и преднамѣренія. Оно написано за двое сутокъ до преступленія,—и, такимъ образомъ, намъ твердо теперь извѣстно, что за двое сутокъ до исполненія своего страшнаго замысла, подсудимый съ клятвою объявлялъ, что если не достанетъ завтра денегъ, то убьетъ отца, съ тѣмъ чтобы взять у него деньги изъ подъ-

подушки «въ пакетѣ съ красною ленточкой, только-бы уѣхалъ Иванъ». Слышите: «только-бы уѣхалъ Иванъ»,— тутъ стало быть уже все обдуманно, обстоятельства взвѣшены,—и чтѣ-же: все потомъ и исполнено какъ по писаному! Преднамѣренность и обдуманность несомнѣнны, преступленіе должно было совершиться съ цѣлью грабежа, это прямо объявлено, это написано и подписано. Подсудимый отъ своей подписи не отрицается. Скажутъ: это писалъ пьяный. Но это ничего не уменьшаетъ и тѣмъ важнѣе: въ пьяномъ видѣ написалъ то чтѣ задумалъ въ трезвомъ. Не было-бы задумано въ трезвомъ, не написалось-бы въ пьяномъ. Скажутъ пожалуй: къ чему онъ кричалъ о своемъ намѣреніи по трактирамъ? Кто на такое дѣло рѣшается *преднамѣренно*, тотъ молчить и таить про себя. Правда, но кричалъ онъ тогда когда еще не было плановъ и преднамѣренія, а лишь стояло одно желаніе, созрѣвало лишь стремленіе. Потомъ онъ объ этомъ уже меньше кричить. Въ тотъ вечеръ, когда было написано это письмо, напившись въ трактирѣ Столичный Городъ, онъ, противъ обыкновенія, былъ молчаливъ, не игралъ на билліардѣ, сидѣлъ въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не говорилъ и лишь согналъ съ мѣста одного здѣшняго купческаго прикащика, но это уже почти безсознательно, по привычкѣ къ ссорѣ, безъ которой, войдя въ трактиръ, онъ уже не могъ обойтись. Правда, вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ подсудимому должно-же было придти въ голову опасеніе, что онъ слишкомъ много накричалъ по городу предварительно и что это можетъ весьма послужить къ его уличенію и его обвиненію, когда онъ исполнитъ задуманное. Но ужъ чтѣ-же дѣлать, фактъ огласки былъ совершенъ, его не воротишь и, наконецъ, вывозила же прежде кривая, вывезетъ и теперь. Мы на звѣзду свою надѣялись, господа! Я долженъ къ тому же при-

знаться. что онъ много сдѣлалъ, чтобъ обойти роковую минуту, что онъ употребилъ весьма много усилій, чтобъ избѣжать кроваваго исхода. «Буду завтра просить три тысячи у всѣхъ людей, какъ пишетъ онъ своимъ своеобразнымъ языкомъ, а не дадутъ люди, то прольется кровь». Опять-таки въ пьяномъ видѣ написано и опять-таки въ трезвомъ видѣ какъ по писаному исполнено!»

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ приступилъ къ подробному описанію всѣхъ стараній Мити добыть себѣ деньги чтобъ избѣжать преступленія. Онъ описалъ его похождения у Самсонова, путешествіе къ Лягавому—все по документамъ. «Измученный, осмѣянный, голодный, продавшій часы на это путешествіе (имѣя однако на себѣ полторы тысячи рублей—и будто, о будто!), мучаясь ревностью по оставленному въ городѣ предмету любви, подозрѣвая, что она безъ него уйдетъ къ Ѳедору Павловичу, онъ возвращается наконецъ въ городъ. Слава Богу! Она у Ѳедора Павловича не была. Онъ же самъ ее и провожаетъ къ ея покровителю Самсонову. (Странное дѣло, къ Самсонову мы не ревнивы и это весьма характерная психологическая особенность въ этомъ дѣлѣ!) Затѣмъ стремится на наблюдательный постъ «на задахъ» и тамъ—и тамъ узнаетъ, что Смердяковъ въ падучей, что другой слуга болѣнъ—поле чисто, а «знаки» въ рукахъ его—какой соблазнъ! Тѣмъ не менѣе онъ все-таки сопротивляется; онъ идетъ къ высокоуважаемой всѣми нами временной здѣшной жительницѣ г-жѣ Хохлаковой. Давно уже сострадающая его судьбѣ, эта дама предлагаетъ ему благо-разумнѣйшій изъ совѣтовъ: бросить весь этотъ кутежъ, эту безобразную любовь, эти праздноштанія по трактирамъ, бесплодную трату молодыхъ силъ и отправиться въ Сибирь на золотые пріиски: «тамъ исходъ вашимъ бушующимъ силамъ, вашему романическому характеру,

жаждущему приключений». Описавъ исходъ бесѣды и тотъ моментъ, когда подсудимый вдругъ получилъ извѣстіе о томъ, что Грушенька совсѣмъ не была у Самсонова, описавъ мгновенное изступленіе несчастнаго, измученнаго нервами ревниваго человѣка при мысли что она именно обманула его и теперь у него, Федора Павловича, Ипполитъ Кирилловичъ заключилъ, обращая вниманіе на роковое значеніе случая: успѣй ему сказать служаица что возлюбленная его въ Мокромъ, съ «прежнимъ» и «безспорнымъ» — ничего-бы и не было. Но она опѣшала отъ страха, заглялась-забожилась, и, если подсудимый не убилъ ее тутъ же, то это потому что сломя голову пустился за своей измѣнницей. Но замѣтите: какъ ни былъ онъ внѣ себя, а захватилъ таки съ собою мѣдный пестикъ. Зачѣмъ именно пестикъ, зачѣмъ не другое какое оружіе? Но, если мы уже цѣлый мѣсяць созерцали эту картину и къ ней приготавливались, то чуть мелькнуло намъ что-то въ видѣ оружія, мы и схватываемъ его какъ оружіе. А о томъ что какой нибудь предметъ въ этомъ родѣ можетъ послужить оружіемъ, — это мы уже цѣлый мѣсяць представляли себѣ. Потому-то такъ мгновенно и безспорно и признали его за оружіе! А потому все же не безсознательно, все же не неволью схватилъ онъ этотъ роковой пестикъ. И вотъ онъ въ отцовскомъ саду — поле чисто, свидѣтелей нѣтъ, глубокая ночь, мракъ и ревность. Подозрѣніе что она здѣсь, съ нимъ, съ соперникомъ его, въ его объятіяхъ, и, можетъ быть, смѣется надъ нимъ въ эту минуту захватываетъ ему духъ. Да и не подозрѣніе только, — какія ужь теперь подозрѣнія, обманъ явснъ, очевиденъ: она тутъ, вотъ въ этой комнатѣ откуда свѣтъ, она у него тамъ за ширмами, — и вотъ несчастный подкрадывается къ окну, почтительно въ него заглядываетъ, благоправно смиряется и благоразумно уходитъ, поскорѣе

вонь отъ бѣды, чтобы чего не произошло, опаснаго и безнравственнаго — и насъ въ этомъ хотятъ увѣрить, насъ, знающихъ характеръ подсудимаго, понимающихъ въ какомъ онъ былъ состояніи духа, въ состояніи намъ извѣстномъ по фактамъ, а главное обладая знаками которыми тотчасъ же могъ отпереть домъ и войти!» Здѣсь по поводу «знаковъ» Ипполитъ Кирилловичъ оставилъ на время свое обвиненіе и нашелъ необходимымъ распространиться о Смердяковѣ, съ тѣмъ чтобъ ужь совершенно исчерпать весь этотъ вводный эпизодъ о подозрѣніи Смердякова въ убійствѣ и покончить съ этою мыслию разъ на всегда. Сдѣлавъ онъ это весьма обстоятельно, и всѣ поняли что не смотря на все выказываемое имъ презрѣніе къ этому предположенію, онъ всетаки считалъ его весьма важнымъ.

УІІІ.

Трактатъ о Смердяковѣ.

«Во первыхъ, откуда взялась возможность подобнаго подозрѣнія?» — началъ съ этого вопроса Ипполитъ Кирилловичъ. Первый, крикнувшій, что убилъ Смердяковъ, былъ самъ подсудимый въ минуту своего ареста, и однако не представившій съ самаго перваго крика своего и до самой сей минуты суда ни одинаго факта въ подтвержденіе своего обвиненія, — и не только факта, но даже сколько нибудь сообразнаго съ человѣческимъ смысломъ намека на какой нибудь фактъ. Затѣмъ подтверждаютъ обвиненіе это только три лица: оба брата подсудимаго и г-жа Свѣтлова. Но старшій братъ подсудимаго объявилъ свое подозрѣніе только сегодня, въ болѣзни, въ припадкѣ безспорнаго умоизступленія и горячки, а прежде, во всѣ два мѣсяца, какъ намъ

положительно это извѣстно, совершенно раздѣляя убѣжденіе о виновности своего брата, даже не искалъ возражать противъ этой идеи. Но мы этимъ займемся особенно еще потомъ. Затѣмъ младшій братъ подсудимаго намъ объявляетъ давеча самъ что фактовъ въ подтвержденіе своей мысли о виновности Смердякова не имѣеть никакихъ, ни малѣйшихъ, а заключаетъ такъ лишь со словъ самого подсудимаго и «по выраженію его лица» — да, это колоссальное доказательство было дважды произнесено давеча его братомъ. Г-жа же Свѣтлова выразилась даже, можетъ быть, и еще колоссальнѣе: «Что подсудимый вамъ скажетъ тому и вѣрьте, не таковъ человѣкъ, чтобы солгалъ.» Вотъ всѣ фактическія доказательства на Смердякова отъ этихъ трехъ лицъ, слишкомъ заинтересованныхъ въ судьбѣ подсудимаго. И между тѣмъ обвиненіе на Смердякова ходило и держалось, и держится, — можно этому повѣрить, можно это представить?

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ нашелъ нужнымъ слегка очертить характеръ покойнаго Смердякова, «прекратившаго жизнь свою въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія и помѣшательства». Онъ представилъ его человѣкомъ слабоумнымъ, съ зачаткомъ нѣкотораго смутнаго образованія, сбитаго съ толку философскими идеями не подъ силу его уму и испугавшагося иныхъ современныхъ ученій о долгѣ и обязанности, широко преподанныхъ ему — практически-безшабашною жизнію покойнаго его барина, а можетъ быть и отца, Федора Павловича, а теоретически — разными странными философскими разговорами съ старшимъ сыномъ барина, Иваномъ Федоровичемъ, охотно позволявшимъ себѣ это развлеченіе, — вѣроятно отъ скуки, или отъ потребности насмѣшки, не нашедшей лучшаго приложенія. Онъ мнѣ самъ рассказывалъ о своемъ душевномъ состояніи въ послѣдніе дни своего пребыванія въ домѣ своего барина, — пояснилъ

Ипполитъ Кирилловичъ, — но свидѣтельствуютъ о томъ же и другіе: самъ подсудимый, братъ его и даже слуга Григорій, т. е. всѣ тѣ которые должны были знать его весьма близко. Кромѣ того, удрученный падучею болѣзнію, Смердяковъ былъ «трусливъ какъ курица». «Онъ падалъ мнѣ въ ноги и цаловалъ мои ноги», сообщалъ намъ самъ подсудимый въ ту минуту когда еще не сознавалъ нѣкоторой для себя невыгоды въ такомъ сообщеніи, — «это курица въ падучей болѣзни», выразился онъ про него своимъ характернымъ языкомъ. И вотъ его-то подсудимый (о чемъ и самъ свидѣлствуетъ) выбираетъ въ свои довѣренныя и запугиваетъ настолько что тотъ соглашается наконецъ служить ему шпиономъ и переносчикомъ. Въ этомъ качествѣ домашняго соглядатая онъ измѣняетъ своему барину, сообщаетъ подсудимому и о существованіи пакета съ деньгами, и про знаки по которымъ можно проникнуть къ барину, — да и какъ бы онъ могъ не сообщить! «Убьютъ-сь, видѣлъ прямо что убьютъ меня-сь, говорилъ онъ на слѣдствіи, трясясь и трепеща даже передъ нами, не смотря на то что запугавшій его мучитель былъ уже самъ тогда подъ арестомъ и не могъ уже придти наказать его. «Подозрѣвали меня всякую минуту-сь, самъ въ страхѣ и трепетѣ, чтобы только ихъ гнѣвъ утолить, спѣшилъ сообщать имъ всякую тайну-сь чтобы тѣмъ самымъ невинность мою передъ ними видѣть могли-сь, и живаго на покаяніе отпустили-сь». Вотъ собственные слова его, я ихъ записалъ и запомнилъ: «Какъ закричить бывало на меня, я такъ на колѣнки передъ ними и паду.» Будучи высокочестнымъ отъ природы своей молодымъ человѣкомъ и войдя тѣмъ въ довѣренность своего барина, отличившаго въ немъ эту честность, когда тотъ возвратилъ ему потерянные имъ деньги, несчастный Смердяковъ, надо думать, страшно мучился раскаяніемъ въ измѣнѣ

своему барину, котораго любилъ какъ своего благодѣтеля. Сильно страдающіе отъ падучей болѣзни, по свидѣтельству глубочайшихъ психіатровъ, всегда наклонны къ непрерывному и конечно болѣзненному самообвиненію. Они мучаются отъ своей «виновности» въ чемъ-то и передъ кѣмъ-то, мучаются угрызеніями совѣсти, часто, даже безо всякаго основанія, преувеличиваютъ и даже сами выдумываютъ на себя разныя вины и преступленія. И вотъ подобный-то субъектъ становится дѣйствительно виновнымъ и преступнымъ отъ страха и отъ запугиванія. Кромѣ того, онъ сильно предчувствовалъ что изъ слагающихся на глазахъ его обстоятельствъ можетъ выйти нѣчто недоброе. Когда старшій сынъ Федора Павловича, Иванъ Федоровичъ, передъ самою катастрофой уѣзжалъ въ Москву, Смердяковъ умолялъ его остаться, не смѣя однакоже, по трусливому обычаю своему, высказать ему всѣ опасенія свои въ видѣ ясномъ и категорическомъ. Онъ лишь удовольствовался намеками, но намековъ не поняли. Надо замѣтить, что въ Иванъ Федоровичъ онъ видѣлъ какъ-бы свою защиту, какъ-бы гарантію въ томъ, что пока тотъ дома, то не случится бѣды. Вспомните выраженіе въ «пьяномъ» письмѣ Дмитрія Карамазова: «убью старика, если только уѣдетъ Иванъ», стало-быть присутствіе Ивана Федоровича казалось всѣмъ какъ-бы гарантіей тишины и порядка въ домѣ. И вотъ онъ-то и уѣзжаетъ, а Смердяковъ тотчасъ же, почти черезъ часъ по отъѣздѣ молодого барина, упадаетъ въ падучей болѣзни. Но это совершенно понятно. Здѣсь надо упомянуть что, удрученный страхами и своего рода отчаяніемъ, Смердяковъ въ послѣдніе дни особенно ощущалъ въ себѣ возможность приближенія припадковъ падучей, которая и прежде всегда случалась съ нимъ въ минуты нравственнаго напряженія и потрясенія. День и часъ этихъ припадковъ угадать конечно нельзя, но

расположеніе къ припадку каждый эпилептикъ ощутить въ себѣ можетъ заранѣе. Такъ говоритъ медицина. И вотъ, только что съѣзжаетъ со двора Иванъ Ѳеодоровичъ, какъ Смердяковъ, подъ впечатлѣніемъ своего такъ сказать сиротства и своей беззащитности, идетъ за домашнимъ дѣломъ въ погребъ, спускается внизъ по лѣстницѣ и думаетъ: «будетъ или не будетъ припадокъ, а что коль сейчасъ придетъ?»—И вотъ именно отъ этого настроенія, отъ этой мнительности, отъ этихъ вопросовъ и схватываетъ его горловая спазма, всегда предшествующая падучей, и онъ летитъ стремглавъ безъ сознанія на дно погреба. И вотъ, въ этой самой естественной случайности, ухищряются видѣть какое-то подозрѣніе, какое-то указаніе, какой-то намекъ на то, что онъ нарочно притворился больнымъ! Но если нарочно, то является тотчасъ вопросъ: для чего-же? Изъ какого расчета, съ какою-же цѣлью? Я уже не говорю про медицину; наука дескать лжетъ, наука ошибается, доктора не сьумѣли отличить истины отъ притворства,—пусть, пусть, но отвѣтите-же мнѣ однако на вопросъ: для чего ему было притворяться? Не для того-ли чтобы, замысливъ убійство, обратить на себя случившимся припадкомъ заранѣе и поскорѣе вниманіе въ домѣ? Видите-ли, господа присяжные засѣдатели, въ домѣ Ѳедора Павловича, въ ночь преступленія было и перебивало пять человѣкъ: во первыхъ, самъ Ѳедоръ Павловичъ,—но вѣдь не онъ же убилъ себя, это ясно; во вторыхъ, слуга его Григорій, но вѣдь того самого чуть не убили,—въ третьихъ, жена Григорія, служанка Марѳа Игнатьева,—но представить ее убійцей своего барина просто стыдно. Остаются стало быть на виду два человѣка: подсудимый и Смердяковъ. Но такъ какъ подсудимый увѣряетъ, что убилъ не онъ, то стало быть долженъ былъ убить Смердяковъ, другаго выхода нѣтъ, ибо никого дру-

таго нельзя найти, никакого другого убійцы не подберешь. Вотъ, вотъ стало быть откуда произошло это «хитрое» и колоссальное обвиненіе на несчастнаго, вчера покончившаго съ собой, идіота! Именно только потому одному, что другаго некого подобрать! Будь хоть тѣнь, хоть подозрѣніе на кого другаго, на какое нибудь шестое лицо, то я убѣжденъ, что даже самъ подсудимый постыдился-бы показать тогда на Смердякова, а показалъ-бы на это шестое лицо, ибо обвинять Смердякова въ этомъ убійствѣ есть совершенный абсурдъ.

«Господа, оставимъ психологію, оставимъ медицину, оставимъ даже самую логику, обратимся лишь къ фактамъ, къ однимъ только фактамъ и посмотримъ что скажутъ намъ факты. Убилъ Смердяковъ, но какъ? Одинъ или въ сообществѣ съ подсудимымъ? Разсмотримъ сперва первый случай, то есть что Смердяковъ убиваетъ одинъ. Конечно, если убилъ, то для чего-же нибудь, изъ какой нибудь выгоды. Но, не имѣя ни тѣни мотивовъ къ убійству изъ такихъ какіе имѣлъ подсудимый, то есть ненависти, ревности и проч., и проч., Смердяковъ безъ сомнѣнія могъ убить только лишь изъ за денегъ, чтобы присвоить себѣ именно эти три тысячи, которыя самъ-же видѣлъ какъ баринъ его укладывалъ въ пакетъ. И вотъ, замысливъ убійство, онъ заранѣе сообщаетъ другому лицу, — и къ тому-же въ высочайшей степени заинтересованному лицу, именно подсудимому, — всѣ обстоятельства о деньгахъ и знакахъ: гдѣ лежитъ пакетъ, что именно на пакетѣ написано, чѣмъ онъ обернуть, а главное, главное сообщаетъ про эти «знаки», которыми къ барину можно пройти. Что жъ, онъ прямо, чтобы выдать себя, это дѣлаетъ? Или чтобы найти себѣ соперника, который пожалуй и самъ пожелаетъ войти и пріобрѣсть пакетъ? Да, скажутъ мнѣ, но вѣдь онъ сообщилъ

отъ страху. Но какъ-же это? Человѣкъ, не смигнувшій задумать такое безстрашное и звѣрское дѣло и потомъ исполнить его,—сообщаетъ такія извѣстія, которыя знаетъ только онъ въ цѣломъ мірѣ, и о которыхъ, еслибы только онъ объ нихъ умолчалъ, никто и не догадался-бы никогда въ цѣломъ мірѣ. Нѣтъ, ужь какъ-бы ни былъ трусливъ человекъ, а ужь если такое дѣло задумалъ, то уже ни за что бы не сказалъ никому, по крайней мѣрѣ про пакетъ и про знаки, ибо это значило-бы впередъ всего себя выдать. Чтонибудь выдумалъ-бы нарочно, чтонибудь нагаль-бы другое, если ужь отъ него непременно требовали извѣстій, а ужь объ этомъ-бы умолчалъ! Напротивъ, повторяю это, еслибы онъ промолчалъ хоть только объ деньгахъ, а потомъ убилъ и присвоилъ эти деньги себѣ, то никто-бы никогда въ цѣломъ мірѣ не могъ обвинить его по крайней мѣрѣ въ убійствѣ для грабежа, ибо денегъ этихъ вѣдь никто кромѣ него не видалъ, никто не зналъ, что онѣ существуютъ въ домѣ. Еслибы даже и обвинили его, то непременно сочли-бы что онъ изъ другаго какогонибудь мотива убилъ. Но такъ какъ мотивовъ этихъ за нимъ никто предварительно не примѣтилъ, а всѣ видѣли, напротивъ, что онъ бариномъ любимъ, почтенъ бариноюю довѣренностью, то конечно-бы его послѣдняго и заподозрили, а заподозрили-бы прежде всего такого, который-бы имѣлъ эти мотивы, кто самъ кричалъ, что имѣетъ эти мотивы, кто ихъ не скрывалъ, передъ всѣми обнаруживалъ, однимъ словомъ заподозрили-бы сына убитаго, Дмитрія Федоровича. Смердяковъ-бы убилъ и ограбилъ, а сына-бы обвинили,—вѣдь Смердякову убійцѣ ужь конечно было-бы это выгодно? Ну такъ вотъ этому-то сыну Дмитрію, Смердяковъ, замысливъ убійство, и сообщаетъ впередъ про деньги, про пакетъ и про знаки,—какъ это логично, какъ это ясно!

«Приходить день замышленнаго Смердяковымъ убійства, и вотъ онъ летитъ съ ногъ, *притворившись*, въ припадкѣ падучей болѣзни, для чего? Ужь конечно для того, чтобы, во первыхъ, слуга Григорій, замыслившій свое лѣченіе и, видя что совершенно некому стеречь домъ, можетъ быть отложилъ-бы свое лѣченіе и сѣлъ караулить. Во вторыхъ, конечно для того чтобы самъ баринъ, видя что его никто не караулитъ и страшно опасаясь прихода сына, чего не скрывалъ, усугубилъ свою недовѣрчивость и свою осторожность. Наконецъ, и главное, конечно для того чтобъ его, Смердякова, разбитаго припадкомъ, тотчасъ же перенесли изъ кухни, гдѣ онъ всегда отдѣльно ото всѣхъ почевалъ и гдѣ имѣлъ свой особенный входъ и выходъ, въ другой конецъ флигеля, въ комнатку Григорія, къ нимъ обоимъ за перегородку, въ трехъ шагахъ отъ ихъ собственной постели, какъ всегда это бывало, съ поконъ вѣба, чуть только его разбивала падучая, по распоряженіямъ барина и сердобольной Марѣы Игнатьевны. Тамъ, лежа за перегородкой, онъ, вѣроятнѣе всего, чтобъ вѣрнѣе изобразиться больнымъ начнетъ конечно стонать, то есть будить ихъ всю ночь— (какъ и было по показанію Григорія и жены его),—и все это, все это для того, чтобъ тѣмъ удобнѣе вдругъ встать и потомъ убить барина!

«Но скажутъ мнѣ, можетъ быть онъ именно притворился чтобъ на него, какъ на больнаго, не подумали, а подсудимому сообщилъ про деньги и про знаки именно для того, чтобъ тотъ соблазнился и самъ пришелъ, и убилъ, и когда, видите-ли, тотъ, убивъ, уйдетъ и унесетъ деньги, и при этомъ пожалуй на шумитъ, нагремитъ, разбудитъ свидѣтелей, то тогда видите-ли, встанетъ и Смердяковъ, и пойдетъ,— ну, что же дѣлать пойдетъ? А вотъ именно пойдетъ въ другой разъ убить барина и въ другой разъ унести уже

унесенныя деньги. Господа, вы смѣтаете? Мнѣ самому стыдно дѣлать такія предположенія, а между тѣмъ, представьте себѣ это, именно вѣдь подсудимый это самое и утверждаетъ: послѣ меня дескать, когда я уже вышелъ изъ дому, поваливъ Григорія и надѣлавъ тревоги, онъ всталъ, пошелъ, убилъ и ограбилъ. Ужь я и не говорю про то какъ-бы могъ Смердяковъ разсчитать это все заранѣе и все предугадать какъ по пальцамъ, то есть что раздраженный и бѣшенный сынъ придетъ единственно для того только чтобы почтительно заглянуть въ окно и, обладая знаками, отретироваться, оставивъ ему, Смердякову, всю добычу! Господа, я серьезно ставлю вопросъ: гдѣ тотъ моментъ когда Смердяковъ совершилъ свое преступленіе? Укажите этотъ моментъ, ибо безъ этого нельзя обвинять.

«А можетъ быть падушая была настоящая. Больной вдругъ очнулся, услыхалъ крикъ, вышелъ,—ну и что же? Посмотрѣлъ, да и сказалъ себѣ: дай пойду убью барина? А почему онъ узналъ что тутъ было, что тутъ происходило, вѣдь онъ до сихъ поръ лежалъ въ безпамятствѣ? А впрочемъ, господа, есть предѣлъ и фантазіямъ.

«Такъ-съ, скажутъ тонкіе люди, а ну какъ оба были въ согласіи, а ну какъ это они оба вмѣстѣ убили и денежки подѣлили, ну тогда какже?

«Да, дѣйствительно подозрѣніе важное, и во первыхъ—тотчасъ-же колоссальныя улики, его подтверждающія: одинъ убиваетъ и беретъ всѣ труды на себя, а другой сообщникъ лежитъ на боку, притворившись въ падушей,—именно для того чтобы предварительно возбудить во всѣхъ подозрѣніе, тревогу въ баринѣ, тревогу въ Григоріи. Любопытно изъ какихъ мотивовъ оба сообщника могли-бы выдумать именно такой сумасшедшій планъ? Но можетъ быть это было вовсе не активное сообщество со стороны Смердякова, а такъ

сказать пассивное и страдальческое: можетъ быть, запуганный Смердяковъ согласился лишь не сопротивляться убійству и, предчувствуя, что его же вѣдь обвинять, что онъ далъ убить барина, не кричалъ, не сопротивлялся,—заранѣе выговорилъ себѣ у Дмитрія Карамазова позволеніе пролежать это время какъ-бы въ падучей, «а ты тамъ убивай себѣ какъ угодно, моя изба съ краю». Но если и такъ, то такъ какъ и опять таки эта падучая должна была произвести въ домѣ переполохъ, предвидя это, Дмитрій Карамазовъ ужь никакъ не могъ-бы согласиться на такой договоръ. Но я уступаю, пусть онъ согласился; такъ вѣдь все-таки вышло-бы тогда, что Дмитрій Карамазовъ—убійца, прямой убійца и зачинщикъ, а Смердяковъ лишь пассивный участникъ, да и не участникъ даже, а лишь попуститель отъ страха и противъ воли, вѣдь судъ-то это бы уже непременно могъ различить, и вотъ, чтò же мы видимъ? Только что арестовали подсудимаго, какъ онъ мигомъ сваливаетъ все на одного Смердякова и его *одного* обвиняетъ. Не въ сообщничествѣ съ собой обвиняетъ, а его одного: одинъ дескать, онъ это сдѣлалъ, онъ убилъ и ограбилъ, его рукъ дѣло! Ну чтò это за сообщники, которые тотчасъ же начинаютъ говорить одинъ на другаго,—да этого никогда не бываетъ. И замѣтьте какой рискъ для Карамазова: онъ главный убійца, а тотъ неглавный, тотъ только попуститель и пролежалъ за перегородкой, и вотъ онъ сваливаетъ на лежачаго. Такъ вѣдь тотъ, лежацій-то могъ разсердиться, и изъ за одного только самосохраненія поскорѣе объявить правду истинную: оба дескать участвовали, только я не убивалъ, а лишь дозволилъ и пустилъ, отъ страху. Вѣдь онъ же, Смердяковъ, могъ понять, что судъ тотчасъ бы различилъ степень его виновности, а стало быть могъ и разсчитать что если его и накажутъ, то несравненно ничтожнѣе чѣмъ того,

главнаго убійцу, желающаго все свалить на него. Но тогда стало быть ужь по неволѣ сдѣлалъ бы признаніе. Этого мы однакоже не видали. Смердяковъ и не заикнулся о сообщничествѣ, не смотря на то что убійца твердо обвинялъ его и все время указывалъ на него, какъ на убійцу единственнаго. Мало того: Смердяковъ же и открылъ слѣдствію, что о пакетѣ съ деньгами и о знакахъ сообщилъ подсудимому *онъ самъ*, и что безъ него тотъ и не узналъ бы ничего. Еслибъ онъ былъ дѣйствительно въ сообщничествѣ и виновенъ, сообщилъ ли бы онъ такъ легко объ этомъ слѣдствію, т. е. что это все онъ самъ сообщилъ подсудимому? Напротивъ, сталъ бы заператься и ужь непременно искажать факты и уменьшать ихъ. Но онъ не искажалъ и не уменьшалъ. Такъ можетъ дѣлать только невинный, не боящійся что его обвинять въ сообщничествѣ. И вотъ онъ, въ припадкѣ болѣзненной меланхоліи отъ своей падучей и отъ всей этой разразившейся катастрофы, вчера повѣсилъ. Повѣсившись, оставилъ записку, писанную своеобразнымъ слогомъ: «Истребляю себя своею волей и охотой, чтобы никого не винить.» Ну чтобъ ему прибавить въ запискѣ: убійца я, а не Карамазовъ. Но этого онъ не прибавилъ: на одно совѣсти хватило, а на другое нѣтъ?

«И что же: давеча сюда, въ судъ, приносятъ деньги, три тысячи рублей, — «тѣ самыя дескать, которыя лежали вотъ въ этомъ самомъ пакетѣ, чтò на столѣ съ вещественными доказательствами, получилъ дескать вчера отъ Смердякова.» Но вы, господа присяжные засѣдатели, сами помните грустную давешнюю картину. Я не возобновлю подробностей, однакоже позволю себѣ сдѣлать лишь два-три соображенія, выбирая изъ самыхъ незначительнѣйшихъ, — именно потому что онѣ незначительны, а стало быть не всякому придуть въ голову и забудутся. Во первыхъ, и

опять таки: отъ угрызенія совѣсти Смердяковъ вчера отдалъ деньги и самъ повѣсилъ. (Ибо безъ угрызеній совѣсти онъ бы денегъ не отдалъ.) И ужь конечно только вчера вечеромъ въ первый разъ признался Ивану Карамазову въ своемъ преступленіи, какъ объявилъ и самъ Иванъ Карамазовъ, иначе зачѣмъ бы онъ молчалъ до сихъ поръ? И такъ, онъ признался, почему же, опять повторю это, въ предсмертной запискѣ не объявилъ намъ всей правды, зная что завтра же для безвиннаго подсудимаго страшный судъ? Одиѣ деньги вѣдь не доказательство. Мнѣ, на примѣръ, и еще двумъ лицамъ въ этой залѣ совершенно случайно сталъ извѣстенъ, еще недѣлю назадъ, одинъ фактъ, именно что Иванъ Федоровичъ Карамазовъ посылалъ въ губернскій городъ для размѣна два пятипроцентные билета по пяти тысячъ каждый, всего стало быть на десять тысячъ. Я только къ тому, что деньги у всѣхъ могутъ случиться къ данному сроку и что, принеся три тысячи, нельзя доказать непременно, что это вотъ тѣ самыя деньги, вотъ именно изъ того самаго ящика или пакета. Наконецъ, Иванъ Карамазовъ, получивъ вчера такое важное сообщеніе отъ настоящаго убійцы, пребываетъ въ покоѣ. Но почему бы ему не заявить объ этомъ тотчасъ же? Почему онъ отложилъ все до утра? Полагаю что имѣю право догадываться почему: уже недѣлю какъ разстроенный въ своемъ здоровьѣ, самъ признавшійся доктору и близкимъ своимъ, что видитъ видѣнія, что встрѣчаетъ уже умершихъ людей; наканунѣ бѣлой горячки, которая сегодня именно и поразила его, онъ, внезапно узнавъ о кончинѣ Смердякова, вдругъ составляетъ себѣ слѣдующее разсужденіе: «Человѣкъ мертвъ, на него сказать можно, а брата спасу. Деньги же есть у меня: возьму пачку и скажу что Смердяковъ предъ смертью мнѣ отдалъ». Вы скажете, это нечестно, хоть на мертваго, но не-

честно же лгать, даже и для спасенія брата? Такъ, ну а что если онъ солгалъ безсознательно, если онъ самъ вообразилъ что такъ и было, именно окончательно пораженный въ разсудкѣ своемъ извѣстіемъ объ этой внезапной смерти лакея? Вы вѣдь видѣли давешнюю сцену, видѣли въ какомъ положеніи былъ этотъ человѣкъ. Онъ стоялъ на ногахъ и говорилъ, но гдѣ былъ умъ его? За давешнимъ показаніемъ горячешняго послѣдовалъ документъ, письмо подсудимаго къ г-жѣ Верховцевой, писанное имъ за два дня до совершенія преступленія, съ подробною программой преступленія впередъ. Ну такъ чего же мы ищемъ программу и ея составителей? Точь въ точь по этой программѣ и совершилось, и совершилось ни кѣмъ другимъ, какъ ея составителемъ. Да, господа присяжные засѣдатели, «совершилось какъ по писанному!» И вовсе, вовсе мы не бѣжали почти-тельно и боязливо отъ отцова окошка, да еще въ твердой увѣренности, что у того теперь наша возлюбленная. Нѣтъ, это нелѣпо и неправдоподобно. Онъ вошелъ и—покончилъ дѣло. Вѣроятно онъ убилъ въ раздраженіи, разгорѣвшись злобой, только что взглянулъ на своего ненавистника и соперника, но убивъ, что сдѣлалъ можетъ быть однимъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, вооруженной мѣднымъ пестомъ и убѣдившись затѣмъ уже послѣ подробнаго обыска что ея тутъ нѣтъ, онъ однакоже не забылъ засунуть руку подъ подушку и достать конвертъ съ деньгами, разорван-ная обложка котораго лежитъ теперь здѣсь на столѣ съ вещественными доказательствами. Я говорю къ тому чтобы вы замѣтили одно обстоятельство, по моему прехарактерное. Будь это опытный убійца и именно убійца съ цѣлью одного грабежа,—ну оставилъ ли бы онъ обложку конверта на полу, въ томъ видѣ какъ нашли ее подлѣ трупа? Ну будь это, напримѣръ, Смердяковъ, убивающій для грабежа,—

да онъ бы просто унесъ весь пакетъ съ собой, вовсе не трудясь распечатывать надъ трупомъ жертвы своей; такъ какъ зналъ навѣрно что въ пакетѣ есть деньги,—вѣдь при немъ же ихъ вкладывали и запечатывали,—а вѣдь унеси онъ пакетъ совсѣмъ и тогда становится неизвѣстнымъ существовало ли ограбленіе? Я васъ спрашиваю, господа присяжные, поступилъ ли бы такъ Смердяковъ, оставилъ ли бы онъ конвертъ на полу? Нѣтъ, именно такъ долженъ былъ поступить убійца изступленный, уже плохо разсуждающій, убійца не воръ и никогда ничего до тѣхъ поръ не укравшій, да и теперь-то вырвавшій изъ подъ постели деньги не какъ воръ укравшій, а какъ свою же вещь у вора укравшаго унесшій,—ибо таковы именно были идеи Дмитрія Карамазова объ этихъ трехъ тысячахъ, дошедшія въ немъ до маніи. И вотъ, захвативъ пакетъ, котораго онъ прежде никогда не видалъ, онъ и рветъ обложку чтобъ удостовѣриться, есть-ли деньги, затѣмъ бѣжитъ съ деньгами въ карманѣ, даже и подумать забывъ что оставляетъ на полу колоссальнѣйшее на себя обвиненіе въ видѣ разорванной обложки. Все потому, что Карамазовъ, а не Смердяковъ, не подумалъ, не сообразилъ, да и гдѣ ему! Онъ убѣгаетъ, онъ слышитъ вопль настигающаго его слуги, слуга хватаетъ его, останавливаетъ и падаетъ, пораженный мѣднымъ пестомъ. Подсудимый соскакиваетъ къ нему внизъ изъ жалости. Представьте, онъ вдругъ увѣряетъ насъ что онъ соскочилъ тогда къ нему внизъ изъ жалости, изъ состраданія чтобы посмотрѣть не можетъ ли ему чѣмъ помочь. Ну такова-ли эта минута чтобы выказать подобное состраданіе? Нѣтъ, онъ соскочилъ именно для того: чтобъ убѣдиться: живъ ли единственный свидѣтель его злодѣянія? Всякое другое чувство, всякій другой мотивъ были бы неестественны! Замѣьте, онъ надъ Григоріемъ трудится, обти-

раетъ ему платкомъ голову и, убѣдясь что онъ мертвъ, какъ потерянный, весь въ крови, прибѣгаетъ опять туда, въ дѣмъ своей возлюбленной—какже не подумалъ онъ что онъ весь въ крови и что его тотчасъ изобличать? Но подсудимый самъ увѣряетъ насъ что онъ даже и вниманія не обратилъ что весь въ крови; это допустить можно, это очень возможно, это всегда бываетъ въ такія минуты съ преступниками. На одно—адскій расчетъ, а на другое не хватаетъ соображенія. Но онъ думалъ въ ту минуту лишь о томъ гдѣ *она*. Ему надо было поскорѣе узнать, гдѣ она, и вотъ онъ прибѣгаетъ въ ея квартиру и узнаетъ неожиданное и колоссальнѣйшее для себя извѣстіе: она уѣхала въ Мокрое со своимъ «прежнимъ», «безспорнымъ!»

IX.

Психологія на всѣхъ парахъ. Скачущая тройка. Финаль рѣчи прокурора.

Дойдя до этого момента въ своей рѣчи Ипполитъ Кирилловичъ, очевидно избравшій строго историческій методъ изложенія, къ которому очень любятъ прибѣгать всѣ нервныя ораторы, ищущіе нарочно строго поставленныхъ рамокъ чтобы сдерживать собственное нетерпѣливое увлеченіе,—Ипполитъ Кирилловичъ особенно распротрачился о «прежнемъ» и «безспорномъ» и высказалъ на эту тему нѣсколько въ своемъ родѣ, занимательныхъ мыслей. Карамазовъ, ревновавшій ко всѣмъ до бѣшенства, вдругъ и разомъ какъ-бы падаетъ и исчезаетъ передъ «прежнимъ» и «безпорнымъ». И тѣмъ болѣе это странно что прежде онъ совсѣмъ почти и не обращалъ вниманія на эту новую для себя опасность, грядущую въ лицѣ неожиданнаго для него соперника. Но онъ все

представлялъ себѣ, что это еще такъ далеко, а Карамазовъ всегда живетъ лишь настоящею минутой. Вѣроятно онъ считалъ его даже фикціей. Но мигомъ понявъ больнымъ сердцемъ своимъ что можетъ быть потому-то эта женщина и скрывала этого новаго соперника, потому-то и обманывала его давеча, что этотъ вновь прилетѣвшій соперникъ былъ слишкомъ для нея не фантазіей и не фикціей, а составлялъ для нея все, все ея упованіе въ жизни, — мигомъ понявъ это, онъ смирился. Что же, господа присяжные, я не могу обойти умолчаніемъ эту внезапную черту въ душѣ подсудимаго, который бы, казалось, ни за что не способенъ былъ проявить ее, высказалась вдругъ неумолимая потребность правды, уваженія къ женщинѣ, признанія правъ ея сердца и когда же—въ тотъ моментъ, когда изъ за нея же онъ обагрилъ свои руки кровью отца своего! Правда и то что и пролитая кровь уже закричала въ эту минуту объ отмщеніи, ибо онъ, погубившій душу свою и всю земную судьбу свою, онъ невольно долженъ былъ почувствовать и спросить себя въ то мгновеніе: «Что значить онъ и что можетъ онъ значить *теперь* для нея, для этого любимаго имъ больше души своей существа въ сравненіи съ этимъ «прежнимъ» и «безспорнымъ», покаявшимся и воротившимся къ этой, когда-то погубленной имъ женщинѣ, съ новой любовью, съ предложеніями честными, съ обѣтомъ возрожденной и уже счастливой жизни. А онъ, несчастный, что дастъ онъ ей *теперь*, что ей предложить? Карамазовъ все это понялъ, понялъ что преступленіе его заперло ему всѣ дороги и что онъ лишь приговоренный къ казни преступникъ, а не человѣкъ которому жить! Эта мысль его раздавила и уничтожила. И вотъ онъ мгновенно останавливается на одномъ изступленномъ планѣ, который, при характерѣ Карамазова, не могъ не представиться ему какъ единственнымъ и фа-

тальнымъ исходомъ изъ страшнаго его положенія. Этотъ исходъ—самоубійство. Онъ бѣжить за своими заложеными чиновнику Перхотину пистолетами и въ тоже время дорогой на бѣгу, выхватываетъ изъ кармана всѣ свои деньги, изъ за которыхъ только-что забрызгалъ руки свои отцовскою кровью. О, деньги теперь ему нужнѣе всего: умираетъ Карамазовъ, застрѣливается Карамазовъ и это будутъ помнить! Не даромъ же мы поэтъ, не даромъ же мы прожидали нашу жизнь какъ свѣчку съ обоихъ концовъ. «Бъ ней, къ ней, — и тамъ, о тамъ я задаю пиръ на весь міръ, такой, какого еще не бывало, чтобы помнили и долго рассказывали. Среди дикихъ криковъ, безумныхъ цыганскихъ пѣсень и плясокъ, мы подыmemъ заздравный бокалъ и поздравимъ обожаемую женщину съ ея новымъ счастьемъ, а затѣмъ—тутъ же, у ногъ ея, разможимъ передъ нею нашъ черепъ и казнимъ нашу жизнь! Вспомнить когда нибудь Митю Карамазова, увидить какъ любилъ ее Митя, пожалѣть Митю!» Много картинности, романическаго изступленія, дикаго Карамазовскаго безудержу и чувствительности, — ну и еще чего-то другаго, господа присяжные, чего-то что кричитъ въ душѣ, стучитъ въ умъ неустанно и отравляетъ его сердце до смерти,—это *что-то*—это совѣсть, господа присяжные, это судъ ея, это страшныя ея угрызенія! Но пистолеть все помирить, пистолеть единственный выходъ и нѣтъ другаго, а тамъ—я не знаю, думалъ ли въ ту минуту Карамазовъ «*что будетъ тамъ*», и можетъ ли Карамазовъ по Гамлетовски думать о томъ что тамъ будетъ? Нѣтъ, господа присяжные, у тѣхъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!»

Тутъ Ипполитъ Кирилловичъ развернулъ подробнѣйшую картину сборовъ Мити, сцену у Перхотина, въ лавкѣ, съ ящиками. Онъ привелъ массу словъ, изрѣченій, жестовъ

все подтвержденныхъ свидѣтелями, — и картина страшно повлияла на убѣжденіе слушателей. Главное повлияла совокупность фактовъ. Виновость этого изступленно-мятущагося и уже не берегущаго себя человѣка выставилась неотразимо. Нечего уже ему было беречь себя, говорилъ Ипполитъ Кирилловичъ, — два-три раза онъ чуть-чуть было не сознался вполне, почти намекалъ и только развѣ не договаривалъ, (здѣсь слѣдовали показанія свидѣтелей). Даже ямщику въ дорогѣ крикнулъ: «Знаешь ли, что ты убійцу везешь!» Но договорить все-таки ему нельзя было: надо было попасть сперва въ село Мокрое и уже тамъ закончить поэму. Но что же однако ожидаетъ несчастнаго? Дѣло въ томъ, что почти съ первыхъ же минутъ въ Мокромъ онъ видитъ и наконецъ постигаетъ совершенно что «безспорный» соперникъ его вовсе можетъ быть ужъ не такъ безспоренъ и что поздравленій съ новымъ счастьемъ и заздравнаго бокала отъ него не хотятъ и не принимаютъ. Но вы уже знаете факты, господа присяжные, по судебному слѣдствію. Торжество Карамазова надъ соперникомъ оказалось неоспоримымъ и тутъ — о, тутъ начался совѣмъ уже новый фазисъ въ его душѣ, и даже самый страшный фазисъ изо всѣхъ, какіе пережила и еще переживетъ когда либо эта душа! Положительно можно признать, господа присяжные, воскликнулъ Ипполитъ Кирилловичъ, что поруганная природа и преступное сердце — сами за себя мстители полнѣе всякаго земнаго правосудія! Мало того: правосудіе и земная казнь даже облегчаютъ казнь природы, даже необходимы душѣ преступника въ эти моменты какъ спасеніе ея отъ отчаянія, ибо я и представить себѣ не могу того ужаса и тѣхъ нравственныхъ страданій Карамазова, когда онъ узналъ что она его любитъ, что для него отвергаетъ своего «прежняго» и «безспорнаго», что его, его, «Митю», зоветъ съ собою въ обновленную жизнь, общается

ему счастье и это когда же? Когда уже все для него покончено и когда уже ничего невозможно! Кстати сдѣлаю вскользь одну весьма важную для насъ замѣтку для поясненія настоящей сущности тогдашняго положенія подсудимаго: эта женщина, эта любовь его до самой этой послѣдней минуты, до самаго даже мига ареста, пребывала для него существомъ недоступнымъ, страстно желаемымъ, но недостижимымъ. Но почему, почему онъ не застрѣлился тогда же, почему оставилъ принятое намѣреніе и даже забылъ гдѣ лежитъ его пистолеть? А вотъ именно эта страстная жажда любви и надежда ее тогда же, тутъ же утолить и удержали его. Въ чаду пира онъ приковался къ своей возлюбленной, тоже вмѣстѣ съ нимъ пирующей, прелестной и обольстительной для него болѣе чѣмъ когда либо,—онъ не отходить отъ нея, любитъ ея, исчезаетъ предъ нею. Эта страстная жажда даже могла на мигъ подавить не только страхъ ареста, но и самыя угрызения совѣсти! На мигъ, о только на мигъ! Я представляю себѣ тогдашнее состояніе души преступника въ безспорномъ рабскомъ подчиненіи тремъ элементамъ, подавившимъ ее совершенно: во первыхъ, пьяное состояніе, чадъ и гамъ, топотъ пляски, визгъ пѣсенъ, и она, она, раскраснѣвшаяся отъ вина, поющая и пляшущая, пьяная и смѣющаяся ему! Во вторыхъ, ободряющая отдаленная мечта о томъ, что роковая развязка еще далеко, по крайней мѣрѣ не близко,—развѣ на другой только день, лишь на утро, придутъ и возьмутъ его. Стало быть нѣсколько часовъ, это много, ужасно много! Въ нѣсколько часовъ можно много придумать. Я представляю себѣ что съ нимъ было нѣчто похожее на то, когда преступника везутъ на смертную казнь, на висѣлицу: еще надо проѣхать длинную-длинную улицу, да еще шагомъ, мимо тысячъ народа, затѣмъ будетъ поворотъ въ другую улицу и въ концѣ только

этой другой улицы страшная площадь! Мнѣ именно кажется что въ началѣ шествія осужденный, сидя на позорной своей колесницѣ, долженъ именно чувствовать что предъ нимъ еще безконечная жизнь. Но вотъ однакоже уходить дома, колесница все подвигается,—о, это ничего, до поворота во вторую улицу еще такъ далеко, и вотъ онъ все еще бодро смотритъ направо и налево и на эти тысячи безучастно любопытныхъ людей, приговавшихся къ нему взглядами, и ему все еще мерещится что онъ такой же, какъ и они, человекъ. Но вотъ уже и поворотъ въ другую улицу, о! это ничего, ничего, еще цѣлая улица. И сколько бы ни уходило домовъ, онъ все будетъ думать: «Еще осталось много домовъ». И такъ до самаго конца, до самой площади. Такъ, представляю себѣ, было тогда и съ Карамазовымъ. «Еще тамъ не успѣли, думаетъ онъ, еще можно что нибудь подыскать, о, еще будетъ время сочинить планъ защиты, сообразить отпоръ, а теперь, теперь,—теперь она такъ прелестна!» Смутно и страшно въ душѣ его, но онъ успѣваетъ однакоже отложить отъ своихъ денегъ половину и гдѣ-то ихъ спрятать,—иначе я не могу объяснить себѣ куда могла исчезнуть цѣлая половина этихъ трехъ тысячъ, только что взятыхъ имъ у отца изъ подъ подушки. Онъ въ Мобромѣ уже не разъ, онъ тамъ уже кутилъ двое сутокъ. Этотъ старый, большой деревянный домъ ему извѣстенъ, со всѣми сараями, галлереями. Я именно предполагаю что часть денегъ скрылась тогда же, и именно въ этомъ домѣ, не задолго предъ арестомъ, въ какую-нибудь щель, въ расщелину, подъ какую нибудь половицу, гдѣ нибудь въ углу, подъ кровлей — для чего? Какъ для чего? Катастрофа можетъ совершиться сейчасъ, конечно мы еще не обдумали, какъ ее встрѣтить, да и некогда намъ, да и стучить у насъ въ головѣ, да и къ *ней-то*

тянеть, ну а деньги,—деньги во всякомъ положеніи необходимы! Человѣкъ съ деньгами—вездѣ человѣкъ. Можетъ быть такая расчетливость въ такую минуту вамъ покажется неестественною? Но вѣдь увѣряеть же онъ самъ, что еще за мѣсяць предъ тѣмъ, въ одинъ тоже самый тревожный и роковой для него моментъ, онъ отдѣлилъ отъ трехъ тысячъ половину и зашилъ себѣ въ ладонку, и если конечно, это неправда, что и докажемъ сейчасъ, то все же эта идея Карамазову знакомая, онъ ее созерцалъ. Мало того, когда онъ увѣрялъ потомъ слѣдователя что отдѣлилъ полторы тысячи въ ладонку (которой никогда не бывало), то можетъ быть и выдумалъ эту ладонку, тутъ же мгновенно, именно потому что два часа предъ тѣмъ отдѣлилъ половину денегъ и спряталъ куда нибудь тамъ въ Мокромъ, на всякій случай, до утра, только чтобы не хранить на себѣ, по внезапно представившемуся вдохновенію. Двѣ бездны, господа присяжные, вспомните что Карамазовъ можетъ созерцать двѣ бездны и обѣ разомъ! Въ томъ домѣ мы искали, но не нашли. Можетъ эти деньги и теперь еще тамъ, а можетъ и на другой день исчезли, и теперь у подсудимаго. Во всякомъ случаѣ арестовали его подлѣ нея, передъ ней на колѣняхъ, она лежала на кровати, онъ простиралъ къ ней руки и до того забылъ все въ ту минуту, что не слышалъ и приближенія арестующихъ. Онъ ничего еще не успѣлъ приготовить въ умѣ своемъ для отвѣта. И онъ, и умъ его были взяты въ распlochъ.

«И вотъ онъ предъ своими судьями, предъ рѣшителями судьбы своей. Господа присяжные засѣдатели, бываютъ моменты когда, при нашей обязанности, намъ самимъ становится почти страшно предъ человѣкомъ, страшно и за человѣка! Это минуты созерцанія того животнаго ужаса когда преступникъ уже видитъ что все пропало, но все еще бо-

рется, все еще намѣренъ бороться съ вами. Это минуты когда всѣ инстинкты самосохраненія возстаютъ въ немъ разомъ, и онъ, спасая себя, глядитъ на васъ пронизывающимъ взглядомъ, вопрошающимъ и страдающимъ, ловить и изучаетъ васъ, ваше лицо, ваши мысли, ждетъ съ котораго боку вы ударите, и создаетъ мгновенно въ сотрясающемся умѣ своемъ тысячи плановъ, но всетаки боится говорить, боится проговориться! Эти унижительные моменты души человѣческой, это хожденіе ея по мытарствамъ, эта животная жажда самоспасенія—ужасны и вызываютъ иногда содроганіе и состраданіе къ преступнику даже въ слѣдователѣ! И вотъ мы этому всему были тогда свидѣтелями. Сначала онъ былъ ошеломленъ, и въ ужасѣ у него вырвалось нѣсколько словъ, его сильно компрометирующихъ: «Кровь! Заслужилъ!»! Но онъ быстро сдержалъ себя. Чтò сказать, какъ отвѣтить,—все это пока еще у него не готово, но готово лишь одно голословное отрицаніе: «Въ смерти отца не виновенъ!»! Вотъ пока нашъ заборъ, а тамъ, за заборомъ, мы можетъ быть еще чтò и устроимъ, какую нибудь баррикаду. Компрометирующія первыя восклицанія свои онъ спѣшитъ, предупреждая вопросы наши, объяснить тѣмъ что считаетъ себя виновнымъ лишь въ смерти слуги Григорія. «Въ этой крови виновенъ, но кто же убилъ отца, господа, кто убилъ? Кто же могъ убить его *если не я*»? Слышите это: спрашиваетъ онъ насъ же, насъ же, пришедшихъ къ нему самому съ этимъ самымъ вопросомъ! Слышите вы это забѣгающее впередъ словечко: «если не я», эту животную хитрость, эту наивность и эту карамазовскую нетерпѣливость? Не я убилъ и думать не могли что я: «Хотѣлъ убить, господа, хотѣлъ убить», признается онъ поскорѣе (спѣшитъ, о, спѣшитъ ужасно)! «но все же неповиненъ, не я убилъ»! Онъ уступаетъ намъ что хотѣлъ убить: видите дескать сами

какъ я искрененъ, ну такъ тѣмъ скорѣе повѣрьте что не я убилъ. О, въ этихъ случаяхъ преступникъ становится иногда неимовѣрно легкомысленъ и легковѣренъ. И вотъ тутъ, совсѣмъ какъ бы нечаянно, слѣдствіе вдругъ задало ему самый простодушный вопросъ: «Да не Смердяковъ ли убилъ»? Такъ и случилось чего мы ожидали: Онъ страшно разсердился за то что предупредили его и поймали въ расплахъ, когда онъ еще не успѣлъ приготовить, выбрать и ухватить тотъ моментъ когда вывести Смердякова будетъ всего вѣроятнѣе. По натурѣ своей онъ тотчасъ же бросился въ крайность и самъ началъ насъ изо всѣхъ силъ увѣрять что Смердяковъ не могъ убить, не способенъ убить. Но не вѣрьте ему, это лишь его хитрость: онъ вовсе, вовсе еще не отказывается отъ Смердякова, напротивъ, онъ еще его выставить, потому что кого же ему выставить какъ не его, но онъ сдѣлаетъ это въ другую минуту, потому что теперь это дѣло пока испорчено. Онъ выставить его только можетъ быть завтра или даже черезъ нѣсколько дней, прискавъ моментъ, въ который самъ же крикнетъ намъ: «Видите, я самъ отрицалъ Смердякова больше чѣмъ вы, вы сами это помните, но теперь и я убѣдился: это онъ убилъ, и какже не онъ!» А пока онъ впадаетъ съ нами въ мрачное и раздражительное отрицаніе, нетерпѣніе и гнѣвъ подсказываютъ ему однако самое неумѣлое и неправдоподобное объясненіе о томъ какъ онъ глядѣлъ отцу въ окно и какъ онъ почтительно отошелъ отъ окна. Главное, онъ еще не знаетъ обстоятельствъ, степени показаній очнувшагося Григорія. Мы приступаемъ къ осмотру и обыску. Осмотръ гнѣвить его, но и ободряетъ: всѣхъ трехъ тысячъ не разыскали, разысканы только полторы. И ужь конечно лишь въ этотъ моментъ гнѣвливаго молчанія и отрицанія вскакиваетъ ему въ голову въ первый разъ въ жизни идея объ

ладонкѣ. Безъ сомнѣнія онъ чувствуетъ самъ всю невѣроятность выдумки и мучится, страшно мучится, какъ бы сдѣлать ее вѣроятнѣе, такъ сочинить чтобъ ужь вышелъ цѣлый правдоподобный романъ. Въ этихъ случаяхъ самое первое дѣло, самая главная задача слѣдствія — не дать приготовиться, накрыть неожиданно, чтобы преступникъ высказалъ завѣтныя идеи свои во всемъ выдающемъ ихъ простодушіи, неправдоподобности и противорѣчии. Заставить же говорить преступника можно лишь внезапнымъ и какъ бы нечаяннымъ сообщеніемъ ему какого нибудь новаго факта, какого нибудь обстоятельства дѣла, которое по значенію своему колоссально, но котораго онъ до сихъ поръ ни за что не предполагалъ и никакъ не могъ усмотрѣть. Этотъ фактъ былъ у насъ наготовѣ, о, уже давно наготовѣ: это показаніе очнушагося слуги Григорія объ отворенной двери, изъ которой выбѣжалъ подсудимый. Про эту дверь онъ совсѣмъ забылъ, а что Григорій могъ ее видѣть и не предполагалъ. Эффектъ вышелъ колоссальный. Онъ вскочилъ и вдругъ закричалъ намъ: «Это Смердяковъ убилъ, Смердяковъ!» и вотъ выдалъ свою завѣтную, свою основную мысль, въ самой неправдоподобной формѣ ея, ибо Смердяковъ могъ убить лишь послѣ того какъ онъ повергъ Григорія и убѣжалъ. Когда же мы ему сообщили, что Григорій видѣлъ отпертую дверь раньше своего паденія, а, выходя изъ своей спальни, слышалъ стонущаго за перегородкой Смердякова — Карамановъ былъ во истину раздавленъ. Сотрудникъ мой, нашъ почтенный и остроумный Николай Парѣновичъ, передавалъ мнѣ потомъ что въ это мгновеніе ему стало его жалко до слезъ. И вотъ въ это-то мгновеніе, чтобъ поправить дѣло, онъ и спѣшитъ намъ сообщить объ этой пресловутой ладонкѣ: такъ и быть дескать, услышите эту повѣсть! Господа присяжные, я уже выразилъ вамъ мои мысли, почему

считаю всю эту выдумку объ зашитыхъ за мѣсяць передъ тѣмъ деньгахъ въ ладонку не только нелѣпницей, но и самымъ неправдоподобнымъ измышленіемъ, которое только можно было пріискатъ въ данномъ случаѣ. Еслибъ даже искать на пари: чтѣ можно сказать и представить неправдоподобнѣе, — то и тогда нельзя бы было выдумать хуже этого. Тутъ главное можно осадить и въ прахъ разбить торжествующаго романиста подробностями, тѣми самыми подробностями которыми всегда такъ богата дѣйствительность и которыя всегда, какъ совершенно будто бы незначущая и ненужная мелочь, пренебрегаются этими несчастными и невольными сочинителями и даже никогда не приходятъ имъ въ голову. О, имъ въ ту минуту не до того, ихъ умъ создаетъ лишь грандіозное цѣлое, — и вотъ смѣютъ имъ предлагать такую мелочь! Но на этомъ-то ихъ и ловятъ! Задаютъ подсудимому вопросъ: Ну, а гдѣ вы изволили взять матеріалъ для вашей ладонки, кто вамъ сшилъ ее? — Самъ зашилъ. — А полотно гдѣ изволили взять? Подсудимый уже обижается, онъ считаетъ это почти обидною для себя мелочью, и, вѣрите ли, искренно, искренно! Но таковы всѣ они. Я отъ рубашки моей оторвалъ. — Прекрасно-съ. Стало быть въ вашемъ бѣльѣ мы завтра же отыщемъ эту рубашку съ вырванымъ изъ нея клочкомъ. И сообразите, господа присяжные, вѣдь еслибы только мы нашли въ самомъ дѣлѣ эту рубашку (а какъ бы ее не найти въ его чемоданѣ или комодѣ еслибы такая рубашка въ самомъ дѣлѣ существовала), — то вѣдь это ужъ фактъ, фактъ осязательный въ пользу справедливости его показаній! Но этого онъ не можетъ сообразить. — Я не помню, можетъ не отъ рубашки, я въ хозяйкинъ чепчикъ зашилъ. — Въ какой такой чепчикъ? — Я у ней взялъ, у нея валялся, старая коленкоровая дрянь. — И вы это твердо помните? — Нѣтъ, твердо не помню... И

сердится, сердится, а между тѣмъ представьте: какъ бы это не помнить? Въ самыя страшныя минуты человѣческія, ну на казнь везутъ, вотъ именно эти-то мелочи и запоминаются. Онъ обо всемъ забудетъ, а какую нибудь зеленую кровлю мелькнувшую ему по дорогѣ, или галку на крестѣ—вотъ это онъ запомнить. Вѣдь онъ зашивая ладонку свою прятался отъ домашнихъ, онъ долженъ былъ помнить какъ унижительно страдалъ онъ отъ страху съ иглой въ рукахъ, чтобы къ нему не вошли и его не накрыли; какъ при первомъ стукѣ вскакивалъ и бѣжалъ за перегородку (въ его квартирѣ есть перегородка)... Но, господа присяжные, для чего я вамъ это все сообщаю, всѣ эти подробности, мелочи! воскликнулъ вдругъ Ипполитъ Кирилловичъ. А вотъ именно потому что подсудимый стоитъ упорно на всей этой нелѣпицѣ до самой сей минуты! Во всѣ эти два мѣсяца, съ той самой роковой для него ночи, онъ ничего не разъяснилъ, ни одного объяснительнаго реальнаго обстоятельства къ прежнимъ фантастическимъ показаніямъ своимъ не прибавилъ; все это, дескать, мелочи, а вы вѣрите на честь! О, мы рады вѣрить, мы жаждемъ вѣрить, хотя бы даже на честь! Что же мы, шагалы жаждущіе крови человѣческой? Дайте, укажите намъ хоть одинъ фактъ въ пользу подсудимаго и мы обрадуемся, — но фактъ осязательный, реальный, а не заключеніе по выраженію лица подсудимаго роднымъ его братомъ, или указаніе на то что онъ, бѣя себя въ грудь, непременно долженъ былъ на ладонку указывать, да еще въ темнотѣ. Мы обрадуемся новому факту, мы первые откажемся отъ нашего обвиненія, мы поспѣшимъ отказаться. Теперь же вопіеть справедливость, и мы настаиваемъ, мы ни отъ чего отказаться не можемъ». Ипполитъ Кирилловичъ перешелъ тутъ къ финалу. Онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, онъ вопіалъ за пролитую кровь, за кровь отца

убитаго сыномъ «съ низкою цѣлью ограбленія». Онъ твердо указывалъ на трагическую и вопіющую совокупность фактовъ. «И что бы вы ни услышали отъ знаменитаго своимъ талантомъ защитника подсудимаго (не удержался Ипполитъ Кирилловичъ), какія бы ни раздались здѣсь краснорѣчивыя и трогательныя слова, бьющія въ вашу чувствительность, — все же вспомните что въ эту минуту вы въ святилищѣ нашего правосудія. Вспомните что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей Россіи, ея основъ, ея семьи, ея всего святаго! Да, вы здѣсь представляете Россію въ данный моментъ, и не въ одной только этой залѣ раздастся вашъ приговоръ, а на всю Россію, и вся Россія выслушаетъ васъ какъ защитниковъ и судей своихъ и будетъ ободрена или удручена приговоромъ вашимъ. Не мучьте же Россію и ея ожиданія, роковая тройка наша несется стремглавъ и можетъ къ гибели. И давно уже въ цѣлой Россіи простираютъ руки и взываютъ остановить бѣшеную, безпардонную скачку. И если сторонятся пока еще другіе народы отъ скачущей сломя голову тройки, то можетъ быть вовсе не отъ почтенія къ ней, какъ хотѣлось поэту, а просто отъ ужаса—это замѣтте. Отъ ужаса, а можетъ и отъ омерзенія къ ней, да и то еще хорошо, что сторонятся, а пожалуй возьмутъ да и перестанутъ сторониться и станутъ твердою стѣной передъ стремящимся видѣніемъ и сами остановятъ сумасшедшую скачку нашей разнузданности, въ видахъ спасенія себя, просвѣщенія и цивилизаціи! Эти тревожные голоса изъ Европы мы уже слышали. Они раздаваться уже начинаютъ. Не соблазняйте же ихъ, не копите ихъ все нарастающей ненависти приговоромъ оправдывающимъ убійство отца роднымъ сыномъ!..»

Однимъ словомъ, Ипполитъ Кирилловичъ хоть и очень увлекся, но бончилъ таки патетически — и дѣйствительно

впечатлѣніе произведенное имъ, было чрезвычайное. Самъ онъ, окончивъ рѣчь свою, поспѣшно вышелъ и, повторяю, почти упалъ въ другой комнатѣ въ обморокъ. Зала не аплодировала, но серіозные люди были довольны. Не такъ довольны были только однѣ дамы, но все же и имъ понравилось краснорѣчіе, тѣмъ болѣе что за послѣдствія онъ со всѣмъ не боялись и ждали всего отъ Оетюковича; «накоонецъ-то онъ заговорить и ужь конечно, всѣхъ побѣдить!» Всѣ поглядывали на Митю; всю рѣчь прокурора онъ просидѣлъ молча, сжавъ руки, стиснувъ зубы, потупившись. Изрѣдка только подымалъ голову и прислушивался. Особенно когда заговорили о Грушенькѣ. Когда прокуроръ передавалъ о ней мнѣніе Раkitина, въ лицѣ его выразилась презрительная и злобная улыбка и онъ довольно слышно проговорилъ: «Бернары!» Когда же Ипполитъ Кирилловичъ сообщалъ о томъ какъ онъ допрашивалъ и мучилъ его въ Мокромъ, Митя поднялъ голову и прислушивался со страшнымъ любопытствомъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи какъ будто хотѣлъ даже вскочить и что-то крикнуть, но однако осилилъ себя и только презрительно вскинулъ плечами. Про этотъ финалъ рѣчи, именно про подвиги прокурора въ Мокромъ, при допросѣ преступника, потомъ у насъ въ обществѣ говорили и надъ Ипполитомъ Кирилловичемъ подсмѣивались: «Не утерпѣлъ дескать челоувѣкъ чтобы не похвататься своими способностями». Засѣданіе было прервано, но на очень короткій срокъ, на четверть часа, много на двадцать минутъ. Въ публикѣ раздавались разговоры и восклицанія. Я инья запомнилъ:

— Серіозная рѣчь! нахмуренно замѣтилъ господинъ въ одной группѣ.

— Психологіи наvertѣлъ ужь много, раздался другой голосъ.

— Да вѣдь все правда, неотразимая истина!

— Да, это онъ мастеръ.

— Итогъ подвелъ.

— И намъ, и намъ тоже итогъ подвелъ, присоединился третій голосъ,—въ началѣ-то рѣчи, помните, что всѣ такіе же какъ Ѳедоръ Павловичъ?

— И въ концѣ тоже. Только онъ это совралъ.

— Да и неясности были.

— Увлёкся маленько.

— Несправедливо, несправедливо-сь.

— Ну нѣтъ, всетаки ловко. Долго ждалъ человѣкъ, а вотъ и сказалъ, хе-хе!

— Что то защитникъ скажетъ?

Въ другой группѣ:

— А петербургскаго-то онъ напрасно сейчасъ задѣлъ: «біющихъ-то на чувствительность» помните?

— Да, это онъ неловко.

— Пospѣшилъ.

— Нервный человѣкъ-сь.

— Вотъ мы смѣемся, а каково подсудимому?

— Да-сь. Митенькѣ-то каково?

— А вотъ что-то защитникъ скажетъ?

Въ третьей группѣ:

— Это какая такая дама, съ лорнетомъ, толстая, съ краю сидитъ?

— Это генеральша одна, разводка, я ее знаю.

— То-то, съ лорнетомъ.

— Шушера.

— Ну нѣтъ, пигантенькая.

— Подлѣ нея черезъ два мѣста сидитъ блондиночка, та лучше.

— А ловко они его тогда въ Мокромъ накрыли, а?

— Ловко-то ловко. Опять рассказалъ. Вѣдь онъ про это здѣсь по домамъ ужь сколько рассказывалъ.

— И теперь не утерпѣлъ. Самолюбіе.

— Обиженный человѣкъ, хе-хе!

— И обидчивый. Да и реторики много, фразы длинные.

— Да и пугаетъ, замѣтите, все пугаетъ. Про тройку-то помните? «Тамъ Гамлеты, а у насъ еще пока Карамазовы!»! Это онъ ловко.

— Это онъ либерализму подкуривалъ. Боится!

— Да и адвоката боится.

— Да, что-то скажетъ господинъ Оетюковичъ?

— Ну что бы ни сказалъ, а нашихъ мужичковъ не прошибетъ.

— Вы думаете?

Въ четвертой группѣ:

— А про тройку-то вѣдь у него хорошо, это гдѣ про народы-то.

— И вѣдь правда, помнишь, гдѣ онъ говорить что народы не будутъ ждать.

— А что?

— Да въ Англійскомъ парламентѣ ужь одинъ членъ вставалъ на прошлой недѣлѣ, по поводу нигилистовъ, и спрашивалъ министерство: не пора ли ввязаться въ варварскую націю, чтобы насъ образовать. Исполить это про него, я знаю что про него. Онъ на прошлой недѣлѣ объ этомъ говорилъ.

— Далеко куликамъ.

— Какимъ куликамъ? Почему далеко?

— А мы запремъ Бронштадтъ, да и не дадимъ имъ хлѣба. Гдѣ они возьмутъ?

— А въ Америкѣ? Теперь въ Америкѣ.

— Врешь.

Но зазвонилъ колокольчикъ, все бросилось на мѣста. Ѳетюковичъ взошелъ на кафедру.

Х.

Рѣчь защитника. Палка о двухъ концахъ.

Все затихло когда раздались первыя слова знаменитаго оратора. Вся зала впилась въ него глазами. Началъ онъ чрезвычайно прямо, просто и убѣжденно, но безъ малѣйшей заносчивости. Ни малѣйшей попытки на краснорѣчіе, на патетическія нотки, на звенящія чувствомъ словечки. Это былъ человѣкъ заговорившій въ интимномъ кругу сочувствующихъ людей. Голосъ у него былъ прекрасный, громкій и симпатичный, и даже въ самомъ голосѣ этомъ какъ будто слышалось уже нѣчто искреннее и простодушное. Но всѣмъ тотчасъ же стало понятно что ораторъ можетъ вдругъ подняться до истинно патетическаго, — и «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой». Говорилъ онъ можетъ быть неправильнѣе Ипполита Кирилловича, но безъ длинныхъ фразъ и даже точнѣе. Одно не понравилось было дамамъ: онъ все какъ-то изгибался спиной, особенно въ началѣ рѣчи, не то что кланяясь, а какъ бы стремясь и летя къ своимъ слушателямъ, причемъ нагибался именно какъ бы половиной своей длинной спины, какъ будто въ серединѣ этой длинной и тонкой спины его былъ устроенъ такой шалнеръ, такъ что она могла сгибаться чуть не подъ прямымъ угломъ. Въ началѣ рѣчи говорилъ какъ-то раскидчиво, какъ будто безъ системы, схватывая факты на разбивъ, а въ концѣ концовъ вышло цѣлое. Рѣчь его можно было бы раздѣлить на двѣ половины: первая половина — это критика, это опроверженіе обвиненія, иногда злое и саркастическое. Но во

второй половинѣ рѣчи какъ бы вдругъ измѣнилъ и тонъ и даже пріемъ свей, и разомъ возвысился до патетическаго, а зала какъ будто ждала того и вся затрепетала отъ восторга. Онъ прямо подошелъ къ дѣлу и началъ съ того, что хотя поприще его и въ Петербургѣ, но онъ уже не первый разъ посѣщаетъ города Россіи для защиты подсудимыхъ, но такихъ, въ невинности которыхъ онъ или убѣжденъ, или предчувствуетъ ее заранѣе. «Тоже самое произошло со мной и въ настоящемъ случаѣ, объяснилъ онъ. Даже только изъ однѣхъ первоначальныхъ газетныхъ корреспонденцій мнѣ уже мелькнуло нѣчто, чрезвычайно меня поразившее въ пользу подсудимаго. Однимъ словомъ, меня прежде всего заинтересовалъ нѣкоторый юридическій фактъ, хотя и часто повторяющійся въ судебной практикѣ, но никогда мнѣ кажется въ такой полнотѣ и съ такими характерными особенностями, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Фактъ этотъ надо бы мнѣ формулировать лишь въ финалѣ моей рѣчи, когда я закончу мое слово, но однако я выскажу мою мысль и въ самомъ началѣ, ибо имѣю слабость приступать прямо къ предмету, не припрятывая эффектовъ и не экономизируя впечатлѣній. Это можетъ быть съ моей стороны неразсчитливо, но зато искренно. Эта мысль моя, формула моя—слѣдующая: подавляющая совокупность фактовъ противъ подсудимаго и въ тоже время ни одного факта выдерживающаго критику, если разсматривать его единично, самого по себѣ! Слѣдя далѣе по слухамъ и по газетамъ я утверждался въ моей мысли все болѣе и болѣе, и вдругъ я получилъ отъ родныхъ подсудимаго приглашеніе защищать его. Я тотчасъ же послѣшилъ сюда и здѣсь уже окончательно убѣдился. Вотъ чтобы разбить эту страшную совокупность фактовъ и выставить недоказанность и фантастичность каждаго обвиняющаго факта въ отдѣльности, я и взялся защищать это дѣло.»

Такъ началъ защитникъ и вдругъ возгласилъ:

«Господа присяжные засѣдатели, я здѣсь человѣкъ свѣжій. Всѣ впечатлѣнія легли на меня не предвзято. Подсудимый, буйный характеромъ и разнузданный, не обидѣлъ меня предварительно, какъ сотню можетъ быть лицъ въ этомъ городѣ, отъ чего многіе и предупреждены противъ него заранѣе. Конечно и я сознаюсь что нравственное чувство здѣшняго общества возбуждено справедливо: подсудимый буенъ и необузданъ. Въ здѣшнемъ обществѣ его однакоже принимали, даже въ семействѣ высокоталантливаго обвинителя онъ былъ обласканъ. (Nota bene. При этихъ словахъ въ публикѣ раздались два-три смѣшка, хотя и быстро подавленные, но всѣми замѣченные. Всѣмъ у насъ было извѣстно, что прокуроръ допускалъ къ себѣ Митю противъ воли, потому единственно что его, почему-то, находила любопытнымъ прокурорша, — дама въ высшей степени добродѣтельная и почтенная, но фантастическая и своенравная и любившая въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно въ мелочахъ, оппонировать своему супругу. Митя впрочемъ посѣщалъ ихъ домъ довольно рѣдко). Тѣмъ не менѣе я осмѣлюсь допустить, продолжалъ защитникъ, что даже и въ такомъ независимомъ умѣ и справедливомъ характерѣ, какъ у моего оппонента, могло составить противъ моего несчастнаго кліента нѣкоторое ошибочное предубѣжденіе. О, это такъ естественно: несчастный слишкомъ заслужилъ, чтобы къ нему относились даже съ предубѣжденіемъ. Оскорбленное же нравственное и еще пуще того эстетическое чувство иногда бываетъ неумолимо. Конечно въ высокоталантливой обвинительной рѣчи мы услышали всѣ строгій анализъ характера и поступковъ подсудимаго, строгое критическое отношеніе къ дѣлу, а главное выставлены были такія психологическія глубины для объясненія намъ сути дѣла, что проникновеніе въ эти глубины не могло бы вовсе состо-

яться при сколько-нибудь намѣренно и злостно предубѣжденномъ отношеніи къ личности подсудимаго. Но вѣдь есть вещи, которыя даже хуже, даже гибельнѣе въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ самое злостное и преднамѣренное отношеніе къ дѣлу. Именно, если насъ, на примѣръ, обуяетъ нѣкоторая, такъ сказать, художественная игра, потребность художественнаго творчества, такъ сказать, созданія романа, особенно при богатствѣ психологическихъ даровъ, которыми Богъ одѣлилъ наши способности. Еще въ Петербургѣ, еще только собираясь сюда, я былъ предваренъ—да и самъ зналъ безо всякаго предваренія что встрѣчу здѣсь оппонентомъ глубокаго и тончайшаго психолога, давно уже заслужившаго этимъ качествомъ своимъ нѣкоторую особливую славу въ нашемъ молодомъ еще юридическомъ мірѣ. Но вѣдь психологія, господа, хоть и глубокая вещь, а всетаки похожа на палку о двухъ концахъ (смѣшокъ въ публикѣ). О, вы конечно простите мнѣ тривіальное сравненіе мое; я слишкомъ краснорѣчиво говорить не мастеръ. Но вотъ однакоже примѣръ—беру первый поавшійся изъ рѣчи обвинителя. Подсудимый, ночью, въ саду, убѣгая, перелѣзаетъ черезъ заборъ и повергаетъ мѣднымъ пестомъ вцѣпившагося въ его ногу лакея. Затѣмъ тотчасъ же соскакиваетъ обратно въ садъ и цѣлыхъ пять минутъ хлопочетъ надъ поверженнымъ, стараясь угадать: убилъ онъ его или нѣтъ? И вотъ обвинитель ни за что не хочетъ повѣрить въ справедливость показанія подсудимаго что соскочилъ онъ къ старику Григорію изъ жалости. «Нѣтъ, дескать, можетъ ли быть такая чувствительность въ такую минуту; это де неестественно, а соскочилъ онъ именно для того чтобъ убѣдиться: живъ или убитъ единственный свидѣтель его злодѣянія, а стало быть тѣмъ и засвидѣтельствовалъ что онъ совершилъ это злодѣяніе, такъ какъ не могъ соскочить въ садъ по какому

нибудь другому поводу, влеченію или чувству». Вотъ психологія; но возьмемъ ту же самую психологію и приложимъ ее къ дѣлу, но только съ другаго конца, и выйдетъ совсѣмъ не менѣе правдоподобно. Убійца соскакиваетъ внизъ изъ предосторожности чтобъ убѣдиться живъ или нѣтъ свидѣтель, а между тѣмъ только что оставилъ въ кабинетѣ убитаго имъ отца своего, по свидѣтельству самого же обвинителя, колоссальную на себя улику въ видѣ разорваннаго пакета, на которомъ было написано что въ немъ лежали три тысячи». Вѣдь унеси онъ этотъ пакетъ съ собою, то никто бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ что былъ и существовалъ пакетъ, а въ немъ деньги, и что стало быть деньги были ограблены подсудимымъ». Это изрѣченіе самого обвинителя. Ну такъ на одно, видите ли, не хватило предосторожности, потерялся человѣкъ, испугался и убѣжалъ, оставивъ на полу улику, а какъ вотъ минуты двѣ спустя ударилъ и убилъ другаго человѣка, то тутъ сейчасъ же является самое безсердечное и расчетливое чувство предосторожности къ нашимъ услугамъ. Но пусть, пусть это такъ и было: въ томъ-то де и тонкость психологіи что при такихъ обстоятельствахъ я сейчасъ же кровожаденъ и зорокъ, какъ кавказскій орелъ, а въ слѣдующую минуту слѣпъ и робокъ какъ ничтожный кротъ. Но если ужъ я такъ кровожаденъ и жестоко расчетливъ что, убивъ, соскочилъ лишь для того чтобы посмотрѣть живъ ли на меня свидѣтель или нѣтъ, то къ чему бы, кажется, возиться надъ этою новою жертвою моею цѣлыхъ пять минутъ, да еще нажить, пожалуй, новыхъ свидѣтелей? Къ чему мочить платокъ, обтирая кровь съ головы поверженнаго, съ тѣмъ чтобы платокъ этотъ послужилъ потомъ противъ меня же уликой? Нѣтъ, если мы ужъ такъ расчетливы и жестокосерды, то не лучше ли бы было соскочивъ просто огоро-

шить поверженнаго слугу тѣмъ же самымъ пестомъ еще и еще разъ по головѣ, чтобъ ужь убить его окончательно и, искоренивъ свидѣтеля, снять съ сердца всякую заботу? И наконецъ я соскакиваю чтобы провѣрить, живъ или нѣтъ на мня свидѣтель, и тутъ же на дорожкѣ оставляю другаго свидѣтеля, именно этотъ самый пестикъ, который я захватилъ у двухъ женщинъ и которыя обѣ всегда могутъ признать потомъ этотъ пестикъ за свой и засвидѣтельствовать что это я у нихъ его захватилъ. И не то что забылъ его на дорожкѣ, обронилъ въ разсѣянности, въ потерянности: нѣтъ, мы именно отбросили наше оружіе, потому что нашли его шагахъ въ пятнадцати отъ того мѣста гдѣ былъ поверженъ Григорій. Спрашивается, для чего же мы такъ сдѣлали? А вотъ именно потому и сдѣлали что намъ горько стало что мы человѣка убили, стараго слугу, а потому въ досадѣ, съ проклятіемъ, и отбросили пестикъ какъ оружіе убійства, иначе быть не могло, для чего же его было бросать съ такого размаху? Если же могли почувствовать боль и жалость что человѣка убили, то конечно ужь потому что отца не убили: Убивъ отца, не соскочили бы къ другому поверженному изъ жалости, тогда уже было бы иное чувство, не до жалости бы было тогда, а до самоспасенія, и это конечно такъ. Напротивъ, повторяю, размозжили бы ему черепъ окопчательно, а не возились бы съ нимъ пять минутъ. Явилось мѣсто жалости и доброму чувству именно потому что была предъ тѣмъ чиста совѣсть. Вотъ стало быть другая ужь психологія. Я вѣдь нарочно, господа присяжные, прибѣгнулъ теперь самъ къ психологіи чтобы наглядно показать, что изъ нея можно вывести все, что угодно. Все дѣло въ какихъ она рукахъ. Психологія подзываетъ на романъ даже самыхъ серіозныхъ людей, и это совершенно невольно.

Я говорю про излишнюю психологию, господа присяжные, про нѣкоторое злоупотребленіе ею».

Здѣсь опять слышались одобрительные смѣшки въ публикѣ и все по адресу прокурора. Не буду приводить всей рѣчи защитника въ подробности, возьму только нѣкоторыя изъ нея мѣста, нѣкоторые главнѣйшіе пункты.

XI.

Денегъ не было. Грабежа не было.

Былъ одинъ пунктъ даже всѣхъ поразившій въ рѣчи защитника,—а именно полное отрицаніе существованія этихъ роковыхъ трехъ тысячъ рублей, а стало быть и возможности ихъ грабежа.

«Господа присяжные засѣдатели, приступилъ защитникъ, въ настоящемъ дѣлѣ всякаго свѣжаго и непредубѣжденнаго человѣка поражаетъ одна характернѣйшая особенность, а именно: обвиненіе въ грабежѣ и въ то же время совершенная невозможность фактически указать на то: что именно было ограблено? Ограблены, дескать, деньги, именно три тысячи,—а существовали ли онѣ въ самомъ дѣлѣ,—этого никто не знаетъ. Разсудите: во первыхъ, какъ мы узнали что были три тысячи и кто ихъ видѣлъ? Видѣлъ ихъ и указалъ на то что онѣ были уложены въ пакетъ съ надписью одинъ только слуга Смердяковъ. Онъ же сообщил о семъ свѣдѣніи еще до катастрофы подсудимому и его брату Ивану Ѳедоровичу. Дано было то же знать г-жѣ Свѣтловой. Но всѣ эти три лица сами этихъ денегъ однако не видали, видѣлъ опять таки лишь Смердяковъ, но тутъ самъ собою вопросъ: если и правда что онѣ были и что видѣлъ ихъ Смердяковъ, то когда онъ ихъ видѣлъ въ по-

слѣдній разъ? А что если баринъ эти деньги изъ подъ постели вынулъ и опять положилъ въ шкатулку, ему не сказавши? Замѣтите, по словамъ Смердякова, деньги лежали подъ постелью, подъ тюфякомъ; подсудимый долженъ былъ ихъ вырвать изъ подъ тюфяка, и однакоже постель была ничуть не помята и объ этомъ старательно записано въ протоколъ. Какъ могъ подсудимый совѣмъ таки ничего не помять въ постели и вдобавокъ съ окровавленными еще руками не замарать свѣжѣйшаго, тонкаго постельнаго бѣлья, которое нарочно на этотъ разъ было постлано? Но скажутъ намъ: а пакетъ-то на полу? Вотъ объ этомъ-то пакетѣ и стѣдуетъ поговорить. Давеча я былъ даже нѣсколько удивленъ: высокоталантливый обвинитель, заговоривъ объ этомъ пакетѣ, вдругъ самъ,—слышите, господа, самъ,—заявилъ про него въ своей рѣчи, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ указываетъ на нелѣпость предположенія что убилъ Смердяковъ: «Не было бы этого пакета, не останься онъ на полу какъ улика, унеси его грабитель съ собою, то никто бы и не узналъ въ цѣломъ мірѣ что былъ пакетъ, а въ немъ деньги и что стало быть деньги были ограблены подсудимымъ». И такъ единственно только этотъ разорванный клочекъ бумаги съ надписью, даже по признанію самого обвинителя, и послужилъ къ обвиненію подсудимаго въ грабежѣ, «иначе де не узналъ бы никто что былъ грабежъ, а можетъ быть что были и деньги». Но неужели одно то что этотъ клочекъ валялся на полу есть доказательство что въ немъ были деньги и что деньги эти ограблены? «Но, отвѣчаютъ, вѣдь видѣлъ ихъ въ пакетѣ Смердяковъ», но когда, когда онъ ихъ видѣлъ въ послѣдній разъ, вотъ объ чемъ я спрашиваю? Я говорилъ съ Смердяковымъ и онъ мнѣ сказалъ что видѣлъ ихъ за два дня предъ катастрофой! Но почему же я не могу предположить, напримѣръ, хоть

такое обстоятельство что старикъ Ѳедоръ Павловичъ, запершись дома, въ истерпѣливомъ истерическомъ ожиданіи своей возлюбленной вдругъ вздумалъ бы, отъ нечего дѣлать, вынуть пакетъ и его распечатать: «Что, дескать, пакетъ, еще пожалуй и не повѣритъ, а какъ тридцать-то радужныхъ въ одной пачкѣ ей покажу, небось сильнѣе подѣйствуетъ, потскуютъ слюнки»,—и вотъ онъ разрываетъ конвертъ, вынимаетъ деньги, а конвертъ бросаетъ на полъ властной рукой хозяина и ужъ конечно не боясь никакой улики. Послушайте, господа присяжные, есть ли что возможнѣе такого предположенія и такого факта? Почему это невозможно? Но вѣдь если хоть что нибудь подобное могло имѣть мѣсто, то вѣдь тогда обвиненіе въ грабежѣ само собою уничтожается: не было денегъ, не было стало быть и грабежа. Если пакетъ лежалъ на полу какъ улика что въ немъ были деньги, то почему я не могу утверждать обратное, а именно что пакетъ валялся на полу именно потому что въ немъ уже не было денегъ взятыхъ изъ него предварительно самимъ хозяиномъ? «Да, но куда-жь въ такомъ случаѣ дѣлись деньги если ихъ выбралъ изъ пакета самъ Ѳедоръ Павловичъ, въ его домѣ при обыскѣ не нашли?» Во первыхъ, въ шкатулкѣ у него часть денегъ нашли, а во вторыхъ, онъ могъ вынуть ихъ еще утромъ, даже еще наканунѣ, распорядиться ими иначе, выдать ихъ, отослать, измѣнить наконецъ свою мысль, свой планъ дѣйствій въ самомъ основаніи и при этомъ совсѣмъ даже не найдя нужнымъ докладываться объ этомъ предварительно Смердякову? А вѣдь если существуетъ хотя бы даже только возможность такого предположенія,—то какъ-же можно столь настойчиво и столь твердо обвинять подсудимаго, что убійство совершено имъ для грабежа и что дѣйствительно существовалъ грабежъ? Вѣдь мы такимъ образомъ вступа-

емъ въ область романовъ. Вѣдь если утверждать что такая-то вещь ограблена, то надобно указать эту вещь или по крайней мѣрѣ доказать непременно что она существовала. А ея даже никто и не видалъ. Недавно въ Петербургѣ одинъ молодой человѣкъ, почти мальчикъ, восемнадцати лѣтъ, мелкій разнощикъ съ лотка, вошелъ среди бѣла дня съ топоромъ въ мѣняльную лавку и съ необычайною, типическою дерзостью убилъ хозяина лавки и унесъ съ собою тысячу пятьсотъ рублей денегъ. Часовъ черезъ пять онъ былъ арестованъ; на немъ, кромѣ пятнадцати рублей, которые онъ уже успѣлъ истратить, нашли всѣ эти полторы тысячи. Кромѣ того, воротившійся послѣ убійства въ лавку прикащикъ сообщилъ полиціи не только объ украденной суммѣ, но и изъ какихъ именно денегъ она состояла, то есть сколько было кредитокъ радужныхъ, сколько сипихъ, сколько красныхъ, сколько золотыхъ монетъ и какихъ именно, и вотъ на арестованномъ убійцѣ именно такія же деньги и монеты и найдены. Вдобавокъ ко всему послѣдовало полное и чистосердечное признаніе убійцы въ томъ что онъ убилъ и унесъ съ собою эти самыя деньги. Вотъ это, господа присяжные, я называю уликой! Вотъ тутъ ужъ я знаю, вижу, осязаю деньги и не могу сказать что ихъ нѣтъ или не было. Такъ ли въ настоящемъ случаѣ? А между тѣмъ вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти, о судьбѣ человѣка. «Такъ, скажутъ, но вѣдь онъ въ ту же ночь кутилъ, сорилъ деньгами, у него обнаружено полторы тысячи рублей, — откуда же онъ взялъ ихъ?» Но вѣдь именно потому что обнаружено было всего только полторы тысячи, а другой половины суммы ни за что не могли отыскать и обнаружить, именно тѣмъ и доказывается что эти деньги могли быть совсѣмъ не тѣ, совсѣмъ никогда не бывшія ни въ какомъ пакетѣ. По расчету времени (и уже

строжайшему) дознано и доказано предварительнымъ слѣд-
ствиемъ что подсудимый, выбѣжавъ отъ служанокъ къ чи-
новнику Перхотину, домой не заходилъ, да и нигуда не
заходилъ, а затѣмъ все время былъ на людяхъ, а стало
быть не могъ отдѣлать отъ трехъ тысячъ половины и куда
нибудь спрятать въ городѣ. Вотъ именно это соображеніе
и было причиною предположенія обвинителя, что деньги гдѣ
то спрятаны въ расщелинѣ въ селѣ Мокромъ. Да ужь не
въ подвалахъ ли Удольфскаго замка, господа? Ну не фан-
тастическое ли, не романическое ли это предположеніе. И, за-
мѣтите, вѣдь уничтожся только это одно предположеніе, то
есть что спрятано въ Мокромъ—и все обвиненіе въ грабе-
жѣ взлетаетъ на воздухъ, ибо гдѣ же, куда же дѣвались
тогда эти полторы тысячи? Какимъ чудомъ онѣ могли ис-
чезнуть, если доказано что подсудимый нигуда не заходилъ?
И такими-то романами мы готовы погубить жизнь человѣ-
ческую! Скажутъ: «всетаки онъ не умѣлъ объяснить гдѣ
взялъ эти полторы тысячи, которые на немъ обнаружены,
кромѣ того всѣ знали что до этой ночи у него не было
денегъ.» А кто-же это зналъ? Но подсудимый далъ ясное
и твердое показаніе о томъ откуда взялъ деньги, и если
хотите, господа присяжные засѣдатели, если хотите, — ни-
когда ничего не могло и не можетъ быть вѣроятнѣе
этого показанія и, кромѣ того, болѣе совмѣстнаго съ ха-
рактеромъ и душой подсудимаго. Обвиненію понравился соб-
ственный романъ: человекъ съ слабою волей, рѣшившійся
взять три тысячи, столь позорно ему предложенныя невѣ-
стой его, не могъ, дескать, отдѣлать половину и зашить
ее въ ладонку, напротивъ, еслибъ и зашилъ, то расши-
валъ-бы каждые два дня и отколупывалъ-бы по сотнѣ и
такимъ образомъ извелъ-бы все въ одинъ мѣсяць. Вспомните,
все это было изложено тономъ нетерпящимъ никакихъ воз-

ражений. Ну а что если дѣло происходило вовсе не такъ, а ну какъ вы создали романъ, а въ немъ совсѣмъ другое лицо? Въ томъ-то и дѣло что вы создали другое лицо! Возразятъ пожалуй: «Есть свидѣтели что онъ прокутилъ въ селѣ Мокромъ всѣ эти три тысячи, взятыя у г-жи Верховцевой, за мѣсяць передъ катастрофой, разомъ, какъ одну копѣйку, стало быть не могъ отдѣлать отъ нихъ половину.» Но кто-же эти свидѣтели? Степень достовѣрности этихъ свидѣтелей на судѣ уже обнаружилась. Кромѣ того, въ чужой рукѣ ломоть всегда больше кажется. Наконецъ, никто изъ этихъ свидѣтелей денегъ этихъ самъ не считалъ, а лишь судилъ на свой глазъ. Вѣдь показалъ же свидѣтель Максимовъ что у подсудимаго было въ рукахъ двадцать тысячъ. Видите, господа присяжные, такъ какъ психологія о двухъ концахъ, то ужъ позвольте мнѣ и тутъ другой конецъ приложить и посмотримъ то-ли выйдетъ.

«За мѣсяць до катастрофы подсудимому были ввѣрены для отсылки по почтѣ три тысячи рублей г-жею Верховцевой, но вопросъ: справедливо-ли что были ввѣрены съ такимъ позоромъ и съ такимъ униженіемъ, какъ провозглашено было давеча? Въ первомъ показаніи о томъ-же предметѣ у г-жи Верховцевой выходило не такъ, совершенно не такъ; во второмъ-же показаніи мы слышали лишь крики озлобленія, отмщенія, крики долго таившейся ненависти. Но ужъ одно то что свидѣтельница разъ въ первомъ показаніи своемъ показала невѣрно, даетъ право намъ заключить что и второе показаніе могло быть не вѣрно. Обвинитель «не хочетъ, не смѣетъ» (его слова) дотрогиваться до этого романа. Ну и пусть, я тоже не стану дотрогиваться, но однако позволю себѣ лишь замѣтить, что если чистая и высоко-нравственная особа, какова безспорно и есть высокоуважаемая г-жа Верховцева, если такая особа, говорю я, позво-

ляетъ себѣ вдругъ, разомъ, на судѣ, измѣнить первое свое показаніе, съ прямою цѣлью погубить подсудимаго, то ясно и то что это показаніе ея было сдѣлано не безпристрастно, не хладнокровно. Неужели же у насъ отнять право заключить что стомщавшая женщина могла многое преувеличить? Да, именно преувеличить тотъ стыдъ и позоръ, съ которымъ были ею предложены деньги. Напротивъ, онѣ были предложены именно такъ что ихъ еще можно было принять, особенно такому легкомысленному человѣку, какъ нашъ подсудимый. Главное, онъ имѣлъ тогда въ виду скорое полученіе отъ отца этихъ должныхъ ему по расчету трехъ тысячъ. Это легкомысленно, но именно по легкомыслию своему онъ и былъ твердо увѣренъ что тотъ ихъ выдастъ ему, что онъ ихъ получить и стало быть всегда можетъ отправить ввѣренныя ему г-жею Верховцевой деньги по почтѣ и расквитаться съ долгомъ. Но обвинитель ни за что не хочетъ допустить, что онъ могъ въ тотъ же день, въ день обвиненія, отдѣлить изъ полученныхъ денегъ половину и зашить въ ладонку: «Не таковъ, дескать, это характеръ, не могъ имѣть такихъ чувствъ». Но вѣдь сами же вы кричали что широко Карамазовъ, сами же вы кричали про двѣ крайнія бездны которыя можетъ созерцать Карамазовъ. Карамазовъ именно такая натура о двухъ сторонахъ, о двухъ безднахъ, что при самой безудержной потребности кутежа можетъ остановиться, если что нибудь его поразить съ другой стороны. А вѣдь другая-то сторона, любовь, — именно вотъ эта новая загорѣвшаяся тогда какъ порохъ любовь, а на эту любовь нужны деньги и нужнѣе, о! гораздо нужнѣе чѣмъ даже на кутежъ съ этою самою возлюбленною. Скажетъ она ему: «Твоя, не хочу Ѳедора Павловича», и онъ схватитъ ее и увезетъ, — такъ было бы на что увезти. Это вѣдь важнѣе кутежа. Карамазову ль

этого не понять? Да онъ именно этимъ и боленъ былъ, этою заботой, — что жь невѣроятнаго, что онъ отдѣлилъ эти деньги и припряталъ на всякій случай? Но вотъ однако время уходить, а Федоръ Павловичъ трехъ тысячъ подсудимому не выдаетъ, напротивъ, слышно что опредѣлилъ ихъ именно на то чтобы сманить ими его же возлюбленную. «Если не отдастъ Федоръ Павловичъ, думаетъ онъ, то вѣдь я передъ Катериной Ивановной выйду воромъ». И вотъ у него рождается мысль, что эти же полторы тысячи, которыя онъ продолжаетъ носить на себѣ въ этой ладонкѣ онъ придетъ, положить предъ г-жею Верховцовой и скажетъ ей: «Я подлець, но не воръ». И вотъ стало быть уже двойная причина хранить эти полторы тысячи какъ зеницу ока, отнюдь не расшивать ладонку и не отколупывать по сту рублей. Отчего откажите вы подсудимому въ чувствѣ чести? Нѣтъ, чувство чести въ немъ есть, положимъ неправильное, положимъ весьма часто ошибочное, но оно есть, есть до страсти, и онъ доказалъ это. Но вотъ однакоже дѣло усложняется, мученія ревности достигаютъ высшей степени, и все тѣ же, все прежніе два вопроса обрисовываются все мучительнѣе и мучительнѣе въ воспаленномъ мозгу подсудимаго. «Отдамъ Катеринѣ Ивановнѣ: на какія же средства увезу я Грушеньку?» Если онъ безумствовалъ такъ, и напивался, и бушевалъ по трактирамъ во весь этотъ мѣсяцъ, то это именно можетъ быть потому что самому было горько, не въ мочь переносить. Эти два вопроса до того наконецъ обострились что довели его наконецъ до отчаянія. Онъ послалъ было своего младшаго брата къ отцу просить у него эти три тысячи въ послѣдній разъ, но, не дождавшись отвѣта, ворвался самъ и кончилъ тѣмъ что избилъ старика при свидѣтеляхъ. Послѣ этого получить, значить, уже не у ко-

го, избитый отец не дастъ. Въ тотъ же день вечеромъ онъ бьетъ себя по груди, именно по верхней части груди гдѣ эта ладонка, и клянется брату что у него есть средство не быть подлецомъ, но что все-таки онъ останется подлецомъ, ибо предвидить что не воспользуется средствомъ, не хватить силы душевной, не хватить характера. Почему, почему обвиненіе не вѣрится показанію Алексѣя Карамазова, данному такъ чисто, такъ искренно, неподготовленно и правдоподобно? Почему, напротивъ, заставляетъ меня вѣрится деньгамъ въ какой-то расщелинѣ, въ подвалахъ Удольфскаго замка? Въ тотъ же вечеръ, послѣ разговора съ братомъ, подсудимый пишетъ это роковое письмо, и вотъ это-то письмо и есть самое главное, самое колоссальное уличеніе подсудимаго въ грабежѣ! «Буду просить у всѣхъ людей, а не дадутъ люди, убью отца и возьму у него подъ тюфякомъ, въ пакетѣ съ розовою ленточкой, только бы уѣхалъ Иванъ» — полная де программа убійства, какъ же не онъ? «Совершилось по написанному!» восклицаетъ обвиненіе. Но, во первыхъ, письмо пьяное и написано въ страшномъ раздраженіи; во вторыхъ, опять-таки о пакетѣ онъ пишетъ со словъ Смердякова, потому что самъ пакета не видалъ, а въ третьихъ, написано-то оно написано, но совершилось ли по написанному, это чѣмъ доказать? Досталъ ли подсудимый пакетъ подъ подушкой, нашелъ ли деньги, существовали-ли онѣ даже? Да и за деньгами ли подсудимый побѣждалъ, припомните, припомните! Онъ побѣждалъ сломя голову не грабить, а лишь узнать гдѣ она, эта женщина, его сокрушившая, — не по программѣ стало-быть. не по написанному онъ побѣждалъ, то есть не для обдуманнаго грабежа, а побѣждалъ внезапно, нечаянно, въ ревнивомъ бѣшенствѣ! «Да, скажутъ, но все-таки, прибѣжавъ и убивъ, захватилъ и деньги.» Да наконецъ убилъ ли онъ еще или нѣтъ? Обвиненіе въ грабежѣ

я отвергаю съ негодованіемъ: нельзя обвинять въ грабежѣ если нельзя указать съ точностью что именно ограблено, это аксіома! Но убилъ ли еще онъ, безъ грабежа-то убилъ ли? Это-то доказано ли? Ужь не романъ ли и это?»

XII.

Да и убійства не было.

«Позвольте, господа присяжные, тутъ жизнь человѣческая и надо быть осторожнѣе. Мы слышали какъ обвиненіе само засвидѣтельствовало что до самаго послѣдняго дня, до сегодня, до дня суда, колебалось обвинить подсудимаго въ полной и совершенной преднамѣренности убійства, колебалось до самаго этого роковаго «пьянаго» письма, представленнаго сегодня суду. «Совершилось какъ по писанному!» Но опять-таки повторяю: онъ побѣждалъ къ ней, за ней, единственно только узнать гдѣ она? Вѣдь это фактъ непреложный. Случись она дома, онъ никуда бы не побѣждалъ, а остался при ней и не сдержалъ бы того что въ письмѣ обѣщалъ. Онъ побѣждалъ нечаянно, и внезапно, а о «пьяномъ» письмѣ своемъ онъ можетъ быть вовсе тогда и не помнилъ. «Захватилъ, дескать, пестикъ» — и помните, какъ изъ этого одного пестика намъ вывели цѣлую психологію, почему де онъ долженъ былъ принять этотъ пестикъ за оружіе, схватить его какъ оружіе, и проч. и проч. Тутъ мнѣ приходитъ въ голову одна самая обыкновенная мысль: ну что еслибъ этотъ пестикъ лежалъ не на виду, не на полкѣ, съ которой схватилъ его подсудимый, а былъ прибранъ въ шкафъ, — вѣдь подсудимому не мелькнулъ бы онъ тогда въ глаза и онъ бы убѣждалъ безъ оружія, съ пустыми руками, и вотъ можетъ быть никого бы тогда и не

убилъ. Какимъ же образомъ я могу заключать о пестигѣ какъ о доказательствѣ вооруженія и преднамѣренія? Да, но онъ кричалъ по трактирамъ что убьетъ отца, а за два дня, въ тотъ вечеръ когда написалъ свое пьяное письмо, былъ тихъ и поссорился въ трактирѣ лишь съ однимъ только купеческимъ прикащикомъ, «потому де что Карамазовъ не могъ не поссориться.» А я отвѣчу на это что ужь если замыслилъ такое убійство, да еще по плану, по написанному, то ужь навѣрно бы не поссорился и съ прикащикомъ, да можетъ быть и въ трактиръ не зашелъ бы вовсе, потому что душа замыслившая такое дѣло ищетъ тишины и ступешки, ищетъ исчезновенія, чтобы не видали, чтобы не слыхали: «Забудьте де обо мнѣ если можете», и это не по расчету только, а по инстинкту. Господа присяжные, психологія о двухъ концахъ, и мы тоже умѣемъ понимать психологію. Что же до всѣхъ этихъ трактирныхъ криковъ во весь этотъ мѣсяцъ, то мало ли разъ кричатъ дѣти, али пьяные гуляки выходя изъ кабаковъ и ссорясь другъ съ другомъ: «Я убью тебя», но вѣдь не убиваютъ же. Да и самое это роковое письмо,—ну не пьяное ли оно раздраженіе тоже, не крикъ ли изъ кабака выходящаго: «убью, дескать всѣхъ васъ убью»! Почему не такъ, почему не могло быть такъ? Почему это письмо роковое, почему, напротивъ, оно не смѣшное? А вотъ именно потому, что найдены трупи убитаго отца, потому что свидѣтель видѣлъ подсымаго въ саду, вооруженнаго и убѣгающаго, и самъ былъ поверженъ имъ, стало быть и совершилось все по написанному, а потому и письмо не смѣшное, а роковое. Слава Богу, мы дошли до точки: «коли былъ въ саду, значитъ онъ и убилъ». Этими двумя словечками: коли *былъ* такъ ужь непремѣнно и *значить*, все исчерпывается, все обвиненіе—«былъ такъ и значить». А если не *значить*, хотя

бы и былъ? О, я согласенъ что совокупность фактовъ, совпаденіе фактовъ дѣйствительно довольно краснорѣчивы. Но рассмотрите однако всѣ эти факты отдѣльно, не внушаясь ихъ совокупностью: почему, на примѣръ, обвиненіе ни за что не хочетъ допустить правдивости показанія подсудимаго, что онъ убѣждалъ отцова окошка? Вспомните даже сарказмы въ которые пускается здѣсь обвиненіе на счетъ почтительности и «благочестивыхъ» чувствъ, вдругъ обуявшихъ убійцу. А что если и въ самомъ дѣлѣ тутъ было нѣчто подобное, то есть хоть не почтительность чувствъ, но благочестивость чувствъ? «Должно быть мать за меня замолила въ эту минуту», показываетъ на слѣдствіи подсудимый, и вотъ онъ убѣждалъ чуть лишь увѣрился, что Свѣтловой у отца въ домѣ нѣтъ. «Но онъ не могъ увѣриться чрезъ окно», возражаетъ намъ обвиненіе. А почему же не могъ? Вѣдь окно отворилось же на поданные подсудимымъ знаки. Тутъ могло быть произнесено одно какое-нибудь такое слово Федоромъ Павловичемъ, могъ вырваться какой-нибудь такой крикъ—и подсудимый могъ вдругъ удостовѣриться что Свѣтловой тутъ нѣтъ. Почему непременно предполагать такъ какъ мы воображаемъ, какъ предположили воображать? Въ дѣйствительности можетъ мелькнуть тысяча вещей ускользающихъ отъ наблюденія самаго тонкаго романиста. «Да, но Григорій видѣлъ дверь отворенною, а стало быть подсудимый былъ въ домѣ навѣрно, а стало быть и убилъ». Объ этой двери, господа присяжные... Видите ли, объ отворенной этой двери свидѣтельствуешь лишь одно лицо, бывшее однако, въ то время въ такомъ состояніи само что... Но пусть, пусть была дверь отворена, пусть подсудимый отперся, солгалъ изъ чувства самозащиты, столь понятнаго въ его положеніи, пусть, пусть онъ проникъ въ домъ, былъ въ домѣ,—ну и что же, почему же непремѣн-

но коли былъ то и убилъ? Онъ могъ ворваться, пробѣжать по комнатамъ, могъ оттолкнуть отца, могъ даже ударить отца, но удостовѣрившись что Свѣтловой нѣтъ у него, убѣжалъ, радуясь что ее нѣтъ и что убѣжалъ отца не убивъ. Именно потому можетъ быть и соскочилъ черезъ минуту съ забора къ поверженному имъ въ азартѣ Григорію, что въ состояніи былъ ощущать чувство чистое, чувство состраданія и жалости, потому что убѣжалъ отъ искушенія убить отца, потому что ощущалъ въ себѣ сердце чистое и радость, что не убилъ отца. Краснорѣчиво до ужаса описываетъ намъ обвинитель страшное состояніе подсудимаго въ селѣ Мокромъ, когда любовь вновь открылась ему, зовя его въ новую жизнь, и когда ему уже нельзя было любить, потому что сзади былъ окровавленный трупъ отца его, а за трупомъ казнь. И однако же, обвинитель всетаки допустилъ любовь, которую и объяснилъ по своей психологіи: «Пьяное, дескать, состояніе, преступника везутъ на казнь, еще долго ждать, и пр., и пр.» Но не другое ли вы создали лицо, г. обвинитель, опять-таки спрашиваю? Такъ ли, такъ ли грубъ и бездушенъ подсудимый что могъ еще думать въ тотъ моментъ о любви и о виляніи предъ судомъ еслибы дѣйствительно на немъ была кровь отца? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Только что открылось что она его любитъ, зоветъ съ собою, сулитъ ему новое счастье,—о клянусь, онъ долженъ былъ тогда почувствовать двойную, тройную потребность убить себя и убилъ бы себя непременно еслибы сзади его лежалъ трупъ отца! О нѣтъ, не забылъ бы гдѣ лежать его пистолеты! Я знаю подсудимаго: дикая, деревянная безсердечность, взведенная на него обвиненіемъ, не совмѣстна съ его характеромъ. Онъ бы убилъ себя, это навѣрно; онъ не убилъ себя именно потому что «мать замолила о немъ» и сердце его было неповинно въ крови от-

ца. Онъ мучился, онъ горевалъ въ ту ночь въ Мокромъ лишь о поверженномъ старикѣ Григоріи и молилъ про себя Бога чтобы старикъ всталъ и очнулся, чтобы ударъ его былъ не смертеленъ и миновала бы казнь за него. Почему не принять такое толкованіе событій? Какое мы имѣемъ твердое доказательство что подсудимый намъ лжетъ? А вотъ трупъ-то отца, укажутъ намъ тотчасъ же снова: онъ выбѣжалъ, онъ не убилъ, ну такъ кто же убилъ старика?

«Повторяю, тутъ вся логика обвиненія: кто же убилъ, какъ не онъ? Некого, дескать, поставить вмѣсто него. Господа присяжные засѣдатели, такъ-ли это? Впрямь-ли, дѣйствительно-ли ужъ такъ-таки совсѣмъ некого поставить? Мы слышали какъ обвиненіе перешло по пальцамъ всѣхъ бывшихъ и всѣхъ перебивавшихъ въ ту ночь въ этомъ домѣ. Нашлось пять человѣкъ. Трое изъ нихъ, я согласенъ, вполне невмѣняемы: это самъ убитый, старикъ Григорій и жена его. Остаются стало быть подсудимый и Смердяковъ, и вотъ обвинитель съ паѳосомъ восклицаетъ, что подсудимый потому указываетъ на Смердякова что не на кого больше ему указать, что будь тутъ кто-нибудь шестой, даже призракъ какого-либо шестаго, то подсудимый самъ-бы тотчасъ бросилъ обвинять Смердякова, устыдившись сего, а показалъ бы на этого шестаго. Но, господа присяжные, почему бы я не могъ заключить совершенно обратно? Стоять двое: подсудимый и Смердяковъ,—почему же мнѣ не сказать что вы обвиняете моего кліента единственно потому, что вамъ некого обвинять? А некого лишь потому что вы совершенно предвзято заранѣе исключили Смердякова изъ всякаго подозрѣнія. Да, правда, на Смердякова показываютъ лишь самъ подсудимый, два брата его, Свѣтлова и только. Но вѣдь есть же и еще кое-кто изъ показывающихъ: это нѣкоторое хотя и неясное броженіе въ обществѣ какого-то

вопроса, какого-то подозрѣнія, слышенъ какой-то неясный слухъ, чувствуется что существуетъ какое-то ожиданіе. Наконецъ свидѣтельствуется и нѣкоторое сопоставленіе фактовъ весьма характерное, хотя, признаюсь, и неопредѣленное: во первыхъ, этотъ припадокъ падучей болѣзни именно въ день катастрофы, припадокъ, который такъ старательно принужденъ былъ почему-то защищать и отстаивать обвинитель. Затѣмъ это внезапное самоубійство Смердякова накануне суда. Затѣмъ не менѣе внезапное показаніе старшаго брата подсудимаго, сегодня на судѣ, до сихъ поръ вѣрившаго въ виновность брата и вдругъ приносящаго деньги и тоже провозгласившаго опять-таки имя Смердякова какъ убійцы? О, я вполне убѣжденъ вмѣстѣ съ судомъ и съ прокуратурой что Иванъ Карамазовъ—больной и въ горячкѣ, что показаніе его дѣйствительно могло быть отчаянною попыткой, замышленною притомъ же въ бреду, спасти брата, сваливъ на умершаго. Но однакоже всетаки произнесено имя Смердякова, снятъ-таки какъ будто слышится что-то загадочное. Что-то какъ-будто тутъ не договорено, господа присяжные, и не покончено. И можетъ быть еще договорится. Но объ этомъ пока оставимъ, это еще впереди. Судъ рѣшилъ давеча продолжать засѣданіе, но теперь пока въ ожиданіи, я бы могъ кое-что однако замѣтить, напримѣръ, по поводу характеристики покойнаго Смердякова, столь тонко и столь талантливо очерченной обвинителемъ. Но удивляясь таланту не могу однакоже вполне согласиться съ сущностью характеристики. Я былъ у Смердякова, я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совсѣмъ иное. Здоровьемъ онъ былъ слабъ, это правда, но характеромъ, но сердцемъ,—о нѣтъ, это вовсе не столь слабый былъ человѣкъ, какъ заключило о немъ обвиненіе. Особенно не нашелъ я въ немъ робости, той робости которую такъ ха-

рактрно описывалъ намъ обвинитель. Простодушія же въ немъ не было вовсе, напротивъ, я нашелъ страшную недо-
вѣрчивость, прячущуюся подъ наивностью, и умъ способ-
ный весьма многое созерцать. О! обвиненіе слишкомъ про-
стодушно почло его слабоумнымъ. На меня онъ произвелъ
впечатлѣніе совершенно опредѣленное: я ушелъ съ убѣжде-
ніемъ что существо это рѣшительно злобное, непомярно-
честолюбивое, мстительное и знойно-завистливое. Я собралъ
кой-какія свѣдѣнія: онъ ненавидѣлъ происхожденіе свое,
стыдился его и со скрежетомъ зубовъ припоминалъ что
«отъ Смердящей произошелъ.» Къ слугѣ Григорію и къ
женѣ его, бывшимъ благодѣтелямъ его дѣтства, онъ былъ
непочтителенъ. Россію проклиналъ и надъ нею смѣялся.
Онъ мечталъ уѣхать во Францію съ тѣмъ чтобы передѣ-
латься во Француза. Онъ много и часто толковалъ еще
прежде что на это не достаетъ ему средствъ. Мнѣ кажется,
онъ никого не любилъ кромѣ себя, уважалъ же себя до
странности высоко. Просвѣщеніе видѣлъ въ хорошемъ платьѣ,
въ чистыхъ манишкахъ и въ вычищенныхъ сапогахъ. Счи-
тая себя самъ (и на это есть факты) незаконнымъ сыномъ
Федора Павловича, онъ могъ ненавидѣть свое положеніе
сравнительно съ законными дѣтьми своего господина: имъ,
дескать, все, а ему ничего, имъ всѣ права, имъ наслѣд-
ство, а онъ только поварь. Онъ повѣдалъ мнѣ, что самъ
вмѣстѣ съ Федоромъ Павловичемъ укладывалъ деньги въ
пакетъ. Назначеніе этой суммы, — суммы, которая могла бы
составить его карьеру, — было конечно ему ненавистно. Къ
тому же онъ увидалъ три тысячи рублей въ свѣтленькихъ
радужныхъ кредиткахъ (я объ этомъ нарочно спросилъ его).
О, не показывайте никогда завистливому и самолюбивому
человѣку большихъ денегъ разомъ, а онъ въ первый разъ
увидалъ такую сумму въ одной рукѣ. Впечатлѣніе радуж-

ной пачки могло болѣзненно отразиться въ его воображеніи, на первый разъ пока безо всякихъ послѣдствій. Высокоталантливый обвинитель съ необыкновенною тонкостью очертилъ намъ всѣ pro и contra предположенія о возможности обвинить Смердякова въ убійствѣ и особенно спрашивалъ: для чего тому было притворяться въ падучей? Да, но вѣдь онъ могъ и не притворяться вовсе, припадокъ могъ придти совсѣмъ натурально, но вѣдь могъ же и пройти совсѣмъ натурально, и больной могъ очнуться. Положимъ, не выльчиться, но все же когда-нибудь придти въ себя и очнуться какъ и бываетъ въ падучей. Обвиненіе спрашиваетъ: гдѣ моментъ совершенія Смердяковымъ убійства? Но указать этотъ моментъ чрезвычайно легко. Онъ могъ очнуться и встать отъ глубокаго сна (ибо онъ былъ только во снѣ: послѣ припадковъ падучей болѣзни всегда нападаетъ глубокой сонъ), именно въ то мгновеніе когда старикъ Григорій, схвативъ за ногу на заборѣ убѣгающаго подсудимаго, завопилъ на всю окрестность: «Отцеубивецъ!» Крикъ-то этотъ необычайный, въ тиши и во мракѣ, и могъ разбудить Смердякова, сонъ котораго къ тому времени могъ быть и не очень крѣпокъ: онъ естественно могъ уже часъ тому какъ начать просыпаться. Вставъ съ постели, онъ отправляется почти безсознательно и безо всякаго намѣренія на крикъ посмотреть что такое. Въ его головѣ болѣзненный чадъ, соображеніе еще дремлетъ, но вотъ онъ въ саду, подходит къ освѣщеннымъ окнамъ и слышитъ страшную вѣсть отъ барина, который конечно ему обрадовался. Соображеніе разомъ загорается въ головѣ его. Отъ испуганнаго барина онъ узнаетъ всѣ подробности. И вотъ постепенно, въ разстроенномъ и больномъ мозгу его создается мысль,— страшная, но соблазнительная и неотразимо логическая: убить, взять три тысячи денегъ и свалить все потомъ на

барченка: на кого-же и подумаютъ теперь какъ не на барченка, кого же могутъ обвинить какъ не барченка, всѣ улики, онъ тутъ былъ? Страшная жажда денегъ, добычи, могла захватить ему духъ, вмѣстѣ съ соображеніемъ о безнаказанности. О, эти внезапные и неотразимые порывы такъ часто приходятъ при случаѣ, и, главное, приходятъ внезапно такимъ убійцамъ, которые еще за минуту не знали что захотятъ убить! И вотъ Смердяковъ могъ войти къ барину и исполнить свой планъ, чѣмъ, какимъ оружіемъ, — а первымъ камнемъ который онъ поднялъ въ саду. Но для чего же, съ какою же цѣлью? А три-то тысячи, вѣдь это карьера. О! я не противорѣчу себѣ: деньги могли быть и существовать. И даже можетъ быть Смердяковъ-то одинъ и зналъ гдѣ ихъ найти, гдѣ именно онѣ лежатъ у барина. «Ну, а обложка денегъ, а разорванный на полу пакетъ»? Давеча, когда обвинитель, говоря объ этомъ пакетѣ, изложилъ чрезвычайно тонкое соображеніе свое о томъ, что оставить его на полу могъ именно воръ непривычный, именно такой какъ Карамазовъ, а совсѣмъ уже не Смердяковъ, который бы ни за что не оставилъ на себя такую улику — давеча, господа присяжные, я, слушая, вдругъ почувствовалъ что слышу что-то чрезвычайно знакомое. И представьте себѣ, именно это самое соображеніе, эту догадку о томъ какъ бы могъ поступить Карамазовъ съ пакетомъ, я уже слышалъ ровно за два дня до того отъ самого Смердякова, мало того, онъ даже тѣмъ поразилъ меня: мнѣ именно показалось что онъ фальшиво наивничаетъ, забѣгаетъ впередъ, навязываетъ эту мысль мнѣ, чтобъ я самъ вывелъ это самое соображеніе и мнѣ его какъ будто подсказываетъ. Не подсказалъ ли онъ это соображеніе и слѣдствію? Не навязалъ ли его и высоко-талантливому обвинителю? Скажутъ: а старуха жена Гри-

горя? Вѣдь она же слышала какъ больной подлѣ нея стоналъ во всю ночь. Такъ, слышала, но вѣдь соображеніе это чрезвычайно шаткое. Я зналъ одну даму, которая горько жаловалась что ее всю ночь будила на дворѣ шавка и не давала ей спать. И однако бѣдная собаченка, какъ извѣстно стало, тявкнула всего только раза два-три во всю ночь. И это естественно; человѣкъ спитъ и вдругъ слышитъ стонъ, онъ просыпается въ досадѣ что его разбудили, но засыпаетъ мгновенно снова. Часа черезъ два опять стонъ, опять просыпается и опять засыпаетъ, наконецъ, еще разъ стонъ, и опять черезъ два часа, всего въ ночь раза три. На утро спящій встаетъ и жалуется что кто-то всю ночь стоналъ и его непрерывно будилъ. Но непременно такъ и должно ему показаться; промежутки сна, по два часа каждый, онъ проспалъ и не помнитъ, а запомнилъ лишь минуты своего пробужденія, вотъ ему и кажется что его будили всю ночь. Но почему, почему, восклицаетъ обвиненіе, Смердяковъ не признался въ посмертной запискѣ? «На одно де хватило совѣсти, а на другое нѣтъ». Но позвольте: совѣсть—это уже раскаяніе, но раскаянія могло и не быть у самоубійцы, а было лишь отчаяніе. Отчаяніе и раскаяніе—двѣ вещи совершенно различныя. Отчаяніе можетъ быть злобное и непримиримое, и самоубійца, накладывая на себя руки, въ этотъ моментъ могъ вдвойнѣ ненавидѣть тѣхъ кому всю жизнь завидовалъ. Господа присяжные засѣдатели, поберегитесь судебной ошибки! Чѣмъ, чѣмъ неправдоподобно все то что я вамъ сейчасъ представилъ и изобразилъ? Найдите ошибку въ моемъ изложеніи, найдите невозможность, абсурдъ? Но если есть хотя тѣнь возможности, хотя тѣнь правдоподобія въ моихъ предположеніяхъ—удержитесь отъ приговора. А тутъ развѣ тѣнь только? Клянусь всѣмъ священнымъ, я вполнѣ вѣрю въ мое, въ представленное вамъ сейчасъ, тол-

гованіе объ убійствѣ. А главное, главное меня смущаетъ и выводитъ изъ себя все таже мысль что изо всей массы фактовъ нагроможденныхъ обвиненіемъ на подсудимаго нѣтъ ни единого, хоть сколько нибудь точнаго и неотразимаго, а что гибнетъ несчастный единственно по совокупности этихъ фактовъ. Да, эта совокупность ужасна; эта кровь, эта съ пальцевъ текущая кровь, бѣлье въ крови, эта темная ночь, оглашаемая воплемъ «отцеубивецъ»! и кричащій падающій съ проломленною головою, а затѣмъ эта масса изрѣченій, показаній, жестовъ, криковъ, — о, это такъ вліяетъ, такъ можетъ подкупить убѣжденіе, но ваше ли, господа присяжные засѣдатели, ваше ли убѣжденіе подкупить можетъ? вспомните, вамъ дана необъятная власть, власть вязать и рѣшить. Но чѣмъ сильнѣе власть, тѣмъ страшнѣе ея приложеніе! Я ни на іоту не отступаю отъ сказаннаго мною сейчасъ, но ужь пусть, такъ и быть, пусть на минуту и я соглашусь съ обвиненіемъ, что несчастный кліентъ мой обагрилъ свои руки въ крови отца. Это только предположеніе, повторяю, я ни на мигъ не сомнѣваюсь въ его невинности, но ужь такъ и быть предположу что мой подсудимый виновенъ въ отцеубійствѣ, но выслушайте одно мое слово еслибы даже я и допустилъ такое предположеніе. У меня лежитъ на сердцѣ высказать вамъ еще нѣчто, ибо я предчувствую и въ вашихъ сердцахъ и умахъ большую борьбу... Простите мнѣ это слово, господа присяжные засѣдатели, о вашихъ сердцахъ и умахъ. Но я хочу быть правдивымъ и искреннимъ до конца. Будемъ же всѣ искренни!..»

Въ этомъ мѣстѣ защитника прервалъ довольно сильный аплодисментъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія слова свои онъ произнесъ съ такою искренне прозвучавшею нотой, что всѣ почувствовали что можетъ быть дѣйствительно ему есть что сказать и что то что онъ скажетъ сейчасъ, есть и самое

важное. Но предсѣдатель, слышавъ аплодисментъ, громко пригрозилъ «очистить» залу суда если еще разъ повторится «подобный случай». Все затихло, и Ѳетюковичъ началъ какимъ-то новымъ, проникновеннымъ голосомъ, совсѣмъ новымъ, которымъ говорилъ до сихъ поръ.

XIII.

Прелюбодѣй мысли.

«Не совокупность только фактовъ губить моего кліента, господа присяжные засѣдатели, возгласилъ онъ—нѣтъ, моего кліента губить, по настоящему, одинъ лишь фактъ: это—трупъ старика отца! Будь простое убійство, и вы при ничтожности, при бездоказательности, при фантастичности фактовъ, если разсматривать каждый изъ нихъ въ отдѣльности, а не въ совокупности, — отвергли бы обвиненіе, по крайней мѣрѣ, усумнились бы губить судьбу человѣка по одному лишь предубѣжденію противъ него, которое, увы, онъ такъ заслужилъ! Но тутъ не простое убійство, а отцеубійство! Это импонируетъ и до такой степени что даже самая ничтожность и бездоказательность обвиняющихъ фактовъ становится уже не столь ничтожною и не столь бездоказательною, и это въ самомъ непредубѣжденномъ даже умѣ. Ну какъ оправдать такого подсудимаго? А ну какъ онъ убилъ и уйдетъ ненаказаннымъ, — вотъ что чувствуетъ каждый въ сердцѣ своемъ почти невольно, инстинктивно. Да, страшная вещь пролить кровь отца,—кровь родившаго, кровь любившаго, кровь жизни своей для меня не жалѣвшаго, съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ моими болѣзнями болѣвшаго, всю жизнь за мое счастье страдавшаго, и лишь моими радостями, моими успѣхами жившаго! О, убить та-

кого отца—да это невозможно и помыслить! Господа присяжные, что такое отецъ, настоящій отецъ, что это за слово такое великое, какая страшно великая идея въ наименованіи этомъ? Мы сейчасъ только указали отчасти что такое и чѣмъ долженъ быть истинный отецъ. Въ настоящемъ же дѣлѣ, которымъ мы такъ всѣ теперь заняты, которымъ болятъ наши души, — въ настоящемъ дѣлѣ отецъ, покойный Федоръ Павловичъ Карамазовъ, нисколько не подходилъ подъ то понятіе объ отцѣ которое сейчасъ сказалось нашему сердцу. Это бѣда. Да, дѣйствительно, иной отецъ похожъ на бѣду. Разсмотримъ же эту бѣду поближе,—вѣдь ничего не надо бояться, господа присяжные, въ виду важности предстоящаго рѣшенія. Мы даже особенно не должны бояться теперь и такъ сказать отмахиваться отъ иной идеи, какъ дѣти или пугливыя женщины, по счастливому выраженію высокоталантливаго обвинителя. Но въ своей горячей рѣчи, уважаемый мой противникъ (и противникъ еще прежде чѣмъ я произнесъ мое первое слово), мой противникъ нѣсколько разъ воскликнулъ: «Нѣтъ, я никому не дамъ защищать подсудимаго, я не уступлю его защиту защитнику пріѣхавшему изъ Петербурга,—я обвинитель, я и защитникъ!» Вотъ что онъ нѣсколько разъ воскликнулъ и однакоже, забылъ упомянуть, что если страшный подсудимый цѣлые двадцать три года столь благодаренъ былъ всего только за одинъ фунтъ орѣховъ полученныхъ отъ единственнаго человѣка, приласкавшаго его ребенкомъ въ родительскомъ домѣ, то обратно не могъ же вѣдь такой человѣкъ и не помнить, всѣ эти двадцать три года, какъ онъ бѣгалъ босой у отца «на заднемъ дворѣ, безъ сапожекъ, и въ панталончикахъ на одной пуговкѣ», по выраженію челоувѣколюбиваго доктора Герценштубе. О, господа присяжные, зачѣмъ намъ разсматривать ближе эту «бѣду», повторять то что

всѣ уже знаютъ! Что встрѣтилъ мой кліентъ пріѣхавъ сюда къ отцу? И зачѣмъ, зачѣмъ изображать моего кліента безчувственнымъ, эгоистомъ, чудовищемъ? Онъ безудерженъ, онъ дикъ и буненъ, вотъ мы теперь его судимъ за это, а кто виноватъ въ судьбѣ его, кто виноватъ что при хорошихъ наклонностяхъ, при благородномъ чувствительномъ сердцѣ, онъ получилъ такое нелѣпое воспитаніе? Училъ ли его кто нибудь уму-разуму, просвѣщенъ ли онъ въ наукахъ, любилъ ли кто его хоть сколько нибудь въ его дѣтствѣ? Мой кліентъ росъ покровительствомъ Божиимъ, т. е. какъ дикій звѣрь. Онъ можетъ быть жаждаль увидѣть отца послѣ долголѣтней разлуки, онъ можетъ быть тысячу разъ передъ тѣмъ, вспоминая какъ сквозь сонъ свое дѣтство, отгонялъ отвратительные призраки приснившіеся ему въ его дѣтствѣ и всею душой жаждаль оправдать и обнять отца своего! И что жъ? Его встрѣчаютъ однѣми циническими насмѣшками, подозрительностью и крючкотворствомъ изъ за спорныхъ денегъ; онъ слышитъ лишь разговоры и житейскія правила, отъ которыхъ воротить сердце, ежедневно «за коньячкомъ», и наконецъ зрить отца отбивающаго у него, у сына, на его же сыновнія деньги, любовницу, — о, господа присяжные, это отвратительно и жестоко! И этотъ же старикъ всѣмъ жалуется на непочтительность и жестокость сына, мараетъ его въ обществѣ, вредитъ ему, клеветаетъ на него, скупаетъ его долговья росписки чтобы посадить его въ тюрьму! Господа присяжные, эти души, эти на видъ жестокосердые, буйные и безудержные люди, какъ мой кліентъ, бываютъ, и это чаще всего, чрезвычайно нѣжны сердцемъ, только этого не выказываютъ. Не смѣйтесь, не смѣйтесь надъ моею идеей! Талантливый обвинитель смѣялся давеча надъ моимъ кліентомъ безжалостно, выставляя что онъ любитъ Шиллера, любитъ «прекрасное и высокое».

Я бы не сталъ надъ этимъ смѣяться на его мѣстѣ, на мѣстѣ обвинителя! Да, эти сердца, — о, дайте мнѣ защитить эти сердца, столь рѣдко и столь несправедливо понимаемыя, — эти сердца весьма часто жаждутъ нѣжнаго, прекраснаго и справедливаго, и именно какъ бы въ контрастъ себѣ, своему буйству, своей жестокости, — жаждутъ бессознательно, и именно жаждутъ. Страстные и жестокіе снаружи, они до мученія способны полюбить напимѣръ женщину, и непремѣнно духовною и высшею любовью. Опять таки не смѣйтесь надо мной: это именно такъ всего чаще бываетъ въ этихъ натурахъ! Онѣ только не могутъ скрыть свою страстность, подчасъ очень грубую, — вотъ это и поражаетъ, вотъ это и замѣчаютъ, а внутри человекъ не видятъ. Напротивъ, всѣ ихъ страсти утоляются быстро, но около благороднаго, прекраснаго существа, этотъ, повидимому грубый и жестокий человекъ ищетъ обновленія, ищетъ возможности исправиться, стать лучшимъ, сдѣлаться высокимъ и честнымъ, — «высокимъ и прекраснымъ», какъ ни осмѣяно это слово! Давеча я сказалъ что не позволю себѣ дотронуться до романа моего кліента съ г-жею Верховцевой. Но однако полслова то можно сказать: мы слышали давеча не показаніе, а лишь крикъ изступленной и отмщающей женщины, и не ей, о, не ей укорять бы въ измѣнѣ, потому что она сама измѣнила! Еслибъ имѣла хоть сколько нибудь времени чтобъ одуматься, не дала бы она такого свидѣтельства! О, не вѣрьте ей, нѣтъ, не «извергъ» кліентъ мой, какъ она его называла! Распятый Человѣколюбецъ, собираясь на крестъ свой, говорилъ: Азъ есмь пастырь добрый, пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы да ни одна не погибнетъ... Не погубимъ и мы души человѣческой! Я спрашивалъ сейчасъ: что такое отецъ и воскликнулъ, что это великое слово, драгоценное наименованіе. Но со сло-

вомъ, господа присяжные, надо обращаться честно, и я позволю назвать предметъ собственнымъ его словомъ, собственнымъ наименованіемъ: Такой отецъ, какъ убитый старикъ Карамазовъ, не можетъ и не достоинъ называться отцомъ. Любовь къ отцу не оправданная отцомъ есть нелѣпость, есть невозможность. Нельзя создать любовь изъ ничего, изъ ничего только Богъ творить. «Отцы не огорчайте дѣтей своихъ», пишетъ изъ пламенѣющаго любовью сердца своего апостолъ. Не ради моего кліента привожу теперь эти святые слова, я для всѣхъ отцовъ вспоминаю ихъ. Кто мнѣ далъ эту власть чтобъ учить отцовъ? Никто. Но какъ человѣкъ и гражданинъ взываю — *vivos voco!* Мы на землѣ не долго, мы дѣлаемъ много дѣлъ дурныхъ и говоримъ словъ дурныхъ. А потому будемъ же всѣ ловить удобную минуту совмѣстнаго общенія нашего, чтобы сказать другъ другу и хорошее слово. Такъ и я: пока я на этомъ мѣстѣ, я пользуюсь моею минутой. Не даромъ эта трибуна дарована намъ вышею волей — съ нея слышитъ насъ вся Россія. Не для здѣшнихъ только отцовъ говорю, а ко всѣмъ отцамъ восклицаю: «Отцы, не огорчайте дѣтей своихъ!» Да, исполнимъ прежде сами завѣтъ Христовъ и тогда только разрѣшимъ себѣ спрашивать и съ дѣтей нашихъ. Иначе мы не отцы, а враги дѣтямъ нашимъ, а они не дѣти наши, а враги намъ и мы сами себѣ сдѣлали ихъ врагами! «Въ ню же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ» — это не я уже говорю, это Евангеліе предписываетъ: мѣрить въ ту мѣру въ которую и вамъ мѣряютъ. Какъ же винить дѣтей если они намъ мѣряютъ въ нашу мѣру? Недавно въ Финляндіи одна дѣвица, служанка, была заподозрѣна что она тайно родила ребенка. Стали слѣдить за нею и на чердагѣ дома, въ углу за кирпичами, нашли ея сундукъ, про который никто не зналъ, его отперли и вынули изъ него тру-

пикъ новорожденнаго и убитаго ею младенца. Въ томъ же сундукѣ нашли два скелета уже рожденныхъ прежде ею младенцевъ и ею же убитыхъ въ минуту рожденія, въ чемъ она и повинилась. Господа присяжные, это ли мать дѣтей своихъ? Да, она ихъ родила, но мать ли она имъ? Осмѣлится ли кто изъ насъ произнести надъ ней священное имя матери? Будемъ смѣлы, господа присяжные, будемъ дерзки даже, мы даже обязаны быть таковыми въ настоящую минуту и не бояться иныхъ словъ и идей, подобно московскимъ купчихамъ боящимся «металла» и «жупела». Нѣтъ, докажемъ напротивъ что прогрессъ послѣднихъ лѣтъ коснулся и нашего развитія и скажемъ прямо: родившій не есть еще отецъ, а отецъ есть — родившій и заслужившій. О, конечно, есть и другое значеніе, другое толкованіе слова отецъ, требующее чтобъ отецъ мой, хотя бы и извергъ, хотя бы и злодѣй своимъ дѣтямъ, оставался бы всетаки моимъ отцомъ, потому только что онъ родилъ меня. Но это значеніе уже такъ сказать мистическое, которое я не понимаю умомъ, а могу принять лишь вѣрой, или, вѣрнѣе сказать, *на вѣру*, подобно многому другому, чего не понимаю, но чему религія повелѣваетъ мнѣ однакоже вѣрить. Но въ такомъ случаѣ это пусть и останется внѣ области дѣйствительной жизни. Въ области же дѣйствительной жизни, которая имѣетъ не только свои права, но и сама налагаетъ великія обязанности, — въ этой области мы, если хотимъ быть гуманными, христіанами наконецъ, мы должны и обязаны проводить убѣжденія лишь оправданныя разсудкомъ и опытомъ, проведенныя чрезъ горнило анализа, словомъ дѣйствовать разумно, а не безумно, какъ во снѣ и въ бреду, чтобы не нанести вреда человѣку, чтобы не измучить и не погубить человѣка. Вотъ, вотъ тогда это и будетъ настоя-

щимъ христіанскимъ дѣломъ, не мистическимъ только, а разумнымъ и уже истинно человѣколюбивымъ дѣломъ...»

Въ этомъ мѣстѣ сорвались было сильныя рукоплесканія изъ многихъ концовъ залы, но Ѳетюковичъ даже замахалъ руками, какъ-бы умоляя не прерывать и чтобы дали ему договорить. Все тотчасъ затихло. Ораторъ продолжалъ:

«Думаете ли вы, господа присяжные, что такіе вопросы могутъ миновать дѣтей нашихъ, положимъ, уже юношей, положимъ уже начинающихъ разсуждать? Нѣтъ, не могутъ, и не будемъ спрашивать отъ нихъ невозможнаго воздержанія! Видь отца недостойнаго, особенно сравнительно съ отцами другими, достойными, у другихъ дѣтей, его сверстниковъ, невольно подсказываетъ юношѣ вопросы мучительныя. Ему по казенному отвѣчаютъ на эти вопросы: «Онъ родилъ тебя и ты кровь его, а потому ты и долженъ любить его». Юноша невольно задумывается: «Да развѣ онъ любилъ меня когда рождалъ, спрашиваетъ онъ, удивляясь все болѣе и болѣе, развѣ для меня онъ родилъ меня: онъ не зналъ ни меня, ни даже пола моего въ ту минуту, въ минуту страсти, можетъ быть разгоряченной виномъ, и только развѣ передалъ мнѣ склонность къ пьянству, — вотъ всѣ его благодѣянія... Зачѣмъ же я долженъ любить его, за то только, что онъ родилъ меня, а потомъ всю жизнь не любилъ меня». О, вамъ можетъ быть представляются эти вопросы грубыми, жестокими, но не требуйте же отъ юнаго ума воздержанія невозможнаго: «Гони природу въ дверь она влетитъ въ окно», — а главное, главное не будемъ бояться «металла» и «жупела» и рѣшимъ вопросъ такъ, какъ предписываетъ разумъ и человѣколюбіе, а не такъ, какъ предписываютъ мистическія понятія. Какъ же рѣшить его? А вотъ какъ: Пусть сынъ станетъ предъ отцомъ своимъ и осмысленно спроситъ его самого: «Отецъ, скажи мнѣ: для чего я долженъ любить

тебя? Отецъ, докажи мнѣ что я долженъ любить тебя?»— и если этотъ отецъ въ силахъ и въ состояніи будетъ отвѣтить и доказать ему,—то вотъ и настоящая нормальная семья, не на предразсудкѣ лишь мистическомъ утверждающаяся, а на основаніяхъ разумныхъ, самоотчетныхъ и строго гуманныхъ. Въ противномъ случаѣ, если не докажетъ отецъ—конецъ тотчасъ же этой семьѣ: онъ не отецъ ему, а сынъ получаетъ свободу и право впредь считать отца своего за чужаго себѣ и даже врагомъ своимъ. Наша трибуна, господа присяжные, должна быть школой истины и здравыхъ понятій!»

Здѣсь ораторъ былъ прерванъ рукоплесканіями неудержимыми, почти изступленными. Конечно, аплодировала не вся зала, но половина-то залы всетаки аплодировала. Аплодировали отцы и матери. Сверху, гдѣ сидѣли дамы, слышались визги и криги. Махали платками. Предсѣдатель изо всей силы началъ звонить въ колокольчикъ. Онъ былъ видимо раздраженъ поведеніемъ залы, но «очистить» залу, какъ угрожалъ недавно, рѣшительно не посмѣлъ: аплодировали и махали платками оратору даже сзади сидѣвшія на особыхъ стульяхъ сановныя лица, старички со звѣздами на фракахъ, такъ что когда угомонился шумъ, предсѣдатель удовольствовался лишь прежнимъ строжайшимъ общаніемъ „очистить залу, а торжествующій и взволнованный Остюковичъ сталъ опять продолжать свою рѣчь.

«Господа присяжные засѣдатели, вы помните ту страшную ночь, о которой такъ много еще сегодня говорили, когда сынъ, черезъ заборъ, проникъ въ домъ отца и сталъ, наконецъ, лицомъ къ лицу съ своимъ, родившимъ его врагомъ и обидчикомъ. Изъ всѣхъ силъ настаиваю — не за деньгами онъ прибѣжалъ въ ту минуту: обвиненіе въ грабежѣ есть неслѣпость, какъ я уже и изложилъ прежде.

И не убить, о нѣтъ, вломился онъ къ нему; еслибъ имѣлъ преднамѣренно этотъ умыселъ, то озаботился бы по крайней мѣрѣ заранѣе хотъ оружіемъ, а мѣдный пестъ онъ схватилъ инстинктивно, самъ не зная зачѣмъ. Пусть онъ обманулъ отца знаками, пусть онъ пронигъ къ нему,—я сказалъ уже, что ни на одну минуту не вѣрю этой легендѣ, но пусть такъ и быть, предположимъ ее на одну минуту! Господа присяжные, клянусь вамъ всѣмъ чтѣ есть свято, будь это не отецъ ему, а посторонній обидчикъ, онъ, пробѣжавъ по комнатамъ и удостовѣрясь, что этой женщины нѣтъ въ этомъ дѣлѣ, онъ убѣждалъ бы стремглавъ, не сдѣлавъ сопернику своему никакого вреда, ударилъ бы, толкнулъ его можетъ быть, но и только, ибо ему было не до того, ему было некогда, ему надо было знать гдѣ она. Но отецъ, отецъ—о все сдѣлалъ лишь видъ отца, его ненавистника съ дѣтства, его врага, его обидчика, а теперь — чудовищнаго соперника! Ненавистное чувство охватило его неволью, неудержимо, разсуждать нельзя было: все поднялось въ одну минуту! Это былъ афектъ безумства и помѣшательства, но и афектъ природы, мстящей за свои вѣчные законы безудержно и бессознательно, какъ и все въ природѣ. Но убійца и тутъ не убилъ,—я утверждаю это, я кричу про это,—нѣтъ, онъ лишь махнулъ пестомъ въ омерзительномъ негодованіи, не желая убить, не зная что убьетъ. Не будь этого роковаго песта въ рукахъ его и онъ бы только избилъ отца можетъ быть, но не убилъ бы его. Убѣжавъ, онъ не зналъ убить ли поверженный имъ старикъ. Такое убійство не есть убійство. Такое убійство не есть и отцеубійство. Нѣтъ, убійство такого отца не можетъ быть названо отцеубійствомъ. Такое убійство можетъ быть причтено къ отцеубійству лишь по предразсудку! Но было ли, было ли это убійство въ самомъ дѣлѣ, взываю я къ вамъ снова и снова изъ

глубины души моей! Господа присяжные, вотъ мы осудимъ его и онъ скажетъ себѣ: «Эти люди ничего не сдѣлали для судьбы моей, для воспитанія, для образованія моего чтобы сдѣлать меня лучшимъ, чтобы сдѣлать меня человѣкомъ. Эти люди не накормили и не напоили меня, и въ темницѣ нагаго не посѣтили, и вотъ они же сослали меня въ ка-торгу. Я сквитался, я ничего имъ теперь не долженъ и никому не долженъ во вѣки вѣковъ. Они злы и я буду золь. Они жестоки и я буду жестокъ». Вотъ чтò онъ скажетъ, господа присяжные! И клянусь: обвиненіемъ вашимъ вы только облегчите его, совѣсть его облегчите, онъ будетъ проклипать пролитую имъ кровь, а не сожалѣть о ней. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы погубите въ немъ возможнаго еще человѣка, ибо онъ останется золь и слѣпъ на всю жизнь. Но хотите ли вы наказать его страшно, грозно, самымъ ужаснымъ наказаніемъ какое только можно вообразить, но съ тѣмъ чтобы спасти и возродить его душу на вѣки? Если такъ, то подавите его вашимъ милосердіемъ! Вы увидите, вы услышите какъ вздрогнетъ и ужаснется душа его: Мнѣ ли снести эту милость, мнѣ ли столько любви, я ли достоинъ ее, — вотъ чтò онъ воскликнетъ! О, я знаю, я знаю это сердце, это дикое, но благородное сердце, господа присяжные. Оно преклонится предъ вашимъ подвигомъ, оно жаждетъ великаго акта любви, оно загорится и воскреснетъ на вѣки. Есть души, которыя въ ограниченности своей обвиняютъ весь свѣтъ. Но подавите эту душу милосердіемъ, окажите ей любовь, и она проклянетъ свое дѣло, ибо въ ней столько добрыхъ зачатковъ. Душа расширится и узритъ какъ Богъ милосердъ и какъ люди прекрасны и справедливы. Его ужаснетъ, его подавить раскаяніе и безчисленный долгъ предстоящій ему отселѣ. И не скажетъ онъ тогда: «Я сквитался», а скажетъ: «Я виноватъ предъ всѣми

людьми и всѣхъ людей недостойнѣ». Въ слезахъ раскаянія и жгучаго страдальческаго умиленія онъ воскликнетъ: «Люди лучше чѣмъ я, ибо захотѣли не погубить, а спасти меня»! О, вамъ такъ легко это сдѣлать, этотъ актъ милосердія, ибо при отсутствіи всякихъ чуть-чуть похожихъ на правду уликъ вамъ слишкомъ тяжело будетъ произнести: «Да, виновень». Лучше отпустить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго—слышите ли, слышите ли вы этотъ величавый голосъ изъ прошлаго столѣтія нашей славной исторіи? Мнѣ ли ничтожному напоминать вамъ что русскій судъ есть не кара только, но и спасеніе человѣка погибшаго! Пусть у другихъ народовъ буква и кара, у насъ же духъ и смыслъ, спасеніе и возрожденіе погибшихъ. И если такъ, если дѣйствительно такова Россія и судъ ея, то — впередъ Россія, и не пугайте, о не пугайте насъ вашими бѣшенными тройками, отъ которыхъ омерзительно сторонятся всѣ народы! Не бѣшенная тройка, а величавая русская колесница торжественно и спокойно прибудетъ къ цѣли. Въ вашихъ рукахъ судьба моего кліента, въ вашихъ рукахъ и судьба нашей правды русской. Вы спасете ее, вы отстоите ее, вы докажете что есть кому ее соблюсти, что она въ хорошихъ рукахъ!»!

XIV.

Мужички за себя постояли.

Такъ кончилъ Оетюковичъ, и разразившійся на этотъ разъ восторгъ слушателей былъ неудержимъ, какъ буря. Было уже и немислимо сдержать его: женщины плакали, плакали и многіе изъ мужчинъ, даже два сановника пролили слезы. Предсѣдатель покорился и даже помедлилъ звонить въ колоколь-

чикъ: «Посягать на такой энтузіазмъ значило бы посягать на святыню», какъ кричали потомъ у насъ дамы. Самъ ораторъ былъ искренно растроганъ. И вотъ въ такую-то минуту и поднялся еще разъ «обмѣняться возраженіями» нашъ Ипполитъ Кирилловичъ. Его завидѣли съ ненавистью: «Какъ? Чтò это? Это онъ-то смѣетъ еще возражать»? залепетали дамы. Но еслибы даже залепетали дамы цѣлаго міра, и въ ихъ главѣ сама прокурорша, супруга Ипполита Кирилловича, то и тогда бы его нельзя было удержать въ это мгновеніе. Онъ былъ блѣденъ, онъ сотрясаясь отъ волненія; первыя слова, первыя фразы выговоренныя имъ были даже и непонятны; онъ задыхался, плохо выговаривалъ, сбивался. Впрочемъ скоро поправился. Но изъ этой второй рѣчи его я приведу лишь нѣсколько фразъ.

«...Насъ упрекаютъ что мы насоздавали романовъ. А чтò же у защитника какъ не романъ на романѣ? Не доставало только стиховъ. Федоръ Павловичъ въ ожиданіи любовницы разрываетъ конвертъ и бросаетъ его на полъ. Приводится даже чтò онъ говорилъ при этомъ удивительномъ случаѣ. Да развѣ это не поэма? И гдѣ доказательство, что онъ вынулъ деньги, кто слышалъ чтò онъ говорилъ? Слабоумный идіотъ Смердяковъ, преображенный въ какого-то Байроновскаго героя, мстящаго обществу за свою незаконнорожденность, — развѣ это не поэма въ Байроновскомъ вкусѣ? А сынъ, вломившійся къ отцу, убившій его, но въ то же время и не убившій, это ужъ даже и не романъ, не поэма, это сфинксъ, задающій загадки, которыя и самъ ужъ конечно не разрѣшить. Коль убилъ такъ убилъ, а какъ же это коли убилъ такъ не убилъ—кто пойметъ это? Затѣмъ возвѣщаютъ намъ что наша трибуна есть трибуна истины и здравыхъ понятій, и вотъ съ этой трибуны «здравыхъ понятій» раздается, съ клятвою, аксіома что называть убій-

ство отца отцеубійствомъ есть только одинъ предразсудокъ! Но если отцеубійство есть предразсудокъ и если каждый ребенокъ будетъ допрашивать своего отца: «Отець, зачѣмъ я долженъ любить тебя»?—то что́ станется съ нами, что́ станется съ основами общества, куда дѣнется семья? Отцеубійство, это, видите ли, только «жупель» московской купчихи. Самые драгоценные, самые священные завѣты въ назначеніи и въ будущности русскаго суда представляются извращенно и легкомысленно чтобы только добиться цѣли, добиться оправданія того что́ нельзя оправдать. О, подавите его милосердіемъ, восклицаетъ защитникъ, а преступнику только того и надо, и завтра же всѣ увидятъ, какъ онъ будетъ подавленъ! Да и не слишкомъ ли скромень защитникъ требуя лишь оправданія подсудимаго? Отчего бы не потребовать учрежденія стипендіи имени отцеубійцы, для увѣковѣченія его подвига въ потомствѣ и въ молодомъ поколѣннн? Исправляются Евангеліе и религія: это, дескать, все мистика, а вотъ у насъ лишь настоящее христіанство, уже провѣренное анализомъ разсудка и здравыхъ понятій. И вотъ воздвигаютъ предъ нами лжеподобіе Христа! *Въ ню же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ*, восклицаетъ защитникъ и въ тотъ же мигъ выводитъ, что Христось заповѣдалъ мѣрить въ ту мѣру въ которую и вамъ отмѣряютъ,— и это съ трибуны истины и здравыхъ понятій! Мы заглядываемъ въ Евангеліе лишь наганунѣ рѣчей нашихъ для того чтобы блеснуть знакомствомъ всетаки съ довольно оригинальнымъ сочиненіемъ, которое можетъ пригодиться и послужить для нѣкотораго эффекта, по мѣрѣ надобности, все по размѣру надобности! А Христось именно велитъ не такъ дѣлать, беречься такъ дѣлать, потому что злобный мѣръ такъ дѣлаетъ, мы же должны прощать и ланиту свою подставлять, а не въ ту же мѣру отмѣривать въ которую мѣрятъ

намъ наши обидчики. Вотъ чему училъ насъ Богъ нашъ, а не тому что запрещать дѣтямъ убивать отцовъ есть предразсудокъ. И не станемъ мы поправлять съ каедръ истины и здравыхъ понятій Евангеліе Бога нашего, котораго защитникъ удостоиваетъ назвать лишь «распятымъ человѣколюбцемъ», въ противоположность всей православной Россіи, зывающей къ нему: «Ты бо еси Богъ нашъ!..»

Тутъ предсѣдатель вступился и осадилъ увлекшагося, попросивъ его не преувеличивать, оставаться въ должныхъ границахъ, и пр., и пр., какъ обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ предсѣдатели. Да и зала была неспокойна. Публика шевелилась, даже восклицала въ негодованіи. Оетюковичъ даже и не возражалъ, онъ взошелъ только чтобы, приложивъ руку къ сердцу, обиженнымъ голосомъ проговорить нѣсколько словъ, полныхъ достоинства. Онъ слегка только и насмѣшливо опять коснулся «романовъ» и «психологій» и къ слову вернулъ въ одномъ мѣстѣ: «Юпитеръ, ты сердншься, стало быть ты не правъ»,—чѣмъ вызвалъ одобрителный и многочисленный смѣшокъ въ публикѣ, ибо Ипполитъ Кирилловичъ уже совсѣмъ былъ не похожъ на Юпитера. Затѣмъ на обвиненіе что будто онъ разрѣшаетъ молодому поколѣнію убивать отцовъ, Оетюковичъ съ глубокимъ достоинствомъ замѣтилъ что и возражать не станетъ. На счетъ же «Христова лжеподобія» и того что онъ не удостоилъ назвать Христа Богомъ, а назвалъ лишь «распятымъ человѣколюбцемъ», что «противно де православію и не могло быть высказано съ трибуны истины и здравыхъ понятій» — Оетюковичъ намекнулъ на «инсинуацію» и на то что, собираясь сюда, онъ, по крайней мѣрѣ, рассчитывалъ что здѣшняя трибуна обезпечена отъ обвиненія «опасныхъ для моей личности, какъ гражданина и вѣрноподданнаго»... Но при этихъ словахъ предсѣдатель осадилъ и его, и Ое-

тюговичъ, поклонясь, закончилъ свой отвѣтъ, провожаемый всеобщимъ одобрительнымъ говоромъ залы. Исполить же Кирилловичъ, по мнѣнію нашихъ дамъ, былъ «раздавленъ на вѣки».

Затѣмъ предоставлено было слово самому подсудимому. Митя всталъ, но сказалъ немного. Онъ былъ страшно утомленъ и тѣлесно, и духовно. Видъ независимости и силы, съ которымъ онъ появился утромъ въ залу, почти исчезъ. Онъ какъ-будто что-то пережилъ въ этотъ день на всю жизнь, научившее и вразумившее его чему-то очень важному, чего онъ прежде не понималъ. Голосъ его ослабѣлъ, онъ уже не кричалъ какъ давеча. Въ словахъ его послышалось что-то новое, смирившееся, побѣжденное и приниженное.

«Что мнѣ сказать, господа присяжные! Судъ мой пришелъ, слышу десницу Божию на себѣ. Конецъ безпутному человѣку! Но какъ Богу исповѣдуясь, и вамъ говорю: «Въ крови отца моего—нѣтъ, не виновенъ!» Въ послѣдній разъ повторяю: «Не я убилъ! Безпутенъ былъ, но добро любилъ. Каждый мигъ стремился исправиться, а жилъ дикому звѣрю подобенъ. Спасибо прокурору, многое мнѣ обо мнѣ сказалъ, чего и не зналъ я, но неправда что убилъ отца, ошибся прокуроръ! Спасибо и защитнику, плакалъ его слушая, но не правда, что я убилъ отца и предполагать не надо было! А докторамъ не вѣрьте, я въ полномъ умѣ, только душѣ моей тяжело. Коли пощадите, коль отпустите—помолюсь за васъ. Лучшимъ стану, слово даю, передъ Богомъ его даю. А коль осудите—самъ сломаю надъ головой моей шпагу, а сломавъ поцалую обломки! Но пощадите, не лишите меня Бога моего, знаю себя: возропщу! Тяжело душѣ моей, господа... пощадите!»

Онъ почти упалъ на свое мѣсто, голосъ его пресѣкся, послѣднюю фразу онъ едва выговорилъ. Затѣмъ судъ при-

ступилъ къ постановкѣ вопросовъ и началъ спрашивать у сторонъ заключеній. Но не описываю подробности. Наконецъ-то присяжные встали чтобъ удалиться для совѣщаній. Предсѣдатель былъ очень утомленъ, а потому и сказалъ имъ очень слабое напутственное слово: «Будьте де, безпристрастны, не внушайтесь краснорѣчивыми словами защиты, но однако же взвѣсьте, вспомните что на васъ лежитъ великая обязанность», и проч., и проч. Присяжные удалились и наступилъ перерывъ засѣданія. Можно было встать, пройтись, обмѣяться накопившимися впечатлѣніями, закусить въ буфетѣ. Было очень поздно, уже около часу полуночи, но никто не развѣзжался. Всѣ были такъ напряжены и настроены, что было не до покоя. Всѣ ждали, замирая сердцемъ, хотя впрочемъ и не всѣ замирали сердцемъ. Дамы были лишь въ истерическомъ нетерпѣніи, но сердцами были спокойны: «Оправданіе де неминуемое». Всѣ онѣ готовились къ эффектной минутѣ общаго энтузіазма. Признаюсь, и въ мужской половинѣ залы было чрезвычайно много убѣжденныхъ въ неминуемомъ оправданіи. Иные радовались, другіе же хмурились, а иные такъ просто повѣсили носы: не хотѣлось имъ оправданія! Самъ Оетюковичъ былъ твердо увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ былъ окруженъ, принималъ поздравленія, передъ нимъ заискивали.

— Есть, сказалъ онъ въ одной группѣ, — какъ передавали потомъ, — есть эти невидимыя нити, связующія защитника съ присяжными. Онѣ завязываются и предчувствуются еще во время рѣчи. Я ощутилъ ихъ, онѣ существуютъ. Дѣло наше, будьте спокойны.

— А вотъ что-то наши мужички теперь скажутъ? проговорилъ одинъ нахмуренный, толстый и рябой господинъ, подгородный помѣщикъ, подходя къ одной группѣ разговаривавшихъ господъ.

— Да вѣдь не одни мужички. Тамъ четыре чиновника.

— Да, вотъ чиновники, проговорилъ подходя членъ земской управы.

— А вы Назарьева-то Прохора Ивановича, знаете, вотъ этотъ купецъ-то съ медалью, присяжный-то?

— А что?

— Ума палата.

— Да онъ все молчить.

— Молчить-то молчить, да вѣдь тѣмъ и лучше. Не то что Петербургскому его учить, самъ весь Петербургъ научить. Двѣнадцать человѣкъ дѣтей, подумайте!

— Да помилуйте, неужто не оправдаютъ? кричалъ въ другой группѣ одинъ изъ молодыхъ нашихъ чиновниковъ.

— Оправдаютъ навѣрно, слышался рѣшительный голосъ.

— Стыдно, позорно было бы не оправдать! восклицалъ чиновникъ, — пусть онъ убилъ, но вѣдь отецъ и отецъ! И наконецъ онъ былъ въ такомъ изступленіи.... Онъ дѣйствительно могъ только махнуть пестомъ и тотъ повалился. Плохо только что лакея тутъ притянули. Это просто смѣшной эпизодъ. Я бы на мѣстѣ защитника такъ прямо и сказалъ: убилъ, но не виновенъ, вотъ и чортъ съ вами!

— Да онъ такъ и сдѣлалъ, только чортъ съ вами не сказалъ.

— Нѣтъ, Михаилъ Семенычъ, почти что сказалъ, подхватилъ третій голосокъ.

— Помилуйте, господа, вѣдь оправдали же у насъ великимъ постомъ актрису, которая законной женѣ своего любовника горло перерѣзала.

— Да вѣдь не дорѣзала.

— Все равно, все равно, начала рѣзать!

— А про дѣтей-то какъ онъ? Великолѣпно!

— Великолѣпно.

— Ну а про мистика-то, про мистика-то, а?

— Да полноте вы о мистикѣ, вскричалъ еще кто-то, вы вникните въ Ипполита-то, въ судьбу-то его отселева дня! Вѣдь ему завтрашній день его прокурорша за Митеньку глаза выцарапаетъ.

— А она здѣсь?

— Чего здѣсь? Была бы здѣсь, здѣсь бы и выцарапала. Дома сидитъ, зубы болятъ. Хе-хе-хе!

— Хе-хе-хе!

Въ третьей группѣ.

— А вѣдь Митеньку-то пожалуй и оправдаютъ.

— Чего добраго, завтра весь «Столичный городъ» разнесетъ, десять дней пьянствовать будетъ.

— Эхъ вѣдь чортъ!

— Да чортъ-то чортъ, безъ чорта не обошлось, гдѣ жъ ему и быть какъ не тутъ.

— Господа, положимъ краснорѣчіе. Но вѣдь нельзя же и отцамъ ломать головы безмѣнами. Иначе, до чего же дойдемъ?

— Колесница-то, колесница-то, помните?

— Да, изъ телѣги колесницу сдѣлалъ.

— А завтра изъ колесницы телегу, «по мѣрѣ надобности, все по мѣрѣ надобности».

— Ловкій народъ пошелъ. Правда-то есть у насъ на Руси, господа, али нѣтъ ее вовсе?

Но зазвонилъ колокольчикъ. Присяжные совѣщались ровно часъ, ни больше, ни меньше. Глубокое молчаніе воцарилось только что усѣлась снова публика. Помню какъ присяжные вступили въ залу. Наконецъ-то! Не привожу

вопросовъ по пунктамъ, да я ихъ и забылъ. Я помню лишь отвѣтъ на первый и главный вопросъ предсѣдателя, т. е. «убилъ ли съ цѣлью грабежа преднамѣренно» (текста не помню)? Все замерло. Старшина присяжныхъ, именно тотъ чиновникъ, который былъ всѣхъ моложе, громко и ясно, при мертвенной тишинѣ залы, провозгласилъ:

— Да, виновенъ!

И потомъ по всѣмъ пунктамъ пошло все тоже: виновенъ, да виновенъ, и это безъ малѣйшаго снисхожденія! Этого ужъ никто не ожидалъ, въ снисхожденіи-то, по крайней мѣрѣ, почти всѣ были увѣрены. Мертвая тишина залы не прерывалась, буквально какъ бы всѣ окаменѣли — и жаждавшіе осужденія, и жаждавшіе оправданія. Но это только въ первыя минуты. Затѣмъ поднялся страшный хаосъ. Изъ мужской публики много оказалось очень довольныхъ. Иные такъ даже потирали руки, не скрывая своей радости. Недовольные были какъ бы подавлены, пожимали плечами, шептались, но какъ будто все еще не сообразившись. Но, Боже мой, что случилось съ нашими дамами! Я думалъ что онѣ сдѣлаютъ бунтъ. Сначала онѣ какъ бы не вѣрили ушамъ своимъ. И вдругъ, на всю залу, послышались восклицанія: «Да что это такое? Это еще что такое?» Онѣ повскакали съ мѣсть своихъ. Имъ вѣрно казалось что все это сейчасъ же можно опять переменить и передѣлать. Въ это мгновеніе вдругъ поднялся Митя и какимъ-то раздирающимъ воплемъ прокричалъ, простирая предъ собой руки:

— Клянусь Богомъ и страшнымъ судомъ Его, въ крови отца моего не виновенъ! Катя, прощаю тебѣ! Братья, други, пощадите другую!

Онъ не договорилъ и зарыдалъ на всю залу, въ голосъ, страшно, какимъ-то не своимъ, а новымъ, неожиданнымъ

какимъ-то голосомъ, который Богъ знаетъ откуда вдругъ у него явился. На хорахъ, на верху, въ самомъ заднемъ углу раздался пронзительный женскій вопль: это была Грушенька. Она умолила кого-то еще давеча и ее вновь пропустили въ залу еще предъ началомъ судебныхъ преній. Митю увели. Произнесеніе приговора было отложено до завтра. Вся зала поднялась въ суматохѣ, но я уже не ждалъ и не слушалъ. Запомнилъ лишь нѣсколько восклицаній, уже на крыльцѣ, при выходѣ.

— Двадцать лѣтъ рудничковъ понюхаетъ.

— Не меньше.

— Да-съ, мужички наши за себя постояли.

— И покончили нашего Митеньку!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ЭПИЛОГЪ.

Э П И Л О Г Ъ.

I.

Проекты спасти Митю.

На пятый день послѣ суда надъ Митей, очень рано утромъ, еще въ девятомъ часу, пришелъ къ Катеринѣ Ивановнѣ Алеша, чтобъ сговориться окончательно о нѣкоторомъ важномъ для нихъ обоихъ дѣлѣ и имѣя, сверхъ того, къ ней порученіе. Она сидѣла и говорила съ нимъ въ той самой комнатѣ, въ которой принимала когда-то Грушеньку; рядомъ-же, въ другой комнатѣ, лежалъ въ горячкѣ и въ безпамятствѣ Иванъ Ѳедоровичъ. Катерина Ивановна сейчасъ-же послѣ тогдашней сцены въ судѣ велѣла перенести больного и потерявшаго сознание Ивана Ѳедоровича къ себѣ въ домъ, пренебрегая всякимъ будущимъ и неизбѣжнымъ разговоромъ общества и его осужденіемъ. Одна изъ двухъ родственницъ ея, которыя съ ней проживали, уѣхала тотчасъ-же послѣ сцены въ судѣ въ Москву, другая осталась. Но еслибъ и обѣ уѣхали, Катерина Ивановна не измѣнила бы своего рѣшенія и осталась бы ухаживать за больнымъ и сидѣть надъ нимъ день и ночь. Лѣчили его Варвинскій и Герценштубе; московскій же докторъ уѣхалъ обратно въ Москву отказавшись предрѣчь свое мнѣніе на счетъ возможнаго исхода болѣзни. Оставшіеся доктора хоть и ободряли Катерину Ивановну и Алешу, но видно было, что они не могли еще подать твердой надежды.

Алеша заходилъ къ больному брату по два раза въ день. Но въ этотъ разъ у него было особое, прехлопотливое дѣло и онъ предчувствовалъ какъ трудно ему будетъ заговорить о немъ, а между тѣмъ онъ очень торопился: было у него еще другое неотложное дѣло въ это-же утро въ другомъ мѣстѣ и надо было спѣшить. Они уже съ четверть часа какъ разговаривали. Катерина Ивановна была блѣдна, сильно утомлена и въ тоже время въ чрезвычайномъ болѣзненномъ возбужденіи: она предчувствовала зачѣмъ между прочимъ пришелъ къ ней теперь Алеша.

— О его рѣшеніи не беспокойтесь, проговорила она съ твердою настойчивостью Алешѣ. Тагъ или этагъ, а онъ всетаки придетъ къ этому выходу: онъ долженъ бѣжать! Этотъ несчастный, этотъ герой чести и совѣсти,—не тотъ, не Дмитрій Ѳедоровичъ, а тотъ что за этой дверью лежитъ и что собой за брата пожертвовалъ (съ сверкающими глазами прибавила Катя),—онъ давно уже мнѣ сообщилъ весь этотъ планъ побѣга. Знаете, онъ уже входилъ въ сношенія... Я вамъ уже кой-что сообщила... Видите, это произойдетъ по всей вѣроятности на третьемъ отсюда этапѣ, когда партію ссыльныхъ поведутъ въ Сибирь. О, до этого еще далеко. Иванъ Ѳедоровичъ уже ѣздилъ къ начальнику третьяго этапа. Вотъ только неизвѣстно что будетъ партіоннымъ начальникомъ, да и нельзя это такъ заранѣе узнать. Завтра можетъ быть я вамъ покажу весь планъ въ подробности, который мнѣ оставилъ Иванъ Ѳедоровичъ наканунѣ суда, на случай чего нибудь... Это было въ тотъ самый разъ когда, помните, вы тогда вечеромъ застали насъ въ ссорѣ: онъ еще сходилъ съ лѣстницы, а я, увидя васъ, заставила его воротиться—помните? Вы знаете изъ за чего мы тогда поссорились?

— Нѣтъ, не знаю, сказалъ Алеша.

— Конечно, онъ тогда отъ васъ скрылъ: вотъ именно изъ за этого плана о побѣгѣ. Онъ мнѣ еще за три дня передъ тѣмъ открылъ все главное—вотъ тогда-то мы и начали ссориться и съ тѣхъ поръ всѣ три дня ссорились. Потому поссорились, что когда онъ объявилъ мнѣ, что въ случаѣ осужденія Дмитрій Ѳедоровичъ убѣжить за границу вмѣстѣ съ той тварью, то я вдругъ озлилась,—не скажу вамъ изъ за чего, сама не знаю изъ-за чего... О конечно я за тварь, за эту тварь тогда озлилась, и именно за то, что и она тоже, вмѣстѣ съ Дмитриемъ, бѣжить за границу! воскликнула вдругъ Катерина Ивановна съ задрожавшими отъ гнѣва губами. Иванъ Ѳедоровичъ какъ только увидѣлъ тогда, что я такъ озлилась за эту тварь, то мигомъ и подумалъ, что я къ ней ревную Дмитрія и что стало быть все еще продолжаю любить Дмитрія. Вотъ и вышла тогда первая ссора. Я объясненій дать не захотѣла, просить прощенія не могла; тяжело мнѣ было, что такой человѣкъ могъ заподозрить меня въ прежней любви къ этому... И это тогда, когда я сама, уже давно передъ тѣмъ, прямо сказала ему, что не люблю Дмитрія, а люблю только его одного! Я отъ злости только на эту тварь на него озлилась! Черезъ три дня, вотъ въ тотъ вечеръ когда вы вошли, онъ принесъ ко мнѣ запечатанный конвертъ, чтобъ я распечатала тотчасъ, если съ нимъ что случится. О; онъ предвидѣлъ свою болѣзнь! Онъ открылъ мнѣ, что въ конвертѣ подробности о побѣгѣ, и что въ случаѣ, если онъ умретъ или опасно заболѣетъ, то чтобъ я одна спасла Митю. Тутъ-же оставилъ у меня деньги, почти десять тысячъ,—вотъ тѣ самыя, про которыя прокуроръ, узнавъ отъ кого-то, что онъ посылалъ ихъ мѣнять, упомянулъ въ своей рѣчи. Меня страшно вдругъ поразило, что Иванъ Ѳедоровичъ, все еще ревную меня и все еще убѣжденный, что я

люблю Митю, не покинулъ однако мысли спасти брата и мнѣ же, мнѣ самой довѣрять это дѣло спасенія! О, это была жертва! Нѣтъ, вы такого самопожертвованія не поймете во всей полнотѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ! Я хотѣла было упасть къ ногамъ его въ благоговѣннiи, но какъ подумала вдругъ что онъ сочтетъ это только лишь за радость мою, что спасаютъ Митю (а онъ-бы непременно это подумалъ!) то до того была раздражена лишь одною только возможностью такой несправедливой мысли съ его стороны, что опять раздражилась и вмѣсто того чтобъ цаловать его ноги, сдѣлала опять ему сцену! О, я несчастна! Таковъ мой характеръ—ужасный, несчастный характеръ! О, вы еще увидите: я сдѣлаю, я доведу таки до того, что и онъ броситъ меня для другой, съ которой легче живется, какъ Дмитрій, но тогда... нѣтъ тогда уже я не перенесу, я убью себя! А когда вы вошли тогда, и когда я васъ влигнула, а ему велѣла воротиться, то, какъ вошелъ онъ съ вами, меня до того захватилъ гнѣвъ за ненавистный, презрительный взглядъ, которымъ онъ вдругъ поглядѣлъ на меня, что—помните—я вдругъ закричала вамъ, что это *онъ, онъ одинъ* увѣрилъ меня, что братъ его Дмитрій убійца! Я нарочно наклеветала, чтобъ еще разъ уязвить его, онъ-же никогда, никогда не увѣрялъ меня, что братъ—убійца, напротивъ, въ этомъ я, я сама увѣряла его! О, всему, всему причиной мое бѣшенство! Это я, я и приготовила эту проклятую сцену въ судѣ! Онъ захотѣлъ доказать мнѣ, что онъ благороденъ и что пусть я и люблю его брата, но онъ все-таки не погубитъ его изъ мести и рсвности. Вотъ онъ и вышелъ въ судѣ... Я всему причиной, я одна виновата!

Еще никогда не дѣлала Катя такихъ признаній Алешѣ, и онъ почувствовалъ, что она теперь именно въ той степени невыносимаго страданія, когда самое

гордое сердце съ болью крушить свою гордость и падаетъ побѣжденное горемъ. О, Алеша зналъ и еще одну ужасную причину ея теперешней муки, какъ ни скрывала она ее отъ него во всѣ эти дни, послѣ осужденія Мити; но ему, почему-то было бы слишкомъ больно, еслибъ она до того рѣшилась пасть ницъ, что заговорила бы съ нимъ сама, теперь, сейчасъ, и объ этой причинѣ. Она страдала за свое «предательство» на судѣ и Алеша предчувствовалъ, что совѣсть тянетъ ее повиниться, именно передъ нимъ, передъ Алешей со слезами, со взвизгами, съ истерикой, съ битьемъ объ полъ. Но онъ боялся этой минуты и желалъ пощадить страдающую. Тѣмъ труднѣе становилось порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Онъ опять заговорилъ о Митѣ.

— Ничего, ничего, за него не бойтесь! упрямо и рѣзко начала опять Катя,— все это у него на минуту, я его знаю, я слишкомъ знаю это сердце. Будьте увѣрены, что онъ согласится бѣжать. И главное, это не сейчасъ; будетъ еще время ему рѣшиться. Иванъ Ѳедоровичъ къ тому времени выздоровѣетъ и самъ все поведетъ, такъ что мнѣ ничего не придется дѣлать. Не беспокойтесь, согласится бѣжать. Да онъ ужъ и согласенъ: развѣ можетъ онъ свою тварь оставить? А въ каторгу ее не пустятъ, такъ какже ему не бѣжать? Онъ, главное, васъ боится, боится, что вы не одобрите побѣга съ нравственной стороны, но вы должны ему это великодушно *позволить*, если ужъ такъ необходима тутъ ваша санкція, — съ ядомъ прибавила Катя. Она помолчала и усмѣхнулась:

— Онъ тамъ толкуетъ, принялась она опять, про какіе-то гимны, про крестъ, который онъ долженъ понести, про долгъ какой-то, я помню мнѣ много объ этомъ Иванъ Ѳедоровичъ тогда передавалъ, и еслибъ вы знали какъ онъ говорилъ! — вдругъ съ неудержимымъ чувствомъ воскликнула

Катя, — еслибъ вы знали какъ онъ любилъ этого несчастнаго въ ту минуту, когда мнѣ передавалъ про него, и какъ ненавидѣлъ его можетъ быть въ ту же минуту! А я, о, я выслушала тогда его разсказъ и его слезы съ горделивою усмѣшкою! О, тварь! Это я тварь, я! Это я народила ему горячку! А тотъ, осужденный, — развѣ онъ готовъ на страданіе, — раздражительно закончила Катя, — да и такому-ли страдать? Такіе какъ онъ никогда не страдаютъ!

Какое-то чувство уже ненависти и гадливаго презрѣнія прозвучало въ этихъ словахъ. А между тѣмъ она же его предала. «Чтожь, можетъ потому что такъ чувствуетъ себя предъ нимъ виноватой и ненавидитъ его минутами», подумалъ про себя Алеша. Ему хотѣлось, чтобъ это было только «минутами». Въ послѣднихъ словахъ Кати онъ слышалъ вызовъ, но не поднялъ его.

— Я для того васъ и призвала сегодня, чтобъ вы обѣщались мнѣ сами его уговорить. Или по вашему тоже бѣжать будетъ нечестно, не доблестно, или какъ тамъ... не по христіански что-ли? еще съ пуцимъ вызовомъ прибавила Катя.

— Нѣтъ, ничего. Я ему скажу все... пробормоталъ Алеша. — Онъ васъ зоветъ сегодня къ себѣ, вдругъ брякнулъ онъ, твердо смотря ей въ глаза. Она вся вздрогнула и чуть-чуть отшатнулась отъ него на диванѣ.

— Меня... развѣ это возможно? пролепетала она полбѣднѣвъ.

— Это возможно и должно! настойчиво и весь оживившись началъ Алеша. Ему вы очень нужны, именно теперь. Я не сталъ бы начинать объ этомъ и васъ преждевременно мучить, еслибъ не необходимость. Онъ боленъ, онъ какъ помѣшанный, онъ все проситъ васъ. Онъ не мирится васъ къ себѣ просить, но пусть вы только придете и покаже-

тесъ на порогѣ. Съ нимъ многое совершилось съ того дня. Онъ понимаетъ какъ неисчислимо передъ вами виновенъ. Не прощенья вашего хочетъ: «меня нельзя простить» — онъ самъ говоритъ, а только чтобъ вы на порогѣ показались...

— Вы меня вдругъ... пролепетала Катя, я всѣ дни предчувствовала что вы съ этимъ придете... Я такъ и знала что онъ меня позоветъ!.. Это невозможно!

— Пусть невозможно, но сдѣлайте. Вспомните, онъ въ первый разъ пораженъ тѣмъ какъ васъ оскорбилъ, въ первый разъ въ жизни, никогда прежде не постигалъ этого въ такой полнотѣ! Онъ говоритъ: если она откажетъ придти, то я «во всю жизнь теперь буду несчастливъ». Слышите: каторжный на двадцать лѣтъ собирается еще быть счастливымъ — развѣ это не жалко? Подумайте: вы безвинно погибшаго посѣтите, съ вызовомъ вырвалось у Алеши, — его руки чисты, на нихъ крови нѣтъ! Ради безчисленнаго его страданія будущаго посѣтите его теперь! Придите, проводите во тьму... станьте на порогѣ и только... Вѣдь вы должны, *должны* это сдѣлать! заключилъ Алеша съ немовѣрною силой подчеркнувъ слово «должны».

— Должна, но... не могу, какъ бы простонала Катя, онъ на меня будетъ глядѣть... я не могу.

— Ваши глаза должны встрѣтиться. Какъ вы будете жить всю жизнь если теперь не рѣшитесь?

— Лучше страдать во всю жизнь.

— Вы должны придти, вы *должны* придти, опять умолимо подчеркнулъ Алеша.

— Но почему сегодня, почему сейчасъ... Я не могу оставить больнаго...

— На минуту можете, это вѣдь минута. Если вы не придете, онъ къ ночи заболѣетъ горячкой. Не стану я говорить неправду, сжальтесь!

— Надо мной то сжальтесь, горько упрегнула Катя и заплакала.

— Стало быть придете! твердо проговорилъ Алеша, увидавъ ея слезы. Я пойду скажу ему что вы сейчасъ придете.

— Нѣтъ, ни за что не говорите! испуганно вскрикнула Катя. Я приду, но вы ему впередъ не говорите, потому что я приду, но можетъ быть не войду... Я еще не знаю...

Голосъ ея пресѣкся. Она дышала трудно. Алеша всталъ уходить.

— А если я съ кѣмъ нибудь встрѣчусь? вдругъ тихо проговорила она, вся опять поблѣднѣвъ.

— Для того и нужно сейчасъ чтобъ вы тамъ ни съ кѣмъ не встрѣтились. Никого не будетъ, вѣрно говорю. Мы будемъ ждать,—настойчиво заключилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

II.

На минутку ложь стала правдой.

Онъ поспѣшилъ въ больницу гдѣ теперь лежалъ Митя. На второй день послѣ рѣшенія суда онъ заболѣлъ нервной лихорадкой и былъ отправленъ въ городскую нашу больницу, въ арестантское отдѣленіе. Но врачъ Варвинскій, по просьбѣ Алеши и многихъ другихъ (Хохлаковой, Лизы и проч.), помѣстилъ Митю не съ арестантами, а отдѣльно, въ той самой коморѣ въ которой прежде лежалъ Смердяковъ. Правда, въ концѣ корридора стоялъ часовой, а окно было рѣшетчатое и Варвинскій могъ быть спокоенъ за свою по-блажку, не совсѣмъ законную, но это былъ добрый и сострадательный молодой человѣкъ. Онъ понималъ, какъ тя-

жело такому какъ Митя прямо вдругъ перешагнуть въ общество убійць и мошенниковъ и что къ этому надо сперва привыкнуть. Посѣщенія же родныхъ и знакомыхъ были разрѣшены и докторомъ и смотрителемъ и даже исправникомъ, все подъ рукой. Но въ эти дни посѣтили Митю всего только Алеша да Грушенька. Порывался уже два раза увидѣться съ нимъ Ракитинъ; но Митя настойчиво просилъ Варвинскаго не впускать того.

Алеша засталъ его сидящимъ на койкѣ, въ больничномъ халатѣ, немного въ жару, съ головою обернутой полотенцемъ, смоченнымъ водою съ уксусомъ. Онъ неопредѣленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на вошедшаго Алешу, но во взглядѣ всетаки промелькнулъ какъ бы какой то испугъ.

Вообще съ самаго суда онъ сталъ страшно задумчивъ. Иногда по получасу молчалъ, казалось что то туго и мучительно обдумывая, забывая присутствующаго. Если же выходилъ изъ задумчивости и начиналъ говорить, то заговаривалъ всегда какъ-то внезапно и непремѣнно не о томъ что дѣйствительно ему надо было сказать. Иногда съ страданіемъ смотрѣлъ на брата. Съ Грушенькой ему было какъ будто легче чѣмъ съ Алешей. Правда, онъ съ нею почти и не говорилъ, но чуть только она входила все лицо его озарялось радостью. Алеша сѣлъ молча подлѣ него на койкѣ. Въ этотъ разъ онъ тревожно ждалъ Алешу, но не посмѣлъ ничего спросить. Онъ считалъ согласіе Кати придти невысказаннымъ, и въ тоже время чувствовалъ, что если она не придетъ то будетъ что-то совсѣмъ невозможное. Алеша понималъ его чувства.

— Трифонъ-то, заговорилъ суетливо Митя, Борисычъ-то, говорятъ весь свой постоянный дворъ разворилъ: половицы подымаетъ, доски отдираетъ, всю «галдарею» говорятъ въ щепки разнесъ—все клада ищетъ, вотъ тѣхъ са-

мыхъ денегъ, полторы тысячи, про которыя прокуроръ сказалъ что я ихъ тамъ спряталъ. Какъ пріѣхалъ, такъ говорятъ тотчасъ и пошелъ куралесить. По дѣломъ мошеннику! Сторожъ мнѣ здѣшній вчера рассказалъ; онъ оттудова.

— Слушай, проговорилъ Алеша, она придетъ, но не знаю когда, можетъ сегодня, можетъ на дняхъ, этого не знаю, но придетъ, придетъ, это навѣрно. Митя вздрогнулъ, хотѣлъ было что то вымолвить, но промолчалъ. Извѣстіе страшно на него подѣйствовало. Видно было что ему мучительно хотѣлось бы узнать подробности разговора, но что онъ опять боится сейчасъ спросить: что нибудь жестокое и презрительное отъ Кати, было бы ему какъ ударъ ножомъ въ эту минуту.

— Вотъ что она между прочимъ сказала: чтобъ я непременно успокоилъ твою совѣсть на счетъ побѣга. Если и не выздоровѣетъ къ тому времени Иванъ, то она сама возьмется за это.

— Ты ужь объ этомъ мнѣ говорилъ, раздумчиво замѣтилъ Митя.

— А ты уже Грушѣ пересказалъ, замѣтилъ Алеша.

— Да, сознался Митя. Она сегодня утромъ не придетъ, робко посмотрѣлъ онъ на брата. Она придетъ только вечеромъ. Какъ только я ей вчера сказалъ, что Катя орудуетъ, смолчала; а губы скривились. Прошептала только «пусть ее!» Поняла, что важное. Я не посмѣлъ пытаться дальше. Понимаетъ вѣдь ужь кажется теперь что та любить не меня, а Ивана?

— Такъ-ли? вырвалось у Алеши.

— Пожалуй и не такъ. Только она утромъ теперь не придетъ, поспѣшилъ еще разъ обозначить Митя, я ей одно порученіе далъ... Слушай, братъ Иванъ всѣхъ превзойдетъ. Ему жить, а не намъ. Онъ выздоровѣетъ.

— Представь себѣ, Катя хоть и трепещетъ за него, но почти не сомнѣвается что онъ выздоровѣетъ, сказалъ Алеша.

— Значить убѣждена что онъ умретъ. Это она отъ страху увѣрена что выздоровѣетъ.

— Братъ сложенія сильнаго. И я тоже очень надѣюсь что онъ выздоровѣетъ, тревожно замѣтилъ Алеша.

— Да, онъ выздоровѣетъ. Но та увѣрена что онъ умретъ. Много у ней горя... Наступило молчаніе. Митю мучило что-то очень важное.

— Алеша, я Грушу люблю ужасно, дрожащимъ, полнымъ слезъ голосомъ вдругъ проговорилъ онъ.

— Ее къ тебѣ *туда* не пустятъ, тотчасъ подхватилъ Алеша.

— И вотъ что еще хотѣлъ тебѣ сказать, продолжалъ какимъ-то зазвенѣвшимъ вдругъ голосомъ Митя, — если бить стануть дорогой аль *тамъ*, то я не дамся, я убью и меня разстрѣляютъ. И это двадцать вѣдь лѣтъ! Здѣсь ужь *ты* начинаютъ говорить. Сторожа мнѣ *ты* говорятъ. Я лежалъ и сегодня всю ночь судилъ себя: не готовъ! Не въ силахъ принять! Хотѣлъ «гимнъ» запѣть, а сторожевскаго тыканья не могу осилить! За Грушу бы все перенесъ, все... кромѣ, впрочемъ побой... Но ее *туда* не пустятъ.

Алеша тихо улыбнулся.

— Слушай, братъ, разъ навсегда, сказалъ онъ,—вотъ тебѣ мои мысли на этотъ счетъ. И вѣдь ты знаешь, что я не солгу тебѣ. Слушай же: ты не готовъ и не для тебя такой крестъ. Мало того: и не нуженъ тебѣ, не готовому, такой великомученическій крестъ. Еслибъ ты убилъ отца, я бы сожалѣлъ, что ты отвергаешь свой крестъ. Но ты невиненъ и такого креста слишкомъ для тебя много. Ты хотѣлъ мукой возродить въ себѣ другаго человѣка; по моему помни

только всегда, во всю жизнь и куда бы ты не убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ — и вотъ съ тебя и довольно. То что ты не принялъ большой крестной муки, послужить только къ тому, что ты ощутишь въ себѣ еще бѣльшій долгъ и этимъ непрерывнымъ ощущеніемъ впредь, во всю жизнь, поможешь своему возрожденію можетъ быть болѣе чѣмъ еслибъ пошелъ *туда*. Потому что тамъ ты не перенесешь и возропщешь и можетъ быть впрямь, наконецъ, скажешь: «Я сквитался.» Адвокатъ въ этомъ случаѣ правду сказалъ. Не всѣмъ бремена тяжкія, для иныхъ они невозможны... Вотъ мои мысли если онѣ такъ тебѣ нужны. Еслибъ за побѣгъ твой остались въ отвѣтѣ другіе: офицеры, солдаты, то я бы тебѣ «не позволилъ» бѣжать,—улыбнулся Алеша. Не говорятъ и увѣряютъ (самъ этотъ этапный Ивану говорилъ) что большаго взыску, при умѣнїи, можетъ и не быть и что отдѣлаться можно пустяками. Конечно, подкупать нечестно даже и въ этомъ случаѣ, но тутъ уже я судить ни за что не возьмусь, потому собственно, что еслибъ мнѣ, напримѣръ, Иванъ и Батя поручили въ этомъ дѣлѣ для тебя орудовать, то я, знаю это, пошелъ бы и подкупилъ; это я долженъ тебѣ всю правду сказать. А потому я тебѣ не судья въ томъ какъ ты самъ поступишь. Но знай что и тебя не осужу никогда. Да и странно какъ бы могъ я быть въ этомъ дѣлѣ твоимъ судьей? Ну, теперь я, кажется, все разсмотрѣлъ.

— Но за то я себя осужу! воскликнулъ Митя. Я убѣгу, это и безъ тебя рѣшено было: Митька Карамазовъ развѣ можетъ не убѣжать? Но зато тебя осужу и тамъ буду замаливать грѣхъ во вѣки! Вѣдь этакъ іезуиты говорятъ, этакъ? Вотъ какъ мы теперь съ тобой, а?

— Этакъ, тихо улыбнулся Алеша.

— Люблю я тебя за то что ты всегда всю цѣльную правду скажешь и ничего не утаишь! радостно смѣясь вос-

кликнулъ Митя: Значить я Алешку моего іезуитомъ поймалъ! Расцаловать тебя всего надо за это, вотъ что! Ну, слушай же теперь и остальное, разверну тебѣ и остальную половину души моей. Вотъ что я выдумалъ и рѣшилъ: Если я и убѣгу, даже съ деньгами и паспортомъ и даже въ Америку, то меня еще ободряетъ та мысль что не на радость убѣгу, не на счастье, а во истину на другую каторгу не хуже можетъ быть этой! Не хуже, Алексѣй, во истину говорю что не хуже! Я эту Америку, чортъ ее дери, уже теперь ненавижу. Пусть Груша будетъ со мной, но посмотри на нее: ну Американка-ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной землѣ затоскуетъ и я буду видѣть каждый часъ, что это она для меня тоскуетъ, для меня такой крестъ взяла, а чѣмъ она виновата? А я то развѣ вынесу тамошнихъ смердовъ, хоть они можетъ быть всѣ до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку ужъ теперь! И хоть будь они тамъ всѣ до одинаго машинисты необъятные какіе, али что — чортъ съ ними, не мои они люди, не моей души! Россію люблю, Алексѣй, русскаго Бога люблю, хоть я самъ и подлець! Да я тамъ издохну! воскликнулъ онъ вдругъ засверкавъ глазами. Голось его задрожалъ отъ слезъ.

— Ну такъ вотъ какъ я рѣшилъ Алексѣй, слушай! началъ онъ опять подавивъ волненіе: съ Грушей туда пріѣдемъ—и тамъ тотчасъ пахать, работать, съ дикими медвѣдями, въ уединеніи, гдѣ нибудь подальше. Вѣдь и тамъ же найдется какое нибудь мѣсто подальше! Тамъ, говорятъ, есть еще краснокожіе, гдѣ то тамъ у нихъ на краю горизонта, ну такъ вотъ въ тотъ край, къ послѣднимъ Могиканамъ. Ну и тотчасъ за грамматику, я и Груша. Работа и грамматика, и такъ чтобы года три. Въ эти три года аглицкому языку научимся какъ самые что ни на есть Анг-

личане. И только что выучимся—конецъ Америкѣ! Бѣжимъ сюда, въ Россію, американскими гражданами. Не безпокойся, сюда въ городишко не явимся. Спрячемся куда нибудь подальше, на сѣверъ, али на югъ. Я къ тому времени измѣнюсь, она тоже, тамъ, въ Америкѣ, мнѣ докторъ какую-нибудь бородавку поддѣлаеть, не даромъ же они механики. А нѣтъ, такъ я себѣ одинъ глазъ проколю, бороду отпущу въ аршинъ, сѣдую (по Россіи-то посѣдью)—авось не узнаютъ. А узнаютъ, пусть ссылаютъ, все равно, значить не судьба! Здѣсь тоже будемъ гдѣ нибудь въ глуши землю пахать, а я всю жизнь американца изъ себя представлять буду. За то помремъ на родной землѣ. Вотъ мой планъ и сіе непременно. Одобряешь?

— Одобряю, сказалъ Алеша, не желая ему противорѣчить.

Митя на минуту смолкъ и вдругъ проговорилъ:

— А какъ они въ судѣ то подвели? Вѣдь какъ подвели!

— Еслибъ и не подвели, все равно тебя-бъ осудили, проговорилъ вздохнувъ Алеша.

— Да, надоѣлъ здѣшней публикѣ! Богъ съ ними, а тяжело! со страданіемъ простоналъ Митя. Опять на минуту смолгли.

— Алеша, зарѣжь меня сейчасъ! — воскликнулъ онъ вдругъ: придетъ она сейчасъ или нѣтъ, говори! Что сказала? Какъ сказала?

— Сказала, что придетъ, но не знаю сегодня ли. Трудно вѣдь ей!—робко посмотрѣлъ на брата Алеша.

— Ну еще бы же нѣтъ, еще бы не трудно! Алеша, я на этомъ съ ума сойду. Груша на меня все смотритъ. Понимаетъ. Боже, Господи, смири меня: чего требую? Катю требую! Смыслу ли чего требую? Безудержъ Карамазовскій, нечестивый! Нѣтъ, къ страданію я не способенъ! Подлецъ и все сказано!

— Вотъ она! воскликнулъ Алеша.

Въ этотъ мигъ на порогъ вдругъ появилась Катя. На мгновеніе она пріостановилась, какимъ то потеряннымъ взглядомъ озирая Митю. Тотъ стремительно вскочилъ на ноги, лицо его выразило испугъ, онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же робкая, просящая улыбка замелькала на его губахъ и онъ вдругъ, неудержимо, протянулъ къ Катѣ обѣ руки. Завидѣвъ это, та стремительно къ нему бросилась. Она схватила его за руки и почти силой усадила на постель, сама сѣла подлѣ, и, все не выпуская рукъ его, крѣпко, судорожно сжимала ихъ. Нѣсколько разъ оба порывались что-то сказать, но останавливались и опять молча, пристально, какъ бы приговарившись, съ странною улыбкой смотрѣли другъ на друга; такъ прошло минуты двѣ.

— Простила или нѣтъ? пролепеталъ наконецъ Митя, и въ тотъ же мигъ, повернувшись къ Алешѣ, съ искаженнымъ отъ радости лицомъ прокричалъ ему:

— Слышишь что спрашиваю, слышишь!

— За то и любила тебя что ты сердцемъ великодушень! вырвалось вдругъ у Кати. Да и не надо тебѣ мое прощеніе, а мнѣ твое; все равно, простишь аль нѣтъ на всю жизнь въ моей душѣ язвой останешься, а я въ твоей — такъ и надо... она остановилась перевести духъ.

— Я для чего пришла? изступленно и торопливо начала она опять: ноги твои обнять, руки сжать, вотъ такъ до боли, помнишь какъ въ Москвѣ тебѣ сжимала, — опять сказать тебѣ что ты богъ мой, радость моя, сказать тебѣ что безумно люблю тебя, — какъ бы простонала она въ мигъ и вдругъ жадно приняла устами къ рукѣ его. Слезы хлынули изъ ея глазъ. Алеша стоялъ безмолвный и смущенный; онъ никакъ не ожидалъ того что увидѣлъ.

— Любовь прошла Митя! начала опять Катя, — но до-

рого до боли мнѣ то, что прошло. Это узнай на вѣкъ. Но теперь, на одну минутку, пусть будетъ то, что могло бы быть, съ искривленною улыбкой пролепетала она, опять радостно смотря ему въ глаза. — И ты теперь любишь другую и я другаго люблю, а всетаки тебя вѣчно буду любить, а ты меня, зналъ ли ты это? Слышишь, люби меня, всю твою жизнь люби! — воскликнула она съ какимъ-то почти угрожающимъ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Буду любить и... знаешь Катя, — переводя духъ на каждомъ словѣ заговорилъ и Митя, — знаешь, я тебя, пять дней тому, въ тотъ вечеръ любилъ... Когда ты упала и тебя понесли... Всю жизнь! Такъ и будетъ, такъ вѣчно будетъ...

Такъ оба они лепетали другъ другу рѣчи почти бессмысленныя и изступленныя, можетъ быть даже и неправдивыя, но въ эту-то минуту все было правдой, и сами они вѣрили себѣ беззавѣтно.

— Катя, воскликнулъ вдругъ Митя, вѣришь что я убилъ? Знаю, что теперь не вѣришь, но тогда... когда показывала... Неужто, неужто вѣрила!

— И тогда не вѣрила! Никогда не вѣрила! Ненавидѣла тебя и вдругъ себя увѣрила, вотъ на тотъ мигъ... Когда показывала... увѣрила и вѣрила... а когда кончила показывать тотчасъ опять перестала вѣрить. Знай это все. Я забыла, что я себя казнить пришла! — съ какимъ-то вдругъ совсѣмъ новымъ выраженіемъ проговорила она, совсѣмъ непохожимъ на недавній, сейчашній любовный лепетъ.

— Тяжело тебѣ, женщина! какъ-то совсѣмъ безудержно вырвалось вдругъ у Мити.

— Пусти меня, прошептала она, я еще приду, теперь тяжело!...

Она поднялась-было съ мѣста, но вдругъ громко вскрик-

нула и отшатнулась назадъ. Въ комнату внезапно, хотя и совсѣмъ тихо, вошла Грушенька. Никто ея не ожидалъ. Батя стремительно шагнула къ дверямъ, но поровнявшись съ Грушенькой вдругъ остановилась, вся побѣлѣла какъ мѣль и тихо, почти шепотомъ, простонала ей:

— Простите меня!

Та посмотрѣла на нее въ упоръ и, переждавъ мгновение, ядовитымъ, отравленнымъ злобой голосомъ отвѣтила:

— Злы мы, мать, съ тобой! Обѣ злы! Гдѣ ужъ намъ простить, тебѣ да мнѣ? Вотъ спаси его, и всю жизнь молиться на тебя буду.

— А простить не хочешь! Прокричалъ Митя Грушенькѣ, съ безумнымъ упрекомъ.

— Будь покойна, спасу его тебѣ? быстро прошептала Катя и выбѣжала изъ комнаты.

— И ты могла не простить ей, послѣ того, какъ она сама же сказала тебѣ: «прости»? горько воскликнулъ опять Митя.

— Митя, не смѣй ее упрекать, права не имѣешь! горячо крикнулъ на брата Алеша.

— Уста ея говорили гордыя, а не сердце, съ какимъ-то омерзениемъ произнесла Грушенька. Избавить тебя—все прощу...

Она замолкла какъ бы что задавивъ въ душѣ. Она еще не могла опомниться. Вошла она, какъ оказалось потомъ, совсѣмъ нечаянно, вовсе ничего не подозревая и не ожидая встрѣтить что встрѣтила.

— Алеша, бѣги за ней! стремительно обратился къ брату Митя, скажи ей... не знаю что... не дай ей такъ уйти!

— Приду къ тебѣ передъ вечеромъ! крикнулъ Алеша и побѣжалъ за Катей. Онъ нагналъ ее уже внѣ больницы

ограды. Она шла скоро, спѣшила, но какъ только нагналъ ее Алеша, быстро проговорила ему:

— Нѣтъ, передъ этой не могу казнить себя! Я сказала ей: «прости меня», потому что хотѣла казнить себя до конца. Она не простила... Люблю ее за это!—искаженнымъ голосомъ прибавила Катя и глаза ея свергнули дикою злобой.

— Братъ совсѣмъ не ожидалъ, пробормоталъ было Алеша, —онъ былъ увѣренъ что она не придетъ...

— Безъ сомнѣнiя. Оставимъ это, отрѣзала она.—Слушайте: Я съ вами туда на похороны идти теперь не могу. Я послала имъ на гробикъ цвѣтовъ. Деньги еще есть у нихъ кажется. Если надо будетъ скажите что въ будущемъ я никогда ихъ не оставляю... Ну теперь оставьте меня, оставьте пожалуйста. Вы ужь туда опоздали, къ поздней обѣднѣ звонять... Оставьте меня пожалуйста!

III.

Похороны Илюшечки. Рѣчь у камня.

Дѣйствительно онъ опоздалъ. Его ждали и даже уже рѣшились безъ него нести хорошенькiй, разубранный цвѣтами гробикъ, въ церковь. Это былъ гробъ Илюшечки, бѣднаго мальчика. Онъ скончался два дня спустя послѣ приговора Мити. Алеша еще у воротъ дома былъ встрѣченъ криками мальчиковъ, товарищей Илюшиныхъ. Они всѣ съ нетерпѣнiемъ ждали его и обрадовались что онъ наконецъ пришелъ. Всѣхъ ихъ собралось человѣкъ двѣнадцать, всѣ пришли со своими ранчиками и сумочками черезъ плечо. «Папа плакать будетъ, будьте съ папой»,—завѣщалъ имъ Илюша умирая, и мальчики это запомнили. Во главѣ ихъ былъ Коля Красоткинъ.

— Какъ я радъ что вы пришли, Карамазовъ! воскликнулъ онъ протягивая Алешѣ руку. Здѣсь ужасно. Право тяжело смотрѣть. Снегиревъ не пьянъ, мы знаемъ навѣрно что онъ ничего сегодня не пилъ, а какъ будто пьянъ... Я твердъ всегда, но это ужасно. Карамазовъ, если не задержу васъ, одинъ бы только еще вопросъ, прежде чѣмъ вы войдете?

— Что такое Коля? приостановился Алеша.

— Невиненъ вашъ братъ или виновенъ? Онъ отца убилъ или лакей? Какъ скажете такъ и будетъ. Я четыре ночи не спалъ отъ этой идеи.

— Убилъ лакей, а братъ невиненъ, отвѣтилъ Алеша.

— И я тоже говорю! прокричалъ вдругъ мальчикъ Смуровъ.

— Итакъ онъ погибнетъ невинною жертвой за правду! воскликнулъ Коля.—Хоть онъ и погибъ, но онъ счастливъ! Я готовъ ему завидовать!

— Что вы это, какъ это можно, и зачѣмъ? воскликнулъ удивленный Алеша.

— О, еслибъ и я могъ хоть когда нибудь принести себя въ жертву за правду, съ энтузіазмомъ проговорилъ Коля.

— Но не въ такомъ же дѣлѣ, не съ такимъ же позоромъ, не съ такимъ же ужасомъ! сказалъ Алеша.

— Конечно... я желалъ бы умереть за все человѣчество, а что до позора, то все равно: да погибнуть наши имена. Вашего брата я уважаю!

— И я тоже! вдругъ и уже совсѣмъ неожиданно выкрикнулъ изъ толпы тотъ самый мальчикъ, который когда то объявилъ что знаетъ кто основалъ Трою, и, крикнувъ, точно также какъ и тогда, весь покраснѣлъ до ушей какъ щюль.

Алеша вошелъ въ комнату. Въ голубомъ, убранномъ бѣлымъ рюшемъ гробъ лежалъ сложивъ ручки и закрывъ глазки Илюша. Черты исхудалаго лица его совсѣмъ почти не измѣнились и, странно, отъ трупа почти не было запаха. Выраженіе лица было серьезное и какъ бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенные на крестъ, точно вырѣзанныя изъ мрамора. Въ руки ему вложили цвѣтовъ, да и весь гробъ былъ уже убранъ снаружи и внутри цвѣтами, присланными чѣмъ свѣтъ отъ Лизы Хохлаковой. Но прибыли и еще цвѣты отъ Катерины Ивановны, и когда Алеша отворилъ дверь, штабсъ-капитанъ съ пучкомъ цвѣтовъ въ дрожащихъ рукахъ своихъ, обсыпалъ ими снова своего дорогаго мальчика. Онъ едва взглянулъ на вошедшаго Алешу, да и ни на кого не хотѣлъ глядѣть, даже на плачущую, помѣшанную жену свою, свою «мамочку», которая все старалась приподняться на свои больныя ноги и заглянуть поближе на своего мертваго мальчика. Ниночку же дѣти приподняли съ ея стуломъ и придвинули вплотъ къ гробу. Она сидѣла прижавшись къ нему своею головой и тоже должно быть тихо плакала. Лицо Снегирева имѣло видъ оживленный, но какъ бы растерянный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ожесточенный. Въ жестахъ его, въ вырвавшихся словахъ его было что-то полоумное. «Батюшка, милый батюшка!» восклицалъ онъ поминутно смотря на Илюшу. У него была привычка еще когда Илюша былъ въ живыхъ говорить ему ласкаючи: «батюшка, милый батюшка!»

— Папочка, дай и мнѣ цвѣточковъ, возьми изъ его ручки, вотъ этотъ бѣленькій, и дай! всхлипывая попросила помѣшанная «мамочка». Или ужъ ей такъ понравилась маленькая бѣленькая роза, бывшая въ рукахъ Илюши, или то, что она изъ его рукъ захотѣла взять цвѣтокъ на

память, но она вся такъ и заметалась протягивая за цвѣт-комъ руки.

— Никому не дамъ, ничего не дамъ! жестокосердно воскликнулъ Снегиревъ. Его цвѣточки, а не твои. Все его, ничего твоего!

— Папа, дайте мамѣ цвѣтокъ! подняла вдругъ свое смоченное слезами лицо Ниночка.

— Ничего не дамъ, а ей пуце не дамъ! Она его не любила. Она у него тогда пушечку отняла, а онъ ей по-да-рилъ, вдругъ въ голосъ прорыдалъ штабсъ-капитанъ при воспоминаніи о томъ какъ Илюша уступилъ тогда свою пушечку мамѣ. Бѣдная помѣшанная такъ и залилась вся тихимъ плачемъ, закрывъ лицо руками. Мальчики, видя наконецъ что отецъ не выпускаетъ гробъ отъ себя, а между тѣмъ пора нести, вдругъ обступили гробъ тѣсною кучкой и стали его подымать.

— Не хочу въ оградѣ хоронить! возопилъ вдругъ Снегиревъ, у камня похороню, у нашего камушка! Такъ Илюша велѣлъ. Не дамъ нести!

Онъ и прежде, всѣ три дня говорилъ, что похоронить у камня; но вступились Алеша, Красоткинъ, квартирная хозяйка, сестра ея, всѣ мальчики.

— Вишь что выдумалъ, у камня поганого хоронить, точно бы удушенника, строго проговорила старуха-хозяйка.— Тамъ въ оградѣ земля со крестомъ. Тамъ по немъ молиться будутъ. Изъ церкви пѣніе слышно, а дьяконъ такъ чисторѣчиво и словесно читаетъ, что все до него каждый разъ долетитъ, точно бы надъ могилкой его читали.

Штабсъ-капитанъ замахалъ наконецъ руками: «Несите дескать, куда хотите!» Дѣти подняли гробъ, но пронося мимо матери остановились предъ ней на минутку и опустили его чтобъ она могла съ Илюшей проститься. Но увидавъ вдругъ

это дорогое личико вблизи, на которое всё три дня смотрѣла лишь съ нѣкотораго разстоянія, она вдругъ вся затряслась и начала истерически дергать надъ гробомъ своею съдою головой взадъ и впередъ.

— Мама окрести его, благослови его, поцалуй его, прокричала ей Ниночка. Но та какъ автоматъ все дергалась своею головой и безмолвно, съ искривленнымъ отъ жгучаго горя лицомъ, вдругъ стала бить себя кулакомъ въ грудь. Гробъ понесли дальше. Ниночка въ послѣдній разъ прильнула губами къ устамъ покойнаго брата, когда проносили мимо нея. Алеша, выходя изъ дому, обратился было къ квартирной хозяйкѣ съ просьбой присмотрѣть за оставшимися, но та и договорить не дала:

— Знамо дѣло, при нихъ буду, христіане и мы тоже. Старуха говоря это плакала. Нести до церкви было не далеко, шаговъ триста, не болѣе. День сталъ ясный, тихій; морозило, но немного. Благовѣстный звонъ еще раздавался. Снегиревъ суетливо и растерянно бѣжалъ за гробомъ въ своемъ старенькомъ, коротенькомъ, почти лѣтнемъ пальтишкѣ, съ непокрытою головой и съ старою, широкополою, мягкою шляпой въ рукахъ. Онъ былъ въ какой-то неразрѣшимой заботѣ, то вдругъ протягивалъ руку чтобъ поддержать изголовье гроба и только мѣшалъ несущимъ, то забѣгалъ сбоку и искалъ гдѣ-бы хоть тутъ пристроиться. Упалъ одинъ цвѣтокъ на снѣгъ и онъ такъ и бросился подымать его, какъ будто отъ потери этого цвѣтка Богъ знаетъ что зависѣло.

— А корочку-то, корочку-то забыли, вдругъ воскликнулъ онъ въ страшномъ испугѣ. Но мальчики тотчасъ напомнили ему, что корочку хлѣбца онъ уже захватилъ еще давеча и что она у него въ карманѣ. Онъ мигомъ выдернулъ ее изъ кармана и, удостовѣрившись, успокоился.

— Илюшечка велѣлъ, Илюшечка, — пояснилъ онъ тотчасъ Алешѣ; лежалъ онъ ночью, а я подлѣ сидѣлъ и вдругъ приказалъ: «Папочка, когда засыплють мою могилку, покроши на ней корочку хлѣбца чтобъ воробушки прилетали, я услышу что они прилетѣли и мнѣ весело будетъ что я не одинъ лежу».

— Это очень хорошо, сказалъ Алеша, надо чаще носить.

— Каждый день, каждый день! залепеталъ штабсъ-капитанъ какъ-бы весь оживившись.

Прибыли наконецъ въ церковь и поставили посреди ея гробъ. Всѣ мальчики обступили его кругомъ и чинно простояли такъ всю службу. Церковь была древняя и довольно бѣдная, много иконъ стояло совсѣмъ безъ окладовъ, но въ такихъ церквахъ какъ-то лучше молишься. За обѣдней Снегиревъ какъ-бы нѣсколько попритихъ, хотя временами все-таки прорывалась въ немъ та же бессознательная и какъ-бы сбитая съ толку озабоченность: то онъ подходилъ къ гробу оправлять покровъ, вѣнчикъ; то когда упала одна свѣчка изъ подсвѣчника, вдругъ бросился вставлятъ ее и ужасно долго съ ней провозился. Затѣмъ уже успокоился и сталъ смиренно у пзголовья съ тупо-озабоченнымъ и какъ-бы недоумѣвающимъ лицомъ. Послѣ апостола онъ вдругъ шепнулъ стоявшему подлѣ его Алешѣ, что апостола *не такъ* читали, но мысли своей однако не разъяснилъ. За херувимской принялся было подпѣвать, но не докончилъ и опустившись на колѣна прильнулъ лбомъ къ каменному церковному полу и пролежалъ такъ довольно долго. Наконецъ приступили къ отпѣванію, роздали свѣчи. Обезумѣвшій отецъ засуетился было опять, но умилительное, потрясающее надгробное пѣніе пробудило и сотрясло его душу. Онъ какъ-то вдругъ весь съежился и началъ часто, укороченно

рыдать, сначала тая голось, а подь конецъ громко всхлипывая. Когда же стали прощаться и накрывать гробъ, онъ обхватилъ его руками, какъ-бы не давая накрыть Илюшечку и началъ часто, жадно, не отрываясь цаловать въ уста своего мертваго мальчика. Его наконецъ уговорили и уже свели было со ступеньки, но онъ вдругъ, стремительно протянулъ руку и захватилъ изъ гробика нѣсколько цвѣтковъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ и какъ-бы новая какая идея осѣнила его, такъ что о главномъ онъ словно забылъ на минуту. Мало по малу онъ какъ-бы впалъ въ задумчивость и уже не сопротивлялся когда подняли и понесли гробъ къ могилкѣ. Она была недалеко, въ оградѣ, у самой церкви, дорогая; заплатила за нее Катерина Ивановна. Послѣ обычнаго обряда, могильщики гробъ опустили. Снегиревъ до того нагнулся, съ своими цвѣточками въ рукахъ, надъ открытою могилой что мальчижки, въ испугѣ, уцѣпились за его пальто и стали тянуть его назадъ. Но онъ какъ-бы уже не понималъ хорошо что совершается. Когда стали засыпать могилу онъ вдругъ озабоченно сталъ указывать на валившуюся землю и начиналъ даже что-то говорить, но разобрать никто ничего не могъ, да и онъ самъ вдругъ утихъ. Тутъ напомнили ему что надо покрошить корочку и онъ ужасно заволновался, выхватилъ корку и началъ щипать ее разбрасывая по могилкѣ кусочки: «Вотъ и прилетайте птички, вотъ и прилетайте воробушки!»—бормоталъ онъ озабоченно Кто-то изъ мальчиковъ замѣтилъ-было ему что съ цвѣтами въ рукахъ ему неловко щипать и чтобъ онъ на время далъ ихъ кому поддержать. Но онъ не далъ, даже вдругъ испугался за свои цвѣты, точно ихъ хотѣли у него совсѣмъ отнять и, поглядѣвъ на могилку и какъ-бы удостовѣрившись что все уже сдѣлано, кусочки покрошены, вдругъ, неожиданно и совсѣмъ даже спокойно повернулся и побрелъ до-

мой. Шагъ его однако становился все чаще и уторопленнѣе, онъ спѣшилъ, чуть не бѣжалъ. Мальчики и Алеша отъ него не отставали.

— Мамочкѣ цвѣточковъ, мамочкѣ цвѣточковъ! Обидѣли мамочку, началъ онъ вдругъ восклицать. Кто-то крикнулъ ему чтобъ онъ надѣлъ шляпу, а то теперь холодно, но, услышавъ, онъ, какъ-бы въ злобѣ, шваркнулъ шляпу на снѣгъ и сталъ приговаривать: «не хочу шляпу, не хочу шляпу!» Мальчикъ Смуровъ поднялъ ее и понесъ за нимъ. Всѣ мальчики до единого плакали, а пуще всѣхъ Коля и мальчикъ открывшій Трою и хотъ Смуровъ, съ капитанскою шляпой въ рукахъ тоже ужасно какъ плакалъ, но успѣлъ таки, чуть не на бѣгу, захватить обломокъ кирпичика, краснѣвшій на снѣгу дорожки, чтобъ метнуть имъ въ быстро пролетѣвшую стаю воробушковъ. Конечно не попалъ и продолжалъ бѣжать плача. На половинѣ дорогѣ Снегиревъ внезапно остановился, постоялъ съ полминуты какъ-бы чѣмъ-то пораженный и вдругъ, поворотивъ назадъ къ церкви, пустился бѣгомъ къ оставленной могилкѣ. Но мальчики мигомъ догнали его и уцѣпились за него со всѣхъ сторонъ. Тутъ онъ, какъ въ безсиліи, какъ сраженный палъ на снѣгъ и бѣясь, вопія и рыдая началъ выкрикивать: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка!» Алеша и Коля стали поднимать его, упрашивать и уговаривать.

— Капитанъ, полноте, мужественный человѣкъ обязанъ переносить,—бормоталъ Коля.

— Цвѣты-то вы испортите, проговорилъ и Алеша, а «мамочка» ждетъ ихъ, она сидитъ—плачетъ что вы давеча ей не дали цвѣтовъ отъ Илюшечки. Тамъ постелька Илюшина еще лежитъ...

— Да, да, къ мамочкѣ! вспомнилъ вдругъ опять Снегиревъ, постельку уберутъ, уберутъ! прибавилъ онъ какъ бы

въ испугѣ что и въ самомъ дѣлѣ уберутъ, вскочилъ и опять побѣжалъ домой. Но было уже недалеко и всѣ прибѣжали вмѣстѣ. Снегиревъ стремительно отворилъ дверь и завопилъ женѣ съ которою давеча такъ жестокосердно поссорился:

— Мамочка, дорогая, Илюшечка цвѣточковъ тебѣ прислалъ, ножки твои больныя! прокричалъ онъ, протягивая ей пучечекъ цвѣтовъ, померзшихъ и поломанныхъ когда онъ бился сейчасъ объ снѣгъ. Но въ это самое мгновеніе увидѣлъ онъ передъ постелькой Илюши, въ уголку, Илюшины сапожки, стоявшіе оба рядышкомъ, только что прибранные хозяйкой квартиры,—старенькіе, порыжѣвшіе, закорузлые сапожки, съ заплатками. Увидавъ ихъ онъ поднялъ руки и такъ и бросился къ нимъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цаловать его выкрикивая: «Батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?

— Куда ты его унесъ? Куда ты его унесъ? раздрающимъ голосомъ завопила помѣшанная. Тутъ ужъ зарыдала и Ниночка. Коля выбѣжалъ изъ комнаты, за нимъ стали выходить и мальчики. Вышелъ наконецъ за ними и Алеша: «Пусть переплачутъ, сказалъ онъ Колѣ, тутъ ужъ конечно нельзя утѣшать. Переждемъ минутку и воротимся».

— Да, нельзя, это ужасно, подтвердилъ Коля. Знаете Карамазовъ, понизилъ онъ вдругъ голосъ чтобъ никто не слышалъ: Мнѣ очень грустно и еслибъ только можно было его воскресить, то я бы отдалъ все на свѣтѣ!

— Ахъ и я тоже, сказалъ Алеша.

— Какъ вы думаете, Карамазовъ, приходитъ намъ сюда сегодня вечеромъ? Вѣдь онъ напьется.

— Можетъ быть и напьется. Придемъ мы съ вами только вдвоемъ, вотъ и довольно, чтобъ посидѣть съ ними часокъ, съ матерью и съ Ниночкой, а если всѣ придемъ

разомъ, то имъ опять все напомнимъ, посовѣтоваль Алеша.

— Тамъ у нихъ теперь хозяйка столъ накрываетъ,—эти поминки что ли будутъ, попъ придетъ; возвращаться намъ сейчасъ туда, Карамазовъ, иль нѣтъ?

— Непремѣнно, сказалъ Алеша.

— Странно все это, Карамазовъ, такое горе и вдругъ какіе то блины, какъ это все неестественно по нашей религіи!

— У нихъ тамъ и семга будетъ, громко замѣтилъ вдругъ мальчикъ открывшій Трою.

— Я васъ серіозно прошу, Карташовъ, не вмѣшиваться болѣе съ вашими глупостями, особенно когда съ вами не говорятъ и не хотятъ даже знать есть ли вы на свѣтѣ, раздражительно отрѣзалъ въ его сторону Коля. Мальчикъ такъ и вспыхнулъ, но отвѣтить ничего не осмѣлился. Между тѣмъ всѣ тихонько брели по тропинкѣ и вдругъ Смуровъ воскликнулъ:

— Вотъ Илюшинъ камень, подъ которымъ его хотѣли похоронить!

Всѣ молча остановились у большаго камня. Алеша по-смотрѣлъ и цѣлая картина того что Снегиревъ разсказывалъ когда-то объ Илюшечкѣ, какъ тотъ, плача и обнимая отца, восклицалъ: «Папочка, папочка, какъ онъ унизилъ тебя»! — разомъ представилась его воспоминанію. Что-то какъ бы сотряслось въ его душѣ. Онъ съ серіознымъ и важнымъ видомъ обвелъ глазами всѣ эти милыя, свѣтлыя лица школьниковъ, Илюшиныхъ товарищей, и вдругъ сказалъ имъ:

— Господа, мнѣ хотѣлось бы вамъ сказать здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчасъ устремили на него пристальные, ожидающіе взгляды.

—Господа, мы скоро разстанемся. Я теперь пока нѣ-
скольго времени съ двумя братьями, изъ которыхъ одинъ
пойдетъ въ ссылку, а другой лежитъ при смерти. Но ско-
ро я здѣшній городъ покину, можетъ быть очень на долго.
Вотъ мы и разстанемся, господа. Согласимся же здѣсь, у
Илюшина камушка, что не будемъ никогда забывать — во
первыхъ Илюшечку, а во вторыхъ другъ объ другѣ. И что-
бы тамъ ни случилось съ нами потомъ въ жизни, хотя бы
мы и двадцать лѣтъ потомъ не встрѣчались,—всетаки бу-
демъ помнить о томъ какъ мы хоронили бѣднаго мальчика,
въ котораго прежде бросали камни, помните тамъ у мости-
ка-то?—а потомъ такъ всѣ его полюбили. Онъ былъ слав-
ный мальчикъ, добрый и храбрый мальчикъ, чувствовалъ
честь и горькую обиду отцовскую, за которую и возсталъ.
И такъ, во первыхъ, будемъ помнить его, господа, во всю
нашу жизнь. И хотя бы мы были заняты самыми важными
дѣлами, достигли почестей или впади бы въ какое великое
несчастье,—все равно не забывайте никогда какъ намъ было
разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ
хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на
это время любви нашей къ бѣдному мальчику можетъ быть
лучшими чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ. Голубчики мои,—
дайте я васъ такъ назову—голубчиками, потому что вы
всѣ очень похожи на нихъ, на этихъ хорошенькихъ сизыхъ
птичекъ, теперь въ эту минуту какъ я смотрю на ваши
добрыя, милыя лица,—милыя мои дѣточки, можетъ быть вы
не поймете что я вамъ скажу, потому что я говорю часто
очень непонятно, но вы всетаки запомните и потомъ когда-
нибудь согласитесь съ моими словами. Знайте же что ни-
чего нѣтъ выше, и сильнѣе, и здоровѣе, и полезнѣе впредь
для жизни, какъ хорошее какое-нибудь воспоминаніе, и осо-
бенно вынесенное еще изъ дѣтства, изъ родительскаго дома.

Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминаніе сохраненное съ дѣтства, можетъ быть самое лучшее воспитаніе и есть. Если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминаніе при насъ останется въ нашемъ сердцѣ, то и то можетъ послужить когда-нибудь намъ во спасеніе. Можетъ быть мы станемъ даже злыми потомъ, даже предъ дурнымъ поступкомъ устоять будемъ не въ силахъ, надъ слезами человѣческими будемъ смѣяться, и надъ тѣми людьми которые говорятъ, вотъ какъ давеча Коля воскликнулъ: «Хочу пострадать за всѣхъ людей»,—и надъ этими людьми можетъ-быть злобно издѣваться будемъ. А всетаки какъ ни будемъ мы злы, чего не дай Богъ, но какъ вспомнимъ про то какъ мы хоронили Илюшу, какъ мы любили его въ послѣдніе дни, и какъ вотъ сейчасъ говорили такъ дружно и такъ вмѣстѣ у этого камня, то самый жестокій изъ насъ человѣкъ и самый насмѣшливый, если мы такими сдѣлаемся, всетаки не посмѣетъ внутри себя посмѣяться надъ тѣмъ какъ онъ былъ добръ и хорошъ въ эту теперешнюю минуту! Мало того, можетъ быть именно это воспоминаніе одно его отъ великаго зла удержать и онъ одумается и скажетъ: «Да, я былъ тогда добръ, смѣлъ и честенъ». Пусть усмѣхнется про себя, это ничего, человѣкъ часто смѣется надъ добрымъ и хорошимъ; это лишь отъ легкомыслія; но увѣряю васъ, господа, что какъ усмѣхнется, такъ тотчасъ же въ сердцѣ скажетъ: «Нѣтъ, это я дурно сдѣлалъ что усмѣхнулся, потому что надъ этимъ нельзя смѣяться!»

—Это непременно такъ будетъ, Карамазовъ, я васъ понимаю, Карамазовъ! воскликнулъ сверкнувъ глазами Коля. Мальчишки заволновались и тоже хотѣли что-то воскликнуть, но сдержались, пристально и умиленно смотря на оратора.

— Это я говорю на тотъ страхъ что мы дурными сдѣлаемся, продолжалъ Алеша, — но зачѣмъ намъ и дѣлаться дурными, не правда ли господа? Будемъ во первыхъ и прежде всего добры, потомъ честны, а потомъ—не будемъ никогда забывать другъ объ другѣ. Это я опять-таки повторяю. Я слово вамъ даю отъ себя, господа, что я ни одного изъ васъ не забуду; каждое лицо которое на меня теперь, сейчасъ, смотреть, припомню, хоть бы и чрезъ тридцать лѣтъ. Давеча вотъ Коля сказалъ Карташову что мы будто бы не хотимъ знать «есть онъ или нѣтъ на свѣтѣ?» Да развѣ я могу забыть что Карташовъ есть на свѣтѣ и что вотъ онъ не краснѣеть ужъ теперь какъ тогда, когда Трою открылъ, а смотреть на меня своими славными, добрыми, веселыми глазками. Господа, милые мои господа будемъ всѣ великодушны и смѣлы какъ Илюшечка, умны, смѣлы и великодушны какъ Коля (но который будетъ гораздо умнѣе когда подростетъ), и будемъ такими же стыдливыми, но умненькими и милыми, какъ Карташовъ. Да чего я говорю про нихъ обоихъ! Всѣ вы господа милы мнѣ отнынѣ, всѣхъ васъ заключу въ мое сердце, а васъ прошу заключить и меня въ ваше сердце! Ну а кто насъ соединилъ въ этомъ добромъ хорошемъ чувствѣ, объ которомъ мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будемъ, и вспоминать намѣрены, кто какъ не Илюшечка, добрый мальчикъ, милый мальчикъ, дорогой для насъ мальчикъ на вѣки вѣковъ! Не забудемъ же его никогда, вѣчная ему и хорошая память въ нашихъ сердцахъ, отнынѣ и во вѣки вѣковъ!

— Такъ, такъ, вѣчная, вѣчная, прокричали всѣ мальчики, своими звонкими голосами, съ умиленными лицами.

— Будемъ помнить и лицо его, и платье его, и бѣдненькіе сапожки его, и гробикъ его, и несчастнаго грѣшнаго

отца его, и о томъ какъ онъ смѣло одинъ возсталъ на весь классъ за него!

— Будемъ, будемъ помнить! прокричали опять мальчишки, онъ былъ храбрый, онъ былъ добрый!

— Ахъ какъ я любилъ его! воскликнулъ Коля.

— Ахъ дѣточки, ахъ милые друзья, не бойтесь жизни! Какъ хороша жизнь когда что-нибудь сдѣлаешь хорошее и правдивое!

— Да, да, восторженно повторили мальчишки.

— Карамазовъ, мы васъ любимъ! воскликнулъ неудержимо одинъ голосъ, кажется Карташова.

— Мы васъ любимъ, мы васъ любимъ, подхватили и всѣ. У многихъ свергали на глазахъ слезинки.

— Ура Карамазову! восторженно провозгласилъ Коля.

— И вѣчная память мертвому мальчику! съ чувствомъ прибавилъ опять Алеша.

— Вѣчная память! подхватили снова мальчишки.

— Карамазовъ! крикнулъ Коля, неужели и взаправду религія говорить, что мы всѣ встанемъ изъ мертвыхъ и оживемъ и увидимъ опять другъ друга, и всѣхъ, и Илюшечку?

— Непремѣнно встанемъ, неpremѣнно увидимъ и весело, радостно расскажемъ другъ другу все что было, полусмѣясь, полу въ восторгѣ отвѣтилъ Алеша.

— Ахъ какъ это будетъ хорошо! вырвалось у Коли.

— Ну а теперь кончимъ рѣчи и пойдете на его поминки. Не смущайтесь что блины будемъ ѣсть. Это вѣдь старинное, вѣчное и тутъ есть хорошее, засмѣялся Алеша. Ну пойдете же! Вотъ мы теперь и идемъ рука въ руку.

— И вѣчно такъ, всю жизнь рука въ руку! Ура Карамазову! еще разъ восторженно прокричалъ Коля и еще разъ всѣ мальчишки подхватили его восклицаніе.